БЕРНАРД ШОУ

ЛЕНИНГРАД
«ИСКУССТВО»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
1979

БЕРНАРД ШОУ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПЬЕС В ШЕСТИ ТОМАХ

Под общей редакцией
А. А. Аникста, Н. Я. Дьяконовой,
Ю. В. Ковалева, А. Г. Образцовой,
А. С. Ромм, Б. А. Станчица,
И. В. Ступникова

БЕРНАРД ШОУ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПЬЕС
В ШЕСТИ ТОМАХ

Том 3

КАК ОН ЛГАЛ ЕЕ МУЖУ
МАЙОР БАРБАРА
ВРАЧ ПЕРЕД ДИЛЕММОЙ
ИНТЕРЛЮДИЯ В ТЕАТРЕ
ВСТУПЛЕНИЕ В БРАК
РАЗОБЛАЧЕНИЕ БЛАНКО ПОСНЕТА

Дурачества и безделки

СТРАСТЬ, ЯД, ОКАМЕНЕНИЕ, ИЛИ РОКОВОЙ ГАЗОГЕН
ГАЗЕТНЫЕ ВЫРЕЗКИ
ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ НАЙДЕНЫШ
НЕМНОГО РЕАЛЬНОСТИ

НЕРАВНЫЙ БРАК

ББК 84.34 (Вл)
Ш81

Редактор тома И. В. Ступников
Художник Б. В. Власов

Ш $\frac{70600\text{-}070}{025(01)\text{-}79}$ подписное 4703000000

© «Искусство», 1979 г.

КАК ОН ЛГАЛ ЕЕ МУЖУ

1904

HOW HE LIED TO HER HUSBAND

Восемь часов вечера. В ее гостиной на Кромвел-роуд шторы спущены, лампы горят. Входит ее возлюбленный — красивый восемнадцатилетний юноша во фраке и плаще, с букетом цветов и цилиндром в руках. Дверь в углу гостиной; по правую руку от вошедшего — камин, у стены налево — рояль. На инкрустированном столике у камина лежат длинные белые перчатки, ручное зеркало, веер и белое пушистое облачко — нечто вроде воздушного шарфа, которым женщины закутывают голову. Налево, перед роялем, — широкий мягкий табурет. Гостиная меблирована в излюбленном саут-кенсингтонском стиле: другими словами, она почти неотличима от витрины мебельного магазина и выставляет напоказ общественное положение и чековую книжку своих хозяев, в то же время лишая их элементарного комфорта.

Ее возлюбленный — повторим это еще раз — очень красивый юноша, двигающийся словно во сне, ступающий словно по воздуху. Он бережно кладет цветы на столик рядом с веером, снимает плащ и, так как на столике места уже нет, кладет его на рояль, ставит сверху цилиндр; подходит к камину, смотрит на часы, снова прячет их в карман; замечает вещи, которые лежат на столике; светлеет лицом, словно перед ним открываются небеса; снова подходит к столику и обеими руками берет «облачко», зарывается лицом в этот мягкий комок и целует его, целует одну за другой обе перчатки, целует веер, испуская долгий, блаженный вздох; садится на табурет и закрывает глаза руками, чтобы хоть на мгновение оторваться от действительности и помечтать; отнимает руки от лица и с улыбкой покачивает головой, укоряя себя за такое безумство; заметив, что ботинки у него чуть запылились, торопливо, но старательно смахивает с них пыль носовым платком, поднимается, берет со столика ручное зеркало и озабоченно поправляет галстук; снова смотрит на часы, и в эту минуту, взволнованная, в гостиную входит Она. В вечернем туалете, сверкая бриллиантами, очевидно, балованная и капризная, Она кажется молодой и красивой, но, если говорить начистоту, отвлекшись от ее претензий и туалетов, это самая обыкновенная саут-кенсингтонская женщина тридцати семи лет, и в физиче-

ском и в духовном отношении явно уступающая красивому юноше. Увидев ее, Он поспешно кладет зеркало на место.

Он *(целуя ей руку)*. Наконец-то!

Она. Генри! Случилась ужасная вещь!

Он. Что такое?

Она. Я потеряла твои стихи.

Он. Они были недостойны тебя. Я напишу другие.

Она. Нет, покорно благодарю. Довольно с меня стихов. Боже мой, какое безумие! Как я могла поступить так опрометчиво! Так легкомысленно!

Он. Да благословит бог твое безумие, твою опрометчивость, твое легкомыслие!

Она *(нетерпеливо)*. Ах, Генри, перестань говорить глупости! Неужели ты не понимаешь, чем это мне грозит? Вдруг кто-нибудь найдет твои стихи! Что подумают?

Он. Подумают: вот мужчина любил женщину такой преданной любовью, какой мир еще не знал. Но кто он, этот мужчина,— останется для всех тайной.

Она. Нечего сказать — утешение, если для всех станет явным, кто эта женщина!

Он. Но каким образом это могут узнать?

Она. Каким образом? Да ведь там на каждом шагу мое имя — дурацкое, злосчастное имя. Господи! Почему меня не назвали Мэри-Джейн или Глэдис-Мериел, Беатрисой, или Франческой, или Дженифер, или как-нибудь совсем просто! Но Аврора! Аврора! Я единственная Аврора во всем Лондоне, и все это знают. Наверно, и во всем мире нет другой Авроры. И вдобавок это имя так легко рифмуется! Ах, Генри, неужели ты не мог умерить свои чувства хотя бы ради меня? Неужели ты не мог писать немного сдержаннее?

Он. Писать сдержанные стихи о тебе! И ты просишь меня об этом!

Она *(с напускной нежностью)*. Конечно, дорогой, это было очень мило с твоей стороны, и я знаю, мы оба одинаково виноваты. Я должна была сообразить, что такие стихи нельзя посвящать замужней женщине.

Он. О, как бы я хотел, как бы я хотел, чтобы они посвящались незамужней!

Она. Ты не имеешь права так говорить. Эти стихи подходят только замужней женщине. В том-то и беда. Что подумают о них мои золовки?

Он *(неприятно пораженный)*. У тебя есть золовки?

Она. Конечно есть. Ты что, считаешь меня бесплотным ангелом?

Он *(кусая губы)*. Да, помоги мне боже, да, считаю... или считал... или... *(Еле сдерживает рыдания.)*

Она *(смягчаясь и ласково кладя руку ему на плечо)*. Послушай, милый. Конечно, это очень хорошо, что ты лелеешь меня в своих мечтах, любишь меня и тому подобное. Но разве я виновата, что у моего мужа неприятные родственники?

Он *(с облегчением)*. Да, конечно, это родня твоего мужа, я забыл. Прости меня, Аврора! *(Снимает с плеча ее руку и целует.)*

Она садится на табурет. Он продолжает стоять спиной к столику и смотрит на нее с блаженной улыбкой.

Она. Если уж ты хочешь знать, так основное богатство Тэдди — это его родственники. У него восемь родных и шесть сводных сестер и бесконечное количество братьев. Но братья еще туда-сюда. Вот если б ты, Генри, хоть чуточку разбирался в жизни, ты бы знал, что во всех больших семьях сестры грызутся между собой, как бешеные, но стоит только одному из братьев жениться, как они дружно набрасываются на свою несчастную невестку и посвящают остаток жизни тому, чтобы убедить брата: твоя жена недостойна тебя. Они могут говорить это прямо ей в глаза, и она все равно ничего не поймет, потому что у них имеется бесконечное количество глупейших семейных шуточек, которые только им одним и понятны. Для меня половина их разговоров совершеннейшая абракадабра. Это меня просто бесит! Надо издать такой закон, который запрещал бы сестрам появляться в доме женатого брата. Даю голову на отсечение, что стихи у меня из шкатулки выкрала Джорджина.

Он. Я уверен, что она не поймет их.

Она. Ну да, конечно! Еще как поймет! Докопается до таких вещей, которых там и в помине нет. Противная сплетница!

Он *(подходит к ней)*. Ну, не надо, не надо так говорить о людях! Забудь о ней. *(Берет ее за руку и садится на ковер у ее ног.)* Аврора! Помнишь тот вечер, когда я сидел вот здесь, у твоих ног, и в первый раз читал тебе стихи?

Она. И зачем только я это позволила! Стоит мне представить

себе, как Джорджина сядет у ног Тэдди и в первый раз прочтет эти стихи ему, и у меня голова идет кругом.

Он. Да, ты права. Это профанация.

Она. Профанация или нет, мне все равно. А вот что подумает Тэдди? Что он сделает? *(Отталкивает его голову, лежащую у нее на коленях.)* Ты, кажется, совершенно забываешь о Тэдди! *(Вскакивает с места, волнуясь все больше и больше.)*

Он *(лежа на полу, так как толчок вывел его из равновесия)*. Тэдди для меня пустое место, а Джорджина и подавно.

Она. Скоро убедишься, какое она «пустое место». Ты думаешь, если женщина любит посплетничать и одевается, как пугало, так она не может наделать гадостей? Жестоко ошибаешься! *(Мечется по комнате.)*

Он медленно встает и отряхивает пыль с рук. И вдруг она подбегает и бросается ему на шею.

Генри! Помоги мне! Найди какой-нибудь выход, и я всю жизнь буду благословлять тебя. О-о, как я несчастна! *(Рыдает у него на груди.)*

Он. О-о! Как я счастлив!

Она *(отшатнувшись от него)*. Не будь таким эгоистом.

Он *(смиренно)*. Да, я заслужил этот упрек. Но если бы нам пришлось идти вдвоем к позорному столбу, все равно я был бы счастлив от одного того, что мы с тобой вместе; я даже позабыл бы, что опасность угрожает не только мне, но и тебе.

Она *(смягчается и нежно гладит ему руку)*. Ты прелесть, Генри, но *(с раздражением отталкивает его)* пользы от тебя никакой. Хоть бы кто посоветовал мне, что делать?!

Он *(со спокойной уверенностью)*. Наступит час, и нужный совет тебе подаст сердце. Я много думал над этим, и я знаю, что мы должны сделать рано или поздно.

Она. Нет, Генри. Ничего предосудительного, ничего бесчестного я делать не стану. *(Садится на табурет и с непоколебимым видом смотрит на него.)*

Он. Не сомневаюсь, дорогая, иначе ты бы перестала быть Авророй. Наш путь предельно прост, предельно честен, безупречен и правилен. Мы любим друг друга. Я не стыжусь этого: я готов пойти и объявить о нашей любви всему Лондону. Мне будет так же легко это сделать, как рассказать обо всем твоему мужу, когда ты убедишься, — а ты не можешь не убедиться, — что это единственный путь, достойный тебя. Уйдем к нам домой, уй-

дем сегодня же, не таясь, не зная стыда. Не забудь, мы многим обязаны твоему мужу. Мы его гости здесь; он почтенный человек, он был добр к нам, он, может быть, даже любит тебя, насколько это ему позволяет его прозаическая натура и убогий меркантильный мирок, в котором он живет. Чувство долга обязывает нас позаботиться о том, чтобы он услышал правду не из уст сплетницы. Пойдем к нему спокойно, рука об руку, простимся с ним и покинем этот дом открыто, смело, честно, с полным сознанием собственной порядочности, собственного достоинства.

Она *(глядя на него во все глаза)*. Куда же мы пойдем?

Он. Мы ни на волос не отступим от обычного течения нашей жизни. Мы собирались в театр, когда пропажа стихов заставила нас принять решение действовать немедленно. И мы пойдем в театр, но бриллианты твои останутся здесь, потому что мы не можем позволить себе такую роскошь и не нуждаемся в ней.

Она *(раздраженно)*. Я уже говорила тебе, что ненавижу бриллианты; это Тэдди хочет, чтобы я непременно была увешана драгоценностями. Нечего учить меня скромности.

Он. У меня и в мыслях этого не было, дорогая. Я знаю, что эта мишура не имеет для тебя никакой цены. О чем я говорил? Ах да! Вместо того чтобы вернуться из театра сюда, мы пойдем ко мне домой, — теперь уже к *нам* домой, а потом, когда ты получишь развод, мы вытерпим любую процедуру, какая полагается по закону, — все, что ты пожелаешь. Я не придаю этому никакого значения. Моя любовь родилась независимо от закона, и он не в силах связать меня или освободить от моей любви. Все это так просто и так радостно, ведь правда? *(Берет со стола цветы.)* Вот твои цветы, билеты у меня, мы попросим у твоего мужа коляску и этим докажем ему, что между нами нет места злобе и вражде. Пойдем!

Она. Что же ты предлагаешь — пойти к Тэдди и выложить ему все начистоту, объявить, что мы уходим?

Он. Да. Что может быть проще?

Она. И ты воображаешь, Тэдди стерпит это? Да он убьет тебя!

Он *(внезапно останавливаясь, спокойно и уверенно)*. Ты не понимаешь таких вещей, дорогая, да и не можешь понять Я следовал греческим идеалам и не пренебрегал культурой тела. Как все поэты, я увлекаюсь боксом. Будь твой муж в форме да скинь он с плеч лет десять, и то из него

получился бы всего-навсего посредственный боксер в тяжелом весе. А сейчас, даже если его привести в ярость, он сможет продержаться секунд пятнадцать, не больше. У меня хватит подвижности, чтобы не входить с ним в клинч в течение этих пятнадцати секунд, а потом я на него насяду как следует.

Она *(встает и подходит к нему; в глазах у нее ужас)*. То есть как это так «насяду»?

Он *(мягко)*. Не спрашивай, дорогая. Во всяком случае, клянусь тебе, что опасаться за меня нет никаких оснований.

Она. А за Тэдди? Ты собираешься здесь, при мне, драться с Тэдди, как озверелый боксер?

Он. Все эти тревоги напрасны, дорогая. Поверь мне, ничего страшного не случится. Твой муж знает, что я смогу постоять за себя. А в таких случаях дело до драки не доходит. Я первый, конечно, не начну. Человек, любивший тебя когда-то, для меня священен.

Она *(подозрительно)*. А разве он меня больше не любит? Он говорил тебе что-нибудь?

Он. Нет! Нет! *(Нежно обнимает ее.)* Дорогая моя, любимая! Как ты волнуешься! Это так не похоже на тебя! Эти волнения где-то там, внизу. Поднимемся к вершинам. Выси, уединение, царство души!

Она *(избегая его взгляда)*. Нет, довольно. Все это ни к чему, мистер Эпджон!

Он *(уязвленный)*. Мистер Эпджон?!

Она. Прости, я хотела сказать – Генри.

Он. Как ты можешь даже мысленно называть меня мистер Эпджон? Я никогда не думал о тебе как о миссис Бомпас: ты для меня всегда Аврора, Аврора, Авро...

Она. Да, да. Все это прекрасно, мистер Эпджон...

Он хочет прервать ее, но она продолжает.

Нет, ничего не поделаешь, вы вдруг стали для меня мистер Эпджон; «Генри» сейчас как-то неуместно. Я считала вас мальчиком, ребенком, мечтателем. Я думала, что вы никогда ни на что не решитесь. А вы хотите побить Тэдди, разрушить мой семейный очаг, опозорить меня, вы хотите, чтобы газеты подхватили эту скандальную историю. Это жестоко, низко, это недостойно мужчины.

Он *(с грустью, не веря своим ушам)*. Ты боишься?

Она. Конечно боюсь. Вы бы тоже испугались, если б у вас была хоть капля здравого смысла. *(Поворачивается к нему*

спиной, подходит к камину и нервно постукивает ногой по решетке.)

Он *(сосредоточенно глядя на нее)*. Совершенная любовь изгоняет страх. Вот почему я не боюсь. Миссис Бомпас, вы не любите меня.

Она *(поворачивается к нему, со вздохом облегчения)*. Благодарю, благодарю вас, Генри! Какой вы милый, когда захотите.

Он. За что вы благодарите меня?

Она *(жеманясь, подходит к нему)*. За то, что вы снова назвали меня миссис Бомпас. Теперь я знаю, что вы будете благоразумны и отнесетесь ко мне, как истый джентльмен.

Он падает на табурет, закрывает лицо руками и стонет.

Что случилось?

Он. Раз или два в жизни мне чудилось, что я счастлив, блаженно счастлив. Но эти смутные предчувствия, рождающиеся с первым проблеском сознания! Эти удары действительности! Тюремные стены спальни! Горечь пробуждения! И теперь снова! Теперь, когда я был уверен, что это не сон!

Она. Послушайте, Генри! Сейчас не время нести всякую чепуху.

Он вскакивает с табурета, точно она нажала в нем какой-то рычажок и, приведя в действие мощную пружину, выпрямила его тело. Сжав губы, проходит мимо нее к столику.

Ой, осторожнее! Вы чуть не ударили меня головой в подбородок.

Он *(с ядовитой вежливостью)*. Прошу прощения. Что вы от меня хотите? Я к вашим услугам. Я готов быть истым джентльменом, если вы потрудитесь объяснить, что для этого требуется...

Она *(испуганно)*. Благодарю вас, Генри. Я нисколько в этом не сомневалась. Вы не сердитесь на меня, нет?

Он. Говорите. Говорите же! Займите чем-нибудь мои мысли, или я... я... *(Схватив веер, чуть не ломает его, судорожно сжимая в руках.)*

Она *(подбегает к нему и вцепляется в веер, причитая)*. Не ломайте! Что вы делаете!

Он медленно разжимает пальцы, она вырывает веер у него из рук.

Какие глупые шутки! Я не выношу этого! Как вы смеете! *(Открывает веер и видит, что ленточка, соединяющая пластинки, в нескольких местах порвана.)* Ну как вам не стыдно!

Он. Прошу прощения! Я куплю вам новый.

Она *(сварливо)*. Где вы такой найдете? Это мой любимый веер.

Он *(резко)*. Обойдетесь без веера, только и всего.

Она. Очень мило с вашей стороны – исковеркали мой любимый веер да еще грубите.

Он. Если б вы только знали, насколько я был близок к тому, чтобы исковеркать любимую жену Тэдди и преподнести ему одни обломки, вы... вы не хныкали бы над этой дешевенькой дрянью. Благодарите бога, что остались в живых. Черт бы побрал ваш веер!

Она. Перестаньте ругаться. Можно подумать, что вы мой муж.

Он *(снова в изнеможении падает на табурет)*. Это какой-то кошмар! Что с вами сделалось? Где моя Аврора?

Она. Уж если на то пошло, так что с вами сделалось? Неужели вы думаете, я бы стала поощрять ваши ухаживания, зная, что вы такой злюка?

Он. Не тащите меня в эту пропасть! Не надо, не надо! Помогите мне снова выбраться к вершинам.

Она *(опускаясь перед ним на колени, умоляюще)*. Будьте благоразумны, Генри! Поймите, ведь я на краю гибели! И перестаньте твердить, что все это очень просто.

Он. Мне так кажется.

Она *(вскакивая на ноги, вне себя)*. Если вы повторите это еще раз, я сделаю что-нибудь такое, о чем мне придется потом пожалеть. Мы стоим на краю бездны. Я не сомневаюсь, что перешагнуть через нее и покончить со всем этим очень просто. Но неужели вы не можете предложить что-нибудь более приемлемое?

Он. Сейчас я ни на что не способен. Меня окутала холодная черная тьма... Я не вижу ничего, кроме обломков наших сновидений. *(Встает с глубоким вздохом.)*

Она. Ах, не видите? А я вижу. Я вижу, как Джорджина пичкает Тэдди вашими стихами. *(Наступает на него с решительным видом.)* И я заявляю вам, Генри Эпджон: *вы* втянули меня в эту историю, и *вы* должны помочь мне выпутаться из нее.

Он *(вежливо и безучастно)*. Могу сказать только одно: я к вашим услугам. Что прикажете мне делать?

Она. Вы знаете какую-нибудь другую Аврору?

Он. Нет.

Она. Не смейте говорить «нет», да еще таким дурацким ледяным тоном. Вы *обязаны* знать какую-нибудь Аврору.

Он. Вы же сами сказали, что во всем мире нет другой Авроры, кроме вас. *(Поднимает кулаки в порыве нахлынувших на него чувств.)* Боже мой! Вы и были для меня единственной Авророй! *(Отворачивается, пряча от нее лицо.)*

Она *(гладит его по плечу)*. Ну полно, милый, полно! Все это очень трогательно с вашей стороны. Я ценю такое отношение, честное слово, ценю; но сейчас оно совершенно неуместно. Ну послушайте меня. Ведь вы, наверно, знаете эти стихи назубок?

Он. Да, я знаю их назубок! *(Поднимает голову и подозрительно смотрит на нее.)* А вы?

Она. У меня стихи не держатся в голове. Кроме того, все это время я была так занята, что просто не успела прочесть их до конца, но прочту в первую же свободную минуту, обещаю вам, Генри. А теперь постарайтесь вспомнить: попадается там где-нибудь фамилия Бомпас?

Он *(негодующе)*. Нет!

Она. Вы уверены?

Он. Конечно уверен. Неужели я мог вставить такую фамилию в свои стихи!

Она. А что тут такого? Она рифмуется со словом «компас», а компас в нашем положении как нельзя более кстати! Впрочем, вы поэт, вам лучше знать.

Он. Какое это имеет значение сейчас?

Она. Какое? Громадное! Если Бомпас в стихах не упоминается, мы можем сказать, что они написаны другой женщине, а вы показали их мне только потому, что меня тоже зовут Авророй. Так что извольте изобрести какую-нибудь другую Аврору ради такого случая.

Он *(ледяным тоном)*. Если вы хотите, чтобы я солгал...

Она. Неужели вы, порядочный человек, джентльмен, скажете правду?

Он. Вы сломили мой дух, вы осквернили мои сновидения. Хорошо! Буду лгать, отпираться, клянусь честью. Не беспокойтесь, я сумею сыграть роль джентльмена!

Она. Вы хотите свалить все на меня? Это низость, Генри!

Он *(с усилием овладевая собой)*. Вы правы, миссис Бомпас. Виноват. Простите мою вспышку. Это у меня, вероятно, болезнь роста.

Она. Болезнь роста?

О н. Переход от романтической юности к цинизму зрелого возраста обычно занимает пятнадцать лет. Если они сжимаются до пятнадцати минут, такие темпы слишком стремительны, в результате – болезнь роста.

О н а. Неужели сейчас время умничать? Ведь это решено, правда? Вы будете пай-мальчиком и солжете Тэдди, что у вас есть другая Аврора.

О н. Да, теперь меня ничто не остановит. Раньше я говорил ему только половину правды, а теперь исправлю свою ошибку и буду лгать вовсю. Я буду просто упиваться ролью джентльмена.

О н а. Мой милый мальчик, я была уверена в вас. Я... Ш-ш! *(Кидается к двери, открывает ее и прислушивается, затаив дыхание.)*

О н. Что случилось?

О н а *(побелев от ужаса)*. Тэдди!.. Стучит по барометру. А если он подошел к барометру, значит, все в порядке. Может быть, Джорджина ничего ему не сказала? *(Возвращается на цыпочках к камину.)* Сделайте вид, будто ничего не случилось. Дайте мне перчатки, скорей.

Он подает ей перчатки. Она торопливо натягивает одну и с притворным спокойствием застегивает пуговицы.

Отойдите от меня подальше, скорей!

Он отходит от нее, упрямо сжав губы, и останавливается возле рояля, так как дальше идти уже некуда.

Я буду застегивать перчатки, а вы напевайте что-нибудь, тогда, может быть...

О н. Картина преступления будет полная. Ради всего святого, миссис Бомпас, оставьте свою перчатку в покое, вы похожи на карманного воришку.

Входит ее м у ж – цветущего вида, хорошо одетый коммерсант. У него короткая толстая шея, квадратный подбородок, но глаза веселые, а по линии рта можно судить, что это натура доверчивая. Выражение лица у него серьезное, но без тени недовольства – скорее наоборот.

М у ж. Хэлло! А я думал, вы в театре.

О н а. Я так беспокоилась, Тэдди. Почему ты не пришел к обеду?

М у ж. Я получил записку от Джорджины. Она просила заехать к ней.

О н а. Милая Джорджина! Как жаль, что я всю эту неделю не могла к ней выбраться. Надеюсь, у нее все благополучно?

Муж. Да, но она беспокоится о моем благополучии... и о твоем.

Она бросает на Генри испуганный взгляд.

Кстати, Эпджон, мне бы хотелось поговорить с вами, если Аврора согласится обойтись без вас минуты две-три.

Он *(сухо)*. Я к вашим услугам.

Муж. Торопиться некуда, успеем после театра.

Он. Мы решили не ходить в театр.

Муж. Вот как! Тогда, может, переберемся в мою берлогу?

Она. Зачем? Лучше я уйду, мне все равно надо спрятать бриллианты, раз мы не идем в театр. Дай мне мои вещи.

Муж *(подает ей пушистое облачко и зеркало)*. Ну что ж, здесь, кстати, и места больше.

Она *(оглядываясь по сторонам и расправляя плечи)*. Я, пожалуй, тоже за просторное помещение.

Муж. Так если ты не возражаешь, Рори...

Она. Нет, нет, пожалуйста. *(Уходит.)*

Как только двое мужчин остаются одни, Бомпас неторопливо вынимает из бокового кармана тетрадку стихов, смотрит на нее в раздумье, потом смотрит на Генри, стараясь привлечь его взгляд. Генри прилагает все усилия, чтобы сохранить безмятежный вид.

Муж. Разрешите спросить, вам знакома эта рукопись?

Он. Рукопись?

Муж. Да. Может быть, вы хотите взглянуть на нее поближе? *(Сует тетрадку ему под нос.)*

Он *(разыгрывая приятное изумление)*. Да это мои стихи!

Муж. Как будто так.

Он. Какой ужас! Миссис Бомпас показала их вам! Вы, должно быть, считаете меня круглым идиотом. Но это было так давно! Я начитался суинберновских «Песен перед восходом солнца» и не успокоился до тех пор, пока сам не настрочил несколько песен Восходящему солнцу. Помните? «Аврора – розовоперстая Аврора». Они все полны Авророй. Когда миссис Бомпас сказала мне, что ее зовут Авророй, я не устоял перед искушением и дал ей почитать. Но мне и в голову не пришло, что она может представить их на ваш суровый суд.

Муж *(ухмыляясь)*. Эпджон! Вы за словом в карман не полезете! Вам сам бог велел стать сочинителем. Мы с Рори еще будем гордиться, что принимаем у себя знаменитость. Каких только вралей мне не приходилось слушать – и постарше вас были, да где им с вами тягаться!

Он *(прикидываясь удивленным)*. Неужели вы хотите сказать, что не верите мне?

Муж. Неужели вы надеетесь, что я поверю?

Он. Почему же нет? Не понимаю.

Муж. Бросьте. Нечего прикидываться дурачком, Эпджон. Прекрасно вы все понимаете.

Он. Клянусь вам, я совершенно не знаю, что подумать. Может быть, вы потрудитесь разъяснить свои слова?

Муж. Не надо переигрывать, дружок! Но раз уж на то пошло, я не поскуплюсь на разъяснения. Если вы воображаете, что эти стихи звучат так, будто они написаны не о живой женщине, а о том холодном, промозглом времени дня, ради которого вы ни разу в жизни не вставали с постели, — это не делает чести вашему таланту; а я, заметьте, могу ценить и уважать его не меньше, чем кто-либо другой. Ну, признавайтесь! Вы посвятили эти стихи моей жене?

Внутренняя борьба мешает Генри ответить.

Ну конечно! *(Бросает тетрадку на стол, подходит к коврику перед камином, останавливается там в монументальной позе и, слегка посмеиваясь, выжидает дальнейшего хода Генри.)*

Он *(сухо, взвешивая каждое слово)*. Мистер Бомпас, вы ошибаетесь, клянусь вам. Надо ли говорить, что миссис Бомпас — женщина с незапятнанной репутацией — не способна допустить по отношению ко мне ни одной недостойной мысли. Тот факт, что она показала вам мои стихи...

Муж. Это совсем не факт. Они попали ко мне в руки помимо нее. Она мне их не показывала.

Он. Разве это не говорит о том, что мои стихи абсолютно невинны? Миссис Бомпас не замедлила бы показать их вам, если б она приняла вашу совершенно необоснованную точку зрения.

Муж *(потрясенный)*. Эпджон, будьте честны. Не клевещите на свои умственные способности. Неужели вы думаете, что я разыгрываю из себя дурака?

Он *(серьезно)*. Так и получается, уверяю вас. Даю вам честное слово джентльмена, что я никогда не питал к миссис Бомпас никаких других чувств, кроме самого обычного уважения и признательности за приятное знакомство.

Муж *(коротко; впервые за все время проявляя раздражение)*. Ах, вот как! *(Отходит от камина и медленно прибли-*

жается к Генри, оглядывая его с головы до ног с возрастающей неприязнью.)

Он *(стараясь закрепить впечатление от своей лжи)*. Мне бы и в голову не пришло писать ей стихи. Это полнейший абсурд.

Муж *(зловеще багровея)*. Почему абсурд?

Он *(пожимая плечами)*. Да я просто не восхищаюсь миссис Бомпас, не чувствую к ней ничего такого...

Муж *(кричит Генри прямо в лицо)*. Разрешите вам сказать, что миссис Бомпас восхищались более достойные люди, чем такой пронырливый щенок, как вы.

Он *(ошеломленный)*. К чему такие оскорбления? Даю вам честное слово джен...

Муж *(вне себя от ярости, ничего не слушая, теснит Генри все дальше и дальше к роялю)*. Вы не восхищались миссис Бомпас! Вам и в голову не приходило посвящать ей стихи! Моя жена недостаточно хороша для вас! *(Кричит яростно.)* А кто вы такой, скажите, пожалуйста, чтобы так задирать нос?

Он. Мистер Бомпас, я допускаю, что ревность способна...

Муж. Ревность? Да неужто вы вообразили, что я ревную к *вам*? И не подумаю, даже к десятку таких, как вы. Но если вам кажется, что я позволю оскорблять мою жену в ее же собственном доме, то вы жестоко ошибаетесь!

Он *(зажатый между роялем и наступающим Тэдди)*. Ну как мне убедить вас? Будьте благоразумны. У нас с миссис Бомпас далекие отношения, мы совершенно равнодушны друг к другу...

Муж *(презрительно)*. Повторите, ну-ка повторите это еще раз! Вы как будто гордитесь этим? Эх, о вас даже руки марать не хочется!

Совершенно неожиданно Генри использует прием, называющийся у боксеров уклоном, и меняется местами с мужем, который оказывается теперь зажатым между ним и роялем.

Он. Довольно! Я больше не намерен это терпеть.

Муж. Ого! Да вы, оказывается, не робкого десятка! Молодец, молодец!

Он. Это нелепо! Уверяю вас, что миссис Бомпас совершенно...

Муж. Хотел бы я знать, за кого вы принимаете миссис Бомпас? Я вам сейчас доложу, что такое миссис Бомпас. Это самая элегантная женщина из самого элегантного общества в Саут-Кенсингтоне! Красавица, умница! Перед та-

кой обольстительной женщиной не устоит ни один, даже самый искушенный мужчина, что бы там ни говорили о ней всякие зазнавшиеся рифмоплеты, на которых ничем не угодишь. Это признано самыми известными людьми нашего круга, а вы будто ничего не знаете! Так что это доказывает? Только то, что вы человек безвестный, ничтожный! Три или четыре режиссера предлагали ей сотню фунтов в неделю, согласись она выступать на сцене. И я думаю, они не хуже вас понимают, что делают. Единственный более или менее представительный мужчина в кабинете министров пренебрег делами государственной важности ради того, чтобы потанцевать с ней, хотя сам он не принадлежал к нашему кругу. Лучший поэт Бедфордпарка написал в ее честь сонет, который один стоит всей вашей любительской брехни. На прошлогодних скачках в Аскоте старший сын одного герцога отказался прийти ко мне с визитом только потому, что его чувства к миссис Бомпас противоречили его долгу по отношению ко мне как к хозяину дома; и это делало честь нам обоим. А для *вас (с возрастающей яростью)*, для *вас* она, видите ли, недостаточно хороша! Вы к ней холодны, равнодушны и имеете наглость заявлять об этом мне прямо в лицо. Да я вам нос расквашу, может быть, тогда вы повежливей станете! Знакомить вас с интересной женщиной — все равно что метать бисер перед свиньей. *(Кричит на него.)* Перед *свиньей*! Слышите?

Он *(к сожалению, забыв свои хорошие манеры)*. Только посмейте еще раз назвать меня свиньей... я так вас двину по физиономии, что вам на неделю хватит звона в ушах!

Муж *(вне себя)*. Что? *(Налетает на Генри, точно разъяренный бык.)*

Генри занимает оборонительную позицию, обнаруживая повадку хорошо натренированного боксера, и ловко увертывается от удара, но, к несчастью, забывает о табурете, который стоит сзади. Валится навзничь, нечаянно толкая табурет под ноги Бомпасу, и тот падает на него. Миссис Бомпас с воплями влетает в комнату, бросается к поверженным бойцам, садится на ковер и правой рукой обнимает мужа за шею.

Она. Тэдди, перестань, перестань! Он убьет тебя, он же настоящий боксер!

Муж *(горя мщением)*. Я ему покажу настоящего боксера! *(Пробует вырваться из ее объятий, но тщетно.)*

Она. Генри, не дразните его! Ну я прошу вас!

Он *(жалобно)*. У меня громадная шишка на затылке. *(Приподнимается с пола.)*

Она *(хватает Генри левой рукой за фалды и не дает ему встать, правой продолжая обнимать Тэдди)*. Нет, сначала обещайте мне, что не будете драться, обещайте оба! *(Тэдди приподнимается, но она снова притягивает его к себе.)* Тэдди, ведь ты обещаешь? Ну скажи — да! Будь умницей!

Муж. Нет, пусть он сначала возьмет свои слова обратно.

Она. Возьмет, возьмет! Вы берете свои слова обратно, Генри? Да?

Он *(свирепо)*. Да! Беру!

Она отпускает его фалды. Он встает. То же самое делает и Тэдди.

Я беру назад все! Все до последнего слова.

Она *(сидя на ковре)*. А мне никто не поможет встать?

Оба поднимают ее.

Теперь протяните друг другу руки и будьте умницами.

Он *(не задумываясь)*. Ни за что! Я погряз во лжи ради вас, и мое единственное вознаграждение — это шишка на затылке величиной с яблоко. Но теперь я снова вернусь на правильный путь.

Она. Генри! Ради бога...

Он. Бесполезно. Ваш муж дурак и скотина...

Муж. Что вы сказали?

Он. Я говорю, что вы дурак и скотина. Потрудитесь выйти со мной отсюда, и я скажу это еще раз.

Тэдди снимает пиджак, готовясь к бою.

Эти стихи *действительно* были посвящены вашей жене, все до последней строчки,— только ей, никому другому.

Свирепая мина сходит с лица Бомпаса. Просияв, он снова надевает пиджак.

Я написал эти стихи потому, что любил ее. Она была для меня самой прекрасной женщиной в мире, и я повторял ей это сотни раз. Я обожал ее, слышите? Я называл вас тупым дельцом, недостойным такой женщины,— и это правда.

Муж *(настолько польщен всем этим, что боится верить своим ушам)*. Не может быть!

Он. Еще как может! Вы еще не то услышите. Я просил миссис Бомпас уйти со мной из этого дома, оставить вас, развестись с вами и выйти замуж за меня. Я умолял, настаивал еще сегодня вечером. И только после ее отказа мне стало ясно, что между нами все кончено. *(Презрительно глядя на него.)* И что только она в вас находит, одному богу известно!

Муж *(полный раскаяния)*. Дорогой мой, что же вы раньше этого не сказали? Извините меня. Ну, перестаньте сердиться. Дайте руку. Рори, заставь его дать мне руку.

Она. Ради меня, Генри. В конце концов, ведь это мой муж. Простите его. Пожмите ему руку.

Оторопевший Генри позволяет ей соединить свою руку с рукой Тэдди.

Муж *(горячо трясет ее)*. Признайтесь, что ни одна из ваших литературных героинь и в подметки не годится моей Рори. *(Поворачивается к жене и с горделивой нежностью похлопывает ее по плечу.)* А, Рори? Перед тобой никто не устоит, никто! Нет такого мужчины, который продержался бы больше трех дней.

Она. Перестань говорить глупости, Тэдди. Генри, вы не очень ушиблись? *(Щупает ему затылок. Он ежится.)* Бедный мальчик, какая шишка! Сейчас велю принести уксус и восковую бумагу. *(Звонит.)*

Муж. Хотите сделать мне большое одолжение, Эпджон? Я не люблю просить, но это было бы просто замечательно для нас обоих.

Он. Чем могу быть полезен?

Муж *(берет тетрадку со стихами)*. Разрешите мне напечатать их! Будет сделано как нельзя лучше. Прекрасная бумага, роскошный переплет – я не поскуплюсь. Это же замечательные стихи! Мне бы хотелось показать их кое-кому.

Она *(подбегает, восхищенная этой затеей, и становится между ними)*. Генри, ведь вы не будете возражать!

Он. Нет, я не возражаю. Теперь мне все равно.

Муж. А как мы назовем ваш томик? «Авроре» или что-нибудь в этом роде, а?

Он. Я бы предпочел другое название: «Как он лгал ее мужу».

МАЙОР БАРБАРА

**Дискуссия
в трех
действиях**

1906

MAJOR BARBARA

ПЕРВАЯ ПОМОЩЬ КРИТИКАМ

Прежде чем углубляться в анализ «Майора Барбары», разрешите мне, защищая честь английской литературы, выразить протест против непатриотичной привычки, приобретенной моими критиками. Едва им покажется, будто то или иное мое мнение выходит за рамки представлений, скажем, заурядного провинциального церковного старосты, как они делают вывод, что я перепеваю Шопенгауэра, Ницше, Ибсена, Стриндберга, Толстого или еще кого-нибудь из ересиархов северной или восточной Европы.

Сознаюсь, есть что-то лестное в этой простодушной вере в мои достоинства как полиглота и в мою эрудицию как философа. Однако я не могу поддержать исходной посылки, будто жизнь и литература на наших островах столь убоги, что за всяким драматическим материалом необщего порядка и за идеями, отличающимися мало-мальской глубиной, нам нужно ездить за границу. Поэтому осмелюсь ознакомить моих критиков с некоторыми фактами касательно моих взаимоотношений с современными идеями.

Лет пятьдесят назад ирландский писатель Чарлз Ливер написал книгу «Однодневная поездка: роман жизни». Ее начал печатать в «Домашнем чтении» Чарлз Диккенс, но она до такой степени пришлась не по вкусу читательской публике, что Диккенс посоветовал Ливеру поскорее закругляться. В детстве я читал отрывки из романа, и он произвел на меня неизгладимое впечатление. Герой был очень романтический, он старался жить мужественно, рыцарски и ярко с помощью одного лишь воображения, питаемого из романтического источника, но не имея за душой ни стойкости духа, ни средств, ни познаний, ни опыта, не имея за душой ничего реального, кроме жизненных аппетитов. В злополучных столкновениях незадачливого героя с жизнью я даже в детстве уловил привкус горечи, несвойственный, как правило, романтической беллетристике. Несмотря на провал, книга жива до сих пор: я видел заглавие в таушницевском каталоге.

Так почему же, когда я тоже пишу о трагикомической иронии конфликта между реальной жизнью и романтическим воображением, критики никогда не связывают меня с моим со-

отечественником и непосредственным предшественником Чарлзом Ливером, а с уверенностью возводят меня к норвежскому автору, на языке которого я не знаю и трех слов и о котором и вообще-то услыхал годы спустя после того, как Шоу самым недвусмысленным образом сформулировал свое Anschauung[1] *в сочинениях, где полным-полно того, что десять лет спустя походя назвали ибсенизмом? Да я не мог быть ибсенистом даже из вторых рук, так как Ливер, возможно, и прочитавший Анри Бейля, alias*[2] *Стендаль, уж наверняка не читал Ибсена. Книг, сделавших Ливера популярным, а именно «Чарлз О'Малей» и «Гарри Лорекер», я не читал и знаю только названия и некоторые иллюстрации. Но история однодневной поездки и романа жизни Потса (претендующего на родство с Поццо ди-Борго) увлекла меня и очаровала, показавшись мне странной и необыкновенной, хотя я уже все знал про Альнашара, Дон Кихота, Симона Таппертита и многих других романтических героев, осмеянных реальной действительностью. Начиная с пьес Аристофана и кончая повестями Стивенсона это осмеяние знакомо всем, кто как следует напичкан литературой.*

В чем же заключалась новизна повествования Ливера? Отчасти, полагаю, в необычной серьезности отношения к болезни Потса. В прежние времена контраст между безумием и здоровой психикой казался комическим: Хогарт изображает, как светские люди целыми компаниями ходили в Бедлам, чтобы посмеяться над умалишенными. Мне и самому демонстрировали деревенского дурачка как нечто потрясающе смешное. На сцене помешанный был когда-то штатной комической фигурой, потому-то Гамлет был уже готов, чтобы стать Гамлетом, еще до того, как Шекспир взялся за него. Оригинальность шекспировской версии состоит в том, что он отнесся к помешанному с сочувствием, всерьез и таким образом приблизился к восточному взгляду на безумие: как знать, не замаскированное ли это наитие, раз человек, у которого ума больше, чем у его ближних, для них такой же сумасшедший, как и тот, у кого ума меньше. Но для Пистоля и Пароля Шекспир не сделал того же, что он сделал для Гамлета. Тот тип безумца, который представляли они, тип романтического фантазера, оказался за пределами сочувствия в литературе: его презирали и осмеивали здесь так же безжалостно, как и на востоке под именем Альнашара и несколько веков спустя неотвратимо осмеяли под именем Симона Таппертита. Если Сервантес сжалился над Дон Кихотом,

---

[1] Мировоззрение *(нем.)*.

[2] Иначе *(лат.)*.

а Диккенс над Пиквиком, то не от беспристрастности, а оттого, что они перешли на их сторону и из прежних насмешников превратились в друзей и защитников.

С романом Ливера дело обстоит совсем по-другому. Там нет сострадания к Потсу, Потс так и не завоевывает нашей симпатии, как завоевывают ее Дон Кихот и Пиквик, у него нет даже безрассудной удали Таппертита. Но смеяться над Потсом мы не рискуем, ибо каким-то образом узнаем в нем себя. Быть может, у нас, хотя бы у некоторых из нас, хватает стойкости, физической силы, везения, такта, или умения, или ловкости, или познаний для того, чтобы лучше, чем он, выпутываться из обстоятельств: провести тех, кто видит его насквозь; очаровать Катинку, которая так безжалостно отвергает Потса в конце романа. Но при всем при том мы знаем, что Потс — важнейшая часть нас самих и мира и что социальной проблемой является не проблема книжных героев старого образца, а проблема Потсов и того, как сделать из них людей. Возвращаясь к высказанному выше, мы испытываем такое чувство (и его никогда не рождают Альнашар, Пистоль, Пароль и Таппертит), словно Потс есть элемент подлинно научной естественной истории, а не просто развлекательной. Автор не бросает камня в существо другого, низшего разряда, нет, он пишет исповедь, и в результате камень основательно бьет каждого из нас по сознанию и больно задевает наше самоуважение. Поэтому-то книга Ливера и не пришлась читателям «Домашнего чтения». Именно эта ссадина на чувстве достоинства и заставляет критиков поднимать крик про ибсенизм. Заверяю их, что ощущение это перешло ко мне от Ливера, а к нему, возможно, от Бейля или, по крайней мере, возникло из атмосферы книг Стендаля. Гипотезу об абсолютной оригинальности Ливера я исключаю, ибо человек так же не может быть абсолютно оригинальным, как не может дерево вырасти из воздуха.

Еще одно заблуждение относительно моих литературных предков возникает всякий раз, как я нарушу романтическую условность, основывающуюся на том, что все женщины ангелы, если они не дьяволы; что они красивее мужчин; что их роль в период ухаживания чисто пассивная и что женская фигура — самое совершенное произведение природы. Шопенгауэр написал желчное эссе, и поскольку его нельзя назвать ни вежливым, ни глубоким, оно, очевидно, задумано для того, чтобы нанести сногсшибательный удар этой галиматье. Широко цитировалась фраза, провозглашающая фетишизируемую форму уродливой. Английские критики фразу эту прочитали, и я утверждаю со всей возможной мягкостью, какая согласуется с этим утвер-

ждением, что глубже они и не копнули. Во всяком случае, стоит какому-нибудь английскому драматургу изобразить молодую, достигшую брачного возраста женщину кем угодно, только не романтической героиней – и его ничтоже сумняшеся обзывают эпигоном Шопенгауэра. Мой случай особенно трудный, потому что, когда я заклинаю критиков, одержимых манией всюду усматривать влияние Шопенгауэра, помнить, что драматурги, как и скульпторы, берут своих персонажей из жизни, а не из философских сочинений, критики со страстью возражают, что я не драматург и действующие лица в моих пьесах неживые. Пусть так, но я все равно имею право спросить их и спрашиваю: почему в таком случае, если уж им непременно нужно приписывать честь создания моих пьес какому-нибудь философу, то почему не приписать английскому? Задолго до того, как я прочел хоть одно слово из Шопенгауэра и даже не ведал, философ он или химик, возрождение социалистических идей в 80-е годы столкнуло меня в литературном и личном плане с Эрнестом Белфортом Бэксом, английским социалистом и автором философских сочинений, чья трактовка современного феминизма могла бы вызвать романтический протест у самого Шопенгауэра или даже у Стриндберга. Честно говоря, шопенгауэровские нападки на женщин, попавшие в поле моего зрения позднее, показались мне просто слабыми, настолько Бэкс приучил меня к мужской (гомоистской) позиции и заставил увидеть, до какой степени общественное мнение, а вследствие того суд и законодательство развращены феминистскими настроениями.

В своих сочинениях Белфорт Бэкс не ограничивался женским вопросом. Он еще и жестоко бичевал современную мораль. Другие авторы добивались сочувствия к сенсационным преступникам, выявляя так называемое «доброе начало в мире зла», но Бэкс представляет на суд читателей совершенно не сенсационное, а вполне даже захудалое нарушение нашего торгового права и морали, и не просто защищает его с самым обескураживающим простосердечием, но и всерьез доказывает, что всякий здравомыслящий человек просто обязан совершать эти нарушения и помешать ему, может разве что боязнь судебного преследования. Социалисты, люди по большей части до отвращения нравственные, были, естественно, шокированы. Но это их, по крайней мере, спасло от иллюзии, будто один только Ницше и бросал вызов нашей торгашеской христианской морали. Впервые имя Ницше я услыхал от немецкого математика мисс Борхардт, которая, прочтя мою «Квинтэссенцию ибсенизма», сказала мне, что сразу видно, кого я читал – Ницше, и именно

• По ту сторону добра и зла». Заверяю, что до той поры я в руках его не держал, а если бы и держал, то не мог бы им насладиться в полной мере по недостаточному знанию немецкого.

Ницше, как и Шопенгауэр, стал в Англии жертвой одной своей много цитируемой фразы, содержащей выражение «белокурая бестия». Это звучное словосочетание дало повод считать, что Ницше заработал свою репутацию в Европе бессмысленным прославлением позиции силы. Точно так же, основываясь на одном лишь слове «сверхчеловек» (Übermensch), заимствованном мною у Ницше, заключают, что я вижу спасение общества в деспотизме какого-то одного сверхчеловека наполеоновского толка, хотя уж как я стараюсь показать все безрассудство этого устаревшего увлечения! Даже не столь оголтело поверхностные из критиков убеждены, будто современное выступление против христианства как пагубной рабской морали было впервые предпринято Ницше. Однако это мнение было мне знакомо уже тогда, когда про Ницше я еще и слыхом не слыхал. Покойный капитан Уилсон, автор нескольких странных памфлетов, пропагандист метафизической системы, называемой компрехенционизм, изобретатель термина «крестианство», введенного им для того, чтобы выделять реакционный элемент в христианском мире, тридцать лет тому назад на дискуссиях Общества диалектиков имел обыкновение обрушиваться на положения Нагорной проповеди, оправдывающие, по его мнению, трусость и рабскую покорность, которые разрушительно действуют на нашу волю, а следовательно на нашу честь и мужественность. Надо оговориться, что критика капитаном Уилсоном христианства с точки зрения морали не есть историческая теория, подобная теории Ницше, но эта оговорка не применима к Стюарту-Гленни, последователю Бокля, занимавшемуся, как и Бокль, историей философии. Стюарт-Гленни посвятил жизнь разработке и распространению своей теории, состоящей в том, что период христианства есть часть эпохи (вернее, часть недоразумения, поскольку настала эта эпоха всего 6000 лет до н. э. и уже заходит в тупик), начавшейся тогда, когда находившиеся в меньшинстве белые расы пришли к необходимости закрепить свою власть над цветными расами с помощью духовенства; они возвели тяжкий труд и покорность в этом мире в добродетель и в массовую религию, сделав из них не только средства достижения святости характера, но и снискания себе награды на том свете. Таким образом, положение о морали рабов было сформулировано моим знакомым шотландским философом задолго до всей нашей болтовни о Ницше.

Поскольку Стюарт-Гленни вывел эволюцию общества из расовых противоречий, его теория произвела некоторую сенсацию среди социалистов, иначе говоря — среди тех, кто единственно задумывался серьезно об исторической эволюции, тем более что она столкнулась с теорией классовых противоречий Карла Маркса. Ницше, как я понимаю, считал, что рабскую мораль придумали и навязали миру рабы, прикидывавшиеся свободными в своих поступках и делавшие из рабства религию. Стюарт-Гленни же считал мораль рабов изобретением белой, высшей расы, которая желала подчинить душу низших рас, чтобы их эксплуатировать, боясь, что те своим числом уничтожат ее, если душа их не будет приведена к покорности. Поскольку процесс этот еще не закончился и его можно непосредственно изучать в наших церковных школах и на примере борьбы между нынешними собственническими классами и пролетариатом, а также по той роли, какую играет христианское миссионерство, старающееся заставить черные расы Африки смириться с подчинением европейскому капитализму, — мы можем судить сами, исходит ли инициатива сверху или снизу.

Цель сего предисловия не исторический спор по поводу исторической точки зрения, а просто желание пристыдить наших театральных критиков, чтобы им неповадно было рассматривать Британию как интеллектуальную пустыню и неизменно предполагать, что любая философская идея, любая историческая концепция, любое порицание наших воспитательных, религиозных и правовых заведений — либо иностранный товар, либо фантастическая шутка весьма сомнительного свойства, начисто не имеющая отношения ко всей совокупности накопленных идей. Убедительно прошу их помнить, что этот организм произрастает очень медленно и очень редко цветет, и если есть на философском уровне такое понятие, как нечто само собой разумеющееся, то оно заключается в том, что каждый индивидуум вносит в этот комплекс лишь самый малый вклад. По сути дела, представление, что умные личности производят на свет законченные и оригинальные космогонические теории партеногенетическим путем, одним лишь напором присущего им «блеска», есть элемент невежественного легковерия, которое составляет горе честного философа и доставляет радость шарлатану от религии.

Именно это легковерие побуждает меня прийти на помощь моим критикам и разъяснить, что́ им писать о «Майоре Барбаре». В миллионере Андершафте я изобразил человека, который интеллектуально и духовно, а также практически постиг простую и неотразимую истину, которой мы все страшимся и от которой открещиваемся, а именно: величайшее зло нашего времени и худшее из наших преступлений — нищета, и поэтому наш первейший долг, во имя которого надо жертвовать всеми другими соображениями, это не быть бедным. «Бедный, но честный», «почтенная бедность» и тому подобные выражения так же нестерпимы и аморальны, как выражения «пропойца, но милый», «мошенник, но отлично произносит поздравительные спичи», «великолепный преступник» и тому подобное. Безопасность — главное, на что претендует цивилизация,— немыслима там, где самая страшная из опасностей — угроза нищеты нависает у всех над головой и где пресловутая неприкосновенность личности есть лишь случайный результат наличия полиции, чье занятие фактически не защищать от насилия, а насильно заставлять бедняков взирать на то, как дети их умирают с голоду, в то время как бездельники обкармливают своих комнатных собачек, когда на эти же деньги могли бы накормить и одеть этих детей.

Чрезвычайно трудно заставить людей осознать, что зло есть зло. Например, мы хватаем человека и сознательно причиняем ему вред, сажая, скажем, на несколько лет в тюрьму. Казалось бы, не требуется никакой исключительной ясности ума, чтобы усмотреть в этом поступке дьявольскую жестокость. Однако в Англии такое утверждение вызывает удивленный взгляд, а за ним разъяснение, что это не что иное, как наказание или акт правосудия или еще что-нибудь такое же правильное, или же следует запальчивая попытка доказать, что нас всех ограбят и перережут в постелях, если не совершать таких безмозглых злодейств, как приговоры к тюремному заключению. Бесполезно убеждать, что, если даже и так (а это не так), все равно добавление собственных преступлений к преступлениям, от которых мы страдаем сами, и смиренная покорность — не есть альтернатива. Ветрянка — зло. Но если бы я заявил, что мы должны либо смириться с ней, либо сурово подавить ее, хватая больных и наказывая их прививками черной оспы, я стал бы всеобщим посмешищем. И верно, хотя никто не станет отрицать, что в конечном счете ветрянку таким путем до некоторой степени приостановили бы, так как люди ку-

да старательнее избегали бы заразиться ею, а заразившись, научились бы тщательно это скрывать и тем создавать видимость ее отсутствия, все же у людей хватило бы здравого смысла понять, что сознательное распространение черной оспы — не что иное, как зло, а следовательно, должно быть отвергнуто в пользу истинно гуманных санитарных мер.

Однако в совершенно аналогичном случае, когда человек проникает ко мне в дом и крадет бриллианты моей жены, от меня в обязательном порядке требуется украсть у него десять лет жизни, мучая его в продолжение всех этих лет. Если, пытаясь отвести от себя это чудовищное возмездие, он меня застрелит, мои наследники его повесят.

Полицейская статистика показывает, что в конечном результате, зверски расправляясь с одним пойманным громилой, мы заставляем остальных принимать самые эффективные меры, чтобы не попасться, и таким образом вместо того, чтобы уберечь бриллианты наших жен, намного понижаем наши шансы вообще вернуть их и увеличиваем шансы быть застреленными, доведись нам, на наше несчастье, застигнуть громилу на месте преступления.

И тем не менее бездумная аморальность, с какой мы щедро одаряем нравственных инвалидов и энергичных бунтовщиков приговорами — тюремное заключение, пытка одиночной камерой, голодом, топчаном, поркой, — ничто по сравнению с дурацким легкомыслием, с каким мы допускаем существование нищеты, как будто нищета то ли целебное тонизирующее средство для лентяев, то ли добродетель, которую следует принять с радостью, как приял ее св. Франциск. Раз человек ленится — пусть живет в нищете. Раз он пьет — пусть живет в нищете. Раз он низкого происхождения — пусть живет в нищете. Раз он тяготеет к изящным искусствам или к чистой науке, а не к торговле и финансам — пусть живет в нищете. Раз предпочитает тратить свои городские восемнадцать шиллингов в неделю или сельские тринадцать на пиво и семью, а не откладывать их на старость — пусть живет в нищете. Ничего не делайте для «недостойного» — пусть живет в нищете. Так ему и надо! И в то же время — слегка непоследовательно — благословенны будь бедняки!

Постойте, что же означает это «пусть живет в нищете»? Означает — пусть будет слабым. Пусть будет невежественным. Пусть будет гнездилищем болезней. Пусть будет живым воплощением уродства и грязи. Пусть дети у него болеют рахитом. Пусть он стоит дешево и пусть стягивает до своей цены ближних, продаваясь, чтобы делать их работу.

Пусть его жилище превратит наши города в ядовитые скопления трущоб. Пусть его дочери заражают наших юношей болезнями улицы, а его сыновья мстят за него, вырастая золотушными, трусливыми, жестокими, лицемерными, политически слабоумными и порождая все другие плоды гнета и голодания, чем способствуют вырождению мужского начала страны. Пусть недостойный станет еще более недостойным, а достойный пусть накапливает для себя не райские сокровища в небесах, а адские ужасы на земле. А коли так, то умно ли оставлять его в нищете? Не причинит ли он в десять раз меньше вреда в качестве преуспевающего громилы, поджигателя, насильника или убийцы,— доведенных до крайнего воплощения сравнительно слаборазвитых тенденций человечества? Предположим, мы упразднили бы все виды наказаний за подобного рода деятельность и порешили, что нищета — единственное, чего мы не потерпим, что всякого взрослого с годовым доходом меньше 365 фунтов надо безболезненно, но неумолимо убивать, каждого голодного полуголого ребенка насильно откармливать и одевать — не внесло ли бы это невероятного улучшения в существующую систему, которая уже изничтожила так много цивилизаций и заметно изничтожает тем же способом нашу?

Есть ли зачатки такого законодательства в нашей парламентской системе? Пожалуй, да, только-только прорезались два ростка на политической почве, которые способны вырасти во что-то стоящее. Один — введение Минимальной Дозволенной Законом Заработной Платы. Другой — Пенсии по Старости. Но можно бы ввести и кое-что получше. Сколько-то времени назад я упомянул о Всеобщих Пенсиях по Старости в разговоре с моим собратом-социалистом Кобден-Сандерсоном, известным виртуозом переплетного и печатного дела. «А почему уж тогда не всеобщие пожизненные пенсии?» — спросил он. Этими словами он одним махом разрешил индустриальный вопрос.

В наше время мы бессердечно говорим каждому гражданину: «Хочешь денег — заработай», как будто проблема иметь деньги или не иметь их касается только его одного. Мы даже не обеспечиваем ему возможности заработать их, напротив, мы допускаем, чтобы наша промышленность была организована в откровенной зависимости от «запасной армии безработных» и поддерживала ее в целях «эластичности». Самым разумным путем был бы кобден-сандерсоновский: предоставить каждому достаточно для прожития и тем застраховать общество от случаев злокачественной нищеты, но всенепременно проследить, чтобы каждый честно отработал все, что ему положено.

Андершафт, герой «Майора Барбары», постиг, что бедность есть преступление, и понимает, что, когда общество предлагает ему на выбор бедность или прибыльную торговлю смертью и разрушением, оно предлагает выбор не между преуспевающим злодейством и смиренной добродетелью, а между активной предприимчивостью и трусливым бесчестьем. Его поведение выдерживает испытание кантовским императивом, а поведение Питера Шерли не выдерживает. Питер Шерли — это тот, кого мы называем честный бедняк. Андершафт — тот, кого мы называем нечестивый богач. Шерли — Лазарь, Андершафт — бессердечный богач, у чьих ворот лежал Лазарь. Так вот, причина горестей мира в том, что большая часть людей поступает и думает, как Питер Шерли. Если бы они поступали и думали, как Андершафт, немедленным следствием явилась бы революция, несущая неисчислимые блага. Быть богатым, заявляет Андершафт, для меня дело чести, и ради этого я готов убивать, рискуя собственной жизнью. Эта готовность, по его словам, есть конечное испытание на искренность. Подобно средневековому герою Фруассара, понимавшему, что грабить и обирать — значит хорошо жить, Андершафт не находится в плену всеобщего чувства ужаса перед убийством, ужаса, внушаемого теми, кого иначе убили бы в первую очередь; он не считает нужным лебезить перед нищетой и покорностью, как это делают богачи и своевольные бездельники, которые желают грабить бедняков, не проявляя отваги, и помыкать ими, не проявляя чувства превосходства. Фруассаровский рыцарь, ставя перед собой задачу хорошо жить прежде всех других обязанностей, которые, приходя в столкновение с хорошей жизнью, перестают быть обязанностями и становятся чистым безобразием,— вел себя храбро, превосходно и в конечном счете гражданственно. Средневековое же общество, со своей стороны, вело себя, в сущности, очень плохо, организовав себя таким образом, что для хорошей жизни приходилось грабить и обирать. Будь современники рыцаря так же решительны, как он, грабеж и обирание стали бы кратчайшим путем на виселицу, и, равным образом, будь мы столь же решительны и проницательны, как Андершафт, попытка жить с помощью так называемого солидного дохода стала бы кратчайшим путем к камере смертников. Но так как благодаря нашему политическому тупоумию и личной трусости (и то и другое — плоды нищеты) наилучшая имитация хорошей жизни, нам доступной, это жизнь с помощью как раз солидного дохода, то все здравомыслящие люди стараются обеспечить себе этот доход, всячески заботясь о том, чтобы сделать законными и нрав-

ственными и доход, и действия, и чувства, к нему ведущие и поддерживающие его как установление. А что еще они могут сделать? Они, безусловно, знают, что богаты потому, что другие бедны. Но изменить этого они не в силах: дело самих бедняков отказаться от бедности, когда они ею сыты по горло. Сделать это достаточно легко: вся аргументация, доказывающая обратное, которую приводят экономисты, юристы, моралисты и сентименталисты, нанимаемые богачами за деньги для защиты своих прав или даже совершающие свою работу безвозмездно, по глупости и пресмыкательству,— аргументация эта обманывает только тех, кто хочет быть обманутым.

Причина, по которой налогоплательщики с солидным доходом не в состоянии с уверенностью защищать свое положение, состоит в том, что мы не средневековые бродяги, шатающиеся по редконаселенной стране, и нищета тех, кого мы грабим, мешает нам вести хорошую жизнь, ради которой мы приносим их в жертву. Богачи или аристократы с острым ощущением жизни — такие, как Раскин, Уильям Моррис и Кропоткин,— обладают непомерными общественными аппетитами и очень привередливыми личными вкусами. Им мало красивых домов — им подавай красивые города. Им мало того, что жены их увешаны бриллиантами, а дочери цветут,— они жалуются на то, что поденщица плохо одета, от прачки несет джином, белошвейка малокровна, не каждый встречный мужчина им друг, а не каждая женщина — любовница. Они зажимают носы, недовольные канализацией у соседа, и заболевают от того, что их не устраивает архитектура соседского дома. Товары широкого потребления, рассчитанные на вульгарного покупателя, им не по вкусу (а где взять другие?), они не могут ни спать, ни сидеть с комфортом на мебели, купленной по низкой цене у мелкого краснодеревщика. И воздух-то им не нравится — слишком дымный. В довершение всего, они требуют всяких абстрактных условий: справедливости, чести, благородной нравственной атмосферы, мистических уз взамен денежных отношений. И наконец, они заявляют, что грабить и обирать собственными руками, сидя верхом на лошади, в стальной кольчуге, может быть, и ведет к хорошей жизни, но грабить и обирать руками полицейского, судебного исполнителя и солдата, да притом еще оплачивать их труд так низко — это не только не приводит к хорошей жизни, но отрезает всякую возможность хотя бы сносного существования. Они начинают призывать бедняков к бунту, а когда те приходят в ужас от их неджентльменского поведения, они с отчаяния принимаются бранить пролетариев за «проклятое отсутствие потребностей» (verdammte Bedürfnislosigkeit).

До сих пор, однако, их нападкам на общество недоставало простоты. Бедняки не разделяют их вкусов, не понимают их критического отношения к искусствам. Им не нужна ни простая жизнь, ни эстетическая. Наоборот, они мечтают именно о тех дорогостоящих вульгарных наслаждениях, от которых избранные души богачей отворачиваются с содроганием. Излечиться от своей тоски по вредоносным сладостям бедняки смогут, только объевшись ими, а никак не путем воздержания. А ненавидят и презирают они — нищету. Только ее они стыдятся. Предлагать им бороться за разницу между рождественским выпуском «Илластрейтед Лондон Ньюс» и келмзкотовским изданием Чосера донельзя глупо: они все равно предпочитают «Ньюс». Разница между дешевой грязной накрахмаленной белой рубашкой на биржевом маклере и сравнительно дорогой великолепного качества голубой рубашкой Уильяма Морриса так позорит Морриса в их глазах, что если они и будут за что-нибудь в этой связи бороться, так за крахмал. «Бросьте быть рабами и станьте юродивыми» — не слишком вдохновляющий призыв к оружию. И дела не поправишь, даже если заменить «юродивых» на «святых». Оба слова подразумевают гениев, а простой человек вовсе не хочет жить жизнью гения. Если уж выбирать, он выберет жизнь болонки. Но главное, простой человек хочет больше денег. Что-что, а это он знает твердо. То ли еще он предпочтет «Майора Барбару» пантомиме в «Друри-Лейн», то ли нет, но пятьсот фунтов для него всегда желаннее пятисот шиллингов.

Так вот, сокрушаться по поводу такого предпочтения, считать его низменным, учить детей тому, что желать денег грешно, значит дойти до беспредельного бесстыдства в лжи и не знающего удержу лицемерия. Всеобщее уважение к деньгам можно считать единственной обнадеживающей чертой нашей цивилизации, единственным светлым пятном в нашем общественном сознании.

Деньги — это самая главная на свете вещь. Деньги означают здоровье, силу, честь, щедрость и красоту так же явно и неоспоримо, как отсутствие их означает болезни, слабость, позор, подлость и уродливость. И не последним из достоинств денег является то, что они всенепременно уничтожают людей низких и укрепляют и еще больше облагораживают людей достойных. Лишь в тех случаях, когда деньги теряют всякую цену в глазах одних и превращаются в ненаглядное сокровище в глазах других, они становятся проклятьем. Короче говоря, они проклятье тогда, когда нелепые социальные условия делают проклятьем саму жизнь. Ибо неразрывно связаны два фактора:

деньги есть механизм, обуславливающий социальное регулирование жизни, и они же и есть жизнь; это так же верно, как то, что соверены и банковские билеты суть деньги.

Первейший долг каждого гражданина требовать денег на разумных основаниях, и требование это не удовлетворяется тем, что четверым дают по три шиллинга за десяти-двенадцатичасовую работу, а одному десять тысяч ни за что ни про что. Нация нуждается прежде всего не в более совершенной морали, не в более дешевом хлебе, не в воздержании, свободе, культуре, обращении падших сестер и заблудших братьев, не в милосердии, любви и поддержке святой троицы, а просто в достаточном количестве денег. И зло, с которым нужно вести борьбу, это не грех, не страдание, жадность, интриги духовенства, королевская деспотия, демагогия, монополия, невежество, пьянство, война, чума или любой другой козел отпущения, приносимый в жертву реформаторами, а нищета.

Отведите глаза от недосягаемой дали и обратите их на реальность, находящуюся у вас под носом, и тогда мировоззрение Эндру Андершафта нисколько не будет вас смущать. Разве что вам будет непривычно не покидающее его ощущение, что он всего-навсего орудие Воли или Жизненной Силы, использующей его в целях более широких, нежели его собственные. Но это произойдет оттого, что вы либо блуждаете в искусственной дарвинистской тьме, либо увязли в собственной глупости. Все подлинно религиозные люди испытывают такое же ощущение, как Андершафт. Для них загадочный Андершафт вполне внятен, а его полное понимание психологии своей дочери, майора Армии спасения, и ее жениха, республиканца по Еврипиду, кажется им естественным и неизбежным. Это, однако, не ново даже на сцене. А нов, насколько мне известно, тот догмат в религии Андершафта, согласно которому Деньги — первейшая необходимость, а Нищета — гнуснейший грех человека и общества.

Эта острая концепция возникла, конечно, не per saltum.[1] *И заимствована она не у Ницше и не у любого другого человека, родившегося по ту сторону Ламанша. Покойный Сэмюэл Батлер, величайший в свой области английский писатель второй половины девятнадцатого века, неуклонно внедрял в религию необходимость и нравственность добросовестного лаодикианизма и постоянного серьезного осознания важности денег. Буквально теряешь веру в английскую литературу, когда видишь, какой слабый след оставило такое замечательное исследование англий-*

[1] Одним махом, сразу *(лат.)*.

ской жизни, как вышедший посмертно батлеровский роман «Путь всякой плоти»; такой слабый след, что когда теперь, несколько лет спустя, я выпускаю в свет пьесы, в которых неоспоримо видно влияние батлеровских поразительно свежих, свободных и провидческих идей, я сталкиваюсь с невнятной болтовней насчет Ибсена и Ницше, и спасибо еще, не насчет Альфреда Мюссе и Жорж Санд. Право, англичане не заслуживают своих великих людей. Они допустили, чтобы Батлер умер фактически в безвестности, тогда как мне, сравнительно малозаметному ирландскому журналисту, удалось заставить так меня разрекламировать, что жизнь моя превратилась в тяжкое бремя. В Сицилии есть улица via Samuele Butler. Английский турист при виде ее спрашивает: «Что еще за Сэмюэл Батлер?» — или же недоумевает, с чего сицилийцам пришло в голову увековечить память автора «Гудибраса».

Не приходится, правда, отрицать, что англичане с охотой призна́ют в гении гения, если кто-нибудь позаботится указать им на него. Указав не без успеха на себя самого, я теперь указываю на Сэмюэла Батлера и хочу надеяться, что в дальнейшем пореже буду слышать о новизне и заморском происхождении мыслей, которые нынче пробивают себе дорогу в английский театр с помощью пьес, написанных социалистами. И сейчас есть люди, чья оригинальность и возможности не менее очевидны, чем батлеровские, и когда они умрут, мир о них узнает.

А пока я советую им настаивать на своих заслугах и считать это важным элементом своей профессиональной деятельности.

АРМИЯ СПАСЕНИЯ

Когда «Майора Барбару» поставили в Лондоне, одна влиятельная северная газета сочла второй акт испепеляющей атакой на Армию спасения, а вырвавшееся в отчаянии у Барбары восклицание о том, что бог ее оставил, ежедневно осуждалось Лондоном как бестактное кощунство. Выйти из этого заблуждения помогли не профессиональные театральные критики, а публицисты на религиозные и философские темы, вроде сэра Оливера Лоджа и доктора Стэнтона Койта, а также рьяные нонконформистские журналисты типа Уильяма Стэда; они не только поняли пьесу и самих членов Армии спасения, но и увидели ее связь с религиозной жизнью нации, с жизнью, которая, кажется, находится вне сферы симпатий многих наших теа-

тральных критиков, да и, по существу, вне сферы знаний об обществе.

И в самом деле, что могло быть смехотворнее и курьезнее той конфронтации, какую вызвала «Майор Барбара» среди театральных и религиозных фанатиков: с одной стороны, театрал, вечно гоняющийся за удовольствиями, платящий за них непомерные деньги, терпящий немыслимые мучения и почти никогда не получающий того, чего хочет. С другой стороны, член Армии спасения: он отвергает развлечения, ищет труда и лишений, однако неизменно пребывает в приподнятом настроении, любит смеяться, шутить, ликовать, бить в барабан и тамбурин,— жизнь его пролетает в единой вспышке возбуждения, и смерть мыслится им как высшая точка торжества. И вот театрал, с вашего позволения, презирает члена Армии спасения как унылое существо, отрезанное от театрального рая, обрекшее себя на жизнь среди беспросветного мрака, а член Армии спасения оплакивает театрала как пропащее создание с виноградными листьями в волосах, мчащееся очертя голову прямо в ад среди хлопанья пробок шампанского и непристойного смеха сирен! Может ли непонимание быть более законченным или сострадание до такой степени направленным не по адресу?

К счастью, членам Армии спасения более, чем театралам, доступен религиозный смысл драмы — веселая энергия и артистичная плодотворность религии. Члены Армии спасения понимают, когда им растолкуешь, что театр, то есть место, где собирается более одного человека, приобретает от божественного прикосновения неотъемлемую святость и грубейший и нечестивейший фарс так же не может лишить театр этой святости, как не может осквернить Вестминстерское аббатство лицемерная проповедь чванливого епископа. Но у наших профессиональных театралов эта незаменимая и все предваряющая идея святости отсутствует. Они рассматривают актеров как мимов и фигляров и, боюсь, воображают драматургов лжецами и сводниками, чье главное занятие — доставлять чувственное услаждение усталому биржевому дельцу, когда его так называемые важные дневные труды окончены.

Страсть, суть драмы, они воспринимают лишь как примитивное сексуальное возбуждение; такие выражения, как «пылкая поэзия» или «страстная любовь к истине», совершенно выпали из их словаря, их заменило «преступление по страсти» и тому подобное. Они, как я понимаю, полагают, что люди со страстями в широком понимании этого слова бесстрастны и потому не заслуживают интереса. Отсюда привычка смотреть на людей религиозных как на неинтересных и незанима-

тельных. И поэтому, когда Барбара отпускает армейско-спасительные шуточки и целует своего возлюбленного, перегнувшись через барабан, поклонники театра считают своим долгом выразить, как они шокированы, и заключают, что вся пьеса есть продуманное издевательство над Армией спасения. И тогда они либо ханжески осуждают меня, либо имеют глупость принять участие в предполагаемом издевательстве!

Даже горстка умственно полноценных критиков достаточно поломала себе головы над моим изображением экономического тупика, в котором очутилась Армия спасения. Одни высказывали мнение, что Армия не взяла бы денег у винокура и фабриканта оружия; другие — что не должна была брать, и все более или менее решительно сошлись на том, что, беря эти деньги, Армия обнаруживает свою несерьезность и лицемерие. Ответ самой Армии был скор и недвусмыслен: как заявил один из ее офицеров, они взяли бы деньги у самого Дьявола и только радовались бы, что отняли их у него и передали в руки Господа. Они с благодарностью удостоверили, что содержатели баров не только дают им деньги, но и разрешают собирать их прямо в баре, и порой это происходит в то самое время, как на улице перед баром Армия спасения проповедует трезвость. Они, собственно, и усомнились-то в правдоподобии пьесы не потому, что миссис Бэйнс взяла деньги, а потому, что Барбара отказалась их взять.

Мысль, что Армия не должна брать такие деньги, особых доказательств не требует. Ей приходится брать, так как без денег ей не просуществовать, а больше их взять неоткуда. Фактически все свободные деньги в стране представляют собой смесь ренты; доли в доходах и прибыли, и каждый пенни так же неразрывно связан с преступлением, пьянством, проституцией, болезнями и всеми прочими ядовитыми плодами нищеты, как и с предпринимательством, богатством, коммерческой честностью и национальным процветанием. Представление, будто отдельные монеты можно пометить как нечистые,— наивное индивидуалистское заблуждение. И тем не менее тот факт, что все наши деньги являются нечистыми, тяжело ранит серьезные юные души, если какой-нибудь случай наглядно демонстрирует им эту грязь. Когда восторженный молодой священник господствующей церкви впервые узнает, что церковные старосты получают свою долю дохода с баров, где процветают азартные игры, публичных домов и кабаков или что самым щедрым пожертвователем на его последней проповеди о благотворительности оказался наниматель, так же бессовестно наживающийся на женском труде, удешевленном проституцией,

как бессовестно наживается хозяин гостиницы на труде официантов, удешевленном чаевыми, или труде рассыльных, удешевленном подачками; или что единственный патрон, способный отремонтировать церковь или школы его прихода или предоставить ученикам гимнастический зал или библиотеку, это зять чикагского мясного короля,— в таких случаях молодой священник, как и Барбара, переживает скверные четверть часа. Но он не может позволить себе принимать деньги исключительно от симпатичных старушек с солидным доходом и ангельским образом жизни.

Пусть-ка он проследит промышленные источники дохода таких симпатичных старушек — он непременно обнаружит на другом конце профессию миссис Уоррен, и несъедобные мясные консервы, и прочее в том же духе. Его собственное жалованье имеет то же происхождение. Либо ему придется разделить всеобщую вину, либо подыскать себе другую планету. Он должен спасти честь мира, если он желает сберечь свою. То же самое обнаруживают все церкви, и то же, в пьесе, обнаружили Армия спасения и Барбара. Открытие Барбары, что она соучастница отца, что Армия спасения — соучастница винокура и фабриканта оружия, что обойтись без этого нельзя, как нельзя обойтись без воздуха; открытие, что спастись через личную праведность невозможно, а путь к спасению лежит только через избавление всей нации от порочной, ленивой, основанной на конкуренции анархии,— это открытие сделали все, кроме фарисеев и, по всей видимости, профессиональных театралов. Последние все так же носят те самые рубашки, о которых писал Томас Худ, и не доплачивают своим прачкам, и у них при этом не возникает ни малейшего сомнения относительно возвышенности своей души, чистоты своей индивидуальной атмосферы и собственного права отмести, как нечто чуждое, грубую развращенность мансарды и трущоб. Ничего худого они этим не хотят сказать, просто им очень хочется быть по-своему, по-чистоплюйски, джентльменами. Урок, полученный Барбарой, им ничего не дает, потому что, в отличие от нее, получили они его не в результате участия в общей жизни страны.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БАРБАРЫ В СТРОЙ

Возвращение Барбары в строй может еще составить тему для исторического драматурга будущего. Вернуться в Армию спасения, зная, что даже члены Армии пока не спаслись, что нищета не благодать, а мерзейший из грехов, что, выбирая

в качестве эмблемы для Армии спасения Кровь и Огонь, а не Крест, генерал Бут, может быть, сам того не ведая, действовал по наитию свыше, — что-то да значит. И то, что все это знает дочь Эндру Андершафта, сулит перспективы получше, чем раздача хлеба и патоки за счет Боджера.

Как показателен этот инстинктивный выбор военного типа организации, эта замена орга́на барабаном. Не говорит ли это о прозрении членов Армии спасения, догадывающихся, что нужно в полном смысле слова сражаться с Дьяволом, а не просто обращать против него молитвы. Правда, пока они еще не совсем выяснили его точный адрес. Но уж когда выяснят, то могут сильно расшатать чувство безопасности, выработавшееся у Дьявола на основе опыта: он привык, что бранные слова вреда не причиняют, даже если они произносятся красноречивыми эссеистами и лекторами или единодушно звучат на публичных митингах, где горячо обсуждаются предложения выдающихся реформаторов. Принято считать, что французская революция — дело рук Вольтера, Руссо и энциклопедистов. Мне она представляется делом рук людей, которые пришли к выводу, что добродетельное негодование, язвительная критика, убедительная аргументация и писание назидательных брошюр, даже когда все это исходит от серьезнейших и остроумнейших литературных гениев, так же бесполезны, как и молитвы. Ибо дела шли все хуже да хуже, хотя «Общественный договор» и памфлеты Вольтера находились в зените славы. В конце концов, как нам известно, вполне почтенные горожане и ревностные филантропы попустительствовали сентябрьским убийствам, так как на опыте успели убедиться, что, если они удовлетворятся призывами к гуманности и патриотизму, аристократы, хоть и прочтут их призывы с величайшим удовольствием, высоко оценят, расхвалят авторов и выразят восторг, все равно не прекратят сговоров с иностранными монархистами, имея целью задушить революцию и восстановить прежнюю систему со всеми сопутствующими явлениями варварской мести и безжалостного подавления народных свобод.

Тот же урок в девятнадцатом веке был повторен в Англии. Девятнадцатый век повидал утилитаристов, христианских социалистов, фабианцев (сохранившихся до наших дней); увидел Бентама, Милля, Диккенса, Раскина, Карлейля, Батлера, Генри Джорджа и Морриса. А в результате всех их усилий мы имеем Чикаго, описанный мистером Эптоном Синклером, и Лондон, где люди, которые платят деньги за возможность развлечься на моем спектакле созерцанием Питера Шерли, выгнанного на улицу умирать с голоду в сорок лет, потому что на

это место можно взять за те же деньги более молодых рабов, — люди эти не принимают и вовсе не собираются принимать никаких мер для организации общества таким образом, чтобы отменить этот каждодневный позор. Я, проповедовавший и писавший памфлеты, как всякий энциклопедист, спешу признаться, что мои методы не дают никакого результата и не дали бы, будь я даже Вольтер, Руссо, Бентам, Маркс, Милль, Диккенс, Карлейль, Раскин, Батлер и Моррис вместе взятые, даже если бы прикинуть еще Еврипида, Мора, Монтеня, Мольера, Бомарше, Свифта, Гете, Ибсена, Толстого, Иисуса и пророков (а в каком-то смысле все они и есть я, поскольку стою на их плечах). Имея перед собой задачу сделать из трусов героев, мы, апостолы бумаги и искусные чародеи, преуспели только в том, что придали трусам все чувства героев. Но терпят-то они любую мерзость, приемлют любой грабеж, покоряются любому давлению. Христианство, возведя покорность в достоинство, лишь отметило в бездне ту глубину, на которой теряется само понятие стыда. Христианин подобен диккенсовскому врачу в долговой тюрьме, расписывающему новичку ее невыразимый покой и надежность: ни тебе кредиторов, ни деспотичных сборщиков налогов, ни арендной платы; ни тебе назойливых надежд, ни обременительных обязанностей — ничего, кроме отдохновения и надежной уверенности, что ниже пасть некуда.

И вдруг в самом жалком уголке этого христианского мира, разлагающего душу, снова возрождается жизнь. Умение радоваться, этот священный дар, давно свергнутый с престола адским хохотом издевательств и непристойностей, внезапно, как по волшебству, начинает бить ключом из зловонной пыли и грязи трущоб; бодрые марши и пылкие хвалы воссылаются к небесам людьми, в чьей среде нагоняющий тоску шум, называемый духовной музыкой, служит обычно объектом насмешек. Разворачивается флаг с эмблемой «Кровь и Огонь» не в знак кровожадной мести, а потому, что огонь — это красиво, а кровь имеет великолепный животворный красный цвет; страх, который мы льстиво именуем нашим «я», пропадает, и преображенные мужчины и женщины несут свою веру сквозь преображенный мир, именуя своего вождя генералом, себя капитанами и бригадирами и организацию в целом Армией. Они молятся, но молятся лишь о восстановлении и прибавлении сил для борьбы и о насущных деньгах (примечательный факт); они проповедуют, но не покорность; они готовы к дурному обращению и поношению, но принимают их не в большей степени, чем это неизбежно, и занимаются тем, чем дает им заниматься мир, включая

воду и мыло, краски и музыку. В таких занятиях таится опасность, а где есть опасность, там есть надежда. Нынешняя наша безопасность — одно название, она не что иное, как зло, ставшее неодолимым.

НЕДОСТАТКИ АРМИИ СПАСЕНИЯ

Я, однако, не собираюсь льстить Армии спасения. Более того, я хочу указать ей на недостатки, которых у нее почти столько же, сколько у англиканской церкви. Армия строит деловую организацию, которая, в конечном счете, приведет к тому, что теперешний штат командиров-энтузиастов сменится бюрократией из деловых людей и те окажутся ничуть не лучше епископов, а может быть и еще беспринципнее. Такая вещь всегда рано или поздно случалась с великими орденами, основанными разными святыми, и орден, основанный св. Уильямом Бутом, не свободен от той же опасности. Он даже еще больше, чем церковь, зависит от богачей, которые возьмут да и прекратят выплачивать содержание Армии спасения, начни она проповедовать тот обязательный бунт против нищеты, который неизбежно становится бунтом против богатства. Ему противодействует сильный контингент благочестивых старейшин, которые никакие не члены Армии спасения, а евангелисты старой школы. Они, по утверждению комиссара Говарда, до сегодняшнего дня «придерживаются Моисея», что в наше время сущий абсурд, если только Говард имеет в виду (а боюсь, он имеет в виду именно это), что Книга Бытия содержит достоверное научное описание происхождения видов и что бог, которому принес в жертву свою дочь Иефай, не менее ярко выраженное языческое божество, чем Дагон или Хамос.

Далее, в Армии спасения все еще многовато потусторонности. Подобно фридриховскому гренадеру, член Армии спасения хочет жить вечно (наиболее вопиюще нелепый вид несбыточных мечтаний). И хотя всякому, кто хоть раз слыхал выступления генерала Бута и его лучших офицеров, ясно, что они трудились бы с не меньшим энтузиазмом ради спасения человечества, даже если бы думали, что смерть означает конец для них как индивидуальностей, они и их последователи отличаются дурной привычкой говорить о членах Армии так, будто те героически влачат тяжелейшее существование на земле, как бы делая тем самым вклад, который дает впоследствии проценты не в виде более хорошей жизни всего человечества, а в виде вечности, проводимой ими персонально в состоянии блаженства, которое

уморило бы вторично любого активного человека. Безусловно одно: члены Армии спасения — люди необыкновенно счастливые. И разве не является характерной чертой истинно спасшегося преодоление страха смерти? Но вот человек, уверовавший в то, что смерти как таковой нет, что изменение под этим названием есть переход к неизъяснимо счастливой и абсолютно беззаботной жизни, вовсе не преодолел страха смерти, напротив, страх одолел его с такой силой, что он вообще не желает умирать ни при каких условиях. Я сочту члена Армии спасения спасшимся только тогда, когда он, уплатив все свои долги, согласится в любой момент радостно возлечь на кучу мусора в надежде на то, что его вечная жизнь потечет дальше к своему обновлению в батальонах будущего.

Кроме того, существует гадкий лживый обычай, именуемый исповедью; Армия поощряет его, так как он использует драматическое красноречие и всяческие волнующие эффекты. Что касается меня, то, когда я слышу, как новообращенный перечисляет те скверные поступки, клятвопреступления и кощунства, в которых он был повинен до того, как спасся, желая доказать, какой он был отъявленный мерзавец тогда и какой теперь он раскаявшийся и очистившийся христианин, я верю ему не больше, чем миллионеру с его россказнями про то, как он прибыл в Лондон или в Чикаго мальчуганом с тремя пенсами в кармане. Члены Армии спасения уверяли меня, что моя Барбара никогда не попалась бы на удочку такому явно выраженному обманщику, как Снобби Прайс; да я и сам убежден, что Снобби не удалось бы обмануть ни одного опытного члена Армии спасения без его на то желания. Но что касается обращения, то тут все члены Армии спасения жаждут быть обманутыми, ибо, чем очевиднее грешник, тем более очевидным делается чудо его обращения. Когда вы рекламируете новообращенного взломщика или исправившегося пьяницу в качестве одного из аттракционов на очередном собрании, вряд ли ваш взломщик или ваш пьяница такие уж из ряда вон выходящие. Пока будут полагаться на подобные аттракционы, ваши Снобби станут утверждать, будто они избивают своих матерей, хотя на самом деле матери обычно избивают их самих, а пьянчужки, отличающиеся кротостью и порядочностью, будут претендовать на беспримерное и великолепное в своей порочности прошлое. Даже когда исповедь носит искренний автобиографичный характер, неосторожно было бы предполагать, что исповедь вызвана благочестивым побуждением или что интерес слушателя имеет доброкачественный оттенок. С таким же успехом можно предполагать, что бедняки, настойчиво демонстрирую-

щие гнойные язвы районным обследователям,— убежденные сторонники гигиены или что жадное любопытство, с каким порой откликаются на такое зрелище, делает честь любопытствующему и носит здоровый характер. Зачастую я испытываю большое искушение предложить, чтобы тех, кто докучает нашим полицейским чинам признаниями в совершенных убийствах, ловили бы на слове и казнили, так было бы благоразумнее; редкие исключения составили бы те, кто жаждет облегчить свою душу, покаявшись в совершенном грехе. Я не считаю себя кровожадной личностью, но все же, по моему убеждению, не следует прикрывать жестокость содеянного с помощью какого бы то ни было ритуала, будь то в исповедальне или на эшафоте.

И вот тут-то мои разногласия с Армией спасения и со всеми пропагандистами Распятия (а я не выношу его, как не выношу все виды орудий казни) становятся поистине глубокими. Прощение, отпущение, искупление — всего лишь фикции. Наказание — лишь способ вытеснить одно преступление другим; прощения без мстительных чувств не бывает, так же как не бывает лечения без болезней. Высокой нравственности не добиться от людей, которые воображают, будто их преступления подлежат отмене и прощению в обществе, где отпущение и искупление для всех нас официально обеспечено. Потребность в них, быть может, и неподдельна, но удовлетворение их насквозь фальшиво. Так, Билл Уокер в моей пьесе, оскорбив действием девчушку из Армии спасения, очень скоро в результате умелого подхода Барбары начинает мучиться от невыносимого сознания вины. Он тут же старается взять назад нанесенную им обиду, загладить свой безобразный поступок, сперва попытавшись получить по заслугам той же монетой, а когда ему в этом облегчении отказывают, он штрафует себя на фунт, чтобы как-то возместить девушке нанесенный ей урон. И в том, и в другом случае он терпит неудачу, обнаружив, что Армия спасения неумолима, как неумолим факт. Она не хочет наказывать его, не хочет брать у него денег. Ей не нужен исправившийся негодяй, она не оставляет ему иных средств к спасению, как только перестать быть негодяем. Поступая так, Армия спасения проявляет интуитивное постижение главной черты христианства и отвергает главный его предрассудок: главная черта состоит в кичливости отмщения и наказания, а главный предрассудок в спасении мира посредством виселицы.

Ведь, разрешите заметить, Билл ударил также голодную старуху, но по поводу этого более тяжкого проступка он никаких угрызений не испытывает, потому что она отнюдь не скрывает, что ее злонамеренность не уступает его собственной.

«Пускай судится со мной, как грозилась,— говорит Билл.— Чтоб из-за нее меня совесть мучила — да ничего подобного, мне это все равно что свинью приколоть». Рассуждение совершенно нормальное и здравое. Старуха, как и закон, которым она ему угрожает, вполне готова играть в игру «возмездие»: ограбить его, если он украдет, избить, если он ударит, прикончить его, если он убьет. Путем примера и наставления закон и общественное мнение учат его навязывать свою волю другим с помощью злобы, насилия и жестокости и стирать моральный счет наказанием. Это и есть здоровое крестианство. Но оно смешивается с тем, что Барбара называет христианством и что неожиданно заставляет ее отказаться играть в палача и изгнание сатаны сатаной. Она отказывается преследовать пьяного негодяя; она на равных беседует с мерзавцем, с которым благовоспитанной даме не полагалось бы разговаривать на виду у всех, короче говоря, она подражает Христу. Совесть Билла, естественно, реагирует на это в точности так же, как на угрозы старухи. Он поставлен в положение невыносимо унизительное, и он всеми имеющимися в его распоряжении способами стремится восстановить душевное равновесие, при этом он по-прежнему готов ответить на брань старухи, заехав ей по физиономии кружкой. И таким образом подтверждается правота христианства Барбары по сравнению с нашей системой судебного наказания и мстительной расправы со злодеем, а также по сравнению с идеальной справедливостью романтического театра.

К чести литературы надо сказать, что ситуация эта нова лишь отчасти. Виктор Гюго давно представил нам эпопею о каторжнике и епископских подсвечниках, о полицейском-крестианине, погубленном встречей с христианином Вальжаном. Но Билл Уокер, в отличие от Вальжана, не превращается романтическим образом из демона в ангела. Сегодня у нас миллионы Биллов Уокеров во всех классах общества, и я, как профессор натурпсихологии, хочу указать на тот факт, что Билл без всяких изменений в своем характере или в обстоятельствах будет совсем по-разному реагировать на разного рода подходы.

В доказательство могу привести такой наглядный пример: наши сегодняшние промышленники-миллионеры начинают как разбойники, они безжалостно и бессовестно сеют банкротство, смерть и рабство среди своих конкурентов и среди рабочих, рискуя, что конкуренты ответят им тем же. История английских фабрик, американских трестов, разработка африканского золота, алмазов, слоновой кости и каучука затмевают по злодейству все, что мы слыхали про пиратов испанских морей.

Капитан Кидд высадил бы на необитаемый остров современного трестовского магната за поведение, недостойное джентльмена удачи. Закон ежедневно хватает неудачливых мерзавцев такого типа и наказует их с жестокостью, превосходящей их собственную, и в результате те выходят из камеры пыток еще опаснее, чем вошли, и возобновляют свою преступную деятельность (потому что до другой их никто не допустит), пока их снова не схватят, не промучают в тюрьмах и опять не отпустят с тем же эффектом.

Зато с удачливым мерзавцем поступают совсем по-другому и очень по-христиански. Его не только прощают — ему поклоняются, его почитают, с ним носятся, только что не боготворят. Общество платит ему сторицей с непомерной щедростью. А к чему это приводит? Он начинает почитать себя, поклоняться себе, жить соответственно тому мерилу, с каким подходят к нему. Он поучает, пишет назидательные книги, обращенные к молодым людям, и в конце концов убеждает себя, что преуспел исключительно благодаря себе самому. Он финансирует образовательные заведения, поддерживает благотворительные учреждения и, наконец, умирает, окруженный ореолом святости, оставляя завещание, которое может служить памятником щедрости и заботы об общественном благе. И все это без малейших изменений в своем характере. Пятна леопарда и полосы тигра сверкают, как всегда, но поведение мира по отношению к нему изменилось. И соответственно изменилось его поведение. Но стоит только изменить свое отношение к нему, посягнуть на его собственность, начать оскорблять его, угрожать ему — и он в миг опять превратится в разбойника, готового сокрушить вас, как готовы сокрушить его вы, и тоже вооруженный вымышленными основаниями морального порядка.

Короче говоря, когда майор Барбара говорит, что нет негодяев, она права: абсолютных негодяев не бывает, но есть люди неподатливые, и сейчас я перейду к ним. Каждый разумный мужчина (то же можно сказать и о женщинах) является потенциальным негодяем и потенциальным примерным гражданином. Что представляет собой человек — зависит от его характера, но что он делает и что мы о его деятельности думаем — зависит от обстоятельств, в которые он попадает. Те же черты, которые губят человека из одного класса, выносят наверх человека из другого класса. Характеры, проявляющие себя по-разному в разных обстоятельствах, проявляют себя одинаково в одинаковых. Возьмите, например, такой обыкновенный английский характер, как Билл Уокер. Мы встречаем

Билла повсюду: в судейском кресле, на епископской скамье, в тайном совете, в военном министерстве и адмиралтействе, равно как и на скамье подсудимых в Олд Бейли или в рядах неквалифицированных рабочих. Моральная оценка качеств Билла меняется в зависимости от этих обстоятельств. Грехи взломщика составляют главные достоинства финансиста; манеры и привычки герцога стоили бы места клерку. Словом, хотя характер и не зависит от обстоятельств, поведение тесно с ними связано и наша моральная оценка характера тоже. Возьмите любую жизненную ситуацию, при которой условия практически одинаковы для целой группы людей: уголовное преступление, палата лордов, фабрика, конюшня, цыганский табор или что душе угодно! Невзирая на несходство характеров и темпераментов, поведение и моральные нормы внутри каждой группы в основном так же предсказуемы, как в отаре овец, и нормы морали по большей части носят чисто поведенческий, обусловленный обстоятельствами характер. Сильные личности знают это и на это рассчитывают. Ни в чем выдающиеся умы человечества так не отличались от обыкновенного владельца сезонного железнодорожного билета, как в умении принять тот факт, что человечество, в сущности, единый вид, а не бродячий зверинец, состоящий из джентльменов и пройдох, подлецов и героев, трусов и удальцов, лордов и крестьян, бакалейщиков и аристократов, ремесленников и чернорабочих, прачек и герцогинь,— зверинец, где все степени дохода и кастовых привилегий представлены какими-нибудь отдельными животными, которых нельзя сводить друг с другом или женить друг на друге. Наполеон, составивший плеяду генералов, придворных и даже монархов из своей коллекции социальных нулей; Юлий Цезарь, назначающий правителем Египта сына вольноотпущенника, которого незадолго до того не взяли бы и рядовым в римскую армию; Людовик XI, делающий своего брадобрея личным советником,— у каждого из них было твердое понимание научного факта равенства людей, выраженного Барбарой в христианской формуле, а именно, что все люди — дети одного отца. Человек, полагающий, будто люди в моральном отношении подразделяются от природы на высшие, низшие и средние классы, совершает ту же ошибку, что и человек, думающий, будто они от природы точно так же подразделяются в социальном отношении. И все равно как наши настойчивые попытки создать политические учреждения на основе социального неравенства всегда приводили к долгим периодам пагубных трений, время от времени разрешавшихся бурными революционными взрывами, так и попытки (да обратят внимание американцы!) создать моральные установления на основе мо-

рального неравенства могут привести лишь к противоестественному царствованию святых, сменяемому каждый раз распущенной Реставрацией. Они могут привести к превращению американцами развода в публичное достояние, а лица Европы в одну большую сардоническую ухмылку, когда американцы отказались остановиться в гостинице одновременно с русским гением, который женился вторично без санкции Южной Дакоты; привести к уродливому ханжеству, к жестоким преследованиям и полному смешению условностей и компромиссов с человеколюбием и порядочностью. Совершенно бессмысленно утверждать, что все люди по природе свободны, если при этом отрицать, что человек по природе добр. Гарантируйте человеку доброту, и свобода придет сама собой. Гарантировать же ему свободу только при условии, что вы одобряете его моральный облик, значит, в сущности, уничтожить всякую свободу, поскольку свобода каждого зависит от морального приговора, который любой дурак может вынести любому, кто нарушает обычай,— неважно, в какой роли — пророка или негодяя. Эту истину еще должна усвоить Демократия для того, чтобы стать чем-то иным вместо самой деспотичной из всех форм фанатизма.

А теперь вернемся к Биллу Уокеру и к делу о его совести против Армии спасения. Майор Барбара, не будучи современным Тетцелем или казначеем больницы, отказывается продать Биллу индульгенцию за соверен. Но, к сожалению, то, в чем Армия может позволить себе отказать Биллу Уокеру, она не может отказать Боджеру. Боджер — хозяин положения, так как в его руках шнурки кошелька. «Рыпайтесь сколько угодно,— по сути, говорит Боджер,— без меня вам не обойтись. Без моих денежек Билла Уокера вы не спасете». И Армия спасения отвечает, и при данных обстоятельствах вполне уместно: «Мы лучше возьмем деньги у самого дьявола, чем перестанем спасать человечество». И таким образом Боджер платит за спокойствие своей совести и получает индульгенцию, в которой Биллу отказано. В реальной жизни Билл, возможно, ничего бы про это не узнал, но я, драматург, чья задача — раскрыть связь явлений, кажущихся далекими и разобщенными в случайном распорядке явлений реальной жизни, я замыслил довести это до сведения Билла, в результате чего Армия спасения сразу теряет над ним власть.

Но Билл, несмотря ни на что, еще имеет шанс спастись. Его по-прежнему держат в узде факты и собственная совесть, и они еще могут отбить у него вкус к негодяйству. Однако твердо пообещать такой счастливый конец я не в состоянии. Пройдитесь по бедняцким кварталам наших больших городов

в воскресенье, когда люди не работают, а отдыхают и пережевывают жвачку своих размышлений. Вы увидите на всех лицах одно и то же выражение — выражение цинизма. Открытие, которое сделал Билл Уокер относительно Армии спасения, здесь делают рано или поздно все. Они узнают, что каждый имеет свою цену, и, по недомыслию или по беспринципности, их научают не доверять человеку, презирать его за это необходимое и благотворное условие существования в обществе. Узнав, что генерал Бут тоже имеет свою цену, они не начинают восхищаться им за то, что цена эта высока, и не стремятся так организовать общество, чтобы генерал получал плату честным путем; нет, они делают вывод, что тип он сомнительный и что все религиозные люди лицемеры и союзники эксплуататоров и притеснителей. Они знают, что крупные суммы, поддерживающие Армию спасения, поступают не благодаря религии, а благодаря мерзкой доктрине покорности нищего и смирения угнетенного; и вот души их раздирает мучительнейшее из сомнений: а не родится ли истинное спасение из их самых гнусных страстей — убийства, зависти, жадности, упрямства, слепой ярости, террора, а вовсе не из гражданского духа, благоразумия, гуманности, великодушия, нежности, тонких чувств, жалости и доброты. Подтверждением такого подозрения, которое столь усердно последние годы раздувают наши газеты, служит милитаристская мораль, а оправданием милитаризма — тот факт, что в любую пору обстоятельства могут сделать милитаризм истинной моралью настоящего момента. И, создавая предпосылки для такого момента, мы и вызываем к жизни необузданные и кровопролитные революции, какая теперь совершается в России и какие капитализм в Англии и Америке исподволь старательно провоцирует.

В такие моменты долг всякой церкви пробуждать все силы разрушения, направленные против существующего порядка. Но если церкви так и поступают, существующий порядок неминуемо подавляет их.

Наличие церквей допускается лишь при условии, что они будут проповедовать подчинение государству в его нынешнем капиталистическом виде. Сама англиканская церковь вынуждена добавить к тридцати шести статьям, в которых она формулирует свои религиозные догматы, еще три, в которых извиняющимся тоном заверяет, что в ту минуту, как одна из статей придет в противоречие с государством, ее начисто отвергнут, изымут, отменят, отбросят и преступят, так как любой полицейский намного важнее любого из святой троицы. И вот почему никогда официальной церкви или Армии спасения не завое-

вать полного доверия бедняков. Поневоле церкви приходится быть на стороне полиции и военщины независимо от веры и убеждений. А коль скоро полиция и военщина — орудия, посредством которых богачи грабят и давят бедняков (на изобретенных для этой цели законных и моральных основаниях), то быть одновременно на стороне и бедняков и полиции невозможно. В сущности, религиозные учреждения как раздатчики милостыни при богачах становятся своего рода вспомогательной полицией, притупляя бунтарскую заостренность нищеты углем и одеялами, хлебом и патокой, утешая и подбадривая жертву надеждами на большое и недорогое счастье в мире ином, когда их уже доведут непосильным трудом до преждевременной смерти в мире этом.

ХРИСТИАНСТВО И АНАРХИЗМ

Таково создавшееся ложное положение, из которого ни Армия спасения, ни англиканская церковь, ни любая другая религиозная организация не могут найти выхода иначе, как реорганизовав общество. Но они не могут и оставаться безучастными, пассивно относясь к государству и просто умыв руки от его грехов. Государство беспрерывно будит людскую совесть, совершая насилия и жестокости. Не удовлетворяясь выжиманием из нас денег на содержание армии и полиции, тюремщиков и палачей, оно заставляет нас принимать активное участие в его деяниях, и мы подчиняемся ему под угрозой стать жертвами его произвола.

В то время как я пишу эти строки, миру явлен сенсационный пример. Празднуется свадьба королевской четы, сперва — бракосочетание в соборе, за ним следует бой быков, где в качестве главного развлечения предлагается зрелище вспоротых и выпотрошенных быком лошадей, когда же измученный бык обессиливает и перестает быть опасным, осторожный матадор его убивает. Однако иронический контраст между боем быков и брачной церемонией никого не поражает. Еще к одному контрасту — между нарядностью, счастьем, атмосферой благожелательного восхищения, окружающей юную чету, и ценой, заплаченной за это в нашем гнусном социальном устройстве в виде убожества, несчастий и деградации миллионов других молодых пар,— привлекает наше внимание романист мистер Эптон Синклер. Он отколупывает кусочек лакировки с гигантских скотобоен Чикаго и показывает нам образец того, что происходит во всем мире под верхним слоем процветания плуто-

кратии. Но одного человека этот контраст поразил настолько, что он решается ценою собственной жизни нанести смертельный удар виновным. В своем невежестве нищего он вообразил, будто вина лежит именно на этих невинных юных женихе и невесте, выдвинутых и коронованных плутократией в качестве глав государства, тогда как на деле личной власти у них меньше, чем у любого председателя треста. Им-то и адресует он на шесть пенсов взрывчатки, промахивается и выпускает кишки у такого же числа лошадей, что и бык на арене, приканчивает двадцать три человека и ранит еще девяносто девять. И из всех пострадавших только лошади не виноваты в том, за что он мстил: взорви он на воздух весь Мадрид со всем взрослым населением, никто не избегнул бы обвинения в соучастии — до, во время и после преступления,— обвинения в причастности к бедности, проституции, оптовому избиению младенцев, какое не снилось Ироду, к чуме, моровой язве, голоду, войне, убийству и затяжному умиранию. Наверное, не нашлось бы никого, кто бы не содействовал примером, советом, попустительством и даже шумной поддержкой укоренению в динамитчике ненависти и мести, ежедневно одобряя приговоры к долгим годам заключения, приговоры, настолько бесчеловечные по противоестественной глупости и панической жестокости, что сторонники их уж не могут выступить против ножа или бомбы, не сорвав с себя при этом маски правосудия и гуманности.

И тут, заметим, как раз выходит в свет биография одного из наших герцогов, который, будучи шотландцем, умел спорить о политике и потому среди наших аристократов выделялся как великий ум. И какой же был, скажите на милость, любимый исторический эпизод у его светлости, эпизод, о котором, по его словам, он читал всегда с глубочайшим удовлетворением? Да тот самый, когда в 1795 году молодой генерал Бонапарт расстрелял парижскую толпу, эпизод, который наши почтенные классы с шутливым одобрением прозвали «запах картечи», хотя сам Наполеон, надо отдать ему должное, взглянул на это потом по-иному и был бы рад, если бы про этот случай забыли. А поскольку герцог Аргайл был совсем не демон, а человек с такими же страстями, как все мы, не такой уж злобный и коварный, то кто будет удивляться, что во всем мире пролетарии герцогского склада упиваются запахом динамита (аромат шутки слегка выдохся, не правда ли?), потому что он направлен на класс, который они ненавидят так же сильно, как наш сообразительный герцог ненавидел, как он выражался, чернь.

В подобной атмосфере последствие мадридского взрыва могло быть только одно. Вся Европа горит желанием перещеголять его. Месть! Еще крови! Разорвите «анархистское чудовище» на клочки! Тащите его на эшафот! В тюрьму его пожизненно! Пусть все цивилизованные государства сплотятся вместе, чтобы стереть таких, как он, с лица земли, а если какое-то государство откажется присоединиться, объявите ему войну! На сей раз ведущая лондонская газета, антилиберальная и потому антирусская по своим политическим убеждениям, не заявляет жертвам: «И поделом вам!», как, в сущности, заявила, когда Бобрикова, Плеве и великого князя Сергея таким же образом взорвали без официальной санкции. Нет уж, взрывайте на здоровье наших соперников в Азии, вы, храбрые русские революционеры, но покушаться на английскую принцессу!.. Чудовищно! преступно! затравите мерзавца, предайте суду, но помните, мы народ цивилизованный и милосердный и, как бы мы потом ни жалели об этом, обойтись с ним, как обошлись с Равальяком и Дамиеном, невозможно. А пока мы его еще не схватили, давайте успокоим наши взвинченные нервы созерцанием боя быков и любезно польстим неизменному такту и хорошему вкусу представительниц наших королевских семей: от природы наделенные полноценной нормальной душевной мягкостью, они так удачно обуздывают ее в угоду светскости, что покорно позволяют увлечь себя на бойню лошадей, как, вероятно, позволили бы увлечь себя на бой гладиаторов, появись сейчас мода на такое зрелище.

Но странно — посреди бушующего пожара всеобщей злобы один только человек сохранил еще веру в доброту и разумность человеческой натуры, и этот человек — сам динамитчик, преследуемый отщепенец; у него, судя по всему, нет другого средства закрепить свое торжество над тюрьмами и эшафотами Европы, кроме пистолета и готовности разрядить его в случае необходимости в свою или в любую другую голову. Представьте себе, как страждет он найти хоть одного джентльмена и христианина в людской стае волков, жаждущих его крови. Представьте себе еще вот что: с первой же попытки он находит того, кого ищет, настоящего испанского гранда, благородного, с возвышенным образом мыслей, неустрашимого, не ведающего злобы, в образе — каких только не бывает масок! — современного издателя. Волк-анархист, спасаясь от волков-плутократов, доверяется ему. Тот, не будучи волком (и лондонским издателем) и потому не настолько восхищаясь собственным подвигом, чтобы сделаться кровожадным, не швыряет его в гущу преследующих волков, а, напротив, всячески помогает скрыться,

и тот уезжает, познав наконец силу, которая сильнее динамита, хотя ее не купишь за шесть пенсов. Будем надеяться, этот справедливый и достойный человеческий поступок пошел на пользу Европе, хотя беглому он помог ненадолго. Волки-плутократы все-таки выслеживают его. Беглец стреляет в случайного, ближайшего к нему волка, стреляет в себя и затем своим портретом в газетах доказывает миру, что он никакая не уродливая игра природы, не оборотень, а красивый юноша, что в нем не было ничего ненормального, кроме устрашающей отваги и решимости (отсюда испуганный вопль «трус!» по его поводу), то есть тот, кому убить счастливую юную чету в утро свадьбы показалось бы при других, разумных и доброжелательных, человеческих обстоятельствах неестественным и ужасным преступлением.

И тут наступает кульминация иронии и бессмыслицы. Волки, оставшись без волчатины, накинулись на того благородного человека и, как у них водится, кинули в тюрьму за то, что он отказался сомкнуть зубы на горле динамитчика и держать жертву, пока подоспевшие не прикончат ее.

Так что, как видите, человек не может быть в наше время джентльменом, даже если захочет. Что касается желания быть христианином, то тут ему предоставляется некоторая свобода, так как, повторяю, христианство имеет два лика. Общедоступное христианство имеет в качестве эмблемы виселицу, в качестве главной сенсации — кровавую казнь после пытки, в качестве главного таинства — фанатическую месть, от которой можно откупиться показным покаянием. Но существует более благородное, более неподдельное христианство; оно утверждает святую тайну Равенства и отрицает вопиющую тщету и безрассудство мести, которую часто вежливо именуют наказанием или Правосудием. Христианство виселицы дозволено, другое считается уголовным преступлением. Понимающие толк в иронии отлично знают, что единственный издатель в Англии, который отрицает наказание как в принципе неправильное, не признает также и христианства, свою газету он назвал «Свободомыслящий» и арестован за «дурной вкус» по закону, направленному против богохульства.

ЗДРАВЫЕ ВЫВОДЫ

А теперь я попрошу возбужденного читателя не терять головы, приняв ту или иную сторону, а вывести здоровую мораль из этих нелепостей. Вы не проявите здравого смысла, если предложите, чтобы законы, обращенные против преступности,

применялись только к главарям и не применялись к соучастникам, чье согласие, совет или умолчание обеспечивают безнаказанность главарю. Если уж вводить наказание как элемент закона, надо наказывать и за отказ наказывать других. Если у вас имеется полиция, в ее обязанности неизбежно входит понуждать всех содействовать полиции. Бесспорно, если законы ваши неправедны, а полицейские выступают как орудие притеснения, в результате мы получим грубое вторжение в частное сознание граждан. Но тут уж ничего не поделаешь. Единственное средство не в том, чтобы всем, кому заблагорассудится, давать право мешать исполнению закона, а в том, чтобы создать такие законы, которые бы располагали к общенародному согласию и не расправлялись жестоким и бессмысленным образом с правонарушителями. Никто не одобряет взломщиков, однако современный взломщик, будучи задержан домовладельцем, обычно взывает к поймавшему, умоляя не обрекать его на бесполезные ужасы каторжных работ. В иных случаях нарушителю удается скрыться, так как те, кто мог его выдать, не считают такое правонарушение серьезной виной. Порой в противовес официальным возникают неофициальные трибуналы, и они нанимают убийц на роль палачей, как делал, например, и Магомет, пока не утвердил свою власть официально, или ирландские католические организации за время долгой борьбы с лендлордами. В таких ситуациях убийца разгуливает на свободе, хотя всем в квартале известно, кто он и что совершил. Его не выдают отчасти потому, что оправдывают его точно так же, как законное правительство оправдывает своего официального палача, а отчасти потому, что их убьют, если они его выдадут,— еще один прием, перенятый у официального правительства. Стоит учредить трибунал, пользующийся услугами наемного убийцы, не питающего личной вражды к жертве,— как всякая моральная разница между официальным и неофициальным убийством исчезнет.

Короче говоря, все люди — анархисты по отношению к законам, противоречащим их совести либо в своих основных принципах, либо в мерах наказания. В Лондоне злейшими анархистами можно считать судей, так как многие из них так стары и невежественны, что, когда их призывают применить закон, основанный на принципах и сведениях менее чем полувековой давности, они с ним не соглашаются. И поскольку они всего-навсего заурядные, доморощенные англичане и закон как абстрактное понятие они не уважают, то они наивно подают дурной пример, нарушая его. В этом случае человек отстает от закона. Но когда закон отстает от человека, человек все равно оказывает-

ся анархистом. Когда какая-нибудь грандиозная перемена в социальном устройстве, например индустриальная революция восемнадцатого и девятнадцатого веков, делает наши правовые и промышленные установления устаревшими, анархизм превращается почти в религию. Вся армия самых активных гениев данного времени в области философии, экономики и искусства сосредоточивается на том, чтобы демонстрировать и напоминать, что нравственность и закон — всего лишь условности, они могут быть ошибочными и постепенно устаревать. Трагедии, где героями выступают бандиты, и комедии, где законопослушливые персонажи, наделенные общепринятой моралью, высмеивают сами себя, приводя в негодование зрителей каждый раз, как они выполняют свой долг,— появляются одновременно с экономическими трактатами под заглавием типа: «Что такое собственность? Грабеж!» — и с историческими сочинениями на тему «Конфликт между религией и наукой».

Так вот, такое положение вещей нельзя считать нормальным. Преимущества жизни в обществе пропорциональны не свободе индивидуума от кодекса морали, а свободе от сложности и тонкости кодекса, который этот индивидуум готов не только принять, но и поддержать как нечто столь жизненно важное, что всякий правонарушитель делается вообще недопустим ни под каким видом. Но подобная позиция становится невозможной в условиях, когда единственные в мире люди, способные заставить услышать и запомнить себя, растрачивают всю энергию на то, чтобы нас тошнило от современного закона, современной морали, респектабельности и законной собственности. Обыкновенного человека, необразованного по части теории общества, даже если он воспитан на латинских стихах, невозможно восстановить против всех законов своей страны и одновременно убедить чтить закон как абстрактное понятие, жизненно необходимое для общества. Стоит приучить его отвергать известные ему законы и обычаи, и он будет отвергать саму идею закона и саму основу обычаев, высмеивая человеческие права, превознося безмозглые методы как «исторические» и не признавая ничего, кроме чистого поведенческого эмпиризма: динамита — как основы политики и вивисекции — как основы науки. Это чудовищно, но что тут можно сделать? Вот я, например: по классовой принадлежности человек респектабельный, по наличию здравого смысла — не терпящий беспорядка и пустых трат, по образу мыслей — считающийся с законами до педантизма; по темпераменту — осторожный и бережливый, почти как старая дева. И тем не менее я всегда был, есть и теперь уже всегда буду революционно настроенным писа-

телем, ибо наши законы делают Закон как таковой невыносимым; наши пресловутые свободы уничтожают всякую Свободу; наша собственность есть организованный грабеж; наша мораль — бесстыдное лицемерие; нашей мудростью распоряжаются неопытные (или с отрицательным опытом) профаны, наша власть в руках трусливых и слабовольных, а наша честь насквозь фальшива, с какой стороны ни посмотри. Я — враг существующего порядка и имею на то свои причины, но мои нападки нисколько не мешают людям, которые считают себя врагами этого порядка по своим собственным, но не моим причинам. Существующий порядок может сколько угодно визжать, что, если я буду говорить о нем правду, какой-нибудь глупец вынудит его стать еще хуже, попытавшись уничтожить его. Что ж, ничего не могу поделать, даже и предвидя, до чего он может докатиться. Даже сам этот порядок способен предвидеть, к чему может привести новое ухудшение: к тому, что общество со всеми его тюрьмами, штыками, кнутами, остракизмами и лишениями окажется бессильно перед лицом Анархиста, готового пожертвовать своей жизнью в борьбе против общества. От дешевых опустошительных взрывчатых средств, какие может изготовить любой русский студент и с каким научился обращаться любой русский гренадер в Маньчжурии, нас охраняет то, что храбрые и решительные люди, когда они мерзавцы, не станут рисковать своей шкурой ради человечества, а когда не мерзавцы, то настолько гуманны, что любят человечество, ненавидят убийство и ни за что не станут совершать его, если только не растревожить в них совесть сверх меры. Значит, средство простое — не растревоживать их совесть сверх меры.

Не бойтесь, они не будут действовать очертя голову. Все люди, прежде чем поставить на карту свою жизнь в смертельной борьбе с обществом, берут в расчет все обстоятельства. Никто не требует и не ожидает золотого века. Но есть две вещи, которые нужно исправить, иначе мы погибнем от атрофии души, как погиб Рим, пожелавший стать империей.

Во-первых, ежедневная процедура распределения богатства страны между жителями должна проводиться так, чтобы ни единой крошки, кроме пайка заключенному, не шло здоровым и крепким еще людям, которые не производят путем собственных усилий не только полного эквивалента тому, что получают, но сверх того еще излишка, покрывающего будущую пенсию по старости и компенсирующего издержки по питанию.

Во-вторых, умышленное нанесение злостного ущерба, именуемого наказанием, должно быть отменено; вор, бандит,

мрок, нищий должны, не подвергаясь бесчеловечному обращению, предстать перед законом, и до их сознания должны довести, что государство, слишком гуманное, чтобы наказывать, оказалось бы слишком расточительным, если бы оно тратило жизни честных людей на охрану и препровождение в тюрьму бесчестных. Поэтому мы и не заключаем в тюрьму собак. Мы даже рискуем быть для начала укушенными. Но если собаке доставляет удовольствие лаять и кусаться, ее бросают в душегубку. Мне это представляется разумным. Разрешить собаке искупить свою привычку кусаться периодом мучений, а потом выпустить ее куда более озлобленной (собака, посаженная на цепь, озлобляется), с тем чтобы она опять кусалась и опять искупала свою вину, а тем временем уйма человеческих жизней и счастья уходило бы на то, чтобы сажать ее на цепь, кормить и мучить,— кажется мне идиотическим предрассудком. Однако это самое мы и проделываем с людьми, которые лают, кусаются и воруют. Было бы гораздо разумнее какое-то время мириться с их пороками, как мы миримся с болезнями; когда же станет себе дороже терпеть это, с извинениями и изъявлением сочувствия, проявив толику великодушия и исполнив их последнюю волю, препроводить их в душегубку и избавиться от них.

Ни при каких обстоятельствах нельзя допускать, чтобы они искупали свои преступления с помощью сфабрикованного наказания, жертвовали на приюты или возмещали убытки жертвам. Если не будет наказаний, не будет и прощения. Никогда у нас не появится настоящей моральной ответственности, пока каждый не усвоит, что его поступки необратимы и что жизнь его зависит от степени той пользы, какую он приносит. До сих пор, увы! — человечество не осмеливалось взглянуть в лицо этим жестоким фактам. Мы лихорадочно швыряемся деньгами для успокоения своей совести и изобретаем для этого целые системы банковских операций, искупительных взысканий, компенсаций, исправлений, спасений, подписных листов и всякой всячины, чтобы только снять с себя моральную ответственность. Не довольствуясь прежними козлом отпущения и агнцем на закланье, мы обожествляем спасителей вполне человеческого происхождения и молимся чудотворным непорочным заступницам. Мы приписываем милосердие безжалостным и, совершив убийство, успокаиваем свою совесть, кидаясь на грудь божественной любви. Но мы шарахаемся от построенной своими же руками виселицы, потому что волей-неволей вынуждены признать, что уж это и точно необратимо,— как будто один час тюрьмы не столь же необратим, как любая казнь!

Если человек не способен взглянуть в лицо злу без всяких иллюзий, значит, он никогда не узнает, что оно собой представляет, а значит, не сможет успешно сражаться с ним. Те немногие, кто (относительно) способен на это, прозываются циниками, они несут в себе заряд зла больше обычного, пропорционально большей, чем обычно, силе духа. Но они никогда не творят зло, не имея намерения его сотворить. Вот отчего большие мерзавцы бывали милосердными правителями, а добродушные и безвредные в частной жизни монархи губили свою страну, поверив в фокус «невиновность-вина», «награда-наказание», «добродетельное негодование-прощение», вместо того, чтобы твердо противостоять фактам, не проявляя при этом ни злобы, ни сострадания.

Майор Барбара противостоит в этом смысле Биллу Уокеру, и в результате хулигану, не добившемуся, чтобы его возненавидели, приходится самому себя возненавидеть. Чтобы облегчить себе эту муку, он пытается добиться, чтобы его наказали, но девушка, член Армии спасения, которую он старается вывести из себя, так же безжалостна, как и Барбара, и лишь молится за него. Тогда он пытается заплатить за причиненную обиду, но никто не берет у него денег. Его судьба — судьба Каина. Отчаявшись найти спасителя-полицейского или раздатчика милостыни, которые помогли бы ему притвориться, будто кровь брата больше не вопиет из-под земли, он вынужден жить и умереть убийцей. Каин постарался больше не совершать убийств, в отличие от наших акционеров железнодорожной компании (я один из них), которые убивают и калечат сцепщиков сотнями, дабы сэкономить на автоматических сцеплениях, а потом искупают это путем ежегодных пожертвований в пользу достойных благотворительных заведений. Если бы Каину позволили уплатить свой долг, он, возможно, убил бы Адама и Еву ради второго роскошного примирения с Богом. Боджер, можете быть уверены, до конца своей жизни будет отравлять людей скверным виски, поскольку он всегда может рассчитывать на то, что Армия спасения или англиканская церковь уж непременно устроят для него искупление за небольшие проценты с его доходов.

Есть и третье условие, которое надо выполнить, прежде чем великие учителя мира прекратят глумиться над его религиями. Религиозные учения должны стать интеллектуально честными. В настоящее время в мире нет ни одной официальной религии, заслуживающей доверия.

Это, пожалуй, самый ошеломляющий факт во всей картине современного мира.

Пьеса моя «Майор Барбара», надеюсь, написана правдиво и с вдохновением, но тот, кто скажет, что все в ней случилось на самом деле и что понимать ее надо как хронику действительных событий и, соответственно, ей доверять, тот, как говорится в Писании, олух и лжец и мною, автором, разоблачается и проклинается во веки веков.

Лондон, июнь 1906.

Стихи Еврипида во втором акте «Майора Барбары» принадлежат не мне и даже, собственно, не Еврипиду. Их сочинил профессор Гилберт Мюррей, чей английский перевод «Вакханок» вошел в нашу драматургию с напористостью подлинника незадолго до того, как я начал писать «Майора Барбару». Пьеса не только в этом, но и в других отношениях находится у него в долгу.

Дж. Б. Ш.

Январский вечер 1906 года в библиотеке дома леди Бритомарт Андершафт на Уилтон-кресент. Посредине комнаты — большая удобная кушетка, обитая темной кожей. Справа от сидящего на кушетке (сейчас она пуста) — письменный стол леди Бритомарт, за столом — она сама; позади слева — еще один письменный стол, поменьше; рядом с леди Бритомарт — дверь; окно с широким подоконником — слева. У окна — кресло.

Леди Бритомарт — женщина лет пятидесяти; хорошо одевается, хотя не обращает внимания на костюм, хорошо воспитана, хотя совершенно равнодушна к собственной воспитанности; приятна в обращении, но прямолинейна до резкости и ничуть не считается с мнением собеседника; любезна, но своевольна, деспотична и раздражительна до последней степени; в общем, типичная матрона высшего круга, с которой обращались, как с непослушной девочкой, пока она сама не превратилась в строгую мамашу, не набралась уменья вести дела и не приобрела жизненного опыта, до нелепости ограниченного классовыми и семейными рамками; мир представляется ей чем-то вроде большого дома на Уилтон-кресент, и в своем уголке этого мира она правит, всецело основываясь на этом представлении, что не мешает ей держаться самых широких и просвещенных взглядов на все, что касается книг в библиотеке, картин на стенах, нот в папках и статей в газетах.

Входит ее сын Стивен. Молодой человек лет двадцати четырех, корректный до мрачности, весьма уважает самого себя, но все еще побаивается матери, скорее по детской привычке и по застенчивости, свойственной холостякам, чем по слабости характера.

Стивен. Вы меня звали, мама?

Леди Бритомарт. Минуту терпения, Стивен.

Стивен покорно идет к кушетке, садится и берет либеральный еженедельник, именуемый «Спикером».

Оставь газету, Стивен. Мне понадобится все твое внимание.

Стивен. Так ведь это только пока я жду...

Леди Бритомарт. Не оправдывайся, Стивен.

Стивен кладет газету на место.

Ну вот! *(Кончает писать, встает и подходит к кушетке.)* Кажется, я не слишком долго заставила тебя ждать?

Стивен. Нет, нет, нисколько.

Леди Бритомарт. Принеси мне подушку, Стивен.

Он берет подушку с кресла перед столом, кладет ее на кушетку, леди Бритомарт садится.

Садись.

Он садится и начинает нервно теребить галстук.

Оставь галстук, Стивен, он у тебя в порядке.

Стивен. Простите, мама. *(Начинает играть часовой цепочкой.)*

Леди Бритомарт. Теперь ты меня слушаешь, Стивен?

Стивен. Само собой, мама.

Леди Бритомарт. Нет, не само собой, Стивен. Мне не нужно такое внимание, которое само собой разумеется. Я собираюсь поговорить с тобой серьезно. Оставь, пожалуйста, цепочку в покое.

Стивен *(поспешно выпуская цепочку из рук)*. Я чем-нибудь огорчил вас, мама? Если так, то это вовсе не намеренно.

Леди Бритомарт *(в изумлении)*. Какие пустяки! *(С некоторым раскаянием.)* Бедный мальчик, неужели ты подумал, что я на тебя сержусь?

Стивен. Так в чем же дело, мама? Вы меня пугаете.

Леди Бритомарт *(выпрямляется, смотрит на него довольно грозно)*. Стивен, нельзя ли спросить, когда же ты поймешь наконец, что ты взрослый мужчина, а я всего-навсего женщина?

Стивен *(растерянно)*. Всего-навсего жен...

Леди Бритомарт. Пожалуйста, не повторяй моих слов. Что за отвратительная привычка! Пора тебе смотреть на жизнь серьезней, Стивен. Я не могу больше нести одна всю тяжесть наших семейных дел. Ты должен мне советовать и брать ответственность на себя.

Стивен. Я!

Леди Бритомарт. Да, конечно ты. Тебе в июне исполнилось двадцать четыре года. Ты учился в Харроу и Кембридже. Ты был в Индии и Японии. Ты должен очень много знать, если только не потратил время зря самым возмутительным образом. Так вот, дай мне совет.

Стивен *(в совершенном замешательстве)*. Вы знаете, я [redacted] когда не вмешивался в домашние дела...

Леди Бритомарт. Ну конечно, еще бы ты вмешивался [redacted] я вовсе не желаю, чтобы ты заказывал обед.

Стивен. Я хочу сказать — в наши семейные дела.

Леди Бритомарт. Ну, а теперь ты должен вмешаться [redacted] мне уже становится не под силу.

Стивен *(озабоченно)*. Я и сам думал иногда, что мне следовало бы вмешаться; но, право, мама, я так мало знаю, а то, что я знаю, так неприятно: есть вещи, о которых я просто не могу говорить с вами... *(Замолкает в смущении.)*

Леди Бритомарт. Это ты об отце?

Стивен *(почти неслышно)*. Да.

Леди Бритомарт. Милый мой, нельзя же нам молчать о нем всю жизнь. Разумеется, ты был совершенно прав, что не начинал разговора на эту тему, пока я сама тебя не попросила; но ты уже достаточно взрослый, чтобы я могла на тебя положиться и ждать от тебя поддержки, когда придется говорить с отцом о девочках.

Стивен. Но ведь девочки устроены. Они выходят замуж.

Леди Бритомарт *(снисходительно)*. Да, я нашла очень хорошую партию для Сары. К тридцати пяти годам Чарлз Ломэкс будет миллионером. Но это еще через десять лет, а до тех пор опекуны, согласно завещанию его отца, дают ему не больше восьмисот фунтов в год.

Стивен. В завещании сказано, что если он увеличит этот доход собственным трудом, то сумма может быть удвоена.

Леди Бритомарт. Ну, труд Чарлза Ломэкса может разве уменьшить этот доход, а не увеличить. И в течение десяти лет Саре придется откуда-то брать еще восемьсот фунтов в год, да и то они будут бедны, как церковные мыши. А Барбара? Я думала, из всех моих детей именно она сделает самую блестящую карьеру, и что же вместо этого? Она вступает в Армию спасения, рассчитывает горничную, живет на фунт в неделю и в один прекрасный вечер приводит с улицы какого-то учителя греческого языка, который прикинулся сторонником Армии спасения и записался в барабанщики, а все потому, что влюбился по уши в Барбару!

Стивен. Да, я, признаться, удивился, когда услышал, что они помолвлены. Адольф Казенс, конечно, очень порядочный малый. Никому в голову не придет, что он родился в Австралии, а все-таки...

Леди Бритомарт. Из Адольфа выйдет очень хороший муж. В конце концов, против греческого языка ничего не скажешь. Наоборот, сразу видно воспитанного человека. Да и семья моя, слава богу, не какие-нибудь тупоголовые консерваторы. Мы либералы и стоим за свободу. Пускай всякие там снобы говорят что угодно: Барбара выйдет не за того, кто нравится им, а за того, кто нравится мне.

Стивен. Я, конечно, имел в виду только его состояние. А впрочем, на что ему деньги?

Леди Бритомарт. Напрасно ты так думаешь, Стивен. Знаю я эти простые, тихие, утонченные поэтические натуры вроде Адольфа: им немного надо, только давай им все самое лучшее! Они обходятся куда дороже франтов; те — скряги и вообще дрянной народ. Нет, Барбаре понадобится самое меньшее две тысячи в год. Вот тебе еще два хозяйства. А кроме того, мой милый, тебе тоже нужно жениться поскорей. Я не одобряю нынешней моды на флиртующих холостяков и поздние браки. Я и для тебя подыскиваю подходящую партию.

Стивен. Вы очень добры, мама, только лучше уж я сам найду.

Леди Бритомарт. Какие пустяки! Ты еще молод, где тебе самому свататься: тебя поймает первая смазливая девчонка, какое-нибудь ничтожество. Разумеется, я ничего не говорю, тебя тоже спросят, ты это знаешь не хуже меня.

Стивен, поджав губы, молчит.

Ну, уж только не дуйся, Стивен.

Стивен. Я не дуюсь, мама. Но при чем же тут... При чем же тут... отец?

Леди Бритомарт. Милый мой Стивен, откуда же мы возьмем деньги? И ты и другие дети без труда проживете на мой доход, пока все мы под одной крышей, но я не в состоянии содержать четыре семьи, четыре разных дома. Ты знаешь, как беден мой отец, у него теперь еле-еле наберется семь тысяч в год, и, по правде говоря, не будь он граф Стивенэдж, его перестали бы принимать в обществе. Он ничего не может для нас сделать. Он говорит — и совершенно справедливо, что глупо было бы с его стороны заботиться о детях человека, который купается в золоте. Сам понимаешь, Стивен, твой отец должен быть баснословно богат: ведь всегда кто-нибудь да воюет.

Стивен. Вам незачем напоминать мне об этом. Мне еще ни разу в жизни не приходилось развернуть газету, чтоб не натолкнуться на нашу фамилию. Торпеда Андершафта! Скорострельные орудия Андершафта! Десятидюймовки Андершафта! Самоходный лафет Андершафта! Подводная лодка Андершафта! А теперь воздушный броненосец Андершафта! В Харроу меня звали «наследник арсенала». Да и в Кембридже тоже. В Королевском колледже один идиот, вечно носившийся с мыслью о религиозном возрождении, испортил мне Библию – ваш подарок ко дню рождения, – взял и написал под моим именем: «Сын и наследник фирмы Андершафт и Лейзерс, поставщиков смерти и разрушения. Адрес: Христианский мир и Иудея». Но это еще ничего; гораздо хуже, что меня везде принимают с распростертыми объятиями только потому, что мой отец нажил миллионы на торговле пушками.

Леди Бритомарт. Тут не только пушки, тут еще и военные займы, которые устраивает Лейзерс в форме кредитов на эти самые пушки. Просто возмутительно. Два человека, Эндру Андершафт и Лейзерс, прибрали к рукам всю Европу. Вот почему твой отец так себя держит. Он выше закона. Ты думаешь, что Бисмарк, Дизраэли или Гладстон позволили бы себе не считаться с обществом и моралью, как твой отец? Они просто не посмели бы. Я просила Гладстона вмешаться. Просила «Таймс». Просила лорда-чемберлена. С таким же успехом можно было просить, чтобы они объявили войну Турции. Они не хотят. Говорят, что его нельзя трогать. По-моему, они его просто боятся.

Стивен. Что же они могут сделать? Ведь он не совершил ничего противозаконного.

Леди Бритомарт. Ничего противозаконного! Да он всю свою жизнь поступает незаконно. Он и родился-то незаконно. Его родители были не обвенчаны.

Стивен. Мама! Неужели это правда?

Леди Бритомарт. Разумеется, правда. Из-за этого мы и разошлись.

Стивен. Он женился на вас и ничего не сказал вам?

Леди Бритомарт *(несколько смущенная таким выводом)*. Ну что ты, нет! Надо отдать Эндру справедливость – сказать-то он сказал. Ты ведь знаешь девиз Андершафтов: «Без стыда». Это было всем известно.

Стивен. Но вы говорите, что разошлись с ним из-за этого?

Леди Бритомарт. Да, мало того, что он сам найденыш, — он хотел лишить тебя наследства в пользу другого найденыша. Этого я не могла вынести.

Стивен *(сконфуженно)*. Вы хотите сказать — в пользу... в пользу...

Леди Бритомарт. Что ты там бормочешь, Стивен? Выражайся ясней.

Стивен. Но это просто ужасно, мама. Приходится говорить с вами на такие темы!

Леди Бритомарт. Мне это тоже неприятно, Стивен, тем более что ты до сих пор не научился вести себя как взрослый: ты теряешься, разыгрываешь какую-то невинность. Только мещане приходят в отчаяние и ужас от того, что на свете существуют негодяи. А людям нашего круга приходится решать, как поступить с этими негодяями; нам нельзя теряться. А теперь задай вопрос как следует.

Стивен. Мама, вы совсем не хотите со мной считаться! Или обращайтесь со мной по-прежнему, как с ребенком, и не говорите мне ничего, или расскажите все; а там уж мое дело, как я это приму.

Леди Бритомарт. Я обращаюсь с тобой, как с ребенком? Что ты, мой милый! С твоей стороны это просто черная неблагодарность. Ты же знаешь, я ни с кем из вас не обращалась как с детьми. Я всегда считала вас своими товарищами и друзьями и давала вам полную свободу говорить и поступать, как нравится, если вам нравилось то, что я одобряю.

Стивен *(в отчаянии)*. Ну хорошо, все мы очень дурные дети очень хорошей матери, но хоть на этот раз оставьте мои недостатки в стороне, прошу вас, и расскажите, что это за ужасная история. Отец хочет отстранить меня ради другого сына?

Леди Бритомарт *(удивленно)*. Ради какого сына? Я ничего подобного не говорила. Мне это и во сне не снилось. Вот что значит прерывать меня!

Стивен. Но вы же сами сказали...

Леди Бритомарт *(резко обрывая его)*. Ну, Стивен, веди себя прилично, имей терпение меня выслушать. Андершафты происходят от найденыша, подкинутого к церкви святого Эндру Андершафта в Сити. Это случилось очень давно, еще в царствование Якова Первого. Так вот, этого найденыша усыновил один оружейник и пушкарного дела мастер. Со временем он унаследовал мастерскую оружей-

ника и из благодарности или по обету, не знаю уж почему, тоже усыновил найденыша и завещал дело ему. И этот найденыш поступил так же. И с тех пор пушечное дело всегда переходило к найденышу вместе с именем Эндру Андершафт.

Стивен. Но разве они не женились? Разве у них не было законных сыновей?

Леди Бритомарт. Конечно были; они женились, как женился и твой отец, и были достаточно богаты, чтобы купить своим детям поместья и оставить им хорошее состояние. Но они всегда усыновляли и воспитывали какого-нибудь найденыша, с тем чтобы он унаследовал их дело, и, разумеется, жестоко ссорились из-за этого со своими женами. Твоего отца тоже усыновили, и он, видишь ли, считает себя обязанным поддержать традицию и усыновить кого-нибудь, чтобы передать ему дело. Разумеется, я этого не потерплю. Это, может быть, имело смысл, пока Андершафты могли жениться только на женщинах своего круга и пока их сыновья неспособны были управлять большим делом. Но обходить моего сына нет никаких оснований.

Стивен *(с сомнением)*. Боюсь, что из меня выйдет плохой управляющий орудийным заводом.

Леди Бритомарт. Пустяки! Ты можешь нанять управляющего и платить ему жалованье.

Стивен. Отец, как видно, невысокого мнения о моих способностях.

Леди Бритомарт. Какой вздор, Стивен! Тогда ты был младенцем. При чем тут твои способности? Эндру сделал это из принципа, он все дурные поступки совершает из принципа. Когда мой отец потребовал у него объяснений, Эндру не постеснялся сказать ему прямо в глаза, что в истории только два предприятия увенчались успехом: одно — фирма Андершафт, а другое — римская империя при Антонинах; и то будто бы потому, что все Антонины усыновляли своих преемников. Глупости какие! Надеюсь, Стивенэджи ничем не хуже Антонинов, а ведь ты Стивенэдж. Но это похоже на Эндру. Он всегда был такой. Когда нужно защищать какую-нибудь нелепость и несправедливость, он за словом в карман не лезет. А когда нужно вести себя разумно и прилично, злится и молчит.

Стивен. Так, значит, это из-за меня разладилась наша семейная жизнь? Мне очень жаль, мама.

Леди Бритомарт. Ах, милый мой, были и другие причины. Я не терплю безнравственности. Кажется, я не фарисейка, я ничего не имела бы против, если бы Эндру вел себя дурно: все мы далеки от совершенства. Но твой отец вел себя как полагается, а думал и говорил бог знает что, вот это-то и ужасно. И возвел это в какую-то религию. Обычно прощаешь людям, которые ведут себя безнравственно, лишь бы они признавали свои заблуждения и проповедовали нравственность. Я же не могла простить Эндру, что он проповедует безнравственность, а ведет себя нравственно. Вы все выросли бы беспринципными людьми и не умели бы отличить хорошее от дурного, если бы он жил вместе с нами. Ведь ты знаешь, мой милый, твой отец был во многих отношениях очень привлекательный человек. Дети любили его, и он пользовался этим, чтобы внушать им самые возмутительные идеи, так что с вами сладу не было. Нельзя сказать, чтобы я его не любила: напротив, но в вопросах морали между нами всегда была пропасть.

Стивен. Все это просто кажется мне диким. Люди могут не сходиться в убеждениях, верить по-разному, но как можно расходиться в мнениях о том, что хорошо и дурно? Что хорошо — то хорошо, а что дурно — то дурно; если человек не может отличить хорошего от дурного, он либо мошенник, либо дурак, вот и все.

Леди Бритомарт *(тронутая)*. Ах ты мой милый мальчик! *(Треплет его по щеке.)* Твой отец никогда не мог ответить на этот вопрос, только смеялся и говорил какой-нибудь вздор, лишь бы увильнуть. А теперь, когда тебе все известно, что ты мне посоветуешь делать?

Стивен. А что вы можете сделать?

Леди Бритомарт. Мне нужны деньги во что бы то ни стало.

Стивен. У него нам нельзя брать. Я лучше перееду от вас в дешевую квартиру, где-нибудь на Бедфорд-сквер или даже в Хемстеде, чем возьму у него хоть грош.

Леди Бритомарт. Но ведь и теперь мы живем на его средства.

Стивен *(потрясенный)*. Я этого не знал.

Леди Бритомарт. Не думал же ты, что дедушка может что-нибудь давать мне? Стивенэджи не в состоянии все для тебя сделать. Мы дали тебе положение в обществе. Эндру тоже должен чем-нибудь помочь. Я думаю, он не в убытке.

Стивен *(с горечью)*. Так, значит, мы всецело зависим от отца и от его пушек?

Леди Бритомарт. Разумеется, нет: деньги положены на мое имя. Но вклад сделал он. Так что, ты понимаешь, вопрос не в том, брать или не брать у него деньги, а в том, сколько брать. Мне самой ничего не нужно.

Стивен. Мне тоже.

Леди Бритомарт. А Саре нужно и Барбаре нужно. То есть им понадобятся деньги для Чарлза Ломэкса и Адольфа Казенса. Поэтому мне придется спрятать гордость в карман и просить у твоего отца денег. Значит, ты мне советуешь, Стивен, не правда ли?

Стивен. Нет, не советую.

Леди Бритомарт *(резко)*. Стивен!

Стивен. Конечно, если вы уже решили...

Леди Бритомарт. Я еще ничего не решила; я прошу у тебя совета и жду, что ты скажешь. Я не желаю, чтобы всю ответственность взвалили на меня одну.

Стивен *(упрямо)*. Я скорее умру, чем попрошу у него хоть грош.

Леди Бритомарт *(тоном жертвы)*. Это значит, что просить должна я. Очень хорошо, Стивен, пусть будет так, как ты хочешь. Тебе будет приятно узнать, что твой дедушка того же мнения. Он думает, что мне следует пригласить Эндру сюда, чтобы он повидался с дочерьми. В конце концов, должна же у него быть какая-то привязанность к детям!

Стивен. Пригласить его сюда?!

Леди Бритомарт. Не повторяй моих слов, Стивен. Куда же еще я могу его пригласить?

Стивен. Я не ожидал, что вы его вообще пригласите.

Леди Бритомарт. Не раздражай меня, Стивен. Ты же сам понимаешь – нужно, чтоб он сделал нам визит, не так ли?

Стивен *(неохотно)*. Да, пожалуй, если девочки не могут обойтись без его денег.

Леди Бритомарт. Благодарю тебя, Стивен. Я знала, что ты сумеешь дать мне хороший совет, если объяснить тебе, чего я хочу. Я пригласила твоего отца приехать сегодня вечером.

Стивен вскакивает с места.

Не вскакивай, Стивен, это мне действует на нервы.

Стивен *(в совершенном ужасе)*. Вы хотите сказать, что отец

будет здесь сегодня вечером, что он может приехать с минуты на минуту?!

Леди Бритомарт *(взглянув на часы)*. Я просила его быть к девяти.

Стивен охает. Леди Бритомарт встает.

Позвони, пожалуйста.

Стивен подходит к письменному столу поменьше, нажимает кнопку звонка, садится, облокачивается на стол и подпирает голову руками, ошеломленный и растерянный.

Сейчас без десяти минут девять, а мне еще нужно подготовить девочек. Я нарочно пригласила к обеду Чарлза Ломэкса и Адольфа, это будет кстати. Пускай Эндру сам на них посмотрит, чтобы у него не осталось никаких иллюзий насчет того, будто они способны содержать своих жен.

Входит дворецкий.

(Обращается к нему.) Морисон, подите в гостиную и скажите, что я прошу всех прийти сюда сейчас же.

Морисон уходит.

(Стивену.) Не забудь, Стивен: я рассчитываю на твою выдержку и авторитет.

Он встает и пытается придать своему лицу соответствующее выражение.

Придвинь мне стул, мой милый.

Он передвигает стул от стены к маленькому письменному столу, возле которого стоит леди Бритомарт; она садится. Стивен идет к креслу и бросается в него.

Не знаю, как Барбара это примет. С тех пор как ее сделали майором Армии спасения, у нее развилась наклонность поступать по-своему и командовать людьми; подчас она меня просто пугает. Воспитанной девушке такие манеры вовсе не к лицу. Не знаю, право, где она этого набралась. Ну, меня Барбара не запугает, а все-таки лучше бы твой отец был уже здесь, а то она, пожалуй, откажется видеться с ним или поднимет шум. Не смотри так испуганно, Стивен, этим ты только раззадоришь Барбару. Видит бог, я и сама волнуюсь, но не подаю виду.

Появляются Сара и Барбара со своими поклонниками — Чарлзом Ломэксом и Адольфом Казен-

сом. Сара — изящная, томная, светская; Барбара — крепче, жизнерадостней и гораздо энергичней. Сара одета по моде. Барбара — в мундире Армии спасения. Чарлз Ломэкс — молодой повеса, похожий на всех молодых светских повес. Страдает гипертрофией чувства юмора, которое граничит у него с легкомыслием и проявляется в самые неподходящие для этого минуты припадками с трудом подавляемого смеха. Казенс — ученый в очках, худой; жидкие волосы, мягкий голос; страдает более сложной формой болезни Ломэкса: чувство юмора, интеллектуальное и тонкое, осложняется у него вспышками неистового раздражения. Постоянная борьба мягкой и гуманной натуры с приступами желчного сарказма и резкой раздражительности держит его в неослабном напряжении, что, по-видимому, отражается на здоровье. Это человек в высшей степени решительный, неумолимый, упорный и нетерпимый, который в силу одной только выдержанности производит впечатление — впрочем, он и на самом деле таков — человека мягкого, внимательного, уступчивого, щепетильного и даже кроткого, способного, быть может, на убийство, но не на грубость или жестокость. Под влиянием какого-то инстинкта, который слишком безжалостен, чтобы дать ему иллюзию любви, Адольф выказывает упорное стремление жениться на Барбаре. Ломэксу нравится Сара; он думает, что жениться на ней было бы забавно, поэтому не противится махинациям леди Бритомарт.

У всех четверых такой вид, словно они очень веселились в гостиной. Девушки входят первыми, оставив своих поклонников за дверью. Сара подходит к кушетке. За ней входит Барбара и останавливается в дверях.

Барбара. Чолли и Долли тоже можно войти?

Леди Бритомарт *(энергично)*. Барбара, я не желаю, чтобы Чарлза звали Чолли; я просто делаюсь больна от такой вульгарности.

Барбара. Это ничего, мама, в наше время Чолли звучит вполне прилично. Можно им войти?

Леди Бритомарт. Да, если они будут вести себя как следует.

Барбара *(обернувшись к дверям)*. Входите, Долли, и ведите себя как следует.

Барбара подходит к письменному столу леди Бритомарт.

Казенс входит, улыбаясь, и с рассеянным видом идет к леди Бритомарт.

Сара *(зовет)*. Входите, Чолли.

Ломэкс входит, едва сдерживая смех, и останавливается на полдороге между Сарой и Барбарой.

Леди Бритомарт *(повелительно)*. Сядьте, пожалуйста, все сядьте.

Они садятся. Казенс переходит к окну и садится там. Ломэкс берет себе стул. Барбара садится у письменного стола, а Сара на кушетку.

Совершенно не понимаю, чему вы смеетесь, Адольф? От Чарлза Ломэкса я ничего другого не ожидала, а вам я удивляюсь.

Казенс *(необыкновенно мягким голосом)*. Барбара пробовала выучить меня маршу Армии спасения.

Леди Бритомарт. Не вижу, чему тут смеяться, а тем более вам, если вы в самом деле обратились.

Казенс *(кротко)*. Вы не видели. Было в самом деле смешно.

Ломэкс. Потрясающе!

Леди Бритомарт. Успокойтесь, Чарлз. Теперь выслушайте меня, дети. Ваш отец будет здесь сегодня вечером.

Общее изумление. Ломэкс, Сара и Барбара встают: Сара в испуге, Барбара в ожидании, заинтересованная.

Ломэкс *(протестуя)*. Ну, доложу я вам!

Леди Бритомарт. Вас вовсе не просили докладывать, Чарлз.

Сара. Вы не шутите, мама?

Леди Бритомарт. Разумеется, нет. Я пригласила его ради тебя, Сара, и ради Чарлза.

Молчание. Сара садится, пожав плечами. Чарлз явно удручен таким незаслуженным вниманием.

Надеюсь, ты не возражаешь, Барбара?

Барбара. Я? Нет, почему же? Душа моего отца так же нуждается в спасении, как и у всякого другого. Насколько это меня касается, я ему даже рада. *(Садится на край стола и тихонько насвистывает «Вперед, о воины Христа».)*

Ломэкс *(все еще протестуя)*. Ну, знаете ли! Вот так дела!

Леди Бритомарт *(холодно)*. Что вы этим хотите сказать, Чарлз?

Ломэкс. Ну послушайте, согласитесь сами, что это уж слишком.

Леди Бритомарт *(со зловещей любезностью, обращаясь к Казенсу)*. Адольф, вы преподаете греческий; не можете ли вы перевести нам замечания Чарлза Ломэкса на приличный английский язык?

Казенс *(осторожно)*. Насколько я могу судить, леди Брит, Чарлзу удалось выразить то, что все мы чувствуем. Гомер, говоря об Автолике, употребляет то же выражение «πυκιγόν δόμον ἐλθετν», что и значит: «Это уж слишком».

Ломэкс *(великодушно)*. Что же, я не против, знаете ли, если Сара не против. *(Садится.)*

Леди Бритомарт *(уничтожающе)*. Благодарю вас. А вы, Адольф, тоже разрешите мне пригласить моего собственного мужа в мой собственный дом?

Казенс *(галантно)*. Во всем, что бы вы ни делали, я всецело на вашей стороне.

Леди Бритомарт. Ну-ну, довольно! А тебе, Сара, разве нечего сказать?

Сара. Он совсем к нам переедет?

Леди Бритомарт. Разумеется нет. Ему приготовлена комната для гостей, если он захочет остаться на день, на два и познакомиться с вами поближе, но всему есть границы.

Сара. Ну что ж, ведь он нас не съест. Я не возражаю.

Ломэкс *(посмеиваясь)*. Любопытно, что-то запоет старик.

Леди Бритомарт. Без сомнения, то же, что и старуха, Чарлз.

Ломэкс *(смутившись)*. Я вовсе не хотел сказать... то есть...

Леди Бритомарт. Вы не хотели подумать, Чарлз. Вы никогда не думаете и поэтому говорите совсем не то, что хотели сказать. А теперь, пожалуйста, выслушайте меня, дети. Ваш отец вас совсем не знает.

Ломэкс. Должно быть, он не видел Сару с тех пор, как она была малюткой.

Леди Бритомарт. Да, тогда она была малюткой, Чарлз, как вы изволили заметить с изяществом речи и благородством мысли, которые никогда вам не изменяют. Следовательно... э... *(С досадой.)* Ну вот я и забыла, что хотела сказать. А все это из-за вас, Чарлз! Вы сами напрашиваетесь, чтобы вас отбрили. Адольф, будьте любезны напомнить мне, на чем я остановилась.

Казенс *(мягко)*. Вы говорили, что мистер Андершафт не видел своих детей с младенческих лет и будет судить

о том, как вы их воспитали, по их поведению сегодня вечером, а поэтому вы желаете, чтобы мы вели себя как можно осмотрительнее, в особенности Чарлз.

Леди Бритомарт *(с подчеркнутым одобрением)*. Вот именно.

Ломэкс. Послушайте, Долли, леди Брит этого не говорила.

Леди Бритомарт *(энергично)*. Я это говорила, Чарлз. Адольф прекрасно все запомнил. Очень важно, чтобы вы вели себя хорошо. И я прошу вас хоть на этот раз не рассаживаться парочками по углам, не шептаться и не хихикать, пока я буду говорить с вашим отцом.

Барбара. Хорошо, мама. Мы постараемся. *(Соскакивает со стола и садится на стул в изящной позе благовоспитанной девушки.)*

Леди Бритомарт. Помните, Чарлз, что Сара должна гордиться вами, а не стыдиться вас.

Ломэкс. Ну, знаете ли! Было бы чем гордиться.

Леди Бритомарт. Так вот, постарайтесь, чтоб было чем гордиться.

Морисон, бледный и испуганный, врывается в комнату в явном расстройстве.

Морисон. Могу я просить вас на два слова, миледи?

Леди Бритомарт. Какие пустяки! Ведите его сюда.

Морисон. Слушаю, миледи. *(Уходит.)*

Ломэкс. Морисон знает, кто это?

Леди Бритомарт. Ну еще бы! Морисон — наш старый слуга.

Ломэкс. Вот, должно быть, глаза вытаращил!

Леди Бритомарт. Чарлз, неужели вы не нашли другого времени, чтобы раздражать меня вашими возмутительными словечками?

Ломэкс. Но ведь это действительно из ряда вон...

Морисон *(в дверях)*. Э-э-э... Мистер Андершафт. *(Отступает в смятении.)*

Входит Эндру Андершафт. Все встают. Леди Бритомарт встречает его на середине комнаты, позади кушетки.

С виду Эндру — пожилой, склонный к полноте и довольно безобидный джентльмен, любезный и внимательный в обращении, привлекательно простой по характеру. Но взгляд у него зоркий, решительный, подмечающий каждую мелочь, а широкая грудь и объемистый череп говорят о громадной силе, телесной и духовной. Его мягкость —

это отчасти осторожность сильного человека, который по опыту знает, что его обычная хватка пугает людей, и потому он обращается с ними очень бережно; отчасти же эта мягкость объясняется примиряющим влиянием старости и успеха. В данную минуту его тоже стесняет неловкость положения.

Леди Бритомарт. Здравствуй, Эндру.

Андершафт. Как поживаешь, моя милая?

Леди Бритомарт. А ты порядком постарел.

Андершафт *(извиняющимся тоном)*. Да. Я постарел, милая. *(Берет ее руку с оттенком галантности.)* А вот тебя время пощадило.

Леди Бритомарт *(отталкивая его руку)*. Пустяки! Вот твои дети.

Андершафт *(в изумлении)*. Так много? К сожалению, память мне кое в чем изменяет. *(Отечески благосклонно протягивает руку Ломэксу.)*

Ломэкс *(с силой трясет его руку)*. Как поживаете?

Андершафт. Ты, должно быть, мой старший сын? Очень рад тебя видеть, мой мальчик.

Ломэкс *(протестуя)*. Нет, в самом деле... *(Совершенно теряясь.)* Вот тебе и раз!

Леди Бритомарт *(оправившись после минутного остолбенения)*. Эндру, неужели ты не помнишь, сколько у тебя детей?

Андершафт. К сожалению, я... Они так выросли... Э-э... Разве я ошибся? Ну, так и быть, признаюсь, я помню только одного сына. Но с тех пор, разумеется, утекло столько воды... э-э...

Леди Бритомарт *(решительно)*. Эндру, ты говоришь глупости. Разумеется, у тебя только один сын.

Андершафт. Быть может, ты будешь так любезна и познакомишь нас?

Леди Бритомарт. Это Чарлз Ломэкс, жених Сары.

Андершафт. Простите меня, дорогой мой.

Ломэкс. Ну что вы! Я очень рад, уверяю вас.

Леди Бритомарт. А вот это Стивен.

Андершафт *(кланяясь)*. Рад с вами познакомиться, мистер Стивен. *(Переходит к Казенсу.)* Так, значит, это мой сын. *(Берет обе руки Казенса в свои руки.)* Ну, как поживаешь, мой юный друг? *(Леди Бритомарт.)* Очень похож на тебя, моя милая.

Казенс. Вы льстите мне, мистер Андершафт. Меня зовут

Казенс, я помолвлен с Барбарой. *(Вразумительно.)* Вот это Барбара Андершафт, майор Армии спасения. Это Сара – ваша вторая дочь. Это Стивен Андершафт – ваш сын.

Андершафт. Извини меня, милый мой Стивен.

Стивен. О, пожалуйста.

Андершафт. Мистер Казенс, я очень благодарен вам за точность разъяснения. *(Саре.)* Барбара, милая моя...

Сара *(подсказывает.)* Сара.

Андершафт. Да, конечно, Сара.

Жмут друг другу руки.

(Он переходит к Барбаре.) Барбара, надеюсь, я не ошибся на этот раз?

Барбара. Совершенно верно. *(Жмет руку.)*

Леди Бритомарт *(вновь принимая командование)*. Садитесь. Сядь, Эндру. *(Она подходит к кушетке и садится сама.)*

Казенс берет стул и ставит слева от нее. Барбара и Стивен остаются на прежних местах. Ломэкс подает стул Саре и идет за другим.

Андершафт. Благодарю тебя, дорогая.

Ломэкс *(фамильярно, ставя стул между письменным столом и кушеткой и предлагая его Андершафту)*. А ведь правда, нелегко сразу разобраться?

Андершафт *(берет стул, но не садится)*. Меня смущает не это, мистер Ломэкс. Затруднение в том, что если я буду играть роль отца, то произведу впечатление навязчивого незнакомца, а если буду играть роль тактичного незнакомца, могу показаться равнодушным отцом.

Леди Бритомарт. Эндру, тебе вовсе не нужно играть никакой роли. Держись естественно и просто, так будет лучше.

Андершафт *(покорно)*. Да, милая, пожалуй, это будет всего лучше. *(Усаживается поудобнее.)* Ну, а теперь поговорим. Что же вам всем от меня нужно?

Леди Бритомарт. Нам ничего от тебя не нужно, Эндру. Ты член семьи. Сиди с нами и будь как дома.

Тягостное молчание. Барбара строит гримасы Ломэксу, который слишком долго сдерживался и теперь разражается сдавленным ржанием.

(Оскорбленно.) Чарлз Ломэкс, если можете, ведите себя прилично, а если не можете, выйдите из комнаты.

Ломэкс. Простите, ради бога, леди Брит, но, право... знаете ли, честное слово! *(Садится на кушетку между леди Бритомарт и Андершафтом, совершенно обессилев от смеха.)*

Барбара. Что же вы, Чолли? Смейтесь, когда хочется. Раз натура требует.

Леди Бритомарт. Барбара, тебе дали хорошее воспитание. Так покажи это отцу и не разговаривай, точно какая-нибудь уличная девчонка.

Андершафт. Не беспокойся, милая. Я ведь, знаешь ли, не джентльмен и воспитания не получил.

Ломэкс *(поощрительно)*. А совсем незаметно, знаете ли. Вид у вас вполне приличный, уверяю вас.

Казенс. Позвольте дать вам совет, мистер Андершафт: учитесь греческому. Эллинисты – привилегированная публика. Очень немногие из них знают греческий, и никто из них не знает ничего, кроме греческого, но авторитет их незыблем. Все остальные языки – достояние официантов и коммивояжеров, и только греческий для человека с положением в обществе – то же, что проба для серебра.

Барбара. Долли, не ломайтесь! Чолли, принесите концертино и сыграйте нам что-нибудь.

Ломэкс *(радостно вскакивает с места, но сдерживается и с сомнением обращается к Андершафту)*. А может, эта штука не по вашей части, а?

Андершафт. Я очень люблю музыку.

Ломэкс *(в восторге)*. Да что вы? Тогда я сейчас принесу. *(Уходит наверх за инструментом.)*

Андершафт. Ты играешь, Барбара?

Барбара. Только на тамбурине. Впрочем, Чолли учит меня играть на концертино.

Андершафт. Чолли тоже в Армии спасения?

Барбара. Нет, он говорит, что это дурной тон. Впрочем, он подает надежды. Вчера я заставила его пойти на митинг к докам и собирать деньги в шляпу.

Андершафт многозначительно смотрит на жену.

Леди Бритомарт. Я тут ни при чем, Эндру, Барбара достаточно взрослая, чтобы поступать по-своему. У нее нет отца, который мог бы ей советовать.

Барбара. Нет, есть. В Армии спасения не может быть сирот.

Андершафт. У вашего отца много детей и немалый опыт, а?

Барбара *(смотрит на него с живым интересом и хихикает)*. Совершенно верно. Как же *вы* это поняли?

Слышно, как Ломэкс за дверью пробует концертино.

Леди Бритомарт. Входите, Чарлз. Сыграйте нам что-нибудь.

Входит Ломэкс.

Ломэкс. Ладно! *(Садится на прежнее место и начинает.)*

Андершафт. Одну минуту, мистер Ломэкс. Меня интересует Армия спасения. Ее девиз мог бы быть и моим: кровь и огонь.

Ломэкс *(шокированный)*. Но ведь это совсем другие кровь и огонь, знаете ли.

Андершафт. Мои кровь и огонь очищают.

Барбара. И наши тоже. Приходите завтра утром ко мне в убежище — Вестхэмское убежище — и посмотрите, что мы там делаем. Мы идем на большой митинг в зале собраний на Майл-Энд. Приходите, вы посмотрите убежище и пойдете с нами на митинг; это будет вам очень полезно. Вы умеете играть на чем-нибудь?

Андершафт. В юности я зарабатывал на улицах и в пивных немало пенсов и даже шиллингов благодаря природной способности к танцам. А несколько позже стал членом музыкального общества фирмы Андершафт и довольно сносно играл на тромбоне.

Ломэкс *(скандализованный, опускает концертино)*. Ну, знаете ли.

Барбара. В Армии спасения не один грешник доигрался на тромбоне до царства небесного.

Ломэкс *(Барбаре, все еще шокированный)*. Да, знаете ли, а как же пушечный завод? *(Андершафту.)* Царство небесное ведь не совсем по вашей части, а?

Леди Бритомарт. Чарлз?

Ломэкс. Но ведь это же само собой разумеется, не так ли? Пушечный завод, может быть, и нужен и все такое, без пушек нам не обойтись, — а все-таки нехорошо, знаете ли. А с другой стороны, в Армии спасения, может, и много всякой чепухи, — я сам принадлежу к англиканской церкви, — но согласитесь, что это как-никак религия; а ведь нельзя же быть против религии, верно? Разве уж какой-нибудь самый безнравственный человек будет против, знаете ли.

Андершафт. Не думаю, чтобы вы правильно оценивали мое положение, мистер Ломэкс...

Ломэкс *(торопливо)*. Лично против вас я ничего не имею...

Андершафт. Вот именно, вот именно. Однако подумайте немножко. Я наживаюсь на убийствах и увечьях. Сейчас я в особенно благодушном настроении, потому что нынче утром на заводе мы разнесли вдребезги двадцать семь манекенов из орудия, которое прежде уничтожало только тринадцать.

Ломэкс *(снисходительно)*. Ну что ж, чем разрушительнее становятся войны, тем скорее они прекратятся, верно?

Андершафт. Ничего подобного. Чем разрушительнее война, тем больше в ней увлекательного. Нет, мистер Ломэкс, я вам чрезвычайно обязан за то, что вы постарались найти оправдание моему ремеслу, но я его не стыжусь. Я не из тех людей, у которых мораль и профессия отделены друг от друга водонепроницаемыми переборками. Все лишние деньги, которые мои конкуренты, для успокоения нечистой совести, жертвуют на больницы, соборы и прочее, я трачу на опыты и исследования, совершенствующие методы уничтожения жизни и имущества. Я всегда так делал и буду делать, а потому ваши азбучные истины насчет «мира на земле и в человецех благоволения» мне ни к чему. С вашим христианским учением, которое предписывает не противиться злу и подставлять другую щеку, я обанкротился бы. В моей морали, в моей религии должно быть место пушкам и торпедам.

Стивен *(холодно, почти злобно)*. Вы говорите так, как будто можно выбирать из десятка религий и моральных систем, тогда как есть только одна истинная религия и одна истинная мораль.

Андершафт. Для меня есть только одна истинная мораль, но вам она, возможно, не подойдет, потому что вы не фабрикуете боевые корабли. Для каждого человека существует только одна истинная мораль, но у всех она разная.

Ломэкс *(силится понять и не может)*. Не повторите ли вы это еще раз? Я что-то не совсем понял.

Казенс. Очень просто. Еврипид говорит: «Что одному полезно, то для другого — яд», и в умственном и в физическом отношении.

Андершафт. Совершенно верно.

Ломэкс. Ах, вот что! Да, да, да. Так, так, так.

Стивен. Другими словами, есть честные люди и есть негодяи.

Барбара. Вздор! Негодяев не существует.

Андершафт. В самом деле? А хорошие люди есть?

Барбара. Нет. Ни одного. Нет ни хороших людей, ни негодяев, есть только дети одного отца; и чем скорее они перестанут осыпать друг друга бранью, тем будет лучше. Не спорьте со мной, я знаю людей. Через мои руки прошли десятки: негодяи, преступники, атеисты, филантропы, миссионеры, члены совета, всякого рода люди. Все они равно грешники, и всем им равно уготовано спасение.

Андершафт. А приходилось ли тебе спасать фабриканта пушек?

Барбара. Нет. Вы позволите мне попытаться?

Андершафт. Что ж, давай заключим условие. Я навещу тебя завтра в убежище Армии спасения, а ты должна прийти ко мне послезавтра на орудийный завод.

Барбара. Берегитесь! Это может кончиться тем, что вы бросите пушки ради Армии спасения.

Андершафт. А ты уверена, что не бросишь Армию спасения ради пушек?

Барбара. Ну что ж, я рискну.

Андершафт. Я тоже.

Жмут друг другу руки.

Где твое убежище?

Барбара. В Вестхэме. Под вывеской креста. Спросите кого угодно в Кеннингтауне. А где ваш завод?

Андершафт. В Перивэйл Сент-Эндрюс. Под вывеской меча. Спроси кого угодно в Европе.

Ломэкс. Может быть, все-таки сыграть что-нибудь?

Барбара. Да, сыграйте «Вперед, о воины Христа».

Ломэкс. Ну, для начала, знаете ли, это, пожалуй, слишком сильно. Не сыграть ли «Брат, ты переходишь в мир иной»? Мотив почти тот же.

Барбара. Уж слишком он грустный. Вот когда вы спасетесь, Чолли, вы перейдете в мир иной, не поднимая такого шума.

Леди Бритомарт. Право, Барбара, послушать тебя, так религия — только занимательный предмет для разговора. Надо же иметь хоть какое-то чувство приличия.

Андершафт. Я бы не сказал, что это незанимательный предмет, милая. Умных людей только это и занимает по-настоящему.

Леди Бритомарт *(взглядывая на часы)*. Что ж, если так,

я решительно настаиваю, чтоб это было сделано как полагается. Чарлз, позвоните к молитве.

Общее смятение. Стивен поднимается в испуге.

Ломэкс *(вставая)*. Ну, знаете ли!

Андершафт *(вставая)*. Боюсь, что мне пора уходить.

Леди Бритомарт. Теперь тебе нельзя уйти, Эндру, это было бы в высшей степени неприлично. Садись. Что подумает прислуга?

Андершафт. Не могу, милая, меня одолевают религиозные сомнения. Нельзя ли предложить компромисс? Если Барбара проведет небольшое богослужение в гостиной с мистером Ломэксом в качестве органиста, я с удовольствием буду присутствовать. Могу даже принять активное участие, если найдется тромбон.

Леди Бритомарт. Не издевайся, Эндру.

Андершафт *(шокированный, Барбаре)*. Надеюсь, ты не думаешь, что это насмешка, дорогая моя?

Барбара. Нет, конечно; а впрочем, и это не беда: половина нашей армии в первый раз пришла на митинг забавы ради. *(Вставая.)* Идем. *(Обнимает отца и, уводя его, зовет других.)* Идем, Долли. Идем, Чолли.

Казенс встает.

Леди Бритомарт. Я не потерплю такого непослушания. Адольф, сядьте.

Он не садится.

Чарлз, вы можете идти. Вам нельзя присутствовать на молитве — вы не в состоянии вести себя прилично.

Ломэкс. Ну, знаете ли! *(Уходит.)*

Леди Бритомарт *(продолжает)*. А вы, Адольф, умеете держать себя, когда захотите; я желаю, чтобы вы остались.

Казенс. Дорогая леди Брит, в семейном молитвеннике есть слова, которые я не желал бы слышать из ваших уст.

Леди Бритомарт. Какие же это слова?

Казенс. Вам придется сказать при всей прислуге, что мы делали многое, чего не должны были делать, и не сделали того, что должны были сделать, и что в нас мало доброго. Этого я не могу слышать, это несправедливо по отношению к вам, несправедливо по отношению к Барбаре. Что же касается меня лично, то я решительно проте-

стую: я сделал все, что мог. Иначе я не смел бы жениться на Барбаре, не мог бы смотреть вам в глаза. И потому я должен идти в гостиную.

Леди Бритомарт *(оскорбленная)*. Хорошо, идите.

Казенс делает шаг к двери.

И запомните, Адольф...

Он оборачивается.

Я сильно подозреваю, что вы вступили в Армию спасения только ради Барбары, ни для чего больше. Я отдаю должное ловкости, с которой вы водите меня за нос. Но я вас раскусила. Смотрите, чтоб не раскусила и Барбара. Вот и все.

Казенс *(с невозмутимой кротостью)*. Не выдавайте меня, леди Брит. *(Выскальзывает из комнаты.)*

Леди Бритомарт. Сара, никто не мешает тебе уйти. Это будет гораздо лучше, чем сидеть с таким видом, точно тебе хочется быть где угодно, только не здесь.

Сара *(томно)*. Хорошо, мама. *(Уходит.)*

Леди Бритомарт порывистым движением прикладывает к глазам платок.

Стивен *(бросается к ней)*. Мама, что с вами?

Леди Бритомарт *(смахивает слезы)*. Ничего. Глупости. Иди и ты к нему, если хочешь, и оставь меня с прислугой.

Стивен. О, ради бога, не думайте так, мама. Мне... Мне он не по душе.

Леди Бритомарт. А другим по душе. Вот как несправедлива к женщине судьба. Женщина воспитывает детей, то есть сдерживает их порывы, отказывает им в том, чего им хочется, задает им уроки, наказывает их за проступки, берет на себя все неприятные обязанности. А потом, когда ее дело сделано, является отец, который только баловал и портил их, и отнимает у нее любовь детей.

Стивен. Нашей любви он у вас не отнимет. Это просто любопытство.

Леди Бритомарт *(резко)*. В утешении я не нуждаюсь, Стивен. Ровно ничего не случилось. *(Встает и идет к двери.)*

Стивен. Куда вы, мама?

Леди Бритомарт. В гостиную, разумеется. *(Выходит из комнаты.)*

Когда она открывает дверь, слышно, как на концертино играют «Вперед, о воины Христа» под аккомпанемент тамбурина.

Ты идешь, Стивен?

Стивен. Нет, не иду.

Она уходит. Он садится на кушетку, поджав губы, с выражением сильнейшего неодобрения.

Во дворе Вестхэмского убежища Армии спасения довольно холодно в это январское утро. Само здание убежища — старый склад — только что побелено известкой. Фасад его выходит на середину двора; в нижнем этаже — дверь, другая — в верхнем, чердачном этаже, без балкона и без лестницы, но с блоком для втаскивания наверх мешков. Если выйти из двери нижнего этажа во двор, налево — ворота на улицу, за воротами — каменная кормушка для лошадей, направо — стол под навесом, защищающим его от непогоды. Возле стола лавки; на одной из них сидят м у ж ч и н а и ж е н щ и н а. И ей и ему, как видно, сильно не везет в жизни; они кончают завтрак — у каждого по толстому ломтю, намазанному маргарином с патокой, и по кружке воды с молоком.

Мужчина — ремесленник без работы, говорун и позер, еще молодой, юркий и достаточно сообразительный, чтобы быть способным на все, кроме честности и каких бы то ни было альтруистических побуждений. Женщина — обыкновенная старая карга, побирушка, олицетворение нищеты и отверженности. На вид ей лет шестьдесят, на самом деле, вероятно, лет сорок пять. Если б это были богатые люди, в перчатках и с муфтами, укутанные в меха, они закоченели бы и чувствовали бы себя несчастными: январский холод пронизывает до костей. После первого же взгляда на грязные строения складов на заднем плане и на свинцовое небо над выбеленными стенами двора любой состоятельный бездельник умчался бы на берега Средиземного моря. Но этих двоих тянет к Средиземному морю не больше, чем на луну; и так как они вынуждены держать платье в закладе чаще, чем надевать его на себя, в особенности зимой, то холод их не угнетает, а, скорее, придает им бодрости, которая после еды переходит чуть ли не в веселье. Мужчина, отхлебнув из кружки, встает и прохаживается по двору, глубоко засунув руки в карманы и время от времени приплясывая.

Женщина. Ну как, после еды полегче стало?

Мужчина. Нет. Какая это еда! Вам это еще куда ни шло, годится, а мне, рабочему человеку,— тьфу! и больше ничего.

Женщина. Рабочему человеку? А вы кто же такой будете?

Мужчина. Я? Живописец.

Женщина *(скептически)*. Вот как? Скажите пожалуйста!

Мужчина. И скажу! Конечно, теперь всякий лодырь называет себя живописцем. Ну а я так настоящий живописец, все что угодно могу разделать и под мрамор и под дуб. Мне цена тридцать восемь шиллингов в неделю, когда бывает работа.

Женщина. Так почему же вы здесь? Пошли бы да нанялись на работу.

Мужчина. Я вам объясню, почему. Во-первых, я не дурак... Ф-фу, ну и чертов же холод здесь! *(Приплясывает.)* Да, гораздо умнее, чем полагается быть в том звании, какое мне определили господа капиталисты; они ведь не любят, когда их видишь насквозь. Во-вторых, умному человеку тоже хочется пожить всласть; так что, если подвернется случай, я и выпить могу как следует, на совесть. В-третьих, я стою за интересы рабочего класса и потому стараюсь сделать поменьше, чтоб побольше работы досталось моим товарищам. В-четвертых, у меня хватает смекалки сообразить, за что ответишь по закону, а за что нет. Вот я и поступаю, как капиталисты: тащу все, что ни подвернется, если вижу, что мне это с рук сойдет. Пока дела хороши, я человек трезвый, работящий и честный; как говорится — из дюжины не выкинешь. Ну а что толку? Когда дела плохи — а сейчас они из рук вон — и хозяевам приходится увольнять половину рабочих, так начинают всегда с меня.

Женщина. Как вас зовут?

Мужчина. Прайс. Бронтер О'Брайен Прайс. Обыкновенно зовут Снобби Прайс, для краткости.

Женщина. Ведь это все равно что столяр, кажется? А вы говорили, будто вы живописец.

Прайс. Нет, это не все равно что столяр, а подымай выше. Я себе цену знаю, потому что я человек умный, да и отец у меня был чартист, начитанный, просвещенный человек; как-никак, держал писчебумажную лавочку. Я вам не какой-нибудь дровокол или там водовоз, зарубите себе на носу. *(Подходит к своему месту за столом и берется за кружку.)* А вас как зовут?

Женщина. Ромми Митченс.

Прайс *(осушая кружку до дна)*. Ваше здоровье, мисс Митченс.

Ромми *(поправляя его)*. Миссис Митченс.

Прайс. Как! Ах, Ромми, Ромми! Почтенная замужняя женщина, а прикидывается шлюхой, чтоб ее спасала Армия спасения. Стара штука!

Ромми. А что мне делать? Не с голоду же помирать. Эти барышни в Армии спасения такие милые, такие добрые, а только им нравится думать, что ты была бог знает какая, самая последняя, пока они тебя не спасли. Так почему же не уважить их, бедненьких? Они тут прямо замучились с работой. И кто бы им дал денег на Армию спасения, если бы мы проговорились, что мы ничем не хуже других? Известно, что за народ эти леди и джентльмены.

Прайс. Свиньи и мошенники, больше ничего. Ну, а все же хотел бы я быть на их месте, Ромми. А что значит Ромми? Прозвище такое, что ли?

Ромми. Это для краткости, вместо Ромола.

Прайс. Вместо чего?

Ромми. Ромола. Имя из какой-то книжки. Матери хотелось, чтоб я была похожа на эту самую Ромолу.

Прайс. Мы с вами товарищи по несчастью, Ромми. У нас такие имена, что никому не выговорить. Билл и Салли было не по вкусу нашим родителям, так вот я теперь Снобби, а вы Ромми. Ну и жизнь!

Ромми. Кто вас спасал, мистер Прайс? Майор Барбара?

Прайс. Нет, я сам, по своей охоте. Теперь я буду Бронтер О'Брайен Прайс – обращенный живописец. Уж я знаю, что́ им по вкусу. Я расскажу им, какой я был ругатель, картежник, как бил мою несчастную старуху мать...

Ромми *(шокированная)*. Неужели вы били вашу мать?

Прайс. Ничего подобного. Она сама меня поколачивала. Да это не беда. Приходите-ка послушать обращенного живописца, тогда узнаете, какая она была набожная женщина, как сажала меня к себе на колени и учила молиться, как я приходил домой пьяный, вытаскивал ее из кровати за волосы, белые, как снег, и тузил кочергой.

Ромми. Ведь вот как это несправедливо! Всегда нас, женщин, обижают. Сами вы врете почище нашего: мастера разводить турусы на колесах. Только вам, мужчинам, можно врать на митингах, при всей публике, и с вами из-за этого носятся; а тут взвалишь на себя напраслину, да и шепчи ее на ушко всем барышням по очереди. Хоть они и набожные, а все-таки нехорошо это с их стороны.

Прайс. Правильно! Что же вы думаете, разве дозволили бы Армию спасения, если бы все у них делалось как надо?

Вряд ли. Они нас тут приглаживают да причесывают, выводят в люди, чтоб можно было потом надувать да грабить. Только я тоже малый не промах. Скажу, будто видел, как одного грешника на месте убило молнией, или будто слышал голос: «Снобби Прайс, куда ты пойдешь после смерти?» Уж потешусь вволю, верьте слову.

Р о м м и. Ну, пить-то вам не позволят все-таки.

П р а й с. Так я это наверстаю на проповедях. Зачем мне пить, если можно развлекаться как-нибудь по-другому.

Д ж е н н и Х и л л, миловидная девушка лет восемнадцати, бледная и усталая, входит в ворота, ведя П и т е р а Ш е р л и, худого и измученного старика рабочего; от голода он едва стоит на ногах.

Д ж е н н и *(поддерживая Питера)*. Ну, ну, ничего. Сейчас я принесу вам поесть. Вам станет легче.

П р а й с *(встает и услужливо спешит принять старика из рук Дженни)*. Несчастный старик! Возвеселись, брат, здесь ты обретешь отдых, мир и счастье. Скорее несите завтрак, мисс, он с ног валится.

Д ж е н н и торопливо уходит в здание.

Ну же, встряхнись, папаша, сейчас она тебе притащит кусок хлеба с патокой да воды с молоком. *(Сажает его за стол.)*

Р о м м и *(игриво)*. Что нос повесил, старичок? Гляди веселей!

Ш е р л и. Я не старик. Мне всего сорок шесть лет. Какой я был, такой и остался. А седина у меня с тридцати лет. На три пенса краски для волос – только всего и нужно; что же, неужели подыхать из-за этого на улице? Боже ты мой! Я с тринадцати лет работаю по десять-двенадцать часов в день, никому ни гроша не должен; так неужели надо меня выбросить на свалку, а работу мою отдать какому-нибудь мальчишке, который ее изгадит? А почему? Я же не виноват, что у меня волосы раньше времени поседели.

П р а й с *(ободряюще)*. Что толку ныть, инвалид ты несчастный! Вышвырнули тебя, вытурили, дали тебе по шее, кому ты теперь нужен? Пусть эти жулики хоть обедом тебя накормят, посчитай-ка, сколько обедов они у тебя украли! Хоть что-нибудь из своего вернешь.

Д ж е н н и возвращается с хлебом и молоком.

Ну, брат мой, помолись и принимайся за угощение.

Шерли *(смотрит с жадностью, но не дотрагивается до еды и плачет, как ребенок)*. Я никогда не брал ничего даром.

Дженни *(уговаривает.)* Ну, ну! Это вам господь посылает, он же не гордился и брал хлеб у своих друзей, почему же и вам не взять? А если хотите, вы нам можете заплатить, когда найдете работу.

Шерли *(оживляясь)*. Да, да, верно. Я могу заплатить вам, это я беру взаймы. *(Он весь дрожит.)* О господи, господи! *(Повертывается к столу и с жадностью набрасывается на еду.)*

Дженни. Ну, Ромми, теперь вы лучше себя чувствуете?

Ромми. Благослови вас бог, милочка! Вы напитали мое тело и спасли мою душу.

Дженни, тронутая, целует ее.

Присядьте, отдохните немножко, вы, верно, ног под собою не чуете.

Дженни. Я с утра еще ни разу не присела. Такая масса работы, что мы не в состоянии справиться. Нет, мне нельзя отдыхать.

Ромми. Помолитесь минутку-две, тогда и работа покажется легче.

Дженни *(просияв)*. Да, просто удивительно, как минутная молитва возрождает человека! К двенадцати часам я так устала, что голова у меня кружилась, но майор Барбара послала меня помолиться, и я сразу почувствовала в себе новые силы. *(Прайсу.)* Получили вы хлеб?

Прайс *(елейным тоном)*. Да, мисс; и я получил не один только хлеб, но и мир, который выше разумения человеческого.

Ромми *(с жаром)*. Аллилуйя, аллилуйя, слава тебе боже!

Билл Уокер, подозрительная личность лет двадцати пяти, показывается в воротах и недоброжелательно смотрит на Дженни.

Дженни. Для меня счастье это слышать. После ваших слов я чувствую, что грешно с моей стороны бездельничать здесь. Работать, работать! *(Она торопливыми шагами идет к дому.)*

Билл нагоняет ее и преграждает ей дорогу; он держится так вызывающе, что Дженни пятится от него, а он наступает с угрожающим видом и загоняет ее в глубь двора.

Билл. Знаю я тебя! Это ты мою девчонку сманила. Это ты ей

на меня наговариваешь. Ну так я ее из-под земли добуду, хоть и не больно-то она мне нужна, да и ты тоже. Поняла? А все-таки я ее проучу, да и тебя заодно. Дам ей хорошую трепку, узнает тогда, как от меня бегать. Ступай скажи ей, чтоб вышла ко мне, не то я сам приду и вышвырну ее вон. Скажи, Билл Уокер ее требует. Она уж знает, что это значит. А заставит меня дожидаться, еще хуже будет. Ты со мной не разговаривай, а то я с тебя начну. Ступай! Кому говорят! Ну! *(Хватает Дженни за руку и толкает к дверям убежища.)*

Дженни падает на руку и колено. Ромми помогает ей подняться.

Прайс *(встает и нерешительно направляется к Биллу)*. Полегче, приятель. Она тебе ничего не сделала.

Билл. Это кто тебе приятель? *(Надвигается на него с угрожающим видом.)* Защитник выискался тоже! Лучше не суйся!

Ромми *(подбегает и набрасывается на него)*. Ах ты скотина!..

Билл, размахнувшись левой рукой, ударяет Ромми по щеке. Она вскрикивает и, шатаясь, идет к кормушке, садится и, прикрывая разбитое лицо, качается и стонет от боли.

Дженни *(подходит к ней.)* Прости вас боже! Как вы могли ударить старую женщину?

Билл *(схватив ее за волосы с такой силой, что она тоже вскрикивает, оттаскивает ее от старухи)*. Сунься-ка еще раз с этим твоим прощением, так я тебя так прощу по роже, на неделю забудешь молиться. *(Не выпуская Дженни, свирепо поворачивается к Прайсу.)* Может, тебе это тоже не по вкусу?

Прайс *(оробев)*. Нет, приятель, она мне совсем чужая.

Билл. Счастье твое! А то тебя еще два дня кормить нужно, да и тогда я тебя одним плевком перешибу, сморчок этакий! *(Дженни)*. Что ж ты, приведешь ко мне мою девчонку или дождешься, пока я тебе набью морду и сам пойду?

Дженни *(стараясь вырваться)*. О, ради бога, подите кто-нибудь в дом и скажите майору Барбаре...

Билл дергает ее за волосы, и она снова вскрикивает. Прайс и Ромми бегут в дом.

Б и л л. А, так ты жаловаться своему майору?

Д ж е н н и. Ради бога, не дергайте меня за волосы. Пустите меня.

Б и л л. Будешь жаловаться или нет?

Д ж е н н и *(подавляет крик)*. Боже, дай мне силы...

Б и л л *(бьет ее кулаком по лицу)*. Поди-ка покажись ей, и если ей хочется того же, пускай придет, попробует со мной поговорить.

Д ж е н н и, плача от боли, уходит.

(Подходит к скамье и говорит старику.) Ну, кончай жрать, надоел ты мне.

Ш е р л и *(вскакивает с кружкой в руках и злобно смотрит на него)*. Попробуй только тронь меня, я тебя хвачу вот этой кружкой! Мало вам, щенкам этаким, что вы кусок хлеба вырываете изо рта у стариков, которые вас растили да работали на вас, как каторжные, вы еще сюда приходите драться и буянить, а тут и без вас даровой кусок хлеба поперек горла становится.

Б и л л *(презрительно, но все же отступая назад)*. Куда ты годишься, паралитик несчастный? Ну куда ты годишься?

Ш е р л и. Туда же, куда и ты, да еще получше тебя. В работе тебе за мной не угнаться, да и никому из вас, молодых пьяниц. Поди-ка наймись на мое место к Хороксу, где я работал десять лет. Им требуются молодые люди, они не могут держать рабочих старше сорока пяти лет. Они стариков жалеют, и рекомендацию дадут, и обещают найти что-нибудь подходящее для твоих лет, как же! Разве солидный, непьющий человек долго будет сидеть без места? Что ж, пускай попробуют взять тебя. Узнают разницу. Что ты умеешь? Вести себя прилично и то не умеешь! Грязным кулачищем заехал по скуле порядочной женщине!

Б и л л. Смотри, как бы я тебе не заехал!

Ш е р л и *(с уничтожающим презрением)*. Да, вот это как раз по тебе – избил женщину, теперь за старика примешься. Посмотрел бы я, как-то ты с молодым справишься!

Б и л л *(задетый)*. Врешь ты, старый попрошайка. Был тут и молодой. Предлагал я ему драться или нет?

Ш е р л и. Да ведь он едва жив с голодухи! Разве это мужчина? Просто жулик и лодырь! А вот у моего зятя есть брат, попробуй-ка с ним схватись!

Б и л л. Кто он такой?

Шерли. Тоджер Фэрмайл из Болс-Понда. Тот, кто выиграл двадцать фунтов у японского борца в мюзик-холле; он не сдавался семнадцать минут и четыре секунды.

Билл *(угрюмо)*. Я не борец из мюзик-холла. А на кулаках драться он умеет?

Шерли. Да он-то умеет, а вот ты – нет.

Билл. Чего? Я не умею? Болтай еще тут! *(Замахивается на него.)*

Шерли *(не двигаясь с места)*. Будешь ты драться с Тоджером Фэрмайлом, если я его уговорю? Да или нет?

Билл *(неуклюже отступая)*. Пусть хоть десять Тоджеров придут, я со всеми справлюсь, хоть и не выдаю себя за боксера.

Шерли *(смотрит на него сверху вниз с невыразимым презрением)*. Тоже боксер! Двинул старуху по роже! Смекалки не хватило ударить ее так, чтобы судье было незаметно. Невежа, щенок безмозглый! Ударил девушку по скуле, а она всего только заплакала! Если б Тоджер ее двинул, она бы минут десять не могла подняться; да и ты тоже, попадись ему под руку. Я и сам бы тебе задал как следует, если б пришлось обедать хоть неделю подряд, а не голодать два месяца. *(Поворачивается к Биллу спиной и угрюмо садится к столу.)*

Билл *(идет вслед за ним и наклоняется к нему, стараясь уязвить посильнее)*. Врешь! Ты сыт – выклянчил тут хлеба с патокой и нажрался.

Шерли *(разражаясь слезами)*. О господи! Это сущая правда, я просто попрошайка на свалке. *(В ярости.)* И ты до этого дойдешь – тогда узнаешь. Ты до этого раньше моего дойдешь: я ни капли не пью, а ты с раннего утра наливаешься джином.

Билл. Вовсе я не пьяница, старый ты враль! Когда я хочу задать своей девчонке хорошую взбучку, я люблю, чтобы во мне злость была, понимаешь? А вместо того чтоб задать ей как следует, я вот стою тут и разговариваю с тобой, сволочь ты этакая! *(Приходя в бешенство.)* Ну, сейчас я ее вытащу оттуда. *(Яростно устремляется к двери убежища.)*

Шерли. Сейчас тебя потащат на носилках в полицейский участок, это скорей всего; там из тебя повытрясут и хмель и злость. Ну куда ты суешься, ведь здешний майор – графская внучка.

Билл *(пораженный)*. Да ну!

Шерли. Вот тебе и ну!

Билл *(решительность его начинает убывать)*. Так я ей ничего не сделал.

Шерли. А если она скажет, что сделал? Кто тебе поверит?

Билл *(ему становится не по себе; он забивается в угол под навесом)*. Господи! Нет справедливости в этой стране. Подумать только, ведь эти люди что хотят, то и делают. А чем она лучше меня?

Шерли. Ты так ей и скажи. У тебя глупости хватит.

Барбара, оживленная и деловитая, выходит из убежища с блокнотом в руках и обращается к Шерли. Билл, оробев, садится на краешек скамьи и поворачивается к ним спиной.

Барбара. Доброе утро.

Шерли *(вставая и снимая шляпу)*. Доброе утро, мисс.

Барбара. Сидите, сидите, будьте как дома.

Он не решается сесть.

(Дружески кладет ему руку на плечо и заставляет сесть.) Ну вот! Теперь, когда вы с нами подружились, мы хотим узнать о вас побольше. Фамилию, адрес, род занятий.

Шерли. Питер Шерли. Монтер. Уволен два месяца тому назад за то, что слишком стар.

Барбара *(нисколько не удивляясь)*. Вы еще ничего. Почему вы не красите волосы?

Шерли. Я красил. Пришлось сказать, сколько мне лет, когда умерла моя дочь и следователь производил следствие.

Барбара. Трезвого поведения?

Шерли. Непьющий. Никогда еще не сидел без работы. Хороший работник. И вот послали на живодерню, как старую клячу.

Барбара. Не беда. Если вы не забыли бога, и бог вас не забудет.

Шерли *(вдруг заупрямившись)*. Моя вера никого не касается, это мое личное дело.

Барбара *(догадываясь)*. Понимаю. Свободомыслящий?

Шерли *(с горячностью)*. А разве я это отрицаю?

Барбара. Зачем же отрицать? Вот и мой отец такой же. Пути господни неисповедимы; наш с вами отец знал, зачем он сделал вас свободомыслящим. Не унывайте, Питер, мы всегда сможем подыскать работу для такого степенного, непьющего человека, как вы.

Шерли, обескураженный и несколько сбитый с толку, подносит руку к шляпе.

(Переходит к Биллу.) Ваша фамилия?

Билл *(дерзко)*. А вам какое дело?

Барбара *(спокойно записывает)*. Боится назвать фамилию. Профессия есть?

Билл. Кто это боится назвать фамилию? *(С ожесточением, героически бросая вызов палате лордов в лице графа Стивенэджа.)* Хотите подать на меня в суд, так подавайте.

Барбара невозмутимо ждет.

Меня зовут Билл Уокер.

Барбара *(стараясь припомнить, где она слышала это имя)*. Билл Уокер? *(Вспоминает.)* Ах да, знаю: вы тот, за кого молится сейчас Дженни Хилл. *(Записывает его фамилию в блокнот.)*

Билл. Кто такая Дженни Хилл? И кто ее просил за меня молиться?

Барбара. Не знаю. Может быть, это вы разбили ей губу?

Билл *(вызывающе)*. Да, это я разбил ей губу. Не боюсь я вас.

Барбара. Что ж тут удивительного, если вы и бога не боитесь. Храбрый вы человек, мистер Уокер. Чтобы работать здесь, нужно быть не робкого десятка, но никто из нас не посмел бы поднять руку на такую девушку из страха перед отцом небесным.

Билл *(угрюмо)*. Не хочу я слушать эти поповские бредни. Вы, может, думаете, я клянчить сюда пришел, как эти ваши убогие? Ничего подобного. Не нужно мне вашего хлеба с помоями. Не верю я в вашего бога, да и вы сами в него не верите.

Барбара *(жизнерадостным, любезным тоном светской дамы, совершенно по-новому)*. Ах, простите, что я записала вашу фамилию, мистер Уокер. Я не поняла. Я вычеркну ее.

Билл *(принимая это как оскорбление, глубоко уязвленный)*. Оставьте-ка мою фамилию в покое. Не так уж она плоха, чтобы не годилась для вашей книжки.

Барбара *(рассудительно)*. Видите ли, не стоит записывать вашу фамилию, раз я ничего не могу для вас сделать. Чем вы занимаетесь?

Билл *(все еще обиженно)*. Не ваше дело.

Барбара. Совершенно верно. *(Очень деловито.)* Я запишу вас как человека, который ударил бедную Дженни Хилл по губе.

Билл *(встает с угрожающим видом)*. Эй, послушайте, хватит с меня.

Барбара *(жизнерадостно и бесстрашно)*. Зачем вы к нам пришли?

Билл. Пришел за моей девчонкой, понятно? Хочу забрать ее отсюда и набить ей морду.

Барбара *(снисходительно)*. Вот видите, я не ошиблась насчет вашей профессии.

Билл хочет протестовать, но голос его срывается, и, к великому своему стыду и страху, он готов заплакать. Он снова садится на место.

Как ее зовут?

Билл *(угрюмо)*. Ее зовут Мэг Эбиджем, вот как ее зовут.

Барбара. Мэг Эбиджем! Она в Кеннингтауне, в наших казармах.

Билл *(возмущение вероломством Мэг придает ему силу)*. Вот оно как? *(Мстительно.)* Тогда я пойду за ней в Кеннингтаун. *(Идет к воротам, останавливается в нерешительности; наконец, возвращается к Барбаре.)* Врете небось, лишь бы отвязаться от меня?

Барбара. Я вовсе не хочу от вас отвязаться. Я хочу, чтобы вы остались здесь и спасли вашу душу. Лучше останьтесь; солоно вам придется сегодня, Билл.

Билл. Это кто же мне насолит? Вы, что ли?

Барбара. Тот, в кого вы не верите. Зато после вам будет хорошо.

Билл *(ретируясь)*. Пойду-ка я в Кеннингтаун, подальше от вашей болтовни. *(Вдруг оборачивается к ней, очень злобно.)* А если не найду там Мэг, то вернусь сюда: так и быть, отсижу за вас два года, убей меня бог!

Барбара *(еще мягче, если возможно)*. Не стоит, Билл. Она нашла себе другого парня.

Билл. Это кого же?

Барбара. Одного из обращенных ею. Он влюбился в нее, когда увидел ее чистую душу, просветленное лицо и вымытые волосы.

Билл *(в изумлении)*. Для чего это она их вымыла, рыжая дрянь? Они у нее красные, как морковь!

Барбара. Они теперь очень красивые, потому что в глазах у нее новое выражение. Какая жалость, что вы опоздали. Этот парень натянул вам нос, Билл.

Билл. Я ему натяну! Не больно-то она мне нужна. Это вы знайте. А все-таки я ее проучу, чтоб не гнушалась мной. И его проучу, чтоб не лез. Как его зовут?

Барбара. Сержант Тоджер Фэрмайл.

Шерли *(злорадно вскакивая)*. Я пойду с ним, мисс. Посмотрю, как-то они встретятся. А когда все кончится, я свезу его в больницу.

Билл *(к Шерли, с нескрываемым опасением)*. Это тот самый, что ты говорил?

Шерли. Он самый.

Билл. Тот, что боролся в мюзик-холле?

Шерли. Состязания в национальном спортивном клубе давали ему чуть не сотню в год. Теперь он их бросил из-за религии; у него, верно, руки чешутся, давно не был в деле. Вот обрадуется. Идем.

Билл. Сколько в нем весу?

Шерли. Тринадцать стоунов четыре фунта.

Последняя надежда Билла рушится.

Барбара. Ступайте поговорите с ним, Билл. Он вас обратит.

Шерли. Обратит твою голову в яичницу.

Билл *(угрюмо)*. Не боюсь я его. Никого я не боюсь. А только он меня побьет — это как пить дать. Подвела она меня. *(В унынии садится на край кормушки.)*

Шерли. Значит, ты не идешь? Так я и думал. *(Садится снова.)*

Барбара *(зовет)*. Дженни!

Дженни *(появляется в дверях убежища; на губе у нее пластырь)*. Слушаю, майор.

Барбара. Пришлите Ромми Митченс убрать здесь.

Дженни. Она боится.

Барбара *(на мгновение в ней вспыхивает сходство с матерью)*. Глупости! Пускай делает, что ей приказано.

Дженни *(зовет)*. Ромми! Майор велит вам идти сюда.

Дженни подходит к Барбаре, стараясь держаться ближе к Биллу, чтобы он не подумал, что она боится его или обижена.

Барбара. Бедняжка Дженни! Вы устали? *(Взглядывая на разбитую губу.)* Больно?

Дженни. Нет, теперь не больно. Пустяки.

Барбара *(критически)*. Он постарался, видно. Бедный Билл! Вы ведь не сердитесь на него?

Дженни. О нет, нет, я не сержусь, господь его благослови!

Барбара целует ее. Дженни весело убегает в дом. Билл корчится от нового приступа своей странной и мучительной болезни, но молчит. Из убежища выходит Ромми Митченс.

Барбара *(идет ей навстречу)*. Ну, Ромми, поторопитесь. Возьмите эти кружки и тарелки и вымойте, а крошки бросьте птицам.

Ромми берет тарелки и кружки, но Шерли отнимает у нее свою кружку, где еще осталось молоко.

Шерли. Какие там крошки! Не такое теперь время, чтобы выбрасывать хлеб птицам.

Прайс *(появляется в дверях убежища)*. Майор, там какой-то джентльмен пришел смотреть убежище. Говорит, что он ваш отец.

Барбара. Хорошо. Сейчас приду.

Снобби уходит. Барбара идет за ним.

Ромми *(подходит крадучись к Биллу и говорит ему шепотом, но с глубочайшим убеждением в голосе)*. Я бы тебе показала, боров ты лопоухий, только она мне не позволила. Какой ты джентльмен, если бьешь женщину по лицу.

Билл, переживающий душевный переворот, не обращает на нее внимания.

Шерли *(бежит за Ромми)*. Ну, ну! Ступай в дом, а то наживешь еще беды своей болтовней.

Ромми *(свысока)*. Я не имела удовольствия с вами познакомиться, сколько помню. *(Захватив тарелки, уходит в убежище.)*

Шерли. Вот это так...

Билл *(свирепо)*. Не разговаривай со мной, слышишь? Отстань от меня, не то я наделаю бед. Что я тебе? Грязь под ногами, что ли?

Шерли *(невозмутимо)*. Не беспокойтесь. Вам нечего бояться, что за вами станут бегать; ваше общество вовсе не так интересно. *(Собирается войти в убежище.)*

В дверях показывается Барбара, справа от нее Андершафт.

Барбара. Ах, вот вы где, мистер Шерли! *(Становится между ними.)* Это мой отец; я, кажется, вам говорила, что он свободомыслящий? Вы с ним, верно, столкуетесь.

Андершафт *(в изумлении)*. Я свободомыслящий? Ничего подобного! Напротив, убежденный мистик.

Барбара. Ах, простите, пожалуйста! Кстати, папа, какая у вас религия? Может быть, мне придется с кем-нибудь вас знакомить.

Андершафт. Религия? Ну, милая, ведь я миллионер. Это и есть моя религия.

Барбара. В таком случае, боюсь, вам не столковаться. Ведь вы не миллионер, правда, Питер?

Шерли. Нет, и горжусь этим.

Андершафт *(серьезно)*. Бедность, мой друг, не такая вещь, чтобы ею гордиться.

Шерли *(сердито)*. А кто наживал для вас миллионы? Я и мне подобные. Отчего мы бедны? Оттого, что сделали вас богатыми. Даже за все ваши доходы я бы не согласился поменяться с вами совестью.

Андершафт. Даже за вашу совесть я не поменялся бы с вами доходом, мистер Шерли. *(Идет под навес и садится на скамью.)*

Барбара *(перебивает Питера на полуслове)*. Трудно себе представить, что это мой отец, правда, Питер? Может быть, вы пойдете в убежище, поможете девушкам? Сегодня мы сбились с ног.

Шерли *(с горечью)*. Да, конечно, ведь я у них в долгу за обед, не так ли?

Барбара. Нет, не потому, что вы у них в долгу, а из любви к ним, Питер, из любви к ним.

Он не понимает и даже несколько шокирован.

Ну что вы так на меня смотрите? Подите в убежище, дайте вашей совести отдохнуть. *(Подталкивает его к убежищу.)*

Шерли *(в дверях)*. Жалко, что вас не учили шевелить мозгами, мисс. Из вас вышел бы замечательный лектор по атеизму.

Барбара смотрит на отца.

Андершафт. Не обращай на меня внимания, милая. Занимайся своим делом и позволь мне быть наблюдателем.

Барбара. Хорошо, папа.

Андершафт. Например, что такое вот с этим пациентом?

Барбара *(смотрит на Билла, который сидит все в той же позе, с тем же выражением мрачного раздумья)*. О, мы его живо вылечим. Вот, посмотри. *(Подходит к Биллу и останавливается в ожидании.)*

Тот взглядывает на нее и снова опускает глаза, чувствуя себя неловко и злясь еще больше.

Хорошо бы растоптать каблуками лицо Мэг Эбиджем — верно, Билл?

Б и л л *(в замешательстве вскакивает с колоды)*. Враки, я этого не говорил.

Она качает головой.

Кто вам сказал, что у меня на уме?

Б а р б а р а. Ваш новый приятель.

Б и л л. Какой еще новый приятель?

Б а р б а р а. Дьявол, Билл. Когда ему удается опутать человека, тот становится несчастным, вот как вы.

Б и л л *(пытается показать, что ему сам черт не брат)*. Я вовсе не несчастен. *(Опять садится и вытягивает ноги, стараясь казаться равнодушным.)*

Б а р б а р а. Ну, а если вы счастливы, почему же этого не видно?

Б и л л *(невольно подбирая ноги)*. Сказано вам, я счастлив, и отвяжитесь от меня! Чего вы ко мне пристали? Что я вам дался? Ведь я не вас двинул по роже!

Б а р б а р а *(мягко, подбираясь к его душе)*. Это не я к вам пристаю, Билл!

Б и л л. А кто же еще?

Б а р б а р а. Тот, кто не хочет, чтобы вы били женщину по лицу. Тот, кто желает сделать из вас человека.

Б и л л *(бахвалится)*. Сделать из меня человека? А я разве не человек? А? Кто говорит, что я не человек?

Б а р б а р а. Может быть, где-нибудь в вас и сидит человек. Но как же он допустил, что вы ударили бедняжку Дженни? Это было не очень-то человечно.

Б и л л *(вконец измученный)*. Отвяжитесь вы, говорю я вам. Довольно уж. Надоела мне ваша Дженни.

Б а р б а р а. Так почему же вы все время об этом думаете? Почему вы боретесь с этим в душе? Ведь вы не обратились к богу!

Б и л л *(убежденно)*. Ну уж нет. Этого вам не дождаться.

Б а р б а р а. Правильно, Билл. Не сдавайтесь. Соберитесь с силами. Не уступайте нам себя по дешевке. Тоджер Фэрмайл говорит, что он три ночи боролся с богом так, как никогда не боролся с японцем в мюзик-холле. Он сдался японцу только тогда, когда рука его была почти сломана. Он сдался богу только тогда, когда сердце его было почти разбито. Быть может, вам это не грозит — ведь у вас нет сердца.

Б и л л. То есть как это нет? Почему это у меня нет сердца?

Б а р б а р а. У человека с сердцем не поднялась бы рука на бедняжку Дженни, как по-вашему?

Билл *(чуть не плача)*. Ох, да когда же вы от меня отстанете? Ведь я вас не трогал. Что же вы не даете мне покоя? *(Весь дергается.)*

Барбара *(успокаивающе кладет руку ему на плечо и говорит кротким голосом, ни на минуту не давая ему опомниться)*. Это ваша совесть не дает вам покоя, Билл, а не я; мы все через это прошли. Идемте с нами, Билл.

Он дико оглядывается по сторонам.

Идемте с нами, к подвигам на земле и вечной славе на небесах.

Ему становится невмоготу.

Идемте.

В убежище бьет барабан, Барбара оборачивается, и Билл с глубоким вздохом сбрасывает с себя чары. Из убежища выходит Адольф с турецким барабаном.

А, вот и вы, Долли! Позвольте познакомить вас с моим новым другом, мистером Уокером. Билл, это мой парень, мистер Казенс.

Казенс отдает честь палочкой.

Билл. Собираетесь за него замуж?

Барбара. Да.

Билл *(с чувством)*. Ну так помоги ему боже! Помоги ему боже!

Барбара. Почему? Вы думаете, что он не будет со мной счастлив?

Билл. Я едва вытерпел одно утро, а ему придется терпеть всю жизнь.

Казенс. Ужасная мысль, мистер Уокер. Но я не могу расстаться с Барбарой.

Билл. Ну, а я так могу. *(Барбаре.)* Слушайте-ка! Знаете, куда я сейчас иду и что собираюсь сделать?

Барбара. Да, вы идете к богу. И не минет еще недели, как вы явитесь сюда и скажете мне об этом.

Билл. Вот и врете. Я пойду в Кеннингтаун и плюну в глаза вашему Тоджеру. Я съездил Дженни по роже, а теперь пускай он съездит мне по роже, и я приду и покажусь вам. Он изобьет меня почище, чем я избил вашу Дженни. Вот мы и будем квиты! *(Адольфу.)* Правильно или нет? Вы – джентльмен, должны знать.

Барбара. Лишние синяки делу не помогут.

Билл. Вас не спрашивают. Помолчите хоть минутку. Я спрашиваю вот его.

Казенс *(задумчиво)*. Да, мне кажется, вы правы, мистер Уокер. Я тоже так поступил бы. Любопытно: древний грек сделал бы то же самое.

Барбара. А какой от этого толк?

Казенс. Что ж, это даст мистеру Фэрмайлу возможность размяться и успокоит душу мистера Уокера.

Билл. Чепуха! Какая там душа! Почем вы знаете, есть у меня душа или нет? Вы ее не видели.

Барбара. Я видела, как болела ваша душа, когда вы восстали против нее.

Билл *(сдерживая озлобление)*. Если б вы были моя девчонка и вот так же не давали мне слова сказать, уж я бы постарался, чтоб у вас везде заболело. *(Адольфу.)* Послушайтесь моего совета, приятель. Отучите ее болтать, не то вы помрете раньше времени. *(С силой.)* Угробит она вас, вот что с вами случится; она вас угробит. *(Уходит в ворота.)*

Казенс *(смотрит ему вслед)*. Любопытно, очень любопытно!

Барбара *(негодующе, тоном своей матери)*. Долли!

Казенс. Да, милая, любить вас очень утомительно. Если так пойдет дальше, я долго не проживу.

Барбара. Вас это огорчает?

Казенс. Нисколько. *(Он неожиданно смягчается и целует ее, перегнувшись через барабан,— как видно, не впервые, ибо без практики это почти невыполнимо.)*

Андершафт кашляет.

Барбара. Ничего, папа, мы про вас не забыли. Долли, покажите папе убежище, мне некогда. *(Энергичной походкой идет в дом.)*

Андершафт и Адольф остаются вдвоем. Андершафт сидит на скамье в той же позе наблюдателя и пристально смотрит на Адольфа. Адольф пристально смотрит на Андершафта.

Андершафт. Мне кажется, вы догадываетесь, что у меня на уме, мистер Казенс.

Казенс беззвучно взмахивает палочками, словно выбивая быструю дробь.

Вот именно! А что если Барбара выведет вас на чистую воду?

Казенс. Я и не думаю обманывать Барбару. Я совершенно не интересуюсь взглядами Армии спасения. Дело в том, что я нечто вроде коллекционера религий и ухитряюсь верить во все религии разом. Кстати, а вы во что-нибудь верите?

Андершафт. Да.

Казенс. Во что-нибудь из ряда вон выходящее?

Андершафт. Только в то, что для спасения необходимы две вещи.

Казенс *(разочарованно, но вежливо)*. Ах да, по катехизису! Чарлз Ломэкс тоже принадлежит к англиканской церкви.

Андершафт. Эти две вещи...

Казенс. Крещение и...

Андершафт. Нет. Деньги и порох.

Казенс *(изумленно, но с интересом)*. Это общее мнение наших правящих классов. Ново только то, что нашелся человек, который говорит это вслух.

Андершафт. Совершенно верно.

Казенс. Простите, а есть ли в вашей религии место справедливости, чести, правде, милосердию, любви и так далее?

Андершафт. Да, это украшение беззаботной жизни богатых и сильных.

Казенс. А что если придется выбирать между этими добродетелями и деньгами и порохом?

Андершафт. Выбирайте деньги и порох – без них вы не сможете позволить себе быть правдивым, любящим, милосердным и так далее.

Казенс. И это ваша религия?

Андершафт. Да.

Интонация этого ответа завершает разговор. Это «да» звучит, как фермата перед новым развитием темы. Казенс делает скептическую гримасу, пристально смотрит на Андершафта. Андершафт пристально смотрит на Казенса.

Казенс. Барбара этого не потерпит. Вам придется выбирать между вашей религией и Барбарой.

Андершафт. И вам тоже, мой друг. Она скоро откроет, что этот ваш барабан пустой.

Казенс. Папа Андершафт, вы ошибаетесь: я убежденный сторонник Армии спасения. Вы не понимаете, что такое Армия спасения. Это армия радости, любви, мужества; она изгнала ужас, отчаяние, угрызение совести старых евангелических сект, одержимых страхом ада; она идет

на бой с дьяволом под звуки труб и барабанов, с музыкой и танцами, со знаменами и пальмовыми ветвями, как и подобает воинству Христову при вылазке с небес. Она берет пропойцу из кабака и делает его человеком, она берет презренную тварь, которая прозябала на кухне, — и вот тварь эта становится женщиной. И не только она, но и люди из общества, сыновья и дочери нашей знати. Армия берет бедного учителя греческого языка, самое изломанное и самое подавленное существо из всего рода человеческого, питающееся греческими корнями, и пробуждает в нем рапсода, открывает ему, что такое истинный культ Диониса, и посылает его на улицу барабанить дифирамбы. *(Играет на барабане громкий туш.)*

Андершафт. Вы поднимете на ноги все убежище.

Казенс. О, там привыкли к неожиданным вспышкам экстаза. Но если барабан вас беспокоит... *(Сует в карман палочки, снимает барабан и ставит его на землю против ворот.)*

Андершафт. Благодарю вас.

Казенс. Вы помните, что говорит Еврипид о деньгах и порохе?

Андершафт. Нет.

Казенс *(декламирует)*.

Пусть тот или иной
Соседа превзойдет оружьем и казной,
И пусть мильоны душ людских томит броженье
Бесчисленных надежд, которые им лгут
И множат в них тоску, до срока отмирая, —
Кто понял, как сладка простая жизнь земная,
Тот — в днях, которые бегут,
Отраду обретя, — уж тут
Стал небожителем, не ведающим тленья.

Перевод мой, как вы его находите?

Андершафт. Я нахожу, мой друг, что если вы желаете узнать в жизни счастье, то должны сначала получить достаточно денег, чтобы не нуждаться, и достаточно власти, чтобы быть самому себе господином.

Казенс. Звучит дьявольски неутешительно. *(Декламирует.)*

Ужель кому-нибудь не ясно, что вселенной
Предвечный правит дух, что в мире неизменно
Царит его закон и что предела нет
Его могуществу? Людская мудрость — бред,
Когда она молчит о воле Провиденья.

Что может быть добрей, чем божья благодать?
Мы, смерти не страшась, должны спокойно ждать,
Что принесет нам Рок, и к Барбаре питать
Всегда в душе своей любовь и восхищенье.

Андершафт. Вот как! У Еврипида упоминается Барбара?

Казенс. Вольный перевод. Там стоит — «красота».

Андершафт. Нельзя ли мне узнать, как отцу Барбары, на какие средства вы собираетесь вечно любить ее?

Казенс. Так как вы отец Барбары, то это скорее ваше дело, а не мое. Я могу прокормить ее преподаванием греческого, вот, пожалуй, и все.

Андершафт. И вы считаете, что она делает выгодную партию?

Казенс *(вежливо, но упрямо)*. Мистер Андершафт, я во многих отношениях человек слабый, робкий, пассивный, и здоровье у меня неважное. Но если я чего-нибудь хочу, то добиваюсь этого рано или поздно. Так и с Барбарой. Брак мне вовсе не по вкусу, я его просто боюсь, к тому же я не знаю, зачем мне Барбара и для чего я ей? Но у меня такое чувство, что жениться на ней должен я, и никто другой. Пожалуйста, считайте дело решенным. Я не хочу навязывать вам свою волю, но к чему отнимать у вас время и спорить о том, что неизбежно?

Андершафт. Это значит, что вас ничто не остановит, даже превращение Армии спасения в культ Диониса?

Казенс. Дело Армии спасения — спасать, а не препираться из-за имени того, кто нашел верный путь. Дионис или другой — не все ли равно?

Андершафт *(вставая и подходя к нему)*. Профессор Казенс, мне по сердцу такие молодые люди, как вы.

Казенс. Мистер Андершафт, насколько я понимаю, вы продувной старый плут, но вы импонируете моему чувству сарказма.

Андершафт молча протягивает ему руку. Они обмениваются рукопожатием.

Андершафт *(настраиваясь на серьезный лад)*. А теперь к делу.

Казенс. Простите. Мы говорили о религии. Зачем переходить к такому неинтересному и маловажному предмету, как дело?

Андершафт. Религия и есть наше дело в данную минуту, потому что без религии нам с вами не добиться Барбары.

Казенс. И вы тоже влюбились в Барбару?

Андершафт. Да, отеческой любовью.

Казенс. Отеческая любовь к взрослой дочери — опаснейшее из увлечений. Приношу извинения в том, что осмелился поставить свою вялую, робкую, пугливую привязанность рядом с вашей.

Андершафт. Ближе к делу. Нам нужно завоевать Барбару, а мы с вами не методисты.

Казенс. Не беда. Сила, при помощи которой Барбара правит здесь, та сила, которая правит самой Барбарой, — не кальвинизм, не пресвитерианство, не методизм...

Андершафт. И даже не язычество древних греков?

Казенс. Согласен. Барбара верит на свой лад, вполне оригинально.

Андершафт *(торжествующе)*. Ага! Недаром она Барбара Андершафт. Вдохновение она черпает в себе самой.

Казенс. А как, вы думаете, оно туда попало?

Андершафт *(увлекаясь все больше)*. Наследие Андершафтов. Я передал свой факел дочери. Она будет проповедовать мое евангелие и обращать в мою веру...

Казенс. Как? Деньги и порох?

Андершафт. Да, деньги и порох. Свобода и власть. Власть над жизнью и власть над смертью.

Казенс *(вежливо, стараясь свести его с облаков на землю)*. Это замечательно, мистер Андершафт. Вам, разумеется, известно, что вы сумасшедший?

Андершафт *(с удвоенной силой)*. А вы?

Казенс. Форменный маньяк. Так и быть, владейте моей тайной, раз и ваша мне известна. Но я удивляюсь. Разве сумасшедший может делать пушки?

Андершафт. А кто, кроме сумасшедшего, стал бы их делать? А теперь *(с удвоенной энергией)* вопрос за вопрос. Разве человек в здравом уме может переводить Еврипида?

Казенс. Нет.

Андершафт *(хватает его за плечи)*. Разве женщина в здравом уме может сделать пропойцу человеком или жалкую тварь — женщиной?

Казенс *(склоняясь перед бурей)*. Отец Колосс... капиталист Левиафан...

Андершафт *(наступает на него)*. Так сколько же сумасшедших сегодня в убежище, двое или трое?

Казенс. Вы хотите сказать, что Барбара такая же сумасшедшая, как мы с вами?

Андершафт *(легонько отстраняет его от себя и сразу приходит в равновесие)*. Вот что, профессор, условимся называть вещи своими именами. Я — миллионер, вы — поэт, Барбара — спасительница душ. Что у нас общего с чернью, с толпой рабов и идолопоклонников? *(Садится, презрительно пожимая плечами.)*

Казенс. Берегитесь! Барбара влюблена в простой народ. Я тоже. Неужели вам незнакома романтика этой любви?

Андершафт *(холодно и сардонически)*. Уж не влюблены ли вы в бедность, как святой Франциск? В грязь, как святой Симеон? В болезни и страдания, как наши сестры милосердия и филантропы? Такая страсть не добродетель, а самый противоестественный из пороков. Любовь к простому народу может увлечь внучку лорда и университетского профессора, а я сам был человеком простым и бедным, для меня в этом нет никакой романтики. Пусть бедняки делают вид, будто бедность есть благословение божие, пусть трусы создают религию из своей трусости и проповедуют смирение,— мы не так просты. Мы трое должны возвышаться над простой чернью; иначе, как мы поможем их детям подняться и стать рядом с нами? Барбара должна принадлежать нам, а не Армии спасения.

Казенс. Я могу сказать только, что если вы думаете оттолкнуть ее от Армии спасения такими разговорами, как со мною, то вы не знаете Барбары.

Андершафт. Друг мой, я никогда не прошу того, что могу купить.

Казенс *(в ярости)*. Так ли я вас понял: вы хотите сказать, что можете купить Барбару?

Андершафт. Нет, но я могу купить Армию спасения.

Казенс. Совершенно невозможно!

Андершафт. Вот увидите. Все религиозные организации существуют тем, что продают себя богачам.

Казенс. Но не Армия. Это церковь бедняков.

Андершафт. Тем больше оснований купить ее.

Казенс. Не думаю, чтобы вам было известно, что именно Армия делает для бедных.

Андершафт. Как же, известно: заговаривает им зубы. Как человеку деловому, мне довольно и этого.

Казенс. Какие пустяки! Она прививает им трезвость...

Андершафт. Я предпочитаю трезвых рабочих. Прибыли больше.

Казенс. ...честность...

Андершафт. Честные рабочие всего выгодней.

Казенс. ...привязанность к семье и дому...

Андершафт. Тем лучше: они примирятся с чем угодно, лишь бы не менять место работы.

Казенс. ...чувство довольства жизнью...

Андершафт. Неоценимое предохранительное средство против революции.

Казенс. ...бескорыстие...

Андершафт. Равнодушие к собственным интересам – мне это подходит как нельзя более.

Казенс. ...обращает их мысли к небесам...

Андершафт. А не к социализму и тред-юнионизму. Превосходно.

Казенс *(возмущенно)*. Вот уж действительно продувной старый плут!

Андершафт *(указывая на Питера Шерли, который только что вышел из убежища и в унынии бродит по двору)*. А вот это честный человек?

Шерли. Да. А какая мне польза от моей честности? *(Проходит мимо и угрюмо садится на скамью под навесом.)*

Снобби Прайс, сияя лицемерной улыбкой, и Дженни Хиля с тамбурином, полным медяков, выходят из убежища и подходят к барабану. Дженни отсчитывает на нем деньги.

Андершафт *(отвечая Шерли)*. Зато вашим хозяевам от этого была большая польза! *(Садится на стол, ставит ногу на боковую скамью.)*

Казенс, подавленный, садится на ту же скамью, ближе к убежищу. Барбара выходит из убежища на середину двора; она взволнована и выглядит несколько утомленной.

Барбара. У нас только что состоялся замечательный митинг у ворот, выходящих на Крипс-лейн. Кажется, я еще никогда не видела, чтобы публика была так растрогана, как после вашей проповеди, мистер Прайс.

Прайс. Я бы радовался тому, что до сих пор вел греховную жизнь, если бы мог поверить, что это поможет другим избежать стези порока.

Барбара. Поможет, Снобби, поможет. Сколько, Дженни?

Дженни. Четыре шиллинга десять пенсов, майор.

Барбара. Ах, Снобби, если б вы дали вашей несчастной матери еще одну затрещину, мы собрали бы целых пять шиллингов!

Прайс. Если б она слышала вас, мисс, она бы тоже об этом

пожалела. Но до чего же я счастлив! Какая это будет для нее радость, когда она узнает, что я спасен!

Андершафт. Могу я внести недостающие два пенса, Барбара? Лепта миллионера, а? *(Достает из кармана два медяка.)*

Барбара. Как вы заработали эти деньги?

Андершафт. Как и всегда, продажей пушек, торпед, подводных лодок и моих новых патентованных ручных гранат «великий герцог».

Барбара. Положите их обратно в карман. Здесь вы не купите себе спасение за два пенса; вы должны заработать его.

Андершафт. Разве двух пенсов мало? Я могу прибавить, если ты настаиваешь.

Барбара. Даже двух миллионов было бы мало. Ваши руки в крови, и омыть их может только чистая кровь. Деньги здесь бесполезны. Возьмите их обратно. *(Оборачиваясь к Казенсу.)* Долли, напишите для меня еще одно письмо в газеты.

Казенс делает гримасу.

Да, я знаю, что вам не хочется, а все-таки придется написать. Этой зимой мы не в силах помочь голодающим: все сидят без работы. Генерал говорит, что, если мы не достанем денег, придется закрыть убежище. На митингах я так клянчу у публики, что самой делается совестно. Правда, Снобби?

Прайс. Смотреть на вашу работу, мисс, одно удовольствие. Как вы этим гимном подняли сбор с трех шиллингов шести пенсов до четырех шиллингов десяти — пенни за пенни, стих за стихом, просто удивительно! Никакому торгашу за вами не угнаться!

Барбара. Да, но все же лучше было бы обойтись без этого. Я, в конце концов, начинаю больше заботиться о сборе, чем о душах человеческих. Что нам эти медяки, собранные в шляпу? Нам нужны тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч! Я хочу обращать людей ко Христу, а не просить милостыню для Армии. Ведь я не стала бы просить для себя, скорее умерла бы.

Андершафт *(с глубочайшей иронией)*. Подлинный альтруизм способен на все, милая моя.

Барбара *(собирает медяки с барабана в мешок; простосердечно)*. Да, не правда ли?

Андершафт иронически смотрит на Казенса.

Казенс *(тихо Андершафту)*. Мефистофель! Макиавелли!

Барбара *(со слезами на глазах завязывает мешок и кладет его в карман)*. Чем их кормить? Не могу же я говорить о вере человеку с голодными глазами? *(Чуть не плача.)* Это ужасно.

Дженни *(подбегает к ней)*. Майор, милочка моя...

Барбара *(выпрямляясь)*. Нет, не утешайте меня. Это ничего. Мы достанем денег.

Андершафт. Каким образом?

Дженни. Молитвой, конечно. Миссис Бэйнс говорит, что она молилась о деньгах вчера вечером, а она еще никогда не молилась напрасно, ни единого разу. *(Подходит к воротам и выглядывает на улицу.)*

Барбара *(которая тем временем вытерла глаза и успокоилась)*. Кстати, папа, миссис Бэйнс здесь, она пойдет с нами на большой митинг и очень хочет с вами познакомиться, уж не знаю почему. Может быть, она вас обратит.

Андершафт. Я буду в восторге, милая.

Дженни *(у ворот, возбужденно)*. Майор, майор! Этот человек опять здесь!

Барбара. Какой человек?

Дженни. Тот, который меня ударил. Ах, может быть, он для того и вернулся, чтобы вступить в Армию.

Билл Уокер входит в ворота, глубоко засунув руки в карманы и повесив голову, с видом игрока, проигравшегося дочиста; куртка его в снегу. Он останавливается между Барбарой и барабаном.

Барбара. Ага, Билл! Уже вернулись?

Билл (*язвительно*). А вы все болтаете, а?

Барбара. Да, почти все время. Ну что же, отплатил вам Тоджер за скулу бедной Дженни?

Билл. Нет, не отплатил!

Барбара. Мне показалось, что куртка у вас в снегу.

Билл. Ну да, в снегу. А вам так-таки нужно знать, откуда взялся снег?

Барбара. Да.

Билл. Ну так вот: с мостовой в Кеннингтауне. Я его унес на своей спине, понятно?

Барбара. Жаль, что вы не унесли его на своих коленях. Это принесло бы вам больше пользы.

Билл *(невесело шутит)*. Я старался уберечь чужие колени. Он, знаете ли, стал коленями на мою голову.

Дженни. Кто?

Б и л л. Да Тоджер. Он за меня молился – с удобством молился: я ему был вместо ковра. И Мэг тоже молилась. И все это чертово сборище. Мэг говорит: «Господи, сокруши его непокорный дух, но осени благодатью его сердце». Так и сказала: «Осени благодатью его сердце». А ее парень – тринадцать стоунов четыре фунта – всей своей тяжестью в это время давит мне на голову. Смешно, а?

Д ж е н н и. Нет, что вы. Нам очень жаль вас, мистер Уокер.

Б а р б а р а *(не скрывая своего удовольствия)*. Какой вздор! Разумеется, это смешно. Так вам и надо, Билл! Вы, должно быть, первый к нему пристали.

Б и л л *(упрямо)*. Я сделал то самое, что хотел: плюнул ему в глаза. А он закатил глаза и говорит: «Вот я удостоился того, что меня оплевали во имя твое!» – так и сказал. А Мэг сказала: «Аллилуйя, слава тебе боже»; а Тоджер назвал меня братом, набросился на меня, как будто я мальчишка, а он – моя мать и моет меня по субботам. И я с ним вовсе не дрался. Половина народу на улице молилась, а другая половина животики надрывала от смеху. *(Барбаре.)* Ну вот! Довольны вы теперь?

Б а р б а р а *(глаза ее блестят от радости)*. Жаль, что меня там не было, Билл.

Б и л л. Ну да, вы бы лишний раз поговорили на мой счет.

Д ж е н н и. Мне очень жаль, мистер Уокер.

Б и л л *(свирепо)*. Нечего вам жалеть. Никто вас не просит. Слушайте-ка! Ведь я разбил вам губу.

Д ж е н н и. Ничего, мне не было больно; право, не было больно, разве какую-нибудь минутку. Я только испугалась.

Б и л л. Не желаю я вашего прощения и ничего не желаю. Я заплачу за то, что сделал. Я хотел было подставить собственную челюсть, чтобы расквитаться с вами...

Д ж е н н и *(в отчаянии)*. Нет, нет...

Б и л л *(нетерпеливо)*. А я вам говорю – подставил. Слушайте, что вам говорят. А вышло, что за мои старания надо мной же все потешались на улице. Что же, если этим способом не удалось с вами расквитаться, можно и по-другому. Послушайте-ка! У меня было отложено два фунта на черный день, и фунт еще цел. Один мой приятель на прошлой неделе поссорился с бабенкой, на которой собирался жениться, задал ей хорошую трепку; и его оштрафовали на пятнадцать шиллингов. Он имел право ее бить, раз они собирались пожениться, а я не имел права вас бить, – значит, накинем еще пять шиллингов, и пускай будет ровно фунт. *(Достает деньги.)* Вот, возьмите,

и чтоб не было больше этих молитв и прощений и чтоб ваш майор не приставал ко мне больше. Что я сделал, то сделал; заплатил — и делу конец.

Дженни. О, я не могу взять эти деньги, мистер Уокер! Но если бы вы дали шиллинг или два бедной Ромми Митченс! Вы ее очень больно побили, а ведь она старая женщина.

Билл *(презрительно)*. Ну уж нет. Я ее и еще стукну, попадись только мне на глаза. Пускай судится со мной, как грозилась. Она-то меня не простила; непохоже, знаете ли. Я про нее и думать забыл. Чтоб из-за нее совесть меня мучила, как вот она говорит *(указывая на Барбару)*, — да ничего подобного, это все равно что свинью приколоть. А вы бросьте эти ваши поповские штучки: всякие там прощения, да уговоры, да приставания — прямо хоть вешайся! Не желаю я этого, говорят вам! Берите вы ваши деньги и отвяжитесь от меня с вашей подбитой губой.

Дженни. Майор, можно мне взять немножко денег для Армии?

Барбара. Нет. Армию нельзя купить. Нам нужна ваша душа, Билл, меньше мы не возьмем.

Билл *(с горечью)*. Знаю. Не нужны вам мои гроши. Ведь вы внучка графа. Вам нужно сотню фунтов, никак не меньше.

Андершафт. Ну же, Барбара! На сотню фунтов ты можешь сделать немало добра! Если ты облегчишь совесть этого джентльмена и возьмешь у него фунт, я добавлю девяносто девять.

Билл, ослепленный таким богатством, невольно подносит руку к козырьку кепи.

Барбара. О, вы слишком щедры, папа. Билл предлагает двадцать сребреников. Вам нужно добавить только остальные десять. За эту стандартную цену можно купить всякого, кто продается. Я не продаюсь, и Армия не продается. *(Биллу.)* Вы не будете знать ни одной минуты покоя, пока не придете к нам. Вы не можете бороться против собственного спасения.

Билл *(угрюмо)*. Я не могу бороться с болтливыми женщинами и борцами из мюзик-холла. Я предлагал заплатить, а больше я ничего не могу сделать. Хотите берите, хотите нет — дело ваше. Вот деньги. *(Бросает золотой на барабан и садится на кормушку.)*

Монета привлекает внимание Снобби Прайса, который

пользуется первым удобным моментом и бросает на нее свою шапку. Из убежища выходит миссис Бэйнс. Она одета в мундир комиссара Армии спасения. Это серьезная на вид женщина, лет сорока, с ласковыми и настойчивыми интонациями и трогательными манерами.

Барбара. Это мой отец, миссис Бэйнс.

Андершафт выходит из-за стола, с подчеркнутой вежливостью снимая шляпу.

Постарайтесь убедить его. Меня он не слушает, потому что до сих пор помнит, какая я была дурочка в детстве. *(Оставляет их вдвоем и вступает в разговор с Дженни.)*

Миссис Бэйнс. Вам показывали убежище, мистер Андершафт? Вы, конечно, слышали о нашей работе.

Андершафт *(очень вежливо)*. Вся Англия знает о ней, миссис Бэйнс.

Миссис Бэйнс. Нет, сэр, Англия о нас не знает, иначе нам не пришлось бы ограничивать себя из-за нужды в деньгах. Мы развернули бы работу по всей стране. Позвольте вам сказать, что, если бы не мы, в Лондоне этой зимой начались бы бунты.

Андершафт. Вы в самом деле так думаете?

Миссис Бэйнс. Я знаю. Я помню тысяча восемьсот восемьдесят шестой год, когда вот такие богачи, как вы, ожесточились сердцем против бедных. Тогда били окна в клубах на Пэл-Мэле.

Андершафт *(радостной улыбкой одобряя этот способ)*. И пожертвования в пользу бедных на другой день дошли с тридцати тысяч фунтов до семидесяти девяти тысяч! Как же, я это прекрасно помню.

Миссис Бэйнс. Так вот, не поможете ли вы мне? Теперь бедняки уже не станут бить окна. Поди сюда, Прайс. Покажись вот этому джентльмену.

Прайс подходит.

Помнишь, как били окна?

Прайс. Мой старик отец подумал было, что начинается революция.

Миссис Бэйнс. А теперь ты стал бы бить окна?

Прайс. Нет, мэм. Мне открылось окно на небеса. Теперь я знаю, что богачи такие же грешники, как и я.

Ромми *(показывается наверху, у чердачной двери)*. Снобби Прайс!

Прайс. Чего тебе?

Роммн. Ваша мать спрашивает вас, она у ворот на Крипслейн. Она услыхала про вашу исповедь.

Прайс бледнеет.

Миссис Бэйнс. Ступайте, мистер Прайс, помолитесь вместе с нею.

Дженни. Можете пройти через убежище, Снобби.

Прайс *(обращаясь к миссис Бэйнс)*. Я не могу встретиться с ней сейчас, мэм, когда тяжесть грехов еще не свалилась с моей души. Скажите ей, что сын будет дожидаться ее дома, коротая время в молитве. *(Проскальзывает в ворота и по дороге захватывает с барабана золотой вместе с шапкой.)*

Миссис Бэйнс *(со слезами на глазах)*. Вот видите, как мы укрощаем злобу и горечь против богачей в сердцах бедняков.

Андершафт. Это, конечно, весьма удобно и лестно для всех крупных работодателей, миссис Бэйнс.

Миссис Бэйнс. Барбара, Дженни! У меня хорошие новости, чудесные новости!

Дженни подбегает к ней.

Моя молитва услышана. Ведь я говорила, что так и будет. Правда, Дженни?

Дженни. Да, да.

Барбара *(подходя ближе к барабану)*. Хватит ли у нас денег? Не придется ли закрывать убежище?

Миссис Бэйнс. Надеюсь, денег у нас хватит на все убежища. Лорд Саксмондхэм обещал нам пять тысяч фунтов...

Барбара. Ура!

Дженни. Слава богу!

Миссис Бэйнс. ...если...

Барбара. «Если»? Если что?

Миссис Бэйнс. ...если еще пять джентльменов дадут по тысяче каждый, чтобы было ровно десять тысяч.

Барбара. Кто такой лорд Саксмондхэм? Никогда о нем не слышала.

Андершафт *(который навострил уши при имени этого пэра и с любопытством смотрит на Барбару)*. Новый титул, милая. Ты слышала имя сэра Горэйса Боджера?

Барбара. Боджера? Владельца водочного завода? Виски Боджера!

Андершафт. Ну, так это он самый и есть. Он один из величайших благодетелей общества. Он реставрировал собор

в Гэкингтоне. За это его сделали баронетом. Он пожертвовал полмиллиона в фонд своей партии. За это его сделали бароном.

Шерли. А кем его сделают за пять тысяч?

Андершафт. Больше уже не осталось титулов. Так что, я думаю, эти пять тысяч пойдут на спасение его души.

Миссис Бэйнс. Дай-то бог! Ах, мистер Андершафт, у вас есть очень богатые друзья. Помогите нам получить остальные пять тысяч. Сегодня у нас будет большой митинг в зале собраний на Майл Энд-роуд. Если б я могла объявить, что один джентльмен дал согласие поддержать лорда Саксмондхэма, другие последовали бы его примеру. Может быть, вы знаете кого-нибудь? Не могли ли бы вы?.. *(Глаза ее наполняются слезами.)* Ах, подумайте об этих бедных людях, мистер Андершафт, подумайте, как много это для них значит и какие это пустяки для такого большого человека, как вы.

Андершафт *(иронически любезно)*. Миссис Брайнс, вы неотразимы. Я не могу огорчить вас и не могу отказать себе в удовольствии заставить раскошелиться Боджера. Вы получите ваши пять тысяч.

Миссис Бэйнс. Благодарю тебя, боже!

Андершафт. А меня вы не благодарите?

Миссис Бэйнс. О сэр, не старайтесь казаться циником, не стыдитесь того, что вы добрый человек. Господь воздаст вам сторицей, и наши молитвы всю жизнь будут охранять вас, словно крепостные стены. *(Осторожно.)* Вы дадите мне чек, чтоб я могла показать его на митинге, не правда ли? Дженни, принесите перо и чернила.

Дженни бежит в дом.

Андершафт. Не беспокойтесь, мисс Хилл, у меня есть вечное перо.

Дженни останавливается. Андершафт садится за стол и пишет чек. Казенс встает, уступая ему место. Все смотрят на него молча.

Билл *(цинично, обращаясь к Барбаре; тон у него теперь в высшей степени нахальный)*. Почем нынче спасение души?

Барбара. Стойте!

Андершафт перестает писать. Все оборачиваются к ней в изумлении.

Миссис Бэйнс, вы в самом деле собираетесь взять эти деньги?

Миссис Бэйнс *(удивленно)*. А почему же не взять, милочка?

Барбара. Почему? А знаете ли вы, что такое мой отец? Разве вы забыли, что лорд Саксмондхэм — это водочник Боджер? Помните, как мы просили совет округа запретить ему освещать небо огненной надписью «Водка Боджера»? Несчастные пропойцы на набережной не могут очнуться от тревожного сна без того, чтобы эта мерзкая вывеска в небесах не пробудила в них пагубной жажды. Знаете ли вы, что самое худшее, с чем мне приходилось здесь бороться? Это не дьявол, а Боджер, Боджер, Боджер и его водка, его заводы, его кабаки! Вы хотите, чтобы и наше убежище стало кабаком, а я в нем хозяйкой?

Билл. Да и водка-то ни к черту не годная.

Миссис Бэйнс. Милая Барбара, у лорда Саксмондхэма, как у каждого из нас, есть душа, которую нужно спасти. Если бог внушил ему мысль употребить свои деньги на доброе дело, то не нам противиться тому, что молитва наша услышана.

Барбара. Я знаю, что его душу нужно спасти. Пусть придет сюда, и я сделаю все, чтобы помочь этому спасению. Но ведь он хочет откупиться чеком, а сам будет грешить по-старому.

Андершафт *(рассудительным тоном, в котором один Казенс усматривает иронию)*. Милая моя Барбара, алкоголь очень полезен. Он помогает больным...

Барбара. Ничего подобного.

Андершафт. Ну, скажем, помогает врачу, — это, быть может, менее спорный способ выразить ту же мысль. Для миллионов людей алкоголь делает сносной такую жизнь, какой трезвому не вынести. Он помогает парламенту решать в одиннадцать часов вечера такие дела, каких ни один человек в здравом уме не смог бы разрешить и в одиннадцать утра. Виноват ли Боджер в том, что этим неоценимым даром злоупотребляет какой-нибудь один процент бедняков? *(Снова поворачивается к столу и подписывает чек.)*

Миссис Бэйнс. Барбара, как вы полагаете, больше или меньше пьяных станет оттого, что все эти бедные души, которые мы стараемся спасти, завтра утром найдут двери убежища запертыми? Лорд Саксмондхэм дает нам деньги для борьбы с пьянством — для борьбы с ним самим.

Казенс *(лукаво)*. Чистое самопожертвование со стороны Боджера, это ясно! Благослови, боже, доброго Боджера.

Силы изменяют Барбаре, когда она видит, что и Адольф предал ее.

Андершафт *(встает, отрывает чек, кладет чековую книжку в карман и проходит мимо Казенса к миссис Бэйнс)*. И я тоже, миссис Бэйнс, могу претендовать на бескорыстие. Подумайте сами, какое у меня ремесло! Вспомните вдов и сирот, мужчин и юношей, разорванных на куски шрапнелью, отравленных лиддитом и люизитом!

Миссис Бэйнс морщится, но он безжалостно продолжает.

Вспомните моря крови — и ни одной капли этой крови не пролито за правое дело! — вытоптанные нивы мирных крестьян, работающих под огнем неприятеля, в муках голода, злобу трусов и лжецов, которые, сидя дома, подстрекают других к войне для удовлетворения своего национального тщеславия! Все это приносит мне доход; я только богатею и получаю больше заказов, когда газеты об этом трубят. Ну, а ваше ремесло — проповедовать на земле мир и в человецех благоволение.

Лицо миссис Бэйнс опять проясняется.

Каждый обращенный вами — это новый голос против войны.

Губы ее шевелятся, произнося молитву.

А все же я отдаю эти деньги вам и тем ускоряю свое собственное разорение! *(Дает ей чек.)*

Казенс *(вскакивает на скамью в злорадном восторге)*. Царство небесное на земле насаждают человеколюбцы Боджер и Андершафт! Возрадуйтесь! *(Достает палочки из кармана и размахивает ими.)*

Миссис Бэйнс *(берет чек)*. Чем дольше я живу, тем больше вижу доказательств, что неизмеримая благость господня рано или поздно все обращает на пользу делу спасения. Что доброго можно было ожидать от пьянства и войны? Однако доходы с них принесены сегодня на алтарь спасения и совершат благое дело. *(Она растрогана до слез.)*

Дженни *(подбегает к миссис Бэйнс и обнимает ее)*. О боже, какая радость, как все это хорошо!

Казенс *(с судорожной иронией)*. Воспользуемся этой незаб-

вснной минутой. Отправимся немедля на митинг! Извините, я сейчас вернусь. *(Убегает в дом.)*

Дженни берет с барабана свой тамбурин.

Миссис Бэйнс. Мистер Андершафт, приходилось ли вам видеть, как тысячная толпа падает на колени в едином порыве и начинает молиться? Пойдемте с нами на митинг. Барбара скажет им, что Армия спасена, и спасена вами.

Казенс *(стремительно выбегает из убежища с флагом и тромбоном и становится между миссис Бэйнс и Андершафтом)*. Вы первая понесете флаг, миссис Бэйнс. *(Передает ей флаг.)* Мистер Андершафт – талантливый тромбонист; его игра придаст нечто олимпийское Вестхэмскому маршу Армии спасения. *(Андершафту, навязывая ему тромбон.)* Труби, Макиавелли, труби!

Андершафт *(Казенсу, принимая тромбон)*. Труба сионская!

Казенс бросается к барабану, хватает его и надевает через плечо.

(Громко.) Постараюсь сделать, что могу. Я бы мог исполнить партию баса, если б знал мотив.

Казенс. Это свадебный марш из какой-то оперы Доницетти, но мы его приспособили. Мы все тут же приспосабливаем для служения благим целям, даже Боджера. Помните хор: «Великая радость» – «Immenso giubilo»?

Барабанная дробь: там-там-та-та-там, там-там-та-та.

Барбара. Долли, вы разбили мое сердце.

Казенс. Одним разбитым сердцем больше или меньше – не все ли равно теперь? Дионис Андершафт сошел на землю. Я неистовствую.

Миссис Бэйнс. Ну же, Барбара! Наша душенька майор должна нести флаг вместе со мной.

Дженни. Да, да, майор, душенька.

Казенс выхватывает тамбурин у Дженни и молча подносит его Барбаре. Барбара, вздрогнув, отталкивает тамбурин. Казенс небрежно перебрасывает его обратно Дженни и идет к воротам.

Барбара. Я не могу.

Дженни. Как не можете?

Миссис Бэйнс *(со слезами на глазах)*. Барбара, вы думаете, я поступила нехорошо, что взяла деньги?

Барбара *(подходит к ней и порывисто целует ее)*. Нет, нет, дорогая, помоги вам бог, так и нужно было сделать — вы спасли Армию. Ступайте, желаю вам удачи.

Дженни. А вы не пойдете?

Барбара. Нет. *(Откалывает с воротника серебряную брошь в виде буквы S.)*

Миссис Бэйнс. Барбара, что вы делаете?

Дженни. Зачем вы снимаете значок? Вы же не уходите от нас, майор?

Барбара *(спокойно)*. Отец, подите сюда.

Андершафт *(подходит к ней)*. Милая моя! *(Увидев, что она собирается приколоть ему значок, в смятении ретируется под навес.)*

Барбара *(идет за ним)*. Не пугайтесь. *(Прикалывает значок и отступает к столу, чтобы дать другим полюбоваться на Андершафта.)* Вот! Правда, совсем не много за пять тысяч фунтов?

Миссис Бэйнс. Барбара, если вы не идете молиться с нами, обещайте мне, что помолитесь за нас.

Барбара. Я не могу молиться теперь. Может быть, я никогда больше не буду молиться.

Миссис Бэйнс. Барбара!

Дженни. Майор!

Барбара *(едва владея собой)*. Не могу больше. Скорей уходите!

Казенс *(обращаясь к процессии, выстроившейся за воротами)*. Пошли! Музыка, начинаю! *(Дает тон.)*

Оркестр начинает марш, скоро замирающий в отдалении, так как процессия двигается быстро.

Миссис Бэйнс. Мне нужно идти, милочка. Вы переутомились, а завтра опять все будет хорошо. Вы не оставите нас. Ну, Дженни, идем под нашим старым флагом. Кровь и огонь! *(Маршируя, выходят за ворота с флагом.)*

Дженни. Аллилуйя, аллилуйя, слава тебе боже! *(Марширует, размахивая тамбурином.)*

Андершафт *(Казенсу, маршируя мимо него и пристраивая тромбон поудобнее)*. Мои дукаты и моя дочь!

Казенс *(следуя за ним)*. Деньги и порох!

Барбара. Пьянство и убийство! Боже мой, зачем ты покинул меня? *(Опускается на скамью, закрыв лицо руками.)*

Марш замирает в отдалении. Билл Уокер крадучись подходит к Барбаре.

Билл *(язвительно)*. Почем нынче спасение души?

Шерли. Лежачего не бьют.

Билл. А она меня и лежачего била. Почему же не дать ей сдачи?

Барбара *(поднимает голову)*. Я не брала ваших денег, Билл. *(Подходит к воротам и становится спиной к Шерли и Биллу, пряча от них лицо.)*

Билл *(насмешливо, вслед ей)*. Ну да, там для вас было маловато. *(Оборачивается к барабану и замечает, что золотого нет.)* Ого! Если вы не взяли, так кто-то другой взял. Куда же он девался? Провалиться мне, эта Дженни Хилл его все-таки взяла!

Ромми *(кричит ему с чердака)*. Врешь ты, мерзавец! Это Снобби Прайс стащил золотой с барабана, когда брал свою шапку. Я здесь стою все время, я видела, как он стащил деньги!

Билл. Как? Стащил мои деньги? Чего же ты не кричала караул, старая разиня?

Ромми. Так тебе и надо, не дерись! Нагрели тебя на целый золотой, будешь знать! *(Испускает злорадный торжествующий клич.)* Ага, попало! Поквитались мы с тобой! Будешь помнить в другой раз!

Билл выхватывает у Шерли кружку и швыряет ее в Ромми, она вовремя захлопывает чердачную дверь. Кружка разбивается о дверь, сыплются осколки.

Билл *(посмеивается)*. Скажи-ка, старик, в каком часу этот самый Снобби Прайс спас свою душу?

Барбара *(обращается к нему уже спокойнее, с невозмутимой кротостью)*. В половине первого, Билл. А ваш золотой он украл без четверти два. Я знаю. Ну что же, не терять же вам ваши деньги. Я пришлю их вам.

Билл *(голос его звучит мягче)*. Ну нет! Хоть бы мне с голоду пришлось подыхать, меня купить нельзя.

Шерли. Будто бы нельзя? Да ты продашь себя черту за бутылку пива; только вот черта нет, купить некому.

Билл *(не смущаясь)*. С удовольствием продал бы, приятель, да и не раз продавал. А вот ей меня не купить. *(Подходит к Барбаре.)* Вам душа моя понадобилась? А вот вы ее и не получили.

Барбара. Чуть было не получила. Но продала вам обратно за десять тысяч фунтов.

Шерли. И то дорого дали!

Барбара. Нет, Питер, она дороже стоит.

Билл *(чувствуя себя застрахованным от спасения души)*. Нечего тут, теперь вам меня не обойти. Не верю я в это, а сегодня и сам увидел, что моя правда. *(Уходит.)* Прощай, старый блюдолиз! Будьте здоровы, майор, графская внучка! *(В воротах оборачивается.)* Почем нынче спасение души? Снобби Прайс! Ха-ха!

Барбара *(протягивает руку)*. Прощайте, Билл!

Билл *(застигнутый врасплох, хватается за шапку, потом снова нахлобучивает ее, с вызовом)*. Еще чего!

Барбара опускает руку.

(Его начинает мучить совесть.) Да вы не обижайтесь, право. Я против вас ничего не имею. Не сердитесь на меня. До свидания, мисс. *(Уходит.)*

Барбара. Не сердитесь и вы. До свидания, Билл.

Шерли *(качая головой)*. Вы уж очень с ним носитесь, мисс. Не знаете вы их.

Барбара *(подходит к нему)*. Питер, теперь со мною то же, что с вами. Выгнали, вот я и без работы.

Шерли. У вас есть молодость и надежда. На два очка больше, чем у меня.

Барбара. Я достану вам работу, Питер. Вот и надежда для вас, а с меня будет и молодости. *(Пересчитывает свои деньги.)* Осталось на два чая у Локарта, на ночлежку для вас и мне на трамвай и автобус.

Он хмурится и встает с видом оскорбленной гордости.

(Берет его за руку.) Не обижайтесь, Питер. Что за счеты между друзьями? И говорите со мной, не давайте мне плакать. *(Уводит его к воротам.)*

Шерли. Я, знаете ли, не привык разговаривать с вашим братом...

Барбара *(настойчиво)*. Нет, нет, вы должны со мной поговорить. Расскажите мне о книгах Тома Пейна и о лекциях Брэдло. Идемте.

Шерли. Эх, вот если бы вы прочли как следует Тома Пейна, мисс!

Вместе выходят из ворот.

На следующий день после завтрака. Леди Бритомарт пишет письма в своей библиотеке на Уилтон-кресент. Сара читает в кресле у окна. Барбара, в обыкновенном платье, сшитом по моде, бледная и задумчивая, сидит на кушетке. Входит Чарлз Ломэкс. Останавливается как вкопанный, увидев Барбару, изящно одетую и грустно настроенную.

Ломэкс. Вы не в мундире?!

Барбара молчит, но по ее лицу проходит выражение боли.

Леди Бритомарт *(тихим голосом предупреждает его, чтоб он был осторожней)*. Чарлз!

Ломэкс *(очень огорченный, подходит сзади к кушетке и сочувственно склоняется над Барбарой)*. Мне очень жаль, Барбара. Вы ведь знаете, я помогал вам, как умел, и на концертино играл, и вообще. *(С важностью.)* А все-таки я никогда не закрывал глаза на то, что в этой Армии спасения порядочно всякого вздора. Взять, например, англиканскую церковь...

Леди Бритомарт. Довольно, Чарлз. Поговорите о чем-нибудь, более соответствующем вашим умственным способностям.

Ломэкс. Но ведь англиканская церковь как раз соответствует нашим умственным способностям.

Барбара *(пожимая ему руку)*. Благодарю за сочувствие, Чолли. А теперь ступайте поухаживайте за Сарой.

Ломэкс *(перетаскивает стул от письменного стола и с видом влюбленного усаживается рядом с Сарой)*. Как поживает сегодня мое сокровище?

Сара. Лучше бы ты не учила его, что надо делать, Барбара. А то он рад стараться. Чолли, мы едем сегодня на завод.

Ломэкс. На какой завод?

Сара. На оружейный.

Ломэкс. Как, в заведение вашего родителя?

Сара. Да.

Ломэкс. Ну, знаете ли!

Входит Казенс, явно расстроенный. Он тоже поражен, видя Барбару не в мундире.

Барбара. Я ждала вас сегодня утром, Долли. А вы и не догадывались?

Казенс *(садится рядом с ней)*. Мне очень жаль. Я только-только успел позавтракать.

Сара. А у нас уже был второй завтрак.

Барбара. Вы плохо провели ночь!

Казенс. Нет, скорее хорошо; по правде говоря, это одна из самых замечательных ночей в моей жизни.

Барбара. На митинге?

Казенс. Нет, после митинга.

Леди Бритомарт. После митинга вам следовало лечь спать. Что вы делали?

Казенс. Пьянствовал.

Леди Бритомарт, Сара, Барбара, Ломэкс *(вместе)*. Адольф! Долли! Долли! Ну, знаете ли!

Леди Бритомарт. Что же вы пили, разрешите спросить?

Казенс. Какую-то дьявольскую разновидность испанского бургундского без примеси спирта; можно сказать, находка для непьющих. В нем так много натурального алкоголя, что всякая примесь была бы излишней.

Барбара. Вы шутите, Долли?

Казенс *(терпеливо)*. Нет. Я провел ночь с номинальным главой этого дома, вот и все.

Леди Бритомарт. Эндру напоил вас?

Казенс. Нет, он только выставил угощение. Я думаю, что Дионис опьянил меня. *(Барбаре.)* Я же говорил вам вчера, что я одержим.

Леди Бритомарт. Вы и до сих пор еще не протрезвились. Ступайте сию минуту домой и ложитесь спать.

Казенс. Леди Бритомарт, я впервые осмеливаюсь сделать вам упрек: как вы могли выйти замуж за Князя тьмы?

Леди Бритомарт. Гораздо извинительнее выйти за него замуж, чем напиться с ним. Это новое достижение Эндру, кстати. Прежде он не пил.

Казенс. Он и теперь не пьет. Он только сидел со мной и довершал покупку моей души, разрушение моих моральных устоев, подрывал корни моих убеждений. Он любит вас, Барбара. Вот почему он так опасен для меня.

Барбара. Это ничего не значит, Долли. Есть любовь сильнее, а мечты чудеснее, чем у домашнего очага. Вам это как будто известно.

Казенс. Да, так мы с вами думали. Я помню это и стою за

это. Он может увлечь меня, но ненадолго, если не одолеет меня на этой священной почве. А овладеть мною он не может, несмотря на всю его силу.

Барбара. Вот этого и держитесь, тогда все кончится хорошо. А теперь расскажите, что было на митинге.

Казенс. Митинг был замечательный. Миссис Бэйнс чуть не задохнулась от волнения. Дженни Хилл разревелась. Князь тьмы наяривал на тромбоне, как бешеный, рев был адский, словно все грешники в преисподней взвыли разом. Тут же, на месте, состоялось сто семнадцать обращений. Все молились со слезами умиления и за Боджера, и за анонимного жертвователя пяти тысяч. Ваш отец не пожелал назвать свое имя.

Ломэкс. А все-таки, знаете ли, старик молодчина! Другой бы на его месте не отказался от рекламы.

Казенс. Он сказал, что все благотворительные учреждения набросятся на него, как стервятники на падаль, если он назовет свое имя.

Леди Бритомарт. Узнаю Эндру! Самому своему достойному поступку он всегда подыщет недостойное основание.

Казенс. Он убедил меня в том, что я всю жизнь поступаю недостойно на самых достойных основаниях.

Леди Бритомарт. Адольф, теперь, когда Барбара ушла из Армии спасения, и вам, пожалуй, тоже лучше было бы уйти. Я не желаю, чтоб вы ходили с этим барабаном по улице.

Казенс. Ваше приказание уже исполнено, леди Брит.

Барбара. Долли, вы верили когда-нибудь всерьез? Вступили бы вы в Армию спасения, если б не встретили меня?

Казенс *(кривит душой)*. Что ж, э-э... возможно, в качестве коллекционера религий...

Ломэкс *(глубокомысленно)*. Но не в качестве барабанщика, знаете ли. Вы парень с головой, Долли, и вам, наверное, с самого начала было ясно, что в этой самой Армии порядочно-таки всякого вздора...

Леди Бритомарт. Чарлз, если уж вы хотите нести чушь, то делайте это как взрослый человек, а не как мальчишка.

Ломэкс *(обескураженный)*. Ну, знаете ли, чушь всегда чушь, при чем тут возраст?

Леди Бритомарт. В английском высшем обществе, Чарлз, люди несут чушь до самой старости, повторяя с важным видом глупейшие трюизмы. Даже у школьни-

ков есть свои трюизмы, как и у вас. В вашем возрасте школьник обычно получает должность секретаря у какого-нибудь политического деятеля, бросает школьный жаргон и заимствует готовые трюизмы из «Спектэйтор» или «Таймс». Вам лучше было бы ограничиться «Таймс». Вы увидите, что и в «Таймс» порядочно-таки всякого вздора, зато, по крайней мере, язык там приличный.

Ломэкс *(сдаваясь)*. Вы прямо министр, леди Брит!

Леди Бритомарт. Какие глупости!

Входит Морисон.

Что там такое?

Морисон. С вашего разрешения, миледи, карета мистера Андершафта подъехала к дому.

Леди Бритомарт. Ну что же, введите его.

Морисон колеблется.

Что с вами, Морисон?

Морисон. Прикажете доложить о нем, миледи, или он здесь у себя дома, если так можно выразиться?

Леди Бритомарт. Доложите о нем.

Морисон. Благодарю вас, миледи. Надеюсь, вы извините, что я спросил. Случай в некотором роде новый для меня.

Леди Бритомарт. Совершенно верно. Ступайте и приведите его сюда.

Морисон. Благодарю вас, миледи. *(Уходит.)*

Леди Бритомарт. Дети, ступайте приготовьтесь.

Сара и Барбара уходят наверх одеваться.

Чарлз, подите скажите Стивену, чтоб он сошел вниз на пять минут, он в гостиной.

Чарлз уходит.

Адольф, скажите, чтоб карету подавали через четверть часа.

Адольф уходит.

Морисон *(в дверя́х)*. Мистер Андершафт.

Входит Андершафт. Морисон уходит.

Андершафт. Ты одна! Какое счастье!

Леди Бритомарт *(вставая)*. Не сентиментальничай, Эндру. Садись. *(Садится на ¹кушетку, он садится рядом, слева от нее. Она приступает к делу, не давая ему опом-*

шиться.) Саре нужно восемьсот фунтов в год, пока Ломэкс не получит наследства. Барбаре понадобится больше, и это постоянно, потому что у Адольфа ничего нет.

Андершафт *(покорно)*. Хорошо, милая, я позабочусь об этом. Может быть, нужно еще что-нибудь, например для тебя?

Леди Бритомарт. Я хочу поговорить с тобой о Стивене.

Андершафт *(устало)*. Не стоит, милая, Стивен меня не интересует.

Леди Бритомарт. А меня интересует. Он наш сын.

Андершафт. Ты так думаешь? Он заставил нас произвести его на свет, но, кажется, не сумел толком выбрать родителей. Я не вижу в нем ничего своего, а твоего — еще меньше.

Леди Бритомарт. Эндру! Стивен хороший сын и очень способный юноша, самых лучших правил. Тебе просто нужен предлог, чтобы лишить его наследства.

Андершафт. Милая Бидди, это традиция Андершафтов лишает его наследства. Было бы нечестно с моей стороны оставить завод сыну.

Леди Бритомарт. Будет в высшей степени неприлично и безнравственно, если ты оставишь завод кому-нибудь другому. Неужели эту мерзкую и неприличную традицию будут поддерживать вечно? Уж не хочешь ли ты сказать, что Стивен не мог бы руководить заводом, как все другие сыновья в больших фирмах?

Андершафт. Да, он мог бы выучиться деловой рутине, не понимая сути дела, как все другие сыновья, а дело шло бы само собой, пока настоящий Андершафт — вероятно, итальянец или немец — не изобрел бы нового метода и не оттер бы Стивена.

Леди Бритомарт. Что может итальянец или немец, то может и наш Стивен. В Стивене, по крайней мере, видна порода.

Андершафт. В сыне найденыша! Чепуха!

Леди Бритомарт. В моем сыне, Эндру. Да и в твоих жилах, может быть, течет благородная кровь, хотя ты этого и не знаешь.

Андершафт. Что ж, очень может быть. Вот и еще довод в пользу найденышей.

Леди Бритомарт. Эндру, не раздражай меня. И не говори гадостей. Сейчас ты делаешь и то и другое сразу.

Андершафт. Наш разговор входит в традицию Андершафтов, Бидди. Жены всех Андершафтов ведут с мужьями

такие разговоры с тех самых пор, как основана фирма. Не стоит терять времени даром. Если традиция и будет когда-нибудь нарушена, то ради человека более талантливого, чем Стивен.

Леди Бритомарт *(дуется)*. Тогда уходи.

Андершафт *(просительно)*. Уходи?

Леди Бритомарт. Да, уходи. Если ты не хочешь ничего сделать для Стивена, то ты здесь не нужен. Ступай к своему найденышу и заботься о нем.

Андершафт. Дело в том, Бидди...

Леди Бритомарт. Не зови меня Бидди; я же не зову тебя Энди.

Андершафт. Я не стану звать свою жену Бритомарт, это совершенно бессмысленно. Без шуток, милая, традиция Андершафтов ставит меня в трудное положение. Я начинаю стареть, а мой компаньон Лейзерс в конце концов забастовал и объявил, что нужно решить вопрос о преемственности, и, конечно, он совершенно прав. Я, видишь ли, не нашел еще достойного наследника.

Леди Бритомарт *(упрямо)*. У нас есть Стивен.

Андершафт. Вот именно; все мои найденыши как две капли воды похожи на Стивена.

Леди Бритомарт. Эндру!

Андершафт. Мне нужен человек без роду и племени, без воспитания; иначе говоря, человек, которому не удалось бы пробиться, если б он не был сильным человеком. И я не могу найти такого. Каждого паршивого найденыша теперь подбирают приюты Бернардо, или чиновники министерства просвещения, или попечительские советы; и если у него есть хоть какие-нибудь способности, на него еще в школе обращают внимание, тренируют его для получения стипендии, словно скаковую лошадь, набивают ему голову ходячей мудростью, воспитывают в нем дисциплину, послушание и так называемый хороший вкус и калечат на всю жизнь так, что он уже не годен ни к чему, как только самому быть учителем. Если ты хочешь, чтобы завод остался в семье, отыщи подходящего найденыша и жени его на Барбаре.

Леди Бритомарт. Ах, Барбара твоя любимица! Ты готов принести Стивена в жертву Барбаре.

Андершафт. С радостью. А ты, моя милая, готова живьем сварить Барбару, лишь бы твой Стивен не остался без бульона.

Леди Бритомарт. Эндру, тут вопрос не в наших симпа-

тиях или антипатиях, это вопрос долга. Твой долг сделать Стивена своим наследником.

Андершафт. Так же, как твой долг — повиноваться мужу. Послушай, Бидди, эти уловки правящих классов со мной бесполезны. Я и сам теперь принадлежу к правящему классу. Пустая трата времени читать проповеди миссионеру. В этом деле решаю я, и тебе не удастся обойти меня и заставить решить его в твою пользу.

Леди Бритомарт. Эндру, ты, конечно, можешь заговорить меня до потери сознания, но ты не можешь сделать черное белым. И галстук у тебя съехал на сторону. Поправь его.

Андершафт *(в смущении)*. Он не держится, если его не приколоть. *(По-детски морщась, поправляет галстук.)*

Входит Стивен.

Стивен *(в дверях)*. Извините меня. *(Хочет уйти.)*

Леди Бритомарт. Нет, нет, войди, Стивен.

Стивен подходит к письменному столу леди Бритомарт.

Андершафт *(не слишком сердечно)*. Добрый день.

Стивен *(холодно)*. Добрый день.

Андершафт *(леди Бритомарт)*. Ему, я полагаю, известно о традиции?

Леди Бритомарт. Да. *(Стивену.)* То, о чем я тебе рассказывала вчера вечером, Стивен.

Андершафт *(недовольным тоном)*. Насколько я понимаю, ты хочешь войти в нашу фирму?

Стивен. Я? В торговое предприятие? Разумеется нет.

Андершафт *(широко раскрывает глаза, у него точно гора с плеч свалилась)*. Ах вот как! Но в таком случае...

Леди Бритомарт. Оружейный завод — не торговля, Стивен. Это деловое предприятие.

Стивен. Я не намереваюсь стать дельцом какого бы то ни было рода. У меня нет ни способностей, ни склонности к делам. Я намерен посвятить себя политике.

Андершафт *(вставая)*. Мой милый мальчик, какое облегчение это слышать! Надеюсь, что и страна имеет все основания радоваться. Я боялся, что ты сочтешь себя обойденным и обиженным. *(Делает движение навстречу Стивену, словно для того, чтобы пожать ему руку.)*

Леди Бритомарт *(вставая, чтобы вмешаться)*. Стивен, я не позволю тебе выбросить за окно такое огромное состояние.

Стивен *(сухо)*. Мама, перестаньте обращаться со мной как с ребенком, прошу вас.

Леди Бритомарт, глубоко оскорбленная тоном Стивена, отстраняется от него.

До вчерашнего вечера я не принимал всерьез вашего отношения ко мне, так как думал, что и у вас это не серьезно. А теперь я вижу, что вы намеренно держали меня в неведении относительно того, что должны были объяснить мне много лет тому назад. Я чувствую себя оскорбленным и обиженным. В дальнейшем я предпочту обсуждать мои планы с отцом, как следует между мужчинами.

Леди Бритомарт. Стивен! *(Садится снова, и глаза ее наполняются слезами.)*

Андершафт *(серьезно и сочувственно)*. Видишь ли, милая, только со взрослыми мужчинами можно обращаться, как с малыми детьми.

Стивен. Я очень сожалею, мама, что вы меня заставили...

Андершафт *(останавливает его)*. Да-да-да-да. Все это хорошо, Стивен. Она не станет больше вмешиваться в твои дела; ты добился свободы, получил ключ от парадной двери. Не подчеркивай этого и ни в коем случае не оправдывайся. *(Садится снова.)* А теперь поговорим о твоем будущем, как следует между мужчинами... Извини меня, Бидди: между двумя мужчинами и женщиной.

Леди Бритомарт *(которая уже взяла себя в руки)*. Я очень хорошо понимаю, Стивен. Пожалуйста, иди своей дорогой, если чувствуешь себя достаточно сильным.

Стивен садится за письменный стол с видом человека, предъявляющего права на совершеннолетие.

Андершафт. Итак, решено: ты отказываешься от всяких претензий на оружейный завод.

Стивен. Надеюсь, решено, что я знать не хочу этого завода.

Андершафт. Ну, ну! Нечего так дуться; это мальчишество. Свободный человек должен быть великодушным. Кроме того, я обязан помочь тебе на первых порах, дать реванш за то, что лишил тебя наследства. Не сразу же ты станешь премьером. Может быть, у тебя есть к чему-нибудь склонность? К литературе, искусству и так далее?

Стивен. Слава богу, я, кажется, ничем не похож на богему, ни по внешности, ни по характеру.

Андершафт. Может быть, ты философ, а?

Стивен. У меня нет таких смешных претензий.

Андершафт. Вот именно. Ну что ж, остаются армия, флот, церковь, суд. В суде требуются кое-какие способности. Не попробовать ли суд?

Стивен. Я не изучал юриспруденции. И пожалуй, у меня нет нужной энергии, — кажется, так юристы называют свою вульгарную назойливость, — чтобы вести дела успешно.

Андершафт. Положение довольно затруднительное, Стивен. Почти ничего не осталось, кроме сцены, а?

Стивен нетерпеливо отмахивается.

Ну, ну, ведь есть же что-нибудь такое, что ты любишь или знаешь?

Стивен *(встает и смотрит на отца упорным взглядом)*. Я знаю разницу между добром и злом.

Андершафт *(развеселившись до чрезвычайности)*. Да что ты говоришь? Как? Нет способностей к делам, знания законов, склонности к искусству, никаких претензий на звание философа, — нет ничего, кроме знания тайны, которая ставила в тупик всех философов, всех законоведов, всех практических деятелей и погубила почти всех людей искусства, — тайны добра и зла. Ну, милый мой, да ты гений, мастер из мастеров, прямо бог! И это в двадцать четыре года!

Стивен *(с трудом сдерживая раздражение)*. Вам угодно шутить. Я претендую только на то, на что по праву рождения может претендовать каждый английский джентльмен. *(В раздражении садится на место.)*

Андершафт. О, по праву рождения на это может претендовать каждый. Возьми бедняжку Дженни Хилл, эту девочку из Армии спасения! Если ты попросишь ее стать на перекрестке и обучать народ грамматике, географии, арифметике или даже салонным танцам, она подумает, что ты над ней смеешься, но ей и в голову не приходит усомниться в том, что она может обучать морали и религии. Все вы на один лад, господа респектабельные люди. Вы не сможете ответить, каково предельное напряжение десятидюймовки, что очень просто; но все вы думаете, что вам известен предел напряжения у человека, который противится соблазну. Вы не посмеете дотронуться до динамита, зато бесцеремонно жонглируете честностью, истиной, справедливостью и долгом человека и в этой игре убиваете друг друга. Что за страна! Что за мир!

Леди Бритомарт *(тревожно)*. Чем же ему лучше заняться, Эндру?

Андершафт. О, да как раз тем, чем он хочет. Он ничего не знает, а думает, что знает все. Это ясное указание на политическую карьеру. Устрой его секретарем к кому-нибудь, кто может сделать его товарищем министра, и предоставь его собственным силам. Он сам отыщет свое место на краешке скамьи министров, уготованное ему естественным ходом вещей.

Стивен *(опять вскакивает с места)*. Очень жаль, сэр, что вы заставляете меня забыть о том уважении, которое я обязан выказывать вам как отцу. Я — англичанин и не желаю слушать, как оскорбляют правительство моей страны. *(Засунув руки в карманы, сердито отходит к окну.)*

Андершафт *(грубовато)*. Правительство твоей страны! Я — правительство твоей страны, я и Лейзерс. Неужели ты думаешь, что десяток дилетантов вроде тебя, усевшись рядком в этой дурацкой говорильне, могут управлять Андершафтом и Лейзерсом? Нет, мой друг, вы будете делать то, что выгодно нам. Вы объявите войну, если нам это будет угодно, и сохраните мир, если нам это подойдет. Вы обнаружите, что промышленности требуются такие-то мероприятия как раз тогда, когда мы решим эти мероприятия провести. Когда мне нужно будет повысить дивиденды, вы найдете, что это государственная необходимость. Когда другие захотят понизить мои дивиденды, вы призовете на помощь полицию и войска. И за все это вы получите поддержку и одобрение моих газет, а также удовольствие воображать себя великими государственными деятелями. Правительство твоей страны! Ступай, мой милый, играй в свои перевыборы, передовицы, исторические банкеты, в великих лидеров, в животрепещущие вопросы и в остальные твои игрушки! А я вернусь к себе в контору, заплачу музыкантам и закажу какую мне нужно музыку.

Стивен *(со снисходительно-покровительственной улыбкой кладет руку на плечо отца)*. Право, милый папа, на вас невозможно сердиться: вы не можете себе представить, как нелепо все это звучит для меня. Вы совершенно справедливо гордитесь, что заработали деньги своим трудом, и то, что вы заработали так много, делает вам честь. Но из-за этого вы остались в том кругу общества, где вас ценят только за ваши деньги и уступают вам ради них,

а мои убеждения сложились в школе и университете, несомненно очень старомодных и отсталых. Для вас естественно думать, что Англией правят деньги, но позвольте мне знать, как это обстоит на самом деле.

Андершафт. Так скажи, пожалуйста, что же правит Англией?

Стивен. Характер, папа, характер.

Андершафт. Чей характер? Твой или мой?

Стивен. Не ваш и не мой, а лучшие свойства английского национального характера.

Андершафт. Стивен, я нашел для тебя профессию. Ты прирожденный журналист. Для начала я куплю тебе высоконравственное еженедельное обозрение. Вот!

Прежде чем Стивен успевает ответить, входят Сара, Барбара, Ломэкс и Казенс, одетые для прогулки. Барбара подходит к окну и выглядывает на улицу. Казенс направляется к креслу. Ломэкс остается возле двери. Сара подходит к матери. Стивен идет к письменному столу поменьше и берется за письма. Леди Бритомарт выходит из комнаты.

Сара. Подите оденьтесь, мама. Коляска ждет.

Андершафт. Здравствуй, милая. Добрый день, мистер Ломэкс.

Ломэкс *(скороговоркой)*. Как поживаете?

Андершафт *(Казенсу)*. Ну, а вы, Еврипид, как чувствуете себя после вчерашнего?

Казенс. Как нельзя лучше.

Андершафт. Вот это хорошо. *(Барбаре.)* Итак, ты едешь смотреть мою фабрику смерти и разрушения, Барбара?

Барбара *(у окна)*. Вы же видели вчера мою фабрику спасения. Я обещала нанести вам ответный визит.

Ломэкс *(делает шаг вперед и останавливается между Сарой и Андершафтом)*. Вот увидите, что это потрясающе интересно. Я был в Вулиджском арсенале, и прямо замечательно, до чего чувствуешь себя в безопасности. Как подумаешь, сколько этих молодчиков мы можем ухлопать, если дело дойдет до драки. *(Андершафту, неожиданно переходя на торжественный тон.)* А все же для вас это должно быть прямо ужасно, то есть с религиозной точки зрения. Годы ваши уже не молодые, знаете ли, и все такое.

Сара. Папа, ведь вас не сердит идиотизм Чолли?

Ломэкс *(разом теряясь)*. Ну, знаете ли!

Андершафт. Мистер Ломэкс смотрит на дело весьма здраво, моя милая.

Ломэкс. Вот, вот. Я ничего такого не хотел сказать, уверяю вас.

Сара. Ты едешь с нами, Стивен?

Стивен. Я, видишь ли, очень занят... э-э... *(Великодушно.)* Впрочем, я, пожалуй, поеду. То есть если для меня найдется место.

Андершафт. Я могу взять двоих в маленькую машину, она у меня на испытании для военных целей. Элегантной ее назвать нельзя, она еще не крашена. Зато ни одна пуля ее не пробьет.

Ломэкс *(в ужасе от мысли предстать перед Уилтон-креснт в некрашеной машине)*. Ну, знаете ли!

Сара. Благодарю вас, я поеду в коляске. Барбаре все равно, в какой машине ее увидят.

Ломэкс. Послушайте-ка, Долли, вам ведь все равно, что эта машина такое пугало? Потому что, если вам не все равно, я, так и быть, поеду в ней... А лучше бы...

Казенс. Я поеду в машине.

Ломэкс. Спасибо, старина. Пойдем, сокровище мое. *(Спешит выйти, чтобы занять место в коляске.)*

Сара идет за ним.

Казенс *(угрюмо подходит к письменному столу леди Бритомарт. Барбаре)*. Зачем мы с вами едем в этот производственный цех преисподней, спрашиваю я себя?

Барбара. Я всегда думала, что это что-то вроде подземелья, где грешники с черными лицами мешают кочергой дымный огонь, а мой отец командует ими и мучит их. Это так и есть, папа?

Андершафт *(шокированный)*. Милая моя! Это безукоризненно чистый и красивый городок на склоне холма!

Казенс. С методистской часовней? О, скажите, что там есть методистская часовня!

Андершафт. Там их две: одна для тех, кто попроще, а другая для более сложных натур. Есть даже Этическое общество, но оно не пользуется успехом, потому что все мои рабочие очень религиозны. Они против того, чтобы в цехах взрывчатых веществ присутствовали агностики, — они считают, что это небезопасно.

Казенс. Однако они не против *нас*.

Барбара. Они делают все, что ты прикажешь?

Андершафт. Я им никогда ничего не приказываю. Я с ни-

ми разговариваю в таком роде: «Ну, Джонс, малыш здоров? И миссис Джонс хорошо себя чувствует?» — «Очень хорошо, благодарю вас, сэр». Вот и все.

Кэнсс. Но ведь Джонса нужно держать в руках. Как вы поддерживаете дисциплину среди ваших рабочих?

Андершафт. Я в это не вмешиваюсь. Они сами ее поддерживают. Джонс не потерпит, чтоб его подчиненный бунтовал, не потерпит, чтоб миссис Джонс была на равной ноге с женой рабочего, который получает на четыре шиллинга меньше, чем он сам. В принципе все они против меня, разумеется. На практике каждый из них распоряжается тем, кто стоит ниже. Я никогда с ними не связываюсь. Я вообще не командую. Не командую даже Лейзерсом. Я говорю, что то-то и то-то нужно сделать, но никому не отдаю приказаний. Заметьте, я не говорю, что приказания вообще не отдаются, что никто никем не помыкает, никто не командует. Рабочие помыкают учениками и командуют ими, слесари третируют метельщиков, мастера командуют и теми и другими, техники придираются и к рабочим и к мастерам, инженеры — к техникам, заведующие цехами изводят инженеров, а конторщики ходят в цилиндрах и с молитвенниками и поддерживают хороший тон, отказываясь общаться с кем бы то ни было. В результате — колоссальная прыбыль, которую получаю я.

Кэнсс *(в возмущении)*. Вы, в самом деле... Ну то, что я вчера говорил!

Барбара. Что он вчера говорил?

Андершафт. Это неважно, милая. Он думает, что я сделал тебя несчастной. Разве это правда?

Барбара. Неужели вы думаете, что я могу быть счастливой в этом глупом платье? Я, которая носила мундир? Неужели вы не понимаете, что вы со мной сделали? Вчера в моих руках была душа человека. Я вывела его на путь истинный, обратила к богу. А когда мы взяли ваши деньги, он вернулся к пьянству и неверию. *(Страстно и убежденно.)* Нет, я никогда вам этого не прощу. Если б у меня был ребенок и вы убили бы его вашим порохом, если б вы расстреляли Долли из ваших отвратительных пушек, я могла бы вас простить, для того чтобы мое прощение открыло вам врата рая. Но отнять у меня человеческую душу и превратить ее в волчью! Это хуже убийства.

Андершафт. Неужели моя дочь так легко приходит в от-

чаяние? Разве можно поразить человека в сердце так, чтобы в сердце не осталось следа?

Барбара *(лицо ее проясняется)*. Да, вы правы, Билл теперь не может погибнуть. Где же была моя вера?

Казенс. О хитрый, хитрый дьявол!

Барбара. Может быть, вы и дьявол, но бог иногда говорит вашими устами. *(Берет руки отца и целует их.)* Вы вернули мне мое счастье; я чувствую его где-то в глубине души, хотя дух мой и неспокоен.

Андершафт. Ты кое-чему научилась. Вначале это всегда ощущается как потеря.

Барбара. Что ж, везите меня на фабрику смерти и дайте мне научиться чему-нибудь еще. Должна же быть какая-нибудь правда за этой зловещей иронией. Идем, Долли. *(Выходит.)*

Казенс. Мой ангел-хранитель! *(Андершафту.)* Вперед! *(Уходит за Барбарой.)*

Стивен *(спокойно, из-за письменного стола)*. Не обращайте внимания на Казенса, папа. Он очень славный и честный малый, но ведь он профессор греческого языка и, естественно, немножко эксцентричен.

Андершафт. Ах, да, да. Благодарю тебя, Стивен, благодарю. *(Уходит.)*

Стивен снисходительно улыбается, важно застегивает пальто на все пуговицы и направляется к двери. Леди Бритомарт, одетая для прогулки, появляется в дверях. Она оглядывается в поисках остальных, смотрит на Стивена и, не говоря ни слова, поворачивается, чтобы уйти.

Стивен *(в смущении)*. Мама...

Леди Бритомарт. Не оправдывайся, Стивен. И не забывай, что ты перерос свою мать. *(Уходит.)*

Перивэйл Сент-Эндрюс расположен между двумя холмами Мидлсекса и взбирается до половины северного холма. Дыма почти не видно, везде белые стены, красные и зеленые черепичные крыши, высокие деревья, купола, колокольни и стройные дымовые трубы; город красив сам по себе и красиво расположен. Самый лучший вид открывается со склона холма в полумиле от города на восток, с территории, где производят взрывчатые вещества. Завод прячется в котловине между холмами, и только верхушки труб выглядывают как огромные кегли. На вершине холма бетонная площадка с парапетом, на ней видна

пушка устарелого образца, направленная на город. Пушка стоит на лафете оригинального устройства; возможно, это модель самоходного орудия, о котором упоминал Стивен. С внутренней стороны парапета высокая ступенька, на которой можно сидеть; на ней разбросаны соломенные маты, имеется даже такая роскошь, как меховой коврик.

Барбара стоит на ступеньке, облокотившись на парапет, и смотрит на город. Справа от нее пушка, слева — стена сарая на столбах; три-четыре ступеньки ведут к двери, которая открывается наружу, на маленькое деревянное крыльцо с пожарным ведром в углу. Несколько манекенов в более или менее растерзанном виде, с торчащей отовсюду соломой, убранные с дороги, выглядывают из-под крыльца. Еще несколько прислонены к стенке, один из манекенов свалился и лежит, как мертвое тело, на бетонированной платформе. Между парапетом и сараем свободный проход; видна дорожка, ведущая вниз, на завод, и дальше — в город. На площадке позади пушки стоит вагонетка с огромным орудийным снарядом, перечеркнутым посредине полосой красной масляной краски. Дальше, направо — дверь конторы, строения такой же легкой конструкции, как и сарай.

Казенс идет по дорожке из города.

Барбара. Ну?

Казенс. Ни проблеска надежды. Все доведено до совершенства! Невероятно, но это так. Не хватает только собора, чтобы из ада этот город превратился в рай!

Барбара. Удалось вам узнать, что они сделали для старика Питера Шерли?

Казенс. Ему дали место сторожа и табельщика. Несчастный! Работу табельщика он считает умственным трудом и говорит, что она ему не по силам, а сторожка слишком для него великолепна, и он ютится в чулане.

Барбара. Бедный Питер!

Из города идет Стивен. В руках у него полевой бинокль.

Стивен *(с энтузиазмом)*. Ну как, видели? Почему вы от нас ушли?

Казенс. Я хотел видеть все, что мне не собирались показывать, а Барбаре хотелось послушать рабочих.

Стивен. Нашли какие-нибудь недостатки?

Казенс. Нет. Рабочие зовут его Дэнди-Энди и гордятся тем, что он такой продувной старый плут. Но все здесь доведено до невероятного, противоестественного, отвратительного, пугающего совершенства.

Появляется Сара.

Сара. Боже, какая прелесть! *(Подходит к вагонетке.)* Видели вы детские ясли? *(Садится на снаряд.)*

Стивен. Видели вы библиотеки и школы?

Сара. Видели вы танцевальный и банкетный залы в здании городского совета?

Стивен. А вы заходили в страховую кассу, пенсионный фонд, в строительное общество, в магазины?

Из конторы выходит Андершафт с пачкой телеграмм в руке.

Андершафт. Ну, вы все осмотрели? Мне очень жаль, что меня вызвали. *(Указывая на телеграммы.)* Добрые вести из Маньчжурии.

Стивен. Опять японцы победили?

Андершафт. Не знаю, право. Нас тут не интересует, какая сторона победит. Нет, хорошие вести о том, что воздушный броненосец обнаружил поразительные достоинства: в первом же деле он стер с лица земли укрепление с тремястами солдат.

Казенс *(с платформы)*. Манекенов?

Андершафт *(направляясь к Стивену, резким движением отшвыривает с дороги лежащий манекен)*. Нет, живых солдат.

Казенс и Барбара переглядываются. Казенс садится на ступеньку и закрывает лицо руками. Барбара кладет ему руку на плечо. Он смотрит на нее в комическом отчаянии.

Ну, Стивен, что ты скажешь?

Стивен. О, изумительно! Истинный триумф современной техники. Надо признать, папа, я был глуп; я понятия не имел, что все это значит; сколько сюда вложено предвиденья, сколько организационного уменья, административного таланта, какой финансовый гений, какой колоссальный капитал! Когда я шел по вашим улицам, я все повторял себе: «Мир одерживает победы не менее славные, чем война». Во всем этом я нахожу только один недостаток.

Андершафт. А ну-ка!

Стивен. Я не могу не думать, что все эти попечения о нуждах ваших рабочих подрывают в них независимость и ослабляют чувство ответственности. И хотя мы с наслаждением пили чай в вашем великолепном ресторане,— как они дают всю эту роскошь, торт, варенье и сливки, за три пенса, я просто не могу себе представить,— однако не надо забывать, что рестораны губительно влияют на семейную жизнь. Посмотрите, что делается на континенте. Вы уверены, что от всего этого не портится характер ваших рабочих?

Андершафт. Видишь ли, мой милый мальчик, когда создаешь цивилизацию, нужно раз навсегда решить, полезны ли человеку заботы и беспокойство. Если они, по-твоему, полезны, нечего и думать о цивилизации. А тогда можешь себя поздравить: на земле достанет забот и беспокойства для того, чтобы у всех нас выработался ангельский характер. Но если ты придешь к обратному решению, то уж и поступай соответственно. Тем не менее, Стивен, за наши характеры здесь не приходится опасаться. Достаточную дозу тревоги в нас вселяет то обстоятельство, что все мы в любую минуту можем взлететь на воздух.

Сара. Кстати, папа, где у вас вырабатываются взрывчатые вещества?

Андершафт. В маленьких строениях, вот вроде этого. Когда такое строение взрывается, это обходится совсем недорого; гибнут только те рабочие, которые находятся в непосредственной близости от него.

Стивен, который находится в непосредственной близости от строения, смотрит на него в испуге и быстро отходит к орудию. В ту же минуту дверь сарая открывается настежь. Мастер, в комбинезоне и легких туфлях, выходит на крыльцо, придерживая дверь для Ломэкса, который появляется на пороге.

Ломэкс *(с напускным хладнокровием)*. Не волнуйтесь, любезный. Ничего с вами не случится, да если б и случилось, не начнется же от этого светопреставление. Немножко британского мужества — вот чего вам не хватает, старина. *(Спускается с лестницы и идет к Саре.)*

Андершафт *(мастеру)*. Что-нибудь случилось, Билтон?

Билтон *(с ироническим спокойствием)*. Джентльмен вошел в цех взрывчатых веществ и закурил папиросу — вот и все, сэр.

Андершафт. Ах, вот как! *(Подходит к Ломэксу.)* Вы не помните, куда девали спичку?

Ломэкс. О! Полноте вы! Что, я дурак, что ли? Я хорошенько задул ее, прежде чем бросить.

Билтон. Головка была ярко-красная внутри, сэр.

Ломэкс. Ну так что же, что была! Я ведь не бросил ее в это ваше месиво.

Андершафт. Не стоит беспокоиться, мистер Ломэкс. Кстати, не одолжите ли вы мне ваши спички?

Ломэкс *(подает коробок)*. Пожалуйста.

Андершафт. Благодарю. *(Прячет коробок в карман.)*

Ломэкс *(назидательно, ко всем вообще)*. Эти взрывчатые вещества, знаете ли, разносят все вдребезги, только когда вы палите из оружия. А когда они рассыпаны, можно поднести к ним спичку: они тлеют, как лист бумаги. *(В нем пробуждается научный интерес к этой теме.)* Вы это знаете, Андершафт? Пробовали когда-нибудь?

Андершафт. В больших масштабах не пробовал, мистер Ломэкс. Если вы попросите Билтона, он вам даст образцы гремучей ваты, когда будете уходить. Можете производить опыты у себя дома.

Билтон смотрит с удивлением.

Сара. Билтон не сделает ничего подобного, папа. Это уж ваше дело — взрывать там всяких русских и японцев; но бедняжку Чолли я не дам в обиду.

Билтон, махнув на нее рукой, уходит в сарай.

Ломэкс. Мое сокровище, опасности никакой нет. *(Садится рядом с ней на снаряд.)*

По дороге поднимается леди Бритомарт с букетом цветов.

Леди Бритомарт *(стремительно)*. Эндру, лучше бы ты не показывал мне этот завод.

Андершафт. Почему, милая?

Леди Бритомарт. Все равно почему, не надо было, и делу конец. Подумать только, что все это *(указывая на город)* твое и что ты скрывал все это от меня столько лет!

Андершафт. Город не принадлежит мне. Я принадлежу городу. Он — наследие Андершафтов.

Леди Бритомарт. Нет, нет! Все эти нелепые пушки, этот шумный, грохочущий завод могут быть наследием Андершафтов, но серебро и скатерти, мебель, дома, фрук-

товые сады и цветочные клумбы принадлежат нам. То есть мне — это не мужское дело. Я их не отдам. Ты, должно быть, с ума сошел, что отдаешь все это так просто; и если ты будешь упорствовать в своем безумии, я приглашу доктора.

Андершафт *(нагибаясь и нюхая цветы)*. Откуда у тебя эти цветы, милая?

Леди Бритомарт. Это твои рабочие поднесли их мне в рабочей церкви имени Уильяма Морриса.

Казенс. О, только этого не хватало. Рабочая церковь! *(Рассеянно поднимается на ступеньку и облокачивается на парапет, повернувшись ко всем спиной.)*

Леди Бритомарт. Да, и со словами Морриса: «Ни один человек не имеет права быть хозяином другого». Представьте себе, мозаика вокруг всего купола, каждая буква в десять футов высотой. Каков цинизм!

Андершафт. Сначала эта надпись бесила рабочих, а теперь они перестали ее замечать, как десять заповедей в катехизисе.

Леди Бритомарт. Эндру, ты стараешься отвести мне глаза своими нечестивыми шутками. Тебе это не удастся, я не брошу разговора о наследстве. Я уже не прошу о Стивене, он унаследовал твои превратные взгляды. Но у Барбары не меньше прав, чем у Стивена. Почему бы Адольфу не унаследовать завод? Я бы могла управлять городом вместо него, а он пускай смотрит за пушками, если они нужны кому-нибудь.

Андершафт. Я бы не желал ничего лучше, если бы Адольф был найденыш. В нем как раз та свежая кровь, которая нужна английской промышленности. Но он не найденыш, значит, и толковать нечего. *(Направляется к дверям конторы.)*

Казенс *(оборачивается к нему)*. Это не совсем верно.

Все оборачиваются и смотрят на него.

Я полагаю — заметьте, я ничем себя не связываю и не даю никаких обещаний, — однако полагаю, что вопрос о найденыше можно уладить. *(Соскакивает вниз.)*

Андершафт *(возвращается)*. Что вы хотите этим сказать?

Казенс. Я должен сделать нечто вроде признания.

Сара
Леди Бритомарт
Барбара
Стивен } *(вместе)*. Признания?!

Ломэкс. Ну, знаете ли!

Казенс. Да, признания. Слушайте все. До тех пор пока я не встретился с Барбарой, я считал себя человеком в общем честным и правдивым, потому что чистая совесть была для меня дороже всего на свете. Но в ту минуту, как я увидел Барбару, она стала для меня дороже чистой совести.

Леди Бритомарт. Адольф!

Казенс. Это правда. Вы сами, леди Брит, обвиняли меня в том, что я вступил в Армию спасения только для того, чтобы поклоняться Барбаре, и вы были правы. Она купила мою душу, как цветок на перекрестке, но купила для себя.

Андершафт. Как! Не для Диониса или кого-нибудь другого в этом роде?

Казенс. Дионис и все другие заключены в ней самой. Я поклонялся тому, что было в ней божественного, и потому моя вера была истинной. Но я тоже идеализировал ее. Я думал, что она женщина из народа и что брак с преподавателем греческого языка превзойдет самые честолюбивые мечты девушки ее круга.

Леди Бритомарт. Адольф!

Ломэкс. Ну, знаете ли!!!

Казенс. Когда я узнал ужасную правду...

Леди Бритомарт. Что вы подразумеваете под ужасной правдой, скажите, пожалуйста?

Казенс. Что она сверхъестественно богата, что ее дедушка — граф, что ее отец — Князь тьмы...

Андершафт. Ш-ш!

Казенс. ...и что я только авантюрист, который ловит богатую невесту, я унизился до того, что скрыл свое происхождение.

Барбара *(вставая)*. Долли!

Леди Бритомарт. Ваше происхождение! Ну, Адольф, не смейте выдумывать истории ради этих несчастных пушек. Не забудьте, я видела фотографии ваших родителей, а генеральный агент юго-западной Австралии знает их лично и уверял меня, что это почтенная супружеская чета.

Казенс. То в Австралии, а здесь они отщепенцы. Их брак законен в Австралии, но не в Англии. Моя мать — сестра покойной жены моего отца, и, следовательно, на этом острове я считаюсь подкидышем.

Всеобщее изумление.

Барбара. Как глупо! (*Забралась поближе к пушке и слушает, стоя между пушкой и парапетом.*)

Казенс. Годится вам такая отговорка, Макиавелли?

Андершафт (*задумчиво*). Бидди, а ведь это может быть выходом из положения.

Леди Британомарт. Пустяки! Не будет же он хорошо делать пушки оттого, что оказался собственным двоюродным братом, вместо того чтобы быть самим собой. (*Садится на меховой коврик с размаху, что выражает ее откровенное презрение к казуистике.*)

Андершафт (*Казенсу*). Вы человек образованный. Это против традиции.

Казенс. Один раз из десяти тысяч случается, что школьник от природы владеет тем, чему его хотят научить. Греческий язык не искалечил моей души, он ее воспитал. Кроме того, я учился не в английской школе.

Андершафт. Гм! Мне, конечно, не пристало быть разборчивым: спрос на подкидышей превышает предложение. Не будем вдаваться в подробности. Годитесь, Еврипид, годитесь.

Барбара. Долли, вчера вечером, когда Стивен рассказывал нам насчет традиции Андершафтов, вы что-то замолчали и после того держались очень странно и были взволнованы. Вы думали о вашем происхождении?

Казенс. Когда перст судьбы касается человека во время завтрака, ему поневоле приходится задуматься.

Андершафт. Ага! Так вы уже присматривались к делу, мой друг?

Казенс. Берегитесь! Между мной и вашими проклятыми воздушными кораблями лежит пропасть морального отвращения.

Андершафт. Сейчас не в этом суть. Уладим практическую сторону вопроса, а окончательное решение пускай остается за вами. Вы знаете, что вам придется переменить имя. Надеюсь, вы не возражаете?

Казенс. Неужели человек, которого зовут Адольф – ласкательно Долли! – может возражать против какого-нибудь другого имени!

Андершафт. Отлично! А теперь о деньгах. Я с самого начала проявляю к вам щедрость. Вы начнете с тысячи в год.

Казенс (*вдруг оживляется, и очки его поблескивают лукавством*). С тысячи! Вы осмеливаетесь предлагать какую-то несчастную тысячу зятю миллионера! Нет, Макиавелли, клянусь богом, вы меня не надуете. Вам без меня не

обойтись, а я без вас обойдусь. Мне нужно две с половиной тысячи в год в течение первых двух лет. Через два года, если я окажусь непригодным, я уйду. Но если я оправдаю ваши надежды и останусь, вы дадите мне остальные пять тысяч.

Андершафт. Какие это остальные пять тысяч?

Казенс. За два года, чтоб выходило по пяти тысяч в год. Две с половиной тысячи — это половинное жалованье, на случай, если от меня не будет прока. На третий год я должен получить десять процентов прибыли.

Андершафт *(озадаченный)*. Десять процентов! Да знаете ли вы, милейший, какова у меня прибыль?

Казенс. Огромная, надеюсь. Иначе я потребовал бы все двадцать пять.

Андершафт. Однако, мистер Казенс, ведь это не шутка, а серьезное дело. Вы же не вкладываете капитала в наше предприятие.

Казенс. Как не вкладываю! А мое знание греческого языка, разве это не капитал? Мне доступны тончайшие изгибы мысли, высочайшие вершины поэзии, завоеванные человечеством, и это, по-вашему, не капитал? Мой характер, мой ум, моя жизнь, моя карьера — то, что Барбара называет моей душой,— разве это не капитал? Попробуйте только пикнуть, и я удвою себе жалованье!

Андершафт. Образумьтесь же...

Казенс *(повелительно)*. Мистер Андершафт, вам известны мои условия. Хотите — принимайте, хотите — нет.

Андершафт *(опомнившись)*. Очень хорошо: я принял ваши условия к сведению и даю вам половину.

Казенс *(презрительно)*. Половину!

Андершафт *(твердо)*. Половину.

Казенс. Предлагаете мне половину, а еще называете себя джентльменом!

Андершафт. Я не называю себя джентльменом и даю вам половину.

Казенс. И это своему будущему компаньону, своему наследнику, своему зятю!

Барбара. Вы продаете свою душу, Долли, не мою. Увольте меня, пожалуйста.

Андершафт. Ну ладно! Ради Барбары я пойду вам навстречу. Три пятых! И это мое последнее слово.

Казенс. По рукам.

Ломэкс. Вот это ловко! Я сам, знаете ли, получаю всего восемьсот фунтов.

Казенс. Кстати, Макиавелли, я классик, а не математик. Три пятых больше или меньше половины?

Андершафт. Разумеется, больше.

Казенс. Я согласился бы и на двести пятьдесят фунтов. Как вы можете успешно вести дела, когда выбрасываете такую уйму денег несчастному университетскому профессору, который не годится в подметки вашему младшему клерку? Ну, ну! Что скажет Лейзерс?

Андершафт. Лейзерс – кроткий и романтичный еврей, которого интересуют только струнные квартеты да ложи в модных театрах. Ему, бедняге, будут приписывать вашу жадность в денежных делах, как до сих пор приписывали мою. Вы – акула первого ранга, Еврипид. Тем лучше для фирмы.

Барбара. Сделка заключена, Долли? Теперь ваша душа принадлежит ему?

Казенс. Нет, цена назначена, вот и все. Еще посмотрим, кто кого. А соображения этического порядка?

Леди Бритомарт. Какие этические соображения, Адольф? Вы просто будете продавать пушки и оружие людям, которые сражаются за правое дело, и отказывать в них иностранцам и преступникам.

Андершафт *(решительно)*. Ну нет, ничего подобного. Вы должны держаться правил истинного оружейника, иначе вам у нас не место.

Казенс. Что это за правила истинного оружейника?

Андершафт. Продавать оружие всякому, кто предложит за него настоящую цену, невзирая на лица и убеждения: аристократу и республиканцу, нигилисту и царю, капиталисту и социалисту, протестанту и католику, громиле и полисмену, черному, белому и желтому, людям всякого рода и состояния, любой национальности, любой веры, любой секты, для правого дела и для преступления. Первый из Андершафтов написал над дверью своей мастерской: «Бог сотворил руку, человек же да не отнимет меча». Второй написал так: «Каждый имеет право сражаться, никто не имеет права судить». Третий написал: «Оружие – человеку, победа – небесам». У четвертого не было склонности к литературе, поэтому он не написал ничего, зато продавал пушки Наполеону под самым носом у Георга Третьего. Пятый написал: «Мир должно охранять с мечом в руке». Шестой, мой учитель, превзошел всех. Он написал: «Ничто в мире не будет сделано, пока люди не начнут убивать друг друга из-за того, что

не сделано». Седьмому уже нечего было сказать. И потому он написал только: «Без стыда».

Казенс. Любезный Макиавелли, конечно, и я напишу что-нибудь на стене, но, так как это будет написано по-гречески, вы ничего не поймете. Что же касается ваших правил оружейника, то я не для того вынул шею из петли собственного кодекса морали, чтобы сунуть ее в новую петлю. Я буду продавать пушки кому вздумаю и отказывать кому вздумаю. Вот вам!

Андершафт. С той минуты, как вы станете Эндру Андершафтом, вам уже не придется поступать как вздумается. Если вы жаждете власти, держитесь от нас подальше, молодой человек.

Казенс. Если б я стремился к власти, то не пришел бы за ней сюда. Какая у вас власть!

Андершафт. Конечно, своей власти у меня нет.

Казенс. У меня больше власти, чем у вас, и больше воли. Вы не управляете этим городом, он правит вами. А что правит этим городом?

Андершафт *(загадочно)*. Воля пославшего меня.

Барбара *(в изумлении)*. Отец! Понимаете ли вы, что говорите? Или вы расставили силки моей душе?

Казенс. Не слушайте его мудрствований, Барбара. Заводом правит самая подлая часть общества: охотники за деньгами, за удовольствиями, за чинами, и он — их раб.

Андершафт. Не обязательно. Вспомните правила оружейника. Я приму заказ от честного человека с такой же охотой, как и от негодяя. Если ваши честные люди предпочитают проповедовать и прятаться в кусты, вместо того чтобы покупать мое оружие и драться с негодяями, меня винить не за что. Я фабрикую пушки, но не храбрость и стойкость убеждений. Ах, Еврипид, как вы мне надоели, торгуясь из-за морали! Спросите Барбару, она понимает. *(Неожиданно берет Барбару за руки и властно смотрит ей в глаза.)* Скажи ему, дорогая, что такое настоящая власть.

Барбара *(словно под гипнозом)*. Пока я не вступила в Армию спасения, я не знала над собой власти, кроме своей собственной, и потому не знала, куда себя девать. Когда я вступила в Армию, у меня не хватало времени, чтобы сделать все, что нужно.

Андершафт *(одобрительно)*. Совершенно верно. А почему это, как ты думаешь?

Барбара. Вчера я ответила бы: потому, что я была во вла-

сти бога. *(Овладев собой, она вырывает свои руки из рук Андершафта с силой, которая не уступает его собственной.)* Но вы пришли и доказали мне, что я была во власти Боджера и Андершафта. А сегодня я чувствую... О, как высказать это словами? Сара, ты помнишь землетрясение в Каннах, когда мы были детьми? Каким ничтожным казалось смятение после первого толчка сравнительно с ужасом ожидания второго! Вот это я и чувствую сегодня. Я стояла на скале, которую считала незыблемой, и вдруг без всякого предупреждения она закачалась и рухнула подо мной. Всемогущий разум охранял меня, я шла к спасению вместе с Армией, и в одно мгновение, одним росчерком вашего пера в чековой книжке вы отняли у меня все, я осталась одна — и небеса опустели. Это был первый толчок землетрясения, теперь я жду второго.

Андершафт. Ну, ну, Барбара! Эта твоя трагедия выеденного яйца не стоит. Что мы здесь делаем, когда, потратив годы работы, массу умственной энергии и тысячи фунтов звонкой монеты на новое орудие или воздушный корабль, мы в конце концов видим, что наши расчеты оказались на какой-нибудь волосок неверны? Ломаем все. Ломаем, не тратя больше ни времени, ни денег. Ты создала для себя нечто такое, что называешь моралью, религией или еще как-нибудь. Оказалось, что она не соответствует действительности. Что ж, сломай ее и добудь себе новую. В этом сейчас и заключается заблуждение всего мира. Он ломает устарелые паровозы и динамо, но не хочет трогать старых предрассудков, старой морали, старой религии и старых политических установлений. Каковы результаты? В области техники все обстоит благополучно, но в области морали, религии и политики мы с каждым годом все ближе к банкротству. Не упорствуй в этом заблуждении. Если твоя старая религия вчера потерпела крах, создай сегодня новую, лучшую.

Барбара. С какой радостью я раскрыла бы свое сердце перед лучшей религией! Но ты предлагаешь мне худшую. *(Повернувшись к нему, с неожиданной силой.)* Оправдайся: покажи мне хоть проблеск света во тьме этого страшного места, в красивых, опрятных мастерских, в образцовых домах, где живут степенные рабочие.

Андершафт. Опрятность и степенность не нуждаются в оправдании, Барбара: они говорят сами за себя. Я не вижу здесь ни тьмы, ни ужаса. В твоем убежище я видел

нищету, холод и голод. Ты давала им хлеб с патокой и мечту о небесах. Я даю им от тридцати шиллингов в неделю до двенадцати тысяч в год. Мечту они найдут себе сами; мое дело следить за канализацией.

Барбара. А их души?

Андершафт. Я спасаю их души так же, как спас твою.

Барбара *(возмутившись)*. Вы спасли мою душу! Что вы хотите этим сказать?

Андершафт. Я кормил тебя и одевал, и дал тебе приют. Я заботился о том, чтобы ты жила в достатке, — давал денег больше, чем нужно, так что ты могла быть расточительной, щедрой, великодушной. Это спасло твою душу от семи смертных грехов.

Барбара *(в смущении)*. От семи смертных грехов!

Андершафт. Да, от семи смертных грехов. *(Считает по пальцам.)* Пища, одежда, дрова, квартирная плата, налоги, респектабельность и дети. Ничто, кроме денег, не может снять эти семь жерновов с шеи человека, а дух не может воспарить, пока жернова тянут книзу. Я снял их с твоего духа. Я помог Барбаре стать майором Барбарой, я спас ее от преступления нищеты.

Барбара. Вы называете нищету преступлением?

Андершафт. Тягчайшим из преступлений. Все другие преступления — добродетели рядом с нею, все другие пороки — рыцарские доблести в сравнении с нищетой. Нищета губит целые города, распространяет ужасные эпидемии, умерщвляет даже душу тех, кто видит ее со стороны, слышит или хотя бы чует ее запахи. Так называемое преступление — сущие пустяки: какое-нибудь убийство или кража, оскорбление словом или действием. Что они значат? Они только случайность, только вывих; во всем Лондоне не наберется и пятидесяти настоящих преступников-профессионалов. Но бедняков — миллионы; это опустившиеся люди, грязные, голодные, плохо одетые. Они отравляют нас нравственно и физически, они губят счастье всего общества, они заставили нас расстаться со свободой и организовать противоестественный жестокий общественный строй из боязни, что они восстанут против нас и увлекут за собой в пропасть. Только глупцы боятся преступления; но все мы боимся нищеты. Ба! *(Барбаре.)* Тебе жаль твоего полуспасенного хулигана из Вестхэма; ты обвиняешь меня в том, что я подтолкнул его душу на путь гибели. Что ж, приведи его сюда, и я толкну его обратно, на путь спасения. Не словами и не мечтой, а по-

стоянной работой, хорошим жильем в здоровой местности, тридцатью восьмью шиллингами в неделю. Через три недели он заведет себе пестрый жилет, а через три месяца – цилиндр и место на церковной скамье; не пройдет и года, как он будет пожимать руку какой-нибудь герцогине на заседаниях Лиги Подснежника и вступит в партию консерваторов.

Барбара. И от этого он станет лучше?

Андершафт. Ты сама знаешь, что да. Не лицемерь, Барбара. Он будет лучше есть, жить в лучших условиях, лучше одеваться, лучше держать себя, дети его прибавят в весе. Это лучше, чем клеенчатый матрас в убежище, колка дров, хлеб с патокой вместо обеда, за каковые блага он обязан то и дело становиться на колени и благодарить бога; у вас это, помнится, называют «коленопреклонение в строю». Какая дешевка – обращать ко Христу голодных людей! С Библией в одной руке и с куском хлеба – в другой. На таких условиях я взялся бы обратить Вестхэм в магометанство. Попробуй-ка обратить моих рабочих: душа их голодает, потому что тело сыто.

Барбара. А Ист-Энд обречь на голодную смерть?

Андершафт *(тон у него меняется под влиянием горьких и печальных воспоминаний)*. Я сам родом из Ист-Энда. Я голодал и философствовал, пока в один прекрасный день не поклялся, что буду сытым и свободным человеком, что меня не остановят ни доводы рассудка, ни мораль, ни жизнь мне подобных, а разве только пуля. Я сказал ближнему: «Умирай с голоду, лишь бы мне остаться в живых» – и с помощью этих слов стал свободным и сильным. Пока я не добился своего, я был опасный человек, а теперь я полезный член общества, благодушный и доброжелательный джентльмен. Такова, мне думается, история большинства миллионеров-самоучек. Когда она станет историей каждого англичанина, Англия будет страной, в которой стоит жить.

Леди Британомарт. Довольно ораторствовать, Эндру. Здесь это не к месту.

Андершафт *(задетый за живое)*. Милая, я не знаю другого способа передавать свои мысли.

Леди Британомарт. Твои мысли – вздор. Ты выдвинулся потому, что был эгоистичен и ничем не гнушался.

Андершафт. Вовсе нет. Я больше всего гнушался нищеты и голода. Ваши моралисты их не гнушаются: и то и другое они возводят в добродетель. Я скорее стал бы вором,

чем попрошайкой, скорее убийцей, чем рабом. Я не хочу быть ни тем, ни другим, но если вы принуждаете меня выбирать — клянусь богом, я выберу то, что честнее и нравственнее. Я ненавижу нищету и рабство больше, чем самое гнусное из преступлений. И позвольте мне сказать вам следующее: ваши проповеди и газетные статьи в течение веков не могли уничтожить нищету и рабство, а мои пулеметы уничтожат их. Не разглагольствуйте о них, не спорьте с ними. Убейте их.

Барбара. Убить! Так это ваше универсальное средство?

Андершафт. Это последний довод, единственный рычаг, который может перевернуть общественный строй, единственный способ сказать: «Так должно». Попробуй выпустить шестьсот семьдесят полоумных на улицу, и три полисмена смогут разогнать их. Но посади их в известном здании Вестминстера, позволь им проделать разные церемонии и надавать себе разных титулов, они соберутся с духом и начнут убивать; тогда эти шестьсот семьдесят полоумных станут правительством. Ваша благочестивая чернь заполняет избирательные листки и думает, что правит своими хозяевами, но правит только тот избирательный список, в который завернута пуля.

Казенс. Быть может, поэтому я, как и большинство умных людей, никогда не голосую.

Андершафт. Не голосуйте! Когда вы голосуете, меняются только фамилии в составе кабинета министров. Когда вы стреляете, вы свергаете правительство, начинаете новую эпоху, отменяете старый режим и вводите новый. История учит нас тому же, господин ученый, или нет?

Казенс. История учит нас тому же. Как мне ни противно, я должен это сказать. Мне ненавистны ваши чувства. Мне ненавистно все ваше существо. Я не согласен с вами ни в одном пункте. И все же это правда, хотя должно быть ложью.

Андершафт. Должно, должно, должно! Что же, вы всю жизнь будете повторять «должно», вслед за прочими моралистами? Научитесь говорить: «Так будет» вместо: «Так должно быть». Идите делать со мной порох. Тот, кто умеет взрывать на воздух людей, сумеет взорвать на воздух и общество. История мира есть история тех, у кого было достаточно храбрости, чтоб не убояться этой истины. Хватит ли у тебя для этого храбрости, Барбара?

Леди Британомарт. Барбара, я положительно запрещаю тебе слушать безнравственные речи твоего отца. А вам,

Адольф, не следовало бы называть все дурное правдой. Что в том, что это правда, если это дурно?

Андершафт. Что в том, что это дурно, если это правда?

Леди Бритомарт *(вставая)*. Дети, едемте сейчас же домой. Эндру, я крайне сожалею, что позволила тебе приехать к нам. Ты стал еще хуже, чем прежде. Сейчас же едемте домой.

Барбара *(качая головой)*. Бесполезно бегать от дурных людей, мама.

Леди Бритомарт. Очень даже полезно. Это показывает, что вы их не одобряете.

Барбара. Это их не спасет.

Леди Бритомарт. Я вижу, что ты не хочешь меня слушаться. Сара, едешь ты домой или нет?

Сара. Очень дурно с папиной стороны делать пушки, но я не думаю, что из-за этого мне следует избегать его.

Ломэкс *(льет елей на бушующие волны)*. Дело в том, знаете ли, что во всех этих разговорах о безнравственности много-таки всякого вздора. Это ни к чему. Нужно же считаться с фактами. Не то чтоб я вступался за что-нибудь нехорошее, а только, видите ли, разные есть люди, и поступают они по-разному: ведь надо же куда-то их девать, знаете ли. Я хочу сказать, нельзя же всех выкинуть за борт, то есть приблизительно к этому дело и сводится. *(Общее внимание к его речи действует Ломэксу на нервы.)* Может быть, я неясно выражаюсь?

Леди Бритомарт. Вы сама ясность, Чарлз. Из-за того, что Эндру повезло в жизни и у него много денег для Сары, вы ему льстите и поощряете в нем безнравственность.

Ломэкс *(невозмутимо)*. Что ж, где есть падаль, туда слетаются орлы, знаете ли. *(Андершафту.)* А? Как по-вашему?

Андершафт. Совершенно верно. Кстати, вы разрешите мне звать вас Чарлзом?

Ломэкс. Буду в восторге. Моя обычная кличка — Чолли.

Андершафт *(леди Бритомарт)*. Бидди...

Леди Бритомарт *(яростно)*. Не смей называть меня Бидди. Чарлз Ломэкс, вы дурак. Адольф Казенс, вы иезуит. Стивен, ты ханжа. Барбара, ты сумасшедшая. Эндру, ты самый обыкновенный торгаш. Теперь вы все знаете, что я о вас думаю; совесть моя чиста, во всяком случае. *(Садится на место с энергией, которую, к счастью, смягчает меховой коврик.)*

Андершафт. Милая, ты воплощенная нравственность.

Она фыркает.

Твоя совесть чиста, и долг твой исполнен, когда ты всех обругала. Ну, Еврипид, уж поздно, и всем хочется домой. Решайтесь.

Казенс. Поймите же, старый вы дьявол...

Леди Бритомарт. Адольф!

Андершафт. Оставь его, Бидди. Продолжайте, Еврипид.

Казенс. Вы ставите передо мной ужасную дилемму. Мне нужна Барбара.

Андершафт. Как все молодые люди, вы сильно преувеличиваете разницу между той или другой молодой женщиной.

Барбара. Совершенно верно, Долли.

Казенс. И, кроме того, я не желаю быть мошенником.

Андершафт *(с уничтожающим презрением)*. Вы желаете быть добродетельным, уважать самого себя. Достигнуть того, что вы называете чистой совестью, Барбара — спасением, а я — снисходительностью к людям, которым повезло меньше вашего.

Казенс. Нет, поэт во мне противится всякой благонамеренности. Но во мне есть чувства, с которыми я считаюсь. Жалость...

Андершафт. Жалость! Пиявка, присосавшаяся к нищете.

Казенс. Ну, любовь.

Андершафт. Знаю. Вы любите порабощенных: любите восставших негров, индусов, угнетенных всего мира. А японцев вы любите? А французов? А англичан?

Казенс. Нет. Всякий истинный англичанин терпеть не может англичан. Мы самый дурной народ на земле, и наши успехи внушают отвращение.

Андершафт. Это выводы из вашего евангелия любви?

Казенс. Неужели мне нельзя любить даже собственного тестя?

Андершафт. Кому нужна ваша любовь, милейший? По какому праву вы беретесь навязывать ее мне? Вы должны меня уважать, оказывать мне почтение, иначе я вас убью! А ваша любовь? Какая дерзость!

Казенс *(ухмыляясь)*. Я, может быть, не в состоянии скрыть свои чувства, Макиавелли.

Андершафт. Плохо парируете, Еврипид. Вы ослабели, рука у вас дрожит. Ну, пустите в ход последнее оружие. Жалость и любовь сломались у вас в руках, осталось еще прощение.

Казенс. Нет, прощать — это удел нищих. В этом я с вами согласен: долги нужно платить.

Андершафт. Хорошо сказано. Что же, вы мне подходите. Вспомните слова Платона.

Казенс *(содрогаясь)*. Платона! Вы смеете цитировать мне Платона!

Андершафт. Платон говорит, мой друг, что общество нельзя спасти до тех пор, пока преподаватели греческого не начнут фабриковать порох или пока фабриканты пороха не начнут преподавать греческий.

Казенс. О искуситель, лукавый искуситель!

Андершафт. Выбирайте же, мой милый, выбирайте.

Казенс. Может быть, Барбара не пойдет за меня, если я ошибусь в выборе.

Барбара. Может быть.

Казенс *(в отчаянии)*. Вы слышите?

Барбара. Отец, неужели вы никого не любите?

Андершафт. Люблю моего лучшего друга.

Леди Бритомарт. А кто это, скажи, пожалуйста?

Андершафт. Мой злейший враг. Он не позволяет мне отставать.

Казенс. А знаете, ведь это чудовище все-таки поэт в своем роде. Как знать, может быть, он великий человек.

Андершафт. Может быть, вы перестанете болтать и примете наконец решение, молодой человек?

Казенс. Но вы заставляете меня идти против собственной природы. Я ненавижу войну.

Андершафт. Ненависть — это месть труса за то, что его запугивают. Посмеете ли вы объявить войну войне? Вот и средства: мой друг, мистер Ломэкс, сидит на них.

Ломэкс *(вскакивает)*. Ну, знаете ли! Вы ведь не хотите сказать, что эта штука заряжена? Сокровище мое, отойди подальше!

Сара *(все так же спокойно сидит на снаряде)*. Если уж мне суждено взорваться, то чем больше грохота, тем лучше. Не суетитесь, Чолли.

Ломэкс *(Андершафту, тоном строгого замечания)*. Ваша родная дочь, знаете ли!

Андершафт. Я и сам так думаю. *(Казенсу.)* Ну, мой друг, разрешите нам ждать вас завтра к шести часам утра?

Казенс *(твердо)*. Ни в коем случае. Я скорее соглашусь, чтоб весь завод взорвался от собственного динамита, чем встану в пять часов утра. Мое время — самое здоровое и нормальное: с одиннадцати до пяти.

Андершафт. Приходите когда хотите; через неделю вы начнете вставать к шести и сидеть до тех пор, пока я вас не выгоню, беспокоясь о вашем здоровье. *(Зовет.)* Билтон! *(Обращаясь к леди Бритомарт, которая встает.)* Милая, оставим этих молодых людей вдвоем на минутку.

Билтон выходит на крыльцо.

Я хочу провести вас через цех пироксилина.

Билтон *(загораживает дорогу)*. Сюда нельзя входить со взрывчатыми веществами, сэр.

Леди Бритомарт. Что вы хотите сказать? Намекаете на меня?

Билтон *(невозмутимо)*. Нет, мэм. У мистера Андершафта в кармане лежат спички другого джентльмена.

Леди Бритомарт *(резко)*. О, извините! *(Входит в дверь.)*

Андершафт. Совершенно верно, Билтон, совершенно верно. Вот, пожалуйста. *(Отдает Билтону коробок со спичками.)* Идем, Стивен. Идем, Чарлз. Ведите Сару. *(Проходит в дверь.)*

Билтон демонстративно высыпает спички в пожарное ведро.

Ломэкс. Ну, знаете ли!

Билтон невозмутимо подает ему пустой коробок.

Абсолютная чепуха! Поразительное научное невежество. *(Уходит за Андершафтом.)*

Сара. А против меня вы ничего не имеете, Билтон?

Билтон. Вам только нужно надеть туфли, мисс, вот и все. Они у нас там, внутри. *(Входит в сарай.)*

Стивен *(очень серьезно, Казенсу)*. Подумайте, дружище Долли. Подумайте, прежде чем решиться. Чувствуете ли вы себя достаточно практичным? Предприятие гигантское, ответственность огромная. Для вас вся эта масса дел будет просто китайской грамотой.

Казенс. Надеюсь, это будет много легче греческого.

Стивен. Вот и все, что я должен был сказать, прежде чем предоставить вас самому себе. Пусть при важном жизненном шаге на вас не влияет то, что я говорил о дурном и хорошем. Я удостоверился, что предприятие это носит высокоморальный характер и делает честь моей стране. *(С чувством.)* Я горжусь отцом... Я... *(Не в силах продолжать, пожимает Казенсу руку и торопливо уходит в сарай, сопровождаемый Билтоном.)*

Барбара и Казенс, оставшись одни, молча смотрят друг на друга.

Казенс. Барбара, я решил принять это предложение.

Барбара. Я так и думала.

Казенс. Вы понимаете, не правда ли, что я должен был решать, не советуясь с вами. Если б я взвалил всю тяжесть выбора на вас, вы рано или поздно стали бы меня презирать за это.

Барбара. Да, я не хотела бы, чтоб вы продали свою душу столько же ради меня, сколько ради этого наследства.

Казенс. Не продажа души меня смущает: я продавал ее слишком часто, чтоб из-за этого беспокоиться. Я продавал ее за профессорскую должность. Продавал ее за определенный доход. Продавал, когда, боясь сесть в тюрьму как злостный неплательщик, вносил налоги на веревки для палачей, и на несправедливые войны, и на все то, что я ненавижу. Что такое все поведение человека, как не ежедневная и ежечасная продажа души в розницу? Теперь я продаю ее не за деньги, не за положение, не за комфорт, а за власть и реальную силу.

Барбара. Вы знаете, что власти у вас не будет, у него самого тоже нет власти.

Казенс. Знаю, я не о себе хлопочу. Я хочу власти для всего мира.

Барбара. Я тоже хочу власти для всего мира, но это должна быть власть духа.

Казенс. Я думаю, что всякая власть есть власть духа: эти пушки сами собой стрелять не станут. Я пытался добиться власти духа, обучая греческим вокабулам. Но мир не расшевелишь мертвым языком и мертвой цивилизацией. Людям нужна власть и не нужны вокабулы. А той властью, которая идет отсюда, может вооружиться каждый.

Барбара. Власть поджигать дома, где остались одни женщины, власть убивать их сыновей и взрывать на воздух мужей?

Казенс. Вы не властны творить добро, если не творите зла. Даже материнское молоко вскармливает злодеев наравне с героями. Той силой, которая взрывает людей на воздух, никогда так не злоупотребляли, как силой духа, воображения, поэтической и религиозной силой, которая порабощает душу человека. Как преподаватель греческого я давал интеллигенту оружие для борьбы с народом.

Теперь я хочу дать народу оружие для борьбы с интеллигенцией. Я люблю народ. Я хочу вооружить его для борьбы с адвокатами, врачами, священниками, литераторами, профессорами, художниками, политическими деятелями, которые, став у власти, проявляют больше деспотизма и разрушительных наклонностей, чем сумасшедшие, негодяи и самозванцы. Я хочу власти достаточно доступной, чтобы ею могли овладеть люди из народа, достаточно сильной, чтобы принудить умственную олигархию отдать свои таланты на общую пользу.

Барбара *(указывая на снаряд)*. Разве нет власти выше этой?

Казенс. Есть, но эта власть может уничтожить высшую, как тигр может уничтожить человека; поэтому человек должен захватить сначала вот эту власть. Я понял это во время последней войны Турции с Грецией. Мой любимый ученик уехал сражаться за Элладу. Моим прощальным даром ему был не экземпляр «Республики» Платона, а револьвер и сотня андершафтовских патронов. Кровь каждого турка, которого он убил, — если он вообще кого-нибудь убил, — падет на мою голову так же, как и на голову Андершафта. Этот поступок предопределил мою судьбу. Вызов вашего отца довершил дело. Посмею ли я объявить войну войне? Посмею. Должен объявить. И объявлю. А теперь — все между нами кончено?

Барбара *(тронутая тем, что он явно боится ее ответа)*. Глупый мальчик. Долли! Разве это возможно?

Казенс *(вне себя от радости)*. Значит, вы... вы... вы... О, где мой барабан? *(Размахивает воображаемыми палочками.)*

Барбара *(сердясь на его легкомыслие)*. Берегитесь, Долли, берегитесь! О, если б можно было уйти от вас, от отца и от всего этого! Если б мне крылья голубки, я улетела бы на небеса!

Казенс. И оставили бы меня?

Барбара. Да, вас и всех других своевольных и непослушных детей человеческих. Но я не могу. Я была счастлива в Армии спасения один короткий миг. Я ушла от мира в рай энтузиазма, в экстаз молитвы и спасения душ, но как только у нас вышли деньги, все свелось к Боджеру: это он спасет наших людей, он и Князь тьмы — мой папа. Андершафт и Боджер — их рука достает везде: когда мы кормим голодного, то кормим их хлебом, потому что другого хлеба нет; когда мы лечим больного, то лечим в больницах, которые учреждены ими; если мы отворачи-

ваемся от церквей, которые построены ими, то лишь для того, чтобы преклонить колени на улице, которая вымощена ими же. До тех пор, пока это будет продолжаться, от них никуда не уйдешь. Игнорировать Боджера и Андершафта — значит игнорировать жизнь.

Кэзенс. Я думал, что вы решили игнорировать оборотную сторону жизни.

Барбара. Оборотной стороны нет — жизнь едина. Я готова вынести все дурное, что выпадет мне на долю, будь это грех или страдание. Я желала бы, чтобы вы избавились от мещанского образа мыслей, Долли.

Кэзенс *(ахает)*. От мещанского... Выговор! Выговор *мне!* От дочери подкидыша!

Барбара. Вот почему я не принадлежу ни к какому классу, Долли: я вышла прямо из сердца народа. Если б я была мещанкой, я повернулась бы спиной к отцу и его профессии и мы с вами зажили бы в какой-нибудь студии, где вы читали бы журналы в одном углу, а я играла бы Шумана в другом; оба в высшей степени утонченные и совершенно бесполезные люди. Я скорее предпочла бы мести это крыльцо или служить кельнершей у Боджера. Знаете, что случилось бы, если бы вы не приняли предложения папы?

Кэзенс. Хотел бы знать!

Барбара. Я бы вас бросила и вышла замуж за того, кто принял бы это предложение. В конце концов, у моей матери больше здравого смысла, чем у всех вас, вместе взятых. Я почувствовала то же, что и она, когда увидела этот город: он должен быть моим, я не буду в силах с ним расстаться никогда, никогда; только ее здесь увлекли дома, кухни, скатерти и посуда, а меня — человеческие души, которые нуждаются в спасении; не слабые души в истощенных телах, проливающие слезы благодарности за кусок хлеба с патокой, а сытые, задиристые, чванные люди, которые умеют постоять за свое достоинство и за свои маленькие права и думают, что мой отец им обязан тем, что они нажили ему столько денег,— впрочем, так оно и есть. Вот где действительно нуждаются в спасении. Отец уже никогда не бросит мне упрека, что мои обращенные подкуплены куском хлеба. *(Преображается.)* Я отказываюсь от подкупа хлебом. И от подкупа блаженством на небесах. Пусть божье дело творится бескорыстно, для него бог и создал нас, ибо это есть дело живых. Когда я умру, пусть он будет в долгу у меня,

а не я у него, и я прощу его, как подобает женщине моего круга.

Казенс. Так, значит, дорога жизни идет через фабрику смерти?

Барбара. Да, да. Поднять ад до неба, а человека до бога, открыв источник вечного света в юдоли мрака. *(Хватает его за руки.)* Неужели вы подумали, что бодрость никогда не вернется ко мне? Поверили, что я могу быть дезертиром?.. Что я, которая вышла на перекресток, чтобы открыть свое сердце народу, и говорила с ним о самом святом и о самом важном, — что я могу вернуться назад и вести светский разговор о пустяках в гостиной? Никогда, никогда, никогда! Майор Барбара умрет сражаясь. И мой мальчик Долли со мной, и он нашел для меня настоящее место и работу. Слава тебе, боже, аллилуйя, слава тебе! *(Целует Казенса.)*

Казенс. Любимая, не забудь, что у меня хрупкое здоровье. Я не могу вынести столько счастья, сколько можешь ты.

Барбара. Да, нелегко любить меня, не правда ли? Но это тебе полезно. *(Бежит к крыльцу и зовет, как ребенок.)* Мама! Мама!

Выходит Билтон, за ним Андершафт.

Мне нужна мама.

Андершафт. Она снимает туфли. *(Подходит к Казенсу.)* Ну, что она сказала?

Казенс. Она воспарила на небеса.

Леди Бритомарт выходит из сарая и останавливается на лестнице, преграждая дорогу Саре и Ломэксу. Барбара по-детски цепляется за юбку матери.

Леди Бритомарт. Барбара, когда же ты приучишься к самостоятельности и будешь думать сама за себя? Мне прекрасно известно, что значит это «мама, мама!». За всем бежит ко мне!

Сара *(щекочет мать и подражает велосипедному рожку).* Ту-ту-ту!

Леди Бритомарт *(приходит в негодование).* Как ты смеешь говорить мне «ту-ту-ту», Сара? Обе вы дрянные девчонки! Что тебе, Барбара?

Барбара. Я хочу домик в поселке, чтобы жить там вместе с Долли. *(Тянет за юбку.)* Подите скажите, какой мне лучше взять.

Андершафт *(Казенсу).* Завтра в шесть утра, Еврипид.

ВРАЧ ПЕРЕД ДИЛЕММОЙ

**Трагедия
в четырех
действиях
с эпилогом**

1906

THE DOCTOR'S DILEMMA

Не вина наших врачей, что медицинское обслуживание общества при нынешней постановке дела являет собой убийственную нелепицу. Подумать только — здравомыслящая нация, придя к выводу, что можно обеспечить страну хлебом, если заинтересовать денежно булочников в выпечке хлеба, точно так же поддержит денежный интерес у хирургов для того, чтобы те отхватили вам ногу! Да тут отчаешься в человечестве, поглядев на него с точки зрения государственной гуманности. Но именно так мы и поступаем: чем страшнее наносимое увечье, тем больше платят увечащему. Тот, кто исправляет вросший ноготь, получает несколько шиллингов. А вырезавший вам часть кишок получает сотни гиней, кроме тех случаев, когда он практикуется на бедных.

Слышу скандализованный ропот, мол, такие операции необходимы. Возможно. Бывает необходимо и человека повесить, и дом снести. Но тогда мы принимаем все меры к тому, чтобы палач и рабочий, сносящий дома, не стали судьями в этом деле. Ведь допусти мы такое положение вещей — и не уцелело бы ни одной шеи и ни одного дома. И однако врача мы делаем судьей и ставим его дохода от шести пенсов до нескольких сот гиней, если он выносит благоприятное решение. Я не могу разбить себе копейку без того, чтобы хирург не задался трудным вопросом: «А не мог бы я извлечь больше пользы из лишней горсти гиней, чем этот человек извлекает из своей ноги? Разве не мог бы он писать не хуже, а то и лучше, имея одну ногу, а не две? А мне ведь сейчас позарез нужны деньги. Жена... детки... в ноге может начаться гангрена... всегда безопаснее ее отнять... он поправится в две недели... теперь так хорошо научились делать искусственные ноги, что они надежнее настоящих... развитие идет в сторону моторов, безногости и т. д. и т. п.».

Никакой инженер не произведет вернее расчета балки под нагрузкой, а астроном не рассчитает появления кометы точнее, чем мы уже теперь способны рассчитать, что скоро нас со всех сторон обкарнают хирурги, признающие операции необходимыми только потому, что им хочется их делать. Процедура, официально называемая «подоить богача» или «пустить кровь», проводится каждодневно не только переносно, но и буквально хирургами, ничуть не менее честными, чем большинство из нас. В конце концов, кому от этого вред? Не обязательно отнимать у богача (или богачки) ногу или руку,— можно удалить аппен-

дикс или язычок мягкого нёба,— от пациента нисколько не убу-
дет, если он поваляется недельки две в постели, зато сиделке,
терапевту, аптекарю и хирургу от этого только прибудет.

СОМНИТЕЛЬНАЯ РЕПУТАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПРОФЕССИИ

Снова я слышу голоса, возмущенно твердящие привычные фразы насчет высокой репутации, честности и совести представителей медицинской профессии. Должен ответствовать, что репутация эта не столько высокая, сколько постыдная. Я не знаю ни одного мыслящего и образованного человека, который бы не сознавал, в чем состоит трагедия больного в наше время: больной оказывается во власти профессии, к которой относится с глубоким недоверием; мало того что она пропагандирует и осуществляет отвратительные зверства в погоне за знаниями, приводя в оправдание те же доводы, какими с равным успехом можно оправдать применение этих зверств к вам самим и к вашим детям или оправдать поджог Лондона в целях испытания патентованного огнетушителя,— она еще, напугав публику, пытается успокоить ее захватывающим дух наглым враньем. Вот какова нынешняя репутация медицинской профессии. Заслуженная или не заслуженная, она такова, и врачи, которые этого не сознают, очевидно, витают в эмпиреях. Что же касается честности и совести врачей, то они им свойственны в той же степени, что и любым другим категориям людей,— не больше и не меньше. И кто вообще посмеет притворяться беспристрастным, когда перевешивает собственный денежный интерес? Никто не предполагает, что врачи менее добродетельны, чем судьи, и однако судья, жалованье и репутация которого зависят от того, в чью пользу он вынесет приговор — истца или ответчика, обвинителя или подсудимого,— заслуживает столь же мало доверия, что и генерал, подкупленный противником. Предложить мне врача в качестве судьи и потом придать вес его решению крупной взяткой и фактической гарантией недоказуемости возможной ошибки — значит превысить установленное напряжение, которое может выдержать человеческая натура. Да просто абсурдно утверждать, будто врачи в ныне существующих обстоятельствах не делают ненужных операций и не выдумывают и не затягивают приносящих им выгоду болезней. Вне подозрения могут считать себя только те врачи, которых все так домогаются, что место излеченных тут же заступают новые больные. И следует помнить еще о таком

психологическом моменте: болезнь или смерть создают врачу рекламу точно так же, как смертный приговор создает рекламу адвокату, выступавшему защитником повешенного. Предположите, например, что у члена королевского дома что-то не в порядке с горлом или боли в животе. Если врач проведет пуговичковое лечение с помощью согревательного компресса или мятных лепешек, никто на него и внимания не обратит. Но если он сделает операцию горла и уморит пациента или удалит какой-нибудь внутренний орган, продержав всю страну в трепете несколько дней, пока пациент пребывает на грани жизни и смерти, в лихорадке и боли, вот тогда карьера его обеспечена: каждого богача, не вызвавшего этого счастливца к кому-то из домочадцев с теми же королевскими симптомами, осудят за то, что он не сделал для больного всего, что мог. Удивительно, что в Европе не перевелись еще короли и королевы.

ВРАЧЕБНАЯ СОВЕСТЬ

Имеется и еще одна причина, по которой трудно довериться чести и совести врача. Врачи тут ничем не отличаются от других англичан: у большинства из них нет ни чести, ни совести, а за них обычно ошибочно принимают сентиментальность и сильнейшую боязнь сделать что-то такое, чего все другие не делают, или вдруг не сделать того, что делают все вокруг. Это, конечно, соответствует своего рода повседневному, приблизительному понятию о совести, но означает также, что вы способны совершить любой плохой или хороший поступок, если найдется достаточное количество людей, которые поощрят вас, делая то же самое. Этот же вид совести позволяет поддерживать порядок на пиратском судне или в шайке разбойников. Могут сказать, что в конечном счете иного вида чести и совести и не существует,— одобрение большинства есть единственная этическая опора. Безусловно, рассуждение это справедливо в политическом плане. Если бы человечество знало факты и было согласно с врачами, тогда на стороне врачей были бы правда и любой инакодумающий был бы сумасшедшим. Но в том-то и дело, что человечество с ними не согласно и фактов не знает. Все, что можно сказать о популярности медицины,— в будущее: пока не появится реального равноправного варианта в слепой вере в докторов, правда о враче останется столь вопиющей, что мы не сможем взглянуть ей в лицо. Мольер видел докторов насквозь, и все же был вынужден к ним обращаться. У Наполеона не было на их счет никаких иллюзий, но он умер

в процессе лечения, как самый что ни на есть доверчивый простак, отдающий свои шесть пенсов за пузырек с лекарством. Очутившись в таком затруднительном положении, большинство людей, чтобы уберечь себя от невыносимого скепсиса и страдания или от фактического конфликта с законом в результате работы собственной совести, прибегает к старому правилу — не можешь получить то, во что веришь, верь в то, что есть. Когда у вас заболевает ребенок или умирает жена, а вы их очень любите, а если и не любите, то достаточно гуманны, чтобы забыть свои личные обиды при виде мук и гибели ближнего, то вы нуждаетесь в утешении, в поддержке, в чем-то таком, за что можно ухватиться, пусть даже это будет соломинка. Вот это и предоставляет вам врач. У вас возникает страстная, нетерпеливая потребность что-то немедленно сделать, и врач что-то делает; иногда это «что-то» убивает больного, но вы этого не знаете, а врач вас уверяет, что сделано все, что в человеческих силах. И ни у кого не хватит жестокосердия сказать осиротевшему отцу, матери, мужу, жене, брату или сестре: «Своей доверчивостью ты убил дорогое тебе существо».

СТРАСТЬ К ОПЕРАЦИЯМ

Таким образом, все оказывается на стороне врача. Когда люди умирают от болезни, говорят, что они умерли от естественных причин. Когда они выздоравливают, как чаще всего и бывает, заслуга приписывается врачу. В хирургии все операции считаются успешными, если пациента получают из больницы или частной лечебницы живым, хотя дальше дело может принять такой оборот, что честный хирург, пожалуй, заречется еще раз рекомендовать эту операцию. Целый ряд операций, заключающихся в ампутации конечностей и удалении внутренних органов, не дают возможности проверить, были ли они необходимы. Существует мода на операции, как и мода на рукава и юбки; триумф какого-нибудь из хирургов, обнаружившего более или менее безопасный способ производить дотоле рискованную операцию, обычно сопровождается повальным увлечением этой операцией не только среди врачей, но и среди больных. Находятся мужчины и женщины, которых операционный стол словно привораживает; полуживые люди в силу тщеславия, или ипохондрии, или жажды быть объектом постоянного внимания, или еще чего-либо полностью утрачивают и без того слабо развитое сознание ценности своих органов и конечностей. Утрата последних волнует их не больше, чем омаров или ящериц. Но

тым, по крайней мере, имеется оправдание — они отрастят себе новые клешни и новые хвосты взамен утраченных.

Пока готовилась эта статья, в суде слушалось дело человека, который возбудил иск против железнодорожной компании за причиненный ему ущерб — поездом ему отрезало обе ноги. Дело он проиграл, так как было доказано, что он подстроил все это сам для того, чтобы получить от компании пособие безработного, не понимая по глупости, насколько больше он потеряет в случае такой сделки, даже если бы он выиграл тяжбу и получил компенсацию, превосходящую его сокровенные мечты.

Этот поразительный случай позволяет утверждать (и мне, может быть, даже поверят), что есть среди классов, способных платить за модные операции, горсточка личностей, которые настолько бессильны различить, что важнее — сохранение своего тела в целости (включая способность к деторождению) или удовольствие говорить о себе и слышать о себе молву как о героях и героинях сенсационной операции, что они подбивают хирургов оперировать, воздействуя на них не только перспективой крупного гонорара, но и неотступными личными уговорами. Я не устану повторять, что, когда операция уже сделана, никто не докажет, что она не была нужна. Если я откажусь дать отрезать себе ногу, гангрена и смерть могут подтвердить, что я был неправ. Но согласись я подвергнуться ампутации, никто никогда не сможет доказать, что в противном случае гангрены не последовало бы. Вот почему операция для хирурга дело и верное и прибыльное. В результате мы слышим о «консервативных хирургах», то есть таких, которые взяли себе за правило обходиться по возможности без операций и к которым обращаются те, у кого хватает жизнелюбия считать операцию крайним средством. Но хирурги не обязаны придерживаться консервативных взглядов. Если хирург полагает, что тот или иной орган в лучшем случае ненужный пережиток и пациент без него отлично обойдется и поправится в две недели, тогда как на лечение ушел бы месяц, то хирург вправе рекомендовать операцию, даже если медленное лечение без операции вернее верного. Таким образом, и консервативный хирург, и оперативный или радикальный могут быть правы, так что совесть им тут не помощник.

ЛЕГКОВЕРИЕ И ХЛОРОФОРМ

Нет в мире научного факта более жестокого, чем тот, что веру можно производить в практически неограниченных количествах и какой угодно силы, невзирая на доводы опыта и рас-

судка и даже вопреки им, исходя из простого желания верить, основанного на властной потребности в вере. Она наглядно проявляется в слепых любовных увлечениях юношей и девушек, которые видят героев и ангелов в заурядных и даже неприемлемых (с точки зрения окружающих) юнцах и девицах. Но для человеческой деятельности в целом она благотворна. Трезвейший материалист обратится к спиритам, занимающимся выстукиванием по столу и писанием на грифельной доске, если он потеряет ребенка или жену, столь любимых, что желание оживить их, общаться с ними становится непреодолимым. Сапожник верит, что лучше кожи ничего на свете нет. Империалист, считающий завоевание иностранными державами Англии худшим из политических несчастий, верит, что, завоевав иностранную державу, Англия окажет ей чистое благодеяние. Врачи так же подвержены иллюзиям, как и остальные люди. Можно ли поэтому сомневаться, что в существующих условиях неизбежно делается множество ненужных и вредных операций и больным пытаются внушить, будто благодаря современной хирургии и анестезии операции стали гораздо менее серьезным делом, чем они есть в действительности? Когда врачи выступают устно или в печати на тему об операциях, они намекают, а то и прямо говорят, что хлороформ обезболил хирургию. Но тем, кого оперировали, лучше знать, как это бывает. Пациент не чувствует боли от ножа, что значительно облегчает работу хирургу. Но пациент расплачивается за анестезию мучительными часами дурноты, а когда она проходит, начинает болеть рана, нанесенная хирургом,— она тоже должна заживляться, как всякая другая рана. Получившие же мзду «оперативные» хирурги, которых обычно и след простыл, прежде чем больной пришел в сознание, не видят страданий, очевидцами которых приходится быть лечащему врачу и сиделке, и потому порой говорят об операциях примерно как палач в «Барнаби Радже» толкует про казнь — так, словно подвергаться операции невесть какая роскошь не только в смысле цены, но и в смысле переживаний.

БЕДНОСТЬ МЕДИЦИНЫ

В довершение всех зол врачи ужасающе бедны. У ирландского респектабельного доктора моего детства, который брал с больного не меньше гинеи, но зато навещал его потом раза четыре, сейчас в английском обществе эквивалента нет. Лучше быть носильщиком на вокзале, чем заурядным врачом общего типа. Носильщик получает от восемнадцати до двадцати трех

шиллингов в неделю от железнодорожной компании; его чаевые, если не считать двух пенсов от пассажиров третьего класса (не уверен, что и такое исключение надо делать), равны гонорару врача в случае пассажиров второго класса и двойному гонорару врача в случае пассажиров первого класса. Любая категория образованных людей, оказавшись в таком положении, тяготеет к категории разбойников, и врачи тоже не составляют исключения. Им предлагается постыдная цена за совет и лекарство. Пациенты их по большей части так бедны и невежественны, что хорошим полезным советом они пренебрегают как невыполнимым и оскорбительным. Когда вы нуждаетесь настолько, что просто не можете не взять восемнадцать пенсов у человека, по бедности не способного заплатить вам больше, бесполезно говорить, что ему или его больному ребенку не лекарство нужно, а нужно больше отдыхать, теплее одеваться, лучше питаться, жить в доме, который бы лучше проветривался и имел нормальную канализацию. Милосерднее будет дать ему пузырек чего-то дешевого, как водица, и велеть зайти еще раз с новыми восемнадцатью пенсами, если лекарство не поможет. Когда вы проделываете это изо дня в день целую неделю, много ли научной совести у вас останется? Если у вас настолько не хватает ума, что вы судорожно цепляетесь за ваши восемнадцать пенсов как символ социального превосходства над шестнадцатипенсовым врачом, то вы так и пробедствуете до конца жизни, в то время как шестнадцатипенсовый врач с его низкой ценой и быстрой пропускной способностью будет зарабатывать больше вашего, убивая при этом ничуть не больше народу.

Врачебной репутации при таких условиях выстоять не проще, чем легким его пациентов в условиях скверной вентиляции. Единственный для врача путь сохранить самоуважение это забыть все, чему он когда-то учился, и оказывать помощь задаром, только за счет того, что он менее невежествен и более привычен к виду болезни, чем его пациенты. В конце концов он приобретает опыт по уходу за больными в домашней нищенской обстановке, как женщины, привыкшие работать прислугой в больших заведениях с лифтами, пылесосами, электрическим освещением, паровым отоплением и всевозможными механизмами, превращающими кухню в смесь лаборатории и паровозного депо, очутившись в мире, где от них требуется тяжелый подлый труд, научаются делать свое дело по-новому, сживаясь с неприглядными обычаями и жалкими приспособлениями в лачугах, где даже пучок растопки — роскошь, которой надо уметь пользоваться экономно.

Врач, чей успех усыпляет общественное мнение, так что оно уже не замечает нищенского положения медиков, деморализован почти в такой же степени, как и врач-неудачник. Его продвижение вверх означает, что практика его все больше ограничивается богатыми бездельниками. Образцом уместного совета для большинства их недомоганий может служить изречение Эбернети: «Проживите на шесть пенсов в день, но при этом еще и заработайте их». Но уместный совет на верхнем конце лестницы, как и на нижнем, столь же неприемлем и неприменим. Каждая предрасположенная к ипохондрии богатая дама или каждый господин, которых можно убедить в том, что они пожизненные инвалиды, для врача означают от пятидесяти до пятисот фунтов в год. Операции позволяют хирургу заработать такие же сумы за пару часов, а если хирург при этом имеет частную лечебницу, то он еще и извлечет немалые барыши из этого своего рода дорогостоящего отеля. Доходы эти так велики, что они в значительной мере снимают то моральное преимущество, которое дает отсутствие нудных денежных забот богатому врачу по сравнению с бедным.

Правда, для богатого врача не существует соблазна назначить фальшивое лечение из-за того, что подлинное для пациента или доктора слишком дорого. У него на руках всегда в избытке настоящих больных, которых он может позволить себе лечить по-настоящему, и эти случаи доставляют ему достаточно подлинной научной профессиональной работы, спасая тем самым от невежества, устаревания и притупления научной совести, неизбежных у его более бедных коллег. С другой стороны, затраты его непомерны. Даже оставаясь холостяком, он вынужден при нормах Вест-Энда зарабатывать больше тысячи фунтов, и тогда только он сможет, скажем, застраховать свою жизнь. Его дом, прислуга, экипаж (или авто) должны соответствовать уровню, к которому привыкли его пациенты, даже если самому ему требуется всего-навсего две комнаты и походная койка. А главное, доход, покрывающий эти издержки, прекращается мгновенно, как только врач прекращает работать. В отличие от дельца, за которого управляющие, клерки, служащие на складе и рабочие продолжают делать налаженное дело, пока он пребывает в постели или в клубе, врач не заработает через посредника ни гроша. Хотя он, как никто, подвергается опасности заразиться, и, бывает, ни разу за неделю ему не удается проспать ночь целиком,— несмотря на все это, он перестает получать деньги, как только перестает хо-

дить по вызовам. Поэтому болезнь для него страшна, как ни для кого, а успех не дает чувства уверенности.

Он непрестанно должен ковать железо,— а вдруг да оно остынет. Человеку не выдержать такого постоянного напряжения. Когда не выдерживает врач, он начинает суетиться, без нужды навещает больных; выписывает нелепые рецепты вроде того втирания, с помощью которого один ирландский портной вывел бородавку на пальце у моего отца; сговорясь с хирургами, убеждает больных в необходимости операции; разжигает мнительность у malade imaginaire[1] *(а тот и вправду болен, так как идеального здоровья на свете не бывает, а значит, не бывает и абсолютно здоровых людей); пользуется людской глупостью, тщеславием и страхом смерти с такой же безжалостностью, с какой его собственное здоровье, силы и терпение эксплуатируются себялюбивыми ипохондриками. Врачам приходится проделывать все это или же идти на денежный риск, что трудно требовать от человека. И чем здоровее делается человечество, тем больше докторам приходится прибегать к обману и тем меньше заниматься истинно полезной деятельностью, которой всегда найдется предостаточно для того, чтобы врачи не развратились окончательно. Ибо даже самому закоренелому мошеннику, прописывающему тоник на эфире для поднятия тонуса у великосветских дам, нуждающихся в нем точно так же, как женщины из бедных слоев нуждаются в стакане джина, доводится все же достаточно часто помогать при родах, и это одно уже должно давать ощущение, что они не зря живут на свете.*

МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ ВРАЧЕЙ ЛЮДЬМИ НАУКИ?

Никто, я полагаю, не усомнится в наличии широко распространенного и популярного заблуждения, состоящего в том, что каждый врач есть человек науки. Оно не охватило лишь небольшую группу из тех, кто понимает под наукой нечто большее, чем колдовская возня с ретортами и спиртовками, магнитами и микроскопами или открытие чудодейственных лекарств от всех болезней. Для достаточно темного невежды всякий капитан торговой шхуны уже Галилей, всякий шарманщик — Бетховен, всякий фортепьянный настройщик — Гельмгольц, всякий адвокатишка из Олд Бейли — Солон, всякий торговец голубя-

[1] Мнимого больного *(франц.)*.

ми — Дарвин, всякий писец — Шекспир, паровоз — чудо, а машинист — личность не менее замечательная, чем Стивенсон.

На самом деле рядовые врачи — не в большей степени ученые, чем их портные, или, если хотите, наоборот, их портные не в меньшей степени ученые, чем они. Врачевание — искусство, а не наука; любой неспециалист, интересующийся наукой настолько, чтобы выписать себе один из научных журналов и следить за научной литературой и развитием науки, разбирается в ней гораздо больше, чем врачи (вероятно, даже большинство врачей), которые вовсе ею не интересуются и практикуют только ради заработка. Врачевание это даже не искусство сохранять людей здоровыми (никакой врач лучше, чем его собственная бабушка или соседская знахарка, не посоветует, что вам есть), это искусство залечивать болезни. Бывает, как исключение, что практикующий врач делает вклад в науку (в моей пьесе описывается такой вклад, и весьма заметный). Но гораздо чаще из своего клинического опыта врач извлекает губительные выводы, так как никакого понятия о научном методе он не имеет и убежден, как и любой невежда, что никакой особой квалификации не требуется. Различие между знахарем и квалифицированным врачом состоит в основном в том, что только квалифицированному врачу разрешено подписывать свидетельство о смерти, хотя на долю обоих таких случаев выпадает примерно одинаково.

Неквалифицированные практикующие врачи наживают нынче недурное состояние в качестве гигиенистов, и культурные любители науки, вполне отдающие себе отчет в том, что делают, обращаются к ним так же часто, как и люди темные, делающие это по невежеству. Костоправы сколачивают себе состояния под самым носом у наших знаменитейших хирургов за счет образованных и богатых пациентов, а некоторые из наиболее преуспевающих и признанных докторов используют весьма варварские способы лечения и квалификацию получали исключительно для удобства. Если оставить в стороне деревенских ведьм, лечащих заклинаниями и торгующих амулетами, то самыми смиренными профессиональными целителями в нашей стране можно считать собирателей лекарственных трав. Эти чудаки бродят в воскресные дни по лугам, выискивая травы с чудодейственными свойствами, исцеляющими болезнь, предохраняющими от зачатия и прочее. Каждый из них верит, что он накануне великого открытия, в котором главную роль будет играть горе́ц змеиный; бог весть почему горе́ц змеиный, или змеевик, пленяет воображение собирателя трав, как, бывало, ртуть пленяла воображение алхимика. По будням он торгует

в своей лавочке пакетиками мяты болотной, одуванчика и прочими снадобьями, прилагая списки болезней, от которых они якобы излечивают. Но они и в самом деле излечивают, к радости людей, без устали их покупающих. Я никогда не видел различия между наукой травника и должным образом зарегистрированного врача. Одна моя родственница недавно консультировалась у врача по поводу самых обыкновенных симптомов, говорящих о необходимости отдохнуть и переменить обстановку. Врач успокоился на том, что деятельность сердца у больной несколько понижена. Памятуя, что дигиталис — известное сердечное средство, врач взял и прописал ей ударную дозу. К счастью, старушка была выносливой и убить ее оказалось не так-то легко. История закончилась благополучно, старушка отделалась легко, а именно — обращением к «христианской науке», модой на которую мы обязаны как суеверию, так и всеобщему разочарованию в докторах. Я не собираюсь здесь, заметьте, разбирать, была ли правомочной доза дигиталиса или нет; суть в том, что любой работник с фермы, обратившись к знатоку целебных трав, получил бы точно такое же лечение.

БАКТЕРИОЛОГИЯ КАК СУЕВЕРИЕ

Поверхностные познания в науке, которых нынче все, включая докторов, нахватываются из обычных газет, делают врача еще опаснее, чем он был раньше. Люди предусмотрительные прежде старались обращаться к докторам, получившим квалификацию до 1860 года, то есть к тем, которые враждебно относились к идее микроба (или просто игнорировали ее) и к бактериологической терапии, но теперь ветераны эти по большей части ушли на покой или вымерли, и мы очутились в руках у поколения, которое, будучи наслышано о микробах столько же, сколько святой Фома Аквинский об ангелах, скоропалительно заключило, что все искусство врачевания сводится к формуле: найди микроба и убей его. Но и этого они не умеют делать. Простейший способ расправиться с микробами — это оставить их на открытом воздухе или бросить в реку — пусть на них светит солнце. Ведь известно: теперь, когда крупные города безрассудно вывели все свои сточные воды в реки, вода в двадцати милях ниже города бывает чище, чем в тридцати милях выше. Но врачи инстинктивно избегают всех обнадеживающих фактов и с восторгом хватаются за те, из которых явно одно: чудо, что вообще кто-то может три дня прожить в атмосфере, состоящей из бесчисленных болезнетворных ми-

кробов. Они считают, что микробы бессмертны до того момента, пока специально подготовленный медик не уничтожит их с помощью какого-нибудь гермицидного препарата. По всей Европе развешиваются объявления, где прямо-таки под угрозой судебного взыскания население убеждают не выставлять своих микробов на солнце, а, тщательно собрав в платок, прятать от света в теплом кармане и отсылать в прачечную, где эти платки смешаются с платками других людей. Результаты слишком хорошо известны местным отделам здравоохранения.

Во время первого приступа микробоубийства хирургические инструменты погружали в карболку, что было большим достижением после того, как их ни во что не погружали и использовали как есть, грязными. Но с антимикробной точки зрения, изобретение это оказалось не слишком удачным, поскольку микробам до того нравится карболка, что они в ней так и кишат. В кровь чахоточных формалин вводился до тех пор, пока не обнаружилось, что формалин прекрасно питает бациллу туберкулеза, но убивает человека. Популярная «теория болезни» в медицине общеизвестна: дескать, на всякую болезнь имеется микроб, в должное время взращенный в садах Эдема, и с той поры болезнь неуклонно воспроизводит себя, образуя все расширяющиеся круги болезнетворности. С самого начала стало ясно, что, будь это хоть в отдаленной степени правдой, все человечество давно было бы сметено чумой с лица земли, а каждая эпидемия, вместо того чтобы исчезать так же загадочно, как и возникла, охватывала бы весь земной шар. Стало очевидным и то, что характерный микроб какой-нибудь болезни может быть не причиной, а симптомом. Человек непунктуальный вечно спешит, но из этого не следует, будто спешка — причина непунктуальности, напротив, болезнь его заключается в медлительности. Когда Флоренс Найтингейл напрямик заявила, что, если солдат до отказа набивать в грязные казармы, то среди них вспыхнет эпидемия оспы, ее обозвали невежественной особой, не знающей, что оспа начинается, только если занести соответствующий микроб.

Но если такова позиция, занимаемая в отношении оспы, микроб которой до сих пор еще не выловлен и не положен бактериологами под микроскоп, то какова же должна быть убежденность по поводу туберкулеза, столбняка, брюшного тифа, мальтийской лихорадки и прочих болезней, чьи возбудители опознаны! Когда бациллу не обнаруживали, предполагалось, что она пока просто не попадает в поле зрения, так как ни одной болезни без бациллы не бывает. Когда бациллу, как это часто случается, находили у людей здоровых, теорию спасали, объявляя

бациллу самозванкой или псевдобациллой. Такое же безграничное легковерие, какое проявляла публика в отношении способности докторов ставить диагноз, обнаруживали и сами врачи по отношению к лаборантам, охотившимся за микробами. Эти охотники за ведьмами готовы были за шесть шиллингов выдать вам свидетельство об элементарном составе чего угодно — от образца воды из вашего колодца до лоскутка ваших легких. Я вовсе не намекаю на то, что люди, этим занимавшиеся, были нечестными. Вне всякого сомнения, они производили анализ с той мерой добросовестности, какую могли позволить себе за деньги. Вне всякого сомнения, они производили анализ даже и не без некоторой пользы. Но факт остается фактом: так же, как служащие врачи без малейших колебаний берутся за полкроны делать операции, которые частный специалист без посторонней помощи не мог бы без риска сделать как следует, с должной научной взыскательностью и необходимой аппаратурой, меньше, чем за несколько тысяч фунтов, так и охотники за микробами действовали в полной уверенности, что они могут получить последнее слово науки относительно состава своих патологических проб за цену двухчасовой поездки в такси.

МОДА И ЭПИДЕМИЯ

Частная медицинская практика управляется не наукой, а спросом и предложением. И каким бы научным ни было лечение, оно долго на рынке не продержится, если на него нет спроса; равно как и грубейшее шарлатанство не прогонишь с рынка, если на него есть спрос.

Спрос, однако, можно возбудить искусственно. Это дело досконально изучили модные торговцы, которым ничего не стоит уговорить своих клиентов заменить ранее купленные предметы одежды, которые совсем еще не износились, новыми и купить вещи, которые им вовсе не нужны. Превращая врачей в торговцев, мы заставляем их осваивать трюки профессии и в результате обнаруживаем, что моды сезона распространяются не только на фасоны шляп и рукавов, на песенки и спортивные игры, но и на операции и определенные лекарства. Миндалины, червеобразный отросток, язычок мягкого нёба и даже яичники вырезаются в угоду моде. К тому же операции весьма доходны. Психология моды становится патологией, причем более чем имеют вид неподдельных. Словом, моду впору уподобить искусственно вызванной эпидемии, и это доказывает, что эпидемию могут возбудить торговцы, а значит, и врачи.

Нельзя не признать, что положение дел создалось неважное. И публика с ее вкусом к мелодраматическому, всегда требующая не защиты от зла, а злодея, которого можно освистать, припишет, конечно, вину не собственной апатии, суеверности и невежеству, а порочности врачей — ничего нет более несправедливого и вредного. Врачи, может быть, и не лучше других людей, но уж во всяком случае не хуже. На представлениях «Врача перед дилеммой» в «Корт-тиэтр» в 1907 году меня упрекали за то, что художника я вывел негодяем, журналиста безграмотной бездарностью, а всех врачей сделал «ангелами». Но я просто не выходил за рамки собственного опыта. Мне посчастливилось вот уже добрых сорок лет иметь среди моих друзей докторов, причем все они прекрасно осведомлены о том, что я отнюдь не так доверчив, как многие, и не приписываю им, как другие, сверхъестественных возможностей и знаний. И хотя я знаю, что доктора-мерзавцы попадаются так же, как и мерзавцы военные, законники и священники (поневоле узна́ешь, если тебе выпадет на долю слышать профессиональные разговорчики врачей), сам я получал частный врачебный совет и уход и тогда, когда у меня не было ни гроша в кармане, и впоследствии, когда мог позволить себе платить гонорары по высшей ставке; поэтому я не разделяю враждебного отношения к врачу как к человеку, которое бытует и неизбежно прогрессирует в результате нынешнего состояния врачебной практики. Случается, правда, что интерес к болезням и разного рода отклонениям от нормального, заставляющий некоторых мужчин и женщин заниматься медициной и хирургией, становится таким же нездоровым, как и интерес к страданиям и пороку, толкающий иных на филантропическую и спасительскую деятельность. Но истинного врача вдохновляет ненависть к болезни вообще и божественная нетерпимость к любой бессмысленной затрате жизненных сил. Если только к медицине или хирургии человека привели не какие-то исключительные технические способности или семейная медицинская традиция или же его точка зрения на медицину как на выгодную и джентльменскую профессию, то мотивы, побуждающие его выбрать карьеру исцелителя, можно считать благородными. Если даже реальная практика разочарует его и развратит, все равно его выбор в первой инстанции говорит о том, что побуждения его не были низменными.

Если рассмотреть пункты обвинения, которые я выдвигаю против частной врачебной практики, окажется, что вытекают они из положения врача, весьма близкого положению конкурирующего частного торговца: иначе говоря, из его бедности и несамостоятельности. И надо не забывать еще, что от докторов ждут, чтобы они сугубо бережно обращались с другими, между тем как с ними обращаются сугубо наплевательски. От мясника и булочника, например, не требуется, чтобы они кормили голодного даром, но на врача, который не облегчил страданий ближнего или допустил его гибель, смотрят, как на монстра. Даже если забраковать больничное обслуживание, сочтя его и в самом деле корыстным, нельзя не признать, что большинство врачей в частной практике на протяжении своей карьеры продолжают изрядную долю работы безвозмездно. Что же касается оплачиваемой доли работы, то доктор находится в других условиях, нежели торговец. Хотя продаваемые им товары — совет и лечение — одни и те же для всех слоев общества, заработок его градуирован как подоходный налог. Преуспевающий модный врач может время от времени избавляться от пациентов победнее и в конце концов обратиться в корпорацию врачей, чтобы та сняла с него право вообще брать низкую плату. Но рядовой практикующий врач никогда не выпишет очередной счет, не рассчитав налогоплатежности пациента.

Ну, а кроме того врачу приходится пренебрегать своим здоровьем и покоем, как того требует аварийный характер его работы. Мы с ним вежливы и предупредительны, когда у нас все в порядке; мы встречаемся с ним как с приятелем или принимаем его как гостя. Но когда у нашего младенца круп, или у его матери температура сорок, или дедушка сломал ногу, тут уж о враче думают исключительно как о целителе и спасителе. Пусть он голоден, утомлен, хочет спать, изнурен после того, как несколько ночей подряд его мучали особым орудием пытки — ночным звонком в дверь. Но кто об этом задумывается перед лицом внезапной болезни или несчастного случая? В этот момент о состоянии самого доктора мы заботимся столь же мало, как и о состоянии пожарника во время пожара. Ночная работа у других профессий специально оговаривается и оплачивается. Рабочий отсыпается днем, получает завтрак вечером, ленч или обед ночью, обед или ужин утром, перед тем как лечь спать. Если он не выдерживает ночной работы, он переходит на дневную. Но врач обязан работать круглые сутки. В врачебных практиках, охватывающих главным образом рабо-

чие клубы, то есть имеющих дело с пациентами в массовом масштабе, несчастный помощник врача или сам врач, если у него нет помощника, зачастую ложится не раздеваясь, так как знает, что ему не удастся урвать и часа сна, как его снова вызовут к больному. К этим напряженным бесчеловечным условиям добавим постоянный риск подхватить заразу. Можно только удивляться, как это нетерпеливые врачи не становятся бешеными и необузданными, а терпеливые — слабоумными. Хотя в какой-то степени так оно и происходит. А жалованье при этом мизерное и такое ненадежное, что отказ посетить больного без уплаты денег вперед часто становится необходимой мерой самозащиты, а между тем местные суды давно упразднили традицию, по которой гонорар служит врачу и жалованьем. Самые знаменитые доктора, по свидетельству таких биографов, как Пэджет, порой нищенски, нечеловечески бедны всю лучшую пору жизни.

Короче говоря, врач сейчас гораздо больше нуждается в нашей помощи, чем мы обычно нуждаемся в его. Насмешки Мольера, смерть такого сведущего, умного писателя, как Гарольд Фредерик, в руках приверженцев «христианской науки» (как бы кровью закреплено его презрительное неверие в докторов, неприязнь к ним, которые он с горечью выражал в своих книгах), злое и вполне оправданное разоблачение медицины в романе мистера Маартена Маартенса, озаглавленном «Новая религия»,— все это очень мало волнует наших врачей и, во всяком случае, отлично оттеняется популярностью знаменитой картины сэра Льюка Филдса и вердиктами, которыми присяжные время от времени подтверждают свое убеждение, что врач не может нанести вреда. Реальными бедами врача остаются поношенный сюртук, угроза нищеты, тирания невежественных пациентов, двадцатичетырехчасовой рабочий день и бесполезность честно прописывать то, в чем действительно нуждается большинство пациентов, а именно: не лекарство, а деньги.

ВРАЧ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Так что же делать?

По счастью, нам не надо начинать все сначала: в лице санитарного инспектора мы уже имеем такого врача, который лишен худших тягот, а следовательно и худших пороков частного врача. Его положение зависит не от количества больных, чью болезнь он может продлевать сколько захочет, а от количества здоровых. О его деятельности судят (как и до́лжно су-

дить о врачах и способах лечения) исходя из статистики рождаемости и смертности в пределах его участка. Когда возрастает процент смертности, падает его репутация. Так как каждая прибавка жалованья доктору зависит от мнения общества о состоянии здоровья избирателей вверенного ему участка, то у него есть все стимулы стремиться к идеально чистому карантинному свидетельству. Положение его можно считать надежным, достойным, облеченным доверием, независимым, основанным целиком на здоровье людей; положение же частного доктора — непрочным, псевдоблагородным, безответственным, рабским, целиком основанным на болезни.

Не будем скрывать, случаются и на ниве государственного медицинского обслуживания скандальные случаи. Врач, состоящий на службе, иногда занимается и частной практикой, маникюря своей низкооплачиваемой службой и тем самым дополняя свои заработки. Попадаются такие захудалые места, которые никакой преуспевающий врач не согласится занять, и тогда места эти faute de mieux[1] *автоматически занимают бездарности или пьяницы. Но даже и в таких случаях служащий врач принесет меньше вреда, чем частный. К тому же условия, порождающие эти злостные случаи, обречены, так как ло осознано и осмыслено. Распространенное, но ненадежное средство таково: когда местные органы власти слишком бедны, чтобы требовать безраздельного внимания таких важных людей, как санитарные врачи наших крупных муниципалитетов, им надо объединить в целях здравоохранения свои финансовые возможности, чтобы каждый мог пользоваться услугами первоклассного высокооплачиваемого врача. Но самое правильное средство — укрупнять санитарные участки.*

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Еще одно преимущество государственного медицинского обслуживания заключается в том, что оно обусловливает твердую организацию дела и, следовательно, работа распределяется таким образом, чтобы высококвалифицированные специалисты не тратили время на несерьезные случаи. Индивидуализм же частной практики ведет именно к чудовищной трате времени по пустякам. Врачи, чье хирургическое искусство или почти пророческий диагностический дар постоянно требуются для сложных случаев, кладут припарки на панариции, делают прививки, ме-

[1] За неимением лучшего *(франц.)*.

няют ерундовые повязки, прописывают эфирные капли дамам с легкой склонностью к алкоголизму и вообще расходуют время в погоне за частными гонорарами. Ни в какой другой области профессионалу не приходится делать всю относящуюся к его специальности работу с самого первого дня карьеры и до последнего, как приходится врачу. Судья выносит смертный приговор, но от него не ждут, чтобы он вешал преступника своими руками, а ему пришлось бы вешать, будь профессия юриста так же плохо организована, как медицинская. Епископ не обязан сам играть на органе или мыть младенца, которого он крестит. От генерала никто не требует, чтобы в половине первого он разрабатывал план кампании или руководил боем, а в половине третьего бил в барабан. Но даже если бы ему и пришлось потрудиться таким образом, дела все-таки не сложились бы так плохо, как у врача: тут первоклассному специалисту достается проделывать третьеразрядную работу, но, что еще страшнее, третьеразрядный специалист выполняет работу вместо первоклассного. Предполагается, что любой врач общего типа должен уметь по первому требованию производить всю амплитуду лечебных и хирургических манипуляций, а сельский доктор, при котором нет ни одного узкого специалиста и нет знаменитого консультанта на другом конце телефонного провода, часто вынужден не колеблясь браться за случаи, за которые никакой здравомыслящий городской врач в одиночку не взялся бы. Безусловно, это развивает у сельского доктора бóльшую находчивость и разносторонность, чем у его пригородного коллеги, но из второстепенного врача первоклассного все равно не получится. Если бы юридическая практика вела к тому, что не только судье пришлось бы вешать, но и палачу судить, если бы в армии устройство было таково, что барабанщику довелось бы командовать при Ватерлоо, пока герцог Веллингтон бьет в барабан в Брюсселе, нас не утешила бы мысль, что наши палачи таким путем начинают лучше разбираться в юриспруденции, а наши барабанщики обретают большее чувство ответственности, чем в других странах, где для блага юридической и военной профессий признается преимущество разделения труда.

При таких условиях невозможно с точностью классифицировать профессиональные способности у врачей. Исходя из того, что врачи обыкновенные люди, а не чародеи (а к сожалению, трудно убедить окружающих встать на эту точку зрения и тем самым убить романтическое отношение к врачеванию), мы придем к мысли, что в медицинской профессии, как и во всех остальных, на одном конце шкалы помещается небольшой процент высокоодаренных личностей, а на другом — небольшой про-

цент убийственно безнадежных тупиц. Между этими крайностями находится основной массив докторов (тоже, разумеется, послабее и посильнее к концам), которые способны работать соответственно установленным нормам с большей или меньшей помощью сверху, смотря по тяжести заболевания. Или же, если взять за отправную точку болезнь, можно сказать так: бывают случаи, не представляющие особых трудностей, и с ними справится медицинская сестра или студент-медик, а бывают заболевания, для которых необходимы наблюдение и уход на высочайшем уровне врачебной квалификации. Между этими полюсами размещается огромное множество случаев, требующих попечения докторов со средними способностями, а также светил, в пропорции, скажем, семь к одному, семь к никому, три к одному, один к одному, а денек-другой и ноль к одному. Такое обслуживание организовано сейчас только в больницах, хотя в крупных городах форма приглашения консультантов до некоторой степени его заменяет. Но в последнем варианте посещения не регулируются ничем, кроме профессиональной этики, а она, как мы уже убедились, имеет целью гарантировать не здоровье пациенту или обществу в целом, а заработок врачу и безнаказанность врачебных промахов.

А коль скоро консультант — непозволительная роскошь, то он, скорее, крайняя мера, чем нечто само собой разумеющееся, в ситуации, когда врачу общего типа одному справиться не под силу; заметим, что в подобном затруднительном положении может в любой момент оказаться и очень одаренный врач, если вдруг возник случай, с каким он в клинической практике не сталкивался.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Разрешение проблемы, таким образом, зависит от объединения общества, грандиозного, медленного, встречающего вздорное противодействие, и называется это объединение, как правило, Социализм. Пока медицина не станет ассоциацией людей, обучаемых и оплачиваемых государством для того, чтобы они занимались здоровьем населения, она будет оставаться тем, чем она является сейчас: группой заговорщиков, эксплуатирующих людскую доверчивость и людские страдания. Положение наших санитарных врачей сейчас изменилось, не хватает лишь одного: чтобы перемену оценили не только врачи, находящиеся на государственной службе, но и частные. Когда, повторяем, в каком-нибудь из больших городов освобождается первоклассная

должность и все ведущие санитарные инспекторы вступают в конкуренцию друг с другом, они ссылаются на доброе здоровье населения, вверенное их заботам, а не на размеры доходов, наживаемых на нездоровье пациентов, как это делают частные врачи. Если претендент может доказать, что он полностью подавил всякого рода частную врачебную практику большого города, не тронув лишь акушерства и травматологии, его права неоспоримы, и к этому идеалу должен стремиться всякий санитарный инспектор. Профессия же в целом должна поддерживать его, несмотря ни на что, и готовиться к социальной перемене, которая принесет ей спасение. Ибо санитарный инспектор в нашем понимании — это только начало Армии общественной гигиены, которая в скором времени привлечет всеобщие интерес и уважение, ныне питаемые только к военным и морским силам. Глупо: англичанин больше боится немецкого солдата, чем английского заразного микроба, и требует все новых казарм в тех же газетах, которые протестуют против новых клиник для школьников и во всеуслышание заявляют, что если Штаты будут вместо нас сражаться с болезнями, мы окажемся в положении нищих, но при этом никогда не говорят, что, если Штаты вместо нас будут сражаться с немцами, мы окажемся в положении трусов. К счастью, когда система мышления дурацкая, достаточно в качестве упорного лечения применять насмешку здравомыслящих острословов, и она будет посрамлена и уничтожена. С каждым годом становится все больше лиц, занятых общественной охраной здоровья, тогда как еще недавно те же лица были бы всего лишь искателями приключений в мире частной охраны болезни. А если выразить это по-другому — множество мужчин и женщин, у которых сейчас есть действенный стимул быть мерзавцами со злонамеренными и даже кровожадными наклонностями, получат честный и потому гораздо более действенный стимул стать не только добрыми гражданами, но и активно творить добро для общества. И им начисто не придется заботиться о своих доходах.

БУДУЩЕЕ ЧАСТНОЙ ПРАКТИКИ

Не следует делать поспешного вывода, будто все это означает отмирание частной практики. Означает это на самом деле иное: частный врач освободится от своей нынешней рабской зависимости от пациентов, зависимости, приводящей к нравственной и научной деградации. Как я уже показал, врач, который вынужден угождать пациентам и жить в постоянной

конкуренции со всеми, кто когда-либо заглядывал в больницу, еле выдержал экзамены и купил себе медную дощечку, скоро приходит к тому, что начинает прописывать воду трезвенникам, бренди или желе из шампанского пьянчугам, бифштексы и портер в одном доме и вегетарианскую антиподагрическую диету в другом; он прописывает закрытые окна, жаркий огонь в камине и теплые шубы старым полковникам — и свежий воздух и оголение в пределах пристойности молодым сумасбродам и никогда не смеет ответить «я не знаю» или «я против». Между тем сила врача в том, что, когда социальное переустройство доходит наконец и до его профессии, у него, как и у всякого другого человека, есть выход — поступить на государственную службу, если частный наниматель станет слишком деспотичен. И не воображайте, будто слова «пациент» и «врач» могут скрыть от обеих сторон тот факт, что один нанимает, а другой нанимается. Бесспорно, врачи, пользующиеся большим спросом, делаются своевольны и независимы, как это вообще свойственно работникам из всех слоев общества, когда спрос на их труд делает их незаменимыми. Не таково положение среднего врача: он борется за жизнь в густой толпе профессионалов и ему прекрасно известно, что врачебный такт, умение подойти к больному выведут его через трясину болезни на твердую почву платежеспособности, тогда как малейшая попытка говорить напрямик с людьми, которые слишком много едят, пьют, проводят слишком много времени в душных помещениях (не будем продлевать список излишеств, составляющих в большой степени семейную жизнь), скорехонько привела бы его в суд по делам о несостоятельности.

Частная практика, предохраняемая таким образом, и сама предохраняла бы отдельных людей, насколько это возможно, от ошибок и суеверий государственного врачебного дела, которые в конце-то концов ничуть не хуже ошибок и суеверий частной практики, так как от нее они, собственно, и берут начало. Такие безобразия, как прививки, основаны, как мы убедились, не на науке, а на полукронах. Если бы постановление о принудительной вакцинации, отмененное уже наполовину, не отменяли бы полностью, а, наоборот, укрепили, обязав всех родителей сделать прививки своим детям, причем руками врача, состоящего на службе у государства, чье жалованье начисто не зависит от числа сделанных им прививок, у кого и без того полно работы по здравоохранению,— вакцинации через два года не было бы в помине, так как врач, делающий прививки, не только ничего от этого не приобретает, но еще и теряет свое доброе имя из-за повышения смертности и случаев заболеваний на его

участке в результате прививок; и при этом никто уже и не замечает, что именно благодаря ему, благодаря исправному надзору и бдительному предотвращению инфекции оспа вспыхивает все реже. Нелепый скандальный эпизод, вызвавший панику во время последней лондонской вспышки оспы, когда плата в полкроны за повторную вакцинацию привела к тому, что на дома в отсутствие родителей совершались набеги, детей хватали и насильно делали еще раз прививку,— таких скандалов можно избежать, если отменить полкроны и тому подобные глупости и платить не за тот или иной колдовской обряд, а за реальный иммунитет к болезни, причем платить, исходя из рациональных соображений. Врач с твердым окладом избавлен от лишних хлопот, благо делает свое дело, минимально соприкасаясь с частными гражданами. Человек, получающий сдельно, лишается денег, если только он не навязывает людям свои услуги как можно чаще, не предупреждая при этом о последствиях.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Что касается технической стороны дела, то тут проблемы нет. А если бы и была, я не смог бы за нее взяться, так как я не компетентен в медицинской технике. Я пишу о медицине как экономист, политик и гражданин, руководствующийся здравым смыслом. Все, о чем я тут говорю, относится в равной мере ко всякой медицинской технике и подойдет в любом случае — строится ли гигиена общества на поэтических фантазиях «христианской науки», цеховых суевериях фармацевтов и вивисекторов или на всем том, что мы сумели извлечь из наших подлинных знаний. Но людям, которые путают медицинскую проблему с научной, я хочу напомнить, что все проблемы в конечном счете являются научными; считать, что терапия, или гигиена, или хирургия более научны или менее научны, чем шитье или чистка сапог, могут лишь те, для кого человек науки по-прежнему остается волшебником, способным вылечивать от всех болезней, превращать один металл в другой и давать нам возможность жить вечно. Вероятно, все-таки придется еще некоторое время играть на людском легковерии, любви к непостижимому и страхе перед ним, на людском идолопоклонстве для того, чтобы заставить бедняков подчиниться санитарным правилам, которые им по невежеству непонятны. Как я уже признавался в другом сочинении, я и сам повинен в том, что произносил смехотворные заклинания и производил манипуляции с горящей серой (совершенно, как экспериментально доказано,

бесполезные), а все оттого, что пламя и чудовищная вонь создают атмосферу таинственности и убеждают бедняков, будто это изгоняет бесов оспы и скарлатины и позволяет без опаски возвращаться к себе в дом. Если вы будете доказывать им, что весь секрет в солнечном свете и мыле, вы лишь убедите их в том, что вам наплевать, выживут они или умрут, и вы просто хотите сэкономить за их счет. Вот вы и устраиваете представления с заклинаниями, и они, удовлетворенные, отправляются по домам. Религиозная церемония — скажем, поэтичное освящение порога — подошла бы куда лучше, но, к сожалению, у нашей религии слабовато с санитарной стороной. Величайшее несчастье христианского мира заключается в последующей реакции на сладострастную любовь к купанию у римлян эпохи Империи, нечистоплотность возвели уже в христианскую добродетель, а в некоторые злополучные уголки земли (например, на Сэндвичевых островах) вместе с христианством занесли болезни; между тем создатели вытесненной туземной религии, такие, как Магомет, были достаточно просвещенными, чтобы под видом религиозных отправлений ввести некоторые санитарные навыки вроде омовения и самого заботливого и почтительного отношения ко всему, что отбрасывает человеческое тело, включая обрезки ногтей и волосы. А наши миссионеры взяли и бездумно отвергли эту благочестивую доктрину, ничем не заменив ее, поэтому ее место тут же заняли лень и неряшество. Если бы священников Ирландии можно было убедить проповедовать своей пастве, что, помещая изображение святой девы в домишке, где не поддерживается чистота, соответствующая высоким воскресным нормам, к которым она привыкла, ты наносишь деве смертельное оскорбление, и при этом особенный упор делать на ее требовательность в отношении конюшен, так как в конюшне родился ее сын,— если бы священники поступали именно так, то им за один год удалось бы добиться большего, чем всем санитарным инспекторам Ирландии за двадцать лет; и, можно не сомневаться, богоматерь осталась бы довольна. Возможно, теперь они так и поступают: Ирландия, бесспорно, преобразилась со времен моей юности, насколько могут преобразить страну чистые лица и фартуки. Но в Англии, где слишком многие так вульгарны, что не верят в поэзию религии, так респектабельны, что им невыносимо и думать, что конюшня в Вифлееме — обыкновенная деревенская конюшня, а не первоклассная конюшня для скаковых лошадей, и так невежественны, что полагают, будто беса болезни не изгонишь ничем кроме разве устрашающего обряда с пытками и вонью,— в Англии санитарным инспекторам долго еще придется проповедовать глу-

цам, сообразуясь с их глупостью: обещая чудеса и угрожая страшными карами каждому за небрежение местными законами и прочее. Поэтому так важно, чтобы все санитарные инспекторы обоего пола при других своих специфических качествах обладали еще чувством юмора, иначе они под конец и сами поверят всей той чепухе, которую им приходится болтать.

Но в то же время санитарный инспектор в качестве консультанта при начальстве обязан и его избавлять от суеверий. Раз итальянские крестьяне так невежественны, что церкви удается держать их в руках лишь с помощью чудес, так, значит, быть чудесам. Давно высохшая кровь св. Януария во что бы то ни стало должна делаться жидкой независимо от того, в настроении святой или нет. Завлечь обманом язычника и обратить его в покорного христианина ничуть не предосудительнее, чем в комнату, где лежит больной оспой, заманить работать маляра, поверившего, будто болезнь изгнана с помощью горящей серы. Но горе церкви, когда, обманывая крестьянина, она обманывается сама, ибо тогда церковь погибла и крестьянин тоже, пока он не взбунтуется против нее. Если только церковь не будет творить мнимые чудеса чересчур грубо и не будет сама (так как надувательство ей претит) наводить крестьянина на мысль об истинных причинах требуемого от него хорошего поведения, тогда церковь сделается орудием его нравственной коррупции и, эксплуатируя его невежество, не заметит, как вскоре встанет на путь гонения научной истины, в чем можно обвинить все виды священнослужителей, и с наивящим успехом служителей науки.

И тут мы подходим к теме опасности, угрожающей многим из нас: опасности, что нам навяжут ортодоксию гигиены. Но мы не должны закрывать глаза на то обстоятельство, что в таких густонаселенных и обездоленных цивилизациях, как наша, любая ортодоксия лучше бездействия. Если когда-нибудь наше население будет состоять из одних состоятельных, утонченных, просвещенных и свободных личностей, которые в состоянии постоять за себя, они безусловно быстро разделаются с изрядной долей официальных установлений, сейчас для нас в высшей степени насущных. Но в нынешних обстоятельствах, повторяю, почти любой род заинтересованности, который может вынести демократия, лучше бездействия. Заинтересованность и деятельность приводят, конечно, не только к успеху, но и к ошибкам, однако жизнь, потраченная на ошибки, не только достойнее, но и полезнее, чем жизнь, потраченная на ничегонеделанье. Главный урок, который можно извлечь из всего нашего теоретизирования и экспериментирования, заклю-

чается в том, что имеется один лишь подлинно научный и прогрессивный метод — метод проб и ошибок. И если вы пришли к этому выводу, то чем иным будет для вас бездействие, как не ортодоксией? Причем самой деспотической и губительной из всех, так как она запрещает нам даже учиться.

НОВЕЙШИЕ ТЕОРИИ

Поскольку медицинские теории дело моды и самые плодотворные из них в ходе врачебной практики и биологических исследований видоизменяются очень быстро (результат международной деятельности), то пьеса, служащая предлогом для написания сего предисловия, уже слегка устарела, хотя, уверен, может быть принята как правдивое свидетельство о 1906 годе, в котором была начата. Не следовало бы, разумеется, упоминать никого из медиков, чтобы не погубить человека, соединив его имя с абсолютной свободой критики, которой, как неспециалист, пользуюсь я, но специалистам все равно будет ясно, что пьеса не была бы написана, не проделай сэр Элмрот Райт работу по теории и практике иммунитета против заразных болезней, иммунитета, достигаемого путем прививки собственных болезнетворных бактерий; процедура эта неправильно именуется вакцинотерапией («vaccina» значит «коровья», хотя ничего от коровы в ней давно нет), оттого, очевидно, что надеялись на ее лечебные свойства, но она их надежды не оправдала. Сэр Элмрот Райт, следуя одной из наиболее многообещающих мечниковских биологических фантазий, обнаружил, что белые тельца, или фагоциты, атакующие и пожирающие наши болезнетворные бактерии, делают это только тогда, когда мы для аппетита приправим микробов соусом, названным сэром Элмротом «опсонин»; он установил также, что выработка этой приправы в нашем организме беспрестанно то увеличивается, то спадает в определенном ритме, переходя от незначительной до самой высокой. До тех пор никто даже и не строил догадок о том, почему вдруг разные сыворотки, производившие время от времени исцеления, тут же совершали такие разрушительные действия в организме какого-нибудь несчастного больного, что от них поспешно отказывались. Количество в ту пору крупного вранья во имя спасения репутации прививок было колоссальным. И если бы не рвение военных властей во всей Европе, которым ничего не стоило приказать той или иной болезни в армии исчезнуть, просто-напросто переименовав заболевание, или если бы не наш лондонский совет по психиатрии,

который старательно скрывал все медицинские отчеты, где всплывали подчас весьма ужасающие результаты эпидемии повторной вакцинации,— неизвестно, чем обернулось бы народное негодование против всего направления иммунизации в медицине.

Положение спас сэр Элмрот Райт, разъяснив, что если ввести больному болезнетворные микробы в тот момент, когда способность организма изготовлять их на съедение фагоцитам находится на низшей точке, то можно лишь ухудшить состояние больного и даже убить его. Но точно такая же прививка в один из периодов наивысшего подъема его способности производить микробы еще больше стимулирует эту способность и даст противоположный эффект. Далее он изобрел методику, позволяющую определить, в какой фазе находится больной в каждый данный момент. Потрясающие возможности, которые открывает его изобретение, вы и найдете в моей пьесе. Но одно дело изобрести методику, а совсем другое убедить медиков пользоваться ею. Наши практикующие врачи, как я понимаю, отказались пользоваться ею потому, что они либо не могут позволить себе приобрести аппаратуру, либо не умеют освоить ее, если и приобрели. Но знаменитая лаборатория сэра Элмрота в больнице св. Марии — это одно, а, как я показал, нечто простое, дешевое, доступное во всякое время для всех желающих — вот единственное, что годится в экономическом отношении для широкой врачебной практики. Опсонин неизбежно пришлось бы объявить в газетах для профессионалов блажью, а сэра Элмрота — опасным человеком, не приди он к выводу в результате своих изысканий, что общепринятые прививки имеют чересчур сильное действие и что малая, можно сказать, бесконечно малая доза не усиливает отрицательной фазы выработки микробов и может даже вызвать положительную. И таким образом получается, что отказ наших практиков освоить новую методику теперь не так уже опасен, как во время написания пьесы «Врач перед дилеммой», более того, способ сэра Ралфа Блумфилда Бонингтона, делающего прививки с такой же легкостью, с какой больного поят морским луком, может иногда дать недурной результат. И все-таки, несмотря на это, я узнаю, что сэр Элмрот Райт 23 мая 1910 года сообщает Королевскому медицинскому обществу о том, что «клинициста еще не удалось убедить пересмотреть свою позицию», иными словами, практик (по-домашнему, просто «доктор») лечит себе, как лечил прежде, не будучи в состоянии изучить или применить новую методику, даже если и слыхал про нее. Пациенту, который про нее не знает, доктор ничего и не скажет. Перед пациентом, который про нее знает, он высмеет ее и постарает-

ся принизить сэра Элмрота. Что же ему еще остается делать? Разве только сознаться в своем невежестве и обречь себя на нищету?

Но теперь обратите внимание, как «круговорот времен несет с собой отмщение». Недавнее открытие лечебных свойств крохотной шерстинки укусившей вас собаки заставляет вспомнить не только об арндтовском законе реакции протоплазмы на возбуждение, согласно которому слабый и сильный стимул провоцируют противоположные реакции, но и о гомеопатии Ганемана, основанной на утверждении Ганеманна, будто бы лекарства, вызывающие при обычных ощутимых дозах некие симптомы, дают симптомы прямо противоположные, если принимать их бесконечно малыми дозами; то есть лекарство, от которого у вас болит голова, может от головной боли и излечить, если принять его в небольшом количестве. Я уже объяснил, что в ожесточенном сопротивлении, какое гомеопатия встречает со стороны медиков, нет ничего научного; никто, кажется, не отрицает, что некоторые лекарства действуют именно предполагаемым образом. Сопротивление же оказывалось только потому, что врачи и аптекари жили продажей своих снадобий в пузырьках и коробочках и предписывали принимать их ложками или пилюлями величиной с горошину, тогда как за капли и крупинки размером с булавочную головку тебе такой цены давать не будут. В наши дни, однако, наиболее культурная часть населения начинает с таким подозрением относиться к лекарствам, а люди, погрязшие в предрассудках, так усиленно запасаются патентованными лекарствами (наставление, как их принимать, обернутое вокруг пузырька, прилагается бесплатно), что гомеопатия стала способом реабилитировать ремесло аптекарей и повысить им цену. И тут-то теория опсонина подвертывается как нельзя более кстати, чтобы пожать гомеопату руку.

Добавьте к ныне торжествующим гомеопату и опсонисту еще одного выдающегося новатора — шведского массажиста, который не разводит вокруг вас теорий, а ощупывает вас всего сильными пальцами, выискивая больные места, и, растирая, разминая и поколачивая, ликвидирует их и заодно поощряет делать гимнастику,— и этим исчерпывается все, что в сегодняшней медицинской практике не является чистой магией или грубой коммерческой эксплуатацией людского легковерия и страха смерти. Прикиньте сюда еще многочисленные дискуссии вегетарианцев и сторонников воздержания, разгорающиеся вокруг призывов к научно обоснованной еде и питью и пока мало что дающие, кроме того, что пищеварение переименовали в ме-

таболизм, а люди разделились на поклонников светила, упрекающего нас в том, что мы мало едим рыбы, и поклонников его не менее знаменитого коллеги, который предупреждает нас, что рыбная диета окончится проказой,— и вы получите все то, что хоть сколько-нибудь солидно противостоит росту влияния «христианской науки» с ее соборами и конгрегациями, с ее фанатиками, чудесами и исцелениями. Спору нет, быть может, это и глупо, но зато разумно и здраво, поэтично и обнадеживающе по сравнению с псевдонаукой врача-коммерсанта, который идиотически требует судебного преследования и даже казни членов «христианской науки» в случаях, когда у тех умирают пациенты, забывая при этом о длинном списке смертей собственных больных.

К тому времени, как мое предисловие будет напечатано, мозаика в калейдоскопе, возможно, уляжется по-новому и опсонин отправится по стопам флогистона волею его неугомонного первооткрывателя. Я не скажу, что Ганеманн, может, тоже отправился по стопам Диоскориса, ибо Диоскорис всегда с нами. Но мы по-прежнему будем приобретать знания в погоне за каким-нибудь блуждающим огоньком. То, что зовется наукой, всегда искало эликсир жизни или философский камень, да ищет и по сию пору, как и во времена Парацельса. Мы просто называем их сейчас иначе: иммунизация, или радиотерапия, или еще как-нибудь, но мечты, вовлекающие нас в авантюры, из которых мы выходим обогащенные знанием, в основе своей всегда одни и те же. Наука становится опасной тогда лишь, когда начинает воображать, будто она достигла цели. Ведь в чем беда с папами и священниками? Вместо того чтобы быть апостолами и святыми, они просто эмпирики, которые заявляют «я знаю» вместо того, чтобы сказать «я познаю», и в молитвах просят о доверчивости и пассивности, как люди умные просят о скептицизме и энергии. Такие мерзости, как инквизиция и указы о принудительной вакцинации, возможны только в годы душевного голодания, когда великие жизненные догмы — честь, свобода, мужество, взаимосвязь всего сущего, вера в то, что непознанное важнее познанного, которое есть Еще Непознанное, решимость отыскать достойный путь к нему,— когда все эти догмы забыты в пароксизме страха и сознания своей беспомощности. Тогда бездействует все, кроме похоти и страха смерти, и, играя на них, любой торговец может накрасть себе добра, любой мерзавец удовлетворить свою жестокость и любой тиран сделать нас рабами.

Чтобы такое заключение не показалось слишком риторичным нашим профессионалам от науки, по большей части при-

ученым не верить ничему, что не облечено в жаргон тех писателей, которые, не понимая толком, что пытаются сказать, не могут подобрать знакомых слов и потому вынуждены изобретать новый бессмысленный язык для каждой очередной книги,— я позволю себе суммировать мои выводы со всей сжатостью, какая совместима с точностью мысли и живостью убеждений.

1. Никто так не опасен, как нищий врач,— даже нищий работодатель, даже нищий домовладелец.

2. Из всех узаконенных антиобщественных интересов наихудший вид — узаконенная заинтересованность в болезни.

3. Помните, что болезнь — это все-таки род преступления, поэтому относитесь к врачу как к соучастнику, если он не уведомляет о каждом случае заболевания отдел здравоохранения.

4. Рассматривайте каждую смерть как возможное и, при нашей системе, вполне вероятное убийство, делайте ее предметом разумного дознания и, если потребуется, предайте врача казни, но именно как врача, то есть вычеркнув его из официального списка.

5. Подсчитайте, какое количество врачей требуется, чтобы содержать общество в здоровом состоянии: не регистрируйте после этого ни больше, ни меньше этого количества, и пусть врач в результате регистрации станет государственным служащим с благопристойным окладом, выплачиваемым из государственных фондов.

6. Национализируйте Гарли-стрит.

7. Относитесь к частному хирургу в точности так же, как вы отнеслись бы к частному палачу.

8. Относитесь к лицам, утверждающим, будто они могут вылечивать от болезней, как к гадалкам.

9. Аккуратно информируйте общество с помощью статистики и особых бюллетеней обо всех индивидуальных случаях, о заболеваниях врачей и членов их семей.

10. Добейтесь, чтобы врач, прибивающий к дверям медную табличку, в обязательном порядке к буквам, обозначающим его звание, добавил слова: «Помни, я тоже смертен».

11. Занимаясь законодательством и социальным устройством, исходите из принципа, что инвалиды, то есть лица, не способные прокормить себя собственными силами, не могут без конца рассчитывать на чужую помощь. Как известно, наступает такой момент, когда самый энергичный полицейский или врач, делающие искусственное дыхание утопленнику, бросают это занятие, хотя нельзя быть уверенным ни на одно мгнове-

ние, пока не наступила смерть, что не прекрати они упражнения еще пять минут, и человек пришел бы в сознание. Теория о том, что каждый живой индивидуум бесконечно ценен, несостоятельна с точки зрения законодательства. Бесспорно, чем совершеннее жизнь, которую обеспечивает индивидууму разумный социальный строй, тем больше пользы он принесет обществу и тем, соответственно, больше мы приложим стараний, чтобы спасти его от временной опасности или увечья. Но человек, который обходится обществу дороже, чем он того стоит, обречен так же неизбежно с точки зрения здоровой гигиены, как и с точки зрения здоровой экономики.

12. Не пытайтесь жить вечно. Все равно ничего не выйдет.

13. Пользуйтесь здоровьем вовсю, даже с опасностью израсходовать его целиком. Оно для этого и создано. Тратьте всё, пока не умерли, себя не переживешь.

14. Приложите все старания, чтобы удачно родиться и удачно вырасти. Для этого у вашей матери должен быть хороший доктор. Позаботьтесь о том, чтобы попасть в школу, где имеется так называемая клиника для школьников, где позаботятся о вашем питании, зубах, зрении и прочих важных для вас деталях. Особенно постарайтесь, чтобы все это делалось за счет государства, иначе делаться ничего и не будет, так как, сорок против одного, сами вы не сможете за это заплатить, если даже будете знать, как за это взяться. Но если вы не займетесь своим здоровьем, вы станете тем, чем является сейчас почти каждый: нездоровым гражданином нездорового государства, которому не хватает ума даже стыдиться своего нездоровья или страдать по этому поводу.

1911 г.

15 июня 1903 года, утро. Студент-медик по фамилии Редпенни (имя его неизвестно, да и не имеет значения) сидит за работой в приемной врача. Он — незаменимый помощник доктора: ведет его переписку, исполняет обязанности домашнего лаборанта, и все это — в отплату за те не поддающиеся определению преимущества, которые дает ему близость с одним из виднейших представителей его профессии и положение не столько ученика, сколько сотрудника. Редпенни — человек негордый и готов делать что угодно, не считаясь с самолюбием, если только с ним обращаются по-дружески. Это юноша, смотрящий на мир широко раскрытыми глазами. Он услужлив, доверчив, добродушен и расторопен. Прическа его и костюм свидетельствуют о том, что он постепенно, хотя и с трудом, превращается из неряшливого мальчика в опрятного врача.

Работу Редпенни прерывает появление старой служанки, женщины, которая никогда не знала забот, тревог, обязанностей, вспышек ревности и прочих треволнений, связанных с телесной красотой. Цвет лица у нее, как у цыганки, не мывшейся от рождения: ее физиономию не возьмет никакое косметическое снадобье. Настоящей бороды и усов — они, на худой конец, могут считаться атрибутом чисто мужской красоты — у нее нет, зато все ее лицо усыпано родинками, поросшими пучками волос, которые смахивают то на бородку, то на усики. В руках у нее метелочка из перьев, и она так рьяно охотится за пылью, что, едва успев смахнуть соринку с одного предмета, уже замечает другую на соседнем. Она продолжает эту охоту за пылью даже во время разговоров и потому смотрит на собеседника только в тех случаях, когда разволнуется. Обращается она со всеми одинаково — как старая, прижившаяся к дому нянька с ребенком, едва научившимся ходить. Из-за ее безобразия люди всегда относились к ней с такой снисходительностью, какой не видели от них даже Клеопатра и Розамунда Белокурая; безобразие же дало ей и другое преимущество перед ними — время не умалило ее достоинств, а, напротив, приумножило их. Эта работящая, славная и добрая старуха — воплощенное

доказательство суетности женской красоты. Как у Редпенни нет имени, так у нее нет фамилии: во всем районе, где подвизается доктор, то есть от Кэвендиш-сквер до Мэрилебон-роуд, она известна просто как Эмми.

В приемной два окна, выходящие на Куин-Энн-стрит. Между ними мраморная консоль с позолоченными ножками, которые заканчиваются лапами сфинкса. Над консолью возвышается огромное трюмо, однако оно практически не выполняет своего назначения, потому что едва ли не все его стекло расписано пальмами, папоротниками, лилиями, тюльпанами и подсолнечниками. У стены камин, перед ним два кресла. Так как комната повернута к зрителю углом, двух других стен не видно. Справа от камина, вернее, справа от того, кто стоит лицом к камину, дверь. Слева от него письменный стол, за которым сидит Редпенни. На столе в беспорядке разбросаны бумаги, на них стоят микроскоп с пробирками и спиртовка. Посреди комнаты под прямым углом к консоли и параллельно камину — кушетка. Между кушеткой и окном — стул, в углу другой, у стены с окнами — третий.

На окнах зеленые венецианские шторы и репсовые гардины. Под потолком газовая люстра, переделанная в электрическую. Обои и ковры зеленые — того же времени, что люстра и венецианские шторы. Словом, дом был меблирован еще в середине XIX века, но так удачно, что и поныне выглядит вполне прилично.

Эмми *(входя и сразу же принимаясь обмахивать пыль с кушетки)*. Там пришла какая-то дама и пристает ко мне — хочет видеть доктора.

Редпенни *(раздосадованный тем, что его оторвали от работы)*. Его нельзя видеть. Послушайте, сколько раз я вам повторял, что доктор не принимает новых пациентов? А вы, чуть кто-нибудь постучит, врываетесь ко мне и спрашиваете, не примет ли доктор.

Эмми. Да кто вас об этом спрашивал?

Редпенни. Вы.

Эмми. Я сказала, что пришла какая-то дама и пристает ко мне — хочет видеть доктора. Я не спрашивала — я просто сказала.

Редпенни. То, что дама пристает к вам, еще не дает вам оснований приставать ко мне. Вы же видите: я занят.

Эмми. А газеты вы сегодня читали?

Редпенни. Нет.

Эмми. И не читали про награду по случаю тезоименитства?

Редпенни *(хочет выругаться)*. Что за...

Эмми. Полегче, полегче, сынок!

Редпенни. Какое мне дело до наград и тезоименитства? Отстаньте вы от меня с вашей болтовней! Доктор Риджен вот-вот выйдет, а я еще не кончил писать письма. Убирайтесь!

Эмми. Доктора Риджена больше нет, молодой человек! *(Замечает пыль на консоли и немедленно устремляется к ней.)*

Редпенни *(вскакивая и бросаясь следом за ней)*. Что?

Эмми. Ему пожалован титул. Не вздумайте больше величать его доктором Ридженом в ваших письмах. Сэр Колензо Риджен – вот как его теперь звать!

Редпенни. Я страшно рад!

Эмми. А я-то как удивилась! Я ведь всегда думала, что все эти его великие открытия – попросту чепуха. Про грязь, которую он разводит, я уж и не говорю. Глаза б мои не смотрели на все эти склянки, пробирки с лихорадкой да трубки с кровью! Ну и посмеется же он теперь надо мной!

Редпенни. И поделом! Как у вас только нахальства хватает заговаривать с ним о науке? *(Возвращается к столу и снова начинает писать.)*

Эмми. Не больно-то я высоко вашу науку ставлю. Поживете с ней бок о бок столько, сколько я, сами то же скажете. Впрочем, мне-то что? Моя забота – дверь: сегодня то и дело открывать придется. Старый сэр Патрик Келен уже заходил, велел доктора поздравить. Сам-то не успел с ним потолковать – в больницу торопился, а все-таки хотел первый поздравить. Сказал, на обратном пути опять зайдет. Остальные тоже явятся. Знай целый день слушай, как дверной молоток стучит. Боюсь только, доктор теперь захочет лакея нанять, чтобы все было, как у других. Он ведь теперь сэр Колензо! Вы-то хоть, голубчик, не подбивайте его на это. Лучше меня никто с дверями не управится. Я знаю, кого впустить, а кого нет. Ах господи, совсем забыла! Как же мне быть с этой дамой? По-моему, он ее примет: он от таких всегда в хорошее настроение приходит. *(Обметает бумаги Редпенни.)*

Редпенни. Я уже сказал вам: он никого не принимает. Ступайте, Эмми. Как тут работать, когда вы пылите мне прямо в лицо?

Эмми. А я вам не мешаю. Подумаешь, работа – письма писать! Ну вот! Опять звонок! *(Выглядывает в окно.)*

Докторская коляска. Новые поздравители! *(Направляется к двери, но в этот момент входит сэр Колензо Риджен.)* Яички-то скушали, сынок?

Риджен. Да.

Эмми. А жилетку чистую надели?

Риджен. Да.

Эмми. Вот и умница! Смотрите только не перепачкайтесь снова да попусту со всякими пустяками не возитесь. Сейчас поздравители явятся. *(Уходит.)*

Сэру Колензо Риджену лет пятьдесят, но он еще не распрощался с молодостью. Его отличают известная грубоватость и бесцеремонность, качества, которые постепенно приобретает застенчивый и деликатный человек, вынужденный общаться со всевозможными людьми при всевозможных обстоятельствах. На лице у него довольно много морщин, движения более медлительные, чем, скажем, у Редпенни, а белокурые волосы утратили былой блеск. Но внешностью и манерой поведения он скорее напоминает молодого человека, чем титулованного врача. Даже морщины на его лице прочерчены не столько возрастом, сколько переутомлением, беспокойным характером и скептицизмом; впрочем, в этом, вероятно, повинны также любознательность и любовь к жизни. Сейчас, когда Риджен только что прочел в утренних газетах о том, что ему пожалован титул, он особенно застенчив и, следовательно, особенно бесцеремонен с Редпенни.

Риджен. Газеты читали? Если нет, вам придется изменить подписи в письмах.

Редпенни. Эмми мне только что сказала. Я страшно рад. Я...

Риджен. Довольно, молодой человек, довольно. Скоро привыкнете.

Редпенни. Вас следовало наградить еще много лет назад.

Риджен. Меня и наградили бы, если бы двери в моем доме открывала не Эмми. Это многим не по вкусу.

Эмми *(докладывает с порога)*. Доктор Шуцмахер. *(Уходит.)*

Входит хорошо одетый человек средних лет приветливого, но слегка заискивающего вида: он никогда не уверен, что его хорошо примут. Сочетание мягкости и сердечности с неуловимой сдержанностью и знакомые, но в то же время странно чужеземные черты лица выдают в нем еврея, в данном случае еврея интеллигентного

и красивого, хотя несколько узкогрудого и поизносившегося, как большинство красивых евреев после тридцати лет. Выглядит он, впрочем, вполне представительно.

Шуцмахер. Не узнаете? Шуцмахер. Университет, Белсайз-авеню. Луни Щуцмахер. Вспоминаете?

Риджен. Как! Луни? *(Сердечно пожимает ему руку.)* А я уж, признаться, думал, что вас давно нет в живых. Присаживайтесь.

Шуцмахер садится на кушетку. Риджен — на стул между кушеткой и окном.

Чем же вы занимались все эти тридцать лет?

Шуцмахер. Практиковал. Но вот уже несколько месяцев как бросил.

Риджен. И хорошо сделали, Луни! Хотел бы и я иметь такую возможность! Практиковали в Лондоне?

Шуцмахер. Нет.

Риджен. Значит, на модных курортах?

Шуцмахер. Разве я мог обосноваться на модном курорте? У меня ведь не было ни пенса. Нет, я устроился в фабричном городе, в центральной Англии, и снимал кабинет за десять шиллингов в неделю.

Риджен. И составили себе состояние?

Шуцмахер. Сейчас я живу, в общем, неплохо. Кроме квартиры в городе, у меня еще дом в Хартфордшире. Если вам как-нибудь захочется провести конец недели на лоне природы, я доставлю вас туда за час с небольшим. У меня свой автомобиль.

Риджен. Да вы просто в золоте купаетесь! Хотел бы я поучиться у вас, богатых практиков, как зарабатывать деньги. В чем тут секрет?

Шуцмахер. Ну, что касается меня, секрет был достаточно прост, хотя и мог доставить мне много неприятностей, если бы привлек к себе внимание. Боюсь, вы сочтете такой прием несколько предосудительным.

Риджен. Нет, я — человек широких взглядов. Так в чем же заключается ваш секрет?

Шуцмахер. Всего в двух словах.

Риджен. «Бесплатно не принимают» — так, что ли?

Шуцмахер *(шокирован)*. Что вы! Что вы!

Риджен *(извиняясь)*. Полно, полно! Я пошутил.

Шуцмахер. Мои два слова гласили просто-напросто: «Излечение гарантировано».

Риджен *(восхищенно)*. Излечение гарантировано?

Шуцмахер. Да, гарантировано. В конце концов, люди ведь только этого и ждут от врача.

Риджен. Гениально, дорогой Луни! Вы так и написали на медной дощечке?

Шуцмахер. Медной дощечки у меня не было. Была витрина, как в магазине,— красный фон, черные буквы: «Доктор Лео Шуцмахер. ЛКТК, ЧКХК.[1] Консультация и рецепт шесть пенсов. Излечение гарантировано».

Риджен. И в девяти случаях из десяти гарантия оправдывалась, а?

Шуцмахер *(обиженный такой скромной оценкой)*. Ну, что вы! Значительно чаще. Видите ли, больные обычно выздоравливают, если, конечно, соблюдают осторожность, а вы даете им разумный совет. А у меня отличное лекарство — препарат Пэриша. Содержит, как вам известно, фосфаты. Столовая ложка на пол-литра воды. Превосходно действует при любом заболевании.

Риджен. Редпенни, запишите: препарат Пэриша.

Шуцмахер. Я, знаете ли, и сам принимаю его, когда чувствую себя усталым. Ну, прощайте. Надеюсь, вы не сердитесь, что я заглянул к вам. Я хотел только поздравить вас.

Риджен. И прекрасно сделали, дорогой Луни! Давайте позавтракаем вместе в субботу. Заезжайте за мной на своем автомобиле и поедем к вам в Хартфорд.

Шуцмахер. С величайшим удовольствием. Благодарю вас. До свидания.

Риджен провожает его до двери и тут же возвращается.

Редпенни. Пока вы спали, заходил старина Пэдди Келен: хотел первым поздравить вас.

Риджен. В самом деле? А кто позволил вам, юный безобразник, называть сэра Патрика Келена стариной Пэдди Келеном?

Редпенни. Но вы же сами всегда называете его так.

Риджен. А теперь, когда я сам стал сэром Колензо, больше не буду. Вы, чего доброго, и меня назовете стариной Колли Ридженом.

Редпенни. В больнице святой Анны мы вас иначе и не называем.

---

1. Лиценциант Королевского терапевтического колледжа, член Королевского хирургического колледжа.

Риджен. Скажите на милость! Вот поэтому студент-медик и представляет собой самое отталкивающее явление современной цивилизации. Никакого уважения к старшим, никакой воспитанности, никакой...

Эмми *(в дверях)*. Сэр Патрик Келен: *(Уходит.)*

Сэр Патрик Келен лет на двадцать старше Риджена. Он еще не окончательно одряхлел, но близок к этому и уже примирился со своей участью. Фамилия, прямолинейный, логический и довольно сухой склад ума, крупная широкоплечая фигура, отдельные обороты речи и полное отсутствие той церемонной угодливости, которая характеризует старого английского врача и свидетельствует о былом незавидном положении людей его профессии в Англии,— все это выдает в нем ирландца. Однако он всю жизнь прожил в Англии и вполне акклиматизировался. К Риджену, которого он любит, сэр Келен относится по-отечески; со всеми остальными он грубоват, замкнут и объясняется порой не с помощью членораздельной речи, а более или менее выразительного ворчания, считая, что в его возрасте не стоит насиловать себя и стараться быть общительным. Он пожимает Риджену руку и улыбается ему сердечно, хотя и несколько иронически.

Сэр Патрик. Ну-с, молодой человек, смущены высокой честью?

Риджен. Смущен. Я всем обязан исключительно вам.

Сэр Патрик. Вздор, дорогой мой! Тем не менее благодарю. *(Садится в одно из кресел подле камина.)*

Риджен присаживается на кушетку.

Зашел немного поболтать с вами. *(Обращается к Редпенни.)* А ну-ка, юноша, благоволите исчезнуть.

Редпенни. Сию минуту, сэр Патрик. *(Собирает бумаги и направляется к двери.)*

Сэр Патрик. Благодарю вас. Вот славный малый.

Редпенни уходит.

Эти юнцы давно перестали на меня обижаться: я ведь старик, настоящий старик, не то что вы. Вы только пытаетесь придать себе солидный вид. Вы когда-нибудь наблюдали за мальчишкой, который отращивает усики? Так вот, врач средних лет, который любуется на свои седеющие виски, являет собой то же самое зрелище.

Риджен. Боже мой! Вероятно, так оно и есть. А я-то думал, что пора тщеславия для меня уже миновала. Скажите, в каком возрасте человек перестает быть дураком?

Сэр Патрик. Помните француза, который спросил свою бабушку, в каком возрасте мы становимся равнодушны к соблазнам любви? Старушка ответила, что пока еще не знает.

Риджен смеется.

Вот и я дам вам тот же ответ. Но сознаюсь, Колли, мир начинает всерьез интересовать меня.

Риджен. Вы сохранили, конечно, и былой интерес к науке?

Сэр Патрик. Еще бы! Современная наука крайне любопытная вещь. Возьмите, к примеру, хотя бы ваше открытие. Возьмите любое другое крупное открытие. Куда они ведут? Прямиком назад к идеям и открытиям моего бедного старика отца, а он вот уже сорок лет как умер. О, это в высшей степени интересно!

Риджен. По-вашему, никакого прогресса не существует?

Сэр Патрик. Не поймите меня превратно, мой мальчик. Я не умаляю значения вашего открытия. Большинство открытий обычно делается через каждые пятнадцать лет, а с тех пор как такое же открытие было сделано в последний раз, прошло ровным счетом сто пятьдесят. Словом, вам есть чем гордиться. И все-таки ваше открытие не ново. Это всего-навсего прививка, а мой отец делал прививки вплоть до тысяча восемьсот сорокового года, когда они были запрещены законом. Бедного старика это свело в могилу. А теперь оказывается, Колли, что в конечном счете мой отец был прав. Вы вернули нас к прививкам.

Риджен. Я никогда не занимался прививками от оспы. Моя область – туберкулез, тиф, чума. Но принцип прививки, естественно, во всех случаях одинаков.

Сэр Патрик. Туберкулез? Гм! Гм! Так значит, вы открыли средство от чахотки?

Риджен. Думаю, что да.

Сэр Патрик. Вот как? В высшей степени интересно. Как это говорит старый кардинал в пьесе Браунинга? «Я знавал дюжины две человек, называвших себя вождями восстания». Я знавал тридцать с лишним врачей, открывших средство от чахотки. Почему же люди все еще умирают от нее, Колли? Очевидно, назло врачам. У моего

отца был друг, некий Джордж Бодингтон из Сатен Колдфилда. Так вот, в восемьсот сороковом году он начал лечить туберкулез свежим воздухом. Он потерял практику и разорился только потому, что повсюду открывал окна. А сейчас мы готовы держать чахоточного больного чуть ли не под открытым небом. Все это крайне, крайне интересно для такого старика, как я.

Риджен. Ах вы старый циник! Нисколько вы в мое открытие не верите.

Сэр Патрик. Полно, Колли, не преувеличивайте. А все-таки, помните вы Джейн Марш?

Риджен. Джейн Марш? Нет, не помню.

Сэр Патрик. Не помните?

Риджен. Нет.

Сэр Патрик. Вы хотите сказать, что не помните женщину с туберкулезной опухолью на руке?

Риджен *(разом вспомнив)*. Ах да, дочь вашей прачки. Разве ее звали Джейн Марш? Я уже забыл.

Сэр Патрик. Вы, может быть, забыли и то, что пробовали вылечить ее туберкулином Коха.

Риджен. И не только не вылечил ее, а, напротив, окончательно погубил ей руку. Да, теперь вспомнил. Бедная Джейн! Во всяком случае, она вполне прилично зарабатывает на своей руке: ее демонстрируют в клинике на лекциях.

Сэр Патрик. Однако это не совсем то, чего вы добивались.

Риджен. Что поделаешь! Пришлось рискнуть.

Сэр Патрик. Вы хотите сказать, что рискнуть пришлось Джейн?

Риджен. При эксперименте больному всегда приходится рисковать. А без эксперимента невозможны никакие открытия.

Сэр Патрик. Что же вы открыли, проводя эксперимент на Джейн?

Риджен. Я открыл, что прививка, которая должна исцелять, иногда убивает.

Сэр Патрик. Это я мог бы сказать вам и раньше. Я тоже пробовал лечить этими нынешними прививками. Иногда я убивал, иногда исцелял, но в конце концов отказался от них, потому что никогда не мог сказать заранее, убью я больного или вылечу.

Риджен *(вынимает из ящика письменного стола брошюру и протягивает ему)*. Прочтите на досуге, и вам все станет ясно.

Сэр Патрик *(ворча, ищет в карманах очки)*. Оставьте ва-

ши брошюры! Какой в них толк? *(Просматривает брошюру.)* Опсонин? Что это еще за опсонин, черт его побери?

Ридженн. Опсонин — вещество, которым должны покрыться бациллы, для того чтобы их могли уничтожить белые кровяные шарики. *(Вновь опускается на диван.)*

Сэр Патрик. Это не ново. Я уже слышал, что белые кровяные шарики... Подождите, как его звали? Да, Мечников. Так вот, Мечников называет их...

Ридженн. Фагоцитами.

Сэр Патрик. Верно, фагоцитами. Да, да. Так вот, я слыхал, что фагоциты поедают микробов еще задолго до того, как вы вошли в моду. Кроме того, они не всегда поедают их.

Ридженн. Если микробы покрыты опсонином — всегда.

Сэр Патрик. Вздор!

Ридженн. Нет, не вздор. На практике дело обстоит следующим образом: фагоциты не поедают микробов, если микробы не подготовлены к этому соответственным образом. Организм больного сам изготовляет необходимое для такой подготовки вещество, и открытие мое сводится вот к чему: изготовление этого вещества — я назвал его опсонин — происходит как бы циклами — природе, как вам известно, присуща ритмичность. Прививка и призвана ускорять цикл. Сделай мы Джейн Марш прививку в тот момент, когда в ее организме совершалось образование опсонина, мы вылечили бы ее руку. Но прививка пришлась на период, когда это вещество не было выработано в достаточном количестве, и Джейн потеряла руку. Период усиленного образования опсонина я называю позитивной фазой, период уменьшения его — негативной. Все зависит от умения выбрать для прививки нужный момент. Сделайте ее больному во время негативной фазы — и вы убьете его; сделайте ее во время позитивной — и он выздоровеет.

Сэр Патрик. А скажите на милость, откуда вы знаете, когда больной находится в позитивной фазе и когда в негативной?

Ридженн. Пошлите каплю его крови в лабораторию больницы святой Анны, и через четверть часа я назову вам точную цифру содержания опсонина. Если его достаточно, делайте прививку — больной исцелится. Если нет, не делайте прививки — вы убьете его. В этом и состоит мое открытие — важнейшее со времени открытия Гарвеем

кровообращения. Мои пациенты, страдающие туберкулезом, больше не умирают.

Сэр Патрик. А мои умирают, если прививка застает их в негативной фазе, говоря вашим термином? Так ведь?

Риджен. Именно так. Делать больному прививку, не установив предварительно содержание опсонина в его организме, значит совершать убийство, что и делают мои почтенные коллеги. Если бы я захотел убить человека, я убил бы его именно таким способом.

Эмми *(просовывая голову в дверь)*. Не примете ли вы даму, сэр? Она хочет вас видеть – у ее мужа чахотка.

Риджен *(раздраженно)*. Нет. Сколько раз вам повторять, что я никого не принимаю? *(Сэру Патрику.)* С тех пор как разнесся слух, что я маг и волшебник, который может вылечить чахотку одной каплей сыворотки, я живу буквально на осадном положении. *(К Эмми.)* Не докладывайте мне о больных, которые не назначены на прием. Повторяю: я никого не приму.

Эмми. Хорошо. Я скажу ей, чтобы она малость обождала.

Риджен *(в бешенстве)*. Вы скажете, что я не принимаю, и выпроводите ее. Ясно?

Эмми *(невозмутимо)*. А мистера Катлера Уолпола вы примете? Ему лечиться не надо – он только поздравить вас хочет.

Риджен. Разумеется, приму. Просите.

Эмми поворачивается и хочет уйти.

Впрочем, постойте. *(Сэру Патрику.)* Мне надо переговорить с вами наедине. *(К Эмми.)* Эмми, попросите доктора Уолпола обождать: я сейчас закончу консультацию.

Эмми. Конечно, он подождет и даже с большим удовольствием. Он там разговаривает с этой бедной дамой. *(Уходит.)*

Сэр Патрик. Итак, что случилось?

Риджен. Не смейтесь надо мной. Мне необходим ваш совет.

Сэр Патрик. Как врача?

Риджен. Да. Я что-то скверно себя чувствую, а в чем дело – не знаю.

Сэр Патрик. Я тоже. Вас, наверно, уже исследовали?

Риджен. Разумеется. Нигде ничего, по крайней мере, ничего особенного. Но у меня какие-то странные боли: я даже не знаю, где именно. Иногда мне кажется, ноет сердце, иногда – позвоночник. Это, пожалуй, и болями-то не назовешь, и тем не менее я совершенно выбит из колеи.

Что-то со мной неладно — я это чувствую. Есть и другие симптомы. У меня в ушах то и дело звучат обрывки каких-то мелодий. Они кажутся мне очень приятными, хотя на самом деле совершенно банальны.

Сэр Патрик. А голосов вы не слышите?

Риджен. Нет.

Сэр Патрик. Очень рад. Когда больной уверяет меня, что его открытие важнее открытия Гарвея и что он слышит какие-то голоса, я упрятываю его в сумасшедший дом.

Риджен. По-вашему, я сошел с ума? Я и сам начал об этом подумывать. Скажите правду: я в силах ее выслушать.

Сэр Патрик. Вы уверены, что не слышите голосов?

Риджен. Совершенно уверен.

Сэр Патрик. Тогда это просто глупости.

Риджен. В вашей практике встречались подобные случаи?

Сэр Патрик. Встречались, и довольно часто. В возрасте от семнадцати до двадцати двух они обычное явление. Когда человеку под сорок, возможен рецидив. Все дело в том, что вы холостяк. Ничего серьезного — надо только соблюдать осторожность.

Риджен. В еде?

Сэр Патрик. Нет, в поведении. С позвоночником у вас все в порядке, с сердцем тоже, а вот здравого смысла вам явно не хватает. Умереть вы, конечно, не умрете, но глупостей наделать можете. Поэтому будьте осторожны.

Риджен. Я вижу, вы не верите в мое открытие. Ну что ж, иногда я и сам в него не верю. Во всяком случае, я вам очень признателен. Не позвать ли теперь Уолпола?

Сэр Патрик. Конечно, зовите.

Риджен звонит.

Очень ловкий хирург этот Уолпол, хоть и слишком увлекается хлороформом. В дни моей молодости больного приходилось сначала хорошенько напоить, а потом санитары и студенты держали его на столе. Вам оставалось только стиснуть зубы и поскорее кончить операцию. В наши дни хирургу работать легко: даже боли у пациента начинаются лишь потом, когда вы уже получили гонорар, сложили инструменты и убрались домой. Да, Колли, хлороформ наделал немало бед. Он дает любому дураку возможность стать хирургом.

Риджен *(Эмми, вошедшей на звонок)*. Попросите мистера Уолпола.

Эмми. Он там разговаривает с дамой.

Риджен *(вне себя)*. Ведь я же сказал...

Эмми уходит, не обращая на его слова никакого внимания. Сэр Риджен смолкает и с безнадежным видом прислоняется к консоли.

Сэр Патрик. Знаю я вашего Катлера Уолпола и ему подобных. Они, видите ли, открыли, что человеческое тело полно остатками изживших себя и уже ненужных органов. Благодаря хлороформу вы можете вырезать хоть полдюжины таких органов, не принеся человеку никакого вреда, если не считать, конечно, времени, которое он проболеет, и денег, которых это будет ему стоить. Лет пятнадцать тому назад я знал Уолполов довольно близко. Отец подрезал пациентам язычок за пятьдесят гиней и затем целый год ежедневно делал прижигание глотки, получая две гинеи за визит. Его зять удалял миндалины за двести гиней, пока не стал специалистом по женским болезням, после чего его гонорар удвоился. Сам Катлер засел за анатомию, принялся выискивать, что еще можно вырезать, и додумался, наконец, до червеобразного отростка. Он ввел эту операцию в моду, и пациенты платят ему по пятьсот гиней за удаление аппендикса. С равным успехом им можно было бы удалять шевелюру, если бы она не отрастала так быстро. По-моему, больным просто кажется, что подобная операция прибавляет им важности. Пойдите на любой званый обед, и вы непременно услышите, как ваш сосед хвастается, что перенес ту или иную бесполезную операцию.

Эмми *(докладывает)*. Доктор Катлер Уолпол. *(Уходит.)*

Катлер Уолпол — энергичный, самоуверенный человек лет сорока. У него резко очерченные, решительные и правильные черты лица, некрупный, чуть вздернутый красивый нос и приятно выдающийся вперед подбородок. По сравнению с усталым лицом Риджена и увядшим от старости лицом сэра Патрика его черты кажутся точеными и отшлифованными чертами статуи, но смелый проницательный взгляд придает им силу и жизнь. Этому человеку явно чужды колебания и сомнения. Совершая ошибку, он совершает ее последовательно и уверенно. У него короткие руки с красивыми, холеными кистями, плотная, коренастая фигура. Одет Уолпол элегантно: пестрый жилет, яркий цветной галстук, скрепленный

изящным кольцом, брелоки на цепочке, гетры,— словом, преуспевающе-спортивный вид. Он направляется прямо к Риджену и пожимает ему руку.

Уолпол. Самые наилучшие мои пожелания, самые сердечные поздравления, дорогой Риджен! Вы вполне заслужили награду.

Риджен. Благодарю вас.

Уолпол. Разумеется, заслужили как человек, только как человек. Опсонин — ерунда. Это вам скажет любой маломальски знающий хирург. Но все мы счастливы, что ваши личные достоинства получили наконец официальное признание. Как поживаете, сэр Патрик? На днях я послал вам брошюрку — описание одной штучки, которую я изобрел. Новая пила для резекции лопаток.

Сэр Патрик *(задумчиво)*. Да, я получил ее. Хорошая пила. Полезный, удобный инструмент.

Уолпол *(доверчиво)*. Я знал, что вы оцените ее преимущества.

Сэр Патрик. Еще бы! Я припоминаю, что видел такую пилу шестьдесят пять лет тому назад.

Уолпол. Что?

Сэр Патрик. Тогда ее употребляли столяры-краснодеревцы.

Уолпол. Чепуха! Вздор! Столяры...

Риджен. Не обращайте на него внимания, Уолпол. Он просто завидует.

Уолпол. Кстати, я, надеюсь, не помешал вашей беседе?

Риджен. Нет, нет. Садитесь. Я просто консультировался с сэром Патриком. Что-то неважно себя чувствую. По всей вероятности, переутомился.

Уолпол *(поспешно)*. Я знаю, что с вами. Я вижу это по цвету лица. Чувствую по пожатию руки.

Риджен. Что же со мной?

Уолпол. У вас заражение крови.

Риджен. Заражение крови? Не может быть!

Уолпол. Говорю вам, заражение крови. Девяносто пять процентов человечества страдает хроническим заражением крови и умирает от него. Это ясно, как дважды два — четыре. Ваш червеобразный отросток набит всякой гнилью — продуктами распада, непереваренной пищей, словом, чистым птомаином. Послушайте моего совета, Риджен. Давайте я вырежу вам аппендикс. После операции вы станете совершенно другим человеком.

Сэр Патрик. А разве Риджен в своем теперешнем виде вам не нравится?

Уолпол. Нет. Мне нравятся только люди с нормальным кровообращением. Вот что я вам скажу: в разумно управляемой стране людям не позволили бы разгуливать с аппендиксами и тем самым становиться носителями заразы. Удаление червеобразного отростка должно производиться в принудительном порядке. Эта операция в десять раз важнее, чем разные прививки.

Сэр Патрик. Осмелюсь спросить, а свой червеобразный отросток вы тоже удалили?

Уолпол *(торжествующе)*. У меня его нет. Посмотрите на меня! Ни малейших признаков аппендикса! Я здоров, как бык. Примерно пять процентов человечества лишены этого отростка, и я как раз в числе таких счастливцев. Сейчас я вам приведу один пример. Знакомы вы с миссис Джек Фолджемб, с прелестной миссис Фолджемб? На пасху я оперировал ее невестку, леди Горрен, и вырезал у нее червеобразный отросток таких размеров, каких еще никогда не видел: он весил почти две унции. Миссис Фолджемб — женщина разумная: у нее врожденный гигиенический инстинкт. Не в силах примириться с мыслью, что ее невестка превратилась в здоровую цветущую женщину, а сама она остается гробом повапленным, она настояла, чтобы я сделал операцию и ей. И клянусь вам, сэр, у нее вообще не оказалось аппендикса. Ни малейшего следа! Ни намека! Я был так озадачен, так заинтересован, что забыл даже вынуть тампоны и зашил бы их в животе, если бы не хватилась сестра. А я почему-то был уверен, что у миссис Фолджемб огромный аппендикс. *(Садится на кушетку, расправляет плечи и подбочеинивается, отчего руки его высовываются из манжет.)*

Эмми *(просовывает в дверь голову)*. Сэр Ралф Блумфилд Бонингтон.

Продолжительная пауза. Все смотрят на дверь, но сэр Ралф не появляется.

Риджен. Где же он?

Эмми *(оглядываясь)*. Чтоб ему провалиться! Я думала, он идет за мной следом. А он остался поговорить с той дамой.

Риджен *(взрываясь)*. Я же велел вам сказать этой даме...

Эмми исчезает.

Уолпол *(вскакивая с дивана)*. Кстати, Риджен, хорошо, что я вспомнил! Я говорил с бедняжкой. У нее болен муж, и она думает, что у него туберкулез. Как всегда, ошибочный диагноз. Этих проклятых врачей-практиков нельзя даже подпускать к больному, если рядом нет специалиста. Она описала мне симптомы. Ясно, как день, что у него злокачественное заражение крови. Но она бедна, и операция ей не по карману. Направьте его ко мне. Я прооперирую его бесплатно, а в моей клинике найдется для него место. Я поставлю его на ноги и сделаю ее счастливой. Люблю делать людей счастливыми. *(Подходит к стулу у окна.)*

Эмми *(в дверях)*. Вот и он.

В комнату влетает сэр Ралф Блумфилд Бонингтон. Это человек высокого роста с головой, похожей на большое вытянутое яйцо. В свое время он был очень строен, но теперь, на шестом десятке, брюшко его слегка округлилось. Белокурые изогнутые дугой брови придают лицу добродушное, мягкое выражение. Голос у него в высшей степени музыкальный, речь — непрерывное пение, и сам Бонингтон явно упивается им. Он излучает безграничное самодовольство, которое благотворно, успокаивающе и целительно действует на больных: само его присутствие уже исключает всякую мысль о недугах и тревогах. Говорят, что от одного звука его голоса срастаются сломанные кости. Он прирожденный целитель и, словно адепт «христианской науки», полагается скорее на свое обаяние, чем на профессиональное умение и опыт. В ученых спорах и разглагольствованиях он не менее категоричен, чем Уолпол, но его вкрадчивое и многословное красноречие так обволакивает слушателей, что начисто исключает всякие возражения с их стороны, приковывает к себе все их внимание и внушает доверие и уважение всем, кроме разве что очень умных людей. В медицинском мире он известен под именем «Б. Б.», и зависть, которую возбуждает его успешная практика, умеряется всеобщей уверенностью в том, что с точки зрения научной он просто беззастенчивый шарлатан, хотя знаний у него, в общем, столько же, сколько у его коллег: дело в том, что у такой яркой личности, как он, сразу же обнаруживаются все недостатки и слабости, которых мы не замечаем у обычных людей.

Бонингтон. А, сэр Коленzo! Сэр Коленzo, не так ли? Поздравляю с титулом. Нашего полку прибыло.

Риджен *(пожимая ему руку)*. Благодарю вас, Б. Б.

Бонингтон. Кого я вижу? Сэр Патрик! Ну, как мы себя чувствуем? Немножко простужены? Немножко ревматизм беспокоит? А в общем, как всегда, здоровы и умнее всех нас.

Сэр Патрик ворчит себе под нос.

Ба! Уолпол? Ах, рассеянный ветреник!

Уолпол. Что это значит?

Бонингтон. Вы уже забыли обворожительную певицу, которую я послал к вам на предмет удаления опухоли на голосовых связках?

Уолпол *(вскакивая)*. Боже мой, старина, уж не хотите ли вы сказать, что послали ее на операцию горла?

Бонингтон *(лукаво)*. Вот именно! Вот именно! Ага! Ха-ха-ха! *(Заливается жаворонком и грозит ему пальцем.)* А вы удалили ей аппендикс. Вот что значит сила привычки! Да, сила привычки! Ничего, не волнуйтесь! Не волнуй-тесь. У нее вернулся голос, и она считает вас величайшим хирургом в мире. И она права, да, да, да, права.

Уолпол *(предельно серьезно, трагическим шепотом)*. Заражение крови! Понимаю. Понимаю. *(Садится.)*

Сэр Патрик. А как обстоят дела в некоем августейшем семействе, которое вы пользуете, сэр Ралф?

Бонингтон. Нашему другу Риджену будет приятно услышать, что я с поразительным успехом испробовал его метод лечения опсонином на маленьком принце Генри.

Риджен *(смущенно и встревоженно)*. Но как...

Бонингтон *(продолжая)*. Я подозревал у него брюшной тиф: брюшняком был болен сын старшего садовника. Я отправился в вашу больницу и получил там флакончик вашей превосходной сыворотки. Сами вы, к сожалению, в это время отсутствовали.

Риджен. Надеюсь, вам все как следует объяснили?..

Бонингтон *(отклоняя столь нелепое предположение)*. Полно, мой дорогой, разве мне нужно что-нибудь объяснять? В экипаже меня ожидала жена, и мне было некогда слушать наставления ваших юных коллег. Я сам все прекрасно знаю. Я применяю эти антитоксины с тех пор, как они появились.

Риджен. Но это не антитоксины. И средство это очень опасно, если применять его несвоевременно.

Бонингтон. Конечно, опасно. Всякое средство опасно, когда применяется несвоевременно. Яблоко за завтраком приносит вам пользу. Яблоко за ужином на неделю расстраивает желудок. В отношении антитоксинов есть только два правила. Во-первых, не бойтесь их применять; во-вторых, вводите их в организм три раза в день за четверть часа до еды.

Риджен *(в ужасе)*. Упаси вас бог, Б. Б.! Нет, нет, и еще раз нет!

Бонингтон *(неудержимо)*. Да, да, и еще раз да, Колли! Пока не попробуешь, не узнаешь. Успех был грандиозный. Ваше средство оказало на маленького принца прямо-таки волшебное действие. У него поднялась температура, я немедленно уложил его в постель, а через неделю он был совершенно здоров и теперь на всю жизнь застрахован от брюшняка. Счастливые родители не знали, как меня благодарить. Я был прямо-таки тронут их признательностью, но сказал, что они всем обязаны только вам, Риджен. И я от всей души рад, что это принесло вам титул.

Риджен. Чрезвычайно обязан. *(В изнеможении опускается в кресло.)*

Бонингтон. Нисколько, нисколько, нисколько! Это всецело ваша заслуга. Ба, да что это с вами?

Риджен. Пустяки. Немного закружилась голова. Вероятно, переутомление.

Уолпол. Нет, заражение крови.

Бонингтон. Переутомление? Такой болезни не существует. Я работаю за десятерых. А разве у меня кружится голова? Нет! Если вы плохо себя чувствуете, значит, вы больны. Может быть, несерьезно, но все-таки больны. А что такое болезнь? Наличие в крови болезнетворных бацилл, которые размножаются. Как лечиться? Очень просто — найти бациллы и умертвить их.

Сэр Патрик. А если бацилл не окажется?

Бонингтон. Это невозможно, сэр Патрик. Бациллы *должны* быть — без них нет болезни.

Сэр Патрик. А вы можете показать мне бациллу переутомления?

Бонингтон. Нет, не могу, но почему? Да потому, дорогой сэр Патрик, что эти бациллы невидимы, хоть и живут в нашем организме. Природа не наделила их опознавательными знаками. Они представляют собой крохотные тельца, прозрачные, как стекло или вода. Их надо окра-

сить, чтобы сделать видимыми. Но, дорогой мой Пэдди, некоторые из них, несмотря на все наши старания, не поддаются окраске. Они нейтральны к кошенили, метиленовой синьке, к генцианвиолету, словом, к любому красителю. Следовательно, даже мы, люди науки, знающие, что бациллы существуют, не можем их видеть. Но разве можно на этом основании отрицать, что они существуют? Или представить себе болезнь без бацилл? Разве может, например, у человека быть дифтерит без возбудителя дифтерита?

Сэр Патрик. Нет, конечно, но я берусь доказать вам, что у вас в глотке есть те же самые бациллы дифтерита, хоть вы и не больны им.

Бонингтон. Нет, нет, сэр Патрик, это совершенно другой тип бацилл. К несчастью, оба вида настолько схожи меж собой, что различить их порою просто не удается. Поймите, дорогой сэр Патрик, у каждого из этих любопытных крохотных созданий есть свой двойник. Бывают двойники у людей, бывают и у бацилл. Существует подлинный возбудитель дифтерита, открытый Лефлером; существует и псевдовозбудитель, его двойник, который, как вы изволили заметить, можно найти и у меня в глотке.

Сэр Патрик. Но как же вы все-таки отличаете подлинную бациллу от ложной?

Бонингтон. Чрезвычайно просто. Если в вашем теле живет подлинная бацилла Лефлера, вы заболеваете дифтеритом; если ее двойник — вы здоровы. Что может быть проще? Истина всегда проста и всегда глубока. Опасна только полуправда. Невежественные чудаки, нахватавшись кое-каких сведений о бациллах, садятся строчить статьи в газеты, но лишь дискредитируют науку, дурачат и вводят в заблуждение немало честных, достойных людей. Однако у науки всегда наготове исчерпывающий и в любом случае справедливый ответ подобным шарлатанам:

Ключ Пиэрид страшись мутить напрасно:
Поверхностное знание опасно.

Я отнюдь не пытаюсь умалить заслуги вашего поколения, сэр Патрик. Многие из вас, старых практиков, делали чудеса благодаря своей профессиональной интуиции и клиническому опыту. Но когда я вспоминаю о среднем враче ваших дней, об этом невежде, который наугад пускал кровь, делал промывания, стряхивал на больного кучи

бацилл со своего костюма и инструментов; когда я сравниваю все это с тем простым, надежным и подлинно научным методом, которым я вылечил маленького принца, я не могу без гордости думать о моем собственном поколении, о людях, воспитанных на бактериологии, о ветеранах великой борьбы за эволюционную теорию в семидесятых годах. Мы, конечно, тоже ошибаемся, но мы все-таки настоящие ученые! Вот почему я принимаю ваш метод лечения, дорогой Риджен, и стараюсь внедрить его Он строго научен. *(Садится на стул подле кушетки.)*

Эмми *(в дверях)*. Доктор Бленкинсоп.

Доктор Бленкинсоп — человек совсем другого склада, нежели присутствующие. Весь его вид говорит о том, что он неудачник. Он хил и слаб, плохо питается и плохо одевается. Морщины вокруг глаз свидетельствуют о том, что ему знакомы угрызения совести; морщины, избороздившие щеки, — о том, что он постоянно удручен безденежьем и воспоминаниями о лучших днях. Он здоровается со своими процветающими коллегами с непринужденностью однокашника и сотоварища по клинике, но даже тут ему приходится преодолевать застенчивость, присущую беднякам из низших слоев среднего класса.

Риджен. Здравствуйте, Бленкинсоп.

Бленкинсоп. Я зашел, чтобы принести вам свои скромные поздравления. Боже мой, да здесь собрались все светила медицины!

Бонингтон *(покровительственно, но любезно)*. Как поживаете, Бленкинсоп? Как поживаете?

Бленкинсоп. И даже сам сэр Патрик!

Сэр Патрик ворчит себе под нос.

Риджен. Вы, конечно, знакомы с Уолполом?

Уолпол. Здравствуйте.

Бленкинсоп. Нет, не имел чести. Такой безвестный практик, как я, редко сталкивается с вами, великими людьми. Я не знаю никого, кроме моих однокашников по больнице святой Анны. *(Риджену.)* Итак, вы теперь сэр Колензо. Как вы себя чувствуетет в новой роли?

Риджен. На первых порах довольно глупо. Не стоит об этом.

Бленкинсоп. Стыдно сознаться, но я не имею понятия, в чем заключается ваше великое открытие. Тем не менее как старый коллега поздравляю вас.

Бонингтон *(шокирован)*. Но дорогой мой Бленкинсоп, вы же, бывало, всегда интересовались наукой.

Бленкинсоп. Мало ли что было. У меня, например, всегда было несколько хороших вечерних костюмов. И спортивных тоже — в них я по воскресеньям занимался греблей. А теперь видите? Это мой лучший костюм, и нового мне до рождества не купить. Что поделаешь? За тридцать лет практики я ни разу не раскрыл книги. Сперва я еще читал медицинские журналы, но вы сами знаете, как быстро от этого отвыкаешь, да и денег на них у меня не было. К тому же, они носят исключительно коммерческий характер: в них печатают одну рекламу. Словом, совершенно отстал от науки и не пытаюсь это скрывать. Правда, у меня большой клинический и практический опыт, а ведь опыт — это главное, не так ли?

Бонингтон. Безусловно, так, но при одном непременном условии — что вы вооружены здравой научной теорией, которая подкрепляет ваши наблюдения у постели больного. Без нее опыт — ничто. Если я подведу к больному свою собаку, она увидит то же, что вижу я, но не сделает из этого никаких выводов. Почему? Да потому, что она не вооружена научной теорией.

Уолпол. Мне просто смешно, когда вы, терапевты и врачи-практики, рассуждаете о клиническом опыте. Что вы видите у постели больного? Наружность пациента — и только. А что это дает, кроме как при кожных болезнях? Ничего. Главное, это повседневное наблюдение за внутренней жизнью организма, а такое наблюдение возможно лишь у операционного стола. Я знаю, что говорю. Я уже двадцать лет занимаюсь хирургией и не знаю ни одного случая, когда терапевт-практик поставил бы верный диагноз. Покажите ему самый простой случай, и он найдет у больного все что угодно — рак, артрит, аппендицит и прочие «иты», но только не обычное заражение крови, которое сразу же обнаружит любой опытный хирург.

Бленкинсоп. Вам легко рассуждать, джентльмены. Но что бы вы сказали, будь вы врачами-практиками, как я? Если не считать рабочих, за которых платит профессиональный союз, моя клиентура целиком состоит из конторщиков и приказчиков. Они не могут болеть: это им не по карману. А уж если им пришлось слечь, чем я могу им помочь? Вы посылаете своих пациентов в Сен-Мориц или Египет, прописываете им прогулки верхом, катание

на автомобиле, замороженное шампанское или перемену климата и полный отдых на полгода. А я с таким же успехом могу прописать своим больным путешествие на Луну. И, что хуже всего, я сам беден и подрываю свое здоровье той пищей, какой вынужден довольствоваться. У меня плохой желудок, и это сразу видно. Разве я способен внушить доверие к себе? *(Сокрушенно опускается на кушетку.)*

Риджен *(взволнованно)*. Не надо, Бленкинсоп: все это слишком печально. Больной врач — что может быть трагичнее?

Уолпол. Совершенно верно. Это все равно, что лысый, который продает средство от выпадения волос. Какое счастье, что я хирург!

Бонингтон *(сияя)*. А вот я никогда не болею. Не болел ни разу в жизни. Поэтому я особенно сочувствую своим пациентам.

Уолпол *(с интересом)*. Как! Вы никогда не болели?

Бонингтон. Никогда!

Уолпол. Очень интересно. Уверен, что у вас нет червеобразного отростка. Если вы когда-нибудь почувствуете недомогание, приходите ко мне. Мне бы очень хотелось вас исследовать.

Бонингтон. Благодарю, мой милый, но сейчас я слишком занят.

Риджен. Как раз перед вашим приходом, Бленкинсоп, я рассказывал, что чувствую страшное переутомление.

Бленкинсоп. Давать советы такому выдающемуся врачу, как вы, вероятно, большое нахальство с моей стороны, но у меня все же немалый опыт. Я бы рекомендовал вам ежедневно, за полчаса до обеда, съедать фунт спелых слив. Убежден, что вскоре вы почувствуете себя гораздо лучше. Кроме того, сливы сейчас очень дешевы.

Риджен. Какого вы мнения на этот счет, милый Б. Б.?

Бонингтон *(одобрительно)*. Очень разумный совет, Бленкинсоп. Очень разумный. Счастлив узнать, что вы тоже противник медикаментов.

Сэр Патрик ворчит.

(Лукаво.) Ага! Ха-ха-ха! Кто это ворчит там у камина? Старая школа защищает свои лекарства? Поверьте, Пэдди, если бы мы уничтожили все аптеки в Англии, люди были бы куда здоровее. Почитайте газеты. Всюду — крикливая реклама всевозможных патентованных средств!

Колоссальная коммерческая система шарлатанства и отравительства! А кто виноват? Мы. Да, мы. Мы подаем пример! Мы насадили суеверие. Мы приучили людей верить всяким микстурам, и теперь они сами покупают их в аптеке, даже не советуясь с врачом.

Уолпол. Совершенно верно. За последние пятнадцать лет я не прописал ни одного лекарства.

Бонингтон. Лекарства помогают подавлять симптомы болезни, но не исцеляют ее. Подлинное лекарство от всех недугов состоит в том, чтобы следовать природе. Поверьте, сэр Патрик, природа и наука — одно, хоть вас и учили, что это не так. Создав белые кровяные тельца, как называете их вы, или фагоциты, как называем их мы, природа снабдила людей естественным средством для борьбы с микробами и для уничтожения их. Таким образом, есть лишь один подлинно научный метод лечения любой болезни, и состоит он в том, чтобы способствовать образованию фагоцитов. Да, фагоцитов. Лекарства же — только обман. Найдите возбудителя болезни и приготовьте из него соответствующий антитоксин, который и впрыскивайте три раза в день за четверть часа до еды. Что это даст? Да то, что образование фагоцитов ускорится, они уничтожат возбудителей болезни, и пациент выздоровеет, если, конечно, болезнь его не была слишком запущена. В этом и состоит, насколько я понимаю, сущность открытия Риджена.

Сэр Патрик *(мечтательно)*. Вот я сижу здесь, и мне кажется, будто я опять слышу своего бедного старика отца.

Бонингтон *(привстав от изумления, недоверчиво)*. Своего отца? Господи помилуй! Но ведь вашему отцу было тогда, наверно, еще больше лет, чем вам сейчас, Пэдди.

Сэр Патрик. И все-таки вы почти слово в слово повторяете его слова. Никаких лекарств. Только прививки.

Бонингтон *(полупрезрительно)*. Прививки! Вы имеете в виду прививку от оспы?

Сэр Патрик. Да, сэр. В узком семейном кругу мой отец откровенно выражал уверенность в том, что оспенные прививки помогают не только от этой болезни, но и от любой лихорадки.

Бонингтон *(вскакивает, неожиданно заинтересованный и возбужденный новой идеей)*. Что? Слыхали, Риджен? Не могу передать вам, сэр Патрик, как поразили меня ваши слова. Ваш отец, сэр, предвосхитил мое собственное открытие. Уолпол, Бленкинсоп, минуту внимания: это вас,

безусловно, заинтересует. Я вышел на верную дорогу совершенно случайно. В больнице у меня бок о бок лежали два пациента – церковный сторож и уличный проповедник. У одного брюшной тиф, у другого столбняк. Подумайте, как не повезло этим беднягам! Разве будет у сторожа внушительный вид, если у него брюшной тиф? И разве в силах проповедник говорить красноречиво, если у него спазм челюсти? Нет. Ни в коем случае. Итак, я достаю у Риджена немного брюшнотифозного антитоксина и выписываю противостолбнячную сыворотку Малдули. Но тут у проповедника начинаются судороги, и он смахивает лекарства с тумбочки. Я поднимаю их, но ставлю средство Риджена на место препарата Малдули. В результате больной брюшным тифом получает прививку от столбняка, и наоборот.

На лицах врачей появляется озабоченное выражение.

(Торжествующе улыбается.) И оба поправляются. Да, да, поправляются! Проповедник совершенно здоров, если не считать легкой пляски святого Витта; а сторож – тот даже в десять раз крепче, нежели до болезни.

Бленкинсоп. Я знаю: такие случаи бывают. Они совершенно необъяснимы.

Бонингтон *(строго)*. Для науки, Бленкинсоп, необъяснимого нет. Как поступил я? Сложил руки и признал, что этот случай необъясним? Ничего подобного. Я сел и начал размышлять. Обдумал вопрос с научных позиций. Спросил себя: почему проповедник, погибавший от столбняка, не умер от брюшного тифа, а сторож, погибавший от брюшного тифа, не умер от столбняка? Вот задача для вас, Риджен. Думайте, сэр Патрик. Размышляйте, Бленкинсоп. Взгляните на дело без предубеждения, Уолпол. В чем, по существу, заключается действие антитоксина? В том, что он активизирует фагоциты. Отлично! Но коль скоро вы активизируете фагоциты, то не все ли равно, какой сывороткой вы для этого пользуетесь? Ха-ха-ха! Ну, поняли? Схватили мою мысль? С тех пор я применяю без разбора любые антитоксины, и результаты превосходные. Ваш препарат, Риджен, я впрыснул маленькому принцу только потому, что хотел помочь вам выдвинуться; однако еще два года тому назад я попробовал лечить скарлатину пастеровской сывороткой от бешенства, и она прекрасно подействовала. Прививка активизирует фагоциты, а фагоциты доделывают остальное. Вот почему отец

сэра Патрика считал, что прививка лечит любые лихорадки. Она активизирует фагоциты. *(Устало опускается в кресло и, в сознании своего торжества, дарит присутствующих великолепной улыбкой.)*

Эмми *(в дверях)*. Мистер Уолпол, ваша машина заехала за вами и перепугала лошадей сэра Патрика. Идите-ка скорее вниз.

Уолпол. До свиданья, Риджен.

Риджен. До свиданья, и еще раз спасибо.

Бонингтон. Вы поняли мою точку зрения, Уолпол?

Эмми. Не задерживайте его, сэр Ралф, не то лошади от нетерпения к нам во двор въедут.

Уолпол. Иду, иду. *(Бонингтону.)* В ваших рассуждениях нет ни капли смысла. Все эти фагоциты — чушь: в каждом данном случае налицо заражение крови, и единственное средство от него — скальпель. Будьте здоровы, сэр Пэдди. Рад был познакомиться с вами, мистер Бленкинсоп. Идемте, Эмми. *(Уходит в сопровождении Эмми.)*

Бонингтон *(с грустью)*. Какой слабый интеллект! Сразу видно — хирург. Правда, режет он превосходно, но что такое, в конце концов, хирургия? Ремесло и только. Главное, мозг, мозг. Аппендикс — чушь, такого органа не существует. Это просто-напросто случайный нарост на стенке кишок, встречающийся у двух с половиной процентов населения, не больше. Разумеется, эта операция теперь в моде, и я рад за Уолпола — он милый, славный человек. Я сам всегда говорю пациентам, что такая операция им не повредит. В самом деле, небольшая нервная встряска и двухнедельный отдых в постели даже полезны после утомительного лондонского сезона. И все-таки это — беззастенчивое шарлатанство. *(Встает.)* Ну, а теперь мне пора. До свиданья, Пэдди.

Сэр Патрик ворчит.

До свиданья, до свиданья! До свиданья, милейший Бленкинсоп, до свиданья! До свиданья, Риджен! И не беспокойтесь о своем здоровье: вы же сами знаете, что надо делать. Если шалит печень — примите что-нибудь ртутное. Если беспокоят нервы, попробуйте бромид. Если это не поможет, прибегните к возбуждающему — капелька фосфора и стрихнина. А если нет сна — тринал, тринал и еще раз трио...

Сэр Патрик *(сухо)*. Только помните, Колли: никаких лекарств.

Бонингтон *(твердо)*. Совершенно верно, сэр Патрик, никаких лекарств. В отдельных случаях, разумеется, можно, но как метод лечения нет и еще раз нет. Делайте, что хотите, дорогой Риджен, но держитесь подальше от аптек.

Риджен *(провожая его до двери)*. Постараюсь. И спасибо за поздравления. До свиданья!

Бонингтон *(останавливаясь в дверях, блестя глазами и слегка подмигивая)*. Кстати, кто она такая, ваша пациентка?

Риджен. Какая пациентка?

Бонингтон. Та, что ждет внизу. Прелестная женщина с туберкулезным мужем.

Риджен. Как! Она еще не ушла?

Эмми *(заглядывая в дверь)*. Поторопитесь, сэр Ралф. Ваша жена заждалась вас в экипаже.

Бонингтон *(разом трезвея)*. Ах, да! Ну, до свиданья! *(Поспешно уходит.)*

Риджен. Эмми, эта женщина так и не ушла? Если она все еще здесь, скажите ей раз и навсегда, что я не могу и не хочу ее принять. Понятно?

Эмми. А ей не к спеху. Она подождет. *(Уходит.)*

Бленкинсоп. Мне тоже пора. Каждые полчаса безделья стоят мне восемнадцать пенсов. До свиданья, сэр Патрик!

Сэр Патрик. До свиданья, до свиданья!

Риджен. Давайте позавтракаем вместе на следующей неделе.

Бленкинсоп. Не могу, дорогой мой: такой завтрак мне не по карману; к тому же целую неделю потом моя обычная пища будет вызывать у меня отвращение. А за приглашение спасибо.

Риджен *(смущенный бедностью Бленкинсопа)*. Не могу ли я чем-нибудь вам помочь?

Бленкинсоп. Не найдется ли у вас старого фрака? То, что вам кажется старым, для меня будет новым. Словом, вспомните обо мне, когда будете пересматривать свой гардероб. До свиданья! *(Быстро уходит.)*

Риджен *(провожая его взглядом)*. Бедняга! *(Поворачивается к сэру Патрику.)* Так вот за что мне дали титул! Вот что такое профессия врача!

Сэр Патрик. Превосходная профессия, мой мальчик. Знай вы, как я, насколько невежественны и суеверны наши пациенты, вы бы поняли, что для них и мы-то слишком хороши.

Риджен. Выходит, мы не профессионалы, а форменные заговорщики.

Сэр Патрик. Все профессионалы в заговоре против непосвященных. Но не каждый так гениален, как вы. Заболеть может каждый дурак, но не каждый дурак может быть хорошим врачом. У нас до сих пор еще мало хороших врачей. И при всем том Блумфилд Бонингтон убивает меньше людей, чем вы.

Риджен. Вполне возможно. Но ему все-таки полагалось бы знать разницу между прививкой и антитоксином. Активизировать фагоциты! Да ведь прививки вовсе не действуют на них. Он путаник, безнадежный, опасный путаник! Дать ему в руки сыворотку, значит, стать убийцей, настоящим убийцей.

Эмми *(возвращается)*. Ну, сэр Патрик? Долго еще лошадям дожидаться вас на таком ветру?

Сэр Патрик. А вам-то что, старая образина?

Эмми. Ну-ну, полегче! Нечего на меня набрасываться! Колли пора за работу садиться.

Риджен. Ведите себя прилично, Эмми. И марш отсюда!

Эмми. Я-то научилась вести себя прилично еще до того, как научила этому вас. Знаю я вас, врачей: вы только и делаете, что судачите друг о друге, а о бедных больных даже не думаете. Лошадей я тоже знаю, сэр Патрик: я ведь из деревни. Ну, будьте паинькой, и пойдем.

Сэр Патрик *(встает)*. Ладно уж, ладно. До свиданья, Колли. *(Потрепав Риджена по плечу, направляется к двери, но на мгновение останавливается, задумчиво смотрит на Эмми и прочувствованно объявляет.)* Да, вы безусловно старая образина и чертовка!

Эмми *(возмущенно, ему вслед)*. Тоже мне красавец нашелся! *(Возбужденно, Риджену.)* Эти ваши гости вести себя не умеют. Думают, что мне можно любую гадость сказать, а вы еще сами их подстрекаете. Но я всех на место поставлю. Ну, решайте, примете вы бедняжку или нет?

Риджен. В сотый раз повторяю: никого я не приму. Выставьте ее.

Эмми. А мне надоело слышать: «Выставьте ее! Гоните ее!» Ей этим не поможешь.

Риджен. Вы, что, хотите, чтобы я всерьез рассердился, Эмми?

Эмми *(вкрадчиво)*. Ну, хоть ради меня, поговорите с ней минуточку. Будьте пай-мальчиком. Она дала мне целых пол-

кроны. Ей сдается, что жизнь ее мужа зависит от того, примете вы ее или нет.

Риджен. Значит, она ценит жизнь мужа всего в полкроны?

Эмми. Это все, что нашлось у бедняжки. Другие-то и полсоверена выложат, только бы с вами потолковать, да ведь для этих вертихвосток полсоверена пустяк. К тому же, после разговора с ней у вас хорошеее настроение будет: и доброе дело сделаете, и на дамочку в вашем вкусе полюбуетесь.

Риджен. Ей-богу, она недурно устроилась. За полкроны сумела получить консультацию у сэра Ралфа Блумфилда Бонингтона и Катлера Уолпола. За одно это выкладывают шесть гиней. С Бленкинсопом она, по-моему, тоже советовалась — вот вам еще восемнадцать пенсов.

Эмми. Значит, вы примете ее ради меня? Примете?

Риджен. Ох, давайте ее сюда и убирайтесь ко всем чертям!

Эмми с довольным видом уходит.

(Кричит.) Редпенни!

Редпенни *(появляясь в дверях)*. В чем дело?

Риджен. Сейчас ко мне придет пациентка. Если я не сплавлю ее через пять минут, зайдите и скажите, что меня срочно вызывают в клинику. Ей надо дать понять, что пора уходить. Ясно?

Редпенни. Ясно. *(Исчезает.)*

Риджен подходит к зеркалу и поправляет галстук.

Эмми *(докладывает)*. Миссис Дюбеда.

Риджен отходит от зеркала и направляется к письменному столу.

Дама входит. Эмми закрывает дверь и удаляется. Риджен с непроницаемым лицом и отчужденно профессиональным видом поворачивается к посетительнице и жестом приглашает ее сесть на диван.

Миссис Дюбеда, несомненно, на редкость привлекательная молодая женщина. Грация и романтичность дикарки сочетаются в ней с изяществом и достоинством светской дамы. Риджен, человек весьма чувствительный к женской красоте, инстинктивно занимает оборонительную позицию и становится внешне еще суше. Ему кажется, что гостья очень хорошо одета, хотя она просто сложена так, что ей пойдет любое платье; держится она с естественным достоинством женщины, ни разу в жизни не думавшей о своем общественном положении и чуждой

тем сомнениям и страхам на этот счет, которые так портят манеры представителей среднего класса. Она высокого роста, стройная и сильная; волосы у нее темные и причесаны так, что похожи именно на волосы, а не на птичье гнездо или клоунский парик (полюсы, между которыми колеблется мода наших дней). У нее удивительно узкие и красивые глаза с черными ресницами, и, когда она в возбуждении широко раскрывает их, весь ее облик разом меняется. У нее мягкая, но настойчивая манера говорить, быстрые движения. Сейчас она страшно взволнована. В руках у нее папка.

Миссис Дюбеда *(тихо, но настойчиво)*. Доктор...

Ридженен *(сухо)*. Минутку. Считаю долгом заранее предупредить, что ничего не могу для вас сделать. Я завален работой. Я уже сообщил вам об этом через свою служанку, но вы не удовлетворились моим ответом.

Миссис Дюбеда. Могла ли я им удовлетвориться?

Ридженен. Вы подкупили ее.

Миссис Дюбеда. Я...

Ридженен. Впрочем, неважно. Она упросила меня принять вас. Надеюсь, теперь вы поверите, если я лично скажу вам, что при всем желании не могу взять еще одного пациента.

Миссис Дюбеда. Доктор, вы должны спасти моего мужа! Должны! Я все объясню вам, и вы сами поймете, что должны. Это не обыкновенный случай, это совсем особый случай. Мой муж не такой, как все. Поверьте, не такой. Я могу это доказать. Я... *(Берется за папку.)* Я кое-что вам покажу. Вы можете спасти его, все газеты уверяют, что можете.

Ридженен. Что у вашего мужа? Туберкулез?

Миссис Дюбеда. Да, левое легкое...

Ридженен. Достаточно. Не входите в подробности.

Миссис Дюбеда. Вы *можете* вылечить его — вам стоит лишь захотеть. Да, можете. Ведь это же правда? *(В отчаянии.)* Умоляю вас, ответьте мне.

Ридженен *(предостерегающим тоном)*. Надеюсь, вы успокоитесь и возьмете себя в руки?

Миссис Дюбеда. Конечно, конечно. Простите меня. Я знаю, что мне нельзя... *(Снова с отчаянием.)* Скажите только, что вы спасете его, и я справлюсь с собой.

Ридженен *(надменно)*. Я не шарлатан. Если вы ждете чудес, идите к тем, кто ими торгует. *(Устыдившись своего тона,*

овладевает собой.) У меня в клинике лежит десять человек с туберкулезом, и я верю, что могу спасти их.

Миссис Дюбеда. Слава богу!

Риджен. Одну минуту. Представьте себе, что это не десять больных, а десять жертв кораблекрушения на утлом плоту. Больше на нем никому не поместиться. Вдруг в волнах показывается новая голова. Еще один человек просится на плот. Он умоляет капитана спасти его. Но капитан может сделать это, лишь сбросив в море одного из десяти спасенных и ценой его жизни освободив место для вновь прибывшего. Вот о чем вы просите.

Миссис Дюбеда. Как так? Не понимаю. Конечно...

Риджен. Положитесь на мое слово: дело обстоит именно так. Моя лаборатория, персонал клиники и я сам – все мы работаем в полную меру сил. Мы на пределе. Метод лечения у нас новый. Он требует времени, средств, знаний, и взять еще одного больного у нас нет возможности. Те десять пациентов, которых мы лечим, отобраны специально. Вы понимаете, что это значит – отобраны специально?

Миссис Дюбеда. Отобраны специально? Нет, не понимаю.

Риджен *(сурово). Придется* понять. Вы обязаны понять и взглянуть правде в лицо. В каждом из десяти этих случаев я должен считаться не только с тем, можно ли спасти больного, но и с тем, заслуживает ли он спасения. Я выбирал из пятидесяти пациентов, и сорок из них пришлось осудить на смерть. А ведь у многих из них молодые жены и малые дети. Если б я мог руководствоваться только мыслью о том, насколько тяжело они больны, они были бы спасены давно. Не сомневаюсь: у вашего мужа тяжелая форма туберкулеза – недаром у вас слезы на глазах.

Миссис Дюбеда поспешно вытирает глаза.

Я знаю, что как только замолчу, на меня обрушится водопад ваших просьб. Но все это бесполезно. Обратитесь к другому врачу.

Миссис Дюбеда. А вы можете назвать врача, которому известен ваш секрет?

Риджен. У меня нет секретов. Я не шарлатан.

Миссис Дюбеда. Простите, я не имела в виду ничего дурного. Я только не знаю, как с вами говорить. Не обижайтесь, пожалуйста.

Ридж ен *(опять чуть-чуть пристыжен)*. Полно, полно! *(Смягчается и садится на стул.)* Не обращайте внимания — я говорю глупости. В сущности, я тоже шарлатан, шарлатан с дипломом. Кстати, мое открытие не запатентовано.

Миссис Дюбеда. Значит, моего мужа может вылечить любой врач? Почему же это никому не удается? Я уже обращалась к стольким специалистам, истратила столько денег! Ну, что вам стоит назвать такого врача!

Ридж ен. На этой улице в каждом доме живет врач. Но кроме меня да еще нескольких человек, которых я обучаю в больнице святой Анны, никто не умеет применять мой метод лечения опсонином. А наша клиника переполнена. Мне очень жаль, но это все, что я могу вам сказать. *(Встает.)* До свиданья!

Миссис Дюбеда *(в порыве отчаяния выхватывая из папки несколько эскизов)*. Взгляните, доктор. Вы же знаете толк в живописи: у вас в приемной висит несколько хороших картин. Посмотрите — это его работы.

Ридж ен. Зачем? Это бесполезно. *(Все-таки смотрит.)* Ого! *(Берет один из эскизов, подходит к окну и разглядывает.)* Да, по-настоящему хорошо. Очень, очень... *(Смотрит еще один эскиз и поворачивается к посетительнице.)* Прекрасные работы. Видимо, еще не законченные?

Миссис Дюбеда. Он так быстро устает. Но вы же сами видите: у него талант. Он заслуживает того, чтобы вы его спасли, правда? Ох, доктор, я ведь даже замуж за него вышла для того, чтобы помочь ему пробиться: у меня были кое-какие деньги, и я хотела поддержать его в первые трудные годы, дать ему возможность отдаться вдохновению, пока его талант не получит признания. Я пригодилась ему и как натурщица: рисунки, которые он делал с меня, хорошо раскупались.

Ридж ен. Вы их не захватили с собой?

Миссис Дюбеда *(вынимая из папки лист)*. Только этот. Он был первым.

Ридж ен *(пожирая рисунок глазами)*. Превосходная вещь. А почему он назван «Дженифер»?

Миссис Дюбеда. Так меня зовут.

Ридж ен. Редкое имя.

Миссис Дюбеда. Только не в Корнуолле. Я ведь родом оттуда. Дженифер то же самое, что Джиневра.

Ридж ен *(не без удовольствия повторяя)*. Джиневра... Дженифер... *(Снова разглядывает рисунок.)* Да, вещь в самом

деле превосходная. Прошу прощения, но все же осмелюсь спросить: он не продается? Я бы купил.

Миссис Дюбеда. Ах, возьмите его так – он принадлежит мне. Это подарок мужа. Возьмите рисунок, возьмите все, возьмите, что угодно, требуйте всего, что хотите, только спасите его. Вы можете, вы должны его спасти и вы спасете его.

Редпенни *(вбегая в комнату, встревоженно)*. Звонили из клиники. Вас просят немедленно приехать – умирает больной. Экипаж у подъезда.

Риджен *(нетерпеливо)*. Чепуха! Идите. *(Раздраженно.)* Как вы смеете врываться ко мне?

Редпенни. Но...

Риджен. Помолчите. Разве вы не видите? Я занят. Идите.

Озадаченный Редпенни уходит.

Миссис Дюбеда *(вставая)*. Еще минутку, доктор, пока вы не ушли.

Риджен. Садитесь и не обращайте внимания.

Миссис Дюбеда. А как же больной? Этот человек сказал, что больной при смерти.

Риджен. А, пустяки! Он уже умер. Не обращайте внимания и садитесь.

Миссис Дюбеда *(в отчаянии опускаясь на стул)*. Ах, вас ничто не трогает! Вы ведь каждый день видите, как люди умирают.

Риджен *(успокаивая ее)*. Вздор! Никто не умирает. Просто я велел ему минут через пять войти и вызвать меня. Я думал, что мне придется отделаться от вас.

Миссис Дюбеда *(потрясенная таким вероломством)*. О!

Риджен *(тем же тоном)*. Не смотрите на меня так испуганно. Никто не умирает.

Миссис Дюбеда. Умирает мой муж.

Риджен *(спохватываясь)*. Ах, да! Про него-то я и забыл. Вы требуете от меня очень серьезного шага, миссис Дюбеда.

Миссис Дюбеда. Я прошу вас об одном – спасите жизнь выдающемуся человеку.

Риджен. Вы требуете, чтобы ради его спасения я убил другого человека: взяв нового пациента, я вынужден буду лечить одного из старых прежним методом. Впрочем, это меня не пугает. Я уже делал так и сделаю вновь, если вы сумеете доказать мне, что жизнь вашего мужа ценнее жизни самого последнего из больных, которых я сейчас спасаю. Но вы должны это доказать.

Миссис Дюбеда. Вот его рисунки, и они — не лучшие, далеко не лучшие. Самые лучшие я не принесла — они нравятся не каждому. Мужу двадцать три, вся жизнь у него еще впереди. Можно мне привезти его сюда? Вы поговорите с ним и сами убедитесь.

Ридженен. Хватит ли у него сил приехать пообедать со мной в гостинице «Звезда и подвязка» в Ричмонде?

Миссис Дюбеда. Разумеется. А зачем?

Ридженен. Сейчас объясню. По случаю пожалования мне титула я пригласил на обед всех своих старых друзей... Да вы, наверно, читали об этом в газетах?

Миссис Дюбеда. Да, да, читала. Из них я и узнала про вас.

Ридженен. Это будет обед для врачей, и притом холостяцкий обед. Сам я холостяк. Если вы согласитесь взять на себя роль хозяйки и привезете туда мужа, он познакомится и со мной, и с самыми видными моими коллегами — с сэром Патриком Келеном, с сэром Ралфом Блумфилдом Бонингтоном, с Катлером Уолполом и другими. Я покажу им вашего мужа, и все решится в зависимости от того, как он выдержит испытание. Приедете?

Миссис Дюбеда. Конечно, приеду. Ах, благодарю вас, благодарю! А можно мне захватить с собой рисунки мужа, те, что по-настоящему хороши?

Ридженен. Да. Точную дату я сообщу вам завтра. Оставьте мне свой адрес.

Миссис Дюбеда. Еще раз благодарю. Вы просто осчастливили меня. Я уверена, мой муж понравится вам и вы полюбите его. Вот мой адрес. *(Протягивает визитную карточку.)*

Ридженен. Спасибо. *(Звонит.)*

Миссис Дюбеда *(растерянно)*. Могу я... Я хочу сказать... Я... *(Краснеет и смущенно смолкает.)*

Ридженен. В чем дело?

Миссис Дюбеда. Ваш гонорар за консультацию?

Ридженен. Ах да, совсем забыл. Скажем так: великолепный набросок с его излюбленной модели за все консультации и курс лечения?

Миссис Дюбеда. Вы очень великодушны. Благодарю. Я знаю, вы его вылечите. До свиданья!

Ридженен. Постараюсь. До свиданья!

Они обмениваются рукопожатием.

Кстати, помните, что туберкулез — заразная болезнь.

Надеюсь, вы принимаете все меры предосторожност
Миссис Дюбеда. Разве об этом можно забыть? В гост
ницах нас сторонятся, как прокаженных.
Эмми *(в дверях)*. Ну, милочка, окрутили его?
Ридженн. Да, окрутила. Закройте дверь и попридержите язы
Эмми. Вот сегодня вы пай-мальчик. *(Уходит вместе с мисс
Дюбеда.)*
Ридженн *(один)*. Прием бесплатный. Излечение гарантиров
но. *(Тяжело вздыхает.)*

Терраса гостиницы «Звезда и подвязка» в Ричмонде. Погожий летний вечер, вокруг безмолвие лишь изредка нарушаемое протяжным грохотом дальнего поезда или мерным всплеском весел внизу, в долине, где течет Темза.
Обед кончился. Три стула из восьми пустуют. Во главе квадратного стола, рядом с Ридженом, лицом к зрителю, сидит сэр Патрик. Напротив них два свободных стула. Справа от них один стул свободен, на другом развалился Бонингтон, наслаждаясь лунным сиянием. Слева — Шуцмахер и Уолпол. Вход в гостиницу справа, за спиной Бонингтона. Пятеро мужчин молча смакуют кофе и курят; они сыты по горло и чуточку навеселе.
Входит миссис Дюбеда в пальто и шляпе. Врачи, кроме сэра Патрика, встают; однако она садится на свободный стул рядом с Бонингтоном, и мужчины снова занимают свои места.

Миссис Дюбеда *(входя)*. Луи сейчас вернется. Он пошел к телефону с доктором Бленкинсопом — тот не умеет сам обращаться с аппаратом. *(Садится.)* Ах, как обидно, что пора уезжать! Ночь такая дивная. И мы так приятно провели время.

Риджен. Не думаю, чтобы мистеру Дюбеда повредили какие-нибудь лишние полчаса.

Сэр Патрик. Оставьте, Колли! Везите мужа домой, миссис Дюбеда, и к одиннадцати уложите его в постель.

Бонингтон. Да, да. К одиннадцати в постель. Именно так, именно так. Нам очень жаль расставаться с вами, милая миссис Дюбеда, но слово сэра Патрика... э-э... закон... в Тире и Сидоне.

Уолпол. Если позволите, я подвезу вас до дому на своей машине.

Сэр Патрик. Нет. Стыдитесь, Уолпол. Вы довезете миссис Дюбеда с мужем только до станции и довольно: ему нельзя ездить вечером в открытом автомобиле.

Миссис Дюбеда. Конечно, конечно. Поездом самое удобное.

Риджен. Разрешите поблагодарить вас, миссис Дюбеда, за приятный вечер.

Уолпол
Бонингтон } *(вместе).* В высшей степени приятный! Восхитительный, дивный, неза бываемый!

Миссис Дюбеда *(с робким беспокойством).* Как вы на шли Луи? Или лучше не спрашивать?

Риджен. Что вы! Мы все совершенно им очарованы.

Уолпол. Восхищены!

Бонингтон. Мы счастливы были познакомиться с ним. Это честь для нас, честь!

Сэр Патрик ворчит.

Миссис Дебюда *(торопливо).* Он вам не понравился, сэр Патрик?

Сэр Патрик *(вежливо).* Я в восторге от его рисунков, сударыня.

Миссис Дюбеда. Да, да... Но я хотела...

Риджен. Вы можете чувствовать себя счастливой. Он заслуживает, чтобы его спасли. Он должен быть и будет спасен.

Миссис Дюбеда встает, задыхаясь от радости, чувства облегчения и признательности. Все, кроме сэра Патрика и Шуцмахера, встают и подходят поближе, стараясь ее успокоить.

Бонингтон. Вне сомнения, вне всякого сомнения.

Уолпол. Это ведь не трудно, если знаешь, что надо предпринять.

Миссис Дюбеда. Ах, как мне отблагодарить вас? Только сегодня вечером я узнала наконец, что такое счастье. Вы даже не представляете себе, что со мной творится. *(Со слезами опускается на стул.)*

Врачи окружают ее и пытаются успокоить.

Бонингтон. Полно, полно, миссис Дюбеда! Перестаньте же! *(Внушительно.)* Перестаньте!

Уолпол. Не обращайте на нас внимания: вам нужно выплакаться.

Риджен. Нет, не плачьте. Ваш муж не должен знать, что мы говорили о нем.

Миссис Дюбеда *(мгновенно взяв себя в руки).* Да, да, конечно. Пожалуйста, не сердитесь на меня. Боже, как замечательно быть врачом!

Общий смех.

Не смейтесь. Вы даже не представляете себе, что вы для меня сделали. Только сегодня я поняла, в каком смер

тельном страхе находилась с тех пор, как начала подозревать худшее. Я не решалась признаться самой себе, но сейчас, когда пришло облегчение, я все поняла.

Из гостиницы на веранду выходит Луи Дюбеда. Он в пальто, горло укутано шарфом. Это стройный молодой человек двадцати трех лет, на вид совсем еще мальчик, очень красивый, но не изнеженный. Глаза у него голубые, как бирюза; разговаривая, он смотрит в лицо собеседнику, что, вместе с открытой улыбкой, сразу располагает к нему. Человек он страшно нервный, очень впечатлительный, но отнюдь не робкий. Он моложе Дженифер, но держится с ней покровительственно. Общество врачей нисколько не подавляет его: ни возраст сэра Патрика, ни величавость Блумфилда Бонингтона не производят на него никакого впечатления. Он чувствует себя, как дома, и, хотя всячески старается понравиться врачам, обращается с ними так же непринужденно, как большинство из нас обращается с вещами. Подобно всем людям, несомненно умеющим постоять за себя, он — желанный гость в любом обществе, а свойственная ему, как художнику, способность воздействовать на воображение помогает Дюбеда казаться человеком разнообразных талантов, вне зависимости от того, обладает он ими на самом деле или нет.

Луи *(останавливаясь за стулом Риджена и натягивая перчатки).* Ну, Джинни-Гвинни, машина ждет.

Риджен. Зачем вы позволяете мужу коверкать ваше прелестное имя, миссис Дюбеда?

Миссис Дюбеда. В торжественных случаях я для него всегда Дженифер.

Бонингтон. Вам этого не понять, Риджен: вы — холостяк. Посмотрите-ка на меня.

Все поворачиваются к нему.

У меня тоже два имени. В минуты семейных непогод я просто Ралф. А когда дома светит солнце, я Бидл-Дидл-Дамкинз. Такова уж семейная жизнь. Мистер Дюбеда, могу я попросить вас о небольшом одолжении? Не подпишете ли своим именем набросок, который сделали на меню?

Уоппол. И мой тоже, пожалуйста.

Луи. Разумеется. *(Садится и подписывает наброски.)*

Миссис Дюбеда. Подпиши заодно и набросок доктора Шуцмахера, Луи.

Луи. По-моему, доктор Шуцмахер недоволен своим портретом. Я лучше разорву его. *(Обходит вокруг стола и берет меню Шуцмахера, тот не возражает.)*

Риджен. Нет, нет! Если он не нужен Луни, я возьму его себе.

Луи. Я вам его с удовольствием подпишу. *(Подписывает рисунок и протягивает Риджену.)* Я только что набросал тут этюдик вечерней реки. Из него, кажется, можно будет кое-что сделать. *(Показывает свой карманный альбом.)* Думаю назвать это «Серебристый Дунай».

Бонингтон. О, прелестно, прелестно!

Уолпол. Очень мило. Вы отлично владеете пастелью.

Луи кашляет: во-первых, из скромности, во-вторых, из-за чахотки.

Сэр Патрик. Ну, мистер Дюбеда, довольно вам дышать ночным воздухом. Везите-ка его домой, сударыня.

Миссис Дюбеда. Да, да, едем, Луи.

Риджен. Не бойтесь и не волнуйтесь. Я быстро справлюсь с его кашлем.

Бонингтон. Мы ему стимулируем фагоциты. *(С ласковым участием пожимая ей руку.)* Спокойной ночи, миссис Дюбеда! Спокойной ночи!

Уолпол. А если фагоциты подведут, приходите ко мне. Я быстро вас вылечу.

Луи. Спокойной ночи, сэр Патрик. Рад был познакомиться.

Сэр Патрик *(неразборчиво ворчит)*. ...ойной ночи!

Миссис Дюбеда. Спокойной ночи, сэр Патрик.

Сэр Патрик. Закутайтесь получше. Хоть легкие у вас лучше, чем у мужа, но все равно не железные. Спокойной ночи!

Миссис Дюбеда. Благодарю вас. Благодарю. Ничего со мной не будет. Спокойной ночи.

Луи уходит через дверь гостиницы, не замечая Шуцмахера. Миссис Дюбеда нерешительно медлит, затем кланяется ему. Шуцмахер встает и официально, на немецкий манер, раскланивается. Она уходит, Риджен провожает ее. Остальные вновь занимают свои места и молча курят, предаваясь размышлениям.

Бонингтон *(нараспев)*. Прелестная пара! Очаровательная женщина! Одаренный юноша! Изумительный талант! Великолепные рисунки! Дивный вечер! Огромный успех! Интересный случай! Чудная ночь! Потрясающий пейзаж! Замечательный ужин! Приятное общество! Веселый пик

ник! Отличное вино! Благополучный конец! Трогательная признательность! Счастливый Риджен!..

Риджен *(возвращаясь)*. В чем дело? Вы звали меня, Б. Б.? *(Садится на свое место рядом с сэром Патриком.)*

Бонингтон. Нет, нет. Я только поздравил вас с удивительно удачным вечером. Обворожительная женщина! Какие манеры! Душевное благородство! Исключительная...

Из гостиницы выходит Бленкинсоп и садится на свободный стул рядом с Ридженом.

Бленкинсоп. Извините, Риджен, но мне пришлось отлучиться: звонили из полиции. На перекрестке, рядом с моим домом, в бессознательном состоянии подобран какой-то молочник. В кармане у него нашли выписанный мною рецепт. А где мистер Дюбеда?

Риджен. Уехал.

Бленкинсоп *(сильно побледнев, встает)*. Уехал?

Риджен. Да, только что.

Бленкинсоп. Попробую догнать. *(Убегает в гостиницу.)*

Уолпол *(кричит вдогонку)*. Он на машине, его и след простыл. Вы не... *(Махнув рукой.)* Не слышит.

Риджен. В самом деле, очень милые люди. Признаюсь, я побаивался, что он окажется дикарем и невежей. А он в своем роде почти так же очарователен, как его жена. И безусловно талантлив. Такого человека, бесспорно, стоит спасти. Кому-то придется уступить ему место. Впрочем, в данном случае человека менее достойного выбрать нетрудно.

Сэр Патрик. А вы почем знаете?

Риджен. Полно вам ворчать, сэр Пэдди. Выпейте-ка лучше.

Сэр Патрик. Нет, благодарю.

Уолпол. А что *вы* скажете о Дюбеда, Б. Б.? Он вам чем-нибудь не понравился?

Бонингтон. Очаровательный юноша! Чем он может не понравиться? Посмотрите на него. Ну, чем он может не понравиться?

Сэр Патрик. В жизни каждого человека есть две области, где все должно быть в порядке. Во-первых, денежные дела. Во-вторых, женщины. Пока вы не уверены, что человек безупречен в этих отношениях, судить о нем нельзя.

Бонингтон. Ах вы циник! Циник!

Уолпол. Что касается денежных дел, тут у него все в порядке — по крайней мере, сейчас. Перед обедом он откровенно рассказал мне о материальных трудностях, с которы-

ми приходится сталкиваться художнику. Он уверяет, что скромен в своих привычках и вообще экономен, но у него есть одна прихоть, от которой он не в силах отказаться, хотя и не может себе ее позволить. Это — желание хорошо одевать жену. Тут я не удержался и ляпнул: «Позвольте одолжить вам двадцать фунтов. Вернете, когда станете на ноги». Он принял это очень мило, вполне по-мужски. Просто приятно было смотреть, как бедняга обрадовался.

Бонингтон *(следивший за словами Уолпола со все возрастающим изумлением)*. Э-э... позвольте, а когда это произошло?

Уолпол. Когда я приехал и нашел вас всех внизу у реки.

Бонингтон. Но как раз перед вашим приходом, милый Уолпол, он занял у меня десять фунтов.

Уолпол. Что?

Сэр Патрик ворчит.

Бонингтон *(снисходительно)*. Ну, ладно, ладно. Это ведь даже займом не назовешь — он сказал, что один бог знает, когда он сумеет расплатиться со мной. Но я не мог не дать. Оказывается, миссис Дюбеда прониклась ко мне особым расположением...

Уолпол *(быстро)*. Нет, не к вам, а ко мне.

Бонингтон. Да нет же. Ваше имя даже не было упомянуто. У него столько работы, что ему часто приходится оставлять жену в одиночестве. Бедный наивный мальчик! Он, видимо, не представляет себе, какое положение я занимаю и сколько у меня дел — он просил меня заглядывать к ним, чтобы немножко развлечь его жену.

Уолпол. И мне он говорил то же самое.

Бонингтон. Фу! Фу! Ну, знаете... *(Встает с расстроенным видом, подходит к балюстраде и раздраженно созерцает пейзаж.)*

Уолпол. Послушайте, Риджен, дело принимает серьезный оборот.

Возвращается Бленкинсоп. Он огорчен и озабочен, но старается держаться непринужденно.

Риджен. Ну, догнали его?

Бленкинсоп. Нет. Извините, что бросил вас и убежал. *(Садится в конце стола, рядом со стулом Блумфилда Бонингтона.)*

Уолпол. Что-нибудь случилось?

Блэнкинсоп. Нет, нет. Пустяк, смешной пустяк. Не стоит об этом — все равно уже ничего не поправишь.

Риджен. Это связано с Дюбеда?

Блэнкинсоп *(почти теряя выдержку)*. Я понимаю, об этом лучше бы не рассказывать. Вы не представляете себе, Риджен, как мне тяжело выставлять напоказ свою нищету на вашем обеде, да еще когда вы отнеслись ко мне с такой добротой. Нет, я не боюсь, что вы не захотите пригласить меня в следующий раз. Просто очень уж это унизительно. А я так ждал этого вечера, когда я буду в хорошем фраке, — он ведь выглядит еще вполне прилично, — мне так хотелось забыть свои невзгоды, чтобы все было, как в старое доброе время!

Риджен. Да что же все-таки случилось?

Блэнкинсоп. Да нет, ничего. Об этом смешно даже говорить. Я наскреб на этот вечер четыре шиллинга. Дорога сюда обошлась в один шиллинг четыре пенса. Ну, а Дюбеда взял у меня в долг два с половиной шиллинга: ему надо было дать на чай горничной в дамской комнате, где его жена оставила свои вещи, и еще человеку в гардеробе. Он сказал, что через пять минут отдаст — его кошелек у жены. Я, разумеется, одолжил. А он забыл расплатиться, и теперь на обратную дорогу у меня осталось всего два пенса.

Риджен. Да не беспокойтесь вы, пожалуйста...

Блэнкинсоп *(решительно прерывая его)*. Нет. Я знаю, вы предложите мне денег, но я их не возьму. Я никогда ни у кого не занял ни пенса и не займу. У меня остались только мои друзья, а торговать дружбой я не намерен. Если при встрече со мной вы будете бояться, что я любезен с вами из желания выудить у вас пять шиллингов, для меня все кончено. Ваш старый фрак, Колли, я возьму — я не хочу, чтобы вам неприятно было встретиться со мной на улице. Но денег взаймы я от вас не приму. Я поеду на свои два пенса, а остаток пути пройду пешком.

Уотпол. Я довезу вас до самого дома на своей машине.

Все чувствуют явное облегчение.

(Торопясь увести разговор от неприятной темы.) Из *вас* он тоже кое-что выжал, мистер Шуцмахер?

Шуцмахер выразительно качает головой в знак отрицания.

Вам как будто не понравился его набросок?

Шуцмахер. Напротив, очень понравился. Я бы с удовольствием оставил его у себя и даже попросил подписать.

Бонингтон. Почему же вы этого не сделали?

Шуцмахер. А вот почему. Когда я подошел к Дюбеда после его разговора с Уолполом, он заявил, что евреи — единственные люди, смыслящие в искусстве. Хоть ему и пришлось выслушать вашу, как он выразился, филистерскую болтовню, по-настоящему его заинтересовало лишь то, что сказал о рисунках я. Он добавил также, что мои познания в искусстве произвели сильное впечатление на его жену, которая вообще очень любит евреев. И в заключение он попросил у меня взаймы пятьдесят фунтов, а в обеспечение предложил свои рисунки.

Бонингтон, Уолпол, Бленкинсоп *(перебивая друг друга)*. Быть не может! Вы серьезно? Что? Еще пятьдесят? Подумать только!

Сэр Патрик ворчит.

Шуцмахер. Я, разумеется, не счел возможным дать взаймы незнакомому человеку.

Бонингтон. Завидую вашему умению сказать «нет», Шуцмахер. Я тоже понимал, что не следует вот так, сразу, давать деньги этому молодому человеку, а отказать ему духу не хватило. Просто не мог, и все.

Шуцмахер. Этого я не понимаю. Со мной как раз наоборот: не смог дать, и все.

Уолпол. И что же он вам ответил?

Шуцмахер. Он сделал совершенно неуместное замечание о евреях, не способных понять чувства джентльмена. Должен сознаться, что на вас, христиан, не угодить. Если мы даем взаймы, вы утверждаете, что мы не джентльмены; если отказываем, вы утверждаете то же самое. Я вовсе не хотел быть невежливым. Я ответил, что, пожалуй, одолжил бы ему, будь и он евреем.

Сэр Патрик *(ворчливо)*. А он что?

Шуцмахер. А он принялся убеждать меня, что сам принадлежит к избранному народу: это доказывает его талант, да и фамилия у него не менее иностранная, чем моя. В заключение он признался, что он просто пошутил — пятидесяти фунтов ему не нужно, он удовольствуется парой соверенов.

Бонингтон. Быть не может! Этот последний штрих вы просто придумали, мистер Шуцмахер. Сознайтесь, придумали?

Шуцмахер. Нет. Выдумывать небылицы о джентльмене вроде мистера Дюбеда нет никакого смысла — природу не перещеголяешь.

Блекинсоп. Все вы, сыны избранного народа, стоите друг за друга, мистер Шуцмахер.

Шуцмахер. Отнюдь. Сам я охотней общаюсь с англичанами и люблю их больше, чем евреев. Это естественно: я — еврей, и не вижу в своих соплеменниках ничего интересного, тогда как в англичанине всегда есть нечто чуждое и потому интересное для меня. В денежных же делах — все наоборот. Поймите: когда англичанин берет у меня взаймы, он знает лишь одно, беспокоится лишь об одном — ему нужны деньги; чтобы получить их, он подпишет любой вексель, не думая и не беспокоясь о том, как он выполнит свои обязательства, если ему не повезет. А когда вы требуете, чтобы он выполнил их при любых обстоятельствах, он считает вас подлецом. Словом, все как в «Венецианском купце». Если же обязательство берет на себя еврей, он берет его с намерением выполнить и ждет того же от вас. Если ему нужны деньги на определенный срок, он занимает их и помнит, что должен уплатить долг до истечения срока. Если же он видит, что ему не расплатиться, он прямо просит подарить их ему.

Риджен. Полно, Луни! Уж не хотите ли вы сказать, что среди евреев нет ни воров, ни мошенников?

Шуцмахер. Вовсе я этого не говорю. Но речь идет не о преступниках. Я сравниваю честного англичанина с честным евреем.

Из гостиницы, боязливо озираясь, выходит горничная, хорошенькая блондинка лет двадцати пяти. Она обращается к Риджену.

Горничная. Простите, сэр...

Риджен. В чем дело?

Горничная. Простите, сэр, у меня личное дело. Нам не разрешается выходить на веранду, и меня уволят, если увидят, что я говорю с вами. Будьте добры, скажите, что сами позвали меня и спросили, вернулась ли машина с вокзала.

Уолпол. А она вернулась?

Горничная. Да, сэр.

Риджен. Так что же вам нужно?

Горничная. Вы не могли бы, сэр, дать мне адрес джентльмена, который обедал с вами?

Риджен *(резко)*. Ни в коем случае. Вы не имеете права спрашивать о таких вещах.

Горничная. Да, сэр, я знаю. Но у меня нет другого выхода.

Сэр Патрик. Что случилось?

Горничная. Нет, нет, ничего. Мне только нужен его адрес.

Бонингтон. Вы имеете в виду молодого человека?

Горничная. Да, сэр. Того, что уехал на вокзал вместе с женщиной, которая была с ним.

Риджен. С женщиной?.. Вы хотите сказать, с дамой, которая обедала здесь? Это его жена.

Горничная. Не верьте им, сэр. Она не может быть его женой. Его жена – я.

Бонингтон, Риджен, Уолпол *(изумленно и наставительно)*. Ну, знаете, дитя мое! Вы его жена? Что? Что такое? Ну, Риджен, это становится пикантным.

Горничная. Сэр, если вы не верите мне, я могу сбегать наверх и принести свое брачное свидетельство. Его зовут мистер Луи Дюбеда, не так ли?

Риджен. Да.

Горничная. Ваше дело – верить или не верить, сэр, но по закону я миссис Дюбеда.

Сэр Патрик. Отчего же вы не живете вместе с мужем?

Горничная. Нам это не по карману, сэр. Я скопила тридцать фунтов, но мы прожили их за три недели нашего медового месяца. Да еще то, что он понабрал взаймы. Мне пришлось снова пойти на службу, а он уехал в Лондон рисовать свои картины. С тех пор он не написал мне ни строчки, даже адреса не прислал. Я не знала, что с ним, и только сегодня заметила его из окна, когда он садился с этой женщиной в машину.

Сэр Патрик. Итак, для начала у него две жены?

Бонингтон. Видит бог, я не хочу быть слишком суровым, но мне, действительно, начинает казаться, что наш юный друг несколько легкомыслен.

Сэр Патрик. Начинает казаться? Сколько же времени вам понадобится, чтобы понять, что он хоть и молод, но уже отъявленный негодяй?

Бонингтон. Вы чересчур строги, сэр Патрик, чересчур! Конечно, это двоеженство, но ведь он так молод, а она так хороша. Могу я разорить вас еще на одну папиросу, мистер Уолпол? Они у вас такие приятные. *(Пересаживается к Уолполу.)*

Уолпол. С удовольствием. *(Роется в карманах.)* Ах, черт!

Куда же я... *(Внезапно спохватывается.)* Вспомнил: я передал портсигар Дюбеда, и он его не вернул. А портсигар золотой.

Горничная. Луи не хотел сделать ничего дурного. У него и в мыслях ничего такого нет, сэр. Скажите только, где его разыскать, и я верну вам портсигар, сэр.

Риджен. Как же мне быть? Дать ей адрес или не давать?

Сэр Патрик. Дайте ей свой собственный адрес, а потом решим. *(Горничной.)* Удовольствуйтесь пока этим, дитя мое.

Риджен протягивает ей свою визитную карточку.

Как вас зовут?

Горничная. Минни Тинуэл, сэр.

Сэр Патрик. Напишите мужу письмо и вручите его этому джентльмену: он передаст. А теперь ступайте.

Горничная. Благодарю вас, сэр. Я чувствовала, что вы не дадите меня в обиду. Благодарю вас, джентльмены, и простите за вольность. *(Уходит в гостиницу.)*

Все молча провожают ее глазами.

Риджен *(дождавшись, пока она скроется)*. А вы понимаете, милые друзья, что мы обещали миссис Дюбеда спасти жизнь этому юноше?

Бленкинсоп. Что с ним?

Риджен. Туберкулез.

Бленкинсоп *(с интересом)*. И вы можете его вылечить?

Риджен. Думаю, что могу.

Бленкинсоп. Тогда вылечите и меня. Как это ни прискорбно, у меня затронуто правое легкое.

Риджен, Бошингтон *(вместе)*. Как! У *вас* затронуто легкое? Да неужели, дорогой Бленкинсоп? *(Проникшись сочувствием к Бленкинсопу, отрывается от перил и подходит ближе.)*

Сэр Патрик, Уолпол *(вместе)*. Что? Что такое? Ну, знаете, с такими вещами не шутят.

Бленкинсоп *(затыкая пальцами уши)*. Нет, нет, это бесполезно. Я знаю, что вы мне скажете, я сам часто говорю своим пациентам те же слова. Я не могу беречь себя, и дело с концом. Даже если для спасения жизни мне хватит двухнедельного отпуска, то и тогда я должен уме-

реть. Меня ждет та же судьба, что всех остальных. Не у каждого есть средства, чтобы ездить в Сент-Мориц или в Египет, сэр Ралф. Не надо больше об этом.

Неловкое молчание.
Сэр Патрик ворчит и сурово смотрит на Риджена.

Шуцмахер *(смотрит на часы и встает)*. Мне пора. Благодарю за приятный вечер, Колли. Если не возражаете, я возьму свой портрет, а мистеру Дюбеда пошлю за него несколько соверенов.

Риджен *(протягивая ему меню)*. Не стоит, Луни. Мне кажется, ему будет неприятно.

Шуцмахер. Ну, если вы так считаете, я, разумеется, не пошлю. Но, по-моему, вы плохо понимаете Дюбеда. Впрочем, в данном случае я, вероятно, рассуждаю, как еврей. Спокойной ночи, доктор Бленкинсоп! *(Пожимает ему руку.)*

Бленкинсоп. Спокойной ночи!.. Э-э... Спокойной ночи!

Шуцмахер *(машет рукой остальным)*. Спокойной ночи, господа!

Уолпол
Бонингтон
Сэр Патрик
Риджен
(вместе). Спокойной ночи!

Бонингтон повторяет эти слова несколько раз, каждый — в новом тоне. Шуцмахер уходит.

Сэр Патрик. Нам тоже пора. *(Поднимается и встает между Бленкинсопом и Уолполом.)*

Риджен тоже встает.

Мистер Уолпол, отвезите Бленкинсопа домой: на сегодня с него хватит лечения свежим воздухом. У вас теплое пальто, доктор Бленкинсоп? Вам ведь ехать в машине.

Бленкинсоп. Ничего. В гостинице я попрошу оберточной бумаги: если сложить ее в несколько слоев и сунуть за пазуху, она греет лучше всякой шубы.

Уолпол. Идемте. Спокойной ночи, Колли! Вы с нами, Б. Б.?

Бонингтон. Да. Иду.

Уолпол и Бленкинсоп направляются к дверям гостиницы.

Спокойной ночи, дорогой Риджен. *(Крепкое рукопожатие.)* Не дайте нам потерять из виду вашего любопытно-

го пациента и его прелестную жену. Не будем судить о них слишком поспешно, хорошо? *(Елейно.)* Доброй-доброй ночи, Пэдди! Храни вас бог, старина!

Сэр Патрик яростно ворчит.

(Бонингтон смеется и снисходительно похлопывает его по плечу.) Доброй ночи! Доброй ночи! Доброй ночи! *(Продолжая раскланиваться, уходит в гостиницу.)*

Остальные уже ушли без церемоний. Риджен и сэр Патрик остаются одни. Риджен с задумчивым видом подсаживается к сэру Патрику.

Сэр Патрик. Ну-с, мистер исцелитель, кто из двух останется жив — честный и порядочный человек Бленкинсоп или этот растленный негодяй художник?

Риджен. Нелегкий вопрос. Бленкинсоп — честный порядочный человек, но какая от него польза? Дюбеда — растленный негодяй, но создатель подлинно прекрасных произведений — а значит, источник радости.

Сэр Патрик. Источником чего он будет для своей бедной, ни в чем не повинной жены, когда она узнает, кто ее муж?

Риджен. Вы правы. Жизнь ее станет адом.

Сэр Патрик. Скажите мне вот что. Предположим, вам предлагают выбор: прожить всю жизнь среди плохих картин, но среди хороших людей. Или, наоборот, прожить всю жизнь среди хороших картин, но среди плохих людей. Что вы предпочтете?

Риджен. Дьявольски сложная задача, Пэдди. Картины так приятны, а хорошие люди — адски неприятны и скучны. Право, не могу сразу решить, что предпочесть.

Сэр Патрик. Ну, ну довольно вам изощряться в остроумии — я слишком стар для таких упражнений. Бленкинсоп не относится к хорошим людям такого сорта, и вы это знаете.

Риджен. Все было бы просто, если бы он рисовал, как Дюбеда.

Сэр Патрик. И еще проще, если бы Дюбеда был порядочен, как Бленкинсоп. Но жизнь не упростится ради вас, мой мальчик. Принимайте ее такой, как она есть. На чаше ваших весов Дюбеда и Бленкинсоп. Будьте же справедливы.

Риджен. Постараюсь по мере сил. На одну чашу лягут все фунты стерлингов, которые занял Дюбеда; на другую — полукроны, от которых отказался Бленкинсоп.

Сэр Патрик. Не забудьте также снять с чаши Дюбеда доверие, которого он лишился, и уважение, которое утратил, а на чашу Бленкинсопа добавить доверие, которое тот оправдал, и уважение, которое к себе внушил.

Ридженн. Полно, полно, Пэдди! Со мной декламация бесполезна: я слишком большой скептик. Я отнюдь не уверен, что мир станет лучше, если все люди, ведущие себя сейчас, как Дюбеда, начнут вести себя, как Бленкинсоп.

Сэр Патрик. Почему же вы сами не ведете себя, как Дюбеда?

Ридженн. Ничего не скажешь — поймали. Здесь-то и зарыта собака. Я — на распутье. Да, на распутье. Видите ли, есть еще одно обстоятельство, которое мы не назвали.

Сэр Патрик. Какое же?

Ридженн. А вот какое. Если я дам Бленкинсопу умереть, никто не скажет, что я сделал это, чтобы жениться на его вдове.

Сэр Патрик. Это еще что за новости?

Ридженн. Дав же умереть Дюбеда, я женюсь на его вдове.

Сэр Патрик. А вдруг она не пойдет за вас?

Ридженн *(с самоуверенным видом качает головой)*. У меня хороший нюх. Я сразу чувствую, нравлюсь я женщине или нет. Этой я нравлюсь.

Сэр Патрик. Иногда мужское чутье безошибочно, иногда — нет. Вылечите-ка лучше обоих.

Ридженн. Не могу. Всему есть предел. Одного я еще как-нибудь втисну в клинику, двух — ни в коем случае. Придется выбирать.

Сэр Патрик. Ясно одно: вы обязаны выбирать так, словно этой женщины не существует.

Ридженн. Вам это ясно? А вот мне, представьте, отнюдь не ясно. Она совсем сбила меня с толку.

Сэр Патрик. По-моему, здесь все сводится к выбору между человеком и картинками.

Ридженн. Легче заменить человека, чем хорошую картину.

Сэр Патрик. Колли, мы живем в век, когда люди гоняются за картинами, статуями, пьесами и духовой музыкой, потому что их современники слишком плохи и не могут дать утешения их бедной страдающей душе; и вы должны благодарить провидение за то, что вы — человек благородной и высокой профессии, призвание которой исцелять людей.

Ридженн. Одним словом, как представитель благородной и высокой профессии, я должен убить своего пациента.

Сэр Патрик. Перестаньте молоть опасный вздор. Убить его вы не можете. Но можете передать в другие руки.

Риджен. То есть в руки Б. Б., не так ли? *(Многозначительно смотрит на собеседника.)*

Сэр Патрик *(невозмутимо выдержав его взгляд)*. Сэр Ралф Блумфилд Бонингтон весьма известный врач.

Риджен. Безусловно.

Сэр Патрик. Пойду за шляпой. *(Уходит в гостиницу.)*

Риджен звонит, входит лакей.

Риджен *(лакею)*. Счет, пожалуйста.

Лакей. Сию минуту, сэр. *(Уходит.)*

Мастерская Дюбеда. На левой со стороны зрителя стене широкое окно и, ближе к рампе, входная дверь; в дальнем конце противоположной стены дверь, ведущая в жилые комнаты. В стене прямо перед зрителем нет ни дверей, ни окон. Стены голые, если не считать нескольких эскизов и набросков углем. Слева, напротив внутренней двери, возвышение и кресло на нем; справа, напротив входной двери, мольберт, около него ломаный стул. Около мольберта у стены деревянный стол, загроможденный банками и бутылками с маслом и растворителем, запачканными краской тряпками, тюбиками краски, кистями, углем; там же стоят небольшой манекен, чайник, спиртовка и прочий хлам. У стола кушетка с разбросанными на ней альбомами, блокнотами, клочками бумаги, газетами, книгами и еще более грязными тряпками. Рядом с входной дверью вешалка; на ней шляпы, пальто и шарф Луи, а также куча разных костюмов. Поблизости, у стены, старый винтовой табурет. В углу, у внутренней двери, чайный столик. Манекен в кардинальской шляпе и мантии, с песочными часами в руке и косой на плече, дурашливо скалится на Луи, который в перепачканной красками блузе пишет кусок парчи, наброшенный на плечи жены. Миссис Дюбеда сидит в кресле на возвышении, нисколько не интересуясь будущей картиной, и настойчиво умоляет о чем-то мужа.

Миссис Дюбеда. Нет, обещай!

Луи *(осторожно положив мазок, автоматически продолжает разговор)*. Обещаю, радость моя.

Миссис Дюбеда. Когда тебе понадобятся деньги, ты обратишься только ко мне, да?

Луи. Но это так противно, дорогая. Ненавижу деньги. Я не могу постоянно надоедать тебе: денег, денег, денег! Вот почему я иногда обращаюсь к посторонним, как это ни тяжело.

Миссис Дюбеда. Лучше проси у меня. У людей может сложиться превратное мнение о тебе.

Луи. Но я хочу сберечь твое маленькое состояние и добывать деньги своим трудом. Не огорчайся, любимая: я легко

заработаю столько, что расплачусь со всеми. В будущем сезоне состоится моя выставка, и все наши затруднения кончатся. *(Кладет палитру.)* Ну, вот! Теперь, пока не высохнет, ты можешь встать.

Миссис Дюбеда *(сбрасывает драпировку и встает. На ней простое платье из плотного индийского шелка)*. Но помни: ты свято и честно обещал мне никогда не брать взаймы, не поговорив раньше со мною.

Луи. Свято и честно! *(Обнимает ее.)* Ах, любовь моя, как ты права! Как я счастлив, что ты оберегаешь меня и не даешь мне витать в облаках! Торжественно клянусь, что отныне не возьму взаймы ни пенса.

Миссис Дюбеда *(радостно)*. Ах, как хорошо! Значит, злая ворчунья жена мучит тебя и спускает с облаков на землю? *(Целует его.)* А теперь скажи, дорогой: ты собираешься закончить рисунки для Мэклина?

Луи. Дело терпит. Я уже получил почти весь гонорар вперед.

Миссис Дюбеда. Но, родной мой, именно потому ты и должен поскорей их закончить. На днях он спросил меня, собираешься ли ты вообще сдать заказ?

Луи. Экая наглость! За кого он меня принимает? Это отбило у меня всякий интерес к его проклятому заказу. Меня так и подмывает отказаться и вернуть деньги.

Миссис Дюбеда. Мы не можем позволить себе это, родной. Лучше уж допиши все, и дело с концом. По-моему, тебе вообще не надо брать деньги вперед.

Луи. А на что жить?

Миссис Дюбеда. Но ведь все равно, Луи, сейчас тебе никто не хочет платить авансом.

Луи. Черт бы побрал всех заказчиков! У них одна мысль, одна забота — проклятые деньги.

Миссис Дюбеда. Но раз они платят, их право требовать то, за что они отдали деньги.

Луи *(ласково)*. Послушай, не хватит ли на сегодня морали? Я ведь, кажется, обещал, что буду пай-мальчиком?

Миссис Дюбеда *(обвивая ему шею руками)*. Но ты же знаешь: я сама ненавижу всякую мораль и всегда понимаю тебя, дорогой. Верно?

Луи *(нежно)*. Конечно, знаю. Я изверг, а ты ангел. Ну, почему у меня не хватает сил работать регулярно? Я превратил бы в храм дом той, кого я люблю. Я воздвиг бы для нее алтарь такой красоты, какая еще никому не снилась. Проходя мимо магазинов, я борюсь с собой: мне так хочется войти и купить тебе все, что там есть хорошего.

Миссис Дюбеда. Мне нужно только одно – ты, милый. *(Целует его. Он отвечает на поцелуй так страстно, что она высвобождается из объятий.)* Успокойся и будь умницей. Не забудь: сегодня зайдут врачи. Как это мило с их стороны, Луи! Они сами вызвались прийти и посмотреть тебя.

Луи *(холодно)*. А по-моему, они просто хотят вплести лишние лавры в свой венок, вылечив молодого многообещающего художника. Не будь они в этом заинтересованы, мы бы их никогда не дождались.

Стук в дверь.

Послушай, разве уже время?

Миссис Дюбеда. Нет, еще рано.

Луи *(открывает дверь и видит на пороге Риджена)*. А, Риджен! Рад вас видеть. Входите.

Миссис Дюбеда *(пожимает Риджену руку)*. Как мило, доктор, что вы пришли!

Луи. Простите, что принимаем вас в таком хлеву. Это ведь мастерская. Для жилья она не приспособлена, но Дженифер умеет устроиться даже здесь.

Миссис Дюбеда. Я ненадолго исчезну. А когда вы посмотрите Луи, вернусь и выслушаю приговор.

Риджен сдержанно кланяется.

А может быть, мне лучше остаться?

Риджен. Нет, нет, пожалуйста, идите.

Миссис Дюбеда, несколько озадаченная его холодностью, смотрит на него, затем уходит в комнаты.

Луи *(развязно)*. Почему такой серьезный вид? Надеюсь, ничего страшного не произойдет?

Риджен. Нет.

Луи. Вот и хорошо. Вы не представляете себе, как ждала вас бедняжка Дженифер. Она просто неравнодушна к вам, Риджен. Бедной девочке не с кем даже поболтать: я целые дни провожу у мольберта. *(Берет в руки небольшой эскиз.)* Вот этот набросок я сделал с нее вчера.

Риджен. Она показывала его мне две недели назад, когда впервые обратилась ко мне.

Луи *(невозмутимо)*. Неужели? Боже, как летит время! Я поклясться был готов, что кончил набросок только вчера. Ей нелегко: она же видит, что я пишу картину за картиной и ничего за них не получаю. Правда, в будущем

году, когда состоится моя выставка, я быстро все распродам, но пока трава вырастет, конь сдохнет. Ужасно, когда она просит у меня денег, а я вынужден отказывать. Но что поделаешь?

Риджен. Насколько я понял, миссис Дюбеда располагает собственными средствами.

Луи. Да, небольшими. Но разве порядочный человек позволит себе тронуть деньги жены? На что она будет жить, если я их истрачу, а потом умру? Свою жизнь я не застраховал — нечем платить взносы. *(Достает другой рисунок.)* Как вам нравится этот?

Риджен *(откладывая его в сторону)*. Я пришел сюда не для того, чтобы разглядывать ваши рисунки. У меня к вам более важное и неотложное дело.

Луи. Понимаю: вы хотите вылечить мое дырявое легкое. *(Порывисто и простодушно.)* Дорогой Риджен, я буду откровенен с вами. В этом доме дело вовсе не в моих легких, а в деньгах. О себе я не думаю, но Дженифер приходится экономить на всем, даже на еде. Вы дали нам понять, что мы можем видеть в вас друга. Одолжите мне сто пятьдесят фунтов.

Риджен. Нет.

Луи *(удивленно)*. Почему?

Риджен. Я не богат и каждый лишний пенс трачу на научные исследования.

Луи. Вы хотите сказать, что мне придется вернуть эти деньги?

Риджен. По-моему, люди, давая в долг, надеются, что им вернут взятое.

Луи *(немного подумав)*. Что ж, это можно уладить. Я выдам вам вексель на... Нет, погодите. Почему бы вам не соблюсти и свой интерес? Я подпишу вексель на двести.

Риджен. А почему бы вам сразу не учесть свой вексель, не утруждая меня?

Луи. Бог с вами! Кто его учтет? Мой кредит и без того уже подорван. Нет, сделаем так: я выдам вам вексель сроком по октябрь. В октябре Дженифер получает проценты. Вы предъявляете вексель к оплате. Его отказываются учесть и пишут на нем «обратить ко взысканию» или еще какую-нибудь ерунду. Тогда вы приносите его Дженифер и намекаете, что, если вексель не будет немедленно оплачен, меня ждет тюрьма. Она тут же выложит денежки. Вы заработаете пятьдесят бумажек, а мне окажете большую услугу. Мне сейчас позарез нужны деньги; уверяю вас, старина, позарез.

Риджен *(глядя ему в глаза)*. А вы не усматриваете никаких препятствий к такой сделке? И не думаете, что их усмотрю я?

Луи. Да какие же тут препятствия? Дело верное. Я могу документально подтвердить, что Дженифер получит проценты.

Риджен. Я имею в виду характер сделки. Она не кажется вам бесчестной?

Луи. Конечно, я никогда бы на нее не пошел, если бы не нуждался в деньгах.

Риджен. В самом деле? Ну, так вам придется поискать другой способ их раздобыть.

Луи. Иными словами, вы мне отказываете?

Риджен. Иными словами? *(Дает волю своему возмущению.)* Разумеется, отказываю. За кого вы меня принимаете? Как вы смеете делать мне такие предложения?

Луи. А почему бы и нет?

Риджен. Тьфу! Не стоит объяснять — все равно не поймете. Одним словом, я не дам вам взаймы даже фартинга. Я с радостью помог бы вашей жене, но одалживать деньги вам, значит оказывать дурную услугу ей.

Луи. О, если вы всерьез хотите помочь моей жене, я скажу вам, как это сделать. Посоветуйте своим пациентам покупать мои работы или заказывать мне портреты.

Риджен. Для своих пациентов я врач, а не маклер.

Стук в дверь. Луи идет отпирать и, нисколько не смущаясь, продолжает на ходу разговор.

Луи. Но вы, несомненно, имеете на них огромное влияние. Вы знаете о них всякую всячину — разные там интимные подробности, разглашения которых они боятся. Вам они не откажут.

Риджен *(взрываясь)*. Ну, знаете...

Луи открывает дверь. Входят сэр Патрик, сэр Ралф и Уолпол.

(*Вне себя.*) Уолпол, я не пробыл здесь и десяти минут, как он уже попросил у меня в долг сто пятьдесят фунтов. Затем он предложил мне шантажировать его жену, чтобы вернуть свои деньги, а когда вы постучали, он подбивал меня шантажировать моих больных, чтобы заставить их заказать ему свои портреты.

Луи. И это, по-вашему, порядочно, Риджен? Я же говорил с вами доверительно.

Сэр Патрик. Мы сейчас тоже побеседуем с вами доверительно, молодой человек.

Уолпол *(вешая цилиндр на единственный свободный крючок вешалки)*. Мы посидим у вас полчасика, Дюбеда. Да вы не беспокойтесь: вы славный малый, и мы вас любим.

Луи. Прекрасно, прекрасно. Рассаживайтесь, кто где может. Вот кресло, сэр Патрик. *(Указывает на возвышение.)* Хоп!

Помогает сэру Патрику подняться, тот ворчит, но забирается в кресло.

А вы сюда, Б. Б.

Сэр Ралф вспыхивает от подобной фамильярности, но Луи, ничуть не смущаясь, кладет на возвышение рядом с креслом, справа от сэра Патрика, толстую книгу и подушку с дивана, и Б. Б. нехотя садится.

Давайте вашу шляпу. *(Бесцеремонно отбирает у Б. Б. цилиндр и водружает его на голову манекена вместо кардинальской шляпы, чем мгновенно сводит на нет торжественность обстановки. Затем отодвигает от стены винтовой табурет и сует Уолполу.)* Не возражаете, Уолпол?

Уолпол берет табурет и лезет в карман за портсигаром, но, не найдя его там, разом вспоминает о своей потере.

Уолпол. Кстати, если не возражаете, я хотел бы получить обратно свой портсигар.

Луи. Какой портсигар?

Уолпол. Золотой портсигар, который я дал вам в «Звезде и подвязке».

Луи *(изумленно)*. Так это был ваш?

Уолпол. Да, мой.

Луи. Вот обидно-то, старина! Я так и не сообразил, кто мне его дал. К сожалению, вот все, что от него осталось. *(Приподнимает блузу, вытаскивает из жилетного кармана бумажку и протягивает Уолполу.)*

Уолпол. Закладная!

Луи *(успокоительным тоном)*. Ваш портсигар в полной сохранности: раньше, чем через год, его с торгов не продадут. Поверьте, дорогой Уолпол, мне очень жаль. *(Непринужденно кладет руку на плечо Уолполу и смотрит на него ясными глазами.)*

Уолпол *(со вздохом опускаясь на табурет)*. Пустяки! Все это делает вас лишь еще более обаятельным.

Риджен *(стоя около мольберта)*. Прежде чем мы перейдем к делу, вам придется уплатить один долг, мистер Дюбеда.

Луи. У меня целая куча долгов, Риджен. Пойду принесу вам стул. *(Направляется к внутренней двери.)*

Риджен *(преграждая ему дорогу)*. Вы не выйдете из комнаты, пока не расплатитесь. Долг этот невелик, но вы обязаны уплатить его и уплатите. Я не ставлю вам в вину то, что вы нагрели моих гостей — одного на десять, другого на двадцать фунтов...

Уолпол. Он тут ни при чем, Риджен. Я сам набился.

Риджен. Они выдержат этот расход. Но вытянуть у бедного Бленкинсопа последние два шиллинга — это уже безобразие. Я намерен вернуть ему его полукрону и дать честное слово, что это вы возвратили долг. И я во что бы то ни стало получу с вас эти деньги.

Бонингтон. Правильно, Риджен, правильно! Платите, молодой человек, да поживее.

Луи. Охота вам поднимать шум из-за пустяка? Разумеется, я заплачу. Я даже не представлял себе, что он так беден. Я расстроен этой историей не меньше, чем вы. *(Шарит в карманах.)* Получайте. *(Обнаружив, что карманы пусты.)* Да, но у меня нет при себе денег. Уолпол, не одолжите ли мне полукрону, чтобы я мог расплатиться?

Уолпол. Одолжить вам полу... *(Голос его замирает.)*

Луи. Если вы откажете, Бленкинсоп ничего не получит: у меня ни пенса. Можете обыскать меня, если вам угодно.

Уолпол. Ну, это решает дело. *(Протягивает ему полукрону.)*

Луи *(передает монету Риджену)*. Держите. Очень рад, что все уладилось: я искупил единственный грех, лежавший на моей совести. Надеюсь, теперь все удовлетворены?

Сэр Патрик. Не совсем, мистер Дюбеда. Не знакомы ли вы случайно с молодой женщиной по имени Минни Тинуэл?

Луи. С Минни? Еще бы! Мы с ней очень коротко знакомы. Для девушки ее положения она просто миленькая. Как она поживает?

Уолпол. Перестаньте морочить нам голову, Дюбеда. Мы сами видели брачное свидетельство Минни.

Луи *(спокойно)*. Вот как? А свидетельство Дженифер вы тоже видели?

Риджен *(вскакивает, не в силах больше сдерживать свою*

ярость). Вы смеете намекать на то, что миссис Дюбеда живет с вами, не будучи вашей женой?

Луи. Почему бы и нет?

Бонингтон, Сэр Патрик, Риджен, Уолпол *(изумленные и скандализированные, повторяют на все лады).* Почему бы и нет?

Луи. Вот именно — почему бы и нет? Так делают многие люди, которые ничем не хуже вас. Почему вы не учитесь думать, а мычите и блеете, как стадо овец, когда сталкиваетесь с чем-нибудь непривычным? *(Посмеиваясь, смотрит на их изумленные лица.)* Честное слово, мне хочется написать вас всех: у вас удивительно глупый вид. Особенно у вас, Риджен. И сели же вы сегодня в лужу!

Риджен. Это еще как понимать?

Луи. А вот как. Вы восхищаетесь Дженифер и презираете меня, верно?

Риджен *(резко).* Да, вы мне мерзки. *(Снова садится на кушетку.)*

Луи. Вот именно. И тем не менее вы поверили, что Дженифер — дурная женщина, как только вам показалось, будто я сам утверждаю это.

Риджен. Значит, вы лгали?

Луи. Нет. Но вы-то унюхали скандальную историю там, где следовало отбросить всякие грязные мысли. Нетрудно же, однако, поймать таких, как вы! Я только спросил, видели ли вы брачное свидетельство Дженифер, а вы уже решили, что у нее нет такого свидетельства. Вы не способны распознать порядочную женщину.

Бонингтон *(величественно).* Осмелюсь спросить, что вы хотите этим сказать?

Луи. Я всего лишь безнравственный художник, но если бы вы сказали мне, что Дженифер не замужем, у меня хватило бы порядочности и интуиции художника ответить вам, что ее брачное свидетельство — это ее лицо и вся ее натура. Вы же люди нравственные, а Дженифер всего лишь жена художника, да еще, вероятно, его натурщица. Вся ваша нравственность сводится к тому, чтобы вынюхивать, состоят ли мужчина и женщина в законном браке. Как вам не стыдно? И вы после этого можете смотреть мне в глаза?

Уолпол. Смотреть вам в глаза — нелегкое дело, Дюбеда: вы потрясающий наглец. А что вы все-таки скажете насчет Минни Тинуэл?

Луи. Минни Тинуэл – молодая женщина, в чьей бедной маленькой жизни выдались три недели подлинного счастья, а это, уверяю вас, больше того, на что может рассчитывать девушка ее круга. Спросите ее, отказалась ли бы она от этих трех недель, если бы могла начать жизнь сначала. Эта девочка обессмертила свое имя. На аукционах у Кристи коллекционеры будут драться за наброски, которые я сделал с нее. Она займет целую страницу в моей биографии. Вполне достаточно, по-моему, для горничной из курортной гостиницы. И это сделал для нее я. А что сделали вы?

Риджен. Мы не соблазняли ее ложным браком и не бросали потом.

Луи. У вас не хватило бы на это мужества. Да вы не волнуйтесь. Я не бросил малютку Минни. Мы просто истратили все наши деньги.

Уолпол. Все ее деньги. Тридцать фунтов.

Луи. Повторяю: все наши деньги – и ее, и мои. Тридцати фунтов Минни не хватило даже на три дня, я занял вчетверо больше и все истратил на нее. Но я не жалею об этом, как не жалела о своих жалких фунтах эта смелая девочка. Просадив все, мы увидели, что с нас довольно. Надеюсь, вы не предполагаете, что мы могли бы прожить вместе дольше, чем три недели? Я художник, она же бесконечно далека от искусства, литературы, утонченной жизни и прочего. Здесь нет ни покинутой жены, ни взаимного непонимания, ни полицейского суда, ни бракоразводного процесса, словом, никакой сенсации, которую вы, нравственные люди, так любите смаковать за завтраком. Мы сказали друг другу: «Ну, что ж, деньги кончились. Пожили мы хорошо, этих дней у нас никто не отнимет; поцелуемся и расстанемся друзьями». Она опять пошла служить, а я вернулся в мастерскую к своей Дженифер. И отдохнув друг от друга, мы с ней стали только лучше и счастливее.

Уолпол. Ей-богу, поэзия да и только!

Бонингтон. Имей вы научную подготовку, мистер Дюбеда, вы бы знали, как редко исключение опровергает правило. В нашей врачебной практике бывают случаи, когда человек умирает, хотя, с точки зрения научной, должен был бы выжить. Я знал человека, умершего от болезни, к которой, с точки зрения научной, у него был иммунитет. Но это отнюдь не опровергает истинность науки. То же самое в области нравственной: человек может никому не

причинять зла и даже делать добро, но, с точки зрения моральной, быть негодяем. И может причинить много зла, действуя в согласии с высокими нравственными принципами. Однако ни то, ни другое не ставит под сомнение истинность морали.

Сэр Патрик. Равно как и уголовного закона, карающего двоеженство.

Луи. Ох, уж это двоеженство! Как привлекает вас, моралистов, все, что связано с полицией! Я уже доказал, что вы совершенно неправы в плане нравственном. А теперь докажу, что вы неправы и в плане юридическом. Надеюсь, это послужит вам уроком и отучит вас от излишней самоуверенности.

Уолпол. Вздор! Вы были женаты, когда вступали в брак с Минни Тинуэл. Этим все сказано.

Луи. Так ли? Ну, подумайте сами: почем вы знаете, что она тоже не была замужем?

Бонингтон, Риджен, Уолпол, Сэр Патрик *(наперебой)*. Уолпол! Риджен! Неслыханно! Черт побери! Ах вы подлец!

Луи *(не обращая внимания на выкрики)*. Она была замужем за стюардом океанского парохода. Он ушел в море и бросил ее. Бедняжка думала, что, если муж три года не дает о себе знать, жена по закону имеет право вступить во второй брак. Особа она в высшей степени честная и даже разговаривать со мной не хотела, пока я на ней не женюсь. Вот я и согласился на эту формальность, чтобы доставить ей удовольствие и помочь сохранить чувство собственного достоинства.

Риджен. А вы ей сказали, что вы женаты?

Луи. Конечно нет. Разве вы не понимаете, что в таком случае она не могла бы считать себя моей женой? Видимо, вы все еще не схватили сути дела.

Сэр Патрик. А вы, видя, что она не знает законов, все-таки рисковали ее свободой? Ведь она могла угодить в тюрьму.

Луи. Но ведь ради нее тем же рисковал и я. Я бы отвечал за это так же, как она. А когда мужчина идет на такой риск ради женщины, он не хвастается этим перед нею, если он, конечно, порядочный человек.

Уолпол. Что же нам все-таки делать с этим субъектом?

Луи *(нетерпеливо)*. Убирайтесь ко всем чертям и делайте, что хотите! Упрячьте Минни в тюрьму. Меня тоже. Убейте

всем этим Дженифер. А потом, сотворив зло, идите в церковь и умиляйтесь собственной добродетели. *(Обиженно садится в старое кресло у мольберта, берет альбом и начинает рисовать.)*

Уолпол. Да, задал он нам задачу.

Сэр Патрик *(угрюмо)*. Вот именно.

Бонингтон. Но неужели мы дадим ему попирать законы страны?

Сэр Патрик. Порядочные люди к закону не прибегают. На него ссылаются только мерзавцы, вымогающие деньги у своих родственников. Разве мы, частные врачи, не тратим половину нашего времени на совещания с адвокатами, обдумывая, как спасти какого-нибудь негодяя от тюрьмы, а семью от позора?

Бонингтон. Но этого закон все-таки покарает.

Сэр Патрик. Да, покарает. Но не только его, а всех, кто связан с ним, — и правых, и виноватых. Его несколько лет продержат в тюрьме за наш счет, а когда выпустят, он выйдет оттуда еще более опасным негодяем. Закон упрячет Минни в тюрьму и погубит ее; закон опустошит жизнь миссис Дюбеда. Выбросите из головы мысль о законе: он годится лишь для дураков и дикарей.

Луи. Будьте любезны, сэр Патрик, повернитесь чуть-чуть в мою сторону.

Сэр Патрик поворачивается и негодующе смотрит на него.

Нет, не так энергично.

Сэр Патрик. Бросьте свой идиотский карандаш и подумайте лучше о своем положении. Вы можете попирать законы, придуманные людьми, но есть другие законы, с которыми нельзя не считаться. Известно ли вам, что вы умрете?

Луи. А разве не все мы умрем?

Уолпол. Умрем, но не все через полгода.

Луи. А вы почем знаете?

Это переполняет чашу терпения Бонингтона, который вскакивает и начинает возбужденно расхаживать по мастерской.

Бонингтон. Честное слово, сил больше нет слушать. В любом обществе, при любых обстоятельствах заводить речь о смерти, по меньшей мере, бестактно; заставлять же говорить о ней врача просто низость. *(Кричит Дюбеда.)* Я не позволю вам рассуждать об этом, понятно?

Луи. Начал не я, а ваши приятели. Вот так всегда с людьми не из нашего, творческого мира: как только их разбиваешь в споре, они принимаются вас запугивать. Я не встречал еще адвоката, который не грозился бы рано или поздно упрятать меня в тюрьму. Я не знавал ни одного священника, который не пугал бы меня проклятием. А вы пугаете меня смертью. Слова у вас возвышенные, а козырь один — угрозы. Ну что ж, они вам не помогут — я не трус.

Бонингтон *(надвигаясь на него)*. Известно ли вам, кто вы такой, сэр? Вы негодяй.

Луи. Можете называть меня и так, я не возражаю. Это всего лишь слово, значения которого вы даже не понимаете. Что такое негодяй?

Бонингтон. Негодяй — это вы, сэр.

Луи. Вот именно. Что такое негодяй? Я. Кто я? Негодяй. Нечего сказать, логика! И вы еще называете себя человеком науки!

Бонингтон. Я... Я... Я бы с удовольствием сгреб вас за шиворот и задал вам трепку, подлая вы тварь.

Луи. Буду только рад. В таком случае вы заплатите мне круглую сумму, чтобы избежать судебного процесса.

Ошарашенный Бонингтон, фыркнув, отшатывается.

Не угодно ли вам сказать мне еще что-нибудь любезное в моем же собственном доме? Я хотел бы покончить с этими разговорами до того, как вернется моя жена.

(Продолжает рисовать.)

Риджен. Теперь мне все ясно. Где бессилен закон, порядочные люди должны действовать сами. Я пальцем не пошевельну, чтобы спасти эту гадину.

Бонингтон. Вот нужное слово. Я все никак не мог его припомнить. Именно гадина!

Уолпол. А мне вы все-таки нравитесь, Дюбеда. Вы подлинно редкий экземпляр.

Сэр Патрик. Во всяком случае, вы теперь знаете наше мнение о вас.

Луи *(кладет карандаш, терпеливо)*. Послушайте, все это бесполезно. Вы просто ничего не поняли. Вам кажется, что я заурядный преступник, и только.

Уолпол. Очень незаурядный, Дюбеда. Будьте справедливы к себе.

Луи. Нет, вы заблуждаетесь. Я не преступник. Все ваши нра-

воучения на меня совершенно не действуют – я не верю в мораль. Я ученик Бернарда Шоу.

Сэр Патрик *(изумленно)*. Что?

Бонингтон *(жестом давая понять, что разговор закончен)*. Довольно! Я больше не желаю вас слушать.

Луи. Разумеется, я не страдаю смешным тщеславием и не считаю себя сверхчеловеком в полном смысле слова; однако это мой идеал, и я стремлюсь к нему, как стремится к своему идеалу каждый.

Бонингтон *(непримиримо)*. Не утруждайте себя объяснениями: я отлично вас понял. И, пожалуйста, помолчите. Когда человек сначала пытается рассуждать о науке, нравственности и религии, а потом объявляет себя приверженцем известного и отъявленного противника прививок, с ним больше не о чем разговаривать. *(Внезапно делает отступление и обращается к Риджену.)* Нет, дорогой Риджен, дело совсем не в том, что я верю в прививки в обычном смысле этого слова больше, нежели вы. Просто есть вещи, которые определяют место человека в обществе, и одна из таких вещей – отрицание прививок. *(Вновь усаживается на свое место на возвышении.)*

Сэр Патрик. Бернард Шоу? Никогда не слышал. Вероятно, методистский проповедник?

Луи *(совершенно скандализованный)*. Что вы! Это самый передовой человек в мире: у него нет никакой профессии.

Сэр Патрик. Уверяю вас, молодой человек, мой отец слышал учение об избавлении от греха из уст самого Джона Уэзли, когда ни вы, ни мистер Шоу еще не родились. Это была очень удобная доктрина: она оправдывала людей, подсыпавших песок в сахар и подливавших воду в молоко. Вы – методист чистой воды, милейший, только не замечаете этого.

Луи *(впервые задет)*. Вы оскорбляете мой интеллект. Я не верю в такие вещи, как грех.

Сэр Патрик. Ну, что ж, сэр, есть люди, которые не верят в такие вещи, как болезнь. Если не ошибаюсь, они именуют себя сторонниками «христианской науки». Пусть они вас и лечат, а мы вам ничем помочь не можем. *(Встает.)* До свиданья!

Луи *(бросаясь к нему, жалобным тоном)*. Куда же вы, сэр Патрик? Не уходите. Пожалуйста, не уходите. Честное слово, я не хотел вас обидеть. Ну, сядьте. Дайте мне еще раз попытать счастье. Побудьте еще две минуты – вот все, о чем я прошу.

Сэр Патрик *(удивленный и слегка тронутый таким просветлением)*. Ладно... *(Садится.)*

Луи *(признательно)*. Огромное вам спасибо.

Сэр Патрик *(продолжает)*. Я согласен уделить вам еще две минуты. Но обращайтесь не ко мне: во-первых, я уже не практикую; во-вторых, я не верю, что сумел бы вылечить вас. Ваша жизнь в руках вот этих джентльменов.

Риджен. Только не в моих: у меня без вас хватает забот, и нет ни времени, ни средств для того, чтобы лечить вас.

Сэр Патрик. А что скажете вы, мистер Уолпол?

Уолпол. Я согласен взяться за него. Я прекрасно вижу, что дело здесь в физическом, а не моральном недуге. У него что-то не в порядке с мозгом. Это, видимо, связано с заболеванием позвоночника. А оно означает расстройство кровообращения. Короче говоря, я не сомневаюсь, что у него одна из форм заражения крови, вызванная, по всей видимости, скоплением птомаинов в червеобразном отростке. Я удалю ему этот отросток...

Луи *(меняясь в лице)*. Вы собираетесь оперировать меня? Нет уж, увольте.

Уолпол. Не бойтесь: вы ничего не почувствуете. Вам, разумеется, дадут наркоз. Случай в высшей степени интересный.

Луи. Ну, раз это вас интересует, и мне не будет больно, тогда другое дело. Сколько вы заплатите за то, что я дам себя оперировать?

Уолпол *(возмущенно вскакивает)*. Сколько я заплачу? Что вы хотите сказать?

Луи. Неужели вы полагали, что я позволю резать себя даром?

Уолпол. А разве вы стали бы писать мой портрет бесплатно?

Луи. Нет. Но, написав портрет, я вручу его вам, и вы сможете перепродать его потом за двойную цену. А мой аппендикс, который вы отрежете, у меня никто не купит.

Уолпол. Риджен, вам приходилось слышать что-либо подобное? *(К Луи.)* Вот и оставайтесь со своим аппендиксом, туберкулезным легким и отравленным мозгом. Я умываю руки. Послушать его, так выходит, что он же меня облагодетельствовать хочет. *(Вне себя от негодования садится на прежнее место.)*

Сэр Патрик. Итак, мистер Дюбеда, остается только один врач, который еще не махнул на вас рукой. Вам осталось лишь обратиться к сэру Ралфу Блумфилду Бонингтону.

Уолпол. На вашем месте, Б. Б., я для него пальцем бы не шевельнул. Пусть тащится со своими легкими в Бромптонскую больницу. Там его не вылечат, зато вести себя научат.

Бонингтон. Я человек слабый и никогда не мог сказать «нет» даже самым недостойным людям. Кроме того, считаю своим долгом заявить, что, на мой взгляд, врачи не имеют права спорить о ценности жизни, которую они спасают. Учтите это, Риджен. Не забывайте об этом и вы, Пэдди. А вы, Уолпол, постарайтесь отделаться от своего ханжества.

Уолпол *(возмущенно)*. Мне оно не свойственно.

Бонингтон. Тем лучше. Посмотрите на меня. Я в полном смысле слова модный врач, дорогой врач, врач, практикующий в самом лучшем обществе. Вы хотите, чтобы я входил в рассмотрение вопроса, приносят ли мои пациенты пользу – себе или еще кому-нибудь. Если рассмотреть его, руководствуясь любым известным мне научным методом, вы непременно придете к абсурду. Вы неминуемо сделаете вывод, что большинству моих пациентов лучше умереть, как удачно выразился мой друг Дж. М. Барри. Вот именно, лучше умереть. Конечно, среди них попадаются исключения. Например, все, кто имеет отношение ко двору, этому глубоко социал-демократическому учреждению, которое содержится за счет общества, потому что общество нуждается в нем и любит его. Мои придворные пациенты – люди, умеющие тяжко трудиться и, без сомнения, удовлетворяющие запросам общества. Кроме того, я лечу нескольких герцогов, которые управляют своими поместьями лучше, чем управляло бы ими общество, перейди они в его руки. Что же до большинства остальных, то о них не стоит рассуждать, ибо вывод может быть только один: им лучше умереть. Когда им в самом деле случается умереть, я иногда утешаю их семьи этим доводом – конечно, в слегка замаскированной форме. *(Убаюканный собственным голосом, говорит все монотонней и монотонней.)* Тот факт, что они тратят огромные деньги на врачей, отнюдь не дает мне права расточать свои таланты, каковы бы они ни были, на спасение подобных людей. А если я беру высокий гонорар, то и расходы у меня большие. Лично я неприхотлив: для довольства и счастья мне нужны лишь койка, пара комнат, кусок хлеба, бутылка вина. У моей жены, вероятно, несколько больше потребностей, но и она жалуется на

расходы, вызванные необходимостью вести такой образ жизни, которого требуют от своего врача мои пациенты. Они... Они... *(Внезапно пробуждаясь.)* Я, кажется, потерял нить. О чем я говорил, Риджен?

Риджен. О Дюбеда.

Бонингтон. Да, да, совершенно верно. Благодарю вас. Конечно, о Дюбеда. Итак, что представляет собой наш друг Дюбеда? Это порочный и невежественный молодой человек, но талантливый художник.

Луи. Благодарю вас. Можете не стесняться.

Бонингтон. А кто такие остальные мои пациенты? Порочные и невежественные молодые люди без всяких талантов. Если бы я задумывался над тем, чего они стоят на самом деле, мне пришлось бы отказаться от трех четвертей своей практики. Поэтому я взял за правило не задумываться над этим. Но вправе ли я, порядочный человек, применяющий это правило к пациентам, которые мне платят, делать исключение для человека, который не только не намерен мне заплатить, но собирается у меня же занять? Нет и еще раз нет. Мне нет дела до вашего нравственного облика, мистер Дюбеда. Я рассматриваю вас исключительно с научной точки зрения. Для меня вы просто поле битвы между войском захватчиков — туберкулезных бацилл и армией патриотов — фагоцитов. Я дал вашей жене слово — а мои принципы обязывают меня держать его,— что я активизирую ваши фагоциты, и я это сделаю. Но за все остальное я не отвечаю. *(В изнеможении падает на свое сиденье.)*

Сэр Патрик. Теперь, когда сэр Ралф столь любезно взял на себя заботу о вашем излечении, мистер Дюбеда, и две минуты, обещанные вам мною, давно истекли, попрошу извинить меня: мне пора. *(Встает.)*

Луи. Конечно, конечно. Я уже кончил. *(Встает и протягивает ему альбом.)* Вот, взгляните. Пока вы тут болтали, я работал. Что осталось от ваших нравоучений? Чуточку углекислоты, которая испортила воздух в комнате. А что осталось от моей работы? Вот это. Взгляните же.

Риджен встает и подходит ближе.

Сэр Патрик *(спускаясь с возвышения)*. Значит, вы все это время рисовали меня, юный негодяй?

Луи. Конечно. Что мне еще было делать?

Сэр Патрик *(берет у него рисунок и одобрительно ворчит)*. Довольно удачно. Как вы считаете, Колли?

Риджен. Да. Настолько удачно, что я был бы рад взять этот рисунок себе.

Сэр Патрик. Извините, но я предпочту сделать это сам. А что скажете вы, Уолпол?

Уолпол *(вставая и подходя ближе)*. Честное слово, я его возьму.

Луи. Я хотел бы иметь возможность предложить его вам, сэр Патрик. Но мне легче отказаться от пяти гиней, чем расстаться с ним.

Риджен. Ну, если остановка только за деньгами, я дам вам шесть гиней.

Уолпол. Десять.

Луи. Полагаю, что моральное право на рисунок принадлежит сэру Патрику: он позировал. Прикажете прислать вам его домой за двенадцать гиней, сэр Патрик?

Сэр Патрик. За двенадцать? Вы их не получите, молодой человек, даже если бы вы были президентом Королевской академии. *(С решительным видом возвращает рисунок, поворачивается и берет шляпу.)*

Луи *(Бонингтону)*. Угодно вам приобрести этот рисунок за двенадцать гиней, сэр Ралф?

Бонингтон *(становясь между Луи и Уолполом)*. Двенадцать гиней? Благодарю. Я согласен. *(Берет рисунок и протягивает его сэру Патрику.)* Примите его в дар, Пэдди, и дай вам бог еще долго любоваться на него.

Сэр Патрик. Спасибо. *(Прячет рисунок в цилиндр.)*

Бонингтон. Думаю, что мне нет смысла расплачиваться с вами, мистер Дюбеда: мой гонорар значительно превысит эту сумму. *(Тоже берется за шляпу.)*

Луи *(с негодованием)*. Ну, знаете, это такая низость... *(Не находит слов.)* Я скорее застрелился бы, чем позволил себе так поступить. Я считаю, что вы просто украли рисунок.

Сэр Патрик *(сухо)*. Ах, значит, мы все-таки пробудили в вас нравственное чувство?

Луи. Ладно. *(Уолполу.)* Уолпол, я нарисую вам другой, если вы дадите мне обещанные десять фунтов.

Уолпол. Прекрасно. Представьте рисунок, и я уплачу.

Луи. Что? За кого вы меня принимаете? Вы не верите в мою честность?

Уолпол. Разумеется, не верю.

Луи. Ну что ж, если так, ничего не поделаешь. Позвольте мне до вашего ухода, сэр Патрик, позвать сюда Дженифер.

Я ведь знаю, как ей хотелось повидать вас. *(Идет к внутренней двери.)* Но раньше – прежде чем она войдет – еще два слова. Вы все довольно свободно выражались на мой счет, хотя здесь мой дом. Лично я ничего не имею против: я – мужчина и могу сам постоять за себя. Но при Дженифер прошу помнить, что она дама, а вы в ее глазах джентльмены. *(Уходит.)*

Уолпол. Ну и ну! *(Махнув на все рукой, идет за шляпой.)*

Риджен. Черт бы побрал этого нахала!

Бонингтон. Нисколько не удивлюсь, если мне скажут, что он из знатной семьи. Всякий раз, когда я сталкиваюсь с совершенно неоправданным чувством собственного достоинства и самоуверенности, я ставлю диагноз: человек из знатной семьи.

Риджен. Поставьте лучше другой, Б. Б.: талантливый художник. Сохранять собственное достоинство ему помогает талант.

Сэр Патрик. Так уж устроен мир. Снобы всегда поучают порядочных людей и выводят их из терпения.

Бонингтон *(опять придерживаясь особого мнения)*. Я вовсе не выведен из терпения. Клянусь богом, хотел бы я посмотреть на человека, который сумеет вывести меня из терпения!

Входит Дженифер.

А, миссис Дюбеда! Ну, как мы себя чувствуем?

Миссис Дюбеда *(пожимая ему руку)*. Большое спасибо, что зашли, господа. *(Здоровается с Уолполом.)* Благодарю вас, сэр Патрик. *(Протягивает ему руку.)* С тех пор как я познакомилась с вами, мне опять хочется жить. После того вечера в Ричмонде все мои страхи улетучились, хотя раньше в моей жизни не было ничего кроме страха. Но присядьте же и расскажите, чем кончился ваш консилиум.

Уолпол. С вашего позволения, миссис Дюбеда, я пойду – у меня прием. Но до ухода я считаю своим долгом уведомить вас, что я совершенно согласен с коллегами относительно диагноза. Что касается причин недуга и лечения, то это уж не мое дело: я только хирург, а эти джентльмены – терапевты. Им виднее. У меня могут быть свои взгляды на этот случай и они в самом деле у меня есть; моим коллегам это известно. Если моя помощь все-таки понадобится, а так безусловно и будет, все знают, где

меня найти, и я всегда к вашим услугам. А сейчас до свиданья! *(Уходит.)*

Дженифер совершенно озадачена его неожиданной церемонностью и уходом.

Сэр Патрик. Я тоже попрошу извинить меня, миссис Дюбеда.

Риджен *(встревоженно)*. Вы уходите?

Сэр Патрик. Да. Здесь я ничем не могу быть полезен, и мне пора домой. Как вам известно, сударыня, я больше не практикую и потому не могу взяться за лечение сам. Вашим мужем займутся сэр Колензо Риджен и сэр Ралф Блумфилд Бонингтон. Мое мнение они знают. До свиданья, сударыня! *(Откланивается и идет к двери.)*

Миссис Дюбеда *(удерживая его)*. Скажите, что-нибудь случилось? Вы считаете, что Луи хуже, да?

Сэр Патрик. Нет, не хуже. Он такой же, каким был в Ричмонде.

Миссис Дюбеда. Ах, спасибо! Вы так напугали меня. Извините.

Сэр Патрик. Не за что, сударыня. *(Уходит.)*

Бонингтон. Итак, миссис Дюбеда, коль скоро я берусь лечить вашего мужа...

Миссис Дюбеда *(боязливо взглянув на Риджена)*. Вы? Но я думала, сэр Колензо...

Бонингтон *(расплываясь от самодовольства: он уверен, что приготовил ей приятный сюрприз)*. Дорогая миссис Дюбеда, вашего мужа буду лечить я.

Миссис Дюбеда. Но...

Бонингтон. Ни слова больше! Я буду счастлив доставить вам удовольствие. Сэр Колензо займет свое место в бактериологической лаборатории, я свое – у постели больного. Вашего мужа будут лечить так же тщательно, как члена августейшей фамилии.

Миссис Дюбеда не по себе, она опять пытается что-то возразить.

Не надо благодарностей: они только смущают меня, уверяю вас. Скажите, вы не склонны расстаться с этой квартирой? Разумеется, автомобиль уничтожил расстояния, но, скажу честно, мне было бы удобней, если б вы жили поближе ко мне.

Миссис Дюбеда. Видите ли, здесь у нас и мастерская, и квартира со всем необходимым. А я так настрадалась

в меблированных комнатах. Прислуга сейчас такая нечестная.

Бонингтон. Что вы говорите? Неужели? Ах, боже мой!

Миссис Дюбеда. Я не привыкла держать все под ключом и поэтому всегда недосчитывалась денег. В конце концов случилось нечто ужасное: у меня пропал пятифунтовый билет. Подозрение пало на горничную, и, поверите ли, она осмелилась утверждать, что эти деньги ей дал Луи. Он упросил меня не предпринимать никаких шагов: он страшно впечатлителен, и подобные вещи просто сводят его с ума.

Бонингтон. Э-э... Гм-гм... Достаточно, миссис Дюбеда: не переезжайте. Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе. А теперь мне пора. Я напишу вам и условлюсь о встрече. Активизировать фагоциты мы начнем в... Вероятно, во вторник. Я вас предупрежу. Положитесь на меня и не волнуйтесь. Регулярно питайтесь, хорошо спите, сохраняйте бодрость, поддерживайте ее в муже и надейтесь на счастливый исход. Лучшее укрепляющее — очаровательная женщина; лучшее лекарство — бодрость; лучшая опора в жизни — наука. До свиданья! До свиданья! До свиданья! *(Пожав руку миссис Дюбеда, которая чересчур ошеломлена, чтобы раскрыть рот, направляется к двери, по дороге тихо бросив Риджену.)* Во вторник утром пришлите мне сильнодействующий антитоксин. Безразлично какой. Смотрите, не забудьте. До свиданья, Колли!

(Уходит.)

Риджен. Вы опять чем-то сильно расстроены?

Миссис Дюбеда чуть не плачет.

В чем дело? Вы разочарованы?

Миссис Дюбеда. Я знаю, что должна благодарить судьбу. И поверьте, благодарю. Но... но...

Риджен. Но что?

Миссис Дюбеда. Я уже привыкла к мысли, что лечить Луи будете вы.

Риджен. Однако сэр Ралф Блумфилд Бонингтон...

Миссис Дюбеда. Знаю, знаю. Лечиться у него большое счастье. И все-таки мне хотелось бы, чтобы Луи лечили вы. Я знаю, это глупо. Не могу объяснить почему, но у меня было предчувствие, что вы сумеете его вылечить. А сэр Ралф... Словом, у меня нет такой же уверенности. Вы же обещали... Зачем вы передали Луи ему?

Риджен. Я уже объяснил вам. Я не в силах взять еще одного пациента.

Миссис Дюбеда. Но в Ричмонде...

Риджен. В Ричмонде я полагал, что выкрою место. Но на него претендует мой старый друг доктор Бленкинсоп. У него поражено легкое.

Миссис Дюбеда *(не придав имени Бленкинсопа никакого значения)*. А! Вы имеете в виду того пожилого джентльмена... чуточку глуповатого...

Риджен *(строго)*. Я имею в виду джентльмена, который обедал с нами, превосходного, порядочного человека, чья жизнь не менее ценна для общества, чем жизнь любого другого человека. Мы условились, что им займусь я, а лечить мистера Дюбеда будет сэр Ралф Блумфилд Бонингтон.

Миссис Дюбеда *(с негодованием поворачивается к нему)*. Теперь я все поняла. Вы завидуете, завидуете подло и жестоко. А я-то думала, что вы выше этого.

Риджен. О чем вы? Не понимаю.

Миссис Дюбеда. Неужели вы считаете, что я ничего не понимаю? Ведь это уже не в первый раз. Почему все отворачиваются от Луи? Почему вы не можете простить ему, что он выше вас, умнее, смелее, что он великий художник?

Риджен. Отчего же? Все это я охотно ему прощаю.

Миссис Дюбеда. Что вы имеете против него? Я умоляла всех, кто от него отворачивался, назвать мне хоть один его дурной поступок, хоть одно его нечестное намерение! Я спрашивала их с глазу на глаз, и все отвечали, что ничего не могут мне сказать. Теперь я задаю его вам. В чем вы обвиняете Луи?

Риджен. Я — такой же, как все. И с глазу на глаз мне нечего сказать против вашего мужа.

Миссис Дюбеда *(неудовлетворенная)*. Но ваше отношение к нему изменилось. И вы не сдержали своего обещания взять его к себе в клинику.

Риджен. Мне кажется, вы не совсем благоразумны. Его лечением согласен заняться лучший врач Лондона, его судьба в руках человека, считающегося светилом нашей профессии. Он...

Миссис Дюбеда. Зачем вы мне все это говорите? Это жестоко. Все это звучит очень убедительно, и всякий скажет, что я неправа. Но я права. Я верю в вас и не верю в других. Мы уже перепробовали столько врачей, и

в конце концов я поняла, что они лишь рассуждают, а сделать ничего не могут. Другое дело — вы. Я чувствую, что вы можете спасти его. Вы должны выслушать меня, доктор. *(С неожиданной тревогой.)* Вы, наверно, обиделись, что я зову вас просто доктор, без титула?

Риджен. Вздор! Я и есть доктор. Вот Уолпола не советую так называть.

Миссис Дюбеда. Какое мне дело до мистера Уолпола! Мне нужна ваша дружба. Очень вас прошу, сядьте и уделите мне несколько минут.

Риджен сдержанным кивком выражает согласие и садится на кушетку.

(Садится на стул у мольберта.) Благодарю. Я не задержу вас долго, но я должна сказать вам всю правду. Послушайте меня. Я знаю Луи так, как его не знает и не будет знать никто на свете. Я его жена. Я знаю, у него есть недостатки: он нетерпелив, раздражителен, даже эгоистичен, но сам он этого не замечает. Я знаю, многих часто шокирует его поведение в денежных вопросах, но он настолько выше всяких расчетов, что даже не понимает, какое значение придают деньгам обычные люди. Скажите, он... он просил у вас денег взаймы?

Риджен. Да, один раз просил.

Миссис Дюбеда *(со слезами на глазах)*. Ах, как это неприятно, как неприятно! Но больше это не повторится, даю вам слово. Он обещал мне, обещал здесь, в этой комнате, перед самым вашим приходом, а не сдержать обещание он неспособен. Небрежность в денежных делах — единственная настоящая его слабость, но теперь он преодолел ее и навсегда.

Риджен. Неужели это единственная его слабость?

Миссис Дюбеда. Иногда он, пожалуй, любит еще приволокнуться за женщинами, потому что они обожают его и вечно расставляют ему ловушки. И конечно, когда он заявляет, что не верит в мораль, заурядные добропорядочные люди думают, что он порочен. Вы же понимаете, какие толки возбуждает такое поведение и как это восстанавливает против Луи всех, даже друзей.

Риджен. О да, я понимаю.

Миссис Дюбеда. Ах, если бы вы, как я, знали другие стороны его характера! Поверьте, доктор, если бы Луи обесчестил себя каким-нибудь подлинно дурным поступком, я покончила бы с собой.

Риджен. Полно! Зачем преувеличивать?

Миссис Дюбеда. Да, покончила бы. Вам, лондонцам, этого не понять.

Риджен. Вы, наверно, мало что видели у себя в Корнуолле?

Миссис Дюбеда *(наивно)*. Нет, я видела очень много. Я каждый день видела природу во всем ее великолепии, скрытом от вас, лондонцев. Но с людьми я общалась мало, если вы имеете в виду это. Я была единственным ребенком.

Риджен. Это многое объясняет.

Миссис Дюбеда. Я часто мечтала, но, в конце концов, все мои мечты свелись к одной.

Риджен *(с легким вздохом)*. Как обычно.

Миссис Дюбеда *(изумленно)*. Так ли уж это обычно?

Риджен. Насколько мне известно, да. Но вы еще не сказали, в чем заключалась ваша мечта.

Миссис Дюбеда. Я хотела, чтобы у меня в жизни была цель. Сама я ничего не умела, но у меня было кое-какое состояние, и я могла помочь другому. К тому же, я была недурна собой. Только не считайте меня тщеславной за такое признание. Я знала, что талантливым людям на первых порах неизбежно приходится отчаянно бороться с нищетой и равнодушием. Вот я и мечтала спасти такого человека от нужды, дать ему в жизни капельку радости и счастья. Я молила небо послать мне такого человека и твердо верю, что Луи послан мне богом, который внял моим молитвам. Луи был так же непохож на остальных мужчин, как непохожа набережная Темзы на берега нашего Корнуолла. Он видел все так же, как видела я, и рисовал это для меня. Он все понимал, все. Он льнул ко мне, как ребенок. Вы представляете себе, доктор: он даже не помышлял жениться на мне, он не думал о том, о чем думает любой мужчина. Мне пришлось самой сделать ему предложение. Он ответил, что у него нет денег. А когда я объяснила, что у меня они есть, он воскликнул: «Вот и хорошо!» Совсем, как ребенок! Он и остался наивным, неиспорченным ребенком. Мужчина по силе мысли, большой поэт и художник по яркости воображения, а в поступках настоящий ребенок. Я отдала ему себя и все, что имела, лишь бы он расцвел, лишь бы жизнь его была залита солнцем. Если я утрачу веру в него, вся моя жизнь потерпит крушение. Мне останется одно — вернуться в Корнуолл и умереть. Я могу показать вам скалу, с которой я брошусь в воду. Вы должны

вылечить его, должны вернуть мне его здоровым. Я знаю, это можете сделать вы, и только вы. Умоляю вас, не отказывайте в моей просьбе. Лечите Луи сами, а доктора Бленкинсопа поручите сэру Ралфу.

Ридженн *(медленно)*. Миссис Дюбеда, вы действительно верите в мои способности и познания? Это правда?

Миссис Дюбеда. Истинная правда. Я не умею верить наполовину.

Ридженн. Знаю. Так вот, я подвергну вас испытанию — очень суровому испытанию. Верите вы, что я понял все, о чем вы говорили, и что у меня есть лишь одно желание — быть вам самым верным другом и сохранить для вас вашего героя?

Миссис Дюбеда. О, простите за все, что я вам наговорила. Значит, вы сохраните его для меня?

Ридженн. Любой ценой.

Она целует ему руку.

(Поспешно встает.) Нет, я еще не все сказал.

Миссис Дюбеда также встает.

Поверьте мне: единственная возможность сохранить для вас вашего героя — поручить лечение сэру Ралфу.

Миссис Дюбеда *(твердо)*. Раз вы так говорите, у меня нет больше сомнений. Я верю вам. Благодарю.

Ридженн. До свиданья!

Она пожимает ему руку.

Надеюсь, наша дружба будет прочной.

Миссис Дюбеда. Да. Моей дружбе кладет конец только смерть.

Ридженн. Смерть кладет конец всему, не так ли? До свиданья! *(Вздыхает и с участливым взглядом, которого она не понимает, уходит.)*

Мастерская. Мольберт отодвинут к задней стене. Смерть в кардинальской шляпе, держа косу и песочные часы, как скипетр и державу, восседает в кресле. На вешалке цилиндры сэра Патрика и Блумфилда Бонингтона. Только что вошедший Уолпол вешает шляпу. Раздается стук в дверь. Уолпол отворяет, входит Риджен.

Уолпол. Здравствуйте, Риджен.

Проходят на середину комнаты и снимают перчатки.

Риджен. Что случилось. Вас тоже вызвали?

Уолпол. Всех вызвали. Я только что приехал и еще не видел его. Служанка сказала, что старик Пэдди Келен и Б. Б. уже полчаса как здесь.

Через внутреннюю дверь входит сэр Патрик. По лицу его видно, что дело плохо.

Ну, что?

Сэр Патрик. Пойдите, взгляните сами. С ним Б. Б.

Уолпол уходит, Риджен следует за ним, но сэр Патрик взглядом останавливает его.

Риджен. Что случилось?

Сэр Патрик. Вы помните руку Джейн Марш?

Риджен. Значит, то же самое?

Сэр Патрик. Вот именно. Его легкое сгнило, как рука Джейн. В жизни не видел ничего подобного. Обычно скоротечная чахотка убивает в три месяца, его она скосила в три дня.

Риджен. Очевидно, Б. Б. попал на негативную фазу.

Сэр Патрик. Не знаю уж, на негативную или позитивную, но парню конец. Он не дотянет до вечера. Умрет он внезапно. Я часто наблюдал такие случаи.

Риджен. Если он умрет, прежде чем его жена догадается, кто ее муж, буду только рад. Я на это и рассчитывал.

Сэр Патрик *(сухо)*. Пожалуй, несколько жестоко убивать мальчишку за то, что его жена чересчур высокого мнения о нем. К счастью, такая опасность угрожает лишь немногим из нас.

Через внутреннюю дверь входит Бонингтон и бро-

сается к ним. Как человек он удручен; как врач — по-прежнему бодр и словоохотлив.

Бонингтон. А, вы уже здесь, Риджен. Пэдди, конечно, все вам рассказал.

Риджен. Да.

Бонингтон. В высшей степени интересный случай. Честное слово, Колли, не знай я с научной достоверностью, что активизирую фагоциты, я предположил бы, что, наоборот, активизирую бациллы. Как вы объясняете это, сэр Патрик? Ваше мнение, Риджен? Быть может, мы чрезмерно активизировали фагоциты? Быть может, они не только убили бациллы, но и разрушили красные кровяные тельца? Судя по бледности пациента, это вполне вероятно. А может быть, они в конце концов набросились на сами легкие? И даже друг на друга? Я напишу об этом статью.

Возвращается Уолпол. Вид у него серьезный, даже потрясенный. Он становится между Б. Б. и Ридженом.

Уолпол. Ну, Б. Б., и натворили же вы дел!

Бонингтон. Что вы хотите этим сказать?

Уолпол. Вы его убили. Впервые вижу такой тяжелый случай запущенного заражения крови. Оперировать уже поздно — он умрет под наркозом.

Бонингтон *(обиженно)*. Я убил его? Однако, Уолпол!.. Не знай я, что вы маньяк, я не спустил бы вам такие выражения.

Сэр Патрик. Полно, полно! Убей вы вдвоем столько же людей, сколько в свое время убил их я, вы бы держались поскромнее. Пойдемте, посмотрим его, Колли.

Риджен и сэр Патрик уходят в комнаты.

Уолпол. Прошу прощения, Б. Б., но это, безусловно, заражение крови.

Бонингтон *(вновь обретая свое неистребимое благодушие)*. Дорогой Уолпол, любая болезнь — это заражение крови. Но, честное слово, теперь уж я ни за что не стану употреблять снадобье Риджена. Строго между нами: ваши слова так задели меня потому, что виновником смерти нашего молодого друга я считаю именно Риджена.

Через внутреннюю дверь входит Дженифер, подавленная и встревоженная, но все такая же очаровательная. На ней белый передник сестры милосердия.

Миссис Дюбеда. Как мне быть, сэр Ралф? Тот человек, который добивался свидания со мной и уверял, что у него важное дело к Луи, оказался репортером. Сегодня утром в газете напечатана заметка о том, что Луи серьезно болен, и этот человек хочет получить у него интервью. Как люди могут быть такими бессердечными?

Уолпол *(с угрожающим видом направляясь к двери)*. Предоставьте мне объясниться с этим субъектом.

Миссис Дюбеда *(удерживая его)*. Но Луи хочет его принять: он чуть не заплакал, когда я воспротивилась. И еще он говорит, что он не желает больше оставаться в комнате. Он говорит... *(с трудом сдерживает рыдания)* что хочет умереть у себя в мастерской. Сэр Патрик считает, что нужно исполнить его желание – это ему не повредит. Что же нам делать?

Бонингтон *(бодрым тоном)*. Разумеется, последовать превосходному совету сэра Патрика. Он прав, это не повредит больному; напротив, будет ему полезно, чрезвычайно полезно. Здесь ему станет лучше.

Миссис Дюбеда *(немного повеселев)*. Будьте добры, мистер Уолпол, впустите этого человека, но предупредите, чтобы он не утомлял Луи разговорами.

Уолпол кивает и выходит через дверь слева.

Сэр Ралф, не сердитесь, но я чувствую, что Луи умрет, если останется здесь. Я должна увезти его в Корнуолл. Там он поправится.

Бонингтон (*расцветая, словно Дюбеда уже спасен*). Корнуолл! Самое подходящее место! Изумительно действует на легкие. Как глупо, что я не подумал об этом раньше. Вы – самый лучший врач для своего мужа, дорогая миссис Дюбеда. Гениальная мысль – Корнуолл! Разумеется, да.

Миссис Дюбеда (*успокоенная и растроганная*). Вы так добры, сэр Ралф! Только не вселяйте в меня слишком много надежд, иначе я заплачу. А Луи не выносит этого.

Бонингтон (*ласково и покровительственно обнимая ее за плечи*). Тогда вернемся и поможем перевезти его сюда. Корнуолл! Разумеется, разумеется! Именно Корнуолл! (*Уходит вместе с ней в спальню.*)

Возвращается Уолпол с репортером, веселым и приятным молодым человеком, неспособным к обычной человеческой работе: он от природы не умеет ни на чем

сосредоточиться, и это мешает ему верно описать то, что он видит, и правильно понять, а тем более передать то, что он слышит. А так как единственная карьера, где подобный недостаток не может служить помехой,— это журналистика (газета не руководствуется своими описаниями и сообщениями, а лишь продает новости любопытной и праздной публике и в случае их неточности и лживости не теряет ничего, кроме доброго имени), он стал репортером и старается сохранить бодрый вид в повседневной борьбе со своей собственной безграмотностью и ненадежностью своего ремесла. В руках у него блокнот, куда он время от времени пытается что-то записать; но, поскольку ни стенографировать, ни даже быстро писать он не умеет, ему приходится сейчас же закрывать блокнот, так и не успев закончить ни одной фразы.

Репортер *(осматриваясь и нерешительно пробуя делать заметки)*. Это, вероятно, мастерская?

Уолпол. Да.

Репортер *(пытаясь острить)*. Где он пишет натурщиц, а?

Уолпол *(мрачно и лаконично)*. Несомненно.

Репортер. Вы сказали, у него геркулес?

Уолпол. Да, туберкулез.

Репортер. Как это пишется: т-у-б-и-р-к-у-л-е-с?

Уолпол. Туберкулез, понимаете, туберкулез. *(Произносит по слогам.)* Ту-бер-ку-лез.

Репортер. Ага! Туберкулез. Это, наверно, какая-то болезнь? А я думал, у него чахотка. Вы его родственник или врач?

Уолпол. Ни то, ни другое. Я мистер Катлер Уолпол. Запишите. Запишите и другое имя: сэр Колензо Риджен.

Репортер. Пиджен?

Уолпол. Риджен. *(Презрительно вырывает у него блокнот.)* Дайте сюда. Лучше я уж сам запишу все имена: вы их обязательно переврете. Вы же представитель профессии, где не нужны ни образование, ни диплом и где нет государственной регистрации. *(Пишет.)*

Репортер. Здорово, однако, вы разделали газетчиков!

Уолпол *(мстительно)*. Вот и хорошо! Эх, я бы вам показал!.. Теперь слушайте. *(Показывает ему блокнот.)* Вот имена трех врачей. Вот фамилия больного. Это его адрес, а это название болезни. *(С шумом захлопнув блокнот, возвращает его вздрогнувшему от неожиданности репортеру.)* Мистера Дюбеда сейчас привезут в эту комнату. Он хочет видеть вас, потому что сам не знает, как

он плох. Вам разрешается побыть здесь несколько минут, чтобы развлечь его. Но если вы посмеете заговорить с ним, вас вышвырнут. Он может умереть с минуты на минуту.

Репортер *(заинтригованный)*. Неужели он так плох? Сегодня мне везет. А снять вас можно? *(Достает фотоаппарат.)* Не возьмете ли в руку ланцет или что-нибудь в этом роде?

Уолпол. Молчать! Если вам нужна моя фотография, вы достанете ее на Бейкер-стрит – там продают портреты знаменитостей.

Репортер. Но за нее придется платить. Если позволите... *(Наводит аппарат.)*

Уолпол. Не позволю. Я сказал – прекратите! Садитесь, и ни слова.

Репортер поспешно садится на винтовой табурет. Миссис Дюбеда и сэр Ралф ввозят кресло, в котором сидит Луи, и ставят его между возвышением и кушеткой, где раньше стоял мольберт. Луи не изменился, как это обязательно случилось бы с более сильным человеком, и он не выказывает страха, только глаза у него стали больше. Физически он так слаб, что не в силах пошевелиться и лежит на подушках в полном изнеможении. Но духовно он отнюдь не подавлен и умеет извлечь пользу даже из своего теперешнего положения: он сладострастно отдается слабости и упивается драмой смерти. Это невольно производит сильное впечатление на всех, кроме Риджена: тот неумолим. Б. Б. все простил своему пациенту и полон сочувствия к нему. Риджен идет за креслом, неся в руках поднос с молоком и лекарствами. Сопровождающий его сэр Патрик приносит из угла чайный столик и ставит за креслом. Б. Б. берет стул, стоящий у мольберта, и подает его Дженифер; та садится рядом с мужем, поблизости от возвышения, с высоты которого на умирающего художника взирает манекен. Б. Б. становится слева от кресла Луи. Уолпол садится на край возвышения. Риджен становится рядом с ним.

Луи *(радостно)*. Вот оно, счастье! Мастерская! Как здесь хорошо!

Миссис Дюбеда. Да, родной. Сэр Патрик сказал, что ты можешь оставаться тут, сколько захочешь.

Луи. Дженифер.

Миссис Дюбеда. Что, дорогой мой?

Луи. Репортер здесь?

Репортер *(бойко)*. Да, мистер Дюбеда, здесь и к вашим услугам. Я представитель прессы. Мне хотелось бы услышать от вас несколько слов по поводу... э-э... вашей болезни и... и ваших планов на будущий сезон.

Луи. Мои планы на будущий сезон очень просты. Я собираюсь умереть.

Миссис Дюбеда *(с мукой в голосе)*. Луи, дорогой...

Луи. Родная моя, я очень слаб и устал. Не заставляй меня притворяться, будто я ничего не знаю — это слишком тяжело. Я лежал в комнате, слушал врачей и смеялся про себя. Они-то знают правду. Не плачь, дорогая. Слезы портят тебя, а для меня это невыносимо.

Она утирает глаза и героическим усилием берет себя в руки.

Обещай мне одну вещь.

Миссис Дюбеда. Да, да, я все сделаю. Ты же знаешь. *(Умоляюще.)* Только говори поменьше, родной мой, не трать силы зря.

Луи. Нет, я использую их на дело. Риджен, дайте мне что-нибудь такое, чтобы я продержался несколько минут. Только, пожалуйста, не ваш проклятый антитоксин. Мне нужно перед смертью кое-что сказать.

Риджен *(глядя на сэра Патрика)*. Думаю, это не повредит? *(Вливает в стакан немного спирта и берется за сифон с содовой, но сэр Патрик останавливает его.)*

Сэр Патрик. Долейте молоком. Иначе он закашляется.

Луи *(выпив)*. Дженифер!

Миссис Дюбеда. Что, дорогой?

Луи. Больше всего на свете я ненавижу вдов. Обещай, что ты никогда не станешь вдовой.

Миссис Дюбеда. Не понимаю, милый.

Луи. Я хочу, чтобы ты всегда была красивой. Пусть люди читают по твоим глазам, что ты была моей женой. Итальянцы, указывая на Данте, говорили: «Вот человек, побывавший в аду». А я хочу, чтобы, указывая на тебя, они говорили: «Вот женщина, побывавшая в раю». Ведь наша жизнь была раем, правда, любимая? Хоть иногда, да бывала?

Миссис Дюбеда. Нет, всегда, всегда.

Луи. Если же ты станешь носить траур и плакать, люди скажут: «Взгляните на эту бедную женщину: она была несчастлива с мужем».

Миссис Дюбеда. Никогда! Ты свет и отрада всей моей жизни. Я начала жить лишь после встречи с тобой.

Луи *(с сияющими глазами)*. Ты должна носить красивые платья и ослепительные, сказочные драгоценности. Подумай о тех замечательных картинах, которые мне не суждено написать.

Она отчаянным усилием подавляет рыдание.

Ты должна светиться красотой всех этих картин. Пусть твой вид навевает людям мечты, которых никогда не пробудят в них кисть и краски живописца. Пусть художники пишут тебя такой, какой никто еще не писал смертную женщину. Пусть тебя всегда окружает атмосфера красоты, атмосфера романтики и волшебства. Пусть люди чувствуют ее, думая обо мне. Это бессмертие, о котором я мечтаю, и ты можешь дать мне его, Дженифер. Есть многое такое, что понимает любая женщина и чего не понимаешь ты, но это способна понять и осуществить только ты, одна ты. Обещай мне такое бессмертие. Обещай мне, что не будет всего этого ада – слез, траура, похоронных церемоний, увядших цветов и вульгарной суеты.

Миссис Дюбеда. Обещаю, милый. Но об этом сейчас нет и речи: ты уедешь со мной в Корнуолл и поправишься. Так говорит сэр Ралф.

Луи. Бедный старина Б. Б.!

Бонингтон *(растроганный до слез, отворачивается и шепчет сэру Патрику)*. Бедняга! Рассудок уже мутится.

Луи. Сэр Патрик тоже здесь?

Сэр Патрик. Да, да. Я здесь.

Луи. Присядьте, пожалуйста. Старику не подобает стоять.

Сэр Патрик. Хорошо, хорошо, спасибо. Я сяду.

Луи. Дженифер.

Миссис Дюбеда. Что, дорогой?

Луи *(со странным восхищением)*. Помнишь нашу неопалимую купину?

Миссис Дюбеда. Конечно, помню, милый. Но мне так больно вспоминать об этом сейчас.

Луи. Неужели? А мне вот приятно. Расскажи им об этом.

Миссис Дюбеда. Тут нечего даже рассказывать. Просто у нас дома, в Корнуолле, мы однажды в первый раз затопили зимой камин. А когда взглянули в окно, то увидели, как отблески пламени играют на кусте в саду.

Луи. Но какие краски! Гранат! Рубин! Пламя переливалось,

как шелк. Дивное текучее пламя струилось меж листьев лавра, не сжигая их. Так вот, я хочу быть таким пламенем. Мне очень жаль, что я обману надежды бедных маленьких могильных червей, но я буду гореть, как пламя над неопалимой купиной. Где бы ты ни увидела пламя, Дженифер, помни, что это я. Обещай мне, что мое тело сожгут.

Миссис Дюбеда. Ох, Луи, если бы я могла сгореть вместе с тобой!

Луи. Нет. Ты должна быть в саду, когда купина вспыхнет. Ты — то, что останется после меня; ты — мое бессмертие. Обещай!

Миссис Дюбеда. Я слушаю тебя и ничего не забуду. Ты же знаешь: я обещаю.

Луи. Хорошо. Кажется, все. Нет, погоди. Устрой выставку моих работ. Я верю твоему глазу. И пусть к ним не прикасается никто, кроме тебя.

Миссис Дюбеда. Положись на меня.

Луи. Теперь, по-моему, больше не о чем беспокоиться. Дай мне еще молока. Я страшно устал, но если остановлюсь, то никогда уже не заговорю.

Сэр Ралф дает ему стакан. Луи берет его и странными глазами смотрит на врача.

Послушайте, Б. Б., а есть ли такая сила, которая заставила бы замолчать вас?

Бошингтон *(с трудом сохраняя самообладание)*. Он путает меня с вами, Пэдди. Ах, бедняга, бедняга!

Луи *(задумчиво)*. Я всегда ужасно боялся смерти. И вот она пришла, а мне не страшно. Я совершенно счастлив. Дженифер!

Миссис Дюбеда. Что, дорогой?

Луи. Я открою тебе один секрет. Порою я думал, что наш брак — одно притворство, что наступит день, когда я порву цепи и убегу. А теперь, когда эти цепи порвутся независимо от моего желания, я страстно люблю тебя и доволен своей участью, потому что освобожусь от своего докучного «я» и буду жить в тебе, как часть тебя.

Миссис Дюбеда *(в отчаянии)*. Останься со мной, Луи! Не уходи от меня, дорогой!

Луи. Нет, я не эгоист. При всех своих недостатках я, по-моему, все же не был эгоистом. Художник и не может им быть: искусство выше этого. Ты снова выйдешь замуж, Дженифер.

Миссис Дюбеда. Что ты говоришь, Луи!

Луи *(настойчиво, как ребенок)*. Да, выйдешь, потому что тот, кто был счастлив в первом браке, обязательно вступает в новый. Ревновать тебя я не стану. *(Лукаво.)* Только поменьше рассказывай другому обо мне — это ему не понравится. *(Смеется.)* Я навсегда останусь твоим возлюбленным, но ему, бедняге, не надо об этом знать.

Сэр Патрик. Довольно разговоров. Вам пора отдохнуть.

Луи *(слабо)*. Да, я страшно устал, но меня ждет долгий отдых. Я должен еще кое-что сказать вам, друзья. Вы ведь тут все? Я так слаб, что вижу только грудь Дженифер. Она сулит покой.

Риджен. Мы все здесь.

Луи *(вздрогнув)*. В этом голосе звучит коварство. Берегитесь, Риджен: мои уши слышат то, чего не слышат другие. Я долго думал... долго. Я умнее, чем вы полагаете.

Сэр Патрик *(шепотом Риджену)*. Вы действуете ему на нервы, Колли. Уйдите-ка потихоньку.

Риджен *(тихо сэру Патрику)*. Неужели вы отнимете публику у актера, который умирает?

Луи *(глаза его загораются злым огоньком)*. Я все слышал, Риджен. Сказано недурно. Дженифер, дорогая, всегда будь добра к Риджену: он последний, кто позабавил меня в этом мире.

Риджен *(непримиримо)*. Неужели?

Луи. Вы, вы! Не сомневайтесь. Вы-то еще стоите на сцене, а я уже на полпути домой.

Миссис Дюбеда *(Риджену)*. Что вы сказали?

Луи *(предвосхищая ответ)*. Ничего особенного, дорогая. Просто один из маленьких мужских секретов. Ну, что ж, друзья, вы были обо мне довольно скверного мнения и не скрывали его.

Бонингтон *(совершенно растроганный)*. Нет, нет, Дюбеда, вовсе нет.

Луи. Полно вам. Я знаю, что вы все обо мне думаете. Только не воображайте, что я огорчен этим. Я вас прощаю.

Уолпол *(невольно)*. Черт знает что! *(Спохватываясь.)* Извините.

Луи. Это сказал старина Уолпол. Я сразу его узнал. Не огорчайтесь, Уолпол. Мне хорошо и вовсе не больно. Я не хочу жить. Я удрал от своего «я». Я на небесах, я вечно буду жить в сердце моей прекрасной Дженифер. Я ничего не боюсь и ничего не стыжусь. *(Задумчиво и словно рассуждая вслух.)* Я знаю, что в прошлой, иллюзорной жизни

борьба за существование вынуждала меня иногда изменять своему идеалу. Но в своем собственном, внутреннем и подлинном мире я не сделал ничего дурного, никогда не изменял своей вере, ни разу не изменил себе. Мне угрожали, меня оскорбляли и шантажировали, я голодал. Но я не выходил из игры. Я боролся и боролся хорошо. А теперь все кончено и впереди несказанный покой. *(С трудом складывает руки и излагает свой символ веры.)* Я верю в Микеланджело, Веласкеса и Рембрандта. Верю в силу рисунка, тайну красок. Верю в вечную всеискупающую красоту и в искусство, благословившее эти руки. Аминь. Аминь. *(Закрывает глаза и умолкает.)*

Миссис Дюбеда *(задыхаясь)*. Луи, ты...

Уолпол вскакивает, чтобы удостовериться, умер ли Дюбеда.

Луи. Нет еще, дорогая. Скоро, но еще нет. Мне хочется положить голову к тебе на грудь, но я боюсь тебя утомить.

Миссис Дюбеда. Нет, нет, родной мой. Разве ты можешь меня утомить? *(Приподнимает мужа и кладет его голову к себе на грудь.)*

Луи. Как хорошо! Вот оно, настоящее!

Миссис Дюбеда. Не беспокойся, милый,— мне ни капельки не тяжело. Ни капельки. Обопрись на меня всем телом.

Луи *(к нему внезапно возвращаются прежние силы и уверенность в себе)*. А знаешь, Джинни-Гвинни, я, кажется, все-таки поправлюсь.

Сэр Патрик многозначительно смотрит на Риджена, молча предупреждая его, что это конец.

Миссис Дюбеда *(загораясь надеждой)*. Да, да, конечно, поправишься.

Луи. Понимаешь, мне вдруг захотелось спать. Совсем как обычному здоровому человеку.

Миссис Дюбеда *(баюкая его)*. Да, дорогой. Спи.

Луи как будто засыпает. Уолпол опять делает движение.

(Останавливает его.) Тсс! Пожалуйста, не мешайте ему.

Луи шевелит губами.

Что ты сказал, дорогой? *(В отчаянии.)* Я не слышу его, а пошевелиться боюсь.

Луи снова шевелит губами. Уолпол наклоняется над ним и прислушивается.

Уолпол. Он спрашивает, здесь ли репортер.

Репортер *(возбужденно — он наслаждается зрелищем)*. Да, мистер Дюбеда, я здесь.

Уолпол жестом призывает его к молчанию. Сэр Ралф опускается на кушетку и, не стыдясь своих слез, прячет лицо в носовой платок.

Миссис Дюбеда *(со вздохом облегчения)*. Вот так хорошо, дорогой. Ложись поудобней и не беспокойся обо мне. Теперь ты как следует отдохнешь.

Сэр Патрик быстро подходит к ним, щупает пульс Луи и берет его за плечи.

Сэр Патрик. Я положу его на подушку, сударыня. Так ему будет лучше.

Миссис Дюбеда *(умоляюще)*. Пожалуйста, не надо, доктор, ну, пожалуйста. Мне совсем не тяжело. Он проснется и будет огорчен, что его опять положили.

Сэр Патрик. Больше он не проснется. *(Опускает тело в кресло.)*

Риджен хладнокровно опускает спинку кресла, которое как бы превращается в катафалк.

Миссис Дюбеда *(резким движением встает и с достоинством, без слез бросает)*. Он умер?

Уолпол. Да.

Миссис Дюбеда *(с тем же достоинством)*. Прошу извинить — я сейчас вернусь. *(Уходит.)*

Уолпол. Не пойти ли за ней? Быть может, она не владеет собой?

Сэр Патрик *(убежденно)*. Не надо. Она выдержит. Оставьте ее. Она скоро вернется.

Риджен *(невозмутимо)*. А пока она не вернулась, нужно убрать отсюда тело.

Бонингтон *(возмущенно поднимается)*. Ну, знаете, милый Колли!.. Бедный мальчик! Какая красивая смерть!

Сэр Патрик. Эх, вот так и умирают те, кто порочен.
Ничем не связанные, остаются.
Они сильны и в смерти:
Заботы наши их не бременят.

Впрочем, не нам его судить. Он уже в ином мире.

Уолпол. И, вероятно, уже занимает там у кого-нибудь пять фунтов.

Риджен. Я как-то сказал, что самое трагическое в мире зре-

лище — это больной врач. Я ошибся. Самое трагическое зрелище — талантливый человек, когда он бесчестен.

Вместе с Уолполом откатывает кресло в нишу.

Репортер *(сэру Ралфу)*. Мне кажется, он проявил очень глубокое чувство, так решительно настаивая, чтобы жена его носила траур и дала ему клятву никогда не выходить замуж.

Бонингтон *(выразительно)*. Миссис Дюбеда лишена возможности продолжать интервью. Мы тоже.

Сэр Патрик. До свиданья!

Репортер. Но миссис Дюбеда сказала, что еще вернется.

Бонингтон. Да, только после вашего ухода.

Репортер. Как по-вашему, она не согласится сказать несколько слов о том, каково чувствовать себя вдовой? Недурной получится заголовок, а?

Бонингтон. Молодой человек, если вы попробуете дожидаться возвращения миссис Дюбеда, у вас будет материал для статьи под заголовком: «Каково быть вышвырнутым за дверь».

Репортер *(колеблясь)*. Вы думаете, она не согласится...

Бонингтон *(прерывая его)*. Всего наилучшего. *(Вручает ему визитную карточку.)* Это вам — не переврите мое имя. Всего наилучшего!

Репортер. До свиданья! Благодарю вас... *(Пытается прочесть имя.)* Мистер...

Бонингтон. Я вам не мистер. Если не ошибаюсь, это ваша шляпа. *(Протягивает ему шляпу.)* Перчатки? Впрочем, откуда им взяться? Всего наилучшего! *(Выставляет репортера, запирает дверь и возвращается к сэру Патрику.)*

Риджен и Уолпол выходят из ниши. Уолпол направляется к вешалке, Риджен идет к сэру Ралфу и сэру Патрику.

Бедняга! Бедняга! Как красиво он умер! Я прямо-таки растроган.

Сэр Патрик. Поживите с мое и вы поймете, что совершенно неважно, как человек умирает. Важно, как он живет. В наши дни любой дурак, подставивший голову под пулю, считается героем — он ведь умер за отечество. Почему он не жил для него?

Бонингтон. Нет, нет, Пэдди, не будьте так суровы к бедному мальчику. Хоть сейчас отзывайтесь о нем помягче. Так ли уж он, в конце концов, был порочен? У него было всего две слабости: деньги и женщины. Будем откро-

венны. Говорите правду, Пэдди. Не лицемерьте, Риджен. Сбросьте маску, Уолпол. Разве в этих двух областях царит теперь такое благополучие, что человек, несколько пренебрегающий общественными установлениями, может уже считаться окончательно испорченным?

Уолпол. Я не виню покойника за то, что он пренебрегал общественными установлениями, черт бы их все побрал! Человек науки равно презирает и деньги, и женщин. Я упрекаю его в том, что он пренебрегал всем, кроме своего кошелька и своих прихотей. Он не пренебрегал общественными установлениями, коль скоро они были ему выгодны. Разве он отдавал свои работы даром? Вы думаете, он не стал бы шантажировать меня, если бы я соблазнил его жену? Как бы не так!

Сэр Патрик. Охота вам тратить время на пустые споры! Негодяй это негодяй, порядочный человек это порядочный человек, и оба они одинаково успешно докажут вам, что с точки зрения религии и нравственности их образ действий является самым правильным. То же самое происходит и будет происходить с представителями целых профессий, с народами, со всем миром.

Бонингтон. Может быть, может быть. Однако de mortuis nil nisi bene.[1] А умер он все-таки очень красиво, удивительно красиво. Он подал нам всем пример. Постараемся же подражать этому человеку, а не рассуждать о тех слабостях, которые умерли вместе с ним. По-моему, еще Шекспир заметил, что добро, сделанное людьми, переживает их, а зло хоронят вместе с ними. Да, хоронят вместе с ними. Поверьте, Пэдди, все мы смертны. Это наш общий удел, Риджен. Что бы вы ни говорили, Уолпол, природа возьмет свое. Не сегодня, так завтра.

От лихорадки жизни отоспимся
Мы завтра, завтра, завтра, удалясь
В безвестный край, откуда нет возврата
Земным скитальцам, в край, где без следа
Все исчезает.

Уолпол пытается заговорить, но Б. Б. новым и неожиданным возгласом перебивает его.

Дотлевай, огарок!
Что можешь ты прибавить к вечным мукам?
Готовность — это все.

---

[1] О мертвых говори только хорошее *(лат.)*.

Уолпол *(мягко, потому что чувства Б. Б., как нелепо они ни выражены, все-таки слишком искренни и человечны, чтобы смеяться над ними)*. Да, Б. Б., смерть производит на людей сильное впечатление. Не знаю – почему, но производит. Кстати, что нам теперь делать? Поскорее убираться или подождать, пока вернется миссис Дюбеда?

Сэр Патрик. Я думаю, нам лучше уйти. Все, что нужно, передадим через служанку.

Берут цилиндры и направляются к двери.

Миссис Дюбеда *(выходит из соседней комнаты в изящном и богатом туалете. Лицо у нее сияющее, через руку переброшен кусок алого шелка с великолепной вышивкой)*. Простите, что заставила вас ждать.

Сэр Патрик, Бонингтон, Риджен, Уолпол *(остолбенев от изумления, смущенно, почти шепотом)*. Помилуйте, сударыня! Ну, что вы, что вы! Ради бога! Пустяки!

Миссис Дюбеда *(подходя к ним)*. Я понимаю, что просто обязана еще раз пожать руку его друзьям, прежде чем мы расстанемся. Сегодня нам пришлось пережить вместе большое событие и большое счастье. Думаю, что после этого мы уже не сумеем вновь стать обыкновенными людьми. То небывалое, что мы видели, дало нам общую веру, общий идеал, которых нет у остальных наших ближних. Жизнь всегда будет для нас прекрасной, смерть тоже. Итак, пожмем друг другу руки.

Сэр Патрик *(пожимая ей руку)*. Не забудьте передать все бумаги вашему поверенному. Пусть ознакомится со всем и все уладит. Так уж полагается по закону.

Миссис Дюбеда. Спасибо. Я этого не знала.

Сэр Патрик уходит.

Уолпол. До свиданья! Никогда не прощу себе, что не настоял на операции. *(Уходит.)*

Бонингтон. Я пришлю вам людей, которые сделают все, что нужно. Вам ни о чем не придется беспокоиться. До свиданья, моя дорогая. *(Уходит.)*

Риджен. До свиданья! *(Протягивает руку.)*

Миссис Дюбеда *(мягко, но с достоинством отступая)*. Я сказала – его друзьям, сэр Колензо.

Риджен кланяется и уходит.

Она разворачивает кусок шелка и входит в нишу, чтобы накрыть им тело.

Одна из небольших картинных галерей на Бонд-стрит. Входят в нее через магазин, где торгуют картинами. Почти посредине галереи письменный стол, за которым, спиной к входу, сидит элегантный секретарь и правит корректуры каталога. На столе кипа экземпляров какой-то новой книги, цилиндр секретаря и несколько луп. Слева и чуть позади небольшая дверь с надписью: «Посторонним вход воспрещен». Рядом с дверью, у той же стены, небольшой диван. На стене работы Дюбеда. По углам, слева и справа от входа, два стенда, также увешанные работами Дюбеда.

В галерею через маленькую дверь входит Дженифер, изысканно одетая и, видимо, пребывающая в наилучшем настроении.

Дженифер. Вы уже получили каталоги, мистер Дэнби?

Секретарь. Еще нет.

Дженифер. Какое безобразие! Ведь через полчаса открытие выставки.

Секретарь. Может быть, мне сбегать в типографию и поторопить?

Дженифер. Будьте так добры, мистер Дэнби. А я посижу здесь вместо вас.

Секретарь. Если кто-нибудь придет раньше времени, не обращайте внимания: приказчик незнакомых не пропустит. У нас есть несколько клиентов, которые всегда приходят до того, как появляется публика. Это серьезные покупатели, и мы, естественно, рады им. Вы читали заметки в «Кисти и карандаше» и в «Мольберте»?

Дженифер *(возмущенно)*. Да. Какая мерзость! Они написаны таким покровительственным тоном, словно их авторы снисходят до мистера Дюбеда. И это после всех сигар и сэндвичей, которыми мы угощали журналистов на встрече с прессой, после всего, что они выпили! Честное слово, писать так — просто низость. Надеюсь, вы не послали им пригласительные билеты?

Секретарь. Больше они не придут: сегодня завтрака не будет. Кстати, прибыли первые экземпляры вашей книги. *(Указывает на стопку новых книг.)*

Дженифер *(с неудержимым волнением хватая книгу)*. Дайте посмотреть. Извините, я сейчас. *(Убегает с книгой в маленькую дверь.)*

Секретарь достает из стола зеркальце и перед уходом приводит себя в порядок. Входит Риджен.

Риджен. Доброе утро! Можно мне, как обычно, осмотреть выставку до открытия?

Секретарь. Конечно, сэр Колензо. К сожалению, каталоги еще не готовы, я как раз отправляюсь за ними. Если не возражаете, могу предложить свой собственный список.

Риджен. Благодарю. А это что? *(Берет в руки одну из новых книг.)*

Секретарь. Первые экземпляры книги миссис Дюбеда о ее покойном муже.

Риджен *(читает заголовок)*. «Жизнь лучшего из людей, написанная его женой». *(Разглядывает фронтиспис с портретом художника.)* А, вот и он! Надеюсь, вы его знали?

Секретарь. О да, сэр Колензо. В некоторых отношениях, пожалуй, лучше, чем она.

Риджен. Я тоже.

Многозначительно смотрят друг на друга.

Я посмотрю картины.

Секретарь надевает цилиндр и уходит. Риджен разглядывает картины. Затем подходит к столу, берет лупу и принимается изучать один из эскизов. Вздыхает и качает головой, словно поневоле признает исключительные достоинства и прелесть работы, потом делает пометку в списке, данном ему секретарем. Продолжая разглядывать картины, заходит за стенд.

Возвращается Дженифер с книгой в руках. Окинув глазами галерею, убеждается, что посторонних нет, садится за стол и с наслаждением перелистывает книгу, свою первую книгу.

Из-за стенда показывается Риджен. Стоя лицом к стене, он рассматривает картины. Наводит лупу на одну из них, форматом побольше, чем остальные, после чего отходит немного назад, чтобы посмотреть издали.

Услышав звук шагов, Дженифер поспешно захлопывает книгу, оглядывается, видит Риджена и каменеет. Он делает еще один шаг назад, все ближе придвигаясь к ней.

Риджен *(снова покачав головой)*. Талантливая скотина!

Она краснеет, словно ее ударили.

(Поворачивается, чтобы положить лупу на письменный стол, и ловит на себе ее пристальный взгляд.) Простите. Я думал, здесь никого нет.

Дженифер *(овладев собой, говорит спокойным, но многозначительным тоном)*. Рада видеть вас, сэр Колензо Риджен. Вчера я встретила доктора Бленкинсопа. Поздравляю вас с блестящим успехом лечения.

Риджен не находит слов и молчит, затем делает уклончивый жест и кладет лупу и список на стол секретаря.

Он выглядел как олицетворение здоровья, силы и благополучия. *(Устремляет глаза на стенд, словно сравнивая счастливый удел Бленкинсопа с участью художника.)*

Риджен *(негромко и все еще смущенно)*. Да, ему посчастливилось.

Дженифер. Очень. Ему спасли жизнь.

Риджен. Я хотел сказать, что он назначен санитарным инспектором. Кроме того, он успешно вылечил председателя своего муниципального совета.

Дженифер. Вашим лекарством?

Риджен. Нет, фунтом спелых слив, насколько мне известно.

Дженифер *(невозмутимо серьезно)*. Забавно!

Риджен. Да. Жизнь не перестает быть забавной от того, что люди умирают, и не перестает быть серьезной от того, что они смеются.

Дженифер. Доктор Бленкинсоп сказал мне очень странную вещь.

Риджен. А именно?

Дженифер. Он сказал, что частная практика должна быть запрещена законом. Я спросила — почему, и он ответил, что частные врачи — дипломированные невежды и убийцы.

Риджен. Врачи, состоящие на службе, всегда говорят так о частных врачах. Бленкинсопу следовало бы это знать: он сам достаточно долго занимался частной практикой. Но довольно перечислять мои грехи. Давайте поговорим. Мне кажется, вы меня в чем-то упрекаете. Ваше лицо, ваш голос — все дышит упреком. Говорите же.

Дженифер. Упрекать уже поздно. Когда я обернулась и увидела вас, я удивилась, как вы могли прийти сюда и хладнокровно рассматривать его картины. Но вы сами рас-

сеяли мое недоумение. Для вас он был только талантливой скотиной.

Риджен *(вздрогнув)*. Не надо так. Поверьте, я не знал, что вы здесь.

Дженифер *(непроизвольно и гордо вздернув голову)*. Вы думаете, дело только в том, что я слышала? Да разве это может задеть меня или его? Как вы не понимаете, что весь ужас в другом: вы не видите души в живом существе.

Риджен *(скептически пожимая плечами)*. Душа — орган, с которым я не сталкивался во время моих анатомических штудий.

Дженифер. Вы прекрасно знаете, что не рискнете городить такой вздор ни перед кем, кроме женщины, за которой не признаете разума. Если вы подвергнете меня вскрытию, вы не найдете во мне совести. Значит ли это, что ее у меня действительно нет?

Риджен. Я встречал людей, у которых ее не было.

Дженифер. То есть у талантливых скотов? А известно ли вам, доктор, что самые мои близкие и верные друзья были именно такими скотами? Вот их-то вам бы и подвергнуть вивисекции. Мой самый близкий и верный друг отличался красотой и привязчивостью, которые свойственны одним лишь животным. Дай вам бог никогда не испытать того, что испытала я, вверив его людям, которые могут мучить животных, потому что это всего лишь скоты.

Риджен. Полно! Так ли уж мы жестоки? Со мной вы не желаете иметь ничего общего, а вот у Бонингтонов и Уолполов, как я слышал, гостите по целой неделе. И это, видимо, правда, коль скоро они теперь избегают упоминать о вас в разговорах со мною.

Дженифер. В доме у сэра Ралфа с животными обращаются, как с балованными детьми. Когда его мастиф занозил себе лапу и мистер Уолпол вытаскивал занозу, я сама держала бедного пса, а сэра Ралфа пришлось выставить из комнаты. Миссис Уолпол запретила садовнику убивать ос на глазах у мистера Уолпола. А бывают врачи, жестокие по натуре или такие, которые привыкли к жестокости и стали совершенно бесчувственными. Они считают, что у животных нет души, поэтому не видят ее и в людях. Вы совершили страшную ошибку в отношении Луи, но вы не сделали бы ее, не приучи вы себя делать такие же ошибки в отношении собак. Вы видите в них лишь бессло-

весных скотов; поэтому и в Луи вы увидели только талантливую скотину.

Риджен *(с внезапной решимостью)*. Я не совершал никакой ошибки в отношении его.

Дженифер. Доктор!

Риджен *(упрямо)*. Да, никакой ошибки.

Дженифер. Неужели вы забыли, что он мертв?

Риджен *(указывая на картины)*. Он не мертв. Он здесь. *(Берет в руки книгу.)* И здесь.

Дженифер *(вскакивает, сверкая глазами)*. Сейчас же положите! Как вы смеете касаться ее?

Риджен, удивленный такой яростной вспышкой, примирительно пожимает плечами и кладет книгу на место. Дженифер берет ее и смотрит так, словно Риджен осквернил святыню.

Риджен. Простите. По-моему, мне лучше уйти.

Дженифер *(кладет книгу на стол)*. Извините, я... Я забылась. Но книга еще... Это мой авторский экземпляр.

Риджен. Если бы не я, эта книга была бы совсем другой.

Дженифер. Если бы не вы, она была бы гораздо длиннее.

Риджен. Значит, вам известно, что я убил его?

Дженифер *(внезапно растрогавшись, мягко)*. Ах, доктор, если вы понимаете, что вы совершили, если признаетесь в этом хотя бы самому себе, тогда... тогда возможно и прощение. Сперва я интуитивно поверила в вашу силу, потом решила, что приняла за силу бессердечие. Можете ли вы меня винить? Но если это, действительно, была сила, если все это оказалось лишь ошибкой, которую может совершить каждый из нас, я буду счастлива возобновить нашу дружбу.

Риджен. Повторяю, я не сделал ошибки. Я вылечил Бленкинсопа. Разве это ошибка?

Дженифер. Он сам выздоровел. Не будьте таким гордецом, доктор. Признайтесь, что вы ошиблись, и спасите нашу дружбу. Вспомните: сэр Ралф давал Луи вашу сыворотку, и ему стало хуже.

Риджен. Я не могу строить нашу дружбу на лжи. Слова сами рвутся у меня из горла. Вы должны узнать правду. Я лечил Бленкинсопа тем же средством, и ему не стало хуже. Это опасное средство. Бленкинсопу оно помогло, Луи Дюбеда — убило. Когда его применяю я, оно исцеляет. Когда его применяет другой, оно убивает... Иногда.

Дженифер *(наивно и все еще ничего не понимая)*. Почему же вы позволили сэру Ралфу лечить этим средством Луи?

Ридженн. Скажу. Я это сделал потому, что любил вас.

Дженифер *(изумленно и простодушно)*. Любили... Вы? В ваши годы?

Ридженн *(как пораженный громом, поднимает руки к небу)*. Ты отомщен, Дюбеда! *(Опускает руки и падает на диван.)* Об этом я не подумал. Я, наверно, кажусь вам смешным старым дураком.

Дженифер. Поверьте, я не хотела обидеть вас, право, не хотела. Но вы же лет на двадцать старше меня.

Ридженн. Вероятно. Пожалуй, еще старше. Через двадцать лет вы поймете, как ничтожна такая разница.

Дженифер. Допустим. Но как вы могли вообразить, что мне, его жене, может прийти в голову мысль о вас?

Ридженн *(нервным жестом перебивая ее)*. Да, да, да. Я все понимаю. Не надо ничего объяснять.

Дженифер. Но... Ох, только теперь я начинаю понимать... Сначала я так удивилась... И вы осмеливаетесь признаться, что из мелкой ревности умышленно... ох!.. убили его?

Ридженн. По-моему, убил. Так оно, по крайней мере, получается.

Нет, ты его не должен убивать,
Но не старайся и спасать.

Да, я убил его.

Дженифер. И вы говорите это мне? Какое бессердечие! Но неужели вы не боитесь?

Ридженн. Я – врач. Мне нечего бояться. Передать больного сэру Ралфу – не преступление. Вернее сказать, преступление, но такое, которое закон не карает.

Дженифер. При чем здесь закон? Вы не боитесь, что я поставлю себя на место закона и сама убью вас?

Ридженн. Я настолько потерял из-за вас голову, что согласен даже на это. По крайней мере, вы всю жизнь помнили бы меня.

Дженифер. Я и так никогда не забуду вас, пигмей, поднявший руку на гиганта.

Ридженн. Прошу прощения, но я все-таки убил его.

Дженифер *(спокойно и убежденно)*. Нет. Врачи воображают, что жизнь и смерть в их руках, но участь человека не зависит от их воли. Я убеждена, что вы никак не повлияли на судьбу Луи.

Ридженн Может быть, и нет. Но хотел повлиять.

Дженифер *(изумленно и не без жалости глядя на него)*. И вы хотели уничтожить такое высокое прекрасное существо только потому, что ревновали к нему женщину, на чувство которой не могли рассчитывать?

Риджен. А кто поцеловал мне руку? Кто верил мне? Кто говорил, что конец нашей дружбе положит только смерть?

Дженифер. Женщина, которую вы предали.

Риджен. Нет. Женщина, которую я спас.

Дженифер *(мягко)*. От чего вы спасли меня, доктор?

Риджен. От страшного открытия. От полного крушения в жизни.

Дженифер. Не понимаю.

Риджен. Не важно. Мне удалось вас спасти. Я стал вашим первым настоящим другом. Вы счастливы. Вам хорошо. Его картины для вас – неисчерпаемый источник счастья и гордости.

Дженифер. И вам кажется, что всем этим я обязана вам? Ах, доктор, доктор! Сэр Патрик прав: вы всерьез думаете, что вы бог. Какая глупость! Разве вы создали эти картины, неисчерпаемый источник моего счастья и гордости? Разве вы говорили слова, которые всегда будут звучать в моих ушах небесной музыкой? Я слышу их и теперь, когда устаю и мне грустно. Поэтому я всегда счастлива.

Риджен. Да, теперь, когда он мертв. Но разве вы всегда были счастливы при его жизни?

Дженифер *(задетая)*. О, вы жестоки, очень жестоки! При его жизни я не сознавала всей безмерности своего счастья. Меня огорчали глупые пустяки. Я сердилась на Луи. Я была недостойна его.

Риджен *(горько смеется)*. Ха-ха-ха!

Дженифер. Не оскорбляйте меня! Не кощунствуйте! *(Хватает книгу и, обуреваемая угрызениями совести, прижимает ее к груди.)* О, лучший из людей!

Риджен. Лучший из людей! Это уж слишком чудовищно, слишком карикатурно! Мы, жестокие врачи, свято хранили все в тайне от вас. Но вечно хранить тайну невозможно. Правда рано или поздно встает из могилы.

Дженифер. Какая правда?

Риджен. Какая? Правда о Луи Дюбеда, лучшем из людей, который был отпетым и законченным мошенником, до невероятия подлым негодяем, бессердечным самовлюбленным эгоистом и сделал несчастной свою жену.

Дженифер *(с прежним непоколебимым спокойствием и не-*

жностью). Он сделал свою жену самой счастливой женщиной в мире, доктор.

Риджен. Клянусь всем святым, нет! Счастливейшей женщиной в мире он сделал свою вдову, а вдовой ее сделал я. И в ее счастье – мое оправдание, моя награда. Теперь вы знаете, что́ я сделал и что́ я о нем думал. Можете сердиться на меня, но зато вы теперь знаете, каков я на самом деле. И если вам случится полюбить человека моих лет, вы будете, по крайней мере, знать, за что вы его полюбили.

Дженифер *(спокойно и мягко)*. Я больше не сержусь на вас, сэр Колензо. Я отлично знала, что вы не любите Луи, но это не ваша вина. Вы не понимали его, вот и все. Вы не верили в него. Точно так же вы не верите и в то, во что верю я. Это нечто вроде шестого чувства – с ним надо родиться. *(С мягким успокоительным жестом.)* И не думайте, что вы так страшно потрясли меня. Я прекрасно понимаю, что вы имели в виду, назвав Луи эгоистом. Он всем жертвовал ради искусства. В известном смысле, даже всеми...

Риджен. Да, всеми, кроме себя. Поэтому он потерял право жертвовать вами и дал мне право пожертвовать им, что я и сделал.

Дженифер *(с жалостью качает головой)*. Он был одним из тех мужчин, которым известно то, что известно нам, женщинам: приносить в жертву себя – бесполезная трусость.

Риджен. Да, если эта жертва отвергается. Нет, если божество принимает ее.

Дженифер. Этого я не понимаю. Мне не под силу спорить с вами: вы слишком умны. Но вы можете лишь сбить меня с толку. Переубедить меня вам не удастся. Вы так бесконечно, так ужасно несправедливы. Вы не способны оценить Луи.

Риджен. Вот как? *(Берет в руки список.)* Я выбрал пять вещей и хотел бы их купить.

Дженифер. Вам их не продадут. Кредиторы Луи настаивали на торгах, но сегодня мой день рождения, и утром муж купил мне в подарок все работы Луи.

Риджен. Кто?

Дженифер. Мой муж.

Риджен *(запинаясь и заикаясь)*. Какой муж? Чей муж? Что за муж? Как? Что? Вы хотите сказать, что снова вышли замуж?

Дженифер. Разве вы забыли, что Луи не терпел вдов и что люди, которые были счастливы в первом браке, всегда вступают в него вторично?

Риджен. Значит, я совершил бескорыстное убийство?

Возвращается секретарь с кипой каталогов.

Секретарь. Еле-еле успел перехватить первую партию. Выставка открыта.

Дженифер *(вежливо, Риджену)*. Очень рада, что картины понравились вам, сэр Колензо. До свиданья!

Риджен. До свиданья! *(Идет к двери, останавливается, хочет что-то сказать, но, махнув рукой, уходит.)*

ИНТЕРЛЮДИЯ В ТЕАТРЕ

1907

THE INTERLUDE AT THE PLAYHOUSE

Премьера. Блестящая публика, завсегдатаи первых представлений. Заключительные такты увертюры. В каждую программку вложен листок, оповещающий, что перед началом спектакля несколько слов скажет менеджер. Рампа перевернута и обращена огнями вниз, в зрительный зал. Ожидание. Тишина. Занавес шевелится — очевидно, кто-то пробирается вперед, чтобы выступить.
Перед занавесом появляется жена менеджера с листком в руке.

Жена менеджера. Леди и джентльмены. *(Нервничает, не может продолжать, наконец решается.)* Я хотела сказать про речь... вот тут... тут написано, что Эдвин... то есть мистер Голдсмит... Я так волнуюсь... *(Принимается старательно разрывать программку на клочки.)* Мне надо успеть, пока он не явился из туалетной, он же не подозревает, чем я тут занимаюсь. Не дай бог он узнает!.. Да, так что́ я хочу сказать... я, конечно, говорю очень плохо, я совершенно не умею говорить публично... но и Эдвин не умеет, вот в чем беда. Простите, что я говорю «Эдвин», я знаю, мне надо называть его «мистер Голдсмит», но... но уж придется открыть, что мы женаты, и сила привычки настолько велика... э-э-э... В общем, очень велика. Понимаете, дело обстоит так. Во всяком случае, я хотела сказать вот что... э-э-э... Может, если бы вы согласились поаплодировать, это меня подбодрило бы. Благодарю вас. Нелепо, конечно, так волноваться, когда ты среди друзей, правда? Но у меня была такая тяжелая неделя из-за эдвиновской речи. Он ужасно сердится на меня, когда я говорю, что он не умеет произносить речей, да никому это и не нужно. Мне просто хотелось подбодрить его, но он ужас как раздражителен, когда ему приходится организовывать театр. Это в голову никому не придет, как посмотришь на него на сцене, в роли, но вы не представляете себе, что с ним творится дома. И поэтому-то, дорогие леди и джентльмены, могу я попросить вас быть к нему подобрее и поснисходительнее во время речи? А если он будет нервничать, постарайтесь не обращать внимания. И пожалуйста, ведите себя как

можно тише, малейший звук выводит его из равновесия и он сразу сбивается. Вообще-то речь получилась прекрасная. Он мне не давал читать рукопись и думает, я ничего про нее не знаю. Но я четыре раза слышала, как он репетировал ее во сне. Во сне у него получается очень хорошо, как у настоящего оратора, но сейчас-то он, к сожалению, бодрствует и находится во взвинченном состоянии. Я чувствовала, что непременно должна опередить его и попросить вас проявить к нему снисходительность. Ведь мы с вами старые друзья, правда?

Аплодисменты.

Ох, спасибо, спасибо, я принимаю это как обещание. А сейчас бегу. Только, пожалуйста, не выдавайте меня. *(Идет вдоль занавеса.)* И главное, главное — чтобы никакого шума. Если даже упадет шпилька — все погибло. *(Возвращается на середину авансцены.)* Ах да, господин дирижер, будьте так добры, когда он дойдет до патетического места, заиграйте что-нибудь медленное. Что-нибудь такое трогательное.

Дирижер. С удовольствием, миссис Голдсмит, с удовольствием.

Жена менеджера. Благодарю вас. Знаете, главное несчастье в его жизни то, что режиссеры не занимают его в мелодраме. И не потому, что он так уж любит мелодраму, но просто он считает, что медленная музыка необычайно помогает актеру на сцене, а сегодня ему, бедняжке, так нужна помощь. Он...

Плотник *(высовывает голову из-за края занавеса, тихонько).* Эй, мэм, эй!

Жена менеджера. А? Что такое?

Плотник. Хозяин оделся, мэм, сюда идет.

Жена менеджера. Ой! *(Публике.)* Ни слова ему. *(Убегает, приложив палец к губам.)*

Дирижер стучит палочкой. Оркестр тихонько играет «Давным-давно то было». Занавес поднимается, на сцене стоит столик с хитроумным складным пюпитром, на пюпитре толстая неперепленетенная рукопись, стакан, графин с водой и две свечи, заслоненные от зрителей. Справа кресло, в котором сидит жена менеджера. Слева от столика пустое кресло. У столика стоит мертвенно-бледный менеджер. Аплодисменты. Дождавшись тишины, он делает несколько безрезультатных попыток заговорить.

Жена менеджера *(ему)*. Мужайся, милый.

Менеджер *(выдавливает из себя улыбку)*. Да, да, все в порядке, не тревожься, моя радость. Я полностью владею собой. Было бы очень глупо с моей стороны... э-э-э... нет никакого повода нервничать... я... э-э-э... вполне привычен к публике... э-э-э. Ахм! *(Раскрывает рукопись, поднимает голову и набирает в легкие воздуху.)* Э-э-э... *(Разглаживает листы широким, смелым жестом оратора. Пюпитр с ужасающим грохотом складывается. Менеджер в полном изнеможении падает в кресло, его колотит.)*

Жена менеджера *(заботливо подбегает)*. Не бойся, милый, это просто пюпитр. Ну же, вставай, вставай. Тебе ведь уже лучше? Публика ждет.

Менеджер. Я думал, это на станции.

Жена менеджера. Станции теперь здесь нет, милый, все безопасно. *(Кладет рукопись обратно на пюпитр.)* Ну вот! Все хорошо. *(Садится успокоенная, приготавливается слушать.)*

Менеджер *(начинает свою речь)*. Дорогие друзья... хотел бы я назвать вас «леди и джентльмены»...

Жена менеджера. Гм! Гм!

Менеджер. В чем дело?

Жена менеджера *(подсказывает)*. Леди и джентльмены, хотел бы я назвать вас «дорогие друзья».

Менеджер. Ну а я как сказал?

Жена менеджера. А ты сказал наоборот. Ладно, неважно. Продолжай, они поймут.

Менеджер. Какая разница? *(Ворчливо.)* Как, интересно, можно произнести речь, если человека прерывают? *(К публике.)* Извините мою жену, леди и джентльмены. Бедняжка, естественно, немного нервничает сегодня. Простите ей эту женскую слабость. *(Жене.)* Возьми себя в руки, дорогая. Ахм! *(Опять обращается к рукописи.)* Земельный участок, на котором построен наш театр, упоминается в «Книге Страшного Суда» Вильгельма Завоевателя. Вы будете рады услышать, что мне удалось проследить его историю почти год за годом на протяжении восьмисот лет, протекших со времени написания этой книги — быть может, самой интересной из всех английских книг. Эту историю я и собираюсь изложить теперь вам. Анджелина, право, я не могу говорить, когда ты все время смотришь на часы. Если ты считаешь, что я затягиваю, так и скажи.

Жена менеджера. Нисколько, милый. Но, может быть, наши друзья совсем не так увлечены историей, как ты.

Менеджер. Почему? Удивляюсь я тебе, Анджелина. Или ты воображаешь, что у нас собрались заурядные поверхностные театралы? Ты отстала от века. Погляди на нашего друга Бирбома Три. Он разбогател на Римской истории! Погляди на «Корт-тиэтр»: три часа кряду там слушают подобные выступления. Погляди на Королевскую Академию искусств, Статистическое общество, Палату общин! Разве наша аудитория менее эрудированна, менее серьезна? Не стану распространяться о моих скромных способностях, но все-таки, все-таки, неужели я менее занимателен, чем средний член кабинета министров? Ты проявляешь глубокое непонимание эпохи, в которую мы живем, Анджелина. И если тебе наскучила моя речь, значит ты движешься не в ногу со временем. Я же твердо решил, что мой театр будет двигаться в ногу со временем.

Жена менеджера. А я тебе скажу, что, если в твоей речи не появится каких-нибудь признаков движения, то для «Пиклзов» времени не останется.

Менеджер. И пускай. Можно обойтись без «Пиклзов», если понадобится. В «Пиклзах» я уже играл. Если ты полагаешь, что я горю желанием их играть, то очень ошибаешься. Если бы понимали истинную природу моего дарования, я бы играл Гамлета. Спроси зрителей, хотелось бы им видеть меня в «Гамлете».

Восторженный шум одобрения.

Вот, пожалуйста! Ты спрашиваешь меня, почему я не играю Гамлета, вместо того чтобы играть в «Пиклзах»...

Жена менеджера. В жизни ничего подобного не спрашивала.

Менеджер. Не возражай мне, будь добра, Анджелина, хотя бы на людях. Повторяю, ты спрашиваешь, почему я не играю Гамлета. Причина в том, что Гамлета может играть кто угодно, в «Пиклзах» же могу играть только я. Я оставляю «Гамлета» тем, кто не способен создать другой, более легкой формы развлечения. *(Решительно обращается к рукописи.)* Теперь я вернусь к тысяча сотому году.

Режиссер *(в отчаянии выбегает на сцену)*. Нет, сэр, сделайте милость, не возвращайтесь так далеко! Вы обещали

справиться за десять минут. Мне надо подготовить сцену к первому акту.

Менеджер. Разве я виноват? Жена не дает мне говорить. Я не могу слова вставить. *(Умильным голосом.)* Ну же! Голубчик! Дайте мне еще минут двадцать, не больше. Публике так хочется послушать мою речь. Вы же не станете их разочаровывать, правда?

Режиссер *(сдаваясь)*. Ладно, все равно будет по-вашему, а не по-моему, сэр. Только не вините меня потом, когда зрители опоздают на последний поезд и запросятся ночевать в театр. Я вас предупредил. *(Выходит с видом человека, приготовившегося к самому худшему.)*

Во время разговора жена менеджера незаметно выкрадывает рукопись, оставляя на пюпитре только последние две страницы, кладет рукопись на стул и усаживается на нее.

Менеджер. Безнадежно поверхностный человек. Нет, надо подобрать более интеллигентный персонал. *(К зрителям.)* Леди и джентльмены, бесконечно сожалею об этих злополучных перерывах и задержках, но, сами видите, это не моя вина. *(Опять подходит к столу.)* Ахм! Э-э-э... Смотрите-ка! Оказывается, я продвигаюсь быстрее, чем я думал. Долго я вас теперь не задержу. *(Возобновляет свою речь.)* Леди и джентльмены, я охарактеризовал наш маленький театр в историческом аспекте, в политическом, финансовом, художественном, социальном, муниципальном, биологическом и психологическом. Вы слушали меня с терпением и сочувствием. Вы следили за моими доводами с полным пониманием и благосклонно приняли мои умозаключения. Я объяснил вам, почему я дал нашему театру славное старинное имя, почему я выбрал «Пиклзов» для первого представления. Я рассказал вам о наших планах, о заключенных ангажементах, о пьесах, которые мы собираемся ставить, о линии, которой намерены придерживаться. *(Более многозначительно.)* Остается добавить одно. *(С чувством.)* И если в этом одном прозвучит личная нотка, вы простите меня. *(С еще большим чувством.)* И если мой голос прозвучит серьезнее и проникновеннее, чем свойственно ему звучать на сцене, вы, надеюсь, не сочтете, что я изменил тому, что, как я слыхал, принято называть моим амплуа. *(С волнением.)* Леди и джентльмены, более двадцати лет прошло с той поры, как мы с моей дорогой женой...

Скрипки играют тремоло, флейта — соло «Давным-давно то было».

Что за шум? Прекратите. Что вам вздумалось?

Оркестр замолкает.

Жена менеджера. Они просто решили поддержать тебя, Эдвин. По-моему, очень уместно.

Менеджер. Поддержать! Да они изгнали из моей души переполнявшее ее чувство. Неслыханно! И самое обидное, что я как раз собрался поразливаться о тебе.

Жена менеджера. Продолжай, милый. Зрители только-только вошли во вкус.

Менеджер. Я тоже. И тут вдруг на тебе — как на зло. При чем тут оркестр? Что у нас — «Друри-Лейн» или драматический театр? А теперь у меня все настроение пропало.

Жена менеджера. Нет, пожалуйста, продолжай, у тебя так хорошо получалось.

Менеджер. Разумеется, хорошо. Только-только я настроил зрителей на серьезный лад, а тут дурацкий оркестр взял и всех рассмешил — прямо как в нынешних трагедиях. И все мои труды пошли прахом! От речи ничего не осталось, с таким же успехом я мог оглашать билль об образовании.

Жена менеджера. Но надо же закончить, милый.

Менеджер. Не буду. Кончай сама. *(Покидает сцену, уязвленный до глубины души.)*

Жена менеджера *(встает и подходит к рампе)*. Леди и джентльмены! Придется, пожалуй, закончить мне. Как видите, мы с мужем взяли на себя очень трудную задачу. В зале у нас есть друзья — старые, испытанные, есть, как мы надеемся, новые, но впервые в нашем театре собралось столько широкой публики. Мы не смеем называть себя друзьями публики, мы всего лишь ее слуги и, как все слуги, очень боимся показаться дерзкими, стоит нам позволить себе чуть более фамильярный тон. Свободнее всего мы чувствуем себя, когда делаем свое дело. Мы прямо-таки страшимся случаев, подобных сегодняшнему,— когда нам позволяют и даже побуждают нас выйти из роли и заговорить от собственного имени о наших собственных делах и даже коснуться деликатно-пределикатно наших чувств. Ну и как это обычно происходит? Мы немножко декламируем стихи, произносим небольшую речь, робеем. В конце концов впадаем в замешательство,

приводим в замешательство вас и злоупотребляем вашим доброжелательством и радушием до тех пор, пока они не сменятся желанием, чтобы все поскорее кончилось. Вот мы и решили сегодня, если удастся, избежать такой ситуации. Вы ведь знаете, как мы рады вас видеть. Притом у вас есть преимущество перед нами: вы без нас обойтись можете, а мы без вас нет. Я не стану говорить что

Живущие, чтоб нравиться другим,
Должны, чтоб жить, прийтись по нраву им.

Это неверно и никогда не было верно. Законы драмы берут начало из более возвышенного источника, нежели наши с вами прихоти, и у себя в театре мы станем угождать вам лишь на условиях, не унизительных ни для вас, ни для нас. И на таких условиях вы, надеюсь, проведете здесь немало приятных часов, а мы столько же трудовых, сколько и в нашем старом «Хеймаркете». А теперь, разрешите, я побегу к Эдвину – скажу, что его речь произвела фурор и вы как раз созрели для «Пиклзов»?

Возгласы одобрения, аплодисменты.

Благодарю вас! *(Выходит.)*

ВСТУПЛЕНИЕ В БРАК

Беседа
(Пьеса-исследование)

1908

GETTING MARRIED

Ясное весеннее утро 1908 года. Нормандская кухня во дворце епископа Челсийского выглядит помещением весьма просторным, чистым, красивым и здоровым.

Епископу повезло! Его дворец относится к XII столетию. Дворцу же повезло в том отношении, что его не изукрасили готической резьбой в стиле XV века, не обтесали в XVIII и его не «реставрировал» в XIX викторианский архитектор, глубоко проникшийся аристократичностью зонтикоподобных сводов XIV-го. Нынешний обитатель дворца, А. Челси, неофициально — Альфред Бриджнорт, любит нормандские постройки. Изловчившись вовремя пожаловаться на неудобство своего жилья, он добился от духовного ведомства некоторой суммы для приведения его в порядок. С помощью этих средств он избавился от обоев, краски, внутренних перегородок, изящно задуманной и выполненной деревянной обшивки, которой викторианские краснодеревцы скрыли мощные черные потолочные балки грубо обтесанного дуба, и вообще от всего того, что помогало его предшественникам чувствовать себя вполне респектабельно и по-домашнему в нормандской крепости. Такой дом простоит целую вечность. Его стены и балки годились бы для Вавилонской башни, словно его строители, предвидя наши современные идеи и инстинктивно бросая им вызов, решили показать, сколько материала не жалко им потратить на здание, воздвигнутое во славу божию, вместо того чтобы в порядке соревнования, но не теряя из виду собственной выгоды составить для работодателя самую дешевую смету и с научной точностью вычислить минимальное количество материала, достаточного для того, чтобы вся постройка не рухнула от собственной тяжести.

Кухня — любимая комната епископа, но вовсе не потому, что он особенно скромный и смиренный человек: просто это одна из самых красивых комнат в доме. Епископ не настолько богат и не настолько чревоугодлив, чтобы ему стали готовить пищу в таком обширном помещении. Высокие, почти до потолка, окна выходят на север и на юг. Самое большое окно — северное, и если мы посмотрим через него в кухню, то увидим как раз против нас южную

стену с маленькими нормандскими окошками и открытую дверь ближе к углу, слева. А через эту дверь можно видеть часть сада и плетеное кресло на самом солнышке. В правом углу имеется вход в сводчатое круглое помещение с винтовой лестницей, через башню ведущей в верхние этажи дворца. В стене справа от нас находится огромный очаг с мощным вертелом, напоминающим небольшой подъемный кран, и целым набором старинных чугунных и медных инструментов, которые выдаются за первоначальную кухонную утварь, но, по правде говоря, приобретались епископом время от времени во второразрядных лавчонках. В стене слева, поближе к нам, небольшая дверь еще нормандских времен ведет в кабинет епископа, бывшую судомойню. Подальше у той же стены — длинный дубовый ларь. Посередине кухни — большой деревянный стол, а у стола одиннадцать крепко сколоченных стульев с камышовыми сиденьями: четыре стула на той стороне, что подальше от нас, три на ближней к нам и по два у обоих концов. У самого очага — большое кресло: его спинку и бока образуют деревянные планки. На полу — толстая лыковая циновка. Единственный более современный предмет обстановки — часы с деревянным циферблатом величиной приблизительно с днище умывального таза, с гирями, цепями и маятником соответствующих размеров. Однако епископ давно уже отказался от попыток заставить их ходить. Часы висят над дубовым ларем.

В настоящий момент в кухне находится супруга епископа миссис Бриджнорт, беседующая с зеленщиком, мистером Уильямом Колинзом. Он в визитке, хотя сейчас раннее утро. Миссис Бриджнорт — спокойная, выглядящая вполне счастливой женщина лет пятидесяти, мягкая, дружелюбная, склонная к юмору, с тонкими чертами лица и красивыми, уже седеющими волосами. Она одета словно для какого-то празднества, но не проявляет при этом никакой чопорности и непринужденно сидит в кресле у очага с номером «Таймс» в руках.

Колинз — пожилой мужчина, с фигурой еще вполне молодцеватой. Бачки его книзу кокетливо подстрижены во вкусе Дандрери. Это любезный человек с теми прекрасными манерами, которые можно приобрести только в том случае, если держишь лавку для продажи продуктов питания дамам, занимающим настолько бесспорное общественное положение, что им уже не приходится о нем заботиться.

Человек, располагающий к себе, с проницательными серыми глазами и способностью говорить вам все, что ему вздумается, не нанося при этом никакой обиды, потому что тон его как бы подразумевает, что все это говорится с вашего же любезного разрешения. Впрочем, тон этот нисколько не подобострастен — в нем только почтительность, сочувствие и — в общественных местах — непременное признание социальной иерархии. Он стоит у дубового ларя и пересчитывает груду салфеток.

Миссис Бриджнорт мирно читает. Колинз считает. В саду свистит дрозд. Миссис Бриджнорт кладет «Таймс» себе на колени и с минуту глядит на Колинза.

Миссис Бриджнорт. Скажите, Колинз, вы в подобных случаях никогда не нервничаете?

Колинз. Боже правый, нет, конечно, сударыня. Просто смешно было бы, если бы, выдав замуж пять ваших дочерей, я стал нервничать при замужестве последней.

Миссис Бриджнорт. Я всегда говорила, что вы удивительный человек, Колинз.

Колинз *(чуть не краснея от смущения)*. Что вы, сударыня!

Миссис Бриджнорт. Да, да, мне никогда не удавалось устроить свадьбы или хотя бы званого обеда без какой-нибудь оплошности.

Колинз. А зачем вам самой хлопотать об этом, сударыня? Пошлите за зеленщиком: тут-то и весь секрет домоводства. Это ведь, спаси вас бог, его дело. И ему, и вам выгодно, не говоря уже об удовольствии обслуживать такой дом, как ваш.

Миссис Бриджнорт слегка кланяется при этом комплименте.

Над зеленщиком принято подшучивать, как над тещей. Но и без того, и без другой трудно обойтись.

Миссис Бриджнорт. Как это связывает нас с вами, Колинз.

Колинз. Помилуй бог, сударыня, столько имеется различных связей между разными людьми! Как супруга епископа вы, сударыня, дама весьма приятная. Я знавал таких епископских жен, которые просто вызывали на бесцеремонное и дерзкое поведение. Но с вами, сударыня, ни один человек не забудется и всегда будет знать свое место.

Миссис Бриджнорт. Колинз, вы льстец. За устройством завтрака вы, как обычно, проследите сами?

Колинз. Да, да, разумеется, сударыня. Как всегда. Из шикарных магазинов присылают таких людей, каких я и не видывал. За герцогов их примешь, вот что! И гости здороваются с ними за руку, спрашивают, как поживают их домашние, дамы задают вопрос: «Где это мы с вами встречались?», и получаются всякие недоразумения. А мой секрет, сударыня, в том, что меня всегда и примешь за зеленщика. И это для меня счастье в наши дни, когда ни про кого не скажешь с уверенностью, кем он может быть, а кем не может. *(Он выходит через дверь, ведущую в башню, но тотчас же возвращается на минутку, чтобы доложить.)* Генерал пожаловал, сударыня.

Миссис Бриджнорт встает навстречу деверю, который входит, блистая своим парадным мундиром с бесчисленными медалями и орденами. Генерал Бриджнорт — крепкий пятидесятилетний мужчина с крупным носом, твердой линией рта, глазами верного пса, обладающий при этом естественной простотой и достоинством. Он невежествен, туповат и полон предрассудков, ибо его тщательно воспитывали именно в таком духе. Не так-то легко выносить его особу, когда его несомненно самые благие намерения оказываются активно вредоносными. Но в этом виноват не он сам, а общество. Из него вышел бы человек ничуть не хуже Колинза, если бы ему посчастливилось занимать такое общественное положение, как Колинз. Он подходит к очагу, у которого стоит миссис Бриджнорт, повернувшись лицом к гостю.

Миссис Бриджнорт. Доброе утро, Боксер.

Пожимают друг другу руки.

Пришли выдавать замуж очередную племянницу? Это уж последняя.

Генерал *(с весьма мрачным видом)*. Да, Элис. А что делать старому вояке-дядюшке, как не выдавать девиц за более счастливых мужчин, чем он сам? А ваша *(покашливает)* сестрица уже явилась?

Миссис Бриджнорт. Зачем вы всегда называете Лесбию моей сестрицей? Вы же знаете, что это раздражает ее больше всех ваших других шуточек.

Генерал. Шуточки! Ну ладно, попробую избавиться от этой привычки. Впрочем, она могла бы стерпеть от меня та-

кой пустячок. Она ведь знает, что ее имя просто застревает у меня в глотке. Мне лучше называть ее вашей сестрицей, чем пытаться произносить имя Л... *(в полном душевном расстройстве)* Л... словом, звать ее по имени и выглядеть болваном, расплакавшись от этого. *(Подсаживается к ближнему концу стола.)*

Миссис Бриджнорт *(подходит к нему и ласково уговаривает)*. Ну же, Боксер, не расстраивайтесь, не надо! Мы все уже не мальчики с девочками. Нельзя же всю жизнь ходить с разбитым сердцем. Прошло уже, пожалуй, лет двадцать с тех пор, как она вам отказала. И вы отлично знаете, что отказала она не потому, что вы ей не нравитесь, а потому, что она не создана для замужества.

Генерал. Все равно. Я по-прежнему люблю ее. И не могу не говорить ей об этом всякий раз, как мы встречаемся... Хотя и знаю, что из-за этого она избегает меня. *(Чуть не плачет.)*

Миссис Бриджнорт. А что она вам отвечает на ваши слова?

Генерал. Только одно: когда же я наконец повзрослею. А я теперь знаю, что в этом отношении мне уже не повзрослеть.

Миссис Бриджнорт. Может быть, вам бы это удалось, если бы вы на ней женились. Я верю, что вы куда лучше, чем кажетесь, Боксер.

Генерал. Я несчастный человек. Мне очень жаль, что я веду себя как смехотворный старый дурак, но всякий раз, что я прихожу в ваш дом на свадьбу... и вижу все это... и вспоминаю прошлое... и вечно выдаю девушку за кого-нибудь другого, а мою невесту за меня никто не выдает... *(Внезапно встает.)* Можно мне пойти в сад и там все это прокурить?

Миссис Бриджнорт. Идите, Боксер.

Возвращается **Колинз** *со свадебным тортом.*

А вот и торт. По-видимому, совершенно такой же, какой был у нас на свадьбе Флоренс.

Генерал. Сил у меня нет. *(Поспешно выходит в дверь, ведущую в сад.)*

Колинз *(ставя торт на стол)*. Подумать только, сударыня! Ну не диво ли, что после стольких свадеб генерал не в силах выносить вид свадебного торта! Похоже, что это вызывает у него всегда одно и то же потрясение.

Миссис Бриджнорт. Теперь оно уже будет последнее.

Вы выдали замуж все семейство, Колинз. *(Снова берется за «Таймс» и усаживается на прежнее место.)*

Колинз. Кроме вашей сестрицы, сударыня. Мисс Грентхэм замечательная женщина, сударыня. Я просто мечтаю о том, чтобы заняться ее свадебным завтраком.

Миссис Бриджнорт. Она не собирается вступать в брак, Колинз.

Колинз. Помилуй бог, сударыня. Все говорят то же самое. И мы с вами тоже наверняка говорили. За себя, во всяком случае, ручаюсь.

Миссис Бриджнорт. Нет, для меня брак был самой естественной вещью на свете. Я думаю, что и для вас тоже.

Колинз *(задумчиво)*. Нет, сударыня, для меня это не получилось само собой. Моей жене пришлось силком втянуть меня в это дело. Для нее-то оно само собой разумелось; она, если можно так выразиться, настоящая старая курица. Ей нужно, чтобы вся семья всегда была у нее на глазах. Спать не может, пока не уверена, что все благополучно дома, дверь заперта и свет погашен. В вагоне весь багаж должен находиться при ней. Она всегда ходит к машинисту и берет с него обещание, что он будет осторожен. Она родилась женой и матерью, сударыня. Оттого-то все мои дети и поубегали из дому.

Миссис Бриджнорт. А у вас появлялось когда-нибудь желание убежать?

Колинз. Частенько, сударыня, частенько. Но когда доходило до дела, я не в силах бывал нанести ей такой удар. Она человек очень чувствительный, добросердечный, отзывчивый, но так уж воспитана, что не может понять, какое значение для многих людей имеет свобода. Понимаете, ни о чем она понятия не имеет, кроме семейной жизни. Она словно птичка, рожденная в клетке, которая помрет, если ее выпустить на волю. Едва только я начинал думать, как нетрудно было такому покладистому человеку, как я, притерпеться к ее характеру и каким ударом была бы для нее мысль, что я ее не люблю, я тотчас же откладывал свое намерение уйти, и так получилось, что я и вовсе остался с ней. Пожалуй, для меня неплохо было, что обо мне так заботились, зато очень худо стало мне оттого, что оторвался я от всех моих друзей, сударыня, особенно от женщин, сударыня. Их она простотаки не подпускала ко мне. Она никогда не могла уразуметь, что супругам порою очень полезно бывает

отдохнуть друг от друга, это ведь только освежает семейную жизнь. Не то чтобы мне моя жена надоела, сударыня, но уж от семейной жизни я иногда здорово уставал! Случалось, я ловил себя на том, что завидую своему брату Джорджу; да так оно на самом деле и было.

Миссис Бриджнорт. Джордж был тогда еще холостой?

Колинз. Помилуй бог, нет, сударыня. Он женился на превосходнейшей женщине, но вы просто не поверите, какая она была влюбчивая и переменчивая. Понравится ей кто-нибудь, и она уже не в силах владеть собой. Хандрит дня два подряд, плачет из-за всякой ерунды, а потом вдруг встанет и скажет, кто бы там ее ни слышал: «Я должна идти к нему, Джордж». И впрямь уходила из дому, от своего мужа, даже не сказавши «с твоего позволения» или «если ты не возражаешь».

Миссис Бриджнорт. Но выходит, что она делала это не один раз? Что, она возвращалась обратно?

Колинз. Помилуй бог, сударыня, она это делала раз пять, насколько я сам знаю, а потом Джордж нам уже и не рассказывал, он так привык к этому.

Миссис Бриджнорт. И он всегда принимал ее обратно?

Колинз. А что ему было делать, сударыня? В трех случаях из четырех мужчины сами приводили ее обратно в тот же вечер, не допустив до худого. А в других — они от нее убегали. Что мог сделать человек с добрым сердцем, как не утешать ее, когда она возвращалась, плача оттого, как они старались увернуться от нее, когда она бросалась им на шею, и при этом уверяли, что они слишком порядочные люди, чтобы принять от нее такую жертву. Джордж все время уговаривал ее, что ей бы следовало посидеть дома и сдержаться немного и они сами падут к ее ногам. В конце концов она взялась за ум и последовала его совету. Джордж тоже всегда любил перемены.

Миссис Бриджнорт. Что за ужасная женщина, Колинз! Вы со мной не согласны?

Колинз *(рассудительно)*. Конечно, многие дамы с домашним образом мыслей так думали и говорили о ней. Но я бы сказал в пользу супруги Джорджа, что многообразие опыта делало ее интереснейшей женщиной. Вот тут-то особы переменчивого характера берут верх над постоянными, сударыня. Поглядите на мою старуху. Она не знала ни единого мужчины, кроме меня, а меня-то она и не может по-настоящему знать, потому что ни с кем не в состоянии сравнить. Разумеется, она знала своих роди-

телей так... ну, словом, так, как вообще люди знают своих родителей, то есть не имея никакого представления о доброй половине их жизни и никогда не думая, что они когда-то были молоды. Знала она и своих детей, именно как детей, никогда не помышляя о них как о независимых человеческих существах, пока они не убегали от нее и не разбивали ей сердца на неделю или на две. А супруга Джорджа очень много знала о разных мужчинах любого возраста. Чем старше она становилась, тем больше нравились ей молодые. И это делало ее интересной и прибавляло ума. Я часто советовался с ней насчет разных дел, в которых от бедной моей старухи мне никакой пользы не было.

Миссис Бриджнорт. Надеюсь, вы не рассказываете своей жене, что советуетесь с посторонними.

Колинз. Помилуй бог, нет, сударыня. Я так люблю мою старуху Матильду, что никогда не скажу ей ничего, что могло бы ее огорчить. Понимаете, она до того совершенная жена и мать, что вряд ли может считаться сознательным человеческим существом за пределами своего дома, исключая только покупки на рынке.

Миссис Бриджнорт. А как она относится к миссис Джордж?

Колинз. О, миссис Джордж отлично обводит ее вокруг пальца. Миссис Джордж обведет вокруг пальца кого захочет. Кроме того, миссис Джордж очень предана религии. Она также и ясновидящая.

Миссис Бриджнорт *(с удивлением)*. Ясновидящая?

Колинз *(невозмутимо)*. Так точно, сударыня, так точно. Ее только нужно малость загипнотизировать. Тогда она мигом впадает в транс и говорит удивительнейшие вещи! Отнюдь не про себя, а так, что это вроде как бы весь род человеческий открывает вам часть своей души. О, это просто изумительно, сударыня, уверяю вас! Нет ничего, на что бы миссис Джордж не была способна.

Через дверь, ведущую в башню, входит Лесбия Грентхэм. Это высокая, стройная, красивая женщина во цвете лет: то есть ей от тридцати шести до пятидесяти пяти. Ей свойственно то, что называется представительностью; с целью достичь этого эффекта она и одета весьма тщательно, но с полным пренебрежением к последнему крику моды. Она весьма уверена в себе, производит устрашающее впечатление на существа юные

и робкие, утонченна до кончиков своих длинных пальцев и не столько чувствует симпатию к людям, сколько проявляет к ним терпимость, так как они ее забавляют.

Лесбия. Доброе утро, дорогая старшая сестрица.

Миссис Бриджнорт. Доброе утро, дорогая младшенькая. *(Целуются.)*

Лесбия. Доброе утро, Колинз. Как вы хорошо выглядите! И как молодо! *(Отодвигает от стола средний стул и садится.)*

Колинз. Это уж мой профессиональный навык при бракосочетаниях. Вы бы посмотрели на меня на каком-нибудь политическом обеде: мне можно дать все семьдесят. *(Смотрит на часы.)* Время идет, сударыня. Могу я передать от вашего имени мисс Эдит, чтобы она немного поторопилась одеться?

Миссис Бриджнорт. Пожалуйста, Колинз.

Колинз выходит через дверь в башню, унося с собой торт.

Лесбия. Милый старый Колинз! Он тебе сегодня что-нибудь рассказывал?

Миссис Бриджнорт. Да. Ты немножко опоздала и пропустила его самую увлекательную выдумку.

Лесбия. Насчет миссис Джордж?

Миссис Бриджнорт. Да. Он говорит, что она ясновидящая.

Лесбия. Интересно бы знать, сам он выдумал миссис Джордж или украл ее из какой-нибудь книжки.

Миссис Бриджнорт. Я и сама недоумеваю!

Лесбия. А где Бармекид?

Миссис Бриджнорт. В кабинете, работает над своей новой книгой. Сейчас для него выдать дочь замуж — не больше, чем съесть яйцо за завтраком.

Генерал, который покурил и успокоился, входит через дверь, ведущую в сад.

Генерал *(с напускным благодушием)*. А, Лесбия! Ну, как дела?

Пожимают друг другу руки, он садится справа от нее. Миссис Бриджнорт выходит через дверь в башню.

Лесбия. Как поживаете, Боксер? Вид у вас почти такой же ослепительный, как у свадебного торта.

Генерал. Я взял себе за правило появляться в парадной

форме всякий раз, когда принимаю участие в каком-нибудь торжестве. В назидание младшим офицерам. У нас в Англии это не принято, и весьма жаль.

Лесбия. Вы отлично выглядите, Боксер. Воображаю, какую уйму воинских подвигов представляют эти ваши ордена!

Генерал. Нет, Лесбия. Они – свидетельство отчаяния и малодушия. Первые я заслужил, стараясь, чтобы меня убили. Вы сами знаете, почему.

Лесбия. Но вы были словно заколдованы от пули?

Генерал. Да, заколдован. Штыки сгибались, ударяясь о мои пряжки и пуговицы. Пули проходили через меня навылет, не оставляя следа. Это – самое худшее в нынешних пулях, а разрывная в меня ни разу не попала. Будучи командиром роты, я хоть имел право искать смерти на поле сражения. Теперь я генерал, и даже эта возможность отрезана. *(Вкрадчивым движением придвигает свой стул поближе к ней.)* Выслушайте меня, Лесбия. В десятый и последний раз...

Лесбия *(прерывая его)*. В то утро, когда выдавали замуж Флоренс, вы сказали: «В девятый и последний раз...»

Генерал. Мы на два года постарели, Лесбия. Мне пятьдесят, вам...

Лесбия. Да, я знаю. Не стоит продолжать, Боксер. Когда же вы повзрослеете настолько, что отказ станет для вас ответом?

Генерал. Никогда, Лесбия, никогда. Вы еще никогда не приводили мне настоящего довода для отказа. Когда-то я думал, что все дело в ком-то другом. Вокруг вас вертелось столько парней, но теперь они все отступились и обзавелись женами. *(Придвигается к ней еще ближе.)* Лесбия, откройте мне свою тайну. Почему...

Лесбия *(с отвращением морща нос)*. Ох, да вы накурились. *(Встает и идет к креслу, стоящему у очага.)* Подальше от меня, несчастный.

Генерал. Если бы не эта трубка, я бы не смог предстать перед вами, не потеряв самообладания. Она меня успокоила и несколько взбодрила.

Лесбия *(садясь в кресло и берясь за «Таймс»)*. Ну, вот и меня она взбодрила настолько, что я могу сказать, почему так и останусь старой девой.

Генерал *(подходя к ней во внезапном порыве)*. Не говорите так, Лесбия. Это неестественно, это неправильно, это...

Лесбия *(отмахиваясь от него)*. Нет, пожалуйста, не приближайтесь, Боксер.

Он обескураженно отступает.

Может быть, это неестественно, но так случается. Вы найдете сколько угодно таких женщин, как я, если постараетесь внимательно приглядеться, — женщин с характером, с привлекательной внешностью, со средствами, с многочисленными предложениями руки и сердца, но которые не хотят выходить замуж и не выходят. Способны вы догадаться, почему?

Генерал. Я могу понять, если есть другой мужчина.

Лесбия. Да, но другого-то нет. Кроме того, как вы полагаете, могу я в своем возрасте думать, что имеет смысл считаться с различием между порядочным мужчиной одного рода и порядочным мужчиной другого?

Генерал. Сердце имеет свои склонности, Лесбия. Один-единственный образ, только один неизгладимо...

Лесбия. Да, да. Простите, что я вас так часто перебиваю, но ваши чувства до того правильны, что я всегда знаю, чем вы закончите начатую вами фразу. Понимаете, Боксер, не все люди такие, как вы. Вы же сентиментальный олух: вы видите женщин не такими, какие они на самом деле. Вы и меня видите не такой, какова я в действительности. Ну, а я вижу мужчин такими, какие они есть. Я вижу и вас таким, какой вы на самом деле.

Генерал *(шепчет)*. Нет, не говорите так, Лесбия.

Лесбия. Я доподлинная старая дева. Для меня имеют большое значение мои личные вещи. Я люблю, чтобы у меня был свой дом и чтобы я в нем была хозяйкой. Я ощущаю острую необходимость в том, чтобы все вокруг меня было красиво, благоустроенно, чисто и в полном порядке. Я горжусь своей независимостью и бдительно охраняю ее. У меня достаточно хорошо оборудованный ум, чтобы мне не было скучно наедине с собой, если у меня хватает книг и хорошей музыки. Чего бы я никогда не смогла вынести, это чтобы у меня в доме все время находился здоровый мужчина, который курит повсюду, дремлет в кресле после обеда, всюду сорит. Фу!

Генерал. Но любовь....

Лесбия. Ах, любовь! Неужто у вас совсем нет воображения? Неужто вы думаете, что я никогда не бывала влюблена в удивительных мужчин? Героев! Архангелов! Принцев! Мудрецов! Даже обольстительных негодяев! И не пере-

живала с ними изумительных приключений? Да понимаете ли вы, что значит хотя бы посмотреть на реального мужчину после всего этого? На мужчину, который в любом углу разбрасывает свои ботинки и пропитывает все портьеры в доме запахом своего табака?

Генерал *(несколько ошеломленный)*. Но... простите, что я об этом упоминаю,— разве вам не хотелось иметь детей?

Лесбия. Мне надо было бы иметь детей! Я была бы им хорошей матерью. Я думаю, что для моей страны было бы очень хорошо, если бы она дала мне возможность иметь детей по-хорошему. Но страна говорит мне, что я не могу завести в своем доме ребенка, не заведя в нем также и мужчины. И вот я отвечаю моей стране, что раз так — ей придется обойтись без моих детей. Если я должна стать матерью, то мне вовсе не нужен одновременно мужчина, пристающий ко мне с тем, чтобы я была еще и женой ему.

Генерал. Дорогая Лесбия, я не хочу быть грубым, но английская леди не должна высказывать подобных мнений.

Лесбия. Потому-то я и не высказываю их,— разве что джентльменам, которые не принимают никаких других ответов. Сложность в том и состоит, что я действительно английская леди и что я этим горжусь.

Генерал. Я убежден в этом, Лесбия, совершенно убежден. Я вовсе не имел в виду...

Лесбия *(вставая, с раздражением)*. Дорогой Боксер, пожалуйста, постарайтесь подумать не только о том, не оскорбили ли вы меня и поступаете ли так, как подобает добропорядочному английскому джентльмену. Вы человек безукоризненный и очень нудный. *(Досадливо передергивает плечами и идет через всю сцену на другой конец кухни.)*

Генерал *(угрюмо)*. Да, в том-то и дело. Я не умен. Несчастный тупой солдафон!

Лесбия. Все обстоит очень просто. Я сказала, что я английская леди, подразумевая под этим воспитание, которое я получила и которое вынуждает меня отказываться от того, что я не могу получить на подходящих для меня условиях, каковы бы они ни были.

Генерал. Право же, я не понимаю вас, Лесбия.

Лесбия *(поворачиваясь к нему)*. Тогда почему вы так стремитесь жениться на женщине, которую не понимаете?

Генерал. Не знаю почему. Думаю, что я люблю вас.

Лесбия. Ладно, Боксер, можете любить меня сколько вам

угодно, только бы это вас удовлетворяло и вы не приставали ко мне. Но жениться на мне вы не можете. И дело с концом.

Генерал. Ужасно трудно, по-честному, говорить о таких делах с вами, не оскорбляя ваших чувств нарушением границ хорошего тона. Но ведь имеется же голос самой природы...

Лесбия. Не будьте смешны, Боксер.

Генерал. Ну, а как же мне это выразить! Черт меня побери, Лесбия, неужели вам не хочется иметь мужа?

Лесбия. Нет. Я хочу детей, и я хочу полностью посвятить себя детям, но не их отцу. Закон мне этого не разрешает. Поэтому я примиряюсь с тем, чтобы не иметь ни мужа, ни детей.

Генерал. Но, боже милостивый, естественные влечения...

Лесбия. Как я уже сказала, английская леди не раба своих влечений. А английский джентльмен этого, видимо, не понимает. *(Присаживается к тому концу стола, что ближе к двери в кабинет.)*

Генерал *(обиженным тоном)*. Ну что ж, отказываете так отказываете. Больше навязываться не стану. Простите, что я вернулся к этой теме. *(Отходит к очагу и стоит там с видом человека уязвленного, но гордого.)*

Лесбия. Не сердитесь, Боксер.

Генерал. Я не сержусь, но я уязвлен, Лесбия. Кроме того, когда вы так говорите, это меня не убеждает. Я только чувствую себя совершенно растерянным.

Лесбия. Вы же знаете наше семейное правило. В случае растерянности советуются с зеленщиком.

Как раз в эту минуту Колинз появляется из двери в башню.

А вот и он.

Колинз. Извините, что я все время вхожу и выхожу, мисс. Я думал, миссис Бриджнорт здесь. Стол уже накрыт к завтраку, она может посмотреть.

Лесбия. Если вы довольны, Колинз, я уверена, что и она будет довольна.

Генерал. Кстати, Колинз, мне казалось, что вас выбрали в совет графства.

Колинз. Выбрали, генерал.

Генерал. Где же ваша мантия?

Колинз. В частной жизни я ее не ношу, генерал.

Генерал. Почему? Стесняетесь?

Колинз. Нет, генерал. По правде говоря, я даже горжусь ею. Ничего не могу с собой поделать.

Генерал. Послушайте меня, Колинз. Подойдите поближе.

Колинз подходит к нему.

Видите мой мундир, ордена, медали?

Колинз. Конечно, генерал. Они, можно сказать, бьют в глаза.

Генерал. Для того и предназначены. Хорошо. Но скажите, ясно вам, что услуги, которые вы оказываете обществу в качестве торговца овощами, так же важны и так же достойны, как моя солдатская служба?

Колинз. Это вы очень благородно сказали, генерал.

Генерал *(высокопарно)*. Вы также наверно знаете, что всякий человек, который усмотрит что-либо смешное, недостойное настоящего мужчины или низменное в вашей работе или вашем гражданском платье, не джентльмен, а кривляка, ломака и хам?

Колинз. Строго между нами, я придерживаюсь именно такого мнения, генерал.

Генерал. Так почему же вы не пришли в мантии, чтобы почтить свадьбу моей племянницы?

Колинз. Надо придерживаться договоренности, генерал. Миссис Бриджнорт вызвала к себе лавочника, а не олдермена. Знаете, когда о чем-нибудь договариваешься, то получить больше, чем требуется, так же неприятно, как получить меньше.

Генерал. Я уверен, что она согласится со мной. Я считаю такие вещи немаловажными: это ведь утверждение солидарности между теми, кто служит обществу. Облачение епископа, мой мундир, ваша мантия: церковь, армия и муниципалитет.

Колинз *(собираясь уходить)*. Правильно, генерал. *(Направляясь к двери в башню, он с некоторой озабоченностью оборачивается к Лесбии.)* Не знаю только, что скажет на это моя жена, мисс?

Генерал. Что? Ваша жена стыдится вашей мантии?

Колинз. Нет, сэр, не стыдится. Но она очень неохотно выдала на нее деньги и будет волноваться, не замараю ли я соусом рукава.

Появляется миссис Бриджнорт, видимо чем-то расстроенная, с письмом в руке, быстро проходит мимо Колинза и останавливается между генералом и Лесбией.

Миссис Бриджнорт. Лесбия, Боксер, только этого не хватало!

Колинз скромно удаляется.

Генерал. В чем дело?

Миссис Бриджнорт. Реджиналд в Лондоне и хочет быть на свадьбе.

Генерал *(ошеломленный)*. Ну и ну, черт меня побери!

Лесбия. Ничего страшного, пусть приходит.

Генерал. Пусть приходит! Как это так? Решение суда еще не утверждено. Что ж, он явится на свадьбу Эдит прямо с бракоразводного процесса?

Миссис Бриджнорт *(с оскорбленным видом садится в кресло)*. Хуже быть не могло. Нет, Лесбия, не могу я его простить. Человек в возрасте Реджиналда, у которого молодая жена, очаровательная женщина и такая красотка, — уходит от нее с уличной девкой! Фу!

Лесбия. Надо иметь снисхождение. А чего ты могла ждать? Реджиналд всегда был слабый человек. Его воспитали таким. Вся семейная недвижимость была заложена, когда он получил наследство. Ему все время приходилось выкручиваться из денежных затруднений, на него нажимали стряпчие, Бармекид угнетал его морально, а Боксер физически, сами же они прокладывали себе дорогу и получили хорошее воспитание. Ты отлично знаешь, что он не мог позволить себе жениться, пока не выкупил имущество, а тогда ему было уже больше пятидесяти. Конечно, он и свалял дурака, женившись на такой девочке, как Лео.

Генерал. Но ударить ее! По-настоящему ударить! Он свалил ее на цветочную клумбу в присутствии садовника. Он! Глава семьи! Человек, выступающий впереди Бармекида и меня как самый первый Бриджнорт! Ударить жену и уйти от нее с какой-то уличной девкой и за это получить развод перед лицом всей Англии! Это же позор для моего мундира и для облачения Альфреда! Никогда не забуду, что я тогда пережил. Только личное вмешательство короля — в сущности его повеление — не дало мне уйти в отставку. Я бы уложил Реджиналда на месте, если б встретился с ним на улице.

Миссис Бриджнорт. Кроме того, придет Лео. Они встретятся. Это же невозможно, Лесбия.

Лесбия. Ох, об этом-то я забыла! Тогда дело ясное. Ему появляться нельзя.

Генерал. Разумеется, нельзя. Скажите ему, что, если он войдет в этот дом, я из него уйду, и так сделает всякий порядочный человек.

Колинз *(на мгновение появляется с докладом)*. Мистер Реджиналд, сударыня. *(Исчезает в тот момент, когда входит Реджиналд.)*

Генерал *(вне себя)*. О, черт же меня побери!

Реджиналд именно таков, как его описала Лесбия. Физически он крепок и закален, но в речах и манерах его есть какая-то ребяческая непосредственность, поскольку он принадлежит к довольно многочисленному классу английских джентльменов-землевладельцев (землями управляют стряпчие), которые не развивались интеллектуально со времени обучения в средней школе. Это человек, вечно все путающий, упрямый, неаккуратный, несдержанный, забывчивый, постоянно всюду опаздывающий, явно нуждающийся в заботах умной женщины, но не добившийся их потому, что ему не повезло или он не был достаточно привлекателен. В то же самое время человек приятный, от которого никто не может ожидать зла, но и не должен рассчитывать на какие-либо достижения. Во всем решительно, кроме своего действительного возраста, он кажется моложе, чем его брат, генерал.

Реджиналд *(проходя вперед и останавливаясь между генералом и миссис Бриджнорт)*. Ничего не поделаешь, Элис. Я не мог не быть на свадьбе Эдит. Доброе утро, Лесбия. Как поживаешь, Боксер? *(Протягивает генералу руку.)*

Генерал *(резко и чопорно)*. Я только что сказал Элис, сэр, что, если вы войдете в этот дом, я его покину.

Реджиналд. Что ж, я тебя не задерживаю, старина. Общество твое не очень-то приятно, когда ты начинаешь называть кого-нибудь «сэр».

Лесбия. Пожалуйста, не ссорьтесь. Это не улучшит дела.

Миссис Бриджнорт. Вам бы следовало подождать моего ответа, Реджи.

Реджиналд. В письме так легко сказать «нет». Вы мне не разрешите остаться?

Миссис Бриджнорт. Как я могу? Придет Лео.

Реджиналд. Ну и что? Для нее это не имеет значения.

Генерал. Не имеет значения!!!

Лесбия. Не говорите глупостей, Реджи. И поскорее уходите.

Генерал *(с едким сарказмом)*. Мне помнится, в школе у

тебя была теория, что женщины любят, чтобы их швыряли на пол.

Реджиналд. А ты, благородный, рыцарственный, хороший брат,— свинья ты, вот что!

Генерал. Мистер Бриджнорт, кто из нас оставит этот дом — вы или я?

Реджиналд. Надеюсь, ты. *(Садится, подчеркивая этим свое намерение остаться.)*

Генерал. Элис, неужто ты допустишь, чтобы я ушел со свадьбы Эдит из-за этого...

Лесбия *(многозначительно)*. Боксер!

Генерал. Из-за этого ответчика? Это он будет посаженным отцом Эдит?

Миссис Бриджнорт. Разумеется нет. Реджиналд, вас не приглашали, и я просила вас уйти. Вы знаете, как я люблю Лео. И вы знаете, каково ей будет, если она войдет и увидит вас.

Колинз *(снова появляясь у двери, ведущей в башню)*. Миссис Реджиналд, сударыня.

Лесбия, Миссис Бриджнорт, Генерал *(все одновременно)*. Нет, нет! Попросите ее... Ой, беда какая! Черт меня побери!

Но уже слишком поздно: Лео в кухне. Колинз удаляется, безмолвно уклоняясь от ситуации, которая его огорчает, но в которой он бессилен.

Лео очень хорошенькая, очень подвижная и тем самым весьма пленительна для людей, умиляющихся молодостью и красотой, а также и для тех, кто смотрит на молодых женщин как на более или менее вкусные конфеты, а на старых не смотрит совсем. Если, однако, судить о вещах хладнокровно, то подвижность Лео гораздо менее умилительна, чем непосредственная игривость котенка, порожденная бьющей через край свежей жизненной силой. Она от природы суетлива и по поводу самой себя и по поводу всех, за кого считает себя ответственной, и из тщеславия назойливо преувеличивает эту ответственность. Суетится она по поводу мелочей, но часто называет эти мелочи высокими именами, как, например, искусство, искра божья, свет, материнство, хорошее воспитание, вселенная, творец, или любым другим словом, поражающим ее воображение и звучащим для нее как нечто интеллектуально значительное. Воображения ей отпущено больше обычного, а понимания и проницательности

меньше, так что, когда дело касается слов, она гордо гарцует на коне, а когда речь идет о делах, катит в детской колясочке. Она считает себя умной, рассудительной и стоящей выше обычных слабостей и предрассудков, а потому опрометчиво связывается с умными мужчинами, так что сперва они от нее в восторге, потом она начинает их раздражать, а под конец надоедает. Выходя замуж за Реджиналда, она говорила всем своим друзьям, что в нем есть многое такое, чему надо дать проявиться. Если бы она была мужчиной средних лет, то приводила бы в отчаяние всех членов своего клуба. Но она хорошенькая женщина, и ей прощают все, доказывая тем самым, что поговорка «tout comprendre c'est tout pardonner» [1] *ошибочна, ибо на самом деле прощают все, когда не понимают ничего.*

Она вбегает в комнату, преисполненная сознания своей значительности, и устремляется к Лесбии, которая как раз склонна баловать ее гораздо меньше, чем миссис Бриджнорт. Но Лео всячески подчеркивает свою близость с Лесбией, считая ее и себя двумя настоящими умницами среди филистеров.

Лео *(целуясь с Лесбией)*. Доброе утро. *(Подходя к миссис Бриджнорт.)* Как жизнь, Элис? *(Проходит к очагу.)* Почему вы такой мрачный, генерал?

Реджиналд встает со своего стула, возникая как раз между нею и генералом.

О, Реджи! А что скажет королевский судья по бракоразводным делам?

Реджиналд. А иди он ко всем чертям!

Лео. Гадкий мальчик. Ну, надо бы мне тебя поцеловать, но пусть никто из вас об этом не рассказывает посторонним. *(Целует его.)*

Все присутствующие глазам своим не верят.

Ты держишь свои обещания?

Реджиналд. Ох, да отстань ты от меня со всеми этими.

Лео *(настоятельно)*. Ты? Держишь? Все? Свои? Обещания? Ты натираешь голову лосьоном по вечерам?

Реджиналд. Да, да. Почти каждый вечер.

Лео. Почти! Знаю я, что это значит. Ты носишь набрюшник для печени?

---

[1] Все понять – значит все простить *(франц.)*

Генерал *(торжественно)*. Лео, способность прощать – прекраснейшая из черт женской натуры, но есть вещи, которые мужчине прощать нельзя. Когда мужчина наносит женщине удар, сбивающий ее с ног...

Лео громко хихикает и падает на стул слева от миссис Бриджнорт.

Реджиналд *(сардонически)*. Мужчина, который дотронулся бы до женщины иначе, как ласковым прикосновением, недостоин носить имя Бриджнорта. *(Садится у конца стола поближе к очагу.)*

Генерал *(весьма обиженным тоном)*. Ну, если Лео это действительно безразлично, то и мне больше нечего сказать. Но я полагаю, что хотя бы из уважения к своей семье ты мог бы бить свою жену наедине с ней и никак не в присутствии садовника.

Реджиналд *(потеряв терпение)*. А какой смысл бить жену, если нет свидетеля, который может дать потом показания? Или, может быть, ты воображаешь, что муж бьет жену просто для забавы? Как бы она могла добиться развода, если бы я ее не ударил? Хорошенькое положение дел, кстати говоря!

Генерал *(открыв рот от изумления)*. Ты хочешь сказать, что поступил так совершенно хладнокровно? Просто для того, чтобы избавиться от своей жены?

Реджиналд. Ничего подобного. Я сделал это, чтобы дать ей возможность избавиться от меня. А что бы ты сделал, если бы совершил такую глупость, как женитьба на женщине моложе тебя на тридцать лет, и затем убедился, что ты ей безразличен, а влюблена она в молодого парня с лицом, похожим на гриб?

Лео. Это неправда, что он похож на гриб. *(Разражается слезами.)* И с твоей стороны возмутительно говорить, что ты мне безразличен. Никто не мог бы относиться к тебе нежнее, чем я.

Реджиналд. Очень мило ты доказала свою нежность! Мне пришлось собственными руками вскопать эту клумбу, чтобы она была порыхлее. Мне пришлось убрать с нее каждый камешек. А потом она еще жаловалась, что я плохо это сделал, потому что ей за ворот заполз червяк! Мне пришлось поехать в Брайтон с несчастным созданием, которому я понравился по дороге туда, и наперекор своей совести пойти после обеда на лжесвидетельство: я вынужден был записать ее в гостинице как миссис

Реджиналд Бриджнорт: это же имя Лео! Понимаешь ты, что чувствует при этом порядочный человек? Понимаешь ты, что значит для порядочного человека имя его жены? Как бы ты явился в гостиницу перед всеми тамошними слугами и постояльцами под руку с... с такой особой? Ее, бедняжку, я, впрочем, не виню, только она принялась плакать из-за того, что я не мог вынести даже ее прикосновения, а теперь все время пишет мне письма. А в результате меня судят за жестокое обращение с женой и прелюбодеяние. Элис не разрешает мне присутствовать на свадьбе Эдит, а ты читаешь мне нотации, ты, холостяк, да к тому же совершенный младенец в таких делах. Что ты обо всем этом знаешь?

Генерал. Значит, выходит, что все это был сплошной сговор?

Реджиналд. Ну конечно. Бóльшая часть бракоразводных дел – сговор. А что людям делать?

Генерал, растерянно проведя по лбу рукой, падает в деревянное кресло.

И за кого ты меня принимаешь, имея нахальство делать вид, что ты веришь во всю эту чепуху насчет того, что я сбил Лео с ног и бросил ее ради... ради... Фу! Ты бы на нее посмотрел!

Генерал. Я в первый раз обо всем этом слышу. Зачем же ты это сделал? Как Лео это допустила?

Реджиналд. А ты у нее спроси.

Лео (*все еще в слезах*). Право же, я не думала, что для Реджи это получится так ужасно. Я честно предложила, что сама все устрою и дам ему повод для развода, но он не захотел. И он сам сказал, что другого способа нет, что по закону иначе нельзя. До того дня, в суде, я и в глаза не видела этой мерзкой твари. Если бы он показал мне ее раньше, я бы этого никогда не позволила.

Миссис Бриджнорт. Вы все это сделали ради Лео, Реджи?

Реджиналд (*с тягостным ощущением обиды*). Мне бы ничего не стоило сделать это ради Лео. Но пойти на все это, чтобы расчистить дорогу этому аспиду с мордой, похожей на гриб...

Генерал (*вскакивая с места*). А какое он право имеет на расчищенный путь? Ты что, в своем уме? Какое право?

Реджиналд. А такое право, что он молодой человек,

подходящий для молодой женщины. Я вот в своем возрасте не имел права жениться на Лео: она о жизни имела представление не больше, чем малый ребенок.

Лео. Я имела о ней представление гораздо большее, чем такой взрослый младенец, как ты. Не представляю себе, как ты будешь обходиться без женской заботы: я часто ночами не сплю, думая об этом. А сейчас ты меня совсем добил.

Реджиналд. Так тебе и надо.

Она плачет.

Ладно, ну чего ты так расстроилась, Лео?

Лесбия. Могу я поинтересоваться, кто этот аспид с мордой, похожей на гриб?

Лео. Вовсе он не похож на гриб.

Реджиналд. Синджон Хочкис, разумеется.

Миссис Бриджнорт. Синджон Хочкис? Боже, да он должен прийти на свадьбу!

Реджиналд. Что? В таком случае я и впрямь ухожу. *(Направляется к двери, ведущей в башню.)*

Лео, Генерал, Миссис Бриджнорт, Лесбия *(они все бросаются за ним и задерживают его у порога).*

Лео *(хватая его за руку)*. Нет, ты не уйдешь. Ты обещал быть с ним любезным.

Генерал. Нет, не уходи, старина. Не уйдешь же ты со свадьбы Эдит.

Миссис Бриджнорт. Останьтесь, Реджи. Мне будет очень больно, если вы нас покинете.

Лесбия. Лучше останьтесь, Реджиналд. Рано или поздно вам придется с ним встретиться.

Реджиналд. Несколько минут тому назад, когда я хотел остаться, вы все выставляли меня из дому. Теперь же, когда я хочу уйти, вы меня не пускаете.

Миссис Бриджнорт. Я пошлю мистеру Хочкису записку, чтобы он не приходил.

Лео *(опять плачет)*. О, Элис! *(С расстроенным видом садится на свое место.)*

Реджиналд *(теряя терпение)*. Ладно, пусть уж будет, как она хочет. Пусть она получит свой гриб. Пусть он придет. Пускай приходят все кто угодно. *(Идет через всю кухню к дубовому ларю и угрюмо усаживается на него.)*

Миссис Бриджнорт пожимает плечами и садится у

стола поблизости от Реджиналда, с безмятежно-беспомощным видом слушая все, что говорится. Лесбия, раздраженная слезами Лео, выходит в сад и садится там у двери, с облегчением вдыхая свежий воздух после спертой атмосферы семейных обстоятельств Реджиналда.

Лео. Как это жестоко с твоей стороны, Реджи, заявлять, будто ты мне безразличен.

Реджиналд *(с горечью)*. Она разъяснила мне, что уходит только потому, что все темы для разговоров между нами исчерпаны.

Генерал *(с отеческим видом подходя к Лео)*. Девочка моя, все темы для разговоров во всем мире давно исчерпаны. Бог свидетель, за те тридцать лет, что я служу в британской армии, у меня там исчерпались все темы для разговоров, но я тем не менее из армии не ухожу.

Лео. Не в том дело, что они исчерпаны. Но он повторяет все одно и то же, когда я хочу почитать или собираюсь заснуть. А Синджон меня забавляет. Он такой умный.

Генерал *(уязвленно)*. Ага! Все та же старая жалоба. Вам всем бы выходить замуж за гениев. Это требование, чтобы вас окружали одни умники, просто смехотворно. Надо же, чтобы кто-то выходил замуж за простых, честных, недалеких парней. Ты об этом подумала?

Лео. Но ведь есть же сколько угодно глупых женщин, на которых можно жениться! Зачем им жениться именно на нас? Кроме того, Реджи отлично знает, что я к нему очень привязана. Я люблю его потому, что он меня хочет. А Синджона люблю, потому что сама его хочу. Я чувствую, что у меня есть долг в отношении Реджи.

Генерал. Правильно, у тебя есть долг.

Лео. Но, разумеется, у Синджона тот же долг по отношению ко мне.

Генерал. Тс! Тс!

Лео. О, какой у нас глупый закон! Почему мне нельзя выйти за них обоих?

Генерал *(шокированный)*. Лео!

Лео. Ну, а если я люблю их обоих! Мне бы хотелось выйти за очень многих мужчин. Реджи я бы хотела иметь на каждый день. Синджона — для концертов, театров и для того, чтобы ходить в гости по вечерам; раз в год, в конце сезона, мне был бы нужен суровый святой человек и еще какой-нибудь веселый идиот-мальчишка, с которым можно было бы хорошенько побаловаться. Мне

ведь редко хочется пошалить, а когда на меня такое находит, жалко лишаться этого только из-за того, что както глупо признаваться в этом человеку по-настоящему взрослому.

Реджиналд. Ну, что касается таких вещей, знаете... *(беспомощно)*. Словом, ничего не поделаешь!

Генерал *(решительно)*. Элис, тут должен вмешаться Бармекид. Он епископ, его долг поговорить с Лео. Я ко многому притерпелся. Но когда дело доходит до откровенного многоженства или многомужества, надо что-то предпринимать.

Миссис Бриджнорт *(подходя к двери кабинета)*. Выйди, пожалуйста, на минутку, Альфред. Мы тут в затруднении.

Епископ *(из кабинета)*. Посоветуйся с Колинзом. Я занят.

Миссис Бриджнорт. Колинз в данном случае не годится. Дело очень серьезное. Пожалуйста, дорогой, выйди хоть на минутку. *(Слыша, что он направляется в кухню, она садится на стул у ближнего конца стола.)*

Епископ выходит из кабинета. Это еще стройный, подвижный человек, худощавый и по темпераменту гораздо моложе своих братьев. У него нежная кожа, красивые руки, довольно длинный нос и соответственно заостренный подбородок, который еще резче подчеркивается коротенькой, но топорщащейся бородкой, умные, искрящиеся юмором и даже некоторым лукавством глаза, легкость и блеск речи и вообще повадка преуспевающего в жизни человека, который всегда занят своей особой и в общем доволен собой. Услышав его голос, Лесбия поворачивает к нему свой стул, а затем поднимается и, стоя в дверях, прислушивается к разговору.

Епископ *(подходя к Лео)*. Доброе утро, дорогая. Хэлло! Да ты пришла с Реджиналдом! Это очень мило с твоей стороны. Ты помирил их, Боксер?

Генерал. Помирил, как же! Да знаешь ли, что весь этот развод — сплошной балаган. Она хочет выйти за какого-то парня по имени Хочкис.

Реджиналд. У него морда, словно...

Лео. Молчи, Реджи. У него очень красивое лицо.

Миссис Бриджнорт. А теперь она говорит, что хочет в мужья их обоих, да еще и кучу других мужчин.

Лео. Я вовсе не говорила, что хочу выйти за них всех. Я только сказала, что мне бы хотелось за них выйти.

Епископ. Замечательное уточнение, Лео.

Лео. Понимаете, время от времени.

Епископ *(удобно устраиваясь рядом с ней)*. Разумеется. Иногда за поэта, иногда за епископа, иногда за сказочного принца, иногда неизвестно даже за кого, а иногда вообще ни за кого.

Лео. Совершенно верно. Как вы догадались?

Епископ. О, да ведь большинство молодых женщин, обладающих воображением и известной культурой, обычно бывают настроены именно так. Другие же вообще ничего не стоят. Шекспир уже давно отметил, что женщине нужен один муж на воскресный день, а другой на прочие дни недели. Но он, как обычно, не довел своей мысли до конца.

Генерал *(совершенно ошалев)*. Значит, надо так понимать...

Епископ *(обрывая его)*. Ладно, Боксер, кто из нас епископ — я или ты?

Генерал *(мрачно)*. Ты.

Епископ. Тогда нечего и спрашивать у меня, как понимать. «Лишнего не говори: сделай дело и помри».

Генерал. Ну, что ж, продолжай. Я ведь не умник. Я безмозглый солдат. Ладно, продолжай. *(Бросается в кресло из деревянных планок с видом человека, готового к самому худшему.)*

Миссис Бриджнорт. Альфред, не дразни Боксера.

Епископ. Если мы обсуждаем вопросы этики, надо начать с предоставления дьяволу полной возможности высказаться. Боксер этого никогда не делает. Англия этого никогда не делает. У нас принято с самого начала считать, что дьявол виноват, и мы не даем ему доказать свою невиновность, так как если бы он в этом преуспел, общественная нравственность была бы оскорблена. Так точно мы делаем с людьми, обвиненными в государственной измене. А приводит это к тому, что мы же сами себе подставляем ножку, и в конце концов дьявол обводит нас вокруг пальца. Может быть, впрочем, многие из нас именно того и добиваются.

Генерал. Альфред, мы хотели, чтобы ты наставил Лео на путь истинный. А ты вместо этого наставляешь меня. Я же, по-моему, не сказал и не сделал ничего, что требовало бы столь непрошенной заботы с твоей стороны.

Епископ. Но бедняжка сказала всего-навсего чистую правду, а ты, Боксер, становишься на высокоморальные ходули.

Генерал. Это, видимо, острота. Но я острот не понимаю. Я всего-навсего безмозглый солдат. Да! Но я могу задать простой вопрос: что ж, мы поддерживаем у Лео ее тенденцию к полигамии?

Епископ. Не забудь о Британской империи, Боксер. Ты ведь генерал британской армии.

Генерал. А какое это имеет отношение к полигамии?

Епископ. То отношение, что большинство заморских британских подданных полигамисты. Будучи британским епископом, я не должен оскорблять их, неуважительно отзываясь о многобрачии. Это вопрос очень интересный. Многие весьма примечательные люди имели помногу жен: Соломон, Магомет и наш друг герцог... ну как там его! Никогда не могу запомнить.

Генерал. Было бы куда лучше, Альфред, если бы ты послал эту глупую девчонку к ее мужу и призвал ее к чувству долга, чем умничать и насмехаться над своей же религией. «Что связал сам бог, того да не развяжет ни один человек». Помни это.

Епископ. Не беспокойся, Боксер. Того, что бог соединил, ни один человек и не разъединит. Бог об этом сам позаботится. *(Обращаясь к Лео.)* Кстати, а кто вас с Реджиналдом венчал, моя дорогая?

Лео. Да тот ужасный маленький священник, который потом стал пить и ездил в первом классе с билетом третьего, а под конец пытался стать актером. Но его на сцену не приняли. Звался он Игертон Фотерингэй.

Епископ. Ну, что ж, пусть то, что соединил Игертон Фотерингэй, благополучно разъединит сэр Горел Барнс.

Генерал. Я, может быть, тупой солдафон, но, по-моему, то, что ты говоришь,— кощунство.

Епископ *(очень серьезным тоном)*. Лучше мне всерьез упомянуть имя мистера Игертона Фотерингэя, чем тебе всуе употреблять имя куда более высокое.

Лесбия. Неужели вы, три брата, не можете сойтись так, чтобы не поссориться?

Епископ *(мягко)*. Это вовсе не ссора, Лесбия: это всего-навсего семейные отношения по-английски. Доброе утро.

Лео. Знаете, епископ, с вашей стороны очень мило, что вы стали на мою сторону, но я вроде как бы немножко шокирована.

Епископ. Тогда, значит, мне удалось гораздо лучше, чем Боксеру, наставить тебя на путь истинный.

Генерал *(презрительно фыркая)*. Ха!

Лео. Нисколечко. Ибо сейчас вы будете еще более шокированы. По-моему, Соломон был старая скотина.

Епископ. Это как раз то, что ты и должна о нем думать, дорогая. Не извиняйся.

Генерал *(еще более возмущаясь)*. Черт побери, да что же это такое! Соломон — он же из Библии. И в конце-то концов Соломон был Соломон.

Лео. И я продолжаю стоять на своем. Я по-прежнему хочу самым интимным образом знать кучу интересных мужчин, говорить им все, что я думаю, и выслушивать от них то, что думают они.

Епископ. Так и будет, дорогая, если тебе повезет. Но имей в виду, что тебе совсем незачем выходить за них замуж. Подумай только, какое количество пуговиц придется тебе пришивать. А кроме того, нет ничего ужаснее мужа, который вечно поверяет тебе то, что он думает, и вечно требует, чтобы ты поверяла ему все твои мысли.

Лео *(пораженная его словами)*. Да, да, Реджи так всегда и поступал. Потому-то мне и пришлось с ним разводиться.

Епископ *(сочувственно)*. Да, он все время повторяется, правда?

Реджиналд. Послушай, Альфред. У меня есть свои недостатки, но пусть уж она сама до них докапывается, без твоей помощи.

Епископ. Она уже давно докопалась до них, Реджиналд.

Лео *(слегка раздраженная)*. В конце концов, есть мужчины и похуже Реджиналда. Конечно, он не такой умный, как вы, но все же он не такой болван, как вы о нем думаете.

Епископ. Совершенно верно, дорогая. Стой за своего мужа. Надеюсь, что ты всегда будешь стоять за всех своих мужей. *(Встает с места и идет к очагу. Там поворачивается к нему спиной и, вполне довольный собой, улыбается всем прочим, словно ребятишкам, собравшимся в детской.)*

Лео. Пожалуйста, не говорите так, словно я намеревалась взять в мужья целый полк. Для меня никогда не может существовать более двух мужчин. Я никогда не полюблю никого, кроме Реджи и Синджона.

Реджиналд. Человека с мордой, похожей...

Лео. Я не желаю слушать этого, Реджи. Это отвратительно.

Епископ. Видишь ли, дорогая, разговоры с Синджоном окажутся для тебя исчерпанными тоже через какую-нибудь неделю. Человек подобен граммофону с полдюжиной пластинок. Скоро все они тебе надоедят, а ты вынуждена

будешь сидеть за столом, в то время как он проигрывает их каждому новому гостю. Под конец тебе придется довольствоваться его обычными человеческими свойствами. А когда ты до этого дойдешь, ты обнаружишь в мужчинах то же, что говорил о женщинах один великий английский поэт, которого я знавал: что они все на один вкус. Выходи за кого пожелаешь: в конце первого месяца он окажется тем же Реджиналдом. Менять нет никакого смысла — никакого.

Лео. Тогда замужество — большая ошибка.

Епископ. Да, дорогая, но не выходить замуж и не жениться — ошибка еще бóльшая.

Генерал *(вставая)*. Ого! Слышите, Лесбия? *(Подходит к двери в сад, где она стоит.)*

Лесбия. Это же просто острота, Боксер.

Генерал. Но звучит разумно. Когда человек завирается, тогда это всего-навсего острота, когда он говорит разумно, я с ним соглашаюсь.

Реджиналд *(вставая с дубового ларя и глядя на часы)*. Уже довольно поздно. Где же Эдит? Неужели она еще не надела фаты с флердоранжем?

Миссис Бриджнорт. Пойди поторопи ее, Лесбия.

Лесбия *(проходя к двери, ведущей в башню)*. Пойдем со мной, Лео.

Лео *(идя вслед за Лесбией)*. Конечно, с удовольствием.

Епископ подходит к жене и садится рядом с ней. Разговор с женой он начинает с того, что целует ей руку.

Епископ. Элис, я получил еще одно письмо от таинственной особы, которая делает орфографические ошибки. Мне нравятся письма этой женщины. Меня чарует их напряженная страстность.

Миссис Бриджнорт. Ты имеешь в виду эту — Инкогнита Апассионата?

Епископ. Да.

Генерал *(резко поворачиваясь к ним, до этого он смотрел в сад)*. Уж не хочешь ли ты сказать, что женщины пишут тебе любовные письма?

Епископ. Конечно.

Генерал. Мне они таких писем не пишут.

Епископ. Армия не привлекает женских сердец, а церковь привлекает.

Реджиналд. И по-твоему, это достойно поощрения? Это ведь могут быть и замужние женщины.

Епископ. Они всегда замужние. Эта, во всяком случае. *(Обращаясь к миссис Бриджнорт.)* Ты не считаешь, что это лучшие любовные письма, какие я когда-либо получал? *(Обращаясь к обоим мужчинам.)* Бедняжке Элис приходится читать мне за завтраком полученные мною любовные письма, когда они того стоят.

Миссис Бриджнорт. Эта Инкогнита действительно может очаровать. И она не дает обратного адреса. Это хороший признак.

Генерал. Гм! Значит, свиданий не назначает?

Епископ. Как же, назначает. Переписку она начала с того, что назначила свидание – весьма примечательное, но вполне естественное. Она желает встретиться со мной в царствии небесном. Надеюсь, что так оно и будет.

Генерал. Ну, должен сказать, что я надеюсь на обратное, Альфред. Надеюсь на обратное.

Миссис Бриджнорт. Она пишет, что счастлива в браке, что любовь ей жизненно необходима, но она испытывает потребность в том, чтобы превыше всех ее возлюбленных...

Епископ. Похоже, что он у нее не один...

Миссис Бриджнорт. ...стоял для нее некий великий человек, который никогда не будет знать ее, не притронется к ней в ее земном обличии, но которого она сможет встретить на небесах, когда возвысится над будничной обыденностью земной любви.

Епископ *(вставая)*. Замечательно. Очень хорошо для нее и никакого беспокойства для меня. Каждому полезно иметь идеализированный образ любимого человека, каким для Данте была Беатриче. *(Он сжимает руки, положив их за спину, и прохаживается, напевая, от очага к авансцене и обратно.)*

Из двери в башню появляется несколько озабоченная Лесбия.

Лесбия. Элис, не поднимешься ли ты наверх? Эдит еще не оделась.

Миссис Бриджнорт *(поднимаясь)*. Не оделась? Что, она не знает, который час?

Лесбия. Она заперлась у себя в комнате и читает.

Епископ перестает напевать и внезапно останавливается как вкопанный.

Генерал. Читает!

Епископ. А что она читает?

Лесбия. Какую-то брошюрку, которую получила с утренней почтой. Она не вышла из комнаты, не открыла двери и заявила, что еще не знает, выйдет ли она замуж, пока не дочитает этой брошюрки. Вы когда-нибудь слышали что-либо подобное? Пойди и поговори с ней.

Миссис Бриджнорт. Альфред, лучше тебе пойти.

Епископ. Попроси Колинза.

Лесбия. Мы уже обращались к Колинзу. Все, что я вам сказала, он тоже услышал от нее через замочную скважину. Пойдем же, Элис. *(Исчезает.)*

Миссис Бриджнорт поспешно устремляется вслед за нею.

Епископ. Значит, предстоит отсрочка. Вернусь-ка я к своей работе. *(Направляется к двери в кабинет.)*

Реджиналд. А над чем ты сейчас работаешь?

Епископ *(останавливаясь)*. Над главой из моей истории брачных отношений. Сейчас я занят римскими делами.

Генерал *(отходит от двери в сад и садится в кресло, с которого только что встала миссис Бриджнорт)*. Надеюсь, Альфред, теперь это у тебя не проблемы обрядности?

Епископ. О нет. Я имел в виду Древний Рим. *(Присаживается на край стола.)* Я как раз дошел до того периода, когда имущие классы стали отказываться от вступления в брак по древнему закону и стали практиковать сожительство по гражданскому соглашению. Небольшое количество старинных фамилий держалось еще традиционных брачных установлений, для того чтобы можно было пополнять коллегию весталок, которые должны были вербоваться из девиц, рожденных в законном браке. Но больше никто не мечтал о браке. Это очень интересно, так как мы в Англии приходим сейчас к тому же самому. Только ввиду того, что нам весталки не нужны, уже совсем никто не хочет вступать в брак, разве что беднота.

Генерал. Ты слушаешь все это как-то чертовски хладнокровно, Реджиналд. По-твоему, Бармекид вполне в своем уме?

Реджиналд. Да он не хуже, чем обычно.

Генерал *(обращаясь к епископу)*. Уж не хочешь ли ты сказать, что считаешь, будто в Англии случится то же самое и достойные уважения люди перестанут вступать в брак?

Епископ. В Англии скорее, чем где-либо. В других странах принятие разумных законов о разводе спасает положение. Но мы, англичане, всегда доводим свои установления до полного износа, покуда они не начинают распадаться сами собой. Я говорил нашим четырем последним премьер-министрам, что если они не превратят наши законы о браке в нечто более разумное, то произойдет настоящая антибрачная забастовка, и начнется она среди имущих классов, так что ни одно правительство не посмеет вмешаться.

Реджиналд. А что они тебе отвечали?

Епископ. Да то же, что и всегда. Они со мной соглашались, но выражали полнейшую убежденность в том, что являются единственными разумными людьми на свете и что малейший намек на реформу брачных установлений погубит их на ближайших выборах. А потом все равно проваливались: на вопросе о бездымном порохе, на борьбе с алкоголизмом, на китайской рабочей силе в Южной Африке, на любой другой чепухе.

Реджиналд *(нетвердой походкой идет через всю кухню к очагу, засунув руки в карманы)*. Все эти разговоры совершенно бесполезны, они не станут слушать таких, как мы. *(Поворачиваясь к братьям.)* Конечно, им приходится назначать тебя епископом, а Боксера генералом, потому что весь поддерживающий их сброд – все эти снобы, хамы и полуголодные лавочники – не способны управлять, а всякая неотесанная шантрапа и бездельники, лодырничающие два дня в неделю, слишком ленивы и вульгарны. Без нас все бы просто сгнило. Но что они хоть когда-либо для нас сделали? Обращают ли они когда-нибудь внимание на наши слова и пожелания? Я считаю, что мы, Бриджнорты, типичнейшая английская семья из тех, что всегда честно делают свое дело и твердо стоят за право думать и веровать согласно своей совести. Но в наше время считается, что мы обязаны одеваться и питаться, как всякая шантрапа, думать и веровать, как обращенные в христианство людоеды Центральной Африки, лежать на земле и позволять, чтобы нас топтал любой сноб, хам и грошовый журналистик. Ведь правда же, сейчас нет в Англии ни одной газеты, которая представляла бы то, что я назвал бы основательными бриджнортовскими воззрениями и традициями. Насчет доброй половины наших газет можно подумать, что они выпускаются для ближайшего клуба

кормящих матерей, а насчет другой половины – что их печатают для ближайшего автомобильного гаража. Вы считаете всех этих газетчиков джентльменами? Я – нет. *(С удрученным видом падает на ближайший стул.)*

Генерал *(взволнованный красноречием Реджиналда)*. Ты видишь мой мундир? Что про него сказал Колинз? Что он слепит глаза. Так оно и было задумано. Я надел его нарочно, чтобы он бросился в глаза нынешней армейской шантрапе. Кто-то же должен для начала подать благой пример. Пусть это будет Бриджнорт. Ей-богу же, я верю в семейные узы и традиции.

Епископ *(задумчиво)*. Интересно все же, кто начнет поход против брака. В один прекрасный день он начнется. Я женился, и не поразмыслив над этим. А даже если бы задумался, то был слишком влюблен в Элис, чтобы считаться с какими-нибудь препятствиями. Но, знаете, я видел, как все наши дочери – Этель, Джейн, Фанни, Кристина, Флоренс – выходили из этой двери в фате и флердоранже. И я всегда думал: шли бы они так безмятежно, если бы поразмыслили над тем, что делают? Ужасно беспокоит меня эта брошюра. Всякий прогресс означает войну с обществом. Не дай господь, чтобы Эдит оказалась в числе воюющих!

Через дверь, ведущую в башню, входит предшествуемый Колинзом Синджон Хочкис. Это весьма щеголеватый молодой джентльмен лет тридцати, одетый с иголочки, но слишком увлеченный своими идеями, чтобы задумываться над внешностью. О себе он говорит весьма живо и весело. К другим людям обращается с кроткой терпеливостью (подразумевающей мягкое снисхождение к их тупости), которая приводит в бешенство тех, кого ему не удалось позабавить. Они либо открыто проявляют свое раздражение, либо тщетно стараются осадить Хочкиса.

Колинз *(докладывает)*. Мистер Хочкис. *(Удаляется.)*

Хочкис *(проходит мимо Реджиналда и весело хлопает его по плечу)*. Приветик, Реджи.

Реджиналд *(коротко, не вставая и не поворачивая к нему головы)*. Здрассте...

Хочкис. Доброе утро, епископ.

Епископ *(слезая со стола)*. А что вы тут делаете, Синджон? Вы же один из шаферов жениха и должны появиться только после брачной церемонии.

Хочкис. Да, я знаю, но в том-то и дело. Можно мне поговорить с вами наедине? Реджи или другой член семьи может присутствовать, но... *(Бросает взгляд на генерала, который встает с довольно натянутым видом, ибо крайне не одобряет роль, которую Хочкис играет в семейных делах Реджиналда.)*

Епископ. Хорошо, Синджон. Это наш брат, генерал Бриджнорт. *(Отходит к очагу и становится там, заложив руки за спину.)*

Хочкис. Что ж, прекрасно! *(Поворачивается к генералу и достает футлярчик с визитными карточками.)* Поскольку вы военный, разрешите представиться. Пожалуйста, прочтите мою карточку. *(Протягивает визитную карточку удивленному генералу.)*

Генерал *(читает)*. «Мистер Синджон Хочкис, прославленный трус, бывший лейтенант сто шестьдесят пятого стрелкового полка».

Реджиналд *(хихикнув)*. Его выслали из Южной Африки за то, что он сдрейфил во время команды идти в атаку и сорвал весь план своего начальника.

Генерал *(очень серьезным тоном)*. Припоминаю теперь этот случай. Я позабыл имя. Я не отказываюсь от знакомства с вами, мистер Хочкис, отчасти потому, что вы гость в доме моего брата, отчасти потому, что я достаточно хорошо знаю действительную военную службу и вполне могу понять, что у каждого человека в тот или иной момент нервы могут сдать и что многие весьма достойные люди никогда не должны идти на военную службу, потому что они к ней не приспособлены. Но на вашем месте я бы не пользовался такой визитной карточкой. Вы не хотите, чтобы люди подавали вам руку, не зная о вашем позоре, и это несомненно положительная черта вашей натуры. Но лучше бы вы дали нам забыть об этом. Мы хотим забыть. Ведь это не только ваш личный позор, это позор для всей армии и для всех нас. Простите за откровенные слова.

Хочкис *(жизнерадостным тоном)*. Дорогой генерал, я понятия не имею о страхе в чисто военном смысле этого слова. Я семь раз дрался на шпагах в Италии и в Австрии и один раз на пистолетах во Франции и при этом ни разу глазом не моргнул. Не было иного способа оправдать те причины, которые заставили меня отказаться идти в атаку при Сметсфонтейне. Я не претендую на храбрость. Я боюсь ос. Я боюсь кошек. Несмотря на голос разума,

я боюсь привидений. И дважды я бежал через всю Европу при ложном слухе о надвигающейся эпидемии холеры. Но сражаться я не боюсь. *(Поворачивается к Реджиналду и хлопает его по плечу.)* Правда ведь, Реджи?

Реджиналд хмыкает.

Генерал. Так почему же вы не исполнили своего долга при Сметсфонтейне?

Хочкис. Я исполнил свой долг – свой высший долг. Если бы я пошел в атаку, план моего начальника удался бы и он получил бы повышение. Я же считаю, что британской армией должны командовать джентльмены и только джентльмены. А этот человек не джентльмен. Я предпочел пожертвовать своей военной карьерой, пойти на позор, подвергнуться общественному презрению, чем дать этому человеку возможность выдвинуться.

Генерал *(в благородном негодовании)*. Вашим непосредственным начальником, сэр, был мой друг майор Билитер.

Хочкис. Совершенно верно. Что за имя!

Генерал. Прошу вас объяснить, сэр, на каком основании вы заявили, что майор Билитер не джентльмен?

Хочкис. Есть один несомненный признак, пустяковый, может быть, но характеризующий человека: он ест рисовый пудинг ложкой.

Генерал *(вконец рассерженный)*. Да пропадите вы пропадом, я, например, ем рисовый пудинг ложкой. Ну и что?

Хочкис. Да зачастую и я тоже. Но это можно делать разными способами. Способ Билитера сам о себе говорит.

Генерал. Ну, теперь и я вам кое-что скажу. Когда я думал, что вы просто струсили, мне было вас жаль и я готов был сделать все, чтобы помочь вам снова занять подобающее место в обществе...

Хочкис *(прерывая его)*. Благодарю вас: я своего места не терял. Мои побуждения были обществом вполне поняты. Когда правда вышла на свет божий, я был избран членом двух самых шикарных клубов Лондона.

Генерал. Значит, сэр, эти клубы состоят из снобов. И вы тоже кичливый, кривляющийся, на все и на всех фыркающий сноб.

Епископ *(которого все это забавляет, но не дает забыть о гостеприимстве)*. Дорогой мой Боксер!

Хочкис *(в полном восторге)*. Как это мило с вашей стороны, генерал! Вы совершенно правы: я действительно сноб.

А почему бы и нет? Вся сила Англии в том, что англичане в подавляющем большинстве снобы. Они оскорбляют бедность. Они презирают обыденность. Они любят аристократизм. Они восхищаются всякой исключительностью. Они не станут подчиняться командиру, вышедшему из рядовых. Они никогда не доверяют человеку своего класса. Я с ними согласен. Я разделяю все их инстинкты. Будучи студентом последнего курса, я имел республиканские взгляды, увлекался социализмом. Изо всех сил старался относиться к простому человеку как к герцогу. И не мог. Да и вы тоже не можете. И почему мы должны стыдиться этой устремленности к тому, что выше нас? Почему я не говорю, что порядочный человек есть благороднейшее творение рук божьих? Потому, что не думаю этого. Если человек не джентльмен, мне совершенно безразлично, порядочный он или нет; я не позволил бы его сыну жениться на моей дочери. А это и есть подлинная проверка, имейте в виду. Подлинная проверка. И вы относитесь ко всему так же, как и я. Вы сноб на деле, я же сноб не только фактический, но и принципиальный. Я войду в историю не как первый сноб, но как первый открыто выступивший борец за английский снобизм и первый его мученик в армии. Флот может гордиться двумя такими мучениками – капитанами Кирби и Уэйдом, расстрелянными за то, что они отказались сражаться под началом адмирала Бенбоу, начавшего морскую карьеру простым юнгой. Я всегда завидовал их славе.

Генерал. Как генерал британской армии, сэр, я должен довести до вашего сведения, что, если бы какой-нибудь подчиненный мне офицер нарушил священное равенство нашей профессии, переложив хотя бы крупицу своего долга и своего риска на плечи ничтожнейшего мальчишки барабанщика, я бы собственноручно пристрелил его.

Хочкис. Эти ваши чувства свидетельствуют не о вашем равенстве с другими, а о вашем превосходстве. Спросите у епископа. *(Присаживается на край стола.)*

Епископ. Не могу поддержать вас, Синджон. И моя профессия вынуждает меня выступить против снобизма. Понимаете, я ведь должен совершать нечто величайшее по своему демократизму над каждым ребенком, которого ко мне принесут. Не считаясь ни с какими классовыми перегородками, я должен возвести его в ранг столь высокий и внушающий такое благоговение, что все чины, имею-

щиеся в Дебрете и Барке, по сравнению с ним — медальки, которые раздают ребятишкам в начальной школе. И все, имеющие этот ранг, — солдаты и слуги, а не офицеры и господа.

Хочкис. Ах, вы приводите в качестве примера обряд крещения. Но ведь это же не имеет никакого отношения к реальной жизни. Разрешите мне заметить, что вы бы чувствовали себя в более полном согласии с собой, если бы признали и громко высказали свои подлинные убеждения. Вы же на самом деле вовсе не думаете, что епископ равен с приходским священником, а лейтенант пехоты с генералом.

Епископ. Разумеется думаю. Я сам был приходским священником.

Генерал. А я был лейтенантом пехоты.

Реджиналд. А я был никем. Но каждый из нас сам по себе и в то же время все между собой равны, не так ли? А потому, если вы кончили говорить о самих себе, то перейдем к делу, по поводу которого явился Синджон.

Хочкис *(поспешно спрыгивая со стола)*. О да, разумеется, друг мой. Тысячу раз прошу прощения. Это насчет свадьбы.

Генерал. А что именно насчет свадьбы?

Хочкис. Дело в том, что мы никак не можем заполучить нашего парня. Сесил заперся у себя в комнате и не желает никого видеть и ни с кем разговаривать. Я поднялся к нему и постучал в дверь. Я сказал, что загляну в замочную скважину, если он не ответит. И заглянул. Он сидел на кровати и читал книжку.

Реджиналд в волнении встает, генерал в ужасе отшатывается.

Я, конечно, сказал ему, чтобы он не валял дурака и все такое. Он ответил, что и не пошевельнется, пока не дочитает. Я спросил его, знает ли он, который час, и не припоминает ли, что у него назначено довольно важное свидание — свадьба его с Эдит. Он ответил, что чем скорее я перестану ему мешать, тем раньше он будет готов. Затем он заткнул пальцами уши, подперся локтями и весь погрузился в эту проклятую книжку. Больше ни единого слова я от него так и не добился и решил, что лучше всего будет, если я обо всем предупрежу вас.

Реджиналд. Похоже, что оба они решили нас разыграть. Они сговорились между собой.

Епископ. Нет. Эдит совершенно лишена чувства юмора. И кроме того, я никогда не видел, чтобы люди были склонны разыгрывать кого-нибудь в день своей свадьбы.

У двери в башню появляется Колинз, а за ним жених, молодой человек привлекательного, но вместе с тем серьезного вида, несколько измученный своей чрезмерной совестливостью, в настоящий же момент совершенно расстроенный не поддающейся решению проблемой — как ему себя вести.

Колинз *(докладывая)*. Мистер Сесил Сайкс. *(Уходит.)*

Хочкис. Послушай, Сесил, так нельзя. Ты можешь появиться здесь только после венчания. Черт побери, ты ведь жених.

Сайкс *(подходя к епископу и обращаясь к нему с настойчивостью отчаяния)*. Я пришел, чтобы сказать следующее. Когда я делал предложение Эдит, я понятия не имел о том, что это для меня означает согласно нашим законам. Однако слово мое дано, и я от него не откажусь. Я в вашей власти: жените меня, если вы на этом настаиваете. Но примите во внимание мой протест. *(Садится с демонстративным видом в глубокое кресло.)*

Генерал, Реджиналд *(оба в крайнем негодовании)*. Что вы, черт возьми, хотите этим сказать? Что вы... Ну и наглость же! Что вы...

Хочкис. Легче, Реджи, легче, старина! Потише, потише, потише.

Епископ. Нет, пожалуйста, Реджи. Держи себя в руках, Боксер, очень тебя прошу.

Реджиналд снова опускается в кресло, Хочкис, сидя справа от него, старается его успокоить.

Генерал. Говорю тебе, что я не могу больше держать себя в руках. Последние полчаса я только это и делал, но теперь меня просто разрывает. *(Резким движением усаживается на стул у того конца стола, что ближе к кабинету.)*

Сайкс *(указывая на еле сдерживающегося Реджиналда и кипящего гневом генерала)*. В этом-то и дело, епископ. Эдит настоящая племянница своих дядей. Она, как и они, неспособна сдерживаться. И кроме того, она дочь епископа. Это значит, что ей приходится заниматься всевозможными общественными делами: организовывать продавщиц, эксплуатируемых работниц и так далее. Когда

от всего этого у нее кровь закипает (а это случается не реже раза в неделю), она сама не знает, что говорит.

Реджиналд. Но вы же это знали, когда делали предложение.

Сайкс. Да, но я понятия не имел о том, что, когда мы поженимся, я буду материально ответствен, если ей предъявят обвинение в распространении через печать клеветы на кого-либо, в то время как ее имущество защищено от меня так, словно я самый низкий вор и попрошайка. Сегодня утром кто-то прислал мне статьи Белфорта Бэкса «Человеческая несправедливость», и они открыли мне глаза. Епископ, я думаю не о себе, ради Эдит я бы пошел на все. Но моя мать и сестры целиком зависят от того, что я им даю. Я скорее соглашусь, чтобы мне отрезали палец правой руки, чем урезали на сотню фунтов в год доход моей матери. Я всем обязан ее заботе обо мне.

Эдит, в жакете и короткой юбке, выходит из двери в башню быстро и решительно, с памфлетом в руке, вооруженная всеми своими принципами и гораздо более похожая на епископа, чем ее отец, но столь же благородная дама, как ее мать. Это типичный балованный ребенок из семьи духовенства — продукт воспитания столь же ужасный, как и балованный ребенок из богемного семейства. Это означает, что вся ее детская аффектированная совестливость и религиозные порывы всячески одобрялись и поддерживались, так что в конце концов из нее получился первостатейный сноб в области вопросов этики. Чувство юмора, свойственное ее отцу, и мягкая уравновешенность матери кое-как помогли ей сохранить человеческие черты. Однако ее неукротимый темперамент, энергия и воля, не смягченные ни единой чертой юмора и скепсиса, все перед собой сметают. Властная и догматичная, она сразу же подчиняет себе всех, находящихся в комнате.

Эдит *(становясь за стулом Сесила)*. Сесил, я услышала твой голос. Мне надо поговорить с тобой без свидетелей. Папа, ты уходи. И все вообще уходите.

Епископ *(направляясь к двери в кабинет)*. Кажется, нет никаких сомнений в том, что Эдит предпочитает, чтобы мы удалились. Пойдемте. *(Останавливается в дверях, поджидая братьев и Хочкиса.)*

Сайкс. Вот в этом-то все и дело. Эта ее прямота ужасно усложняет мое положение, как я ею ни восхищаюсь.

Эдит. А ты бы предпочел, чтобы я была льстива и неискренна?

Сайкс. Нет, не в том дело.

Эдит. Кто же хочет, чтобы я была льстива и неискренна?

Хочкис. Ну, раз уж вы спрашиваете, так я этого хотел бы. Это ведь первое условие для какого бы то ни было пристойного общения между людьми.

Генерал *(подчеркнуто)*. Надеюсь, дорогая, что ты всегда, при любых обстоятельствах будешь говорить мне правду.

Эдит *(благодушно подходя к очагу)*. Можешь на меня вполне рассчитывать, дядя Боксер.

Хочкис. А вы уверены, что имеете правильное представление о том, что такое правда, когда речь идет о военном?

Реджиналд *(задиристо)*. Хотел бы я знать, что такое правда о вас.

Хочкис. О, полностью ее высказывать нельзя. Если мисс Бриджнорт начнет это делать, мне придется выйти из комнаты.

Реджиналд. Не удивляюсь. *(Вставая.)* Но какое это имеет отношение к нашему сегодняшнему делу? Кто вступает в брак – вы или Эдит?

Хочкис. Прошу прощения. Я всегда так заинтересован собственной особой, что, о чем бы ни заходила речь, я самым недопустимым образом вторгаюсь в обсуждение.

Реджиналд издает негодующее восклицание и направляется через всю кухню к двери кабинета.

Но, дорогой мой Реджи, вы вполне уверены в том, что мисс Бриджнорт вступит в брак? Вы сами уверены, мисс Бриджнорт?

Прежде чем Эдит собралась ответить, возвращается ее мать с Лео и Лесбией.

Лео. Конечно, она здесь. Я же вам говорила, что слышала, как она побежала вниз. *(Подходит к тому концу стола, что ближе к очагу.)*

Миссис Бриджнорт *(окаменев от изумления, останавливается посередине кухни)*. И Сесил здесь!

Лесбия. И Синджон!

Епископ. Эдит хочет поговорить с Сесилом.

Миссис Бриджнорт подходит к нему. Лесбия, как всегда, удаляется в сад.

Пойдемте ко мне в кабинет.

Лео. Но ей же надо одеться. Времени-то сколько!
Миссис Бриджнорт. Лео, милочка, пойдем.

Лео неохотно следует за ней. Все уже готовы зайти в кабинет епископа.

Хочкис. А знаете, мисс Бриджнорт, мне бы ужасно хотелось услышать, что вы скажете бедняге Сесилу.
Реджиналд *(возмущенный)*. Ну и ну!
Эдит. Позвольте, а почему *бедняге* Сесилу?
Хочкис. Так всегда называют мужчину в день его женитьбы. Почему — не знаю. Вы же знаете, что я его шафер. Разве это не дает мне права присутствовать при вашем разговоре в интересах Сесила?
Генерал *(значительно)*. Есть же такая вещь, как деликатность, мистер Хочкис.
Хочкис. Есть также и такая, как любопытство, генерал.
Генерал *(в бешенстве)*. Здесь пренебрегают простой деликатностью, Альфред. Эдит, вам с Сайксом лучше пойти в кабинет.

Собравшиеся у двери кабинета расходятся. Генерал бросается на последний стул у длинной стороны стола, ближе к двери в сад, Лео садится рядом с ним, а миссис Бриджнорт рядом с Лео. Реджиналд снова садится на дубовый ларь, чтобы находиться поближе к Лео, а епископ идет к жене и остается около нее.

Хочкис *(обращаясь к Эдит)*. Разумеется, я уйду, если вы так хотите. Но дело в том, что возражения Сесила по поводу предстоящего основывались на причинах общественного характера...
Эдит *(с внезапной подозрительностью)*. Его возражения?
Сайкс. Синджон, ты не имеешь права говорить так. Я совершенно ясно заявил, что готов к женитьбе.
Эдит. Сесил, уж не означает ли это, что с твоей стороны возникли препятствия к нашему браку?
Сайкс. С моей стороны нет препятствий. Но я прошу тебя соблюдать осторожность в том, что ты говоришь о людях. Ты должна помнить, дорогая, что, когда мы поженимся, я окажусь ответственным за все, что ты можешь сказать. Только на прошлой неделе ты заявила публично с эстрады, что Слатокс и Чинери — негодяи. Если бы в то время мы были уже женаты, они могли бы получить с меня по тысяче фунтов каждый за оскорбление.
Эдит *(строго)*. Я никогда ничего подобного не говорила.

Я никогда не унижаюсь до пошлой брани. Что бы сказали мои девочки, если бы я так поступала? Я очень осторожно выбираю выражения. Я сказала, что они тираны, лжецы и воры. Они такие и есть. Слатокс даже хуже

Хочкис. Боюсь, что за это пришлось бы уплатить не менее пяти тысяч фунтов.

Сайкс. Если бы это касалось одного меня, мне было бы все равно. Но мама и сестры! Я не имею права жертвовать ими.

Эдит. Тебе нечего тревожиться. Я не намерена выходить замуж.

Все *(хором)*. Что?

Сайкс *(расстроенный)*. Эдит! Ты меня отвергаешь?

Эдит. Как так я? Ты первый меня отверг.

Сайкс. Клянусь честью, нет. Я только сказал, что не имел понятия о законах, когда делал тебе предложение.

Эдит. И ты не стал бы его делать, если бы знал их. Так ведь?

Сайкс. Нет. Я бы только попросил тебя, чтобы ради меня ты стала поосторожнее и не разоряла меня зря.

Эдит. Ты считаешь, что правда говорится зря?

Хочкис. Куда хуже, чем зря, уверяю вас. Правда очень часто попросту зловредна.

Эдит. Синджон, придержите язык. Вы пустомеля и болван.

Миссис Бриджнорт, Епископ *(шокированные)*. Эдит! Дорогая моя!

Хочкис *(дружелюбно)*. Я не подам в суд, Сесил.

Эдит *(Хочкису)*. Прошу извинения, но вы достаточно взрослый человек, чтобы знать это и без меня. *(Обращаясь ко всем остальным.)* Так как никакой свадьбы не будет, нам всем лучше заняться своими делами. Мама, пожалуйста, скажи Колинзу, чтобы он разрезал свадебный торт на тридцать три куска для девушек из моего клуба. То, что я не выхожу замуж, не причина, чтобы они лишились угощения. *(Собирается уходить.)*

Хочкис *(галантно)*. Если вы позволите мне занять место Сесила, мисс Бриджнорт...

Лео. Синджон!

Хочкис. Ох, совсем забыл. Прости! *(Обращаясь к Эдит, извиняющимся тоном.)* Я уже связан.

Эдит. Что? Вы и Лео? Так я и думала. Ну, так почему бы вам не пожениться сразу? Я не сторонница длительных помолвок. Завтрак готов. Торт готов. Все готово. Я могу одолжить Лео фату и другие вещи.

Епископ. Боюсь, что им придется подождать, пока не будет

утверждено решение суда. Кроме того, разрешение на брак не передается никому.

Эдит. Ну что ж, ничего не поделаешь. Что еще, пока я не ушла в клуб?

Сайкс. Ты не очень огорчена, Эдит. Не могу этого не отметить.

Эдит. И не можешь также скрыть своего облегчения. Но ведь мы же не перестанем быть друзьями.

Сайкс *(рассеянно)*. Разумеется, нет. Но все же... Я готов... во всяком случае... если бы не мама... Ох, я просто не знаю, что и делать. Я так тебя любил. И когда вся эта нудная история со свадьбой кончилась бы, я бы снова так любил тебя...

Эдит *(с ласковой снисходительностью)*. Ладно, ладно, не устраивай сцены, дорогой. Ты совершенно прав. Я считаю, что женщина, погруженная в общественную деятельность, может выходить замуж только в том случае, если будущий муж разделяет ее взгляды. Я нисколько не осуждаю тебя за то, что ты отверг меня.

Реджиналд *(ударяет себя кулаком в грудь и, обойдя генерала, переходит на другой конец стола)*. Нет, черт побери! Я не стану этого терпеть. Почему мужчина всегда оказывается неправ? Будь честна, Эдит. Почему ты не оделась? Может, ты сама собиралась отказать ему? А если так, то бери на себя долю вины и не взваливай все на него.

Хочкис *(сладким голосом)*. Не лучше ли было бы...

Реджиналд *(в ярости)*. Послушайте, Хочкис, кто просил вас вмешиваться. Вас зовут Эдит? Я ваш дядя?

Хочкис. Жаль, что нет. Я бы хотел иметь дядю Реджиналда.

Реджиналд. А вы, Сайкс, готовы жениться на Эдит или нет?

Сайкс. Я все время говорил, что готов. Слово есть слово.

Реджиналд. Нам не нужно знать, что слово есть слово. Что, вы неспособны сказать «да» или «нет» без всяких обиняков, так, чтобы Хочкис не улыбался, словно Чеширский кот? Если она наденет фату и пойдет в церковь, женитесь вы или нет?

Сайкс. Разумеется, да.

Реджиналд. В таком случае все в порядке. Ну, Эди, надевай свою фату и живей в церковь. Жених тебя ждет. *(Садится за стол.)*

Эдит. Договорились мы насчет того, что Слатокс и Чинери лжецы и воры и что я рассчитываю в ближайшую пят-

ницу иметь в руках неоспоримые доказательства того, что Слатокс даже хуже, чем обманщик и вор?

Сайкс. Я не ставил на этот счет никаких условий, когда делал тебе предложение, и на попятный идти не стану. Надеюсь, что провидение спасет мою несчастную мать. И вновь повторяю, что я готов на тебе жениться.

Эдит. В таком случае я считаю, что ты проявляешь слабохарактерность, но вместо того, чтобы использовать ее, подам тебе лучший пример. Я хочу знать, правда ли то, что тут написано. *(Достает брошюрку и протягивает ее отцу, а сама усаживается между матерью и Хочкисом.)*

Епископ *(читает заглавие)*. «Знаете ли вы, что собираетесь сделать?» Исповедь женщины, которая это сделала. Могу я спросить, дорогая, что такое она сделала?

Эдит. Вышла замуж. Когда у нее уже было трое детей, старшему пошел пятый год — ее муж совершил убийство, а затем попытался покончить с собой, но сумел только изуродовать себя. Вместо повешения его приговорили к пожизненной каторге, ради — как там сформулировали — его жены и детей. И она не могла добиться развода от этого злодея. А фактически его и не продержат на каторге до самой смерти. Двадцать лет ей пришлось жить одной и воспитывать детей на деньги, заработанные только ею, зная при этом, что как раз тогда, когда они вырастут и начнут сознательную жизнь, это гнусное существо будет выпущено на волю, чтобы опозорить их всех, помешать двум ее дочерям прилично выйти замуж, а сына, может быть, принудить уехать из Англии. Закон действительно таков? Значит, выходит, что, если Сесил совершит убийство, или станет фальшивомонетчиком, или ограбит кого-нибудь, или превратится в атеиста, я не смогу развестись с ним?

Епископ. Да, дитя мое. Так оно и есть. Ты будешь связана с ним и на радость и на горе.

Сайкс. Но я вовсе не намереваюсь совершить убийство.

Эдит. Откуда ты знаешь? Мне иногда очень хотелось убить Слатокса. А тебе никогда не хотелось убить кого-нибудь, дядя Реджи?

Реджиналд *(весьма выразительно глядя на Хочкиса)*. Хотелось.

Лео. Реджи!

Реджиналд. Я сказал — хотелось и подтверждаю это! Однажды ночью, Хочкис, я едва не убил вас и Лео и чуть не покончил с собой. Это чистая правда.

Лео *(внезапно захныкав)*. О Реджи! *(Бежит к нему и целует его.)*

Реджиналд *(в ярости)*. Прочь!

Она, плача, возвращается на свое место.

Миссис Бриджнорт *(ласково утешая Лео, но обращаясь ко всем вообще)*. Да ведь это же все какая-то бессмыслица. Возможно ли, чтобы кто-нибудь из нас совершил какое-нибудь преступление?

Хочкис. Вполне возможно, уверяю вас. Однажды я очень обстоятельно обдумал все это. И выяснилось, что я делал такие вещи — насколько мне известно, все их делают, — за которые, если бы это стало общеизвестно и меня привлекли к ответственности, я мог получить десять лет каторги, два года принудительных работ и лишение всех гражданских прав. Не считая того, что я управляю по доверенности одним имуществом и, как все такие люди, мошенничаю, иначе вдова, чье имущество мне вверено, того и гляди помрет с голоду, а дети ее не смогут получить образования. И тем не менее я, вероятно, такой же порядочный человек, как все, находящиеся здесь.

Генерал *(оскорбленный в своих лучших чувствах)*. Уж не подразумеваете ли вы, что я могу быть виновен в чем-либо таком, за что приговаривают к каторжным работам?

Хочкис. Думаю, что это вполне возможно. Но, разумеется, не знаю наверное.

Миссис Бриджнорт. Но в конце-то концов, брак же не сводится к каким-то законам! Разве у вас, дети, нет никакой привязанности друг к другу? Неужели этого не достаточно?

Хочкис. Если этого достаточно, зачем вступать в брак?

Миссис Бриджнорт. Чепуха, Синджон! Должны же люди жениться и выходить замуж. (*Умоляюще.*) Альфред, почему ты ничего не говоришь? Не допустишь же ты, чтобы они продолжали в том же духе!

Генерал. На протяжении последних двадцати минут, Альфред, я в изумлении, в полном ошеломлении ждал, когда же ты положишь всему этому конец! Мы все ждем: это же твое призвание, твое дело, твой долг. Прояви же немедленно свой авторитет.

Епископ. Дай дьяволу высказаться, Боксер. Пока ты не выслушал и не взвесил его точку зрения на данный вопрос, ты не имеешь права его осудить. Я очень жалею, что ты ждал двадцать минут, но ведь сам я ждал двадцать лет

того, что сейчас произошло. Часто боролся я с искушением молиться о том, чтобы этого не случилось в моей собственной семье. Может быть, именно предчувствие того, что это станет частью нашего старого бриджнортовского бремени, заставило меня со всей серьезностью предупреждать наше правительство, что, если закону о браке не придать человечности, он никогда не станет божьим законом.

Миссис Бриджнорт. Ну, будь же благоразумен в этом деле. Люди должны вступать в брак. Что бы ты сказал, если бы родители Сесила не состояли в браке?

Епископ. Они и не состояли, дорогая.

Хочкис. Здорово.
Реджиналд. Что ты имеешь в виду?
Генерал. Э?
Лео. Не состояли в браке?
Миссис Бриджнорт. Что?

Сайкс *(в полном изумлении поднимаясь с места)*. Что вы хотите сказать, епископ? Мои родители состояли в браке.

Хочкис. Ты же не можешь этого помнить, Сесил.

Сайкс. Ну конечно, я никогда не просил мою мать показать мне брачное свидетельство, если ты намекаешь на это. Кто же об этом просит? Я никогда не подозревал... не знал... Уж не шутите ли вы? Или мы все с ума спятили?

Епископ. Да не волнуйтесь вы, Сесил. Сейчас я вам объясню. Ваши родители не были англиканского вероисповедания. Да и вы, я думаю, не были англиканцем, пока не перешли на второй курс в Оксфорде. Они были позитивисты. Они совершили позитивистский обряд в Ньютон Холле на Фетер-лейн после того, как записались гражданским образом в Вест-Стрэнде. Ответьте мне как верующий сын англиканской церкви: было это настоящим браком?

Сайкс *(потрясенный услышанным)*. Всемогущий боже, нет! Тысячу раз нет. Мне это никогда не приходило в голову. Я — плод греха. *(Падает в кресло из деревянных планок.)*

Епископ. Ну же, ну же! Вы не более плод греха, чем любой иудей, магометанин, нонконформист или любой другой человек, рожденный от отца и матери, не принадлежащих к нашей церкви. Но вы сами понимаете, как это влияет на мою точку зрения. Для меня святы только одни брачные узы: церковное таинство брака. Вне этого я не вижу никакой разницы между той или иной формой гражданского союза. В былые времена все браки заключа-

лись на небесах. Но церковь не проявила должной мудрости, не внесла в свои обряды достаточно разумных начал, и она потеряла свою власть над мужчинами и женщинами: браки заменились официальной записью перед лицом гражданских властей. А теперь, когда наше правительство отказывается сделать гражданский брачный контракт разумным, те, кого мы в слепоте нашей заставили уйти из церкви, точно так же будут избегать и гражданской записи. И таким образом повторится то, что было в Древнем Риме. Людей будут соединять по контракту их поверенные в делах – на семь лет, четырнадцать или на двадцать один год, а может быть, и на такое же количество месяцев. Прежние взаимные брачные клятвы заменятся договоренностью о партнерстве.

Генерал. И ты, епископ, одобришь этакое партнерство?

Епископ. А ты полагаешь, что я, как епископ, одобрял законопроект о свояченице? Все равно это не помешало ему стать законом.

Генерал. Но когда правительство задало тебе вопрос, обвенчаешь ли ты мужчину с сестрой его покойной жены, ты вполне естественно и как должно послал правительство ко всем чертям.

Епископ *(в ужасе)*. Нет, нет, что ты, Боксер! Ты не должен...

Генерал *(с досадой)*. Но ясно же, я не имел в виду, что ты ответил в таких именно выражениях. Но смысл и дух был именно этот.

Епископ. Только не дух, Боксер, тут я протестую. Но это не важно. Все дело в том, что гражданский брак не имеет ничего общего с церковным. Отношения между Лео, Реджи и Синджоном вполне законны, но ты сам понимаешь, что как епископ я не могу их одобрять!

Генерал. Я не защищаю Реджиналда. Ему следовало бы вышвырнуть вас из дома, мистер Хочкис.

Реджиналд *(вставая)*. А как я мог его вышвырнуть? Он ведь сильнее и сам бы смог меня вышвырнуть, если бы до этого дошло. Да он, в сущности, и вышвырнул. Как иначе назвать то, что он отнял у меня привязанность моей жены и водворился на мое место? *(Подходит к очагу.)*

Хочкис. Я протестую, Реджиналд. Я сказал все, что может сказать человек, чтобы предотвратить катастрофу.

Реджиналд. О, я знаю. Я вас и не упрекаю. Люди никогда

сознательно не устраивают друг другу таких вещей, это случается само собой, и ничего тут не поделаешь. Что, например, я мог поделать? Я старый — она молодая. Я туповатый — он блестяще остроумный. У меня физиономия вроде как орех, у него — вроде как гриб. Мне, как и ей, нравилось, что он бывал у нас в доме: меня это забавляло. И мы с ней оба сваляли дурака. Он дал нам хороший совет, сказал, что нам делать, когда мы сами не могли до этого додуматься. Но она нашла, что я ей ни на что не годен, а он подходит, заграбастала его, а меня послала к черту.

Лео. Если ты не перестанешь говорить так гнусно о нашей супружеской жизни, я уйду из комнаты и никогда не скажу тебе ни единого слова.

Реджиналд. Да тебе и не придется со мной разговаривать. Уж не воображаешь ли ты, что я буду ходить к вам в гости, когда вы поженитесь?

Хочкис. Надеюсь, что будете. Не окажетесь же вы злопамятным, Реджи? Кроме того, у вас будут все те преимущества, которыми пользовался я. Вы будете гостем, приносящим облегчение, новым лицом в доме, вестником всяких новостей, старой привязанностью. А я буду всегонавсего мужем.

Реджиналд *(озверев)*. Скажет мне кто-нибудь наконец, что же это такое? Каждый раз, когда речь заходит об Эдит, мы почему-то говорим о Хочкисе! *(Мечется по кухне — к дверям башни и обратно к своему креслу.)*

Миссис Бриджнорт. Скажет мне кто-нибудь наконец, как же пойдут дела на белом свете, если люди не станут вступать в брак?

Сайкс. Скажет мне кто-нибудь, какое же предложение может сделать порядочный человек и верующий сын англиканской церкви женщине, которую он любит и которая его любит, но не хочет сочетаться с ним браком?

Лео. Скажет мне кто-нибудь, как я смогу заботиться о Реджи, если выйду за Синджона? Нельзя разрешать Реджи жениться на ком-либо другом, особенно же на этой отвратительной, гнусной твари, которая плела о нем мерзкие небылицы в суде.

Хочкис. Давай заключим первый в Англии договор о сожительстве на паритетных началах.

Лео. Постыдился бы, Синджон.

Епископ. Кто-то же должен начать, дорогая. Я сильно подозреваю, что, когда этот договор будет составлен, он

окажется настолько хуже существующих законов, что вы все предпочтете обыкновенный брачный союз. Поэтому мы окажем величайшую услугу общественной нравственности, если попытаемся испробовать новую систему на практике.

Лесбия *(внезапно напоминая присутствующим, что она тоже находится среди них, появляется с задумчивым видом у двери, ведущей в сад)*. Я обо всем поразмыслила.

Епископ *(Хочкису)*. Самое полезное дело – дать человеку подумать, правда, Синджон?

Лесбия *(подходя к столу, слева от генерала)*. Женщина не имеет права отказываться от материнства. Это стало совершенно ясно из статистических данных, опубликованных в «Таймс» мистером Сиднеем Уэббом.

Генерал. Мистер Уэбб не имеет к этому никакого отношения. Это голос природы.

Лесбия. Но если женщина – английская леди, ее право и ее долг требовать пристойных условий. Если мы сможем договориться об условиях, я готова вступить в связь с Боксером.

Генерал шатается, ошалев настолько, что неспособен произнести ни слова.

Эдит *(вставая)*. А я с Сесилом.

Лео *(вставая)*. А я с Реджи и с Синджоном.

Генерал *(в ужасе)*. Связь! Ты имеешь в виду...э... э...

Реджиналд. Насколько я понимаю, она имеет в виду двоемужество.

Генерал. Альфред, сколько времени ты еще будешь стоять вот так и молча сносить все это безумие? Что это – страшный сон или я действительно не сплю? Вернемся же наконец, во имя здравого смысла, к реальной жизни...

Колинз появляется из двери в башню в одеянии олдермена. Дамы, которые до этого стояли, быстро садятся, принимая самый равнодушный вид.

Колинз. Простите, что я тороплю вас, милорд. Но церковь уже целый час полна народу, а органист проиграл три раза подряд всю свадебную музыку из «Лоэнгрина».

Генерал. Вот человек, который нам нужнее всего, Альфред. Я неспособен справиться с положением. Ты тоже. Армия потерпела неудачу. Церковь потерпела неудачу. Я отметаю все никчемные социальные различия и призываю на помощь муниципалитет.

Миссис Бриджнорт. Правильно, Боксер. Он-то выведет нас из затруднения.

Колинз, несколько удивленный, проходит с любезной улыбкой вперед и становится слева от Хочкиса.

Хочкис *(встает, ибо на него произвела впечатление олдерменская мантия)*. Я не имел удовольствия... Может быть, представимся друг другу?

Колинз *(доверительным тоном)*. Конечно, сэр. Я всего-навсего зеленщик, сэр, которому поручено позаботиться о свадебном завтраке. Мистер олдермен Колинз, когда на мне мантия.

Хочкис *(совершенно изумленный)*. Очень приятно. *(Снова садится.)*

Епископ. Я лично очень высоко ценю советы моего старого друга, мистера олдермена Колинза. Если Эдит и Сесил позволят ему...

Эдит. Колинз знал меня с детских лет. Я уверена, что он со мной согласится.

Колинз. Разумеется, мисс. Можете на меня вполне рассчитывать. Могу ли я спросить, о каком затруднении идет речь?

Эдит. Дело очень простое. Считаете ли вы, что я могу выйти замуж при существующем сейчас брачном законодательстве?

Сайкс *(встает и подходит к Колинзу с другой стороны)*. Спрашиваю вас, как рассудительного человека: разве закон для нее хуже, чем для меня?

Реджиналд *(встает со своего места и становится между Сайксом и Колинзом. Сайкс возвращается на свое прежнее место)*. Дело вовсе не в этом. Поймите, мистер Колинз, не мужчина отказывается от своего слова, а женщина. *(Снова отходит к очагу.)*

Лесбия. Мы с этим не согласны. Женщины готовы пойти на любую разумную договоренность.

Лео. С обоими мужчинами.

Генерал. Дело, таким образом, изложено, мистер Колинз, и я позволю себе спросить вас как человек человека: слыхали вы когда-нибудь такую нелепость?

Миссис Бриджнорт. Мир же должен существовать, ведь правда, Колинз?

Колинз *(хватаясь за ее вопрос, как за первую понятную ему фразу)*. О, мир будет существовать, сударыня, об этом не

беспокойтесь. Не так уж легко с ним покончить, как думают некоторые серьезные люди.

Эдит. Я была уверена, что вы со мной согласитесь, Колинз. Большое спасибо.

Хочкис. А вы имеете хоть какое-нибудь представление, о чем они все говорят, мистер олдермен?

Колинз. О, с этим все в порядке, сэр. Частности не имеют значения. Я никогда не читаю докладов каких-либо комиссий: в конце концов, могут ли они сказать что-либо такое, чего вы не знаете? Вы схватываете все на лету, когда они высказываются. *(Идет к углу стола и через стол обращается к собравшимся.)* Так вот, милорд, мисс Эдит, сударыня и джентльмены, как, по-моему, обстоит дело. Брак вполне выносим в своем роде, если вы сговорчивы и не ожидаете от него слишком многого. Но чего он не может выдержать — так это чтобы над ним задумывались. Самое главное — это связать молодых людей прежде, чем они уразумеют, на что идут. Теперь о мисс Лесбии. Она ждала до тех пор, пока не стала задумываться, а тогда все и рухнуло. Если вы начнете рассуждать между собой о браке, мисс Эдит и мистер Сайкс, то никогда не поженитесь. Сперва обвенчайтесь, потом уж у вас будет полная возможность рассуждать и спорить, мисс, поверьте мне.

Хочкис. Ваш совет запоздал. Они уже начали рассуждать.

Генерал. Но вы не отдаете себе отчета во всем... право же, я не хочу преувеличивать, но это единственное слово, которое напрашивается,— во всем ужасе создавшегося положения. Эти дамы не только отказываются принять наши достойные предложения, но, насколько я понимаю — и прошу от всего сердца у вас прощения, Лесбия, если я ошибаюсь, а я надеюсь, что ошибаюсь,— они призывают нас вступить — мне очень жаль, что я вынужден употребить такое выражение, но что поделаешь — вступить с ними в связь согласно договорам, которые должны быть составлены распроклятыми поверенными в делах.

Колинз. Вот как, генерал? Это что-то новое, если стороны принадлежат к одному и тому же классу общества.

Епископ. Совсем не новое, Колинз. Это делали еще римляне.

Колинз. Да, это на римлян похоже. Есть такая старая поговорка: если вы в Риме, делайте все, как римляне. Но ведь мы-то здесь не в Риме, милорд.

Епископ. Мы переняли у них уже очень многое. Что вы скажете о системе договоров, Колинз?

Колинз. Что ж, милорд, когда речь идет о договоре, я всегда говорю: покажите мне, как он выглядит на бумаге. Если люди только говорят, то всё – одни слова. Но если это договор, то уж пусть черным по белому. Тогда ясно будет, о чем речь.

Хочкис. Совершенно правильно, мистер олдермен. Давайте-ка составим такой договор. Могу я зайти в ваш кабинет за письменными принадлежностями, епископ?

Епископ. Пожалуйста, Синджон.

Хочкис удаляется в кабинет.

Колинз. Если позволите указать на одно затруднение, милорд...

Епископ. Ну конечно. *(Направляется к четвертому стулу слева от генерала, но, прежде чем сесть, учтиво указывает на стул у того конца стола, что ближе к очагу.)* Не присядете ли вы, мистер олдермен?

Колинз, очень довольный уважительным отношением епископа, садится. Тогда опускается на стул и епископ.

Колинз. Нас теперь шестеро мужчин на четыре дамы. Это несправедливо.

Реджиналд. Вы имеете в виду – несправедливо для мужчин?

Лео. О, Реджи сделал умное замечание! Неужто я в нем ошибалась?

Возвращается Хочкис с пресс-бюваром и несколькими листами бумаги. Занимает пустой стул в середине стола между Лесбией и епископом.

Колинз. Скажу вам по чистой совести, милорд, дамы и господа: в этом деле я своему разумению не доверяюсь. Есть одна дама, с которой я постоянно советуюсь в деликатных вопросах такого рода. Она обладает совершенно исключительным опытом, а также изумительным темпераментом и чутьем в сердечных делах.

Хочкис. Простите меня, мистер олдермен, я сноб и потому предупреждаю вас, что нам есть смысл спрашивать совета только у человека, который будет давать нам его откровенно, исходя из соображений классового характера. Брак вполне устраивает низшие классы: у них есть раз-

личные возможности оставлять нелюбимого супруга, которых мы лишены. Каково общественное положение этой дамы?

Колинз. Самое высокое в нашем городе, сэр. Она супруга мэра. Но вам нет необходимости выражать ей какое-либо преувеличенное почтение. Она моя невестка. *(Обращаясь к епископу.)* Я частенько рассказывал о ней вашей супруге, милорд. *(Обращаясь к миссис Бриджнорт.)* Речь идет о миссис Джордж.

Миссис Бриджнорт *(пораженная)*. Вы хотите сказать, Колинз, что миссис Джордж — реально существующее лицо?

Колинз *(столь же пораженный)*. А вы в нее не верили, сударыня?

Миссис Бриджнорт. Ни одной секунды не верила.

Епископ. Мы всегда считали, что миссис Джордж — явление слишком замечательное, чтобы быть правдой. Я и сейчас не верю в нее, Колинз. Чтобы убедить меня, вам придется показать нам ее.

Колинз *(совершенно ошеломленный)*. Ну, знаете, я так изумлен этим, что... Право же, никогда я... Но она сейчас в церкви и ожидает брачной церемонии.

Епископ. Тогда приведите ее сюда.

Колинз качает головой.

Ладно, Колинз, уж признавайтесь, такой особы не существует.

Колинз. Существует, милорд, существует, могу вас уверить. Спросите у самого Джорджа. Я действительно не могу показать ее обществу, но вы можете.

Епископ. Я?

Колинз. Так точно, милорд, вы. По какой-то причине, до которой я никогда не мог докопаться, она запретила мне говорить о вас или устраивать так, чтоб вы с ней встретились. Каждый раз, когда в вашем доме бывала свадьба, я просил ее прийти сюда и помочь — насчет цветов и тому подобного. Она всегда отказывалась. Но если вы в качестве епископа прикажете ей прийти, она появится. У нее бывают странные фантазии, у нашей миссис Джордж. Пошлите ей в доказательство своего вызова ваш перстень, милорд, ваш официальный епископский перстень, пошлите с каким-нибудь шикарным джентльменом — может быть, мистер Хочкис будет так добр, что снесет его, — и она явится.

Епископ *(снимая с пальца перстень и протягивая его Хочкису)*. Сделайте мне одолжение и выполните эту миссию.

Хочкис. Но как я узнаю даму?

Колинз. Она отправилась в церковь во всем параде, сэр, и при ней будет находиться муниципальный служитель с булавой. Он вам на нее укажет. А на обратном пути он будет сопровождать вас в экипаже на переднем сиденье.

Хочкис. Нет, клянусь богом! Простите, епископ, но вы слишком многого требуете. Я бежал от буров из снобизма. По этой же причине я бегу и от муниципального служителя. Я решительно отклоняю ваше поручение.

Генерал *(поднимаясь с весьма внушительным видом)*. Будьте так добры, передайте мне перстень, мистер Хочкис.

Хочкис. Весьма охотно. *(Протягивает ему кольцо.)*

Генерал. Мне доставит большое удовольствие, мистер олдермен, сопровождать по повелению епископа супругу мэра. И я буду крайне польщен тем, что, возвращаясь сюда, буду удостоен муниципальных почестей. *(Уходит с самым важным видом.)*

Колинз в ответ на его слова с подчеркнутым достоинством поднимается, затем опять садится.

Реджиналд. Боксер тоже в своем роде занятный старый шутник.

Хочкис. Парадный мундир создает для него недопустимое преимущество. Все внимание муниципального служителя будет отдано ему.

Колинз. Мне кажется, милорд, что пока нам имеет смысл заняться договором. По правде говоря, с появлением миссис Джордж мы даже заглянуть в него не сможем, так что лучше нам покончить с писаниной до ее прихода.

Хочкис. По-моему, я правильно изложил вводную часть. *(Читает.)* «Соглашение, заключенное сего пропуск между пропуск из пропуск в графстве пропуск, эсквайром, в дальнейшем именующимся джентльмен, с одной стороны, и пропуск из пропуск в графстве пропуск, в дальнейшем именующейся дама, — с другой, каковые по взаимной договоренности согласились относительно нижеследующего».

Лео *(вставая)*. Не забывай о приличиях, Синджон. Дамы упоминаются раньше. *(Заходит за его стул и через его плечо смотрит, что он пишет.)*

Хочкис. Ну конечно же. Прости, пожалуйста. *(Делает соответствующие исправления.)*

Лео. И кроме того, у тебя одна дама и один джентльмен. Джентльменов должно быть два.

Колинз. О, сударыня, это же только форма. Вписано может быть любое количество дам и джентльменов.

Лео. Дам совсем не любое количество. Дама только одна. Кроме того, та тварь была вовсе не дама.

Реджиналд. Да помолчи ты, Лео. Это ведь общая форма договора для всех. Это не твой личный договор.

Лео. Тогда мне-то он на что?

Хочкис. Кое-какие имеющиеся в нем намеки ты используешь для своего договора.

Эдит. Надеюсь, обойдется без всяких намеков. Изложена должна быть со всей прямотой только правда, и ничего кроме правды.

Колинз. Конечно, конечно, мисс, все будет в порядке. Никаких недомолвок, будьте уверены. Это только образец договора, самый что ни на есть правильный.

Эдит *(без всякой убежденности в голосе)*. Надеюсь, что так.

Хочкис. Какой же обычно бывает в договоре первый параграф? Вы, несомненно, знаете, мистер олдермен.

Колинз *(несколько растерявшись)*. Вы знаете, сэр, об этом, как правило, заботится старший клерк муниципалитета. Я уже отвык сам думать о таких пустяках. Может быть, его милость помнит?

Епископ. Очень жаль, но и я не помню. Но Сомс наверняка знает. Элис, где же Сомс?

Хочкис. Он там. *(Указывает на кабинет.)*

Епископ *(обращаясь к жене)*. Уговори его выйти к нам, дорогая.

Миссис Бриджнорт уходит в кабинет.

Сомс — мой капеллан, мистер Колинз. В наши дни самая большая трудность для епископов английской церкви состоит в том, что по положению дел в епархии епископу приходится в первую очередь быть именно деловым человеком, способным не отходить от письменного стола в течение шестнадцати часов. Но из-за того, что епископы таковы, духовная жизнь церкви, ее влияние на душу и воображение верующих вскоре начинают идти ко всем чертям...

Эдит *(с возмущением)*. Папа!

Епископ. В данном случае я не ругаюсь, как Боксер, а употребляю технический термин. Да и сами епископы настолько далеко заходят в указанном направлении, что за-

работали себе репутацию самых ограниченных духовно и самых сметливых в коммерческом смысле людей в нашей стране. Я нашел выход из этого трудного положения. Сомс был моим поверенным в делах. И вот я выяснил, что Сомс, будучи весьма способным деловым человеком, имел также скрытую, довольно романтическую сторону жизни. Его отец был очень известным пастором-нонконформистом, имевшим обыкновение говорить об английской церкви как о вавилонской блуднице. Сомс втайне от отца перешел в англиканство, когда ему было всего пятнадцать лет. Он очень хотел принять священнический сан, но не решился на это, так как отец его, человек с больным сердцем, угрожал пасть мертвым всякий раз, когда что-нибудь делалось наперекор ему. Вы, может быть, замечали, что почти все семейные тираны в Англии — это люди с больным сердцем. Так что бедному Сомсу пришлось стать стряпчим. Когда отец его скончался — по странной иронии судьбы он умер от скарлатины, а сердце его при вскрытии оказалось совершенно здоровым, — я рукоположил Сомса в священники и взял его себе в капелланы. Теперь он вполне счастлив. Он дал обет безбрачия, постится по пятницам и в течение всего великого поста носит рясу и шапочку священнослужителя. А гражданскими делами он завален еще больше, чем в свое время в конторе на Эли Плейс. Но зато меня это освобождает для подобающей епископу духовной и исследовательской деятельности.

Миссис Бриджнорт *(выходя из кабинета с корзинкой для вязальных принадлежностей)*. Вот он. *(Садится на свое место и принимается за вязанье.)*

Входит Сомс в рясе и шапочке. Здоровается с присутствующими, благословляя их двумя пальцами.

Хочкис. Садитесь на место, мистер Сомс. *(Уступает ему свой стул и отходит к дубовому ларю, на который и усаживается.)*

Епископ. Теперь уже не мистер Сомс, а отец Энтони.

Сомс *(садясь)*. При крещении мне дали имя Оливер Кромвел Сомс. Отец мой не имел на это никакого права. Я сам принял имя Энтони. Когда вы станете родителями, молодые люди, будьте осторожны и не наклеивайте на беспомощного младенца ярлык, который, может быть, впоследствии станет для него омерзительным.

Епископ. Элис объяснила вам, что именно за документ мы составляем?

Сомс. Объяснить-то объяснила.

Лесбия. Это звучит так, словно вы нас не одобряете.

Сомс. Не мое дело одобрять или не одобрять. Я выполняю работу, которую поручает мне мой духовный начальник.

Епископ. Ну, Энтони, не будьте так жестоки. Дайте нам самый лучший совет.

Сомс. Мой совет всем собравшимся здесь — исполнить свой долг, по-христиански дав обеты безбрачия и бедности. Церковь была основана для того, чтобы покончить с браком и собственностью.

Миссис Бриджнорт. Но как же в таком случае будет существовать мир, Энтони?

Сомс. Исполняйте свой долг и увидите. Исполнение долга — это *ваше* дело. А как обеспечить существование мира — об этом позаботится тот, в чьих руках мир.

Лесбия. Энтони, вы просто невозможны.

Сомс *(берясь за перо)*. Вы не желаете следовать моему совету. Я, впрочем, был в этом уверен. А теперь жду ваших указаний.

Реджиналд. Мы застряли на первом пункте. С чего нам начинать?

Сомс. Обычно прежде всего устанавливается срок договора.

Эдит. Что это значит?

Сомс. На сколько лет действителен договор.

Лео. Но это же брачный договор.

Сомс. А на сколько времени заключается брак — на год, на неделю, на один день?

Реджиналд. Ну вот еще, Энтони! Вы, оказывается, хуже нас всех. На один день!

Сомс. Кто сошел с истинного пути, тот сошел. А на дюйм или на милю — значения не имеет.

Лео. Если брак не навечно, мне он совсем не нужен. Я считаю безнравственным, чтобы брак заключался на какой-то срок. Если он окажется неудачным, можно развестись.

Реджиналд. Он должен заключаться ровно на столько, на сколько люди пожелают. Так я считаю.

Колинз. Но у них может быть различный взгляд на это, сэр. Один хочет большей четкости и определенности в отношении срока, другой предпочитает неопределенность и свободу.

Лесбия. Я бы сказала так: до тех пор, пока мужчина будет вести себя хорошо.

Епископ. А если предположить, что плохо поведет себя женщина?

Миссис Бриджнорт. Женщина рискует потерять возможность более удачного брака с другим человеком. Нельзя ей полагаться на волю случая.

Реджиналд. Но и с мужчиной может быть то же самое. А как насчет его дома?

Лео. Жена должна следить за мужем, смотреть за тем, чтобы у него имелись все удобства и чтобы он мог о себе хорошо позаботиться. Второму мужчине она ведь не будет нужна все время.

Лесбия. Второго мужчины может и не быть.

Лео. Тогда зачем же ей уходить от мужа?

Лесбия. Просто потому, что ей так захочется.

Лео. Ну, по-моему, разрешать людям делать то, что им хочется,— чистая безнравственность. *(С негодованием отходит к дубовому ларю и садится на него почти вплотную к Хочкису.)*

Реджиналд *(с раздражением наблюдая за ними)*. Однако сама ты это себе разрешаешь.

Лео. О, это совсем другое дело. Прекрати свои глупые шутки, Реджи.

Епископ. Мы как будто не очень продвинулись вперед. Что скажете, мистер олдермен?

Колинз. Как вы сами видите, милорд, собравшиеся здесь упорно говорят о браке так, словно все браки бывают только одного рода. Но браков разного рода почти столько же, сколько разного рода людей. Существует молодежь, вступающая в брак по любви и сама не ведающая, что она творит, есть зрелые и пожилые люди, вступающие в брак ради денег, ради комфорта, ради того, чтобы найти спутника жизни. Есть люди, вступающие в брак, чтобы иметь детей. Но есть и такие, которые вовсе не хотят детей и не годятся в родители. Есть люди, ищущие в браке способ избавиться от преследований и приставаний со стороны лиц другого пола. Есть люди, стремящиеся приобрести в браке некий новый опыт, а есть и такие, которые рассчитывают, что брак положит для них конец каким бы то ни было опытам. Как же удовлетворить их всех? Тут, знаете ли, надо не меньше полудюжины различных образцов брачного договора.

Епископ. Ну, что ж, если так, составим все эти образцы. Смело учтем реальное положение вещей.

Реджиналд. Почему мы должны оставаться привязанными

друг к другу, хотим мы этого или нет? Вот в чем вопрос, вот в чем суть дела.

Миссис Бриджнорт. Из-за детей, Реджи.

Колинз. Но даже если так, сударыня, то почему мы должны оставаться связанными, даже когда это условие отпадает? То есть когда все дочери выданы замуж, а все сыновья стали на ноги и сами себе господа? Когда с этим покончено, покончено и с тем, ради чего люди состояли в браке. Если оба они хотят продолжить совместную жизнь, пусть продолжают. А если нет, пусть расходятся в разные стороны, как старики и старухи в богадельне. Они досконально узнали друг друга и успели друг другу надоесть. Зачем им оставаться привязанными друг к другу, ворчать друг на друга, ненавидеть и злобствовать, как это слишком часто случается? Назначим срок — ну, хотя бы двадцать лет со дня рождения младшего ребенка.

Сомс. А если детей совсем не будет?

Колинз. Пусть тогда люди сходятся просто по склонности.

Миссис Бриджнорт. Колинз!

Лео. Ах вы негодный старик!

Епископ *(призывая ее к порядку)*. Легче, дорогая, легче!

Лесбия. А на что жить женщине, если, скажем, к ней уже ни у кого нет склонности, как вы это называете?

Сомс *(сардонически-официальным тоном)*. Есть предложение: на случай появления детей определить срок договора в двадцать лет со дня рождения последнего ребенка. Имеются ли дополнения?

Лео. Я протестую. Договор должен заключаться на всю жизнь. Иначе это вообще не брак.

Сомс. Миссис Реджиналд Бриджнорт предлагает пожизненный срок. Кто за это?

Лео. Не будьте так бездушны, Энтони.

Лесбия. У меня есть весьма существенное дополнение. При появлении на свет детей муж должен удаляться из дому на два года в каждом таком случае. В такие периоды он совершенно излишен, докучлив и смешон.

Колинз. Но куда же ему деваться, мисс?

Лесбия. Да куда сам захочет, лишь бы только он не докучал матери своих детей.

Реджиналд. А она, значит, должна остаться в одиночестве...

Лесбия. В одиночестве! Это с ребенком-то! Несчастная женщина только рада будет, если хоть на миг останется сама с собой! Не говорите вздора, Реджи!

Реджиналд. Отцу, следовательно, предстоит стать злополучным бродягой-изгоем, жить у себя в клубе и видеться только с женами своих друзей?

Лесбия *(иронически)*. Ах, бедняжка!

Хочкис. Жены друзей, возможно, и являются разрешением проблемы. Понимаете, их мужья тоже ведь окажутся изгоями, а у бедных женщин порой все же будет возникать потребность в мужском обществе.

Лесбия. Для матери нет никаких причин избегать мужского общества. Ей только не нужно никакого мужа.

Сомс. Еще что-нибудь, мисс Грентхэм?

Лесбия. Да. Я должна иметь свой отдельный дом или хотя бы часть дома. Боксер курит, а я не выношу табачного дыма. Боксер считает, что открытое окно означает смерть от простуды и от вредоносности ночного воздуха. А мне всегда необходим свежий воздух. Мы можем подружески относиться друг к другу, но не можем жить вместе. Это должно быть отражено в договоре.

Эдит. У меня нет возражений против курения. А что касается открывания окон, то Сесил будет, разумеется, поступать так, как того потребует его здоровье.

Епископ. А кто будет судьей в этом вопросе, дорогая? Ты или он?

Эдит. Ни я, ни он. Мы должны поступать так, как скажет доктор.

Реджиналд. Докторов ко всем...

Лео *(строгим голосом)*. Реджи!

Реджиналд *(обращаясь к Сомсу)*. Послушайте меня, Энтони. Отметьте в договоре, что никакого вмешательства докторов не должно быть. Хватит того, что два человека вступили в брак друг с другом, нечего им еще состоять в браке с доктором.

Лесбия. Да, я вспомнила об одной очень важной вещи. Боксер верит в прививки, а я нет. Надо включить в договор пункт, что вопрос этот решается мною, как я найду лучше.

Лео *(обращаясь к епископу)*. Крещение младенца по меньшей мере так же существенно, как и прививки, ведь правда?

Епископ. Так принято считать, дорогая.

Лео. Так вот, Синджон смеется над этим, он говорит, что крестный отец — явление смехотворное. Решать в этом деле должна я.

Реджиналд. Но ведь это будут ваши общие дети.

Лео. Не будь неделикатным, Реджи.

Эдит. Вы забыли об очень важной вещи — о деньгах.

Колинз. Да, деньги! К ним-то мы и подходим!

Эдит. Когда я буду замужем, у меня, в сущности, не будет никаких денег, кроме тех, что я заработаю.

Епископ. Мне очень жаль, Сесил, но дочь епископа — дочь бедного человека.

Сайкс. Неужто вы воображаете, что я позволю Эдит работать, когда мы поженимся? Я небогатый человек, но у меня хватит средств, чтобы избавить ее от этого. А когда не станет моей матери...

Эдит. Что за глупости! Конечно же, я буду работать, когда выйду замуж. Я буду вести твой дом и хозяйство.

Сайкс. Ах, в этом смысле!

Реджиналд. Ты это считаешь работой?

Эдит. А ты нет? Лео делала это, так сказать, даром. Потому, разумеется, ты и считаешь, что это не работа. А теперешняя твоя домоправительница тоже работает даром?

Реджиналд. Но ведь это же будет часть твоих супружеских обязанностей.

Эдит. Исходя из договора, который мы составляем, нет. Я на это не согласна. Если я буду вести хозяйство, то рассчитываю, что Сесил будет платить мне по меньшей мере столько же, сколько работающей по найму экономке. Я не собираюсь каждый раз выклянчивать у него деньги на новое платье или на извозчика, как приходится делать многим женщинам.

Сайкс. Ты отлично знаешь, что у тебя ни в чем не будет недостатка, Эдит.

Эдит. Тогда не лишай меня также самоуважения и независимости. Я настаиваю на этом из добропорядочности по отношению к тебе, Сесил, ибо таким образом будут какие-то деньги, принадлежащие только мне. И если Слатокс возбудит против меня дело за то, что я могу о нем сказать, ты сможешь заплатить по его иску и удерживать определенный процент из моего жалованья.

Сомс. Вы забываете, что согласно проектируемому договору он за вас не отвечает, так как вы ведь не будете его женой.

Эдит. Чепуха! Разумеется, я буду его женой!

Колинз *(с любопытством)*. А Слатокс возбуждает против вас дело, мисс? Слатокс, так же как и я, член совета графства. Может быть, я смогу уладить конфликт?

Эдит. Он не возбуждал дела, но Сесил говорит, что он это сделает.

Колинз. Могу я спросить – за что, мисс?

Эдит. Слатокс – лжец и вор. И моя обязанность разоблачить его.

Колинз. Я крайне удивлен, мисс. Конечно, в известном смысле слова Слатокс – лжец. Осмелюсь заметить, никого не имея в виду определенно, что все мы лжецы, хотя бы тогда, когда не хотим обидеть друг друга. Но я бы не назвал Слатокса вором. Может быть, он и не совсем такой, каким бы ему следовало быть, но, во всяком случае, он живет по своим средствам.

Эдит. Если с вашей стороны это только деликатный способ сказать, что Слатоксу совершенно не подобает иметь в своей бесконтрольной власти в качестве бессловесных рабынь двести девушек, то я прямо заявлю всю правду на первом же публичном митинге, где буду выступать. Он крадет у них жалованье под предлогом штрафов. Он крадет у них пищу под тем предлогом, что сам закупает ее для них. Он лжет, когда отрицает, что делает все это. Он и многое другое делает, как вы, несомненно, знаете, Колинз. Поэтому я ставлю вас в известность, что разоблачу его перед лицом всей Англии, даже и не задумываясь над тем, какие последствия это может иметь для меня лично.

Сайкс. Или для меня?

Эдит. Я подвергаюсь такому же риску. Предположим, ты бы счел своим общественным долгом убить Слатокса, что бы тогда произошло со мной и нашими детьми? Разумеется, я вовсе не хочу, чтобы кого бы то ни было убивали, даже Слатокса. Но если публика не обращает внимания даже на самое вопиющее зло, пока кого-нибудь не убьют, что остается делать, как не убить?

Сомс *(неумолимо)*. Я жду указаний насчет условий договора.

Реджиналд *(раздраженно отходит от очага и становится за спиной Сомса)*. Никакого толку не будет от такого беспорядочного разговора. Так мы провозимся целый день. Предлагаю, чтобы договор имел силу, пока стороны не решат развестись.

Сомс. Они не могут развестись. Ведь они же не будут состоять в браке.

Реджиналд. Но если они не могут развестись, это же будет хуже законного брака.

Миссис Бриджнорт. Конечно хуже. Пора кончать эту бессмыслицу. Кому, например, будут принадлежать дети?

Лесбия. Мы уже договорились, что они будут принадлежать матери.

Реджиналд. Нет, черт меня побери, на этот счет еще не договаривались. Я лично буду зубами и когтями защищать мое право на детей, и то же самое сделают многие другие парни, будьте уверены.

Эдит. По-моему, дети должны быть поделены между родителями. Если Сесил пожелает, чтобы некоторые из детей принадлежали исключительно ему, он должен будет выплатить известную сумму за риск и неприятности, которым я подвергалась, рожая их на свет божий, — ну, скажем, тысячу фунтов за каждого. Проценты с этой суммы могут быть употреблены на затраты по воспитанию ребенка, пока мы будем жить вместе. Но основное остается моей собственностью. Таким образом, если Сесил заберет у меня ребенка, я, по крайней мере, возмещу себе то, что он мне стоил.

Миссис Бриджнорт *(в полном изумлении кладет свое вязанье на колени)*. Эдит! Ну слыхано ли что-либо подобное!

Эдит. А как же иначе ты предлагаешь решить?

Епископ. Бывает и такая вещь, как любимый ребенок. Как будет обстоять дело с младшим ребенком — Вениямином — порождением зрелой силы и взаимного доверия родителей, с которым всегда лучше обходятся, которого всегда больше ласкают, чем злополучных старших детей, отпрысков их юного невежества и своеволия? Кому из родителей будет принадлежать младший — с выкупом или без выкупа?

Колинз. Есть еще и третье заинтересованное лицо, милорд, — сам ребенок. Моя жена так обожает своих детей, что для них уже просто нет никакой личной жизни. И они в конце концов убегают из дому, чтобы избавиться от матери. У ребенка нет такой потребности в любви, как у взрослого. Умеренное чувство их вполне удовлетворяет, и хорошая подделка под него нравится им больше, чем оно само, — это хорошо знает любая няня.

Сомс. А вы уверены в том, что любой из нас, молодой или старый, предпочитает реальное чувство, а не артистическую имитацию? Разве с подлинным чувством не связано некое проклятие? Разве хороших актеров любят не больше, чем подлинных страстотерпцев? Разве в романах и пьесах любовь фальсифицируют не для того, чтобы сделать ее выносимой? Я заметил, что получаю огром-

ное наслаждение от картин, изображающих богоматерь и святых женщин, но когда на меня обрушивается самая страшная для священнического сана беда – проклятие Иосифа, преследуемого женой Пентефрия, я неизменно испытываю ужас и отвращение.

Хочкис. А сейчас вы говорите как святой, отец Энтони, или как стряпчий?

Сомс. Это не имеет значения. Не существует одного христианского правила поведения для святых, а другого для стряпчих. Одни и те же у них сердца, один и тот же путь к спасению.

Епископ. Но «мало будет тех, кто обрящет его». Можете вы обрести его для нас, Энтони?

Сомс. Это широкая дорога, и она лежит прямо перед вами. Наоборот – путь к гибели узок и извилист. Брак есть мерзость, которую церковь призвана была уничтожить, заменив ее взаимным общением святых душ. Я имел возможность узнать это из каждого брачного договора, составленного мною в качестве стряпчего, в не меньшей мере, чем по вдохновенному озарению свыше. Вы собрались здесь, чтобы запечатлеть черным по белому свой грех, и оказались неспособными договориться ни об одной статье своего договора.

Сайкс. Действительно странно, все это дело словно разваливается, едва к нему притронешься.

Епископ. Видите ли, если дьяволу дать возможность высказаться, он проигрывает свое дело. Он оказался не в состоянии сформулировать хотя бы первую статью какого-то осмысленного соглашения. Боюсь, что нам незачем дожидаться его дольше.

Лесбия. Тогда общество обойдется без моих детей.

Эдит. А Сесилу придется обойтись без меня.

Лео *(вставая с ларя)*. А я решительно не пойду за Синджона, если у него не хватит ума придумать какое-нибудь положение, предусматривающее для меня возможность заботиться о Реджи. *(Отходит от Хочкиса и садится на свое прежнее место у стола за спиной миссис Бриджнорт.)*

Миссис Бриджнорт. И выходит, что мир придет к концу с нынешним поколением.

Колинз. И ничего нельзя сделать, милорд?

Епископ. Можно узаконить разумный и пристойный развод. Вот и все.

Лесбия. Благодарю вас за это все. Сделайте брак разумным и пристойным и тогда узаконьте какие угодно разводы.

Я еще не высказала своего самого главного возражения против брака и не намерена этого делать. Но я не согласна на то, чтобы кто-то имел на меня известные права.

Реджиналд. Ну, а я считаю крайне несправедливым, чтобы муж обязан был содержать жену многие годы, потеряв право найти действительно подходящую себе женщину, и в конце концов жена могла отказаться от исполнения своих супружеских обязанностей.

Лесбия. Я не намерена спорить на этот счет с вами, Реджи. Если ваше чувство личной порядочности не заставит вас понять это, то вы никогда не поймете.

Сомс *(неумолимо)*. Я все еще жду указаний.

Все переглядываются, каждый ожидает, что другой что-нибудь предложит. Молчание.

Реджиналд *(смущенно)*. Я думаю, что в конце концов брак все же лучше, чем... ну, чем обычная альтернатива.

Сомс *(негодующе оборачиваясь к нему)*. Какое право имеете вы так говорить? Вы отлично знаете, что грехи, от которых чахнет и сходит с ума наша несчастная нация, совершаются как раз под сенью законного брака.

Колинз. Что ж, одинокие ведь не имеют возможности потакать своим склонностям так, как люди, состоящие в браке.

Сомс. А я говорю — долой все это. Вы знаете заповеди своего господа. Повинуйтесь им.

Хочкис (*вставая и опираясь на спинку стула, с которого встал генерал*). Я должен самым решительным образом обратить ваше внимание, отец Энтони, что раннехристианские жизненные правила не были рассчитаны на длительное существование, ибо первые христиане не верили, что мир вообще долго просуществует. Теперь же мы знаем, что нам надо прожить свою жизнь в мире, который не так-то скоро погибнет. Мы открыли, что нам предшествовали миллионы лет, и мы знаем, что после нас будут еще миллионы. Вопрос миссис Бриджнорт остается без ответа. Как же будет продолжаться существование мира? Вы говорите, что это не наше дело, что это дело провидения. Но с точки зрения современного христианства именно мы и призваны осуществлять в мире волю провидения. Вопрос в том — как? И разве мне не подобает призвать на помощь мой разум для решения этого вопроса? Для того-то разум

мне и дан. Так вот, он говорит мне сейчас, что вы безумец, требующий неосуществимого.

Сомс. Что ж, это поможет вам найти решение?

Хочкис. Нет.

Сомс. Тогда молитесь, чтобы господь просветил вас.

Хочкис. Нет, я сноб, а не нищий. (*Садится на стул генерала.*)

Колинз. Похоже, что мы совсем не продвигаемся вперед. Мисс Эдит, вам и мистеру Сайксу лучше всего пойти в церковь, а насчет того, что из этого выйдет хорошего или плохого, договориться впоследствии. Поверьте мне, у вас на душе станет спокойнее. Я говорю по личному опыту. Вы, если можно так выразиться, сожжете свои корабли.

Сомс. Никогда нельзя сжигать свои корабли. Это – смерть в самой жизни.

Колинз. Ну, отец, могу сказать в вашу пользу, что у вас свои личные взгляды и вы не боитесь их высказывать. Но многие из нас придерживаются более умеренных воззрений. В совете нашего города вы оказались бы в меньшинстве, равном одному голосу. Человеческую природу надо принимать такой, какова она есть.

Сомс. А кто может принудить меня к этому? Я хочу принимать природу божества такой, какова она есть. И я ни в чем не хочу помогать дьяволу.

Епископ. Ну, это очень уж нехристианское обращение с дьяволом.

Реджиналд. В общем, мы так и не продвигаемся вперед.

Епископ. Уступишь ты, наконец, Эдит, и пойдешь венчаться?

Эдит. Нет. То, что я предлагаю, кажется мне вполне разумным.

Епископ. А вы, Лесбия?

Лесбия. Никогда.

Миссис Бриджнорт. Никогда – слово очень длинное, Лесбия.

Лесбия *(с раздражением)*. Нечего жалеть меня, Элис. Как я уже раньше говорила, я английская леди, вполне готовая обойтись без того, чего не могу иметь на почетных условиях.

Сомс *(прерывал молчание, выразительно свидетельствующее о том, что дело застыло на мертвой точке)*. Я все еще жду указаний.

Реджиналд. Похоже, что мы так и не продвигаемся вперед.

Лео *(вне себя от раздражения)*. Ты уже это говорил, Реджи. Не повторяйся, пожалуйста.

Реджиналд. И надоело же все это! *(Идет к двери в сад и с мрачным видом смотрит наружу.)*

Сомс *(вставая с бумагой в руках)*. Фу ты! *(Разрывает ее на мелкие куски.)* Вот вам ваш договор!

Голос муниципального служителя. Разрешите, джентльмены. Дорогу супруге мэра. Дорогу высокочтимой супруге мэра, милорды и джентльмены.

Он входит через дверь в башню в треуголке и расшитой позументами ливрее, с булавой в руке и становится сбоку от двери.

С вашего позволения, джентльмены, соблаговолите дать дорогу высокочтимой супруге мэра.

Колинз *(отступая к стене)*. Миссис Джордж, милорд.

Миссис Джордж — до кончиков ногтей супруга мэра: она и одета соответственно, и держится как подобает. Миссис Джордж не признает приглушенных тонов, она не боится ярких красок и умеет извлечь из них должный эффект. Она отнюдь не леди в том смысле, какой имела в виду Лесбия, то есть классовом, но первый же устремленный на нее взгляд распознает в ней горделивую, избалованную, своенравную, полную напряженной жизни женщину, которая среди бедняков всегда была богачкой. В историческом музее ее портрет хорошо объяснил бы пристрастие Эдуарда IV к женам лавочников. Ей все сорок, а может быть, и пятьдесят лет, но это незаметно, благодаря ее жизненной энергии, гибкой фигуре и уверенности, с какой она себя держит. Во всяком случае, это прекрасно сохранившаяся для своих лет женщина. Но красота ее поблекла, напоминая вечно юный кусок природного ландшафта, изуродованного долгой и жестокой войной. Глаза ее полны жизни, они приковывают к себе, чаруют, в линии подбородка сквозит изящество, гордость, упорство. Но щеки лишены всякой свежести, покрыты морщинами, углы рта жалко опущены. Все лицо ее — поле сражения, на котором боролись страсти, оно имеет весьма плачевный вид, пока она не начинает говорить,— тогда его мгновенно оживляет и молодит всегда готовое проявиться чувство юмора, делающее ее неотразимой в обществе.

Все встают, кроме Сомса, продолжающего сидеть. Лео присоединяется к Реджиналду у двери в сад. Миссис

Бриджнорт спешит к двери в башню, чтобы встретить гостью, и как раз доходит до стула Сомса, когда в комнате появляется миссис Джордж. Хочкис, видимо узнавший ее, в смятении отступает к двери кабинета в самом дальнем углу комнаты, чтобы она его не заметила.

Миссис Джордж *(идет прямо к епископу, держа в руке его перстень)*. Вот ваше кольцо, милорд, а вот и я сама. Помните, я пришла по вашему вызову, а не по своей воле.

Епископ. Хорошо сделали, что пришли.

Миссис Бриджнорт. Добрый день, миссис Колинз.

Миссис Джордж *(идет к ней мимо епископа и внимательно разглядывает ее)*. Вы его жена?

Миссис Бриджнорт. Епископа? Да.

Миссис Джордж. Какая судьба! А выглядите вы, как любая другая женщина!

Миссис Бриджнорт *(представляя ей Лесбию)*. Моя сестра, мисс Грентхэм.

Миссис Джордж. Так странно связанная с жизнью генерала?

Епископ. Значит, вы знаете его жизнь?

Миссис Джордж. Не всю. Мы дошли до дома прежде, чем он успел коснуться сегодняшнего положения вещей. Но я знаю достаточно для того, чтобы нам стала известна роль, сыгранная в его жизни мисс Грентхэм.

Миссис Бриджнорт *(представляя Лео)*. Миссис Реджиналд Бриджнорт.

Реджиналд. Бывшая миссис Реджиналд Бриджнорт.

Лео. Придержи язык, Реджи. Или хотя бы из приличия подожди, пока решение суда будет утверждено.

Миссис Джордж *(обращаясь к Лео)*. Да, у вас будет гораздо больше времени, чем у него, для того, чтобы снова выйти замуж, правда ведь?

Миссис Бриджнорт *(представляя Хочкиса)*. Мистер Синджон Хочкис.

Хочкис, по-прежнему стоя поодаль, у двери кабинета, кланяется.

Миссис Джордж. Вот как! Вы! *(Идет полукругом через всю кухню и останавливается прямо против него.)* Молодой человек, помните, как вы зашли в мою лавку и заявили, что углю моего мужа нет места в вашем погребе, ибо природа явно предназначила его держать на крыше?

Хочкис. Я со стыдом и смущением припоминаю эту весьма недостойную дерзость. Вы же крайне любезно ответили мне, что мистер Колинз ищет умного молодого человека, чтобы составлять объявления, и что я могу занять это место, если мне угодно.

Миссис Джордж. Должность еще не занята. *(Оборачивается к Эдит.)*

Миссис Бриджнорт. Моя дочь Эдит. *(Чтобы представить Эдит, она идет к двери кабинета.)*

Миссис Джордж. Невеста! *(Замечает, что на Эдит надеты жакет и юбка.)* Но ведь вы же не пойдете к венцу в таком виде?

Епископ *(обходя вокруг стола и становясь слева от Эдит)*. Вот об этом-то мы как раз и спорили. Не будете ли вы так добры присоединиться к нам и поделиться с нами вашей мудростью и опытом?

Миссис Джордж. Может быть, заодно пригласите и нашего служителя? Он женат.

Все невольно поворачивают головы в сторону служителя и разглядывают его, к чему он относится с большим достоинством.

Епископ. Мы и без того считаем, что у нас тут мужчин слишком много и что это не совсем честно в отношении женщин.

Миссис Джордж. Совершенно справедливо, милорд. *(Вновь идет к двери в башню и обращается к служителю.)* Убери ты эту свою дубинку, Джозеф, и обожди меня тут, по соседству, где тебе будет удобнее.

Служитель удаляется. Она впервые за все это время замечает Колинза.

Хэлло, Билл. Ты небось их всех тут покорил. Поди-ка раздобудь Джозефу чего-нибудь выпить: он славный парень.

Колинз выходит. Она смотрит на рясу и шапочку Сомса.

Что? Опять униформа! Вы что, пономарь?

Он встает.

Епископ. Мой капеллан, отец Энтони.

Миссис Джордж. О боже! *(Обращаясь к Сомсу извиняющимся тоном.)* Надеюсь, вас это не задело?

Сомс. Меня ничего не задевает, кроме моей работы.

Епископ. Теперь, кажется, вы познакомились со всеми.

Миссис Джордж *(оборачиваясь к креслу из деревянных планок)*. А это кто?

Епископ. О, прошу прощения, Сесил. Мистер Сайкс, жених.

Миссис Джордж *(обращаясь к Сайксу)*. Вас уже убрали для жертвоприношения?

Сайкс. Кажется, само-то жертвоприношение сейчас под сомнением.

Миссис Джордж. Ну, я сперва хочу поговорить с женщинами. Может быть, мы пойдем наверх, посмотрим на свадебные подарки и наряды?

Миссис Бриджнорт. Конечно, если хотите.

Реджиналд. Но мужчины тоже хотели бы вас послушать.

Миссис Джордж. Я поговорю с ними после, с каждым в отдельности.

Хочкис *(про себя)*. Боже милостивый!

Миссис Бриджнорт. Сюда, миссис Колинз.

Она первая выходит через дверь в башню, за ней миссис Джордж, Лесбия, Лео и Эдит.

Епископ. Может быть, мы просмотрим последнюю партию писем, пока их не будет, Сомс?

Сомс. Разумеется. *(Хочкису, который стоит у него на дороге.)* Извините.

Епископ и Сомс уходят в кабинет, задевая Хочкиса, который погружен в какую-то странную задумчивость и словно забыл, где находится. Выведенный из этого забытья Сомсом, он рассеянно смотрит перед собой. Затем с внезапной решимостью быстро выходит на середину кухни.

Хочкис. Сесил, Реджи!

Пораженные его тревожным голосом, они подбегают к нему.

Мне очень жаль, что я вынужден оставить вас в такой день, но мне необходимо исчезнуть. На этот раз действительно из чистой трусости, но я ничего не могу с собой поделать.

Реджиналд. А чего вы боитесь?

Хочкис. Сам не знаю. Выслушайте меня. Я был совсем юный болван и жил один в Лондоне. У мужа этой женщины я заказал свою первую тонну угля. В то время я еще не знал, что нет никакого расчета покупать самый

дешевый сорт. Я думал, что уголь всегда одинаковый, и взял тринадцатишиллинговый, потому что за него надо было меньше всего платить. Семейству Силкстон он неожиданно для меня показался никуда не годным, и я, раздраженный этой историей с первым ведром угля, пошел обратно в лавку и свалял там дурака, как она и описала.

Сайкс. Ну и что ж тут такого! Посмейся над этим.

Хочкис. Над этим — да. Но произошло кое-что похуже. Судите сами, какой ужас меня объял, когда, явившись к торговцу углем с обывательской жалобой на то, что печка моя палит, как батарея скорострельных орудий, и оказавшись лицом к лицу с его женой, вульгарной бабой, я ощутил в ее присутствии нечто совершенно необычайное — какое-то смятение, волнение, неудовлетворенную потребность в чем-то. Я не стану вызывать у вас отвращения всякими подробностями безумия, сумасшествия, последовавшего за этой встречей. Но дошло вот до чего: по ночам я блуждал возле этой лавки под каким-то властным наваждением — быть поблизости от какого-нибудь места, где она находилась. До чего я обезумел, стало мне понятно тогда, когда мной овладело омерзительное искушение поцеловать порог этой лавки, потому что через него ступала ее нога. Сделав над собой огромное усилие, я вырвался из Лондона, но готов был уже вернуться, как игла, притянутая магнитом, когда началась война, и это меня спасло. На полях сражения наваждение прошло. История с Билитером переродила меня: я почувствовал, что все глупости, все ребячество прежних дней остались позади. Но полчаса назад, когда епископ послал свой перстень, сердце мое вдруг сжалось, наполненное каким-то безымянным ужасом, — это мое-то сердце, сердце бесстрашного человека! Я понял причину, когда она вошла в комнату. Эта женщина — гарпия, сирена, русалка, вампир. Для меня есть лишь один шанс: бегство, немедленное, поспешное бегство. Извинитесь за меня. Забудьте обо мне. Прощайте. *(Устремляется к двери, но сталкивается с миссис Джордж, входящей в кухню.)* Слишком поздно: я погиб. *(Возвращается и в отчаянии бросается на стул, который ближе всего к двери кабинета и дальше всего от миссис Джордж.)*

Миссис Джордж *(подходя к очагу и обращаясь к Реджиналду)*. Мистер Бриджнорт, сделайте мне одолжение, оставьте меня наедине с этим молодым человеком.

Я хочу поговорить с ним, как мать, по поводу касающегося вас дела.

Реджиналд. Ради бога, сударыня. Он очень в этом нуждается. Пойдемте, Сайкс. *(Уходит в кабинет.)*

Сайкс нерешительно смотрит на Хочкиса.

Хочкис. Слишком поздно. Ты уж не спасешь меня, Сесил. Ступай.

Сайкс уходит в кабинет. Миссис Джордж медленно подходит к Хочкису и с любопытством разглядывает его.

Хочкис. Незачем тянуть эту пытку. *(Вставая.)* Роковая женщина — если вы женщина, а не дьявол в человеческом образе...

Миссис Джордж. Это вы из какой-нибудь книжки? Или так принято вести светскую болтовню в вашем обществе?

Хочкис *(закусив удила)*. Ирония тут ни к чему. Сила, уносящая меня к гибели, не пощадит и вас. Я с самого начала должен знать худшее. Кто был ваш отец?

Миссис Джордж. Содержатель забегаловки со спиртными напитками, женившийся на своей официантке. Вы бы скорее назвали его трактирщиком.

Хочкис. Значит, вы женщина, в общественном отношении стоящая безусловно ниже меня. Вы этого не отрицаете? Выставляете ли вы какие-нибудь претензии на равенство со мной в положении, в возрасте, в культуре?

Миссис Джордж. Вы съели что-нибудь недоброкачественное?

Хочкис *(совершенно уничтоженный)*. Ниже меня!

Миссис Джордж. Благодарю вас. Что еще скажете?

Хочкис. Вот что: я люблю вас. Намерения мои при этом нечестные.

Она не выражает ни малейшего изумления.

Да закричите же. Позвоните. Заставьте вышвырнуть меня из дому.

Миссис Джордж *(с внезапным порывом глубокого чувства)*. О, если бы вы сумели исторгнуть из моего пустого, иссушенного сердца хоть одну искру той страсти, которая потоком вырывалась из него от одного взгляда, от одного прикосновения влюбленного в меня человека! Тогда бы вы, именно вы, закричали, молодой человек. Или вы не видите моего лица, некогда такого же свежего

и румяного, как ваше, а теперь изборожденного морщинами, обожженного давно отгоревшим пламенем?

Хочкис *(яростно)*. Только не от угля, а от сланца, по тринадцати шиллингов за тонну. Пламенем, которое разбрасывало губительные, ослепляющие, опаляющие метеоры, кидало людей на улицы, чтобы они там превращались в жалких шутов.

Миссис Джордж. Похоже, что дело с вами обстоит плохо, Синджон.

Хочкис. Не смейте звать меня Синджоном.

Миссис Джордж. Мое имя – Зенобия Александрина. Но можете называть меня сокращенно Полли.

Хочкис. Ваше имя – Авшторет, Дурга, нет для вас достаточно злого имени.

Миссис Джордж *(удобно усаживаясь)*. Ну ладно! Неужто вы и впрямь думаете, что больше подходите для этой невоспитанной девчонки, чем ее муж? Вам нравилось проводить с ней время, когда вы просто были частым гостем в их доме, когда имелся муж, который, так сказать, страховал вас и на котором лежала вся ответственность. Вы уверены, что вам это так же понравится, когда мужем станете вы? Она ведь не умна, знаете. Ум ее – одна дурость.

Хочкис *(беспокойно прижимаясь к столу и держась за него, чтобы справиться со своим нервным подергиванием)*. Разве нужно мне все это доказывать? Вы же дьявол!

Миссис Джордж. Вы забавляли ее мужа, правда ведь?

Хочкис. У него больше подлинного чувства юмора, чем у нее. Он лучше воспитан. Я тут ни при чем.

Миссис Джордж. У моего мужа тоже имеется чувство юмора.

Хочкис. У торговца углем? Я хочу сказать – сланцем.

Миссис Джордж *(одобрительно)*. Он бы слушал вас с удовольствием. Последнее время он что-то помрачнел – ему, чтобы хоть немного развлечься, нужно новое общество.

Хочкис *(хватая стул, стоящий против нее, и усаживаясь с мучительными потугами изобразить рассчитанную наглость)*. А скажите, пожалуйста, какое мне дело до вульгарной общительности вашего проклятого супруга?

Миссис Джордж. Вы любите меня?

Хочкис. Я вас ненавижу.

Миссис Джордж. Это одно и то же.

Хочкис. Тогда я погиб.

Миссис Джордж. Вы можете приходить ко мне, если дадите обещание забавлять Джорджа.

Хочкис. Я буду оскорблять его, издеваться над ним, вытирать об него сапоги.

Миссис Джордж. Ничего подобного, милый мой мальчик. Вы будете вести себя как совершеннейший джентльмен.

Хочкис *(побежденный и взывающий к ее милосердию)*. Зенобия...

Миссис Джордж. Полли, пожалуйста.

Хочкис. Миссис Колинз...

Миссис Джордж. Сэр?

Хочкис. Нечто более сильное, чем разум и здравый смысл, держит меня за руки и тащит неизвестно куда. Я и не пытаюсь отрицать, что эта сила может увлечь меня, куда вам будет угодно, и заставить меня делать все, что вам понравится. Но дайте мне по крайней мере узнать вашу душу так же, как вы, видимо, знаете мою. Вы любите своего нелепого угольщика?

Миссис Джордж. Называйте его Джорджем.

Хочкис. Любите вы своего Джорджи-Порджи?

Миссис Джордж. Не знаю, право, люблю или нет. Он мой муж, сами знаете. Но если бы у меня были причины тревожиться о здоровье Джорджа и я считала бы, что ему будет полезно съесть вас на завтрак жаренным в луковом соусе, я бы, даже не задумываясь, приготовила ему это кушанье. Мы с Джорджем добрые друзья. Джордж мне принадлежит. Другие мужчины могут появляться и исчезать, а Джордж — это на постоянно.

Хочкис. Да, конечно, муж быстро превращается просто в привычку. Послушайте. Я думаю, что омерзительное наваждение, под которое я подпал, — любовь.

Миссис Джордж. В наше время любое чувство к женщине именуют любовью.

Хочкис. Вы меня любите?

Миссис Джордж *(не задумываясь)*. Ну нет, мой милый, у меня любовь не такой дешевый товар. Сейчас я еще не стала бы переходить на другую сторону улицы, чтобы лишний раз взглянуть на вас. Я вовсе не помираю, словно зимний воробей, от потребности в любви, как уважаемые леди, с которыми вы постоянно общаетесь. Если вы хотите увлечь меня, вам придется быть очень умным, очень милым и очень естественным. Если вы понравитесь Джорджу и ему будет с вами весело, я соглашусь на то,

чтобы вы приходили время от времени в течение... ну, скажем, месяца. Если за это время вам удастся завоевать мою дружбу, тем лучше для вас. Если вы сможете хоть на миг затронуть мое несчастное умирающее сердце, я буду благословлять вас и никогда этого не забуду. Можете попытаться, если понравитесь Джорджу.

Хочкис. Вы будете меня любезно принимать в течение месяца?

Миссис Джордж. При условии, что вы оставите в покое миссис Реджиналд.

Хочкис. Но она-то меня не оставит в покое. Неужели вы думаете, что я когда-либо стремился жениться на ней? Я был бездомным холостяком, и мне было очень приятно бывать в их доме в качестве друга. Лео была забавным чертенком, но Реджиналд нравился мне гораздо больше. Она этого не понимала. В один прекрасный день она пришла ко мне и заявила, что неизбежное свершилось. У меня хватило такта не спрашивать, в чем же заключалось неизбежное. А как теперь выяснилось, она объявила Реджиналду, что их брак был ошибкой, что она меня любит и не может видеть, как я молча страдаю из-за нее с разбитым сердцем. Что я мог сказать? Что я мог сделать? И что я могу сказать сейчас? И что я могу сейчас сделать?

Миссис Джордж. Скажите ей, что у вас все сильнее развивается привычка влюбляться в чужих жен и что я ваша последняя любовь.

Хочкис. Что? Бросить ее теперь, когда она ради меня бросила Реджиналда?

Миссис Джордж *(вставая)*. Не хотите? Отлично. Жаль, что мы с вами больше не встретимся: ради Джорджа мне было бы приятно видеться с вами. Прощайте. *(Отходит от него к очагу.)*

Хочкис *(умоляюще)*. Зенобия...

Миссис Джордж. Я думала, что одержала трудную победу. А теперь я вижу, что вы всего-навсего один из тех жалких бабников, которых может подобрать любая женщина. Спасибо, это не для меня. *(Она с непоколебимым видом поворачивается к башне, собираясь уйти.)*

Хочкис *(идя вслед за ней)*. Не будьте дурой, Полли.

Миссис Джордж *(останавливаясь)*. Вот это лучше.

Хочкис. Неужели вы не понимаете, что я не могу бросить Лео именно потому, что был бы бесконечно рад это сделать? Это было бы крайне неблаговидно.

Миссис Джордж. Вы будете счастливы, если женитесь на ней?

Хочкис. Нет, боже милостивый, конечно нет!

Миссис Джордж. А она будет счастлива, когда раскусит вас?

Хочкис. Она неспособна быть счастливой. Но она вполне способна испытывать удовольствие, удерживая при себе мужчину против его воли.

Миссис Джордж. Правильно, молодой человек. Так вот, будьте добры сказать ей, что вы любите меня, к тому же при всех и как только вы ее снова увидите.

Хочкис. Но...

Миссис Джордж. Это мой приказ, Синджон. Я не могу допустить, чтобы вы женились на ком-либо, пока не надоедите Джорджу.

Хочкис. О, если бы только мне не хотелось до такой степени, из чистого себялюбия, послушаться вас!

Из сада появляется генерал. Миссис Джордж направляется к двери в сад, чтобы поговорить с ним, и они встречаются на полпути. Хочкис стоит у очага.

Миссис Джордж. Где это вы пропадали?

Генерал. Боюсь, наш разговор немного подействовал мне на нервы. Я вышел в сад и выкурил трубку. Сейчас уже все в порядке. *(Идет к двери в кабинет и садится на стул у конца большого стола.)*

Миссис Джордж. Выкурили трубку! Вы же говорили, что она этого не выносит.

Генерал. Боже мой! Я забыл! Впрочем, это ведь с каждым может случиться!

Лесбия появляется из двери, ведущей в башню.

Миссис Джордж. Он опять курил.

Лесбия. Я уже это учуяла. *(Подходит к тому концу стола, что ближе к очагу, и садится.)*

Генерал. Лесбия, извините меня, пожалуйста, Лесбия. Но если бы я бросил курить, это нагнало бы на меня такую меланхолию и раздражительность, что вы первая стали бы умолять меня вернуться к этой привычке.

Миссис Джордж. Что верно то верно. Женщины приучают своих мужей к самым дурным привычкам, лишь бы они были в хорошем настроении. Синджон, вы бы ушли, все это вас не касается.

Лесбия. Пожалуйста, не беспокойтесь, Синджон. Боксер столько времени выставлял напоказ свое разбитое сердце, что не может претендовать ни на какую секретность.

Генерал. Вы жестоки, Лесбия, дьявольски жестоки. *(Садится с крайне уязвленным видом.)*

Лесбия. А вы, Боксер, вульгарны.

Хочкис. В чем же, собственно? Спрашиваю об этом как эксперт по вульгарности.

Лесбия. А вот в чем: во-первых, он говорит так, словно единственная важная вещь на свете — это вопрос о том, на какой женщине ему жениться. Во-вторых, он не умеет держать себя в руках.

Генерал. Не все женщины для меня одинаковы, Лесбия.

Миссис Джордж. А почему бы им быть одинаковыми, скажите пожалуйста? Женщины очень разные, а вот мужчины — те все как один. Но, впрочем, что может знать о мужчинах и о женщинах мисс Грентхэм? Она-то уж слишком держит себя в руках.

Лесбия *(широко открывая глаза и высокомерно поднимая подбородок)*. Простите, почему же из-за этого я не могу знать о мужчинах и женщинах больше, чем люди, не умеющие держать себя в руках?

Миссис Джордж. Потому что люди перед вами робеют и не решаются быть самими собой. Как же вы можете судить о том, какие они на самом деле? Возьмите, например, меня. Я была избалованным ребенком. Моих братьев и сестер воспитывали хорошо, как детей из уважающей себя семьи трактирщика. Так же было бы и со мной, если бы я не была младшей: на десять лет моложе моего самого младшего брата. Моим родителям к этому времени надоело выполнять свой долг по отношению к старшим детям, и когда я появилась на свет, они стали баловать меня, сколько им позволяли средства. Я никогда не ведала, что значит нуждаться в деньгах или в чем-нибудь, что можно купить за деньги. Если я чего-нибудь хотела, мне достаточно было поднять рев и реветь до тех пор, пока я не добивалась своего. Когда кто-нибудь меня раздражал, я нисколько не держала себя в руках — я царапалась и ругалась. Случалось вам когда-нибудь, уже будучи взрослой, вцепиться в волосы другой взрослой женщины? Случалось вам кусать взрослого мужчину? Случалось вам осыпать их обоих всеми ругательствами, какие вам только известны?

Лесбия *(вздрагивая от отвращения)*. Нет.

Миссис Джордж. Ну, а я все это выделывала. Я знаю, что представляет собой женщина, которую таскают за волосы. Я знаю, что представляет собой мужчина, которого кусают. Я знаю, что оба они представляют собой, когда говоришь им все, что думаешь о них на самом деле. Вот потому-то я и знаю о людях больше, чем вы.

Лесбия. Китайцы знают, что представляет собой человек, когда его разрезают на тысячу кусков или кипятят в масле. Такого рода знание мне ни к чему. Боюсь, что мы с вами никогда не сойдемся, миссис Джордж. Я живу как фехтовальщик: ежеминутно начеку. И я люблю оказываться лицом к лицу с людьми, которые тоже всегда начеку. Я терпеть не могу слюнтяев, нерях, людей, не умеющих сидеть выпрямившись, сентиментальных людей.

Миссис Джордж. О, при чем тут сентиментальность! Для того чтобы защитить себя в жизни, недостаточно быть начеку, надо нападать и уметь одерживать победу.

Лесбия. Я не боксер, выходящий на ринг, миссис Колинз. Если я не могу получить того, что мне нужно, не унижая себя, я как-нибудь обхожусь.

Миссис Джордж. Вот как? А вам не кажется, что если бы всем удавалось, как вам, обходиться без того, что нужно, жить бы просто не стоило?

Генерал. Мне кажется, Лесбия, что то, без чего вы можете обойтись, не очень-то вам нужно.

Лесбия *(удивленная его остроумным замечанием)*. Для солдафона это неплохо. Да, Боксер, правда в том, что я недостаточно хочу иметь вас мужем, чтобы идти на безрассудные жертвы, которых требует брак. А между тем именно поэтому мне следовало бы выйти замуж. Именно потому, что у меня имеются все качества, так необходимые моей родине, я бездетной сойду в могилу. А женщины, у которых нет достаточно силы, чтобы избежать брака, и не хватает ума, чтобы понять все бесчестие брачных отношений, будут создавать будущую Англию. *(Встает и направляется к двери в кабинет.)*

Генерал *(когда она проходит мимо него)*. Что ж, я больше не стану делать вам предложений, Лесбия.

Лесбия. Благодарю вас, Боксер. *(Подходит к двери кабинета.)*

Миссис Джордж. Значит, вы с ним окончательно разошлись?

Лесбия. В смысле замужества да. Поле действий перед вами открыто, миссис Джордж. *(Уходит в кабинет.)*

Генерал закрывает лицо руками. Миссис Джордж, обойдя стол, подходит к нему.

Миссис Джордж *(сочувственно)*. Она славная женщина. И красота-то у нее особенная, не такая, как у других.

Генерал *(вне себя от волнения)*. О, миссис Колинз, спасибо, тысячу раз спасибо. *(Встает в каком-то страстном порыве.)* Вы растопили лед. *(Целует ей руку.)* Простите меня, и спасибо вам. Да благословит вас... *(Задыхаясь от волнения, снова уходит в сад.)*

Миссис Джордж *(с торжеством глядя ему вслед)*. Ишь ты, одним ударом сокрушила славного старого вояку!

Хочкис. И уже изменили мне!

Миссис Джордж. А я не ваша собственность, молодой человек, не воображайте. *(Подходит к нему вплотную и глядит ему прямо в лицо.)* Поняли?

Он внезапно обнимает ее и целует.

Вы опять осмелились сделать это, негодяй вы этакий. Да я сейчас двину вас стулом по голове. *(Хватает один из стульев и держит его наготове.)* Ну, теперь уж вам целый месяц меня не видеть.

Хочкис *(беззаботно)*. Сегодня же вечером я нанесу свой первый визит вашему супругу.

Миссис Джордж. Посмотрим, что он вам скажет, когда я сообщу ему, что вы только что сделали.

Хочкис. Что он может сказать? Что он посмеет сказать?

Миссис Джордж. А если он вышвырнет вас из дома?

Хочкис. А как он это сделает? Я семь раз дрался на шпагах. У меня стальные мускулы. Мне все нипочем, даже перелом костей. Драться с кем-нибудь мне совершенно неинтересно, потому что это не вызывает у меня ни малейшего страха и не забавляет. И я всегда побеждаю. А ваш супруг в этом отношении, вероятно, вполне заурядный человек. Ему будет очень страшно. И если, побуждаемый вашим присутствием, и ради вас, и потому что так принято у вульгарного люда, он попытается на меня напасть, я его в один миг одолею, и он окажется в унизительном положении. *(Говоря все это фразу за фразой, он берется рукой за стул, который она держит, и отбирает его у нее.)* Вы же скорее предпочтете, чтобы у вас украли тысячу поцелуев, чем подвергнете его этому, ведь правда?

Миссис Джордж *(совершенно оцепенев)*. Ах ты змееныш!

Хочкис. Ха! Ха! Вот вы и в моей власти. В ваш кодекс чести для мужей вкрался один недосмотр: человек, который способен им всыпать, может безнаказанно оскорблять их жен. Ну, расскажите ему, если посмеете. Как вы сможете помешать мне, если я пожелаю поцеловать вас раз десять?

Миссис Джордж. Только бы до вас дотянуться, и я волоска у вас на голове не оставлю.

Хочкис *(ловко хватая ее за запястья)*. Вот и руки ваши в плену.

Миссис Джордж. Но зубы мои при мне. Пустите, или я буду кусаться. Говорю вам — буду. Пустите.

Хочкис. Кусайтесь. Вкус у меня не хуже, чем у Джорджа.

Миссис Джордж. Скотина. Пустите меня. Называетесь джентльменом, а применяете грубую силу к слабой женщине.

Хочкис. Вы сильнее меня во всем, кроме этого. Что ж вы думаете, я откажусь от своего единственного преимущества? Обещайте, что вы примете меня сегодня вечером.

Миссис Джордж. После того, что вы только что учинили? Я не согласилась бы даже ради спасения своей жизни.

Хочкис. Я позабавлю Джорджа.

Миссис Джордж. Его не будет дома.

Хочкис *(ошеломленный)*. Значит, мы будем одни?

Миссис Джордж *(с торжеством высвобождая свои руки, так как от волнения он несколько разжал свои объятья)*. Ага! Это вас несколько охладило.

Хочкис *(с беспокойством)*. А когда Джордж будет дома?

Миссис Джордж. А вам-то что — будет он дома или нет? Когда бы вы ни появились, дверь перед вашим носом захлопнется.

Хочкис. Во всем Лондоне нет слуги настолько сильного, чтобы захлопнуть дверь, если я хочу, чтобы она была открыта. Вам от меня не избавиться. Если вы станете упорствовать, я займусь торговлей углем, познакомлюсь с Джорджем на угольной бирже и так подлажусь к нему, что он сам приведет меня в свой дом познакомить с женой.

Миссис Джордж. Вы нам без надобности, молодой человек, и Джорджу и мне. *(Отходит от него и садится в конце стола, ближе к двери в кабинет.)*

Хочкис *(следуя за ней и присаживаясь на ближайший стул*

у стола). Нет, я вам нужен. Джордж не может бороться за вас, а я могу.

Миссис Джордж *(оборачиваясь и глядя ему прямо в лицо)*. Хулиган. Гнусный хулиган.

Хочкис. У вас есть мужество и обаяние. У меня есть мужество и пара кулаков. Мы оба хулиганы, Полли.

Миссис Джордж. У вас злой язык. Этого довольно, чтобы вам не бывать в моем доме.

Хочкис. Это, верно, карточный домик. Я скажу Джорджу одно только слово — подходящее слово подходящим образом, — и дом ваш развалится.

Миссис Джордж. Вот почему я лучше умру, чем пущу вас к себе.

Хочкис. Тогда — клянусь вашей жизнью — я завтра же начинаю заниматься торговлей углем. Любовь Джорджа к интересному обществу отдаст его в мои руки. Не пройдет и месяца, как ваш дом будет в моей власти.

Миссис Джордж *(вскакивая в полном отчаянии)*. Неужели вы думаете, что я дам завлечь себя в такую западню?

Хочкис. А вы уже в ней находитесь. Вы замужем, а брак — это ведь западня. Каждый мужчина, имеющий возможность испортить ваши брачные отношения, имеет возможность отравить вам жизнь. И этой властью над вами я сейчас обладаю.

Миссис Джордж *(в отчаянии)*. Вы говорите всерьез?

Хочкис. Да.

Миссис Джордж *(решительно)*. Ладно, губите мою семейную жизнь и будьте...

Хочкис *(вскакивая)*. Полли!

Миссис Джордж. Я готова принять любое несчастье, только бы не быть вашей рабой.

Хочкис. Что? Даже ради Джорджа?

Миссис Джордж. Между мною и Джорджем все должно быть честно, в счастье и несчастье. Делайте что хотите.

Хочкис *(любуясь ею)*. Неужто вы настоящий молодец, Полли? И решаетесь бросить мне вызов?

Миссис Джордж. Если вы зададите мне еще хоть один вопрос, я не удержусь и дам волю рукам. *(Не отдавая себе отчета в своих действиях, устремляется со стиснутыми кулаками к другому концу стола.)*

Хочкис. Теперь все ясно. Полли, я обожаю вас, мы созданы друг для друга. Будучи джентльменом, я никогда не сделаю ничего, что могло бы нанести вам обиду или неприятность, за исключением того, что оставляю за собой

право поставить вам синяк под глазом, если вы укусите меня. Но избавиться от меня вам не удастся до конца ваших дней.

Миссис Джордж. Я избавлюсь от вас, даже если служителю придется ради этого хватить вас булавой по башке. *(Направляется к двери в башню.)*

Хочкис *(бежит между столом и дубовым ларем к двери, чтобы преградить ей путь)*. Не сделаете вы этого.

Миссис Джордж *(задыхаясь)*. Не сделаю?

Хочкис. Не сделаете. У меня есть еще один забытый вами козырь. Почему вы так странно вели себя, когда говорили с епископом?

Миссис Джордж *(в крайнем душевном волнении)*. Ни слова больше. Об этом — ни слова. Это вы должны уважать, даже если ничего на свете не уважаете. Я вам запрещаю.

Он становится перед ней на колени.

Что вы делаете? Встаньте сейчас же и не валяйте дурака.

Хочкис. Полли, я на коленях умоляю вас разрешить мне познакомиться с Джорджем у него на дому сегодня вечером. И я буду стоять на коленях до тех пор, пока не войдет епископ и не увидит нас. Что он о вас подумает?

Миссис Джордж *(вне себя от ярости)*. Где здесь кочерга?

Устремляется к очагу, хватает кочергу и бросается на Хочкиса, отбегающего к двери в кабинет. Как раз в эту минуту оттуда выходит епископ и оказывается между ними, едва избежав удара кочергой.

Епископ. Не трогайте его, миссис Колинз. Он мой гость.

Миссис Джордж отбрасывает кочергу, падает на ближайший стул и разражается слезами. Епископ подходит к ней и успокоительно похлопывает ее по плечу. При его прикосновении она вся трепещет.

Епископ. Ну же! Вы у друзей. Можем мы чем-нибудь вам помочь?

Миссис Джордж *(Хочкису, указывая на дверь в кабинет)*. А вы идите туда. Здесь вам нечего делать.

Хочкис. Я хочу, чтобы вы знали, епископ, что миссис Джордж в этой сцене не виновата. Боюсь, что я ее несколько раздражил.

Епископ. Охотно верю этому, Синджон.

Хочкис уходит в кабинет.

Епископ *(оборачиваясь к миссис Джордж, говорит с ней очень предупредительно и ласково)*. Мне очень жаль, что вы так переволновались. *(Садится слева от нее.)* Не обращайте на него внимания. Немного успокойтесь, немного взбодритесь, немного помолитесь. И он вам покажется смешным.

Миссис Джордж. Не бойтесь. Я всем этим вооружена. Но я столько же виновата, сколько и он. И если бы вы не вошли, я бы поставила его на место ударом кочергой в висок.

Епископ. Вы могли уложить его в гроб таким способом, миссис Колинз. И меня бы это очень огорчило, потому что все мы любим Синджона.

Миссис Джордж. Да, ваш долг укорять меня. Вы думаете, я сама не понимаю.

Епископ. Я не укоряю вас. Кто я такой, чтобы вас укорять? Кроме того, я знаю, что бывают такие споры, при которых кочерга — это единственный возможный аргумент.

Миссис Джордж. Милорд, говорите со мной серьезно. По правде сказать, я ведь довольно странная женщина. Но меня сделали в той же мастерской, что и вас. Я слышала, как вы это сами говорили несколько лет назад.

Епископ. Разумеется. Но я тоже очень странный епископ. А раз мы с вами оба странные, не будем забывать, что юмор — это божественное свойство.

Миссис Джордж. Я ничего не знаю о божественных свойствах или как вы их там называете. Но я умею чувствовать, когда меня унижают. От вас я впервые научилась уважать самое себя. Благодаря вам я приобрела умение безопасно ходить по очень опасным и дерзновенным тропам. Не отступайте от своего же учения.

Епископ. Я ведь не учитель. Я всего-навсего такой же путник, у которого вы спросили дорогу. Я и указал — идите прямо вперед, дальше меня и дальше себя самой.

Миссис Джордж *(вставая и стоя перед ним в почти угрожающей позе)*. Клянусь своей жизнью, если я увижу, что вы обманщик, я себя убью.

Епископ. Что? Убить себя только потому, что вы что-то узнали! Потому что стали умудреннее и, значит, лучше! Какой дурной повод!

Миссис Джордж. Иногда я подумывала о том, чтобы убить вас, а потом себя.

Епископ. А зачем вам было убивать себя, уж не говоря обо мне?

Миссис Джордж. Чтобы мы могли обрести свидание в царствии небесном.

Епископ *(встает и пристально глядит на нее, едва дыша).* Миссис Колинз! Вы и есть Инкогнита Апассионата!

Миссис Джордж. Значит, вы читаете мои письма? *(Со вздохом величайшего облегчения спокойно садится и говорит.)* Спасибо.

Епископ *(с раскаянием в голосе).* А я разрушил это волшебство, вызвав вас сюда. *(Снова садится.)* Можете ли вы простить меня?

Миссис Джордж. Вы же не могли знать, что за письмами скрывается всего-навсего жена торговца углем?

Епископ. Почему вы говорите «всего-навсего жена торговца углем»?

Миссис Джордж. У многих людей это вызвало бы смех.

Епископ. Бедные люди! Не так-то легко узнать, над чем надо смеяться, не так ли?

Миссис Джордж. Я не хотела, чтобы вы думали, будто письма — от светской дамы. Я писала на дешевой бумаге, и я никогда не умела писать без ошибок.

Епископ. Я тоже. Так что это мне ничего не сказало.

Миссис Джордж. Я хотела бы, чтобы в одном вы были уверены.

Епископ. В чем?

Миссис Джордж. Мы не обманывали вашего друга. Товар был самый лучший, какой можно иметь по тринадцать шиллингов за тонну.

Епископ. Это важно. Спасибо, что вы мне сказали.

Миссис Джордж. Мне надо бы сказать еще кое-что, но будьте так добры, позовите кого-нибудь, чтобы он был здесь во время нашего разговора.

Он встает и направляется к двери в кабинет.

Только не женщину, если вам все равно.

Он понимающе кивает головой и идет дальше.

И не мужчину.

Епископ *(останавливается).* Не мужчину и не женщину! А детей у нас нет, миссис Колинз. Все наши дочери выросли и вышли замуж.

Миссис Джордж. Тот, другой священник отлично подойдет.

Епископ. Что? Пономарь?

Миссис Джордж. Да. Он не обиделся, когда я его так назвала, ведь правда? Я просто от незнания.

Епископ. Нисколько не обиделся. *(Открывает дверь в кабинет и зовет.)* Сомс! Энтони! *(Обращаясь к миссис Джордж.)* Называйте его отец, он это любит.

Сомс появляется у входа в кабинет.

Миссис Колинз хочет, чтобы вы присоединились к нам, Энтони.

У Сомса удивленный вид.

Миссис Джордж. Вы не в обиде на меня, папаша? *(Так как это приветствие, явно не соответствующее совету епископа, несколько поразило Сомса, она с тревогой обращается к епископу.)* Вы же сами велели мне называть его так.

Сомс. Меня зовут отец Энтони, миссис Колинз. Но как вы меня назовете, не имеет значения. *(Входит в кухню и мимо нее проходит к очагу.)*

Епископ. Миссис Колинз хочет мне кое-что сказать так, чтобы вы при этом присутствовали.

Сомс. Я готов слушать.

Епископ *(возвращается на свое место рядом с нею)*. Ну что ж?

Миссис Джордж. Милорд, вам не следовало жениться.

Сомс. Эта женщина вдохновлена свыше. Внимайте ей, милорд.

Епископ *(пораженный прямотой ее нападения)*. Я женился, так как был настолько влюблен в Элис, что все трудности, сомнения и опасности брака казались мне совершенными пустяками.

Миссис Джордж. Да, брак для того и создан, чтобы завлекать в свои сети несчастные юные существа, когда они находятся в таком состоянии. А теперь, когда вы уже знаете, что это такое, вы женились бы снова, если бы овдовели?

Епископ. Теперь я старый человек, и это не имеет значения.

Миссис Джордж. Но вы женились бы, если бы это имело значение?

Епископ. Думаю, что женился бы, хотя бы для того, чтобы никому не пришло в голову, что я был несчастен в браке с Элис.

Сомс *(сурово)*. Значит, жена вам важнее, чем спасение души?

Епископ. О, гораздо важнее. Когда вам встречается мужчина, чрезмерно озабоченный спасением своей души, поищите женщину, чрезмерно озабоченную своей репута-

цией: из них выйдет отличная супружеская пара. Советую вам влюбиться, Энтони.

Сомс *(с ужасом)*. Мне!!

Епископ. Да, вам. Подумайте, как это было бы для вас хорошо. Ради нее вы бы несебялюбиво и усердно заботились о деньгах, вместо того чтобы себялюбиво и лениво проявлять к ним равнодушие. Ради нее вы точно так же заботились бы о своем продвижении по службе. Ради нее вы, в конце концов, стали бы заботиться и о своем здоровье, своей внешности, о том, чтобы ваши ближние имели о вас хорошее мнение, и вообще обо всех действительно важных вещах, которые заставляют людей работать и бороться вместо того, чтобы мечтать о небесных миндалях и лелеять свое душевное спасение.

Сомс. Словом, во имя одного смертного греха я стану предаваться всем остальным.

Епископ. Святой Антоний! Искушайте его, миссис Колинз, искушайте его.

Миссис Джордж *(вставая и глядя прямо перед собой каким-то странным взглядом)*. Будьте осторожны: вы все еще имеете власть заставить меня подчиняться вашим велениям. А вы, мистер пономарь, берегитесь пустоты в сердце.

Епископ. Да. Природа не терпит пустоты, Энтони. Я бы не решился прогуливаться по белу свету с пустым сердцем. Да ведь любая девчонка, попавшаяся мне навстречу, ворвется в него просто под воздействием атмосферного давления. А сейчас Элис не дает им ворваться. Миссис Колинз это хорошо знает.

Миссис Джордж *(легкая судорога, как волна, проходит по всему ее телу)*. Я знаю больше вас обоих. У одного из вас еще не иссякла его первая любовь, другой еще не познал ее. А я... я... *(Шатается, снова судорога.)*

Епископ *(поддерживая ее, чтобы она не упала)*. В чем дело? Вам худо, миссис Колинз? *(Усаживает ее на стул.)* Сомс, принесите из кабинета стакан воды, живо!

Сомс торопливо направляется к двери в кабинет.

Миссис Джордж. Не надо.

Сомс останавливается.

Не зовите никого. Не приносите ничего. Вы что-нибудь слышите?

Епископ. Ничего необычного. *(Садится рядом с нею и вни-*

мательно смотрит на нее с глубоким изумлением и интересом.)

Миссис Джордж. Музыки не слышите?

Сомс. Нет. *(Идет к концу стола и садится справа от нее, также сильно заинтересованный.)*

Миссис Джордж. И не видите ничего — яркого света?

Епископ. Мы все еще блуждаем в темноте.

Миссис Джордж. Положите руку мне на лоб, ту руку, на которой перстень.

Он повинуется. Она закрывает глаза.

Сомс *(вдохновенно-проповедническим тоном)*. Была некая женщина, жена торговца углем, много грешившая на своем веку...

Епископ, пораженный, снимает руку с ее лба. Миссис Джордж мгновенно открывает глаза и прерывает Сомса.

Миссис Джордж. Неверно вы пророчествуете, Энтони: никогда в жизни не делала я ничего такого, что не было бы предопределено мне свыше. *(Более спокойным тоном.)* Я была самой собой. Я не боялась себя. И в конце концов я изошла из себя и стала голосом для тех, кто страшится говорить, и криком для сердец, которые разбиваются в безмолвии.

Сомс *(шепотом)*. Она в наитии?

Епископ. Это изумительно. Тсс.

Миссис Джордж. Я заслужила право говорить. Я обрела смелость. Я прошла через все. Я не упала в огонь, как иссохший лист, я прошла через него на самый край света.

Епископ. И что вы увидели там, на самом краю света?

Сомс *(жадно)*. Сообщите же нам весть.

Миссис Джордж *(с глубокой грустью и упреком в голосе)*. Когда вы любили меня, я давала вам для игры вашей солнце и звезды. Я давала вам вечность в одном мгновении, силу высоких гор в одном объятии ваших рук, всю толщу вод морских в одном порыве ваших душ. Это было всего лишь мгновение. Но разве его не было достаточно? Разве оно не вознаграждало вас за всю ту борьбу, которую вы вели на этой земле? Должна я ко всему еще штопать вам одежду и мести у вас полы? Разве этого не было довольно? Я заплатила должную цену, не торгуясь. Я рожала детей, не корчась от боли, — разве это причина взваливать на меня еще новое бремя? Я носила детей на руках, — разве я должна носить и их отцов? Когда я от-

крыла вам врата рая, разве глаза ваши были слепы? Разве это было для вас ничем? Когда все звезды пели в ваших ушах и все ветры земли уносили вас в сердце неба, были вы глухи? Были вы тупы? Разве я была для вас не больше чем кость, брошенная псу? Разве этого было не достаточно? Мы вместе пережили вечность, а вы просите у меня еще немножко земной жизни. Мы вместе обладали вселенной, а вы требуете от меня вдобавок мой скудный заработок. Я дала вам величайшую вещь в мире, а вы просите у меня всяких мелочей. Я вдохнула в вас душу, а вы хотите играть моим телом. Разве этого было не достаточно? Разве этого не было довольно?

Сомс. Вы понимаете, что она говорит, милорд?

Епископ. Да, у меня есть это преимущество перед вами, Энтони, благодаря Элис. *(Берет миссис Джордж за руку.)* Рука у вас очень холодная. Можете вы спуститься на землю? Помните вы, кто я и кто вы?

Миссис Джордж. С меня было достаточно. Я не пыталась встретиться с вами, прикоснуться к вам.

Епископ быстро отдергивает руку.

Когда вы говорили моей душе много лет назад, с церковной кафедры, вы открыли для меня врата спасения, и теперь они навсегда отверзты. Этого было довольно! С тех пор я вас ни о чем не просила и не буду просить. Я жила, этого довольно. Я получила плату и готова к работе. Я благодарю вас и благословляю, и оставляю вас. И в этом вы счастливее меня. Ибо когда я делаю для мужчин то, что вы делали для меня, я не получаю ни благодарности, ни благословения. Я их добыча, и нет мне покоя от их любви, и нет пощады от их ненависти.

Епископ. Принимайте уж нас такими, какие мы есть, миссис Колинз.

Сомс. Нет, принимайте нас такими, какими мы способны стать.

Миссис Джордж. Примите меня такой, какая я есть,— большего я не прошу. *(Поворачивает голову в сторону кабинета и кричит.)* Да, да, входите.

Хочкис тихонько выходит из кабинета.

Хочкис. Будьте так добры сказать мне — что, я вижу сон? Из кабинета я слышал, как миссис Колинз говорила удивительные вещи, а вы оба слова не вымолвили.

Сомс. Милорд, уж не одержима ли она дьяволом?

Епископ. А может быть, в экстазе, как святая?

Хочкис. Или это судороги пифии на ее треножнике?

Епископ. А если все это одно и то же?

Миссис Джордж *(в смущении)*. Вы терзаете и утомляете меня праздными вопросами. Вы возвращаете меня к себе самой. Вы мучаете меня всякими злыми бреднями о святых, о дьяволах и... как это?.. *(ищет слова)* о пифии... пифии... Не понимаю. Я просто женщина, я человеческое существо, такое же, как вы. Почему вы не принимаете меня такой, какая я есть?

Сомс. Хорошо, но если мы примем вас такой и возведем на костер?

Епископ. Или примем вас и возведем в святые?

Хочкис *(веселым тоном)*. Или примем вас как нечто само собою разумеющееся? *(Обращаясь к епископу быстрым шепотом.)* Надо вывести ее из этого состояния, оно опасно. *(Громко, обращаясь к ней.)* Я хочу предложить, чтобы для Энтони вы были дьяволицей, для епископа — святой, а для меня — обожаемой Полли. *(Скользнув за ее стул, поднимает ее руку с колен и целует, перегнувшись через ее плечо.)*

Миссис Джордж *(очнувшись)*. Что это было? Кто поцеловал мне руку? *(К епископу, тоном, полным страстной надежды.)* Вы?

Он качает головой. Она огорчена.

Простите меня.

Епископ. Не за что. Я вовсе не отказываюсь от такой чести. Разрешите. *(Целует ей руку.)*

Миссис Джордж. Спасибо вам за это. Но не пономарь же поцеловал ее в первый раз?

Сомс. Я?!

Хочкис. Это я, Полли, ваш верный поклонник.

Миссис Джордж *(оборачиваясь и видя его)*. Ну, если я только поймаю вас на этом еще раз — вы у меня смотрите! И вообще, почему вы здесь? Я же услала вас отсюда. *(Весьма энергичным тоном, почти совсем обретя самое себя.)* Но боже милостивый, что здесь такое произошло?

Хочкис. Насколько я понимаю, вы впали в очаровательный и весьма красноречивый транс.

Миссис Джордж *(радостно)*. Как? Мое ясновидение! *(Обращаясь к епископу.)* О, как я молила бога, чтобы это нашло на меня в момент нашей встречи, если нам было

бы суждено встретиться! И ведь нашло! Как это замечательно! Вы можете верить каждому моему слову. Я не помню, что я говорила, но это было нечто такое, что непременно должно было быть высказано. Вот оно и завладело мной и высказалось. Так всегда и происходит, понимаете?

Из двери, ведущей в башню, входят Эдит и Сесил Сайкс. У Эдит на голове шляпа. За ними идет Лео. Они явно выходили из дому втроем. Сайкс с каким-то неестественным видом, полудурашливым, полуухарским, словно он утратил все самоуважение и твердо решил не становиться больше его жертвой, бросается на стул у того конца стола, что ближе к очагу, и засовывает руки в карманы, как Хогартов Распутник, не ожидая, чтобы Эдит села первая. Она садится в кресло из деревянных планок. Лео опускается на один из стульев, стоящих вдоль длинной стороны стола, ближайшей к двери в башню. Она погружена в сумрачное раздумье, губы ее сжаты.

Епископ. Ты выходила, дорогая моя?

Эдит. Да.

Епископ. Вместе с Сесилом?

Эдит. Да.

Епископ. Вы до чего-нибудь договорились?

Они не отвечают. Полное молчание.

Сайкс. Да уж лучше скажи сама, Эди.

Эдит. Сам скажи.

Из сада приходит генерал.

Генерал *(идя прямо к столу)*. Не одолжит ли мне кто-нибудь табачку? Мой кончился. А нервы еще не пришли в порядок.

Епископ. Обожди минутку, Боксер. Сесил собирается сообщить нам что-то важное.

Сайкс. Ну, мы это сделали. Вот и все.

Хочкис. Что именно сделали, Сесил?

Сайкс. А как ты думаешь, что?

Эдит. Поженились, разумеется.

Генерал. Поженились? А кто же был у тебя посаженым отцом?

Сайкс *(мотнув головой в сторону башни)*. Тот джентльмен. *(Видя, что его не понимают, он оглядывается по сторо-*

нам и убеждается, что никого, кроме уже бывших в комнате, нет.) О, я думал, он зашел с нами сюда, но наверно он спустился вниз. Служитель из муниципалитета.

Генерал. Служитель? За сколько же он, черт побери, согласился это сделать?

Сайкс. Право, не знаю. Я с ним не договаривался о вознаграждении. *(Обращаясь к миссис Джордж.)* Сколько мне ему дать, миссис Колинз?

Миссис Джордж. Пять шиллингов. *(Обращаясь к епископу.)* Мне надо чуточку отдохнуть, там, у вас в кабинете. Мне все это привиделось вот тут. *(Трогает пальцами лоб.)*

Епископ *(открывает перед нею дверь)*. Ради бога. Вышлите моего брата оттуда, если он вам помешает. Сомс, заберите оттуда письма.

Сайкс. А он не обидится, если я предложу ему деньги?

Миссис Джордж. Он-то? И не подумает. Он излечивает ребят от стригущего лишая прикосновением булавы за четыре пенса с каждого. *(Удаляется в кабинет.)*

Сомс идет вслед за ней.

Генерал. Что ж, Эдит, должен сказать, что несколько огорчен. Все же хорошо, что в качестве посаженного отца выступал человек в официальном мундире.

Через дверь, ведущую в башню, входят миссис Бриджнорт и Лесбия. Миссис Бриджнорт направляется к епископу, он идет ей навстречу, и она останавливается у дубового ларя. Лесбия садится между Сайксом и Эдит.

Епископ. Элис, любовь моя, они поженились.

Миссис Бриджнорт *(благодушно)*. Что ж, отлично. Надо сказать Колинзу.

Сомс выходит из кабинета с письменными принадлежностями. Он присаживается к ближайшему концу стола и углубляется в работу. Хочкис садится на ближайший стул у угла стола, спиной к нему.

Лесбия. Итак, вы оба сдались?

Эдит. Ничуть не сдались. Мы обо всем позаботились.

Сомс. Каким образом?

Эдит. Прежде, чем идти в церковь, мы отправились в контору страхового общества... как она называется, Сесил?

Сайкс. Британская семейная страховая компания. Она за-

страховывает вас от бедных родственников и от всяких других обстоятельств семейного характера.

Эдит. Она согласилась застраховать Сесила от необоснованных претензий, могущих быть предъявленными ему в связи с моей деятельностью. И для нас специально снизили тариф за услуги ввиду того, что я дочь епископа.

Сайкс. А я обязался перед Эдит честным словом, что если я когда-либо совершу преступление, то ударом кулака собью ее с ног в присутствии свидетеля и уеду в Брайтон в обществе другой дамы.

Лесбия. И это вы называете позаботиться обо всем! *(Идет к середине стола, ближе к двери в сад, и садится.)*

Лео. Только пусть он посмотрит, чтобы на грядке не было червей, когда он станет сбивать тебя с ног, Эдит. А где Реджи?

Реджиналд *(выходя из кабинета)*. Я здесь. В чем дело?

Лео *(вскакивая с места и обходя его со всех сторон)*. В чем дело? Только тебе и спрашивать об этом. Пока Эди и Сесил были в страховой конторе, я взяла такси и съездила к тебе на квартиру. В хорошеньком виде я все там застала! Твои костюмы в ужасном состоянии. Набрюшником для печени ты, оказывается, пользовался, чтобы браться за ручку горячего чайника. Тебя так же нельзя предоставлять самому себе, как годовалого ребенка.

Реджиналд. Ну вот еще, стану я тратить усилия и заботиться о такой ерунде. Все у меня в порядке.

Лео. Ничего подобного, это просто позор. И ты даже не подумаешь о том, что это позор для меня, ты думаешь только о себе. Ты должен вернуться домой вместе со мною, и там я приведу все в порядок: совесть не позволяет мне дать тебе жить по-свински. *(Поправляет ему галстук.)* Ты будешь при мне до тех пор, пока я не выйду за Синджона, а тогда мы тебя усыновим или что-нибудь в этом роде.

Реджиналд *(отшатывается от нее и ковыляет мимо Хочкиса к очагу)*. Ну нет, будь я проклят, если позволю, чтобы меня усыновил Хочкис. Ты можешь усыновить его, если хочешь.

Хочкис *(вскакивая с места)*. Я могу сказать, что это действительно было бы лучше всего, Лео. Должен сделать тебе одно признание. Я не тот человек, за которого ты меня принимала. Твой главный упрек Реджи состоял в том, что у него низменные вкусы.

Реджиналд *(оборачиваясь к ним)*. Вот как? Ну, клянусь богом!

Лео. Я имела в виду неряшливость. Я вовсе не считала, что у него низменные вкусы, пока не увидела в суде ту женщину. Как он мог выбрать такую тварь, да еще позволить ей писать ему после...

Реджиналд. Ну честно ли так говорить! Я никогда...

Хочкис. Конечно же, вы этого не делали, Реджи. Не говори глупостей, Лео. На самом деле низменные вкусы у меня.

Лео. У тебя!

Хочкис. Я влюбился в жену торговца углем. Я ее обожаю. Я предпочел бы шнурок от ее ботинок локону твоих волос. *(Скрестил руки на груди и стоит как вкопанный.)*

Реджиналд. Ах вы треклятый негодяй, да как вы смеете отталкивать мою жену таким образом у меня на глазах?

Кажется, он готов наброситься на Хочкиса, но Лео успевает стать между ними и оттаскивает Реджиналда к двери в кабинет.

Лео. Не обращай на него внимания, Реджи. Иди сейчас же и сделай так, чтобы это гнусное решение о разводе было уничтожено, или аннулировано, или как там это делается. Скажи сэру Горелу Барнсу, что я переменила решение. *(Обращаясь к Хочкису.)* Я могла бы догадаться, что ты слишком уж умный, чтобы быть настоящим джентльменом.

Уводит Реджиналда к дубовому ларю и усаживает его там. Он хихикает. Хочкис садится на свое место и погружается в раздумье.

Епископ. Похоже, что все проблемы сами собой разрешились.

Лесбия. Кроме моей.

Генерал. Но, дорогая Лесбия, вы видите, что здесь нынче произошло. *(Подходя немного ближе и наклоняясь к ней.)* Теперь я спрашиваю вас, неужели это все не доказало вам, какое безумие отказ от замужества?

Лесбия. Нет, не могу сказать, чтобы доказало. И *(вставая)* вы опять курили.

Генерал. Вы меня к этому вынуждаете, Лесбия. Я ничего не могу с собой поделать.

Лесбия *(она стоит за стулом, на котором сидела, положив обе руки на его спинку, и выглядит ослепительно)*. Ладно,

не буду вас сегодня бранить. Сейчас я в особенно хорошем настроении.

Генерал. А почему именно, Лесбия?

Лесбия *(со вздохом глубокого облегчения)*. Сказать только, что после всех опасностей, которым я подвергалась сегодня утром, я все же незамужняя женщина! Я по-прежнему независима! По-прежнему ничья! По-прежнему славная, сильная духом старая дева старой Англии!

Сомс молча вскакивает с места и тянется через весь стол со своего конца, чтобы пожать ей руку.

Генерал. По-вашему это такое великое счастье быть ничьей? Разве не более великодушно... разве вы не были бы счастливее, если бы отдались кому-нибудь...

Лесбия. Боксер!

Генерал *(встает, в ужасе от того, что у него вырвалось)*. Нет, нет, вы же сами должны понимать, дорогая Лесбия, что я употребил это слово не в однозначном смысле. Мне не всегда удается правильно подыскать выражение, но вы же знаете, что я имел в виду. Я убежден, что вы были бы счастливее, став моей женой.

Лесбия. Возможно, что и была бы – в каком-то нечистоплотном смысле. Но я предпочитаю свое достоинство и независимость. Кажется, я склонна считать всю эту погоню за счастьем несколько вульгарной.

Генерал. Ну что ж, хорошо, Лесбия. Больше я не стану делать вам предложений. *(Садится с обиженным видом.)*

Лесбия. Станете, Боксер, и по-прежнему – зря. *(Она тоже садится и почти дружески кладет на его руку свою.)* Я все же надеюсь когда-нибудь сделать из вас друга, и тогда между нами все пойдет хорошо.

Генерал *(снова вставая)*. Ха, я считаю, что вы жестоки, Лесбия. Оставаться мне здесь – значит лишний раз свалять дурака. Элис, я ненадолго выйду в сад.

Колинз *(появляясь из двери в башню)*. Я полагаю, теперь все в порядке, сударыня.

Генерал *(подходя к нему)*. Да, кстати, не смогли бы вы одолжить мне... *(Конца фразы не слышно, он произносит ее шепотом.)*

Колинз. Разумеется, генерал. *(Вынимает из кармана табачный кисет и протягивает генералу, тот берет и выходит в сад.)*

Лесбия. Я не верю, что в Англии найдется хоть один муж-

чина, который любил бы свою жену по-настоящему, так же преданно, как свою трубку.

Епископ. Между прочим, а куда девались гости, собравшиеся в церкви?

Сайкс. Не знаю. В церкви, когда мы венчались, не было ни души, кроме человека, который подает стулья, и священника, который проделывал всю эту операцию.

Эдит. Они все разошлись.

Миссис Бриджнорт. А подруги невесты?

Колинз. Мы с нашим служителем взяли два такси, сударыня, и всех их забрали. Они были порядком огорчены из-за своих туалетов и находили, что все это вышло не по правилам, но согласились прийти к завтраку. По правде говоря, они помирают от любопытства – что же, собственно, произошло? Органист играл до тех пор, пока и орган вроде выдохся, и сам он еще того хуже. Он просил меня обязательно доложить вам, милорд, что Мендельсона он придерживал к самому концу. Но когда пришлось и его проиграть, он счел, что ему тоже пора уходить. Поэтому он сыграл «Боже, храни короля» и ушел из церкви. Он явится к завтраку и все объяснит.

Лео. Пожалуйста, Колинз, запомните, что слух, будто я разошлась со своим мужем, совершенно не соответствует действительности, так же как и разговор, будто между мною и мистером Хочкисом что-то есть или хотя бы было.

Колинз. Помилуй бог, сударыня, да это с самого начала было видно. *(Обращаясь к миссис Бриджнорт.)* Принимать гостей будете здесь или в холле, сударыня?

Миссис Бриджнорт. В холле. Альфред, ты и Боксер идите прямо туда и будьте готовы занимать гостей разговором, пока мы выйдем. Нам еще надо одеть Эдит. Идем, Лесбия. Лео, идемте, мы все должны ей помочь. Живо, Эдит.

Лесбия, Лео и Эдит уходят через дверь, ведущую в башню.

Колинз, когда мисс Эдит будет одета, мы попросим вас поглядеть, все ли в порядке с фатой и прочими принадлежностями.

Колинз. Слушаю, сударыня. А может быть, вы что-нибудь сообщите насчет мисс Лесбии, сударыня?

Миссис Бриджнорт. Нет. Не хочет она выходить за генерала. Думаю, что это уже твердо.

Колинз. Как жаль, сударыня! Даром пропадает такая прелестная леди, сударыня.

Печально качает головой, и миссис Бриджнорт выходит в дверь, ведущую в башню.

Епископ. Я иду в холл, Колинз, встречать гостей. Реджи, пойди и скажи Боксеру, и приходите оба поддерживать светскую беседу. Пойдемте, Сесил.

Выходит через дверь, ведущую в башню, Сайкс следует за ним.

Реджиналд *(Хочкису)*. Вы всегда очень много говорили насчет джентльменского поведения. Так вот, вы очень ошибаетесь, если воображаете, что по-джентльменски вели себя в отношении Лео. И помните, что я вынужден стать на ее сторону.

Хочкис. Я понял. Двери вашего дома для меня закрыты.

Реджиналд *(поспешно)*. О нет. Не торопитесь. Думаю, что был бы рад, если бы вы появились у нас,— знаете, так, через некоторое время. Она ведь ужасно раздражается и сердится, когда нет никого, кто бы хоть немного оживил наш дом.

Хочкис. Постараюсь сделать все, что в моих силах.

Реджиналд *(с облегчением)*. Отлично. Вы не обижены, старина, не правда ли?

Хочкис. Так уж получилось. Я брал в руки уголь, они почернели, но тем не менее чистые. Всего хорошего, Реджи.

Жмут друг другу руки, и Реджиналд уходит в сад позвать Боксера.

Колинз. Извините меня, сэр, но позвольте спросить, вы остаетесь к завтраку? На одном из приборов карточка с вашим именем, и если вы не останетесь, ее надо переменить.

Хочкис. Откуда я знаю? Разве судьба моя отныне в моих руках? Подите спросите «ту, коей должно повиноваться».

Колинз *(с почтительным страхом)*. Миссис Джордж увлеклась вами, сэр?

Хочкис. Если бы так! Гораздо хуже, друг мой, гораздо хуже: я увлекся миссис Джордж.

Колинз. Не отчаивайтесь, сэр. Если Джорджу понравится, как вы разговариваете, вы найдете их дом очень приятным. Осмелюсь сказать, куда более веселым, чем дом мистера Реджиналда.

Хочкис (*громко зовет*). Полли!

Колинз (*живо*). О, если уж дошло до Полли, сэр, то могу сказать, что для вас все обстоит хорошо.

В дверях кабинета появляется миссис Джордж.

Хочкис. Ваш деверь хочет знать, остаюсь ли я к свадебному завтраку. Скажите ему.

Миссис Джордж. Если он намерен вести себя пристойно, Билл, то остается.

Хочкис (*обращаясь к Колинзу*). Могу я как друг вашего семейства получить право называть вас Биллом?

Колинз. Очень рад буду, сэр, очень рад.

Хочкис. Мое уменьшительное имя в лоне моей семьи — Сонни.

Миссис Джордж. Почему вы мне этого не сказали сразу? Сонни, на мой взгляд, самое для вас подходящее имя. (*Фамильярно треплет его по щеке.*)

Он внезапно встает и направляется к очагу, где и бросается с угрюмым видом в кресло из деревянных планок.

Билл, я не пойду в холл, пока там не будет достаточно народу, чтобы составить для меня небольшую свиту. Пошли за мной служителя, когда найдешь, что все будет выглядеть прилично.

Колинз. Слушаюсь, сударыня. (*Выходит через дверь, ведущую в башню.*)

Миссис Джордж, оставшаяся наедине с Хочкисом и Сомсом, внезапно кладет обе руки на плечи Сомса и наклоняется к нему.

Миссис Джордж. Епископ велел мне искушать вас, Энтони.

Сомс (*не оборачиваясь*). Отыди от меня, женщина.

Миссис Джордж. Энтони,

Сердца других, глаза и губы
Тебе свою поверят страсть,

Хочкис (*сардоническим тоном*).

Язык их смелый, слишком грубый,
Но в нем — огонь и власть.

Миссис Джордж.

Пустое сердце маску носит —
Сорви ее пред ликом дня!
Мое же, милый, только просит —
Не забывай меня!

И вы не забудете, Энтони. Я наложу на вас свое заклятие.

Сомс. Неужто вы думаете, что у человека, который пел Магнификат и поклонялся царице небесной, есть уши для того вздора, который вы говорите, и есть глаза для такого ничтожества, как вы, если не иметь в виду вашей несчастной душонки. Иди домой, к своим обязанностям, женщина.

Миссис Джордж *(в высшей степени одобряя силу его духа)*. Энтони, я избираю вас своим отцом. Вот это речи! Вот человек, чья жизнь не зависит от какой-нибудь жалкой бабенки с соседней улицы. И никогда я его не отпущу. *(Дружески ударяет его по спине.)*

Сомс. Хватит. У вас для разговоров есть тут другой человек. А я занят.

Миссис Джордж *(отходя от Сомса и делая один-два шага в сторону Хочкиса)*. Почему вы не такой, как он, Сонни? Почему вы держитесь за жалкую бабенку с соседней улицы.

Хочкис *(задумчиво)*. Я должен просить прощения у Билитера.

Миссис Джордж. Кто такой Билитер?

Хочкис. Человек, который ест ложкой рисовый пудинг. Я тоже ем рисовый пудинг ложкой с того мгновения, когда увидел вас впервые. *(Встает.)* Все мы едим рисовый пудинг ложкой, не правда ли, Сомс?

Сомс. Мы все равны между собой. Незачем взывать ко мне. Во-первых, я занят. Во-вторых, все, что нужно, вы найдете в церковном катехизисе, он содержит большую часть новых открытий, которыми кичится наш век. Конечно, вы должны просить прощения у Билитера. Он во всем вам равен. Он попадет в тот же рай, если будет вести себя должным образом, и низринется в ту же геенну, если предается греху.

Миссис Джордж *(садясь)*. Так же как и мой муж, торговец углем.

Хочкис. Если бы я стоял выше вашего супруга здесь, на земле, я стоял бы выше его и на небесах или в аду: равенство лежит глубже. Торговец углем и я влюблены в одну и ту же женщину. Для меня это решает вопрос на веки вечные. *(Погруженный в глубокое раздумье, бредет через всю кухню к двери в сад.)*

Сомс. Тьфу!

Миссис Джордж. Вы в женщин не верите, Энтони, так

ведь? Он мог с таким же успехом сказать, что он и Джордж оба любят жареную рыбу.

Хочкис. Я вовсе не люблю жареную рыбу. Не будьте низменны, Полли.

Сомс. Женщина, не позволяй себе обвинять меня в неверии. А вы, Хочкис, не презирайте душу этой женщины лишь потому, что она говорит о жареной рыбе. Многие жертвы Чуда рыбной ловли были зажарены. А я, например, ем жареную рыбу каждую пятницу и люблю ее. Вы остались таким же закоренелым снобом, каким были всегда.

Хочкис *(с раздражением)*. Дорогой Энтони, я нахожу вас просто смешным в качестве проповедника, ибо вы все время ссылаетесь на места, документы и якобы имевшие место события, в которые я, да будет вам известно, совершенно не верю. Я не верю ни во что, кроме моей личной воли, моей личной гордости и чести. Ваши рыбы и ваш катехизис и все тому подобное — это очаровательная поэма, которую вы именуете своей верой. Вас все это совершенно устраивает, а меня нет. Я, подобно Наполеону, предпочитаю магометанство.

Миссис Джордж, ассоциирующая магометанство только с многоженством, смотрит на него подозрительно.

Я уверен, что вся Британская империя еще до конца нашего столетия примет в качестве религии своего рода реформированное магометанство. Мы с Магометом одинаковые натуры. Я восхищаюсь им и в значительной мере разделяю его воззрения на жизнь. И это, видите ли, Сомс, кладет вас на обе лопатки. Религия — великая сила, единственная подлинно движущая сила в мире. Но одного вы и все вам подобные не понимаете: человеком можно завладеть только с помощью его религии, а не вашей. Вместо того, чтобы считаться с этим фактом, вы упорствуете в попытках заманить всех людей в свою маленькую секту для того, чтобы потом использовать это против них же. Все вы миссионеры и проповедники, старающиеся вырвать из цветников вашего соседа его родную религию, чтобы на ее место посадить свою. Вы предпочитаете, чтобы ребенок так и зачах в невежестве, лишь бы его не обучил чему-нибудь представитель соперничающей с вами секты. Вы вещаете мне о принципиальном равенстве торговцев углем с британскими офицерами, а не видите принципиального равенства всех религий.

И кто вы такой, наконец, чтобы воображать, будто вы все знаете лучше, чем Магомет, или Конфуций, или все прочие парни, которые занимались этим делом испокон веков?

Миссис Джордж *(восхищенная его красноречием)*. Вы понравитесь Джорджу, Сонни. Вы бы послушали, как он сам говорит о церкви.

Сомс. Что ж, отлично, идите оба к своей верной гибели. Для меня существует только одна религия — та, которую душа моя признает истинной. Но даже у не признающих никакой религии есть один догмат: святость брака. А вы стоите на пороге смертного греха. Можете вы это отрицать?

Хочкис. Вы забываете одно, Энтони: с вашей точки зрения, сам брак есть смертный грех.

Сомс. Вопрос не в том, во что я верю, а в том, во что верите вы. Дайте те же обеты, что и я, и отрекитесь от этой женщины, если у вас есть на то сила и просветление. Но если вы остаетесь в когтях мирского, то хотя бы уважайте его законы. Признаете вы брак или нет?

Хочкис. Душа моя начисто свободна от подобного суеверия. Я торжественно заявляю, что между «этой женщиной», как вы ее невежливо называете, и собою я не усматриваю никаких преград, которые моя совесть повелевала бы мне уважать. Всем своим внутренним существом презираю я брачную мораль средних классов. Если бы я был французским маркизом восемнадцатого столетия, я бы не чувствовал себя более свободным в отношении жены любого парижского горожанина, чем сейчас чувствую себя в отношении Полли. Я презираю всю эту пресловутую семейную чистоту как самое глубокое дно вульгарности — узколобой, эгоистичной, чувственной, превращающей жену в собственность.

Миссис Джордж *(вскакивая с места)*. Ах вот как! В таком случае, молодой человек, вы у меня в доме не появитесь. Мне очень жаль. Ибо хоть оно и приятно раз в жизни встретить человека, не испугавшегося моего обручального кольца, но мне нужен друг, а не французский маркиз. Поэтому вы со мной к нам не пойдете.

Хочкис *(неумолимо)*. Нет, пойду.

Миссис Джордж. Нет, не пойдете.

Хочкис. Пойду. Подумайте хорошенько. Полагаю, вы превосходно знаете свою среду — мирок мелкой торговли. Вы знаете все происходящие в ней скандалы, все ее лице-

мерие, зависть и раздоры, знаете сотни случаев развода, не доходящих до суда, равно как и десятки случаев, которые до суда все же доходят.

Миссис Джордж. Мы не ангелы. Мне известно несколько скандальных случаев. Но большинство из нас слишком ограничены для того, чтобы не быть вполне добропорядочными.

Хочкис. Тогда вы могли заметить, что как большинство убийц, если судить по их назидательным признаниям на эшафоте, являются, по-видимому, благочестивыми христианами, так и все распутники и мужского и женского пола почти неизменно оказываются людьми, преисполненными семейственной сентиментальности, и громко заявляют о своем благоговении перед условностями, которые они же сами тайно нарушают.

Миссис Джордж. Ну, вы же не можете рассчитывать, чтобы они сами себя выдавали?

Хочкис. Это люди чувства, а не чести. Ну а я не человек чувства, я человек чести. Я хорошо знаю, что произойдет со мной, когда я переступлю порог дома, где хозяин ваш супруг, и разделю с ним хлеб-соль. Пресловутые брачные узы, которые я презираю, свяжут меня так, как они никогда не могли бы связать людей, верящих в них, но считающих своим любимым развлечением хождение в театр, где эти узы высмеиваются. Сомс, вы ведь стоите за общность имущества, правда?

Сомс. Я христианин. Это обязывает меня стоять за общность имущества.

Хочкис. И вы считаете, что многие земельные владения, находящиеся у нас в частных руках, были похищены у церкви Генрихом Восьмым?

Сомс. Я не только считаю так, я знаю это, как юрист.

Хочкис. А вы бы стащили хоть одну брюквину у какого-нибудь помещика, владеющего этими краденными землями?

Сомс *(уклоняясь от прямого ответа)*. Они не имеют права на эти земли.

Хочкис. Я вас не о том спрашиваю. Стащили ли бы вы хоть одну брюквину с одного из полей, на которые эти владельцы не имеют права?

Сомс. Я не ем брюквы.

Хочкис. Отвечайте мне как юрист.

Сомс. Должен признать, что, вероятно, не стащил бы. Возможно, с моей стороны было бы неправильно не стащить брюквы. Я не могу обосновать мое нежелание это сде-

лать. Но думаю, что все-таки не сделал бы этого. Я знаю, что не сделал бы.

Хочкис. Вот так же точно и я не смогу завладеть женой Джорджа. Я уже раньше протягивал руку к этим запретным плодам и знаю, что рука моя так и останется пустой. Легко не верить в брак, легко полюбить замужнюю женщину. Но предать товарища, обмануть хозяина дома, где ты гость, нарушить молчаливый союз, скрепленный совместной трапезой, — вот что невозможно сделать. Можете привести меня к себе в дом, Полли. Вам нечего опасаться.

Миссис Джордж. И не на что надеяться?

Хочкис. Раз уж вы употребляете это более любезное выражение, Полли, то скажу вам, что абсолютно не на что.

Миссис Джордж. Гм. Как большинство мужчин, вы думаете, будто знаете все, чего может хотеть женщина. Но то, чего больше всего хочешь, не имеет никакого отношения к браку. Может быть, у Энтони мелькнет правильная догадка. Что скажете, Энтони?

Сомс. Христианское братство?

Миссис Джордж. Вы так это называете?

Сомс. А вы как?

Колинз *(появляясь в дверях, ведущих в башню, вместе с муниципальным служителем)*. Ну вот, Полли, холл полон народу. И все тебя ждут.

Служитель. Разрешите, джентльмены. Дорогу супруге мэра. Разрешите, милорды и джентльмены, с вашего позволения, леди и джентльмены, — дорогу супруге мэра.

Миссис Джордж выходит, опираясь на руку Хочкиса, предшествуемая служителем.
Сомс спокойно продолжает писать.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ БЛАНКО ПОСНЕТА

Проповедь в форме жестокой мелодрамы

1909

THE SHEWING-UP OF BLANCO POSNET

Женщины сидят в просторном бревенчатом строении, похожем на старинный английский амбар, но с окнами под самой крышей. Помещение приспособлено под зал суда; ближе к стенам настлан помост, и на этом возвышении место шерифа; справа от него — скамья присяжных; слева, за решеткой, места подсудимых. Посредине комнаты стол, окруженный скамьями. Еще несколько скамей стоят как попало, сдвинутые с места. Осеннее солнце ярко светит в окна и в открытую дверь. Женщины, по одежде и говору — пионерки цивилизации, недавно присоединенной к штатам, сидят вокруг стола, занятые шелушением орехов. Беседа в полном разгаре.

Бэбси *(самоуверенная молодая особа, одета неряшливо, недурна собой)*. По-моему, если человек украл лошадь, так он на все способен.

Лотти *(чувствительная девица, очень аккуратная и чистенькая)*. Ну нет! По-моему, убить человека куда хуже, чем украсть лошадь.

Ханна *(пожилая, умудренная опытом)*. Что уж тут хорошего — убить человека. В наших местах без револьвера никто не ходит, а беспорядков много, у каждого сердце не на месте; вот мужчины смотрят-смотрят, да и начнут палить друг в друга. Бог только знает, каково это родить сына, воспитать его, сделать человеком, а все для чего? Для того, чтоб в один прекрасный день его принесли домой на носилках. И убьют-то его зря, иной раз для того только, чтобы показать, что убийца его не побоялся. Ведь мужчина с ружьем в руках все равно что ребенок: не успокоится, пока не выстрелит в кого-нибудь.

Джесси *(добродушная, но бойкая на язык, задорная девушка; соперница Бэбси по красоте, но одевается гораздо опрятнее)*. Стреляют потому, что нравится стрелять. Поглядите-ка на них, когда они линчуют. Им мало повесить человека: как только вздернут беднягу, сейчас же изрешетят всего пулями, не жалея патронов; а ведь это каких денег стоит. Туда же, прикидываются, будто линчуют за дурные дела, а разобрать их самих по косточкам, так добрая половина заслужила веревку на шею. Уж я и не говорю, что смотреть на это противно.

Лотти. Не умеем мы жить по-человечески, вот что. Не люблю я этих расстрелов и линчеваний. Да я думаю, и никто не любит, если уж говорить по правде.

Бэбси. Наш шериф настоящий мужчина, с характером. Такого и надо для этого дубья. Он не боится расстреливать и вешать. Для мирных жителей это просто счастье.

Джесси. Рассказывай, а то я не знаю, что такое мужчины. Конечно, он не боится расстреливать и вешать. Чем он рискует, когда закон на его стороне и вся шайка за него и только того и ждет, чтобы дорваться до линчевания, как до бутылки с водкой. Да разве кто-нибудь из них сознается или позволит шерифу сознаться, что они линчевали невиноватого? Никогда. В каждом сидит черт, а когда ему дают волю — это у нас и называется правосудием. А я бы хотела видеть такого шерифа, который не побоится обойтись без расстрелов и без виселиц.

Эмма *(подлиза, она поддакивает то Бэбси, то Джесси, смотря на чьей стороне перевес)*. Да, надо сознаться, и мне противно видеть, как шериф Кемп тут командует. Командовал бы дома женой — ей это куда полезней, чем людям, которых он вешает. Туда же еще, завел комитет бдительности!

Бэбси *(вне себя)*. Ну, уж если даже тут находятся такие, которые заодно с конокрадами и против шерифа!..

Джесси. Кто это заодно с конокрадами и против шерифа?

Бэбси. Да ты! Погоди, вот украдут у тебя лошадь, тогда узнаешь! У меня родной дядя погиб от жажды в степи, потому что какой-то негр украл у него лошадь. А все-таки этого негра поймали и сожгли: туда ему и дорога!

Эмма. Я знаю одного ребенка, который родился уродом, потому что у его матери украли лошадь и ей пришлось самой запрягаться в плуг.

Бэбси. Ну вот, слыхали? Я же говорю: украсть лошадь в десять раз хуже, чем убить человека. И если комитет бдительности когда-нибудь до вас доберется, так вам лучше убить двадцатерых, чем украсть хотя бы седло или уздечку, не то что лошадь.

Входит проповедник Дэниелс.

Дэниелс. Жаль вас беспокоить, сударыни, но комитет бдительности поймал преступника: нужно помещение, чтобы его судить.

Джесси. Ведь все равно его нельзя судить, пока шериф Кемп не вернется с пристани.

Дэниелс. Да, но нужно куда-нибудь поместить преступника до прихода шерифа.

Бэбси. А зачем же сюда? Связали бы да на конюшню к шерифу.

Дэниелс. Душа его нуждается в спасении, как и у каждого из нас. Мой долг — вернуть его на путь истины, прежде чем он будет осужден и предстанет перед творцом своим.

Ханна. Что же он сделал, мистер Дэниелс?

Дэниелс. Украл лошадь.

Бэбси. Неужели нас выгонят отсюда ради какого-то конокрада? Для его спасения и конюшня хороша.

Дэниелс. Для него, может быть, достаточно хороша, Бэбси, но не для меня, с вашего позволения. Пока я здесь духовный отец, я по мере малых сил своих пытаюсь воздавать должное тому, кому служу со всем смирением. И потому прошу вас: будьте любезны оставить помещение. Позвольте. *(Берет мешок с ореховой скорлупой и перетаскивает его к помосту.)*

Женщины *(ропщут)*. Вот и всегда так. Только мы уселись за работу!.. Что мы плохого делаем? Ведь это уж и надоело. Пускай тогда сами работают. Боже мой, боже! И минуты не дадут спокойной. Просто выталкивают за дверь!

Ханна. Чья же это была лошадь, мистер Дэниелс?

Дэниелс *(возвращается за другим мешком)*. К величайшему моему прискорбию, это была лошадь шерифа; он ее одолжил молодому Страпперу, а тот дал на время мне, — вор ее и украл, думал, что она моя. Будь она моя, я бы с радостью простил вора. Я так и надеялся, что он успеет уйти: за ним только через два часа пустились в погоню. Но все-таки его поймали. *(Перетаскивает второй мешок.)*

Джесси. Что же это за лошадь, если они выехали спустя два часа и все-таки его поймали?

Дэниелс *(возвращается к сидящим за столом)*. В том-то и дело, что лошади с ним не было; когда его поймали, он шел пешком; и, конечно, говорит, будто никакой лошади не брал. Брат шерифа хотел связать его и бить, пока он не сознается, куда девал лошадь, но я этого не допустил. Это не по закону.

Бэбси. Не по закону! С конокрадом — да еще по закону поступать! Даром время тратить из-за такого скота.

Дэниелс. Напрасно вы так говорите, Бэбси. Человека не надо мучить зря, пока религия не отступилась от него

окончательно, пока есть надежда добиться от него сознания. Если богу угодно, я выпытаю у Бланко, где эта лошадь; а вы, будьте добры, уйдите отсюда.

Шум у входа.

Вот его ведут. Ну, сударыни, прошу вас! Честью прошу!

Женщины нехотя поднимаются с мест. Ханна, Джесси и Лотти отходят к скамье шерифа, теснимые Дэниелсом; остальные женщины бегут вслед за Эммой и Бэбси к дверям, чтобы поглядеть на конокрада.
Бланко Поснета вводят в комнату брат шерифа Страппер Кемп и еще один человек, по прозвищу Кривой. Остальные входят за ними. Бланко — хулиган по всем признакам. Чтобы узнать точно, сколько ему лет, надо его умыть, но ему меньше сорока; однако торчащие кверху рыжие усы и старательно выбритый хохол на лбу изобличают щеголя, несмотря на то, что он до крайности опустился. Голову держит высоко, губы решительно сжаты, хотя по лихорадочно горящим глазам видно, что ему недалеко до белой горячки. Руки его связаны длинной веревкой, свободный конец которой держит Кривой. Войдя в комнату, Кривой его отпускает. Бланко потягивается и начинает расхаживать по комнате, не доходя до того места, где сидят женщины.
Страппер и остальные мужчины останавливаются у дверей.

Бэбси *(плюет, когда мимо нее проходит Бланко)*. Конокрад! Конокрад!

Остальные. Тебя за это повесят, слышишь? Так тебе и надо. Узнаешь, как воровать! Я бы тебя и судить не стала. Прямо линчевать его, негодяя! Да, да! Линчуйте его, ребята!

Бланко *(насмешливо)*. «Ангелы светлые, души невинные».

Бэбси. Попробуй только назови меня ангелом, я тебе такую плюху закачу!

Бланко. «Белым меня осените крылом...»

Эмма. Там ангелов не будет, куда тебя отправят.

Остальные. Да, да! Черти — это верней. Да и то с конокрадом знаться не захотят.

Все вместе. Конокрад! Конокрад! Конокрад!

Бланко. Кто тут распоряжается? Мужчины или женщины? Гоните вон этих коров!

Женщины. Ого! *(Бросаются на него с бранью, яростно визжа, царапают, рвут на нем одежду.)*

Лотти бежит к дверям, заткнув уши пальцами. Ханна идет за нею, покачивая головой. Бланко падает.

Слышали, как он нас обозвал? Скотина, ругатель этакий! Лжец! Так обозвать порядочную женщину! Дайте мне только до него добраться! Трус! Трус! Ой, он меня ударил! Вы видели? Линчуйте его! Пит, что же ты стоишь, слушаешь, как меня ругает этот подлец? Сожгите его, сожгите на костре! Я бы его сожгла. Да сожгите его!

Мужчины *(оттаскивают женщин от Бланко и то силой, то уговорами выводят их за дверь)*. Ну-ну, идите же! Оставьте его в покое. Уходите из зала суда! Марш отсюда! Идите, идите! Салли, да иди же ты! Не рви мне волосы, а то я тебе руки скручу. Ах, ты вот как? Пошла вон! Ведь все равно уйдешь, чего же царапаться? Ну, ну, сударыни, потише! А если б это вас вешали, вам бы понравилось?

Наконец женщин выталкивают; с Бланко остаются Дэниелс, брат шерифа Страппер Кемп и еще два-три человека. Страппер — юноша, который только еще становится мужчиной; эгоист, сильный, угрюмый и решительный.

Бланко *(садится на пол и вытирает лицо)*. «О женщина! в часы отдохновенья тебе, прелестная, так трудно угодить...» Уф, лицо у меня исцарапано? И сейчас еще их когти будто скребут по всему телу. А кровь по щекам течет? *(Садится на ближайшую скамью.)*

Дэниелс. Ничего особенного. Под левым глазом одна-две капли.

Страппер. Твое счастье, что глаз не вышибли.

Бланко *(вытирая кровь)*. «Когда ж болит от муки грудь моя, тебя, мой ангел, я зову, тебя...» Ступай к ним, Страппер Кемп; расскажи, как у твоего старшего братца вор украл лошадку. Поди, мамаша тебе утрет слезы.

Страппер *(в бешенстве)*. Если ты еще будешь приставать ко мне с этой лошадью, Бланко Поснет, я тебя... я тебя...

Бланко. Лицо, что ли, мне исцарапаешь? Да, верно! Ведь братец-то у тебя шериф?

Страппер. Да, он шериф. И вешает конокрадов.

Бланко *(спокойно и убежденно)*. Плохой он шериф. Да, плохой. Если б он знал свое дело, он бы первым сам повесился. Паршивый у вас городишко. Ваши отцы явились

сюда по ложной тревоге — золото копать; а когда золота не оказалось, они тем только и спасаются, что вколачивают в своих щенков понятие о честном труде.

Страппер. Если б я не обещал Дэниелсу, что дам ему случай спасти твою душу, я бы сам своими руками свернул тебе шею и без комитета бдительности.

Бланко *(с бесконечным презрением)*. А ну тебя к черту с Дэниелсом вместе, и весь комитет туда же!

Страппер. А пока они тут и вполне могут повесить конокрада!

Бланко. Всякий дурак может повесить первого умника в стране. Да еще с каким удовольствием. Но меня вы не повесите.

Страппер. Неужели не повесим?

Бланко. Нет, не повесите. Я ушел из города нынче утром еще до зари, потому что это дрянной город, мне стало противно глядеть на такую мерзость на свете. И лошадь твоего брата тоже ушла, как и следовало всякой порядочной лошади. Вместо того чтобы искать лошадь, вы стали искать меня. Вот тут-то вы и промахнулись. Пускай твой брат и хозяин этой лошади — или тот человек, у кого он ее украл, — а мне он не хозяин. Ну что же, меня вы нашли, а лошадь так и не отыскали. Если б я ее украл, я бы ехал на ней верхом. Да за это время и след бы мой давно простыл, если бы я ехал на его лошади.

Страппер. Я тебе не верю: ты, должно быть, выехал двумя часами позже, чем говоришь.

Бланко. Кому до этого дело, веришь ты или нет? Неужели человека, который стоит шестерых таких, как ты, повесят только за то, что ты потерял лошадь своего братца и тебе хочется убить кого-нибудь со страху, что брат тебя поколотит? Не думаю. Пока не найдешь свидетеля, который видел меня с этой лошадью, не имеешь права меня трогать. И тебе это известно.

Страппер. Разве в законе так сказано, Дэниелс?

Дэниелс. Шериф знает законы. Наверное не скажу, но, конечно, со свидетелем будет благовиднее. Ступай найди кого-нибудь, Страппер, а меня оставь одного бороться за эту ослепленную грехом душу.

Страппер. Свидетеля я найду, будьте покойны. Я знаю, по какой дороге он ехал, буду спрашивать в каждом доме на милю кругом. Пошли, ребята!

Страппер и остальные уходят, Бланко и Дэниелс

остаются вдвоём. Бланко встаёт и подходит к Дэниелсу, глядя на него с крайним пренебрежением.

Бланко. Ну, братец? Ну, пьяница Поснет, иначе проповедник Дэниелс? Ну, вор? Ну, забулдыга?

Дэниелс. Напрасно стараешься, Бланко. Все равно никто не поверит, что мы братья.

Бланко. Не беспокойся. Думаешь, мне нужен такой брат? Думаешь, тут есть чем гордиться? Плохой ты брат, забулдыга Поснет. Когда я считал тебя за брата, ты только и делал, что брал у меня взаймы и пьянствовал на эти деньги. А теперь сам ссужаешь деньги и продаешь водку другим. Мне и прежде было за тебя стыдно, а теперь и того пуще. Не надо мне такого брата. Бог дал тебя мне, но я возвращаю ему этот дар без всякой благодарности. Так что не беспокойся: я буду молчать. *(Поворачивается к нему спиной и садится.)*

Дэниелс. Сказано, они тебе не поверят; так не все ли равно, будешь ты молчать или нет? Говори дело, Бланко; дурака валять тебе уже некогда. Пусть только вернется шериф – не пройдет и часа, как ты станешь просто мертвым телом. С чего это тебе взбрело в голову украсть лошадь?

Бланко. Я ее не крал. Я взял только свое – то, что ты мне должен. Я думал, это твоя лошадь. Глупо с моей стороны было думать, будто у тебя есть что-нибудь, кроме чужого добра. После смерти отца и матери ты забрал себе все, что у них было. Я тебя и не просил поделиться со мной. Не просил даже, чтобы ты отдал мне все те деньги, которые ты брал у меня взаймы. Я просил у тебя только старое ожерелье матушки с медальоном, в котором лежат ее волосы. Ты мне и этого не отдал; ты не дал мне ровно ничего. Вот за то, что ты мне отказал, я и взял у тебя лошадь: хотел тебя проучить.

Дэниелс. Почему же ты не взял ожерелье, если уж тебе надо было что-нибудь украсть? За это тебя не повесили бы.

Бланко. Пускай меня лучше повесят за кражу лошади, чем пожалеют за такую сентиментальную глупость.

Дэниелс. О Бланко, Бланко! Гордыня тебя погубила! Вот поступал бы, как я, и был бы сейчас свободным человеком, пользовался бы уважением, а не сидел бы тут с веревкой на шее.

Бланко *(оборачиваясь к нему)*. Поступал бы, как ты! Это

в каком же смысле? Пьянствовал бы по-твоему, что ли? Так я и до этого дошел, чертей вижу.

Дэниелс. Слишком поздно, Бланко, слишком поздно. *(С надрывом.)* Почему ты не пил так, как я? Пил бы, как я; по велению божьему, для собственной пользы, пока не пришло время бросить пьянство; в молодости пьянство спасло мое доброе имя. А ты не пил, оттого и нажил себе худую славу. Скажи сам, разве я пил во время работы?

Бланко. Нет, зато ты и не работал, пока у тебя водились деньги на выпивку.

Дэниелс. Вот в этом и видна мудрость провидения и милость божья. Господь являет себя многими путями, такими, о каких мы и понятия не имеем, когда противимся воле божьей и в слепоте своей хотим поступать по-своему. Когда дьявол искушает человека? Не тогда, когда человек работает или когда он пьян, а когда он ничем не занят и трезв. В природе человеческой напиваться, когда делать больше нечего. Взять хотя бы нас с тобой! Что мы делали, когда в кармане заводились деньги? Само собой, пьянствовали. Но только я знал свое место. Я делал, как другие: отдавал все деньги трактирщику и говорил: «Гони меня вон, как только я все пропью». Видел ты меня трезвым, пока у меня водились деньги?

Бланко. Не видал; а пьяным ты был до того мерзок, что я удивляюсь, как это не отучило меня от водки на всю жизнь.

Дэниелс. Вот это и есть гордыня, Бланко. Ты даже не подумал, что, когда я пьян, душа моя пребывает в невинности. Искушения, дурное общество, грешные мысли — все это пролетало мимо меня, как летний ветерок, если можно так выразиться. Бывало, до того напьюсь, что ничего этого не замечаю. А как истрачу все деньги, меня выгонят, бывало, и я выхожу из трактира чистым, как золото из огня, и мое доброе имя незапятнано; потом берусь за работу и уж работаю на совесть. Можешь ли ты сказать то же самое про себя, Бланко? Умел ты веселиться так, чтобы твое доброе имя оставалось незапятнанным? Нет, нет и нет. Тут и театры, и карты, и дурное общество, и чтение пустых романов, и женщины, Бланко,— женщины! — и предосудительный образ мыслей, и вечное недовольство. А кончилось тем, что ты стал игроком и гулякой и нынче вечером будешь болтаться на виселице. Ах, какой урок для одержимых гордыней! Какой урок!

Бланко *(бросает в него шляпой)*. Молчи, забулдыга! Перестань. Довольно. Будет. Заткнись! «И смерти грешника не ускоряй».

Дэниелс. Да, да, ты опять за свое, бормочешь какие-то безнравственные стишки. Но отрицать, что я говорю правду, ты не можешь. Как по-твоему, неужели я торговал бы спиртным, рискуя спасением души, если бы думал, что это грешно и вредно, как полагают вислоухие поборники трезвости, которые восстают против естественных наклонностей человека, заложенных в нем природой для его же добра? Да я бы лучше сидел не евши. Нет, я знаю, что делаю. Я тебе скажу, Бланко: американцы потому самый нравственный народ на свете, что они, когда не работают, бывают до того пьяны, что не слышат голоса искусителя.

Бланко. Не заблуждайся, братец. Ты торгуешь спиртным потому, что это выгоднее, чем торговать чаем. А пить ты бросил после приступа белой горячки в Эдвардстауне, когда доктор сказал тебе, что следующего приступа ты не перенесешь. Умереть боишься, вот и бросил!

Дэниелс *(с жаром)*. Благодарение богу, торговля спиртным — дело для меня прибыльное. Благодарение богу, белая горячка была мне послана свыше, в знак того, что пить мне уже довольно и господь требует, чтобы я ему послужил на ином пути!

Бланко. Берегись, пьяница! Господь с тобой еще не разделался. Он тебе еще покажет.

Дэниелс. Разве подобает так говорить о творце вселенной, великом и всемогущем господе нашем?

Бланко. И хитер же он! И ловок же! Он тебя стережет! Играет с тобой, как кошка с мышью. Выпустит тебя — ты и думаешь, что ушел от него; а потом, когда ты меньше всего ждешь, он тебя цап-царап!

Дэниелс. Будь осторожней в выражениях, Бланко, не кощунствуй!

Бланко *(вскакивает с места и подходит к нему)*. Не кощунствуй! Кто тебя научил ханжеству? Только не Библия. Там сказано, что он придет, яко тать в нощи,— как вор, как конокрад.

Дэниелс *(с негодованием)*. О!

Бланко *(не дает ему говорить)*. Да, да, и это сущая правда! Именно так он настиг меня и привел к виселице. Чтобы сбить с меня спесь, потому что я в нем не нуждался,— потому что я жил по-своему и знать не хотел никаких

господних «не делай того-то», да «не поступай так-то», да «если будешь делать то-то, попадешь в ад». Я раскланялся с богом и отлично обходился без него. Но он поймал меня в конце концов. Он одержал верх, поскольку меня повесят. *(Засовывает руки в карманы и угрюмо отходит подальше от Дэниелса к столу, где и садится лицом к скамье присяжных.)*

Дэниелс. Мой любезный, уж не бог ли виноват в том, что ты вор? Это дьявол соблазнил тебя украсть лошадь.

Бланко. Ничего подобного. Ни бог, ни дьявол меня не искушали: я сам ее украл. Он мне расставил ловушку похитрее. *(Вынимает руки из карманов и стискивает кулаки.)* Эх, подумать только, что я мог бы быть свободен и на этой самой лошади уехал бы уже миль за пятьдесят, а теперь сижу и дожидаюсь, пока меня повесят и нашпигуют свинцом! Что со мной сделалось? Почему я свалял такого дурака? Вот что я хотел бы знать. Вот в чем заковыка.

Дэниелс *(по другую сторону стола)*. Бланко, заковыка в другом: куда ты девал лошадь?

Бланко *(ударяя кулаком по столу)*. Пусть у меня отсохнет язык, если я это скажу тебе или кому другому! Пусть меня изжарят живьем, изрежут на куски, но Страппер Кемп ни слова от меня не добьется. Пускай меня повесят. Пускай расстреляют. Лишь бы мне самому знать, что я не трус, а настоящий мужчина, а там пусть делают, что хотят, — я на все готов.

Дэниелс. Не хорохорься, Бланко. Какой из этого толк? *(Коварно.)* Может, тебя и не повесят, если ты поможешь Страппперу разыскать лошадь.

Бланко. Как бы не так! Для них первое удовольствие — вешать, и такого случая они ни за что не упустят. Разве я сам в этих делах не участвовал, не орал, как последний мерзавец, когда вешали человека ничем не хуже меня, не сажал в него пулю за пулей, будучи уверен, что он этого стоит и что я служу правосудию наравне с другими почтенными гражданами? Ну что ж, теперь мой черед. Пускай те, кого я вешал и расстреливал, посмотрят теперь из ада, как другие будут вопить и стрелять в меня, когда я закачаюсь на виселице.

Дэниелс. Ну ладно! Если уж тебе не терпится быть повешенным — разве это резон, чтобы Страппер остался без лошади? Ведь я за это перед ним в ответе. *(Наклоняется к нему, уговаривая.)* Будь хорошим братом, Бланко, скажи мне, куда ты ее девал?

Бланко *(отрывисто, вставая и выходя из-за стола).* Не твое дело куда. У меня ее увели, довольно тебе и этого.

Дэниелс *(идет за ним).* Так почему же ты не хочешь назвать человека, который тебя надул?

Бланко. Потому, что он вас умней и проведет вас всех, как провел меня.

Дэниелс. Не беспокойся на этот счет, Бланко. Наших ребят и шерифа Кемпа ему не перехитрить, если ты их наведешь на след.

Бланко. Нет, он перехитрит, он умней. Это был не человек.

Дэниелс. Тогда кто же?

Бланко *(указывает на небо).* Он.

Дэниелс. О, как можно так кощунственно произносить его святое имя!

Бланко. Он меня надул. Он хотел свести старые счеты, потому и привел меня сюда. Он хотел меня обставить, и ничего ты с ним не поделаешь. Что ж, он оставил меня в дураках, но запугать меня не может. Просить у него милости я не буду. Я отобьюсь, если смогу. Я от всего отопрусь, если у них не будет свидетеля. Но не сдамся, ни за что не сдамся, хотя бы все ангелы небесные в белых ризах со слезами умоляли меня смириться и быть покорным и за это даровали мне жизнь.

Дэниелс. Ты не в своем уме, Бланко. Пойду скажу им, что ты рехнулся. Тогда тебя отпустят, я думаю! *(Идет к двери.)*

Бланко *(хватает его за руку, с ужасом).* Не уходи! Не оставляй меня одного, слышишь?

Дэниелс. Неужели совесть в тебе заговорила наконец и довела до того, что ты среди бела дня боишься остаться один, словно ребенок впотьмах?

Бланко. Я боюсь его, боюсь его хитростей. Когда ты со мной и будишь во мне дьявола, когда мне есть перед кем хвастаться и показывать свой задор, тогда еще ничего. Но с этого утра я совсем один и оттого упал духом. Именно когда остаешься один, он и берет над тобой верх. Как бы он опять не свел меня с ума. Как бы не подослал ко мне людей — не из плоти и крови, быть может. *(Весь дрожа.)* Клянусь богом, не верю, что эта женщина с ребенком была живая! Не верю. Я их не видел, пока не столкнулся с ними вплотную.

Дэниелс. Какая женщина, какой ребенок? О чем это ты? Хлебнул лишнего, что ли?

Бланко. Не твое дело. Оставайся со мной, вот и все, а не то

пошли ко мне кого-нибудь другого, еще хуже тебя, чтобы дьявол во мне не дремал. Страппер Кемп тоже годится. Или эти чертовы бабы, которые царапаются.

Страппер Кемп возвращается.

Дэниелс *(Страппер у)*. Он с ума сошел.

Страппер. Прикидывается, верно. *(Минуя Дэниелса, подходит к Бланко.)* Ничего не выйдет, мы и полоумных вешаем в лучшем виде.

Бланко. С тобой я в безопасности, Страппер. Ты едва ли не хуже всех.

Страппер. Сам знаешь, тебе крышка: все равно повесят, что за овцу, что за ягненка. А потому болтай, сколько влезет. Свидетельница у меня есть; только смотри держись от нее подальше, когда она явится и тебя опознает.

Бланко *(в ужасе)*. Женщина? Да разве она была? И ребенок тоже?

Дэниелс. Все бредит про какую-то женщину с ребенком. Говорят тебе, он рехнулся.

Страппер *(стоящим за дверью)*. Впустите свидетельницу.

Входит Фими Эванс. Это молодая женщина лет двадцати трех, двадцати четырех; держится развязно, лицо красивое, но помятое; грязное шелковое платье.

Дэниелс. Доброе утро, Фими.

Фими. Доброе утро. *(Подходит к Страппер у и развязно берет его под руку.)*

Страппер. Фими, ты видела его когда-нибудь?

Фими. Ну да, вот этот самый и ехал на твоей лошади нынче утром. Чего тут сомневаться.

Бланко *(резко и презрительно)*. Поди умойся сначала, шлюха!

Фими *(вся вспыхнув, высвобождает свою руку из-под руки Страппера)*. Для того чтобы тебя повесить, мне незачем умываться. *(Подходит к нему, грозно.)* Какой ты американец, если так оскорбляешь женщину!

Бланко. Женщину! О господи! Ты видела меня верхом?

Фими. Да, видела.

Бланко. Небось встала пораньше для этого?

Фими. Нет, я не ложилась: я засиделась допоздна на вечеринке.

Бланко. И что же, я ехал верхом?

Фими. Да, ехал. И не ври лучше, не отпирайся.

Бланко *(Страппер у)*. Она видела меня на лошади, а сама небось человека от лошади не могла отличить спьяну...

Фими *(прерывая его)*. Врешь! Не была я пьяна... то есть была, да все же не так.

Бланко *(не обращая на нее внимания)*. ...а ты нашел человека без лошади. Разве это одно и то же: человек на лошади и человек пешком? Эх ты! Забирай свою свидетельницу. Кто ей поверит? Выбрось ее на свалку. Придется тебе сначала отыскать лошадь, а потом уж меня вешать. *(Презрительно отворачивается от Фими и садится за стол спиной к скамье присяжных.)*

Фими *(идет за ним)*. Я добьюсь, что тебя повесят, конокрад паршивый, а иначе я ни с одним мужчиной в поселке разговаривать не стану. Ты просто дрянь, вот ты что такое! Белая дрянь!

Бланко. А ты, милая моя? Что ты такое? Ты для поселка опасней десяти конокрадов.

Фими. Мистер Кемп! Что же вы стоите и слушаете, как меня тут оскорбляют, смешивают с грязью? *(Обращаясь к Бланко, злобно.)* Погляжу, как тебя вздернут и как снимут с виселицы! Увижу тебя и с веревкой на шее и мертвым, хоть я и опасна для поселка.

Бланко смеется.

И напрасно ты насмехаешься. Струсишь небось, как ребята за тебя примутся!

Бланко. Фими, ты моя опора. Оставайся со мной до конца, хочешь? Держи меня за руку, и я умру без страха. *(Протягивает к ней руку; она злобно замахивается, но Бланко со смехом отдергивает руку.)*

Фими. Ах ты!..

Дэниелс. Не обращай на него внимания, Фими: он нынче не в своем уме.

Фими выслушивает это сообщение недоверчиво и презрительно, потом садится на ступеньку, ведущую к месту шерифа. Входит шериф Кемп, плотный мужчина с большими плоскими ушами и бычьей шеей.

Доброе утро, шериф.

Шериф. Доброе утро, Дэниелс. *(Проходит мимо.)* Здравствуй, Страппер. *(Проходит мимо.)* Доброе утро, мисс Эванс. *(Останавливается между Страппером и Бланко.)* Это и есть обвиняемый?

Бланко *(вставая)*. Он самый. Здравствуйте, шериф.

Шериф. Здравствуйте. Вам, я думаю, известно, что если вы украли лошадь и суд найдет вас виновным, то вам уже

некогда будет устраивать ваши дела. А потому, если вы считаете себя виновным, вам лучше уладить их сейчас.

Бланко. К черту дела! У меня никаких дел нет.

Шериф. Ну, а примирились вы с богом? Проповедник беседовал с вами?

Бланко. Беседовал. И по-моему, это противозаконно. Это пытка, а не беседа.

Дэниелс. Он невменяем. Он не в своем уме, шериф. В таком состоянии он не может предстать перед своим творцом.

Шериф. Вы человек жалостливый, Дэниелс, но ребята вряд ли с вами согласятся. *(Обращаясь к Бланко.)* Раз уж вам не миновать виселицы, так для вас же лучше заблаговременно примириться с богом. А для нас это совершенно все равно, сами понимаете.

Бланко. Дай мне, боже, остаться грешником до самой смерти! Вот я и помолился. Теперь я готов. Не то чтобы я был виновен, напротив; но это уж такой дрянной городишко – наверняка ошибутся и засудят.

Шериф. Вас и не просят здесь задерживаться. *(Страпперу.)* Свидетель у тебя на месте, Страппер?

Страппер. Да, все готово.

Бланко. Кроме лошади.

Шериф. Как это так? Разве лошадь не нашли?

Страппер. Нет. Он, должно быть, продал ее прежде, чем мы его поймали. Но Фими видела его верхом на лошади.

Фими. Да, видела.

Страппер. Позвать сюда ребят?

Бланко. Одну минуту, шериф. Приличная внешность – первое дело в таком подозрительном месте. *(Вынимает гребешок и зеркальце, отходит к помосту и причесывается.)*

Дэниелс. Подумай о своей бессмертной душе, несчастный, а не о глупом своем лице.

Бланко. Над душой своей я не властен: скорей уж она возьмет надо мной верх. Фими, я что-то бледен. Дай, милая, потереться щекой о твою щеку.

Фими. Врешь, я не крашусь, румянец у меня природный, такой, как есть. А вот тебя распишут как следует: повесят, а потом расстреляют.

Бланко. Вот злюка, шериф, не правда ли?

Шериф. Только время теряем с вами. *(Страпперу.)* Поди взгляни, все ли там готовы. У кого не хватало патронов, те пошли в лавку покупать. Пускай позабавятся, не все ли равно; а ему меньше мучиться.

Страппер. Молодой Джек притащил целый ящик патронов. Все готовы.

Шериф *(взойдя на помост и обращаясь к Бланко)*. Ваше место за решеткой. Займите его!

Бланко насмешливо кланяется и идет к решетке.

Мисс Эванс, вам лучше сесть за стол.

Фими садится за стол, ближе к помосту, Дэниелс напротив нее. Шериф занимает свое место.

Все готово, Страппер.

Страппер *(у дверей)*. Идите в зал, суд начинается.

Толпа заполняет помещение. Бэбси, Джесси и Эмма садятся справа от шерифа. Ханна и Лотти — слева.

Шериф. Тише там! Прошу присяжных занять свои места.

Присяжные садятся.

Бланко. Шериф, я заявляю отвод присяжным.

Старшина присяжных. Вот как, черт возьми?

Шериф. На каком основании?

Бланко. На том основании, что состав никуда не годится.

Смех.

Шериф. Это не есть законное основание для отвода.

Старшина присяжных. Зато, если его оправдают, для меня это законное основание застрелить его на месте, как только он мне попадется на глаза.

Бланко. Отвожу старшину присяжных, потому что он и теперь уже против меня.

Старшина присяжных. А я говорю, врешь! Мы намерены тебя повесить, Бланко Поснет, но только ты будешь повешен как следует, по закону.

Присяжные. Правильно, правильно!

Страппер *(шерифу)*. Джордж, это чепуха. Откуда же взять других присяжных, когда преступник заявляет, что весь состав не годится? Если они против него, пускай сам себя благодарит за это.

В толпе. Это верно. Сам же и виноват. Неуважение к суду! К черту отвод! Заткните ему глотку.

Нестор *(старик присяжный с длинной белой бородой, пьяный; по возрасту старше всех в зале)*. Кроме того, шериф, я бы сказал так, что всякий, кто не против конокрадов, не годится быть присяжным в нашем городе.

В т о л п е. Правильно! Молодец, Нестор! Что правда то правда. Конечно, не годится. Правильно!

Ш е р и ф. Старик прав, разумеется. Но все же вы должны судить по возможности беспристрастно. Подсудимый, каков бы он ни был, имеет право ожидать справедливого суда. Так что приступим к разбирательству. Если ему не нравится состав присяжных, надо было украсть лошадь в другом городе; а здесь других присяжных не будет.

С т а р ш и н а п р и с я ж н ы х. Слышишь, Бланко Поснет?

Ш е р и ф *(обращаясь к Бланко)*. Не беспокойтесь. И здесь суд будет справедливый. Может быть, и строгий, но справедливый.

Б л а н к о. Что такое справедливость?

Ш е р и ф. Справедливость – это когда вешают конокрадов. Так что теперь вы знаете. Ну, довольно тратить время попусту. Давай своего свидетеля, да поскорей, что ли!

Б л а н к о *(в негодовании ударяет кулаком о решетку)*. А присяга? Какой же вы к черту судья, когда не знаете, что присяжных надо привести к присяге?

С т а р ш и н а п р и с я ж н ы х *(задетый за живое)*. Это ради тебя присягать? Еще чего! Ты что скажешь, старик?

Н е с т о р *(обдуманно и торжественно)*. Я скажу: виновен!!

Т о л п а *(с ревом бросается к Бланко)*. Так его! Виновен, виновен! Выведите его вон и повесьте! Его осудили! Давайте сюда веревку! Вздернем его!

Хватают его и тащат со скамьи.

Ш е р и ф *(встает с револьвером в руке)*. Руки прочь от подсудимого! Руки прочь, тебе говорят, Кривой, не то уложу на месте, не пожалею, будь ты мне хоть родной сын.

Мертвая тишина.

Я здесь шериф, мое дело указывать, когда его следует повесить по закону.

Бланко отпускают.

Б л а н к о. Как говорил актер в пьесе: «И пришел Даниил на судилище». Да и актер-то был неважный.

Ш е р и ф. Дэниелс пришел на судилище, это верно, любезный. Дэниелс, слово принадлежит вам.

Дэниелс встает.

Что вы знаете об этом деле? Говорите правду, всю правду, и одну только правду, да поможет вам бог.

Д э н и е л с. Шериф, освободите меня от показаний. Мне не

подобает осуждать этого человека. Мы с ним в некотором роде братья.

Шериф. Это делает вам честь, Дэниелс; всякий с этим согласится. Но одно дело религия, а другое дело закон. По вере — все мы братья. По закону — мы отрекаемся от брата, если он украл лошадь.

Старшина присяжных. Кроме того, ведь ты не сам будешь его вешать. И без тебя найдется много охотников. Так что не стесняйся, друг.

Страппер. Вы отвечаете мне за лошадь, Дэниелс, и пока еще не оправдались, не забудьте этого.

Бланко. Ну говори же, дурак!

Дэниелс. Бланко, ты бы мог подтвердить мои показания. Все знают, что я взял лошадь у Страппера, потому что моя захромала. Все знают, что ты приехал в город вчера и ночевал у меня в доме. Все знают, что утром и лошадь пропала и тебя не могли найти.

Бланко *(тоном адвоката)*. Шериф, хотя вам и всем присутствующим известно, что Дэниелс мне не брат и самый закоренелый враль в этом городе, он первый раз в жизни сказал правду, поскольку это касается меня. Насчет лошади ничего не могу сказать, кроме того, что такой негодной клячи вам еще никому не приходилось продавать.

Шериф. Откуда вам известно, что это была за кляча, раз вы ее не крали?

Бланко. Мне лично это неизвестно. Я только заключаю, что лошадь, должно быть, не стоила своего корма, если вы ее отдали Страппперу, а он ссудил ее этому почтенному и красноречивому ослу.

Сдержанный смех.

А теперь я у него вот что спрошу: была у нас с тобой ссора вчера вечером или нет из-за одной вещи, которая осталась после матери и на которую я имею больше прав, чем ты? И сказал ли ты мне хоть слово, что это не твоя лошадь?

Дэниелс. Почему я должен был говорить? Насчет лошади и разговора не было. Откуда мне было знать, что ты задумал.

Бланко. Призываю всех в свидетели, что я, не будучи вором, имел право взять у него лошадь вместо той вещи, в которой он мне отказал. Я не вор. Но вы еще не доказали, что я украл лошадь. Страппер Кемп, была у меня лошадь, когда ты меня поймал?

Страппер. Не было; так ведь не на поезде же ты ехал? Зато Фими Эванс видела тебя верхом на лошади в четыре утра, за двадцать пять миль от того места, где я тебя поймал в семь, на дороге к Пони Харбор. Что же ты, пешком прошел двадцать пять миль за три часа? Верно, Фими?

Фими. Верно. Я его видела в четыре. *(Бланко.)* Теперь тебе конец.

Шериф. Вы говорите, что видели его верхом на моей лошади?

Фими. Да, видела.

Бланко. Так я, должно быть, съел ее, прежде чем Страппер нагнал меня? (*Неожиданно, трагическим тоном.*) Шериф, я обвиняю Фими в непозволительной связи со Страппером.

Фими. Ах ты лжец!

Бланко. Я обвиняю прекрасную Евфимию в предосудительных отношениях со всеми мужчинами в нашем городе, включая и вас, шериф. Я утверждаю, что Фими и Страппер сговорились покончить со мной за то, что я до Фими и щипцами не соглашусь дотронуться. Вы не смеете повесить белого человека по одному слову распутной женщины. Я отстаиваю честь и достоинство американского гражданина. Вы не приводили эту женщину к присяге и не посмеете привести, если дорожите честью города, потому что ее уста осквернят Библию своим прикосновением. Таков закон. И если вы истинный шериф Соединенных Штатов, а не гнусный линчеватель, вы будете на страже закона и не позволите любовнице вашего брата втоптать закон в грязь.

Сильное волнение среди женщин. Мужчины в большом замешательстве.

Джесси. Это верно. Нельзя позволять, чтоб она целовала Библию.

Эмма. Разве такая, как она, скажет правду?

Бэбси. Ей верить! Да это оскорбление каждой порядочной женщине.

Фими. Легко быть порядочной, когда никто даже и не покушался на твою добродетель.

Женщины *(кричат все вместе)*. Замолчи, дрянь! Ты нас позоришь! Как ты смеешь чернить тех, кто лучше тебя? Знай свое место и не распускай язык! Размалеванная шлюха! Выгнать ее плетью вон из города!

Шериф. Молчать! Слыщите: молчать!

Крик прекращается.

Видел еще кто-нибудь обвиняемого на лошади?

Фими *(в ярости)*. А я разве не гожусь в свидетели?

Бэбси. Нет, ты мразь! Вот ты что такое.

Фими. А ты...

Шериф. Тише! Суд — это мужское дело, а если женщины настолько забылись, пускай выйдут, или их выведут силой. Страппер и мисс Эванс, надо что-нибудь одно из двух. Как говорится, можно избрать путь праведника или путь грешника, а идти обоими путями сразу никак нельзя. Кроме того, мужчины в нашем городе пришли к убеждению, что пора провести границу между верными женами, матерями семейств, и теми, кто, как говорится в писании, избрал торную дорогу. Мы не хотим обижать женщину, какая бы она ни была; и многие из нас по старой памяти готовы оказать всякое уважение мисс Эванс. Однако нельзя умолчать о том, что у нее имеются свои причины угождать Страппперу и что она — пусть мисс Эванс извинит меня — не особенно разборчива, когда хочет ему угодить. И потому я прошу, чтобы обвиняемый не заставлял нас приводить мисс Эванс к присяге. Прошу его сказать прямо и честно, как человека, которому осталось жить всего несколько минут, куда он девал мою лошадь?

Толпа. Слушайте, слушайте! Вот это правильно. Вот это честно. Давно бы так. Ну, Бланко, сознавайся!

Бланко. Шериф, вы меня убедили. Наш мир прогнил насквозь, но даже и у самого последнего из нас есть нечто святое — это лошадь.

Толпа. Отлично! Хорошо сказано, Бланко! Вот это по чести.

Бланко. Вы имеете право на вашу лошадь, шериф, и я вам ее с радостью вернул бы. Но если б у меня была лошадь, только бы меня и видели. Клянусь надеждой на вечное спасение, шериф, — или, скорее, надеждой на вечные муки, потому что не люблю водиться со святошами и на арфе играть не умею, — я не больше вашего знаю о том, где эта лошадь находится.

Шериф. Кому же вы ее продали?

Бланко. Я ее никому не продавал. Никакой корысти мне от нее не было. Видите, стою здесь с веревкой на шее именно потому, что лошади у меня не было. Разве я отбивался, как вор, или бросился бежать, как вор, когда меня

поймали? И разве нашли у меня лошадь или хоть какие-нибудь улики?

Страппер. Ты уставился на радугу, как последний идиот, когда надо было не терять разума и глядеть в оба; мы к тебе подкрались и связали тебя, прежде чем ты успел выстрелить.

Шериф. Что за чепуха? Для чего вы смотрели на радугу?

Бланко. Вам я скажу, шериф. Я хотел разобрать, что на радуге написано.

Шериф. То есть как написано?

Бланко. Да, вот такие слова: «На этот раз я тебя поймал, Бланко Поснет». Да, шериф, эти самые слова стояли на красном зелеными буквами. И как только я их увидел, Страппер схватил меня за плечо, а Кривой отнял мой револьвер.

Старшина присяжных. Прикидывается сумасшедшим, дело ясное. Не пора ли вынести приговор, шериф, да и позабавимся немножко.

Толпа. Да, выносите приговор! Целый день возимся. Нельзя ли поскорей!

Шериф *(приняв решение)*. Приведите к присяге Фими Эванс, Дэниелс. Библию целовать ей не нужно, пусть только повторит слова присяги.

Фими. И похуже меня целовали Библию. Если я что и сделала плохого, так вместе с вами. Надо же мне чем-нибудь жить, как и вам всем. Ну да все равно! Правда она и есть правда, а ложь она и есть ложь, — хоть клянись на Библии, хоть нет.

Бэбси. Делай, что тебе велят. Кто ты такая, чтобы разговоры разговаривать?

Шериф. Тише, говорят вам! Начинайте, Дэниелс.

Дэниелс. Фими Эванс, клянетесь ли вы говорить правду, всю правду, и ничего кроме правды, да поможет вам бог?

Фими. Клянусь, да поможет мне...

Шериф. Этого довольно. Теперь, по долгу присяги, скажите, видели вы обвиняемого на моей лошади по дороге к Пони Харбор?

Фими. По долгу присяги...

Шум и толкотня у дверей.

Толпа. Ну-ну, тише! Куда лезешь? Что случилось? Порядок в зале суда! Вытолкайте его за дверь. Тише! Сюда нельзя! Осади назад!

Страппер бежит к дверям и пробивается наружу.

Шериф *(строго)*. Что за шум? Нельзя ли потише? Тут вам не пивная, а зал суда.

Бланко. Не мешайте даме повесить джентльмена. Ведите себя прилично.

Фими. Я повешу тебя, Бланко Поснет. Повешу! Я видела тебя нынче утром и даже за пятьдесят долларов не отрекусь от своих слов. Я тебя научу быть со мной повежливей в следующий раз, хоть я и недостойна целовать Библию.

Бланко. Господи, дай мне остаться грешником до самой смерти! Фими, когда ты обливаешь меня грязью, я на все согласен.

Снова шум у дверей.

Толпа. Эй, что это такое? Гоните их вон! Только не меня. А ты кто такой, чтобы я тебе дорогу давал? Да брось ты! Ей сюда все равно нельзя. Какая женщина? Какая лошадь? Ну для чего так толкаться? Кто говорит? Да не может быть!

Шериф. Джентльмены из комитета бдительности! Наведите порядок. Гоните их от дверей именем закона.

Страппер *(за дверями)*. Погоди, Джордж. *(В дверях.)* Там привели лошадь.

Страппер входит с фургонщиком Джо, пожилым человеком, который проталкивается через весь зал к помосту; Страппер пробивается к шерифу и шепчет ему на ухо.

Толпа. Что? Не может быть! Лошадь привели! Лошадь шерифа? Кто ж тогда ее украл? Где? Убирайтесь вон! Да, это она, верно. Я же тебе говорил. Это она и есть. Чепуха! Поди сам посмотри. Вот ей-богу!

Шериф *(Страппперу)*. Быть не может!

Страппер. Она здесь, я тебе говорю.

Фургонщик Джо. Здесь она, шериф, это верно.

Страппер. И вора тоже поймали.

Дэниелс. Значит, это не Бланко?

Страппер. Нет, это женщина.

Бланко, охнув, закрывает глаза руками.

Все присутствующие. Женщина!

Шериф. Что же, приведи ее сюда.

Страппер выходит.

(Обращается к Фими.) Так для чего же, ты, шлюха, выдумала эту историю про Бланко?

Фимми. Ничего я не выдумывала. Все это подстроено, вот увидите.

Страппер возвращается вместе с женщиной. Во всем ее облике выражается такое глубокое горе, что это заставляет толпу притихнуть; все стараются разглядеть женщину, привстав на цыпочки и вытянув шею. Страппер ведет ее к столу. Дэниелс сторонится, уступая ей место.

Бланко *(в ужасе)*. Шериф, вам только кажется, что это женщина. Берегитесь! Она вас заставит делать такое, чего вы вовсе не хотели. Это женщина с радуги. Это она меня довела до виселицы.

Шериф. Замолчите вы или нет? У вас белая горячка. *(Женщине.)* Ну, теперь вы! Кто вы такая? И как к вам попала чужая лошадь?

Женщина. Я взяла ее, чтобы спасти жизнь моему ребенку. Я думала, что на лошади скорей попаду к доктору. Ребенок задыхался от крупа.

Бланко *(у него перехватывает дыхание, но он делает вид, что смеется)*. Маленький обманщик — нет ему другого имени! Разве так задыхаются? Погодите, вот увидите, как буду задыхаться я! *(Судорожно хватается за шею.)*

Шериф. Где этот ребенок?

Страппер. У Джексона в сарае, на верстаке. Он для него делает гроб.

Бланко *(вне себя, сдавленным голосом)*. Умер! Маленький Иуда! Ребенок, за которого я отдал жизнь! *(Истерически хохочет.)*

Шериф *(выведенный из терпения его смехом)*. Перестаньте сейчас же, слышите! Заткните ему рот платком, если он не замолчит. *(Женщине.)* Не обращайте на него внимания, сударыня, он рехнулся от пьянства и разгула. Я думаю, тут нет обмана, Страппер? Кто ее нашел?

Фургонщик Джо. Я, шериф. Обмана тут никакого нету. Я нашел ее на дороге возле Красной Горы. Она сидела на земле с мертвым ребенком на руках, будто помешалась. А лошадь паслась по другую сторону дороги.

Шериф *(озадаченно)*. Что-то уж очень странно. *(Женщине.)* Для чего вам понадобилось брать лошадь из конюшни Дэниелса и ехать за доктором? Доктор живет в соседнем доме.

Бланко *(приглаживая растрепанный рыжий хохол, старается говорить иронически весело)*. Ангел мой, этой сказке

никто не поверит. Вы получили лошадь от человека, который ее украл. Он отдал ее вам, потому что был кисляй и расчувствовался, когда вы ему подсунули больного младенца. Ну что ж, значит, я выхожу оправданным вчистую. На меня это не похоже, я не из таких. Чего ради я полез бы в петлю из-за чужого ребенка!

Старшина присяжных. Не подсказывай ей, что говорить. Она сама призналась, что взяла лошадь.

Женщина. Да, я взяла ее у человека, который мне повстречался. Я думала, сам бог послал его мне. Я ехала и все время радовалась этой мысли. Потом я заметила, что ребенок у меня на руках стал тяжелым, как свинец. Бог не послал бы нам лошадь, если хотел причинить мне такое горе: он не может быть таким жестоким.

Бланко. От бога только того и жди!

Страппер. Нас это не касается. Вот этот самый человек, правильно? *(Указывает на Бланко.)*

Женщина *(со страхом глядит на Бланко, потом на шерифа и присяжных, потом, собравшись с силами, отвечает)*. Нет.

Старшина. Врешь!

Шериф. Вы должны говорить нам правду. Таков закон, вы же знаете.

Женщина. Тот был недобрый человек с виду. Он проклинал меня, проклинал ребенка... прости ему, господи! Но вдруг что-то нашло на него. С горя я не знала, что делать... положила ребенка ему на руки, а мальчик уцепился ему за шею, называл его папой, целовал его — в бреду был. А тот говорил, что это маленький Иуда, и поцелуй этот предательский, и теперь его повесят... а потом отдал мне лошадь и ушел, а сам и смеется, и плачет, и поет, как молитву, самые скверные, самые страшные слова, будто семь чертей в нем сидят.

Страппер. Она врет! Приведи ее к присяге, Джордж.

Шериф. Потише, Страппер. Ты бойкий парень, но пока еще не шериф. Пока что я занимаю эту должность. А ты погоди. Я согласен, что положение у нас затруднительное. Если это был Бланко, свидетельница не может его выдать, как порядочная женщина; нельзя ее ставить в такое положение: либо выдать Бланко, либо совершить лжесвидетельство. С другой стороны, мы не можем допустить, чтобы конокрада избавила от петли женская совестливость.

Старшина присяжных. Нет, не можем, и мы этого не

допустим. Не будет этого, пока я здесь старшина при сяжных.

Бланко *(крайне выразительно)*. Плох старшина! Старшина совсем никуда не годится!

Шериф. Да замолчите ли вы! Провидение указывает нам выход. Две женщины видели Бланко с лошадью. Одной совесть не позволяет его выдать. А другая пусть меня извинит, но совесть не принадлежит к числу ее добродетелей. Она может дать нужное показание. Фими Эванс, вы приняли присягу. Вы видели человека, который украл лошадь?

Фими. Да, видела. И это был мерзкий ругатель и пьяница, бессовестный, лживый пес, которому куда легче обидеть женщину, чем помочь ей. А если он кому и сделал добро, так спьяну — сам не зная, что делает. Так что самое лучшее повесить его. Она же сказала, что он проклял ее и ушел, богохульствуя и распевая такое, что ребенку и слушать не годится.

Бланко *(смущенно)*. У меня и в мыслях не было, что ребенок услышит, ядовитая ты ведьма!

Шериф. Все это нас совершенно не касается. Вы должны ответить на вопрос: был это Бланко Поснет или нет?

Женщина. Нет. Я же говорю — нет. Клянусь в этом! Шериф, не вешайте его, ради бога! Лучше повесьте меня, если вам надо; мне теперь не для чего жить. Вы должны верить мне, а не ей. У нее никогда детей не было, это по лицу видно.

Фими *(задетая за живое)*. Я все равно его повешу, хочешь ты или нет. Много пользы тебе от твоего ребенка, когда он лежит теперь у Джексона на верстаке!

Бланко *(бросаясь к ней, кричит)*. За такие слова мало сердце у тебя вырвать! *(Его удерживают силой, не давая подойти к Фими.)*

Фими *(издевается, глядя, как он рвется к ней)*. Ха-ха, Бланко Поснет! Ты меня пальцем не тронешь, а вот я тебя повешу! Ха-ха! Я тебя доконаю. Вырву у тебя сердце и сверну тебе шею.

Бланко оттаскивают назад, и он прислоняется к скамье подсудимых, задыхаясь, выбившись из сил.

Приведите меня снова к присяге, мистер Дэниелс. Я с ним покончу. А ты *(женщине)* убирайся подальше, чтобы твоя постная рожа не торчала передо мною!

Страппер. Вы только повернитесь к ней спиной, хорошо?

Женщина. Бог свидетель, я не хочу видеть, как она совершает убийство! *(Закутывает голову шалью.)*

Шериф. Ну, мисс Эванс, нельзя ли покороче. Тот человек, которого вы видели нынче утром, был обвиняемый или кто-нибудь другой?

Фими *(истерически)*. Я и так вас не задержу. Вы не думайте, что я размазня какая-нибудь.

Шериф (*теряя терпение*). Ну вот что, довольно с нас! Говорите правду, Фими Эванс, и чтобы я больше не слышал от вас дерзостей. Был это обвиняемый или кто-нибудь другой? По долгу присяги.

Фими. По долгу присяги — вот вам чистая правда... *(Колеблется.)* Ох, господи! Ребенок обнимал его за шею! Я не могу... *(Разражаясь слезами, бранит другую женщину.)* А все это ты, твое плаксивое лицо сбило меня с толку. *(Набравшись храбрости.)* Нет, это был не он. Я только со злости так сказала, потому что он меня обидел. Помереть мне сию минуту, если я видела его на лошади.

По залу проносится долгий вздох. Мертвая тишина.

Бланко *(шепчет ей)*. Тряпка! Плакса! Попалась так же, как я. Делаешь то, чего никогда не собиралась делать. *(Берет шляпу и говорит своим обычным тоном.)* Я думаю, мне можно теперь уйти, шериф?

Страппер. Сюда, держи его!

Старшина присяжных. Нет, нельзя, насколько нам известно.

Толпа *(преграждая ему дорогу к дверям)*. Стой, где стоишь! Погоди немного, погоди! Напрасно ты так торопишься. Не пускайте его. Не очень-то!

Бланко стоит неподвижно, устремив глаза в одну точку и глубоко задумавшись, по-видимому глухой ко всему, что творится вокруг.

Шериф *(торжественно вставая)*. Тише там! Погодите! Я считаю: если шериф доволен и владелец лошади тоже доволен, то и разговаривать больше не о чем. Мне и прежде не раз приходилось замечать, что суд у нас тем нехорош, что в нем слишком много шерифов. Нынче здесь будет только один шериф, один-единственный, и этот один — ваш покорный слуга. Довожу это до сведения старшины присяжных, а также до сведения молодого Страппера. Я также и владелец лошади. Кто-нибудь с этим не согласен?

Молчание.

Что ж, очень хорошо. По моему мнению, забрать чужую лошадь и отправить ее за доктором для умирающего ребенка — не значит украсть; при условии, что лошадь возвращена хозяину в целости и сохранности, как в данном случае. Выношу постановление, что кражи не было.

Нестор. Это не по закону.

Шериф. Взыскиваю с вас доллар за неуважение к суду и лично получу с вас штраф при выходе из зала. А так как все остальные лишены своего привычного развлечения, я дозволяю им позабавиться — стать у входа и собирать пожертвования в пользу несчастной матери умершего ребенка, который разоблачил Бланко Поснета.

Толпа. Сбор! Вот это да! Какое же это развлечение? Разве тут митинг матерей? Чтоб мне лопнуть! Что ж тут веселого?

Шериф *(продолжает)*. Веселье, друзья мои, заключается не столько в том, чтобы жертвовать самим, сколько в том, чтобы видеть, как раскошеливаются другие. Таким образом, каждый содействует увеселению всех вообще и все содействуют его личному увеселению. Бланко Поснет, вы освобождаетесь и поступаете под защиту комитета бдительности — на некоторое время, пока вас не проводят за пределы нашего города: здесь климат для вас вреден. Так как вы спешите, я могу продать вам лошадь по сходной цене. Ну, ребята, не выпускайте никого, пока я не доберусь до дверей. Заседание суда закрывается. *(Уходит.)*

Страппер *(Фими, направляясь к выходу)*. Я с тобой покончил. Слышишь, что ли? Я с тобой покончил. *(Выходит, нахмурившись.)*

Фими *(кричит ему вслед)*. Очень мне нужен такой сопляк, да еще и скряга! Ступай к своей веснушчатой жерди, которую бросил ради меня; ты давно по ней скучаешь!

Старшина присяжных *(Бланко, мимоходом)*. Тошно смотреть на такого человека, как ты, просто тошно!

Бланко не подает и вида, что слышал. Старшина с отвращением плюет и выходит вслед за Страппером. Присяжные встают и уходят, кроме Нестора, который засыпает тяжелым сном пьяницы.

Бланко *(вдруг срывается с места и вскакивает на стол)*. Ребята, я вам прочту проповедь о смысле сегодняшнего заседания.

Оставшиеся *(столпившись вокруг него)*. Да, пускай прочтет проповедь! Начинай, Бланко! Тише, слушайте

проповедника Бланко! Настройте орган. Помолимся, братья!

Нестор *(пробуждаясь от сна, бормочет)*. Больше и не показывайся в нашем городе. Я тебя знать не хочу.

Бланко *(указывая на Нестора, непреклонно)*. Пьяный в церкви. Мешает проповеднику. Выведите его.

Остальные *(подталкивая Нестора)*. Ну, Нестор, ступай вон! Прочь отсюда, Нестор! Уходи! Да приготовь пожертвование для шерифа. Ну же, ступай, Нестор!

Нестор. Боится виселицы! Боится виселицы! *(В дверях.)* Трус!

Его выбрасывают за дверь.

Бланко. Мир вам, возлюбленные братья!..

Голос. И тебе того же, Бланко!

Смех.

Бланко. И всем вообще. Ребята, эта жизнь ни к черту не годится.

Другой голос. Господи, помилуй нас, несчастных грешников!

Смех усиливается.

Бланко *(убежденно)*. Нет, вот тут-то вы и ошиблись. Не льстите себе, что вы несчастные грешники. Разве я несчастный грешник? Нет, я неудачник, никчемный человек. Я пошел по дурной дороге, как и все вы. Вы тоже пошли по дурной дороге, иначе не стали бы жить в этом поселке; он вскочил на земле, как прыщ, разметался, как сыпь, воняет больницей и называется городом. Я выбрал торный путь, потому что считал себя человеком, а не слезливым ханжой, подставляющим другую щеку, не ангелом-недоучкой, проходящим практику в этой юдоли слез. По воскресеньям нам говорили о христианской религии, а когда имели в виду дело, так учили на удар отвечать ударом и наживать доллары. Когда мне толковали о любви к ближнему, я слушать не хотел и плевался. Но когда меня учили жить так, чтобы я всегда мог смотреть людям прямо в глаза и посылать их к черту, мне это нравилось.

Остальные. Правильно! Очень хорошо, Бланко, старина! Да ты молодец! А ведь верно, в этом есть смысл. Ого!

Бланко. Да, но что из этого вышло? Разве я настоящий зло-

дей — человек, которому море по колено? Человек, который сталкивает с дороги всех, кто мешает ему наживаться? Или плакса, который позволяет женщине взять лошадь — единственное, что могло спасти ему жизнь, а потом садится на траву, любуется радугой и позволяет Страпперу поймать его в ловушку, словно зайца? Страпперу Кемпу, мальчишке, которому и я, и любой мужчина здесь мог бы переломить хребет одним ударом! Я такая же дрянь и неудачник, как ваш проповедник. И вы все не лучше меня, не то вы меня линчевали бы.

Голос. Мы к твоим услугам, Бланко.

Другой голос. Если тебе так уж хочется, мы еще успеем тебя повесить.

Бланко. Нет, не успеете, бес уже вышел из вас. Все мы ни то ни се. Нет среди нас ни одного, кто был бы по-настоящему хорош или по-настоящему плох.

Дэниелс. Есть один, кто выше нас, Бланко.

Бланко. Что ты о нем знаешь? А ведь разговариваешь так, будто бог ничего не делает, не спросившись наперед у тебя! Зачем умер этот ребенок? Скажи мне, если знаешь. Не хотел же бог смерти ребенку? Зачем он заставил меня пожалеть ребенка, если сам не жалел его? Зачем он не пожалел невинного младенца и помиловал такого негодяя, как я? Почему я и сам смягчился? Почему смягчилось сердце шерифа? Почему смягчилось сердце Фими? Чья другая игра спутала нашу игру? Потому что, мне кажется, будто игра велась двойная. Наша игра — мерзость, она заставила меня почувствовать, что и сам я мерзость и вы все мне противны до омерзения. Другая игра, может быть, и глупость, но не мерзость. Когда шериф вел эту игру, он перестал быть мерзавцем. Когда Фими вела ее, почти вся краска сошла с ее лица. Когда я вел ее, я ругал себя дураком, но чувство омерзения у меня прошло.

Дэниелс. Это душа твоя услышала глас божий, Бланко.

Бланко. Ну как же, тебе ведь про бога все известно. Ты у него доверенное лицо. Бог ни за что на свете не сделает такого, что тебе может не понравиться, — не так ли, милейший забулдыга? Да, а как же круп? Я полагаю, бог создал круп в первые дни творения, — в то время он не мог придумать ничего лучше; но когда круп в его руках стал злом, он создал нас для борьбы с этим злом. Не напрасно же он нас создал? Если бы без нас можно было обойтись, он бы и не подумал нас создавать. Для этого

мы, должно быть, и понадобились, право! Не для того же он нас создал, чтобы на свете были мерзкие гуляки и пьяницы вроде меня и беспутные шлюхи вроде Фими. Он создал меня, потому что у него нашлось для меня дело. Он дал мне гулять на свободе, пока не настало время, и тогда я пошел и сделал, что надо, не размышляя, повесят меня за это или нет. И повторяю, я не чувствовал себя пропащим: это было здорово, просто здорово! Как бы то ни было, я хоть на минуту стал другим и пройду сквозь огонь, лишь бы еще раз пережить такую минуту. Слушайте! Кто из вас женится на Фими Эванс?

Толпа *(шумит)*. Ну, кто первый? Кто женится на Фими? Подходи, Джек. Твое счастье, Питер. Подайте сюда мужа для Фими. Ой-ой-ой! Фими!

Фими *(коротко)*. Не распускай язык на мой счет, слышишь?

Бланко. Фими была цветком на торной дороге, не так ли? Все вы считали ее первой шлюхой во всей округе. Ну так она шлюха-неудачница, а я злодей-неудачник. Вот пускай брат Дэниелс и поженит нас, чтобы вся дрянь осталась в семье. Что ты на это скажешь, Фими?

Фими. Спасибо! Когда я захочу выйти замуж, так выйду за человека, который не потеряет рассудка оттого, что вел себя по-человечески. Ты, как ребенок с новой игрушкой, носишься со своим добрым делом, а добра-то всего одна капля.

Женщина. Много ли таких, которые поступили бы, как он, рискуя своей жизнью?

Фими. Ну, если он тебе так пришелся по сердцу, выходи за него сама. Ты будешь ему, что называется, хорошей женой, так ведь?

Женщина. Я была хорошей женой отцу моего ребенка. Вряд ли какая-нибудь женщина захочет во второй раз быть хорошей женой. Теперь я хочу, чтобы кто-нибудь был мне хорошим мужем.

Бланко. Будут предложения, джентльмены, на этих условиях?

Мужчины с сомнением покачивают головами.

О, какая мерзость наша игра! Вот по-настоящему хорошая женщина, но и она уже выходит из игры, зная, что это только обман.

Ханна. Так ведь если бы на свете не было ничего плохого, нам не с чем было бы бороться, правда?

Дэниелс. Не падайте духом, братие. Ищите нового пути.

Бланко. Нет! Довольно с нас путей! Не надо нам ни широкого, ни узкого. Ни пути зла, ни пути добра. Нет на свете ни зла, ни добра. Но, право же, есть нечестная игра и есть честная игра. Я играл нечестно, но со мной велась честная игра, и теперь я стою за то, чтобы всегда и со всеми игра велась честно. Аминь! Джентльмены, заседание переносится в кабак. Я угощаю. *(Соскакивает со стола.)*

Голоса. Правильно, Бланко! Угощай всех подряд. Идем, ребята, Бланко угощает! Валяй прямо к проповеднику в кабак! Ура!

Они бросаются к выходу, увлекая за собой проповедника.

Бланко *(протягивая Фими руку)*. Руку, Фими.

Фими. Убирайся подальше, негодяй!

Бланко. На меня опять нашло — как тогда, когда ребенок обнял меня, как тогда, когда ты солгала, Фими, чтобы избавить меня от петли!

Фими. Ну, вот так.

Они пожимают друг другу руки.

СТРАСТЬ, ЯД, ОКАМЕНЕНИЕ, ИЛИ РОКОВОЙ ГАЗОГЕН

ГАЗЕТНЫЕ ВЫРЕЗКИ

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ НАЙДЕНЫШ

НЕМНОГО РЕАЛЬНОСТИ

Trifles and tomfooleries

Все драматурги и актеры при случае любят подурачиться. Эта их склонность не требует оправданий, если она никому не приносит вреда и забавляет их самих и публику. Бездумный смех в небольших дозах действует благотворно. Безделки подчас сочиняешь между делом, как Бетховен сочинил между делом несколько багателей, как Моцарт сочинил несколько бессодержательных бравурных пьесок для друзей, игравших на скрипке.

Кроме того, дурачества — такой же классический жанр, как и трагедия. Редко когда высокая комедия обходится без того, чтобы не обнаружить следы своего происхождения, идущие от пререканий и диалогов на злобу дня между цирковым клоуном и инспектором манежа. А как иначе назовешь разговоры между месье Журденом и философами и учителями фехтования в знаменитейшей комедии Мольера?

Я мог бы привести множество примеров из моих пьес, претендующих на глубину и серьезность. Нижеследующие же пьески представляют собой дуракаваляние в своем чистом немудреном виде, за исключением одной трагедиетты, да и та безделка. Я не хочу сказать, что слова в них полностью лишены остроумия и здравого смысла или что действующие лица невыразительны,— такого рода сочинения стали бы вообще невыносимы, если бы к их идиотизму еще добавилась и недоброкачественность. Нет, я хочу сказать то, что и говорю: это просто дурачества.

Что касается их злободневности, то они, пожалуй, даже старомодны, но, поскольку мир по-прежнему волнует все одна и та же сплетня, их всегда можно подогнать под требования момента. Они могут отвратить поклонников моих более значительных трудов. Но этим снобам хорошо бы помнить, что спрос существует не только на великое, но и на малое, и коль скоро в моей лавочке завелось малое, почему бы мне не выставить его в витрине вместе со всем остальным.

СТРАСТЬ, ЯД, ОКАМЕНЕНИЕ, ИЛИ РОКОВОЙ ГАЗОГЕН

Краткая трагедия
для
ярмарочных
театров
и балаганов

1905

PASSION, POISON AND PETRIFACTION; OR, THE FATAL GAZOGENE

В комнате — полуспальне-полугостиной — в одном из фешенебельных кварталов Лондона, перед туалетным столиком сидит дама; горничная расчесывает ей волосы. Поздний вечер, и уже горит электричество. В комнате нет кровати, но против той стены, где туалетный столик, стоит подобие книжного шкафа, довольно, впрочем, неубедительное. На той же стороне — комод с ящиками того коварного типа, которые долго противятся открывающему их, вынуждая его применять насилие, а затем вылетают целиком и никак не дают себя вставить обратно. Против комода, в той же самой женской половине, — буфет. Несколько пар мужских ботинок, выстроенных в ряд около комода, возвещают о том, что хозяйка замужем. Ее собственная обувь стоит около буфета; посредине третьей стены — дверь, над ней часы с кукушкой. Недалеко от двери пьедестал с гипсовым бюстом хозяйки. На туалетном столике веер, на комоде картонка и ремни; у стены, недалеко от кровати, зонтик и машинка для снимания башмаков. Все в целом производит впечатление блеска, красоты и претензии на светский шик, несколько омраченных, впрочем, недостатком денег. Известную театральность комнате придает то, что хотя она и имеет вид прямоугольника, но четвертая стена отсутствует. Не слышно ни звука, кроме увертюры и потрескивания волос дамы, из которых, в сухом воздухе лондонского лета, горничная извлекает щеткой электрические искры.
Часы с кукушкой бьют шестнадцать.

Леди. Сколько пробило на часах, Филлис?

Филлис. Шестнадцать, сударыня.

Леди. Значит, одиннадцать часов, так ведь?

Филлис. Одиннадцать — вечером. Ночью это значит половина второго; так что если вы услышите сквозь сон, как бьет шестнадцать, не вставайте.

Леди. Не буду, Филлис. Филлис, я устала. Я лягу. Приготовьте мне постель.

Филлис подходит к книжному шкафу и нажимает кнопку. Передняя стенка шкафа с треском откидывается и пре-

вращается в кровать. В ответ на треск раздается далекий раскат грома.

Филлис *(вздрагивая)*. Ужасная ночь! Да поможет небо бедным морякам, находящимся в море! Моего господина все нет. Я надеюсь, с ним ничего не случилось. Постель готова, сударыня.

Леди. Спасибо, Филлис. *(Она встает и идет к кровати.)* Спокойной ночи.

Филлис. Ваша милость не будет раздеваться?

Леди. Сегодня нет, Филлис. *(Глядя в ту сторону, где отсутствует четвертая стена.)* Сегодня это невозможно.

Филлис *(под влиянием внезапного порыва бросается на колени перед своей госпожой и обхватывает ее за талию)*. О моя дорогая госпожа, я не знаю, как и почему, но я чувствую, что больше никогда не увижу вас живой. В воздухе пахнет убийством.

Гром.

Слышите?

Леди. Как странно! Когда я сидела, мне казалось, я слышу пение ангелов: «О, разве ты не хочешь вернуться домой, Билл Бэйли?» Отчего бы ангелам звать меня Билл Бэйли? Мое имя Магнезия Фитцтолемэк.

Филлис *(подчеркивая титул)*. Леди Магнезия Фитцтолемэк.

Леди Магнезия. На случай, если мы больше никогда не встретимся в этом мире, скажем друг другу последнее «прости».

Филлис *(обнимая ее со слезами)*. Моя несчастная, убиенная ангел-госпожа!

Леди Магнезия. В случае, если бы мы все-таки встретились, разбудите меня в половине одиннадцатого.

Филлис. Конечно, конечно.

Филлис удаляется, растроганная. Леди Магнезия выключает электричество и сейчас же совершенно отчетливо слышит ангелов. Они поют «Билл Бэйли» так сладостно, что она забывает обо всем и, даже не сняв башмаков, натягивает на себя одеяло и засыпает, убаюканная небесной музыкой. На подушке играет белое сияние и озаряет ее прекрасное лицо. Но гром снова рычит; на дверь падает зловещий багровый свет, она вдруг распахивается, и на пороге появляется мрачная фигура во фраке, поверх которого наброшен малиновый плащ. Человек крадется к кровати; и неестественный блеск его глаз, и кинжал с ши-

...роким лезвием, который он судорожно сжимает в правой руке, сулят беду спящей леди. Но по воле провидения леди, очутившись на волосок от гибели, чихает; а нервы убийцы до того напряжены, что, услышав это неожиданное, внезапное «апчхи!», он стремительно ныряет под кровать. Глухие, тяжелые, ритмические удары — биение его сердца — выдают его местопребывание. Вскоре он осторожно вылезает, и его голова появляется над одеялом.

У б и й ц а. Я больше не в силах сидеть под кроватью и прислушиваться к мучительному биению собственного сердца. Она просто чихнула во сне. Итак, решено. *(Снова заносит кинжал.)*

Ангелы снова поют.

(Снова прячется.) Что это? Или этот звук услышан небом?

Л е д и М а г н е з и я *(просыпается и садится)*. Мой муж!

Все цвета радуги, обгоняя друг друга, проносятся призрачным сиянием по его лицу.

Отчего вы меняетесь в лице? Что вы хотите делать этим кинжалом?

Ф и т ц *(смущен, но прикидывается равнодушным)*. Это подарок для вас; подарок от мамы. Хорошенький, не правда ли? *(Хвастливо помахивает им.)*

Л е д и М а г н е з и я. Но она обещала мне лопатку для рыбы.

Ф и т ц. Это особое сочетание лопатки для рыбы и кинжала. Сегодня у вас на обед лососина, а завтра вам надо совершить убийство. Понимаете?

Л е д и М а г н е з и я. Моя дорогая свекровь!

Стук в дверь.

Это стук Адольфа.

Лицо Фитца становится ярко-зеленым.

Что с вами? Ваше лицо позеленело. Впрочем, вы всегда зеленеете при упоминании об Адольфе. Разве вы не собираетесь впустить его?

Ф и т ц. Конечно нет. *(Идет к двери.)* Адольф, сюда нельзя. Моя жена раздета и в постели.

Л е д и М а г н е з и я (*вставая*). Ничуть не бывало. Войдите, Адольф. (*Зажигает свет.*)

А д о л ь ф (*за дверью*). Чрезвычайно важное событие. Мне необходимо войти на минутку.

Фитц (*кричит Адольфу*). Важное событие? А что?

Адольф (*за дверью*). Я получил мой новый фрак.

Фитц. Он говорит, что получил свой новый фрак.

Леди Магнезия (*бежит к двери и открывает ее*). О, входите, входите. Дайте мне взглянуть.

Входит Адольф Бэстэбл. Он во фраке, сшитом по последней моде: правая половина фрака и левая брюк — желтая, остальное соответственно черное. Между жилетом, усеянным серебряными блестками, и пластроном рубашки засунут малиновый носовой платок.

Адольф. Как ваше мнение?

Леди Магнезия. Сон! Мечта! (*Поворачивает его во все стороны и восхищается.*)

Адольф (*гордо*). Теперь меня больше никогда не примут за лакея.

Фитц. Выпьем, Адольф.

Адольф. Спасибо.

Фитцтолемэк идет к буфету и вынимает из него поднос со стаканами и бутылку виски. Ставит их на туалетный столик.

Фитц. Газоген налит?

Леди Магнезия. Да. Вы же сами положили сегодня порошки.

Фитц (*сардонически*). Совершенно верно. Специальные порошки! Ха! Ха! Ха! Ха! Ха! (*Его лицо опять становится пестрым.*)

Леди Магнезия. С вашим лицом действительно неблагополучно. Решительно не над чем так глупо смеяться.

Фитц. Не над чем! Ха! Ха! Не над чем! Ха! Ха! Ха!

Адольф. Я надеюсь, мистер Фитцтолемэк, что вы смеетесь не над моим костюмом? Предупреждаю вас: я — англичанин. Вы можете смеяться над моими манерами, над моим умом, над моими национальными учреждениями, но, если вы посмеетесь над моим платьем, один из нас должен умереть!

Гром.

Фитц. Я смеялся только над иронией судьбы. (*Он вынимает из буфета сифон.*)

Адольф (*вполне удовлетворенный*). Ах, вот что! Это да, конечно!

Фитц. Утопим всякое недоброжелательство в дружеской

чаше. *(Ставит сифон на пол посреди комнаты.)* Простите за отсутствие стола. Мы нашли, что он только мешает, и заложили его. *(Берет с туалетного столика бутылку виски.)*

Леди Магнезия. Мы теперь дома устраиваем пикники. Это восхитительно. *(Берет с туалетного столика три стакана и садится на пол перед сифоном.)*

Фитц и Адольф почтительно располагаются справа и слева от нее. Фитц наливает виски в стакан.

Фитц *(останавливая Магнезию, которая хочет налить содовой в его стакан)*. Подождите! Мне не нужно содовой. Отдайте всю Адольфу, *всю*. Я хочу выпить чистого.

Леди Магнезия *(протягивая стакан Адольфу)*. За мое здоровье, Адольф!

Фитц. Поцелуйте чашу, Магнезия. Пейте же за нас. Пейте до дна.

Адольф. За Магнезию!

Фитц. За Магнезию!

Мужчины пьют.

Свершилось! *(Встает с пола.)* Адольф, вам осталось прожить десять минут, а может быть, и того меньше.

Адольф. Что вы этим хотите сказать?

Магнезия *(вставая)*. Мое сердце вещало беду. У меня здесь странное ощущение. *(Показывает на сердце.)*

Адольф. И у меня, только пониже. *(Показывает на желудок.)* Я чувствую, что этот газоген на меня плохо действует.

Фитц. Он был отравлен.

Всеобщее изумление.

Адольф *(вскакивая)*. На помощь! Полиция!

Фитц. Трус! Неужели вы хотите призвать власти? Разве вы не можете умереть, как джентльмен?

Адольф. Но я так молод! И я первый раз надел новый фрак.

Магнезия. Это слишком ужасно. *(К Фитцу.)* Дьявол! Что толкнуло тебя на злодейство?

Фитц. Ревность. Вы восхищались тем, как он одевается. Тем, как я одеваюсь, вы не восхищались.

Адольф. Как я одевался!

На его лице вспыхивает небесное сияние.

Неужели я удостоен быть первым мучеником фрака?

Приветствую тебя, смерть! Слушайте! Ангелы зовут меня.

Небесный хор снова затягивает свою любимую песнь, а сияние на лице отравленного становится болезненно зеленым.

Ай-ах! Ох-ой! Газоген ужасно скверно действует. Ох! *(Бросается на кровать, корчится.)*

Магнезия (*Фитцу*). Чудовище! Что вы наделали? (*Указывает на извивающуюся от боли фигуру на кровати.*) Он был некогда мужчиной, прекрасным, блестящим. Во что вы превратили его? Теперь это извивающийся в судорогах, ничтожный, издыхающий червь!

Адольф (*тоном глубочайшего негодования*). Послушайте! Да что ж это такое? Взгляните же на меня, Магнезия! Ч-черт...

Магнезия. О, разве сейчас время предаваться суетной гордости? Подумайте о своей попусту растраченной жизни...

Адольф (*очень обиженный*). *Чьей* растраченной жизни?

Магнезия (*продолжает неумолимо*). Загляните в свою совесть, загляните в свой желудок.

Адольф корчится в жестоких судорогах.

(Обращается к Фитцу.) И это дело *ваших* рук!

Фитц. Я страстная натура, Магнезия, и не хочу делить твою любовь с другим. Я хочу, чтобы мне одному принадлежала твоя любовь! Ты слышишь? Любовь! Любовь!! Любовь!!! Любовь!!!! Любовь!!!!!

Он в исступлении, а жертва корчится на кровати от нового приступа боли.

Магнезия *(с внезапной решимостью)*. Ты *получишь* ее!

Фитц *(в восторге)*. Магнезия! Я вновь обрел твою любовь! О, какой ничтожной кажется эта жертва в сравнении с такой блестящей наградой! Да я бы десять человек отравил не задумавшись ради одной твоей улыбки.

Адольф *(прерывающимся голосом)*. Прощайте, Магнезия! Мой последний час наступил. Прощайте, прощайте, прощайте!

Магнезия. В эту великую минуту, Джордж Фитцтолемэк, я торжественно отдаю вам все то, что я раньше отдавала бедному Адольфу.

Адольф. О, пожалуйста, никаких бедных Адольфов! Я ведь еще жив, знаете ли.

Магнезия. Искра жизни вспыхивает еще раз перед тем, как погаснуть.

Адольф стонет.

А теперь, Адольф, примите последнее утешение от несчастной Магнезии Фитцтолемэк. Как я отдаю Джорджу все, что давала вам, так же я похороню в вашей могиле — или в вашей урне, если вас кремируют, — все, что я давала ему.

Фитц. Я что-то не совсем понимаю.

Магнезия. Сейчас объясню. Джорж, до сих пор я отдавала Адольфу весь романтизм моей натуры — всю мою любовь, все мои грезы, все мои ласки. Отныне они — ваши.

Фитц. Ангел!

Магнезия. Адольф, простите меня, если я причиняю вам страдание.

Адольф. Не стоит говорить об этом. Да я ничего и не чувствую. Газоген гораздо хуже. *(Ему опять становится плохо.)* Ох!

Магнезия. Мир тебе, бедный страдалец. И для тебя есть целительный бальзам. Сейчас вы услышите, что я собираюсь отдать вам.

Адольф. Все, о чем я прошу, — это мятные лепешки, ради бога.

Магнезия. У меня есть нечто гораздо более прекрасное, чем мятные лепешки: преданность на всю жизнь. Раньше я отдавала ее Джорджу: я блюла его дом, вернее — его номер в гостинице. Я чинила его одежду, штопала носки; покупала провизию; разговаривала с его кредиторами. Я была посредницей между ним и слугами, вела расходы по хозяйству. Когда ему нужно было подстричься или он был недостаточно чисто умыт, я указывала ему. Эти хлопоты делали его в моих глазах прозаичным. Совместная жизнь рождала презрение. Теперь все это кончилось. Мой муж будет моим героем, моим любовником, моим рыцарем без страха и упрека. Он будет защищать меня от всех тревог и волнений. И взамен он будет желать только любви — беспредельной, бесцельной, упоительной, покоряющей душу любви. Любви! Любви!! Любви!!! *(В исступлении обнимает Фитца.)* А все обязанности, которые я до сих пор несла, я заменю единой и высшей: обязанностью рыдать на могиле Адольфа.

Фитц *(задумчиво)*. Моя дорогая, вы требуете слишком многого, и я уже думаю, что был, пожалуй, несколько

эгоистичен. Мне кажется, что прежний порядок имеет много плюсов. Почему, собственно, Адольф должен умереть ради меня?

Адольф. Я умираю не ради вас, Фитц. Я умираю оттого, что вы отравили меня.

Магнезия. Но вы же боитесь смерти, Адольф?

Адольф. Н-н-нет, нельзя сказать, чтобы я *боялся* смерти. Но все же...

Фитц. Все же, если бы нашлось противоядие...

Адольф *(вскакивая с постели)*. Противоядие?

Магнезия *(с пламенной надеждой)*. Противоядие!

Фитц. Если бы противоядие не было слишком большим прозаизмом...

Адольф. К черту прозаизм! Неужели вы думаете, что я собираюсь умереть в угоду литературным критикам? Давайте ваше противоядие! Живо!

Фитц. Лучшее противоядие тому яду, который я дал вам,— это известь, как можно больше извести.

Адольф. Известь! Вы смеетесь надо мной! Что же вы думаете, я таскаю известь в кармане?

Фитц. Вот штукатурка на потолке.

Магнезия. Да, потолок! Спасен, спасен, спасен!

Все трое начинают яростно швырять в потолок башмаками. Оттуда сыплются куски штукатурки, которые Адольф пожирает сначала с жадностью, а затем все с меньшим удовольствием.

Магнезия *(поднимает огромный кусок)*. Возьмите вот этот: он самый большой. *(Набивает ему рот.)*

Фитц. А! Кусок карниза! Попробуйте вот это.

Адольф *(с отчаянием)*. Довольно! Довольно!

Магнезия. Нет, не довольно. Иначе вы умрете. *(Снова пытается засунуть ему в рот штукатурку.)*

Адольф *(решительно)*. Я предпочитаю смерть.

Магнезия и Фитц *(бросаясь на колени — она по одну, он по другую сторону Адольфа)*. Ради нас, Адольф, продолжайте!

Адольф. Нет! Если вы не достанете мне известь в жидком виде, я погибну. Поедать потолок я не хочу и не могу.

Магнезия. Меня осенила идея: мой бюст! *(Схватывает с пьедестала гипсовый бюст и подносит ему.)*

Адольф *(смотрит на него с нежностью)*. Разве я могу устоять перед вашим бюстом?

Фитц. Попробуйте волосы.

Адольф *(гложет узел волос на затылке бюста; его тошнит)*. Увы, не могу. Не могу, даже ваш бюст, Магнезия. Не просите. Дайте мне умереть.

Фитц *(прижимая к нему бюст)*. Заставьте себя съесть кусочек. Глотайте же, Адольф.

Адольф. Бесполезно. Все равно вылетит обратно. Воды! Какой-нибудь жидкости! Позвоните, пусть мне принесут что-нибудь выпить.

Магнезия. Я спасу вас! *(Бросается к звонку и звонит.)*

Филлис в ночной сорочке, волосы аккуратно завиты на ночь розовыми и желтыми папильотками, вбегает и прямо бросается к Магнезии.

Филлис *(истерически)*. Моя дорогая госпожа, мы все-таки встретились! *(Видит Фитцтолемэка и вскрикивает.)* Ах! Ах! Ах! Мужчина! *(Видит Адольфа.)* Мужчина! *(Спасается бегством, но Фитцтолемэк хватает ее в последнюю минуту за сорочку.)* Прочь руки, негодяй!

Фитц. Сейчас не время для стыдливости, девушка. Мистер Бэстэбл умирает.

Филлис *(участливо)*. Да что вы, сэр? Надеюсь, он не сочтет за бестактность, что я появилась у его смертного ложа в папильотках?

Магнезия. Мы знаем, у вас доброе сердце, Филлис. Возьмите вот это *(передает ей бюст)*, распустите в кувшине с горячей водой и сейчас же принесите обратно. От вашей расторопности зависит жизнь мистера Бэстэбла.

Филлис *(нерешительно)*. А ведь жалко, не правда ли, портить ваш прелестный бюст?

Адольф. Господи! Это помешательство на изящных искусствах переходит все границы. Убирайтесь отсюда. *(Выталкивает ее.)* Пить, пить, пить! Мои кишки ссохлись! *(Он в полубреду бросается к газогену.)*

Фитц *(бросается за ним)*. Безумец, вы забыли! Он отравлен!

Адольф. Мне все равно. Пить, пить!

Они бешено борются за газоген. Во время борьбы они выплескивают почти все содержимое друг другу в лицо. Адольф, наконец, бросает Фитцтолемэка на пол и присасывается к трубке сифона.

Пуст! Пуст! *(С воплем отчаяния падает на кровать, прижимая к себе сифон, словно ребенка, и плачет над ним.)*

Фитц *(в сторону Магнезии)*. Магнезия, я всегда делал вид, что не замечаю; но вы держите газоген для ваших личных нужд в моей шляпной картонке.

Магнезия. Я пользуюсь им, когда мою свои старые кружева; но это неважно, я сейчас дам ему. *(Вынимает из шляпной картонки газоген и предлагает Адольфу стакан содовой.)*

Адольф. Спасибо, спасибо, о спасибо! *(Пьет.)*

Раздается оглушительное шипение.

(Вскакивает и кричит.) Помогите! Помогите! Потолок закипает! Я лопаюсь. *(Судорожно катается по кровати.)*

Фитц. Живо! Ремни!

Они закатывают его в простыни и затягивают ремнями.

Достаточно туго?

Магнезия *(с тревогой)*. Выдержите, как вы думаете?

Адольф. Опасность миновала. Содовая выдохлась.

Магнезия и Фитц. Слава богу!

Филлис возвращается от умывальника с кувшином, в котором она распустила бюст.

Магнезия *(выхватывает его)*. Наконец-то!

Фитц. Вы спасены. Пейте до дна.

Фитцтолемэк подносит рыльце кувшина ко рту Адольфа, постепенно поднимает кувшин, под конец совершенно опрокидывает его. Адольф пьет с невероятными усилиями; когда он начинает задыхаться, Филлис колотит его между лопаток; когда он начинает стонать, Магнезия ослабляет ремни. Наконец, испустив вздох облегчения, он откидывается на руки женщин. Фитц встряхивает опрокинутый пустой кувшин, словно трактирный слуга, вытряхивающий из кружки остатки пены.

Адольф. Какое невыразимое облегчение в груди! Все мои члены охватывает блаженное онемение. Я бы заснул.

Магнезия. Фитц! Филлис! *(Шепчет.)* Пусть спит.

Он спит. Слышатся небесные арфы; но их струны умолкают при внезапном появлении домовладельца, вульгарной личности в пижаме.

Домовладелец. Ну! Ну! Это что? Что за шум? Да разве можно спать при таком шуме? *(Смотрит на пол и на потолок.)* Ай! Ай! Чем это вы так отделали мой потолок?

Фитц. Тише, или уйдите отсюда. Если только вы разбудите этого человека, он умрет.

Домовладелец. Если он может спать под шум, который вы подняли тут втроем, так его ничем не разбудишь.

Магнезия. Отвратительный мужлан. Ваша грубая речь терзает тончайшие струны моей души. Уходите!

Домовладелец *(смотрит на Адольфа)*. А на мой взгляд, не спит он. На мой взгляд, он помер. *(Кричит.)* Полиция! Полиция! Человека убили!

На дверь падает таинственное голубое сияние, она открывается, на пороге стоит полисмен. Гром.

Эй, полиция! Вот эти трое убили тут этого джентльмена, а теперь ломают мой потолок.

Полисмен *(обиженно)*. Полиция? Разве так говорят? Что за невоспитанность!

Фитц. Господин офицер...

Полисмен *(с подчеркнутой учтивостью)*. Сэр?

Фитц. Между джентльменами...

Полисмен *(отвешивает поклон)*. Сэр, к вашим услугам.

Фитц *(отвешивает поклон)*. Довожу до сведения, что у моего друга сделался острый приступ несварения желудка. Так как углекислой воды под рукой не оказалось, то он проглотил порцию потолка. *(Указывает на Адольфа.)* И вот результат.

Полисмен. Потолок был отравлен! О, небывалое злодейство! *(Хватает домовладельца за воротник.)* Я арестую вас за убийство с заранее обдуманным намерением.

Домовладелец *(воздевая руки к небу)*. И это называется правосудием! Почем же я знал, что он будет есть мой потолок?

Полисмен *(отпуская его)*. Верно. Дело сложнее, чем я думал. *(Он пытается поднять руку Адольфа, но не может.)* Окоченение уже наступило.

Домовладелец *(пытается поднять ногу Адольфа)*. А, уже тяжелая! *(Ощупывает икру.)* Как железо!

Фитц *(подбегая к кровати)*. Что это?

Магнезия. О, не говори, что он умер. Филлис, ступай за доктором.

Филлис выбегает. Все пытаются поднять Адольфа, но он совершенно окаменел и тяжел, как свинец.

Поднимите его! Трясите его!

Полисмен *(обессилев)*. Ух! Да что он, человек или статуя?

Магнезия пронзительно вскрикивает.

Что с вами, мисс?

Магнезия *(Фитцу)*. Разве вы не видите, что случилось?

Фитц *(ударяет себя по лбу)*. Ужас на ужасе!

Домовладелец. Вы про что?

Магнезия. Гипс застыл у него внутри. Господин офицер прав: он действительно живая статуя.

Магнезия бросается на окаменевшую грудь Адольфа; Фитцтолемэк закрывает голову руками; его грудь судорожно вздымается. Полисмен вынимает записную книжечку и что-то в ней ищет.

Полисмен. В моих инструкциях такой случай не предусмотрен. Применять искусственное дыхание, по-видимому, бесполезно. *(Домовладельцу,)* Ну-ка, помогите, вы. Самое лучшее, если мы возьмем и поставим его на Трафальгар-сквере.

Домовладелец. А я бы положил его в водоем да промыл бы хорошенько.

Возвращается Филлис с врачом.

Филлис. Медицинская помощь, сударыня.

Полисмен. Случай отравления, сэр.

Врач. Вы хотите сказать, что неспециалист... невежда... осмелился дать в моем районе яд?

Полисмен *(бережно подымает Магнезию)*. Похоже на то. Мужайтесь, сударыня!

Врач. Нельзя терять ни минуты. Ни за что не давайте пациенту заснуть. Необходимо непрерывное и усиленное движение. *(Вырывает Магнезию у полисмена и бегает с ней по комнате.)*

Фитц. Остановитесь! Не она отравлена!

Врач. Значит, это вы? Отчего же вы раньше не сказали? *(Хватает Фитцтолемэка и заставляет его бегать по комнате.)*

Домовладелец. Нет, нет, не он!

Врач. Что? Это вы? *(Накидывается на домовладельца и таскает его по комнате.)*

Домовладелец. Ой, пустите! *(Дает доктору подножку.)*

Оба падают.

Держите вы этого сумасшедшего, господин офицер!

Полисмен *(заставляет обоих встать на ноги)*. Вставайте же, наконец. Вам всем придется отправиться со мной в участок.

Гром.

Магнезия. Как? В эту страшную бурю?

Град барабанит по стеклам.

Филлис. Мне кажется, идет дождь.

Ветер воет.

Домовладелец. Гром и молния.

Фитц. Даже опасно.

Полисмен *(извлекая дубинку и свисток)*. Если вы не пойдете по доброй воле, то...

Он свистит. Страшная вспышка молнии сопровождается потрясающим залпом небесной артиллерии. В комнату влетает молния и ударяет в шлем бравого констебля, но затем ланцет, лежащий у доктора в кармане, привлекает молнию к его жилетке. В заключение она прыгает с ужасающей силой на домовладельца, который, будучи жирным и рыхлым, поглощает электрический ток ценою жизни. Остальные смотрят, пораженные ужасом, на то, как эти три жертвы шатаются, спотыкаются и словно танцуют жуткую кадриль, а потом падают замертво на ковер.

Магнезия *(прикладывая ухо к груди врача)*. Умер!

Фитц *(склоняется над домовладельцем и берет его руку,— она безжизненно падает на пол)*. Умер!

Филлис *(схватывает зеркало и подносит его к губам полисмена)*. Умер!

Фитц *(торжественно вставая)*. Медь притянула молнию.

Магнезия *(вставая)*. После жаркой жатвы жизни спите мирно! Филлис, заметите их в угол.

Филлис снова кладет зеркало на туалетный стол, берет веер и машет на полицейского, который откатывается к стене, словно лист, гонимый ветром. Она поступает так же с домовладельцем и врачом.

Филлис. Они вам не помешают, если я их оставлю здесь до утра, сударыня? Или принести совок и убрать их?

Магнезия. Они не помешают нам. Спокойной ночи, Филлис.

Филлис. Спокойной ночи, сударыня. Спокойной ночи, сэр. *(Уходит.)*

Магнезия. А теперь, супруг мой, воздадим последний печальный долг нашему другу. Он стал памятником самому себе. Воздвигнем же его. Он тяжелый, но любовь способна на многое.

Фитц. Небольшой рычаг поставит его на ноги. Дайте мне ваш зонтик.

Магнезия. Верно. *(Дает ему зонтик и приносит машинку для снимания башмаков.)*

Они подсовывают их Адольфу под спину и ставят его на ноги.

Фитц. Готово! Уф!

Магнезия *(опускается на колени по левую сторону статуи)*. На веки вечные, Адольф!

Фитц *(опускается на колени по правую сторону статуи)*. В дальнейшем – молчание.

Ангелы поют «Билл Бэйли». Статуя простирает руки благословляющим жестом и поднимает свое светящееся известковым сиянием лицо к небу. Занавес опускается. Национальный гимн.

Служители *(перед сценой)*. Начинается следующее представление. Проходите, леди и джентльмены, проходите.

ГАЗЕТНЫЕ ВЫРЕЗКИ

**Тематический скетч,
составленный
из колонки редактора
и писем в редакцию
ежедневных газет
во время
суфражистской
войны 1909 года**

1909

PRESS CUTTINGS

Утро 1 апреля на третий год войны. Военное министерство. За письменным столом сидит генерал Митченер, просматривает письма. Слева от него горит камин. Справа у стены конторка и табурет. За спиной у генерала, между столом и конторкой, дверь. Стол стоит не совсем посредине комнаты, скорее ближе к камину, чем к конторке. На обоих концах стола по стулу для посетителей, на столе телефон.

Долгая тишина.

С улицы доносится голос: «Избирательное право женщинам!» Генерал вздрагивает всем телом, выхватывает из ящика стола револьвер, напряженно, с опаской прислушивается. Ничего не происходит. Он стыдливо прячет револьвер, вытирает лоб, принимается за прерванное занятие. Снова испуганно дергается, когда входит ординарец — расхлябанного, сугубо штатского вида парень с кислой физиономией.

Митченер. Ах, это вы. В чем дело?

Ординарец. Еще одна, сэр. Приковалась.

Митченер. Как приковалась? К чему? Мы же убрали ограду, убрали все, куда можно продеть цепь.

Ординарец. Мы забыли про скребок у двери, сэр. Она подстелила под себя флаг, улеглась на него, подсунула цепь под скребок и давай вопить. И сейчас там валяется. Нагло утверждает, будто бы ключ от замка у вас на столе в темно-желтом конверте. Мол, сразу захотите ее увидеть, как вскроете письмо.

Митченер. Она с ума сошла. Выкопать скребок, пусть тащит его домой на шее.

Ординарец. А вон и темно-желтый конверт, сэр.

Митченер. Все вы боитесь этих женщин. *(Берет письмо в руки.)* Как будто и в самом деле ключ. *(Разрывает конверт, вынимает ключ и записку. Читает.)* «Дорогой Митч...» Нет, я, кажется, рехнулся.

Ординарец. Точно так, сэр.

Митченер. Как вы смеете? Что это значит?

Ординарец. Так вы же сами сказали, что рехнулись, сэр, а вид у вас... не в обиду будь вам сказано, сэр, и впрямь того.

Митченер *(все это время читает письмо и слишком ошеломлен, чтобы прислушиваться к словам ординарца)*. Письмо от премьер-министра, он просит отпереть женщину этим ключом, если она замкнет себя, и немедленно привести в мой кабинет.

Ординарец *(с трепетом)*. Не делайте этого, хозяин.

Митченер *(рассерженно)*. Сколько раз я должен повторять – не смейте называть меня хозяином? Зарубите себе на носу – вы солдат, а не вульгарный штафирка. И зарубите себе на носу следующее: когда мужчина вступает в армию, он обязан забыть про страх. Держите ключ. Отоприте замок и приведите ее сюда.

Ординарец. Мне – отпереть? Нет, ни за какие коврижки. Один бог знает, что она со мной сделает.

Митченер *(грозно поднимаясь)*. Выполняйте приказ, слышите? Немедленно, сэр, и не вздумайте спорить. Если даже она вас убьет, умереть за отчизну – ваш долг. Направо кругом, марш!

Ординарец, дрожа, выходит.

Голос с улицы. Избирательное право женщинам! Избирательное право женщинам!

Митченер *(передразнивает)*. «Избирательное право женщинам! Избирательное право женщинам!» *(Своим натуральным голосом.)* Избирательное право детям! Избирательное право грудным младенцам! Избирательное право обезьянам! *(Занимает позицию на коврике перед камином и с величественным видом ждет врага.)*

Ординарец *(за дверью)*. Давай входи. *(Вталкивает запыхавшуюся суфражистку в комнату.)* Особа здесь, сэр. *(Удаляется.)*

Суфражистка снимает юбку, открывая взору модные мужские брюки.

Митченер *(в панике)*. Остановитесь, мадам, что вы делаете? Как вы смеете раздеваться в моем присутствии? Я протестую. Даже письмо от премьер-министра не дает вам права...

Суфражистка. Любезный Митченер, я и есть премьер-министр. *(Снимает шляпку и накидку, бросает их на конторку и предстает перед генералом в обычном костюме министра.)*

Митченер. Боже милостивый. Балсквит!

Балсквит *(бросается в кресло Митченера)*. Вот именно – Балсквит. До чего дошло, а? Единственный способ для

премьер-министра Англии попасть с Даунинг-стрит в министерство военных дел – это напялить женский наряд и, приковавшись к скребку у вашей двери, визжать: «Избирательное право женщинам!» Вся их шайка толпилась на углу. Меня подбадривали. Сама Беллакристина была там. Она пожала мне руку и дала совет выдать себя за вегетарианку, так как в Холоуэе вегетарианцев кормят приличнее.

Митченер. Почему вы не позвонили по телефону?

Балсквит. Они подслушивают телефонные разговоры. Все коммутаторы Лондона в их руках или в руках их дружков.

Митченер. Где вы раскопали этот маскарад? Надеюсь, платье не французского происхождения?

Балсквит. Избави бог! Нам теперь не разрешается даже перчатки натянуть с помощью французского талька. На всех вещах должно стоять: «Сделано в Кэмберуэлле».

Митченер. Да, и я, как реформатор наших тарифов, приветствую это.

Балсквита явно обуревает сильнейшее желание оспорить такое проявление фанатизма.

Неважно. Не будем пререкаться. Зачем вы явились?

Балсквит. Сандстон подал в отставку.

Митченер *(пораженный)*. Старый Крикун – в отставку?

Балсквит. Да.

Митченер. Отчего? Почему? Нет, немыслимо! Введение в прошлый вторник военно-полевого суда фактически сделало Сандстона диктатором метрополии. Подать в отставку сейчас – прямое дезертирство.

Балсквит. Да, да, мой дорогой Митченер, все это я знаю не хуже вас. Я спорил с ним до посинения, а он постепенно так наливался кровью, что, не прекрати я спора, он бы лопнул. Он рвет и мечет из-за того, что мы отвергли его план.

Митченер. Но вы же приняли его безоговорочно.

Балсквит. Да, пока не выяснили, в чем он состоит. Он неприемлем, сами знаете.

Митченер. Нет, не знаю. Что в нем неприемлемого?

Балсквит. Та часть, где речь идет о том, чтобы выставить оцепление вокруг Вестминстера радиусом в две мили и не пускать внутрь женщин.

Митченер. Стратегический шедевр. Разъясняю. Суфражисток не много, но вполне достаточно, чтобы наделать не-

приятностей и даже представить опасность, если их сосредоточить в одном месте, скажем на Парламентской площади. Но, удерживая их за пределами кольца радиусом в две мили, вы рассеиваете их усилия по окружности в двенадцать миль длиной. Веллингтон поступил бы именно так.

Балсквит. Но женщины не уйдут.

Митченер. Ерунда. Обязаны уйти.

Балсквит. А они все равно не уйдут.

Митченер. Что говорит Сандстон?

Балсквит. Говорит: застрелите их.

Митченер. Золотые слова.

Балсквит. Вы шутите?

Митченер. Нет, я говорю серьезно.

Балсквит. Но застрелить их невозможно. Они все-таки женщины!

Митченер *(с доверительным видом)*. Нет, возможно. Вам, как человеку штатскому, Балсквит, может быть, это и покажется странным, но, уверяю вас, если в женщину прицелиться и выстрелить, она упадет мертвой точно так же, как мужчина.

Балсквит. Ну, а если бы вдруг ваши родные дочери, Элен и Джорджина...

Митченер. Моим дочерям в голову не пришло бы нарушить приказ. *(Подумав немного.)* Элен, по крайней мере.

Балсквит. А Джорджине?

Митченер. Джорджине пришло бы, знай она, что в противном случае ее ждет расстрел. Вот таким образом мы и добились бы своего. Военные методы, в сущности, наиболее милосердные. Вы без конца посылаете заблудших женщин в Холоуэй и там медленно и бесчеловечно убиваете, разрушая их здоровье. А что толку? Они становятся день ото дня хуже. А вы застрелите несколько штук гуманно, без проволочки — и всякому сопротивлению конец, а значит, конец связанным с ним мучениям.

Балсквит. Общественное мнение этого не допустит.

Митченер *(категорическим тоном, меряя комнату шагами)*. Никакого общественного мнения не существует.

Балсквит. Как не существует?

Митченер. Так не существует. Имеются некие личности с некими мнениями. Ну так застрелите их. Застрелили — и нет личностей с некими мнениями, а следовательно, нет общественного мнения, которого вы так страшитесь. Усвойте эту истину, дорогой Балсквит, и вы

постигнете секрет управления. Общественное мнение родится в сознании. Сознание неотделимо от материи. Убейте материю, и вы убьете сознание.

Балсквит. Да бросьте вы всю эту...

Митченер *(непререкаемым тоном)*. Не брошу. И незачем приходить ко мне и затевать разговоры про общественное мнение. Отдали себя в руки армии, так извольте принять и военные методы. А в основе военных методов лежит правило: когда люди не желают делать то, что от них требуется, их расстреливают.

Балсквит. Да, хорошо вам и Старому Крикуну. Вы не зависите от избирателей. А мне каково бы пришлось на следующих выборах?

Митченер. Не устраивайте следующих выборов. Внесите билль, разом отменяющий все великие реформы и превращающий правительство в соответствующим образом подготовленный магистрат, который будет подчиняться только военному совету. В Индии такая система сработала отлично. А будет кто-нибудь протестовать — расстреляйте.

Балсквит. Но никого из моей партии наверняка не будет в военном совете. Да и меня, кстати, тоже. Вы что же, хотите, чтобы мы собственным голосованием превратили себя в ничто?

Митченер. Рано или поздно вам придется на это пойти, все равно социалисты превратят вас в ничто, прикарманив все ваши капиталы до последнего пенни. Доколе вы будете потакать этой проклятой демократии? Ведь уже массы начинают принимать ее всерьез и используют ее, прибирая потихоньку собственность к рукам. Нет, парламент должен сам себя упразднить. Голосовал же ирландский парламент за свою отмену? Английский парламент проделает то же самое, если применить те же меры для уговоров.

Балсквит. На это уйдет куча денег.

Митченер. Не обязательно денег. Подкупите их титулами.

Балсквит. Да разве мы дерзнем?

Митченер *(с презрением)*. Дерзнем! Что такое жизнь, как не дерзание, любезный? «Дерзать, дерзать и еще раз дерзать...»

Женский голос с улицы. Избирательное право женщинам!

Митченер с револьвером в руке кидается к двери и запирает ее. Балсквит прячется под стол.

Избирательное право женщинам!

Раздается выстрел.

Балсквит *(в величайшем смятении вылезает из-под стола)*. Боже праведный, неужели вы отдали приказ стрелять по ним? Отвечайте же!

Митченер. Нет. Но долг часового стрелять во всякого, кто упорствует в своем желании проникнуть внутрь без пароля.

Балсквит *(вытирает лоб)*. Ваши военные порядки – страшное дело.

Митченер. Успокойтесь, Балсквит. Такие случаи неизбежны. Поверьте, в конечном счете они предотвращают излишнее кровопролитие. Уж я-то знаю, повидал на своем веку.

Балсквит. А я вот не видал и не знаю. И предпочел бы, чтобы ружья не производили такого адского шума. Если мы намерены стрелять в женщин, придется снабдить ружья глушителями системы «максим». Иначе мои нервы не выдержат.

Кто-то снаружи пытается открыть дверь, стучит.

Что такое?

Митченер. Кто там?

Голос ординарца. Да это я, хозяин. Не бойтесь.

Митченер *(отпирает дверь и впускает ординарца, тот встает между собеседниками)*. Что произошло?

Ординарец. Суфражистка, сэр.

Балсквит. Часовой стрелял в нее?

Ординарец. Нет, сэр, это она стреляла в часового!

Балсквит *(с облегчением)*. Только и всего?

Митченер *(с негодованием)*. Только и всего? Штатская особа стреляет в солдата его величества, стоящего на посту, а премьер-министр Англии говорит: «Только и всего?»!!! Где ваше уважение к неприкосновенности человеческой личности?

Балсквит *(не скрывая своего облегчения)*. Право, солдат для того и создан, чтобы в него стреляли. Кроме того, он не голосует.

Митченер. Суфражистки тоже.

Балсквит. Зато голосуют их мужья. *(Оборачивается к ординарцу.)* Она его убила?

Ординарец. Нет, сэр. Штаны задело, сэр, а внутрь не попало. Он маленько погорячился и дал ей прикладом по го-

лове. Она его обозвала прощелыгой, с тем мы ее и отпустили, сэр, решили — хватит с нее.

Митченер *(стонет)*. Дал прикладом по голове! Женщины заражают армию своим беззаконием. Дал по голове, скажите на милость! Типично штатская акция.

Ординарец. Будут какие-нибудь приказания, сэр?

Митченер. Нет. Да. Нет. Хотя вот что: послать всех, кто принимал участие в этой безобразной сцене, в караульную. Хотя нет. Я поговорю с ними после ленча. Постройте их для этого, форма парадная. Нечего ухмыляться, сэр. Направо кругом, марш!

Ординарец покидает кабинет.

Балсквит *(дружески берет Митченера за локоть и с ласковой настойчивостью заставляет прохаживаться с ним взад и вперед по комнате)*. А теперь, Митченер, готовы ли вы прийти на помощь правительству и взять военное министерство в свои руки вместо Старого Крикуна?

Митченер. Как я могу? Сами знаете, народ предан Сандстону телом и душой. Он просто хочет, как говорят в армии, поставить кабинет на вытяжку. Кто еще, кроме него, мог убедить в прошлом году британскую нацию согласиться на всеобщую воинскую повинность? Да ведь даже церковь отказалась от своей привилегии. Нет, он человек непревзойденный и всемогущий.

Балсквит. Да, был, год тому назад. Но после того, как ваши мемуары выдержали на два издания больше, чем его, и успех книги привел книжный клуб Таймса к краху, вы во всех отношениях взяли над ним верх. Он проиграл, когда заявил, будто крах клуба раздули книгопродавцы. Это пахло завистью, и публика это почувствовала.

Митченер. Но я превознес его в своей книге. Я просто не мог поступить иначе, после того как он так красочно превознес меня в своей. Теперь я не могу отказаться от своих слов. *(Вырывается от Балсквита.)* Нет, бесполезно меня уговаривать, Балсквит, пусть он диктует свои условия вам.

Балсквит. Это невозможно. После истории с викарием...

Митченер *(нетерпеливо прерывает)*. К черту викария. Две недели подряд только и слышу про этого гнусного бунтовщика. Для меня он никакой не викарий. Пока он отбывает воинскую повинность, он рядовой и никто больше. Достаточно, я не могу тратить время на разговоры

о нем. Я занят. Всего доброго. *(Садится за стол и углубляется в корреспонденцию.)*

Балсквит *(стоя у двери)*. Жаль, что вы взяли такой тон, Митченер. Но раз так, позвольте высказаться начистоту: я считаю, что лейтенант Чабс-Дженкинсон скомпрометировал обязательную воинскую повинность, отдав неразумный, вызвавший неодобрение приказ, и тем проявил бестактность по отношению к правительству.

Митченер. Неразумных приказов не бывает, и все приказы вызывают неодобрение.

Балсквит. Когда в прошлом году лидер лейбористской партии призывал меня и палату не забывать про свободы англичан, не соглашаться на обязательную воинскую службу, не обеспечив при этом солдата всеми гражданскими правами...

Митченер. Чушь.

Балсквит. ...я утверждал, что ни один британский офицер никогда не злоупотребит властью, которой он неизбежно облечен.

Митченер. Совершенно верно.

Балсквит. Палата встретила мое утверждение с восторгом...

Митченер. Естественно.

Балсквит. ...и создалось впечатление, что лейбористская партия состоит из бездушных скотов.

Митченер. Так и есть.

Балсквит. А теперь, видите ли, этот невоспитанный щенок Чабс-Дженкинсон, единственный сын, как говорят по-нынешнему, содового короля, приказывает викарию вылизать ему сапоги. А когда тот дает ему по физиономии, вы сперва приговариваете духовное лицо к расстрелу, а затем устраиваете грандиозный спектакль, проявляя милосердие и заменяя приговор телесным наказанием. Как, по-вашему, должен был поступить викарий?

Митченер *(швыряет на стол перо, письма и вскакивает, оказываясь лицом к лицу с Балсквитом)*. Очень просто. Долг требовал от него, чтобы он выполнил приказ, а там он мог изложить жалобу на офицера в надлежащей форме. Он бы получил полное удовлетворение.

Балсквит. Какое именно?

Митченер. На Чабс-Дженкинсона наложили бы взыскание. В сущности, на него и наложили. К тому же викарий — абсолютно недисциплинированный субъект. Не станете же вы отрицать, что после экзекуции он тут же подошел

к Чабс-Дженкинсону и двинул его в челюсть. Как видите, порка не произвела на него должного впечатления. Теперь он заработает два года каторжных работ, и поделом!

Балсквит. Ставлю гинею, он не заработает даже недели. Ставлю еще одну гинею, Чабс-Дженкинсон будет униженно просить извинения. Вы, очевидно, не слыхали новость.

Митченер. Какую еще новость?

Балсквит. Выяснилось, что у викария большие связи.

Митченер потрясен, уничтожен. Он падает в кресло и закрывает лицо руками, склонясь над промокательной бумагой.

У него три тетки в пэрском сословии. Одна из них леди Ричмонд.

Митченер сопровождает каждое новое известие душераздирающими стонами.

И все они от него без ума. Отменены приглашения на шесть приемов в саду и четырнадцать танцевальных вечеров для всех младших офицеров из полка Чабса.

Митченер приставляет револьвер к виску. Балсквит отводит револьвер.

Нет, Митченер, вы нужны своей отчизне.

Митченер *(откладывает револьвер)*. Ради моей отчизны...

Балсквит, успокоенный, садится опять в кресло.

Нет, какой безмозглый болван, этот Чабс-Дженкинсон! Не знать, какое положение занимают его подчиненные в обществе! Почему он не знал? Обязан был знать. Он положительно заслуживает порки.

Балсквит. Возможно, его и выпорют — другие младшие офицеры.

Митченер. Хочу надеяться. Во всяком случае, пусть подает в отставку. Уходит из армии. Или он, или я.

Балсквит. Спокойнее, спокойнее. Его отец пожертвовал миллион в фонд нашей партии. Мы должны сделать его лордом.

Митченер. Мне до этого дела нет.

Балсквит. А мне есть. На какие, думаете, деньги существуют партии? Не на членские же взносы местных организаций. Этих взносов не хватит даже, чтобы заплатить за газовое освещение на их собраниях.

Митчener. Да будьте вы хоть на секунду серьезны. На нас вот-вот обрушится гнев леди Ричмонд, а вы болтаете про газ и взносы. Ее родной племянник!..

Балсквит *(хмуро)*. Да, досадно. Он учился в Оксфорде вместе с Бобби Бесборо.

Митчener. Час от часу не легче. Что же делать?

Голос с улицы. Избирательное право женщинам! Избирательное право женщинам!

Сильнейший взрыв сотрясает здание. Собеседники не обращают на это никакого внимания.

Митчener *(теряет самообладание)*. Вы просто не понимаете, Балсквит, что это значит для меня. Я люблю армию. Я люблю мою отчизну.

Балсквит. Что и говорить, положение щекотливое.

Входит ординарец.

Митчener *(сердито)*. В чем дело? Как вы смеете прерывать нас?

Ординарец. Неужто вы не слыхали взрыва, сэр?

Митчener. Взрыва? Какого взрыва? Нет, не слыхал. У меня тут дела поважнее. Боже праведный! С племянником леди Ричмонд обошлись как с простым работником. Потрясенная Англия не может прийти в себя, а рядовой входит и спрашивает, слыхал ли я взрыв!

Балсквит. Кстати, что взорвалось?

Ординарец. Да как бы бомба, сэр.

Балсквит. Бомба?!

Ординарец. Картонная, сэр. Набита бумажками, а на них красными буквами написано: «Избирательное право женщинам». Бросили во двор с крыши министерства по делам союзников.

Митчener. Тьфу! Убирайтесь! Убирайтесь, вам говорят!

Сбитый с толку ординарец выходит.

Балсквит. Митчener, вы еще можете спасти страну. Наденьте парадный мундир со всеми медалями, орденами и прочими регалиями. Возьмите с собой почетный караул, что-нибудь такое попышнее, скажем конногвардейцев, и поезжайте к старушенции.

Митчener. К старушенции?

Балсквит. Ну да, к леди Ричмонд. Принесите ей свои извинения. И попросите разрешения принять командование вместо Сандстона. Скажите, что сделали ее племянника

своим адъютантом, помощником или как там у вас это называется. Кстати, кем вы его назначите?

Митченер. Моим капелланом. Почему бы мне не иметь у себя в штабе капеллана? Он вел себя очень достойно, тот молокосос получил по заслугам. Я и сам поступил бы точно так же.

Балсквит. Значит, вы обещаете принять командование, если леди Ричмонд даст согласие?

Митченер. Да, при условии, что мне предоставляется свобода действий. Чтобы никакого вздора вроде общественного мнения или демократии.

Балсквит. Насколько это в моих силах, обещаю.

Митченер *(нетерпеливо подымается и идет к коврику)*. Такие обещания меня не устраивают. Не малодушничайте, Балсквит. Вы отлично знаете, что в нашей стране классы всегда управляли массами и будут управлять, и в этом суть нашего правления. Вы знаете, что демократия — чистейший вздор и что хуже всех к ней относится рабочий класс. Вы знаете, что уже обсуждаются меры, которые неизбежно придется принять, если страна окажется под угрозой лейбористского большинства в парламенте. Вы знаете, что в таком случае мы должны будем лишить чернь избирательных прав, а если она взбунтуется, прибегнуть к расстрелам. Вы знаете, что, понадобись нам поддержка общественного мнения, жалкая журналистская братия, готовая продать душу за пять шиллингов, сфабрикует его для нас в любых количествах в газетах. Вы знаете...

Балсквит. Стойте, стойте. Я не знаю. В том-то и разница между вашей профессией и моей, Митченер. После двадцатилетней службы в армии человек думает, что знает все. После двадцати месяцев пребывания на министерском посту человек знает, что не знает ничего.

Митченер. История нас учит...

Балсквит. История нас учит, что она нас ничему не учит. Это не я сказал — Гегель.

Митченер. Кто такой Гегель?

Балсквит. Покойник. Немецкий философ. *(Привстает, потом что-то вспоминает и снова садится.)* Проклятье, чуть не забыл. Кстати о немцах: они заложили четыре новых дредноута.

Митченер. Так заложите двенадцать.

Балсквит. Легко сказать, а сколько это будет стоить?

Митченер. А сколько будет стоить вторжение немцев, ког-

да они нас оккупируют и заставят платить контрибуцию в пятьсот миллионов?

Балсквит. Позвольте, вы же заявляли, что всеобщая воинская повинность исключает опасность вторжения?

Митченер. Напротив, дружище, опасность вторжения возрастает десятикратно, так как возрастает зависть немцев к нашему военному превосходству.

Балсквит. Но, в конце концов, почему немцы обязательно должны нас оккупировать?

Митченер. А почему бы и нет? Что еще делать их армии? Да и зачем они строят флот?

Балсквит. Мы же не думаем, однако, оккупировать Германию.

Митченер. Нет, думаем. Последние десять лет я, например, только об этом и думаю. Говорите, что хотите, Балсквит, но немцы никак не желают осознать — и не осознают, пока не получат жестокого урока,— тот простой факт, что интересы Британской империи превыше всего и что господство на море по праву принадлежит Англии.

Балсквит. А если немцы все равно не осознают этого, тогда что?

Митченер. Застрелите их.

Балсквит. Не могу я их застрелить.

Митченер. Отлично можете. Вы просто не представляете себе: если выстрелить из винтовки в немца, он упадет в точности как кролик.

Балсквит. Черт возьми, Митченер, да ведь у кролика нет в руках винтовки, а у немца есть. Что если немец застрелит вас первым?

Митченер. Простите, Балсквит, но в армии такое предположение расценивается как трусость. Солдат обязан предполагать, что убьет он, а не убьют его.

Балсквит *(вскакивает и, нахмурившись, шагает по комнате)*. Ах, оставьте. Люблю я эти разговорчики военных про трусость. Да вы не выходите из состояния экстатического страха перед воображаемым вторжением. Небось каждый вечер перед сном заглядываете под кровать в поисках грабителя?

Митченер *(невозмутимым тоном)*. Очень разумная предосторожность, Балсквит. Всегда так поступаю, и в результате меня ни разу не ограбили.

Балсквит. Меня тоже. Но в любом случае нечего колоть мне глаза трусостью. *(Становится на коврик слева от Митченера.)* Я никогда не заглядываю под свою кровать

в поисках грабителя. Я не всегда заглядываю под кровать нации в поисках оккупантов. Но если дело дойдет до драки, я готов драться один на один и мне не нужен тройной перевес.

Митченер. Все это романтические штатские бредни ура-патриота, Балсквит. Вы, по крайней мере, не станете отрицать, что абсолютное господство на море необходимо для нашей безопасности?

Балсквит. Абсолютное господство на море равным образом необходимо для безопасности княжества Монако, однако княжество этого господства не добьется.

Митченер. И следовательно, Монако так и не узнает безопасности. Вот где ужас. Непонятно, как могут жители княжества спать, когда их постоянно преследует видение то оккупации, то бомбардировки? Неужели вы хотели бы, чтобы сон английских подданных нарушался подобным же образом? Неужели мы тоже должны жить, не зная безопасности?

Балсквит *(безапелляционно)*. Да. В мире не существует безопасности, она невозможна, покуда человек смертен. Англия обретет безопасность, только когда прекратит свое существование, на улицах Лондона станет безопасно, только когда не останется ни одного пешехода, которого можно задавить, или ни одного экипажа, который может задавить пешехода. Мечтая о безопасности, вы, господа военные, мечтаете о невозможном. Она недоступна, как луна в небе.

Митченер *(очень серьезным тоном)*. Разрешите вам заметить, Балсквит, что в наш век аэропланов и цеппелинов проблема луны приобретает величайшее значение. Луна будет достигнута в не столь отдаленном будущем. И неужели же вы, англичанин, останетесь равнодушны к мысли, что нам вдруг придется жить под немецкой луной? Нет, во что бы то ни стало там должен быть водружен британский флаг.

Балсквит. Любезный Митченер, луна находится вне сферы практической политики. Да я хоть завтра за угольный порт отдам ее Германии или любой другой державе, которая мыслит настолько по-военному, что приписывает луне стратегическую роль.

Митченер *(теряя терпение)*. Вы — друг любой державы, только не своей.

Балсквит. Лучше скажите — враг только себе, а больше никому. Приятнее на слух. Да что вы так отчаянно боитесь

других держав? Они, бедняжки, в таком же трудном положении, как и мы. Меня гораздо больше волнует смертность в Лэмбете, чем германский флот.

Митченер. Вы не посмеете сказать это в Лэмбете.

Балсквит. Я скажу это на следующий день после того, как вы обнародуете ваш план захвата Германии и отмените все великие реформы.

Входит ординарец.

Митченер. Что вам надо?

Ординарец. Мне ничего не надо, хозяин, спасибо. А вот секретарь и президент антисуфражистской лиги утверждают, будто у них тут назначена встреча с премьер-министром и что их сюда прислали с Даунинг-стрит.

Балсквит *(идет к столу)*. В самом деле. Я и забыл про них. *(Митченеру.)* Вы не против, если я приму их здесь? Я чрезвычайно благодарен этим дамам, они поддерживают нас в борьбе против суфражисток и, кроме того, они представительницы действительно слабого и кроткого пола.

Ординарец издает стон.

Вы что-то сказали?

Ординарец. Нет, сэр.

Балсквит. Уловили вы их фамилии?

Ординарец. Да, сэр. Президент – леди Коринтия Феншоу, секретарь – миссис Гром.

Митченер *(резко)*. Миссис – кто?

Ординарец. Миссис Гром.

Балсквит. Забавно, что тихим людям вечно достаются шумные фамилии.

Ординарец. Ну, эта уж не из тихих, сэр.

Митченер *(вне себя от возмущения)*. Смирно! Отвечать, когда спрашивают! В остальное время молчать! Направо кругом, марш!

Ординарец повинуется.

Вот так. Надо держать их в узде.

Ординарец возвращается.

Опять? Вы что – вздумали бунтовать?

Ординарец. Что же мне передать этим леди, сэр?

Балсквит. Значит, вы не возражаете, если я приму их в каком-нибудь из кабинетов?

Митченер. Конечно. Когда кончите, проводите их ко мне. Леди Коринтия, как я слыхал, очаровательна. Кстати, кто она такая?

Балсквит. Дочь лорда Бродстэрза, владельца турбинных заводов. Он внес четверть миллиона на нужды партии. Она любит музыку, романтична, не охотится, ненавидит политику, круглый год проводит в городе, но видеть ее можно только в опере и на домашних музыкальных вечерах. И так далее.

Митченер. Какая жизнь! *(Ординарцу.)* Где дамы?

Ординарец. В кабинете номер семнадцать, сэр.

Митченер. Проводите туда мистера Балсквита. И пошлите сюда миссис Фарел.

Ординарец *(высовывает голову в коридор, зовет)*. Миссис Фарел! *(Балсквиту.)* Сюда, сэр. *(Выходит вслед за Балсквитом.)*

Появляется миссис Фарел, уборщица в министерстве, — худощавая, весьма респектабельного вида ирландка лет пятидесяти.

Митченер. Миссис Фарел, мне предстоит нанести один очень важный визит. Мне понадобится парадный мундир, все мои медали, ордена и именная сабля. Было время, когда британская армия состояла из мужчин, способных обслужить своего командира. Те времена прошли. Теперь солдат, отбывающий обязательную воинскую повинность, по каждому поводу бежит за помощью к женщине. Поэтому против своей воли вынужден беспокоить вас.

Миссис Фарел *(говорит с ирландским акцентом)*. Медали ваши, и ордена, и кривая сабля с ручкой из слоновой кости, и ваш мундир для парадов — все на выставке в Палате воинской славы, там, где в прежнее время был банкетный зал. Говорила я вам — еще пожалеете, что отослали свои игрушки, а вы ответили, чтоб не совалась не в свое дело. Вот теперь спохватились.

Митченер. Вы кругом правы. Но тогда я не знал, что вы — единственное лицо во всей военной организации столицы, на которое можно положиться, которое помнит, где что находится, или понимает суть приказа и четко выполняет его.

Миссис Фарел. Нечего мне льстить. Стара я для этого.

Митченер. Ничуть, миссис Фарел. Как поживает ваша дочь?

Миссис Фарел. Это которая?

Митченер. Та, что снискала столь отрадный успех в мюзик-холле.

Миссис Фарел. Нету нынче мюзик-холлов, нынче пошли варьете. Ей сделал предложение один молоденький герцог.

Митченер. Нет, в самом деле? А вы как отнеслись к этому?

Миссис Фарел. Я нажаловалась его мамаше.

Митченер. Вот как?! И что она?

Миссис Фарел. Довольнехонька была, не поверите. Слава, говорит, богу, нашлась наконец такая, что сможет его содержать, когда налог на сверхприбыль подскочит до двадцати шиллингов с фунта.

Митченер. А сама ваша дочь? Как она решила?

Миссис Фарел. Ясное дело, согласилась. Чего еще ждать от такой вертихвостки? Он ее познакомил с поэтом-лауреатом, думал, она его вдохновит.

Митченер. И как, вдохновила?

Миссис Фарел. Вот уж чего не знаю. Знаю только, что она нахальным образом взяла да и брякнула: «Напишите для меня скетч, душка». Это после всех-то моих стараний научить ее вести себя прилично. Понятия о манерах не больше, чем у свиньи в хлеву. Придется уж вам надеть мундир генерала Сандстона. У него у одного мундир и остался, он его по выставкам не выставляет.

Митченер. Но мне мундир Сандстона не придется впору.

Миссис Фарел *(непреклонно)*. Значит, вы сами должны прийтись ему впору. Пришелся же он впору генералу Блейку в тот раз на приеме во дворце у лорда-мэра.

Митченер. Ничего подобного. Генерал выглядел тогда чудовищным пугалом.

Миссис Фарел. Что поделаешь, обходитесь, как умеете. Что-то одно: или свое платье выставлять, или носить.

Митченер. А между тем публика считает удел командующего армией счастливым! О, если бы она видела изнанку его жизни! *(Возвращается за стол и принимается за прерванную работу.)*

Миссис Фарел. Видела бы публика изнанку мундира генерала Сандстона, особливо в том месте, где фляга трется о пряжку от подтяжек, так посоветовала бы ему заказать новый мундир. И еще послушала бы она, как он сквернословит.

Митченер. Если мужчина рисковал жизнью в восьми сраже-

ниях, миссис Фарел, он тем самым уже доказал свое самообладание и может иногда позволить себе крепкие выражения.

Миссис Фарел. Интересно, как вам понравилось бы, ежели бы я начала сквернословить оттого, что я рисковала жизнью, рожавши восемь раз?

Митченер. Милейшая миссис Фарел, не станете же вы, в самом деле, уподоблять риск такого домашнего свойства смертельному риску на полях сражений.

Миссис Фарел. Уж ясно, не сравню, где больше риску — производить людей на свет или сживать их пулями да взрывами со свету. Мать рискует ради долга, а солдат — ради одной забавы.

Митченер *(уязвленный)*. Позвольте заметить вам, миссис Фарел, если бы мужчина не воевал, женщинам пришлось бы воевать самим. Мы, по крайней мере, избавляем вас от этого.

Миссис Фарел. А куда ж вам деться? Нужда заставляет. Ежели бы вас на три четверти поубивали, мы бы нарожали новых мужчин с помощью оставшейся четверти. А ежели бы поубивали три четверти женщин, сколько бы народу осталось в Англии через двадцать лет? Не будь этой причины, мужчины давно взвалили бы войну на нас, как взвалили всякую тяжелую работу. Вот что бы, к примеру, вы делали, ежели бы нас всех поубивали? Легли бы в кровать и родили двойню?

Митченер. Право, миссис Фарел, вам лучше обсудить эти вопросы с врачом. Вы положительно заставляете меня краснеть.

Миссис Фарел *(ворчит себе под нос)*. Хорошенькое дело. Почаще бы мне удавалось заставлять краснеть покойного Фарела, не пришлось бы мне столько раз рисковать жизнью. Эх вы, с вашим риском, с вашей храбростью, с вашим самообладанием! «Что бы тебе почаще себя сдерживать»,— бывало, говорю я Фарелу. «Не могу,— отвечает,— мне религия не позволяет».

Митченер *(жалобно)*. Миссис Фарел, у вас необычайно мощный ум. Но я слабо разбираюсь в таких вещах и не могу обсуждать с вами столь деликатные темы. Прошу вас, избавьте меня от этих разговоров и, сделайте одолжение, отнесите это женское платье мистеру Балсквиту, когда дамы уйдут.

Входит ординарец.

Ординарец. Леди Коринтия Феншоу и миссис Гром желают вас видеть, сэр. Так велел передать вам мистер Балсквит.

Миссис Фарел. Это они насчет избирательного права. Не разберешь — то ли они из тех, которые его хотят, то ли из тех, которым оно ни к чему. Все они одинаковы, когда заведутся. *(Выходит, забрав с конторки суфражистский наряд Балсквита.)*

Митченер. А разве мистера Балсквита с ними нет?

Ординарец. Нет, сэр. Видно, миссис Гром допекла. Такой испугаешься... *(Хихикает.)* Посмотрел я, как он улепетывал, смех, да и только.

Митченер *(в ярости)*. Как вы смеете давать волю неуместному веселью в присутствии вашего командующего? Где ваше сознание солдатского долга?

Ординарец *(печально)*. Боюсь, сэр, мне его никак не прочувствовать. Понимаете, в чем дело. У моего отца имеется недурное парикмахерское заведеньице неподалеку от Шордича. С детства меня приучали к словоохотливости и любезному обхождению с людьми. Когда мне по жеребьевке выпало идти в армию, моя старая мамаша, доложу вам, хлопнулась в обморок, а я чуть ума не лишился. Уж как бы я был благодарен, сэр, если бы вы освободили меня от муштры и поручили взамен того брить вас. Вот когда вы оценили бы мои способности, сэр, право слово, оценили. В солдатах мне никогда не отличиться, сэр. Не могу заставить себя смотреть на армию как на стоящую работу для человека с живым, как говорится, воображением, сэр. Не то горничная, не то ряженый — одно притворство.

Митченер. Чушь, сэр. Жизнь солдата — самая легкая на свете. Обучился строевой — и знай держи язык за зубами и выполняй приказы.

Ординарец. Уверяю вас, сэр, приказы почти что всегда неправильные, как выполнишь — так влипнешь в историю. Сержантские приказы еще куда ни шло, но офицеры сами не знают, чего хотят. Лошадь и та иной раз знает лучше. Да вот нынче утром, когда мы несли караул по случаю торжественного посещения угольного треста, лейтенант Тревор командует: «В колонну по четыре стройся!» В первом ряду четвертым был я, ну я и выехал вперед. А лошадь назад пятится. Сержант тот на меня как кинется. «По трое, болван чертов»,— шипит. Ну и распесочил он меня, когда мы вернулись назад, кретином обозвал. «Как же мне быть,— говорю,— когда лейтенант скоман-

довал по четыре», — говорю. «Я тебе покажу, кто тут лейтенант, — говорит, — чтоб впредь слушал мои команды, а не его. Чего он там понимает». «Вы мне никакой команды не давали», — говорю. «А ты сам, что ли, не видишь — для четверых места нет, — говорит. — Головой надо думать». «А вот генерал Митченер, — говорю, — велит мне не думать, а выполнять приказы». «Кто твой сержант? — спрашивает он, как у него водится, с угрозой, — Митченер или я?» «Вы», — говорю. «Ну так и слушайся своего сержанта, — говорит, — на то и дисциплина». «А как быть с генералом?» — спрашиваю. «Пусть себе болтает, — говорит, — он для того и создан».

Митченер *(стонет)*. Может ли человеческий ум вообразить себе что-либо более отвратительное? Вы — позор для армии.

Ординарец *(глубоко оскорбленный)*. Нет, это армия — позор для меня, вот что. Когда я на улице попадаюсь родственникам моей матери в этой солдатской форме, я не знаю, куда глаза девать. У нас в семье до меня отродясь солдат не бывало.

Митченер. А в нашей семье, сэр, не бывало никого, кроме солдат.

Ординарец. Троюродная сестра моей матери была из Паркинсонов, которые из Степни! *(Чуть не со слезами.)* Откуда вам знать про чувства и понятия почтенной семьи, занимающей среднее положение в обществе? Не могу я, чтобы на меня смотрели с презрением из-за того, что я солдат. Почему моему отцу не разрешено нанять кого-нибудь другого, а меня отпустить? Вы отняли у солдата право получить за деньги свободу. Страна не знала, что вы затеяли такое, иначе она бы не допустила. Виданное ли дело — из англичанина делать такое посмешище.

Митченер. Молчать. Смирно. Направо кругом, марш.

Ординарец *(отступает к конторке и обливает ее слезами бессильного гнева)*. Дожить до того, чтобы со мной обращались как с какой-то мразью. Это со мной-то! Да я вот этими руками брил члена лондонского муниципалитета.

Митченер. Трус! Нюня! Но уж лучше срамитесь здесь, чем срамить отечество на поле брани.

Ординарец *(рассерженный, подступает к столу)*. Это кто осрамит свое отечество? Да разве я против того, чтобы воевать? Я против солдатчины. Вы мне покажите немца, и я его отделаю не хуже вашего. Но проводить время попусту, как теперь, торчать в караульной будке, чтоб на

тебя глазели, как на диковину, и чтоб тебе вечно затыкали рот криком «направо кругом, марш», стоит заговорить, как человек с человеком... При чем тут храбрость, сражения, патриотизм. Из человека делают жалкую овцу — вот что.

Митченер. У овец много ценных качеств с военной точки зрения. С них надо брать пример, а не отзываться с таким пренебрежением.

Ординарец. А, что толку с вами разговаривать? Не будь я ничтожный солдатишко, я бы дал вам разок в ухо и отделался сорока шиллингами или месяцем тюрьмы. Но оттого, что вы мой командир, я лишен права предстать перед мировым судьей, зато имею право получить два года каторги вместо расстрела. Почему, почему нельзя посчитаться с вами, как с обыкновенным гражданским?

Митченер *(величественно поднимается)*. Я тщетно обшариваю страницы истории, пытаясь найти что-либо аналогичное речи, обращенной рядовым к своему генералу. Если бы не связность ваших рассуждений, я бы счел вас пьяным. Но вы, должно быть, просто сошли с ума. Вас немедленно следует взять под арест. Позовите стражу.

Ординарец. Позовите вашу бабушку. Уберите хоть одного часового от дверей — глазом моргнуть не успеете, как сюда набьется полным-полно суфражисток.

Митченер. Так арестуйте себя сами и отправляйтесь в караульную.

Ординарец. За что я должен себя арестовывать?

Митченер. Не ваше дело. Получили приказ — выполняйте. Слышали? Направо кругом, марш!

Ординарец. Только и слышу «направо кругом, марш». Что бы чувствовали вы, ежели бы вами так помыкали?

Митченер. Я чувствовал бы, что это моя отчизна говорит голосом моего офицера. Я был бы горд и счастлив служить ей, выполняя ее приказы. Ни одна мысль о себе, никакая вульгарная забота о собственном мелком тщеславии не омрачила бы в этот миг моего сознания. Офицер в ту минуту был бы для меня не просто человек, нет, он являлся бы, каковы бы ни были его личные недостатки, воплощением нашей национальной судьбы.

Ординарец. Да ведь то, что говорю я, в тыщу раз больше похоже на голос старой доброй Англии, чем та белиберда, которую вы шпарите из книжек. Нет, уж лучше иметь дело с сержантом, чем с вами. Когда я вызываю его на спор как мужчину, он посылает меня подальше. Это не-

вежливо, но зато по-английски. Ваши же слова — бессмыслица. Сами вы так не живете. Сами в свои слова не верите. Ежели бы я вас вздумал этому учить, вы бы мне шею свернули и правильно сделали. И вот еще о чем бы я хотел с вами потолковать...

Митченер *(издает вопль протеста)*. Нет!..

Появляется миссис Гром, за ней — леди Коринтия Феншоу. Миссис Гром — мужеподобная дама лет сорока с зычным голосом, обладающая недюжинной физической силой. Леди Коринтии тоже уже за тридцать, она красива, романтического склада.

Миссис Гром *(решительно распахивает дверь и направляется прямо к Митченеру)*. Долго вы еще, скажите на милость, заставите ждать антисуфражистскую лигу? *(С презрительным видом проходит мимо и с величественной самоуверенностью опускается на стул у камина.)*

Леди Коринтия с не меньшим апломбом усаживается по другую сторону стола.

Митченер. Виноват. Вы просто не представляете себе, с чем мне приходится мириться. Вот это безмозглое, бездарное существо, позорящее форму солдата, которую оно недостойно носить, должно было провести вас сюда пятнадцать минут назад.

Ординарец. Да я всего только и сказал...

Митченер. Ни слова больше. Смирно. Направо кругом, марш.

Ординарец с упрямым видом садится.

Убирайтесь вон, болван, вы у меня сейчас вылетите из комнаты.

Ординарец *(вежливо)*. Вот это другое дело, сэр. Это по-человечески. По-английски. Давно бы так сказали. *(Выходит.)*

Митченер. Умоляю вас, не обращайте внимания, такие сцены повторяются ежедневно, с тех пор как мы ввели обязательную военную службу под влиянием дешевой пропаганды. Садитесь, прошу вас.

Леди Коринтия, Миссис Гром *(приподнимаются)*. Спасибо. *(Снова садятся.)*

Митченер *(садится, посмеиваясь с довольным видом)*. А теперь, леди, чему обязан?..

Миссис Гром. Позвольте я представлю нас. Я — Роза Кармина Гром, организационный секретарь антисуфра-

жистской лиги. А это – леди Коринтия Феншоу, президент лиги, известна в музыкальных кругах – я, кстати, никакого отношения к музыке не имею – под именем Соловей из Ричмонд-парка. Сопрано. У меня, говорят, почти баритон, но я, признаться, в таких тонкостях не разбираюсь.

Митченер *(любезно поддакивает)*. Уверен, вам это совершенно ни к чему.

Миссис Гром. Мы пришли сообщить вам без обиняков, что антисуфражистки собираются дать бой.

Митченер *(галантно)*. О, предоставьте это мужчинам, миссис Гром.

Леди Коринтия. Мы больше не доверяем мужчинам.

Миссис Гром. Они не выказали ни силы, ни отваги, ни решимости – тех качеств, без которых невозможно сражаться с такими особами, как суфражистки.

Леди Коринтия. В сражающихся сторонах говорит природа.

Миссис Гром. Физическая борьба между представителями противоположных полов непристойна.

Леди Коринтия. Безнравственна.

Миссис Гром. Неискренна.

Леди Коринтия. Такая борьба – просто замаскированные объятия.

Миссис Гром. Но подобные подозрения не могут возникнуть, когда воюющие стороны одного пола.

Леди Коринтия. Антисуфражистки решили взять дело в свои руки.

Миссис Гром. Они добьются проведения в жизнь приказа генерала Сандстона об удалении всех женщин на две мили от города. То есть всех женщин, кроме антисуфражисток.

Митченер. К сожалению, должен огорчить вас, мадам,– правительство отвергло этот проект, вследствие чего генерал Сандстон подал в отставку.

Миссис Гром. Нас это ни в малейшей степени не касается. Мы проект одобряем и проследим, чтобы его осуществили. Мы потратили немало денег на наше вооружение и не допустим, чтобы они оказались брошены на ветер из-за малодушия мужского состава Кабинета.

Митченер. Ваше вооружение! Дорогие мои леди, согласно последнему указу женщинам строго запрещено носить цепи, замки, брошюры об избирательных привилегиях и оружие любого образца.

Леди Коринтия *(вынимая револьвер с рукояткой из слоновой кости и наставляя его прямо в лицо генералу)*. Вы плохо знаете ваших соотечественниц, генерал Митченер.

Митченер *(не дрогнув)*. Мадам, в согласии с указом мой долг — отобрать оружие. Извольте положить его на стол.

Миссис Гром *(вынимает седельный пистолет восемнадцатого века)*. И этот вы тоже отберете?

Митченер. Нет, мадам, это не оружие, а антикварная вещь. Буду весьма обязан, если вы сдадите его в какой-нибудь музей, вместо того чтобы целить мне в голову.

Миссис Гром. Этим пистолетом, сэр, была вооружена при Ватерлоо моя бабушка.

Митченер. Вы хотите сказать — ваш дедушка.

Миссис Гром. Ваше предположение ничем не оправдано.

Леди Коринтия. Бабушка миссис Гром командовала войсковой лавкой в этой прославленной битве.

Миссис Гром. Кто был мой дедушка, до сих пор не установлено. Я полагаюсь не на моих предков, а на мой славный меч, хранящийся у меня дома.

Митченер. Меч!

Миссис Гром. Да, меч, которым я собственноручно положила пятерых египтян при Кассасине, где я служила кавалеристом.

Митченер. Господи помилуй! И что же, неужели ваш пол так и не был раскрыт?

Миссис Гром. Никто ничего даже не заподозрил. У меня был товарищ, один унтер-офицер, — у него было прозвище Фанни. Но меня им в голову не пришло называть Фанни!

Леди Коринтия. Суфражистки повернули все женское движение не туда. Они требуют избирательного права.

Миссис Гром. Какой в нем прок? У мужчин есть избирательное право.

Леди Коринтия. И все равно они рабы.

Миссис Гром. Право служить в армии — вот что нужно женщинам. Дайте мне женский кавалерийский полк с саблями наголо да поставьте его против мужчин с их избирательным правом, тогда и посмотрим, кто кого. Нет, хватит с нас этих нежных кротких созданий, они только и умеют, что болтать, допрашивать министров в полицейских судах и, как овечки, следовать в тюрьму, страдать и жертвовать собой. Этот вопрос должен решаться железом и кровью, как отлично сказал Бисмарк. И

я имею основания подозревать, что Бисмарк был переодетой женщиной.

Митченер. Бисмарк – женщиной?!

Миссис Гром. Все сильные исторические личности мужского пола – переодетые женщины.

Митченер *(пытается протестовать)*. Но моя дорогая леди...

Миссис Гром. А как вы докажете обратное? Вы так и не узнали, что герой атаки при Кассасине – женщина. И тем не менее то была я, Роза Кармина Гром. Думаете, Наполеон был бы так жесток с женщинами, будь он мужчиной?

Митченер. Довольно, довольно, остановитесь! Однако! Зато женщины-правительницы часто проявляли все женские слабости. Например, королева Елизавета. Ее тщеславие, ее непостоянство...

Миссис Гром. Ни один человек, изучавший историю королевы Елизаветы, ни на минуту не усомнится, что она была переодетым мужчиной.

Леди Коринтия *(с восхищением)*. Ну разве она не великолепна!

Миссис Гром *(поднимается и делает величественный жест)*. Сегодня же сбрасываю навсегда стесняющую меня юбку, сажусь на скакуна и с саблей в руке веду антисуфражисток к победе. *(Крупными шагами переходит на другую сторону комнаты, издавая фырканье.)*

Митченер. Но я не допущу ничего подобного, мадам. Я не потерплю такого несусветного вздора. Я намерен решительно воспротивиться...

Леди Коринтия. Не будьте так истеричны, генерал.

Митченер. Я! Истеричен!

Миссис Гром. Неужели вы воображаете, будто нас остановят такие детские вспышки гнева? Они ни к чему не приведут. Равно как слезы и мольбы – крайнее средство, к которому прибегают мужчины, – тоже мало вам помогут. Я отметаю их так же, как отметаю ваши планы кампании «Сделано в Германии»...

Митченер *(впадая в неудержимую ярость)*. Как вы смеете повторять эту бесчестную клевету! *(Бешено звонит в звонок.)* Если выбирать – вы или избирательное право для женщин, то я готов добиваться, чтобы каждой женщине в Англии дали по шесть голосов.

Входит ординарец.

Убрать эту женщину. Проследите, чтобы она покинула здание немедленно.

Ординарец безнадежно созерцает неприступный фасад миссис Гром.

Ординарец *(примирительно)*. Не будет ли у вас охоты покинуть комнату, мадам?

Миссис Гром. Вы — солдат. Выполняйте приказ. Выведите меня. Если бы я получила такой приказ, я не колебалась бы ни минуты.

Ординарец *(Митченеру)*. Не пособите ли мне, хозяин?

Леди Коринтия *(поднимает револьвер)*. Только шевельнитесь, генерал, и я буду вынуждена застрелить вас.

Миссис Гром *(ординарцу)*. Когда вам приказывают выставить кого-то, вы делаете это вот так. *(Вышвыривает его из кабинета.)*

Слышно, как он кубарем катится с лестницы и врезается в стеклянную дверь.

Теперь я займусь генералом Сандстоном. Если и он проявит малодушие, он разделит участь этой твари. *(Выходит.)*

Леди Коринтия. Ну разве она не изумительна?

Митченер. Уф, ушла, слава богу. А теперь, моя дорогая леди, нужно ли в продолжение всей беседы держать меня под дулом заряженного револьвера?

Леди Коринтия. Он не заряжен. Он и без пуль, видит бог, тяжелый.

Митченер *(торжествующе выхватывает револьвер из ящика стола)*. В таком случае, я хозяин положения, ха-ха! Мой — заряжен.

Леди Коринтия. Какое это имеет значение, раз мы все равно не собираемся стрелять друг в друга?

Митченер *(кладет револьвер на стол)*. Совершенно справедливо. Узнаю здравый смысл, который помешал вам попасться в сети суфражисток.

Леди Коринтия. Суфражистки, генерал, — жертвы в руках дурнушек. По-настоящему привлекательная и умная женщина...

Митченер *(галантно)*. Как вы, например.

Леди Коринтия *(хватает со стола его револьвер)*. Одно движение — и вы мертвы.

Митченер *(ошеломленный)*. Но, моя дорогая леди!

Леди Коринтия. Я не ваша дорогая леди. Вы не первый

мужчина, вообразивший, будто если я увлекаюсь музыкой и с величайшей легкостью могу взять фа во второй октаве – между прочим, Патти брала только ми бемоль, – то я могу стать добычей любого распутника. Думаете, я ничем не отличаюсь от тысячи других слабых женщин, которых вы погубили...

Митченер. Я положительно возражаю...

Леди Коринтия. Да, знаю я вас, офицеров. Для вас честь женщины – ничто, а минутное наслаждение – все.

Митченер. Какая нелепость! За всю мою жизнь я не погубил ни одной.

Леди Коринтия. Ни одной? И вы говорите серьезно?

Митченер. Разумеется, серьезно. С самым серьезным негодованием.

Леди Коринтия *(с презрением бросая револьвер)*. Так, значит, у вас нет темперамента, вы не художник в душе. Вы глухи к музыке.

Митченер. Как? Да я жертвую деньги на полковой оркестр всю мою жизнь! Я из собственного кармана заплатил за два саксофона. Когда в 1880-м в Найтсбридже я пел «Прости навек» Тости, весь полк рыдал. Вы слишком молоды, чтобы помнить это.

Леди Коринтия. Ваши авансы тщетны. Все равно я...

Митченер. Проклятье, мадам, неужели самого невинного комплимента достаточно, чтобы заподозрить меня в бесчестных намерениях?

Леди Коринтия. Любовь – настоящая любовь – делает все намерения честными. Но вам этого не понять.

Митченер. Нет, никогда не смирюсь с пошлым представлением, почерпнутым из дешевых романов, будто бы офицеру в его отношениях с женщинами меньше свойственно понятие чести, чем штатскому. Пока я жив, я буду возвышать свой голос...

Леди Коринтия. Дичь!

Митченер. Что означает ваше «дичь»?

Леди Коринтия. Вы не можете возвысить голос выше предела, положенного природой. Какой у вас голос?

Митченер. Тенор. А какой был у вас?

Леди Коринтия. Был! И сейчас есть. Говорю вам, у меня высочайшее сопрано нашего времени. *(С презрением.)* Какова была ваша верхняя нота, скажите на милость?

Митченер. Си бемоль... один раз, в тысяча восемьсот семьдесят девятом году. Я был тогда пьян.

Леди Коринтия *(взирая на него почти с нежностью)*.

Вы, может быть, не поверите, но я нахожу вас гораздо интереснее, когда вы говорите о музыке, чем когда пытаетесь предать доверие женщины, не побоявшейся остаться с вами наедине.

Митчener *(вскакивая как ужаленный и в раздражении отбегая к камину)*. Эти повторные оскорбления, наносимые человеку безупречной жизни, столько же порочат вас, сколько не заслужены мною, леди Коринтия. Подобные подозрения только провоцируют поступки, которые несправедливо мне приписываются.

Она вскидывает револьвер.

Вам нечего опасаться: я собираюсь всего лишь покинуть комнату.

Леди Коринтия. Рыба!

Митчener. Рыба! Это еще хуже, чем дичь. Почему рыба?

Леди Коринтия. Холоднокровная рыба.

Митчener. Черт возьми, мадам, вы что, хотите, чтобы я к вам приставал?

Леди Коринтия. Я нимало не намерена уступить вашим домогательствам, но это было бы данью романтике. Что такое жизнь без романтики?

Митчener *(делает к ней шаг)*. Я вам повторяю...

Леди Коринтия. Стойте! Ни шагу дальше. Оставьте вульгарную чувственность. Хотите поклоняться — поклоняйтесь на расстоянии.

Митчener. Нет, это еще хуже, чем миссис Гром. Я попрошу эту достойную даму вернуться.

Леди Коринтия. Бедная миссис Гром! Не подумайте, генерал Митчener, что миссис Гром разделяет мои взгляды на суфражистское движение. Миссис Гром — мужчина в юбке. Я же до кончиков пальцев женщина. Но я нахожу выгодным сотрудничать с ней.

Митчener. И вы находите комбинацию удобной?

Леди Коринтия. Я не ношу комбинаций, генерал. *(С достоинством.)* Они неженственны.

Митчener *(в отчаянии бросается на стул, стоящий у камина)*. Я с ума сойду. У меня и в мыслях не было упоминать подобные предметы.

Леди Коринтия. Совершенно незачем краснеть от стыда при упоминании о нижнем белье. Вы удивительно вульгарны, генерал.

Митчener. Леди Коринтия, у вас в руках мой револьвер. Не будете ли вы так добры вышибить мне мозги? Я пред-

почту этот исход нечеловеческим усилиям, требующимся для того, чтобы следовать за поворотами флюгера, который вы, несомненно, именуете вашей мыслью. Если вы откажетесь, предупреждаю – больше не услышите от меня ни слова, просиди мы здесь хоть до судного дня.

Леди Коринтия. Мне и не нужно, чтобы вы говорили. Мне нужно, чтобы вы слушали. Вы не понимаете, в чем состоят мои взгляды на суфражистское движение. *(Встает, намереваясь произнести речь.)* Предварительно я должна напомнить о том, что суфражистское движение есть, по сути, движение безвкусно одетых дурнушек. Не все суфражистки дурнушки. Но поддерживают их главным образом дурнушки. Про меня этого отнюдь не скажешь. Только без комплиментов, пожалуйста.

Митченер. Я не проронил ни звука.

Леди Коринтия *(с улыбкой)*. Нетрудно прочитать ваши мысли. Я одна из тех женщин, которые привыкли управлять миром через посредство мужчин. Мужчиной правит красота, обаяние. Мужчины, которые к этому глухи, не имеют никакого влияния. Салический закон, запрещавший женщине наследовать трон, основан на том, что, когда на троне женщина, страной правят мужчины, и тогда правление бывает неудачным; но когда на троне мужчина, страной правят женщины, и тогда правление оказывается удачным. Суфражистки низвели бы женщин с положения правительниц до положения избирательниц, до положения простых политиканш, рабынь избирательных кабин и махинаций. При таком положении дел мы начисто утратили бы наше влияние. Новозеландские женщины имеют избирательные права. И что же? Ни один поэт не сделает новозеландку своей героиней. С таким же успехом можно романтически вздыхать по новозеландской овце. Взгляните на самих суфражисток. Среди них популярны только хорошенькие, они флиртуют с толпой, как обыкновенные женщины флиртуют с офицерами.

Митченер. Так, по-вашему, страной все-таки должны в конечном счете управлять женщины?

Леди Коринтия. Не всякие. Некоторые. Я чуть не сказала – некая женщина. Словом, женщины, наделенные обаянием... артистические натуры... которые оказывают разумное, облагораживающее влияние на мужчин. *(Грациозно опускается на стул и с улыбкой охорашивается, с сознательным изяществом расправляя складки платья.)*

Митчener. Короче говоря, мадам, по-вашему, голосуя за мужчину, предоставляешь власть женщине, которая способна обвести мужчину вокруг пальца.

Леди Коринтия. Сказано не слишком изящно, но, пожалуй, по-другому вам этого и не выразить.

Митчener. Вероятно, вам не приходилось жить гарнизонной жизнью. А то вы заметили бы, что искуснее других обводят мужчин вокруг пальца скверные женщины.

Леди Коринтия. Что вы разумеете под словом «скверные»?

Митчener. Я разумею таких женщин, которые заварили бы дьявольскую кашу, если бы другие женщины не держали их в узде. Я не одобряю демократии, демократия — вздор. И я против того, чтобы давать женщинам избирательные права, я к этому не привык, а следовательно, способен непредвзятым взглядом видеть, какая из этого получилась бы несусветная чушь. Но я вам скажу прямо, леди Коринтия, есть только одна игра, которую я не выношу еще больше, чем игру в демократию или в женское избирательное право, и это — игра в Антония и Клеопатру. Если уж мне суждено быть управляемым женщинами, мне подавайте порядочных женщин, а не... одним словом, порядочных.

Леди Коринтия. У вас грубая душа, генерал Митчener.

Митчener. У миссис Гром тоже. И все же, черт возьми, я предпочту ее вам.

Леди Коринтия *(вскакивая)*. Миссис Гром! Мне!

Митчener. Именно. Вы сами говорили, что она великолепна.

Леди Коринтия. Вы не настоящий мужчина. Вы одно из тех бесполых существ, которые не умеют радоваться жизни, которым недоступно чувство красоты и вообще все возвышенное.

Митчener. Вне всякого сомнения, мадам, я именно таков. По правде говоря, я не большой мастер обсуждать общественные проблемы. Как всякого английского джентльмена, меня не приучили ко всяким умствованиям. Но случается, что, выслушав ряд высказываний, и подчас весьма идиотического характера, я прихожу к тому или иному заключению. Сейчас благодаря вам я заключаю, что женский вопрос касается не очаровательных образованных женщин, а безвкусно одетых дурнушек. Средняя англичанка — всегда безвкусно одетая дурнушка и не имеет шансов стать ничем иным. У нее нет обаяния, нет

ничего возвышенного, кроме тех случаев, когда она возвышает голос, отчитывая своего мужа или призывая ребятишек домой с улицы.

Леди Коринтия. Какая гадость!

Митченер. Но кто-то ведь должен делать работу дурнушек. И если бы нам пришлось выбирать, кого побросать в Темзу, всех дурнушек или всех очаровательных образованных женщин, выбор пал бы на очаровательных.

Леди Коринтия. И если бы вам пришлось выбирать, без чего обойтись, без музыки Вагнера или без завтрака, то вы обошлись бы без Вагнера. И что же – разве яичница с беконом делается от этого ценнее музыки или мясник и булочник выше поэта и философа? Может быть, кухня и важнее для нашего простого земного существования, чем кафедральный собор. Даже куда более низменные помещения могут предъявлять на это претензию. Но что важнее для жизни возвышенной?

Митченер. Ваши доводы так дьявольски остроумны, что скорее всего вы их вычитали из какой-то мерзкой книжки. Мои же доводы, какие ни на есть, мои собственные. Мне представляется дело так. Есть старинная поговорка: позаботься о пенсах, а фунты позаботятся о себе сами. Так вот, быть может, если мы позаботимся о дурнушках, о мясниках и булочниках, то красавицы и прочие выдающиеся персоны позаботятся о себе сами. *(Встает и с решительным видом смотрит на нее.)* Как бы то ни было, я не желаю, чтобы мои дела за меня улаживал Вагнер. Я не Вагнер. Откуда ему знать, в каком месте мне жмет сапог? Откуда вам с вашим фа во второй октаве знать, где жмет башмак у вашей прачки? Как вы узнаете, довольна ли она жизнью, если у нее нет права голоса? Прикажете ей явиться под ваши окна и побить вам стекла?

Леди Коринтия. Должна ли я понять, что генерал Митченер – демократ и поборник женского избирательного права?

Митченер. Да, вы меня обратили, вы и миссис Гром.

Леди Коринтия. Прощайте, презренная личность.

Поспешно входит Балсквит.

Мистер Балсквит, я иду к генералу Сандстону. Он, по крайней мере, офицер и джентльмен. *(Выплывает из комнаты.)*

Балсквит. Митченер, игра проиграна.

Митченер. Что вы хотите сказать?

Балсквит. Кабинет не выдержал нажима. Бывшие либералы и фритредеры-унионисты объявили, что, если провалится их предложение о передаче транспортных работ для армии и флота частным подрядчикам, они будут решительно поддерживать избирательные права для женщин, видя в этом единственный способ восстановить те свободы в стране, которые мы уничтожили введением обязательной воинской повинности.

Митченер. Неслыханная наглость!

Балсквит. Лейбористская партия заняла ту же позицию. Она высказалась в том смысле, что мужчины добились фабричного законодательства, прячась за женскую юбку, и что избирательных прав для армии они добьются точно таким же способом.

Митченер. Балсквит, не поддавайтесь скандалистам. Я только сейчас уведомил находившуюся здесь даму, что убедился наконец в необходимости...

Балсквит *(весело)*. Поддержать суфражисток?

Митченер. Нет, в необходимости подавить антисуфражисток любой ценой.

Балсквит. Это одно и то же.

Митченер. Нет, не одно и то же. Вы говорите, что лейбористская партия требует избирательных прав для женщин. Значит, предоставить их женщинам — исключено, иначе получилось бы, будто мы уступили скандалистам. Мы можем согласиться даровать стране что бы то ни было только при одном условии: чтобы никто не смел этого требовать.

Балсквит *(серьезно)*. Митченер, все напрасно: достоинства демократии неизбежно связаны с ее недостатками.

Митченер. Что вы считаете достоинствами, хотел бы я знать?

Балсквит. Ну, например, вы объявляете народу, что он и есть настоящий правитель и поэтому может делать, что захочет. В девяти случаях из десяти вам ответят: «Отлично, скажите только, что нам делать». Но случается, что у них рождается собственная идея на этот счет, и вот тут-то вы, естественно, оказываетесь в затруднительном положении.

Митченер. За...

Балсквит *(отчаянно стараясь заглушить его)*. Нет, нет, перестаньте повторять, чтобы я застрелил их, все равно я не соглашусь. В конце концов, женское избирательное

право погоды не сделает. Во всяком случае, в других странах оно ничего не изменило.

Митченер. А я никогда и не думал, что изменит. Просто я не желаю уступать панкхерстовской шайке. Пропади они все пропадом, Балсквит, ведь, кажется, только вчера мы засадили их в кутузку на месяц. Говорил я тогда — надо сажать на десять лет. Послушались бы моего совета, не было бы всего этого безобразия. Одно утешение — события полностью подтверждают мою правоту.

Вбегает ординарец.

Ординарец. Что делается, сэр! Миссис Гром заперла изнутри дверь в кабинете у генерала Сандстона и оседлала его — выжимает указ, разрешающий женщинам служить в армии.

Митченер. Навалитесь плечом на дверь и выломайте ее.

Ординарец. Ну да, это только в сказках дверь легко взломать. И потом я до смерти рад, что миссис Гром за запертой дверью. Да и все наши рады-радешеньки.

Митченер. Трусы! Балсквит, на помощь! *(Выбегает.)*

Балсквит *(мелкой рысцой невозмутимо перебегает к камину)*. Такая работа больше подходит парламентскому приставу, нежели главе парламента. Нет смысла бороться с миссис Гром — она тут же оседлает меня.

Ординарец. Послушайтесь моего совета, мистер Балсквит: женщинам дайте их избирательное право, армии — гражданские права, и дело с концом.

Митченер возвращается и становится между ними.

Митченер. Балсквит, приготовьтесь выслушать худшее.

Балсквит. Сандстона нет в живых?

Митченер. Напротив, жив как никогда. Смягчил миссис Гром, сделав ей предложение, причем он абсолютно искренен. Говорит, наконец-то встретил свой идеал — настоящую воительницу. Теперь она будет ездить на нем верхом до конца его жизни, и британской армией отныне фактически командует миссис Гром. Когда я попытался отговорить Сандстона, она самым оскорбительным тоном приказала мне: «Направо кругом, марш». Не будь она женщиной, я дал бы ей пощечину. Я еле удержался, чтобы не дать пощечину Сандстону. Невозможно вообразить без ужаса жестокости военно-полевого суда, который будет вершить миссис Гром. Я требую гражданских прав для армии.

Ординарец *(радостно хихикая)*. Вот то-то, генерал, то-то!

Митченер. А ну помолчите! *(Идет к двери, зовет.)* Миссис Фарел! *(Возвращается, говорит ординарцу.)* Гражданские права не дают еще права вести себя по-граждански. *(Доволен своим остроумием.)* Почти каламбур, ха-ха!

Миссис Фарел *(входя)*. Ну, что еще стряслось? *(Подходит к столу.)*

Митченер *(ординарцу)*. У меня к миссис Фарел дело личного свойства. Вон из комнаты, каналья.

Ординарец *(как всегда, пытается спорить)*. Так разве я...

Митченер хватает его за шиворот, выталкивает и захлопывает дверь. С торжественным видом приближается к миссис Фарел.

Митченер. Простите за неожиданность моего обращения, миссис Фарел, но я знаю только одну женщину в нашей стране, чей здравый смысл и сила характера способны помочь ее мужу выдержать конкуренцию с мужем миссис Гром. Я имею честь просить вашей руки.

Миссис Фарел. То есть хотите на мне жениться, так?

Митченер. Да.

Миссис Фарел. Нет уж, благодарю покорно. И так и так придется на вас трудиться, а замужем — еще и задарма.

Балсквит. Это можно будет исправить, когда женщины получат избирательные права. Меня вынудили дать такое обещание.

Митченер *(вкрадчиво, играя на обаянии)*. Миссис Фарел, вы работаете здесь с тех самых пор, как я приступил к своим обязанностям. Неужели ни разу в минуты романтического настроения вы не бросили благосклонного взгляда на мою персону?

Миссис Фарел. Мне не до того было, я бросала неблагосклонные взгляды на ваш грязный мундир и на ваши бумажки, которыми вы тут все кругом замусорили.

Митченер *(задетый)*. Должен ли я понять, что вы мне отказываете?

Миссис Фарел. Погодите чуток. *(Садится на стул Митченера, снимает телефонную трубку и называет номер.)* Две тройки ноль семь Элефант.

Митченер. Надеюсь, вы не в полицию звоните, миссис Фарел. Уверяю вас, я вполне нормален.

Миссис Фарел *(в трубку)*. Это ты, Элиза? *(Вслушивается.)* До сих пор в кровати? Поди вытяни ее за ногу, лентяйку этакую, скажи — родной матери очень нужно с нею пере-

говорить насчет генерала Митченера. *(Митченеру.)* Не бойтесь: я-то знаю, вы вполне нормальный, пока не заведете про немцев. *(В трубку.)* Элиза, это ты? *(Слушает.)* Помнишь, я тебе оплеуху закатила в тот раз, когда ты мне сказала, что, дескать, повела бы я себя хитро, могла бы за любого генерала в штабе выйти, вместо того чтобы срамить тебя, работая уборщицей? *(Слушает ответ.)* Так вот, я могу выйти за генерала Митченера без всяких хитростей. Как ты думаешь – соглашаться? *(Слушает.)* Я и сама не ребенок. *(Митченеру.)* Сколько вам лет?

Митченер *(с усилием)*. Пятьдесят два.

Миссис Фарел *(в трубку)*. Говорит, пятьдесят два. *(Слушает, потом Митченеру.)* Она говорит, в биографическом справочнике вам шестьдесят один.

Митченер. К черту справочник!

Миссис Фарел *(в трубку)*. Ладно, возраст не помеха. *(Слушает.)* Я его что? *(Слушает.)* Не разберу. Я его что? *(Слушает.)* Да кто его губит? На что он мне... А? *(Слушает.)* Ах, люблю. Большей глупости не придумала? *(Митченеру.)* Спрашивает, люблю ли я вас. *(В телефон.)* Знаешь, в моем возрасте такой чепухой я его, поди, только бы отпугнула. Что? *(Слушает.)* Вот-вот, я то же самое подумала.

Митченер. Могу я узнать, что именно вы подумали, миссис Фарел? Эта неизвестность невыносима.

Миссис Фарел. Я подумала, может, герцогине больше понравится, чтобы мамаша невестки была генеральша, а не поденщица. *(В телефон.)* Ужо погоди, моя милая, сама замуж выскочишь, так узнаешь, что с первого дня любая женщина становится поденщицей. *(Слушает.)* Так, думаешь, соглашаться? *(Слушает.)* Ах ты, трещотка ты этакая, попалась бы мне сейчас, я бы тебе задала. *(Слушает.)* Хватит, бегом назад в кровать, скажи спасибо, что я не там, а то я бы тебя поучила туфлей. *(Вешает трубку.)* Нет, наглость какая! *(Митченеру.)* Благослови вас бог, говорит, дети мои, будьте счастливы. *(Балквиту, переходя на его сторону комнаты.)* Передай, говорит, привет дорогуше Митчу.

Ординарец отворяет дверь и впускает леди Коринтию.

Ординарец. Леди Коринтия Феншоу желает поговорить с вами, сэр.

Леди Коринтия. Генерал Митченер, ваши замыслы относительно миссис Гром расстроены. Она помолвлена с генералом Сандстоном. Вы все еще предпочитаете ее мне?

Миссис Фарел. Он вышел из игры — он помолвлен со мной.

Ординарца, потрясенного этой новостью, отбрасывает от двери в сторону конторки, он хватается за табурет, чтобы не упасть.

Митченер. И чрезвычайно горжусь этим, леди Коринтия.

Леди Коринтия *(презрительным тоном)*. Пара как раз для вас. *(Подходит к Балсквиту.)* Мистер Балсквит, вы, по крайней мере, не филистер.

Балсквит. Не филистер, леди Коринтия, но зато убежденный холостяк. Жена мне ни к чему, но мне нужна Эгерия.

Миссис Фарел. Постыдились бы!

Леди Коринтия. Помолчите, женщина. Положение и обязанности жены, вероятно, устраивают вашу грубую натуру. Но моя мечта — как раз роль Эгерии. *(Балсквиту.)* Вы умеете аккомпанировать?

Балсквит. К величайшему сожалению, только мелодию, и то одним пальцем. Вот мой брат, очень любезный кавалер и внешне очень похожий на меня, знает три аккорда и с их помощью весьма ловко сопровождает все модные комические песенки.

Леди Коринтия. Я комических песенок не пою, и когда стану вашей Эгерией, вы тоже не будете. Сегодня же приходите на мой музыкальный вечер. Я разрешу вам посидеть у моих ног.

Балсквит *(тут же садясь на пол)*. Вот мой идеал романтического счастья. Он позволяет мне зайти не дальше, чем я хочу. Благодарю вас.

Ординарец. А меня как наградят, генерал? Может, на радостях и для меня что-нибудь сделаете? Нельзя ли произвести меня в сержанты?

Митченер. Обязанности сержанта вы исполнять совершенно неспособны. Вот в лейтенанты вы еще годитесь. Я представляю вас к производству в офицеры.

Ординарец. Урра! Теперь и к Паркинсонам из Степни можно без стыда зайти. Пойду скажу сержанту, что я о нем думаю. Урра! *(Выбегает из кабинета.)*

Миссис Фарел *(идет к двери и кричит вслед)*. Мог бы дверь за собой притворить, где тебя только воспитыва-

ли? *(Закрывает дверь и становится между Митченером и леди Коринтией.)*

Митченер. Несчастный! На другой же день, после того как армия получит гражданские права, они с Чабс-Дженкинсоном погибли — они неспособны поддержать дисциплину. Их неизбежно уволят и заменят по-настоящему умелыми людьми. Миссис Фарел, поскольку мы помолвлены и я искренне хочу делать все, как положено, если хотите, я готов вас поцеловать.

Миссис Фарел. Ну и поставили бы себя в дурацкое положение, и меня заодно.

Митченер. Вы поразительно здравомыслящая женщина. Я сделал удачнейший выбор. *(Целует ей руку.)*

Леди Коринтия *(Балсквиту)*. Можете поцеловать мне руку, если хотите.

Балсквит *(осторожно)*. Не думаю, чтобы стоило заходить так далеко. И вообще, переменим эту щекотливую тему. *(Митченеру.)* Мораль для вас, Митченер, кажется, в том, что пора перестать обращаться с солдатами, как со школьниками.

Митченер. А для вас, Балсквит, мораль в том, что пора перестать обращаться с женщинами, как с ангелами. Ха-ха!

Миссис Фарел. Ну, слава богу, наконец-то раскусили друг друга. Теперь и кончать пора.

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ НАЙДЕНЫШ

Пьеса,
принесшая позор
своему автору

1909

THE FASCINATING FOUNDLING

Утро. Контора лорда-канцлера. Правая дверь ведет на его половину; вблизи двери камин. Левая дверь выходит на лестницу для посетителей. Мерсер, пожилой клерк, работает за столом. В дверь для посетителей входит Гораций Брабазон, изящный и красивый девятнадцатилетний юноша; он подчеркнуто модно одет, в руках трость.

Брабазон. Мне нужно видеть лорда-канцлера.

Мерсер. Вам назначено?

Брабазон. Нет.

Мерсер. В таком случае нельзя.

Брабазон. Я говорю вам, мне нужно его видеть.

Мерсер. А я отвечаю вам, что его нельзя видеть. Послушайте, очевидно, вы думаете, что лорд-канцлер – хиромант или врач-кожник и прямо с улицы люди могут врываться к нему, когда им заблагорассудится?

Брабазон. Ваша тирада задумана, чтобы оскорбить и унизить меня. Но я взял себе за правило физически расправляться с тем, кто пытается меня оскорбить или унизить. *(Отбрасывает свою трость.)* Будьте готовы. *(Готовится к бою.)*

Мерсер. Слушайте, не мешайте мне и сейчас же покиньте контору, понимаете? Иначе мне придется вызвать полицию.

Брабазон. Вы стоите лицом к лицу со своей судьбой. Судьба ваша – поединок со мной. Не теряйте времени, а не то начну я. Не бледнейте. Я считаю недостойным для себя действовать врасплох. Левой рукой я ударю вас в глаз. Готовьтесь!

Мерсер. Я не собираюсь драться с вами. Оставьте меня наконец в покое! Я вам ничего не сказал.

Брабазон. Лжец, раб. Держитесь, говорю вам, держитесь.

Мерсер. О, видели ли эти стены что-нибудь подобное? Да не шумите же так.

Брабазон. Я делаю это нарочно. Я хочу драки, потому что от нее бывает больше всего шуму. Лорд-канцлер выйдет посмотреть, в чем дело, если шум будет достаточно громким! Пора! *(Готовится ударить.)*

Мерсер *(отступает к камину и хватает кочергу)*. А теперь как? Если вы подойдете, я проломлю вам голову.

Брабазон *(хватает каминные щипцы и с их помощью шумно разыгрывает битву)*.

Макдуф, начнем, и пусть нас меч рассудит.
Кто первым крикнет: «Стой!» – тот проклят будет!

Входит возмущенный лорд-канцлер.

Лорд-канцлер. Что тут происходит? Кто этот господин?

Брабазон. Лорд-канцлер. Прекрасно. *(Мерсеру.)* Сгинь, жуткий призрак! Прочь, обман! Милорд, я пришел к вам в связи с делом малолетнего Брабазона.

Лорд-канцлер. Если вы адвокат, сэр, вам должно быть хорошо известно, что в такой форме не принято обращаться в суд.

Брабазон. Я обращаюсь к вам как к опекуну всех сирот, дела которых находятся на рассмотрении в суде лорда-канцлера.

Лорд-канцлер. Сэр?

Брабазон. Не сердитесь; я сейчас все объясню. Помните дело малолетнего Брабазона? Честно, как мужчина мужчине, скажите, помните ли вы дело малолетнего Брабазона?

Лорд-канцлер. Да, мне кажется, такое дело было.

Брабазон. Конечно было. Тот малолетний – это я; я, Брабазон.

К тебе взываю: Гамлет, повелитель,
Отец, державный Датчанин, ответь мне!

Теперь ясно?

Лорд-канцлер. Вы молодой Гораций Брабазон, не правда ли?

Брабазон. Да, я, милорд. Такова жизнь!

Лорд-канцлер. Мы осуществляем над вами опеку, но вы постоянно не подчинялись нашим требованиям.

Брабазон. Они были нерезонны, просто глупы.

Лорд-канцлер. Сэр...

Брабазон. Я сейчас объясню. Одно из требований было, чтобы я избрал духовное поприще.

Лорд-канцлер. Оно соответствовало вашему собственному желанию.

Брабазон. Совершенно верно. Но не следовало ему потворствовать. Я был тогда слишком молод. Как я мог знать, что мне нужно? Я спрашиваю вас, как мужчина мужчину, ну похож ли я на архиепископа?

Лорд-канцлер. Какие глупости, сэр.

Брабазон. Как вы сами говорите, ничего не могло быть глупее. Вам следовало все предвидеть. Нет! Духовная стезя не для меня. Природа создала меня для сцены. «Обман» превратил меня сейчас, когда вы вошли, в Макдуфа. Собственно, я хотел узнать, можете ли вы устроить меня в театр? Как ваш подопечный, я вправе рассчитывать на это. Конечно, вы знаете массу людей, которые могли бы помочь мне. Но есть еще одно обстоятельство, очень важное. Я... Между прочим, не угодно ли вам сесть? Простите, что все это время я не предложил вам этого. Макдуф, стул!

Лорд-канцлер *(с иронической вежливостью)*. Вы очень любезны. *(Садится.)*

Брабазон. Не стоит об этом говорить. Итак, я нуждаюсь в домашнем уюте, в человеке, который покоил бы меня. Вы этого не можете сделать, так как слишком поглощены своими делами. Между прочим, можете ли вы позволять себе какие-нибудь вольности на глазах всего света? Даже если вы глубоко нравственны, я бы, наверное, сбил вас с пути. Чего я хочу, так это жениться. На немолодой женщине, знаете. Она должна быть достаточно солидна, чтобы годиться мне в матери, ну, скажем, лет тридцати или что-то в этом роде. Я люблю женщин зрелого возраста. Не таких, конечно, чтобы годились в матери вам, понимаете ли, но мне. Я считаю такое определение важным, так что, пожалуйста, имейте в виду. Не следует расширять здесь границ.

Лорд-канцлер. Мистер Мерсер, будьте любезны точно записать пожелания этого господина — роль Макбета в одном из лучших театров и невеста, приятная в обхождении и строгих правил. Что-нибудь еще, мистер Брабазон?

Брабазон. Пока больше ничего, спасибо. А теперь я не хочу отнимать время у такого занятого человека, как вы. Рад был познакомиться. Пока! Та, та, Макдуф. *(Выходит.)*

Лорд-канцлер. О чем вы думали, когда впустили этого сумасшедшего, мистер Мерсер? Я крайне возмущен.

Мерсер. Я не впускал его, милорд. Он вошел сам. С риском для жизни я старался не подпустить его к вам, когда вы зашли осведомиться, что произошло.

Лорд-канцлер *(с чувством)*. Мой верный Мерсер.

Мерсер. Мой уважаемый хозяин.

Они со слезами пожимают друг другу руки.

Лорд-канцлер. Нам было так хорошо до его прихода.

Мерсер. Попробуем его забыть, дорогой милорд. *(Поворачивается к своему столу и замечает на полу трость Брабазона.)* Подумайте только — он забыл трость. Он непременно вернется за ней. Бежим! *(Поднимает трость и кладет ее на стол.)*

Лорд-канцлер. Пустяки, Мерсер: у нас нет аэроплана, а если б и был, мы не сумели бы им воспользоваться. Послушайте! Кто-то пришел.

Оба бросаются к дверям. Извне нажимают ручку.

Скажите, что мы оба вышли.

Мерсер. Бесполезно, милорд. Пришедший обладает способностью логически мыслить: услышав наши голоса, он сделает вывод, что мы оба на месте.

Женский голос. Есть здесь кто-нибудь? Откройте мне.

Кто-то дергает двери.

Лорд-канцлер. Это голос молодой и, наверное, красивой женщины.

Мерсер. Да, милорд.

Лорд-канцлер. Тогда какого черта вы не открываете, а разыгрываете тут мелодрамы? Как вы смеете заставлять даму ждать? Я крайне возмущен.

Мерсер. Простите, милорд. *(Открывает дверь.)*

Входит Анестесия Валлиэми.

Анестесия *(Мерсеру)*. Здесь принимает лорд-канцлер?

Мерсер. Да.

Анестесия. Сэр Кардоний Бошингтон?

Мерсер. Да, мэм.

Анестесия. Вы — лорд-канцлер?

Мерсер. Нет, мэм. Точнее, пока нет.

Анестесия. А кто вы?

Мерсер. Я у лорда-канцлера занимаю должность...

Анестесия. Секретаря?

Мерсер. Не совсем так, мэм. Я должен сказать вам, что я у милорда, как говорится, нечто вроде клерка-слуги.

Анестесия. Вы джентльмен?

Мерсер *(нерешительно)*. Право, затрудняюсь сказать, мисс. В определенном смысле слова, да.

Анестесия. В каком именно?

Мерсер. Мисс, я джентльмен, например, в глазах владельца табачной лавки, где всегда покупаю папиросы. Всякий че-

ловек ведь джентльмен в глазах своего табачного торговца. Кандидат в парламент от Хорнси называет меня так. Правда, не всегда и, во всяком случае, не во время выборов. Видите ли, мисс, у нас существует три рода нетитулованных дворян.

Анестесия. Всего три?

Мерсер. Совершенно верно, мэм.

Анестесия. Чем же один отличается от другого?

Мерсер. Это видно по обхождению с носильщиками, мисс. Подлинный джентльмен высшего класса дает носильщику шиллинг, среднего — шесть пенсов, а низшего — только два. Я лично даю два.

Анестесия. Какой же класс джентльменов, позвольте узнать, предлагает даме сесть?

Мерсер. О, простите, пожалуйста, мисс. *(Подает Анестесии стул.)*

Анестесия. Спасибо. А теперь не будете ли вы столь любезны передать сэру Кардонию Бошингтону, что его хочет видеть мисс Анестесия Валлиэми?

Мерсер *(лорду-канцлеру)*. Мисс Анестесия Валлиэми, милорд.

Анестесия *(вскакивая со стула)*. Вы хотите меня уверить, что этот пожилой господин в форменном платье — великий лорд-канцлер?

Лорд-канцлер. Я к вашим услугам, мисс Валлиэми.

Анестесия *(вынимает газету)*. Это невозможно! У меня тут статья о сэре Кардонии, озаглавленная «Наш великий канцлер»; описание ни в чем не соответствует истине. *(Читает.)* «В наше время никому не удавалось уравновешивать трепет, внушаемый властной манерой себя держать и величественностью, любовью и доверием, которое самый скромный и юный из опекаемых судом испытывает при звуке его мягкого голоса и ободряющем взгляде светящихся юмором добрых серых глаз». И вы хотите уверить меня, что это говорится о вас.

Лорд-канцлер. Не мне судить, насколько точно и удачно описание, мадам, но я полагаю, что автор имел в виду меня.

Мерсер *(вынимает другую газету)*. Быть может, мисс, это вы признаете более соответствующим? У нас с сэром Кардонием разные политические убеждения.

Анестесия *(берет газету и читает указанный им отрывок)*. «Долго ли нация будет терпеть, чтобы этот презренный комедиант сидел на набитой шерстью подушке?» Что значит «набитая шерстью подушка»?

Мерсер. То, на чем лорд-канцлер заседает в палате лордов.

Анестесия *(продолжает читать)*. «Чье содержимое поразительно напоминает начинку его головы?» Знаете, отвратительная статья. Правда? Здесь ведь говорится, что у вас не мозги, а шерстяные очесы. Не так ли?

Лорд-канцлер. Эта фраза не заслуживает моего внимания. Я удивлен, Мерсер, что вы храните такого рода непристойную газету. Мы можем расходиться в точках зрения, но если какая-нибудь газета, которую я получаю, стала бы писать о вас в таких неподходящих выражениях, я никогда более не раскрыл бы ее.

Мерсер. Что делать, милорд, политика — всегда политика. В конце концов она не что иное, как изобличение противной стороны. Если я за пенни покупаю себе газету, мое право получать за эти деньги то же, что получает всякий другой.

Анестесия. Ничего не понимаю. *(Лорду-канцлеру.)* Вы — презренный комедиант? Другая газета утверждает, что ваше имя сохранится в благородных сердцах англичан, когда Элдон и сэр Томас Мор давно будут забыты. А я-то думала, все, что пишется в газетах, — правда. Как вы можете объяснить, что вы одновременно великий лорд-канцлер и презренный комедиант?

Лорд-канцлер. Я понимаю это так: отличная газета, откуда вы прочитали первый отрывок, отказалась от каких бы то ни было политических соображений и попыталась дать просто-напросто непредвзятую оценку той скромной пользы, какую я был в состоянии принести моей стране. Другая газета не дает ничего, кроме враждебных измышлений безграмотного писаки, получающего пенни за строку и ослепленного политическим пристрастием.

Мерсер. Следует читать одну газету, мисс: чтение нескольких сбивает с толку, не говоря уже о трате денег.

Анестесия. Меня утешает, что газета великого лорда-канцлера та самая, которую следует читать. *(Лорду-канцлеру.)* Вы думаете, я могу доверять всему, что там написано?

Лорд-канцлер. Надеюсь, что не разочарую вас ни в одном лестном суждении, основанном на ее информации.

Анестесия. Здесь сказано, что, хотя вы суровы к недостойным и беспощадны к обманщикам, ваша мудрость и редкое знание законов всегда к услугам тех, кто этого достоин, и ни один отягощенный горем проситель не уходил от вас, не получив насыщения.

Лорд-канцлер. Ну, это может относиться только к моему дому, мадам. Здесь у меня нет ничего съестного.

Мерсер. У меня с собой завтрак, мисс. Чтобы не отпустить вас голодной, я с радостью готов отдать мой сэндвич вам, мисс.

Анестесия. Я ищу не милосердия, а справедливости.

Лорд-канцлер. Мадам, прошу вас не пользоваться языком безработных демонстрантов и говорить как подобает леди. Палата лордов испокон веков творит милосердие, а не справедливость.

Мерсер. Если хотите знать, палата лордов в самое ближайшее время сама окажется безработной.

Лорд-канцлер. Замолчите, Мерсер, и будьте любезны в присутствии этой леди держать свой радикализм при себе.

Анестесия. Почему вы допускаете, чтобы ваш клерк был радикалом?

Лорд-канцлер. Мадам, чтобы сделать его консерватором или монархистом, мне пришлось бы основательно повысить ему жалованье. Я предпочитаю сохранить деньги и терпеть рядом с собой радикала.

Анестесия. Простите, что я засыпаю вас такими вопросами, но так как я решила, прочитав газету, что вы человек, который должен руководить мною и быть мне отцом, очень важно, чтобы с вами было все в порядке, не правда ли?

Лорд-канцлер. Но я не обязан быть отцом всякой молодой леди, которая приходит сюда.

Анестесия. Не обязаны! А справочник Уитекера утверждает, что у вас десять тысяч фунтов годового дохода? Вы же чем-то заслуживаете их, я полагаю. *(Мерсеру.)* Между прочим, там не указано, сколько получаете вы.

Мерсер. Полторы тысячи.

Анестесия. Полторы тысячи фунтов — это примерно в шестьдесят шесть раз меньше. Почему лорд-канцлер получает в шестьдесят шесть раз больше? Выходит, он в шестьдесят шесть раз лучше вас?

Мерсер. Во всяком случае, милорд так думает.

Лорд-канцлер. Я лишен подобных смешных претензий, Мерсер.

Анестесия *(лорду-канцлеру)*. Быть может, вы в шестьдесят шесть раз больший трезвенник. Сколько вы выпиваете каждый день?

Лорд-канцлер. По преимуществу я пью чай, и одной бутылки бургундского мне довольно.

Анестесия *(Мерсеру)*. Я делаю из этого вывод, что вы выпиваете шестьдесят шесть бутылок в день.

Мерсер. Получая полторы тысячи фунтов в год? Нет. Этого хватает только на пиво по воскресным дням.

Анестесия. У вас, Мерсер, что-то неладно, если вы имеете всего шестьдесят шестую часть доходов милорда.

Лорд-канцлер. Мерсер, мадам, незаменимый человек на своем месте.

Анестесия. Тогда у вас, милорд, все обстоит исключительно ладно.

Лорд-канцлер. Я надеюсь.

Анестесия. Что касается меня, я не вижу разницы между вами.

Мерсер. Лорд-канцлер крепче.

Анестесия. Крепче? А мне думается, у него для здорового человека слишком красный нос. Это, подозреваю, следствие бургундского. Однако я пришла сюда не для того, чтобы рассуждать о вас обоих. Считайте это эгоистичным, если хотите, но я здесь затем, чтобы говорить о себе. Дело в том, что я сирота. По крайней мере, думаю, что сирота.

Лорд-канцлер. А точно вы не знаете?

Анестесия. Нет. Я выросла, мягко говоря, на общественном попечении. Меня, видите ли, нашли на лестнице. Это могло бы случиться с кем угодно, не правда ли?

Мерсер *(шокирован)*. И вы имеете наглость прийти сюда и разговаривать с нами будто настоящая леди. Уходите, и пусть вам будет стыдно, дерзкая девчонка.

Лорд-канцлер. Потише, Мерсер, потише. Бедная девочка ведь не виновата.

Мерсер. Не виновата! Она никому не дочь, только чье-то порождение.

Анестесия. Может быть, я его дочь, милорд.

Мерсер. О, вы сошли с ума! Ну и девица. И мне суждено было дожить до такого обвинения. Я уважаемый человек!

Анестесия. Я почувствовала кровную связь, едва взглянув на вас.

Лорд-канцлер. Это голос природы! О, Мерсер, Мерсер!

Мерсер. За ваши слова вы ответите по закону. Скажите, что вы не верите ей, милорд. Не дайте мне сойти с ума. Скажите, что не верите.

Лорд-канцлер. Я не могу не внять голосу природы, Мерсер. Улики против вас весьма весомы.

Мерсер. Я — отец какой-то простой девушки, найденной на пороге работного дома!

Анестесия *(в крайнем возмущении встает)*. Как вы смеете говорить такие вещи? На пороге работного дома! Меня нашли на пороге одного из самых богатых особняков на Парк-лейн.

Лорд-канцлер *(ошеломлен)*. Дорогая моя леди, как мне загладить свою вину?

Мерсер *(раздавлен)*. Покорнейше приношу свои извинения, мисс.

Лорд-канцлер. Забудьте о грубостях, которые вы слышали от него, — Мерсер не умеет себя вести. Садитесь, прошу вас.

Мерсер. Если б я только знал, мисс! Парк-лейн, шутка ли. Я готов откусить себе язык, уверяю вас.

Анестесия. Не продолжайте. Конечно, вы не могли знать, какого я происхождения.

Мерсер. Мисс, не говорите так. Парк-лейн чувствуется у вас во всем.

Лорд-канцлер *(горячо)*. В манерах.

Мерсер. В произношении.

Лорд-канцлер. В тоне.

Мерсер. В обхождении.

Лорд-канцлер. A je ne sais quoi...[1]

Мерсер. A tout ensemble.[2]

Анестесия. Вы знаете по-французски?

Мерсер. Ни слова, мисс, но, когда гляжу на вашу шляпку, французские слова так и слетают у меня с языка.

Анестесия. Вы очень добры.

Лорд-канцлер. О, нисколько.

Мерсер. Не говорите этого.

Анестесия. Довольно. Я прощаю вам обоим. Но теперь будьте внимательны! Я добрая, но немного сумасбродная девушка, и в качестве опоры мне необходимы какие-нибудь серьезные жизненные интересы. Поскольку у меня всегда был непомерный аппетит и склонность к полноте, я стала заниматься политикой. Для вас, сэр, политика — это палата лордов, для меня, поскольку я женщина, это тюрьма Холоуэй и голодовки протеста. Я отказывалась

---

[1] Не знаю, в чем еще *(франц.)*.

[2] Во всем *(франц.)*.

есть, пока голод не стал таким нестерпимым, что я сделала попытку съесть начальника тюрьмы, человека полного, толстощекого и аппетитного, который пришел ко мне в камеру увещевать меня.

Лорд-канцлер. Простите меня, я думал, что вы, суфражистские овечки, гордитесь своим обыкновением всегда поступать, сообразуясь с принципами. Исходя из каких своих принципов, позвольте спросить, вы оправдываете попытку съесть почтенного представителя общественной администрации?

Анестесия. Из принципа отношений кошки и мышки, милорд; на нем основаны многие английские законы.

Мерсер. Не согласен. Ни в коем случае, если под кошкой разуметь женщину.

Лорд-канцлер. Разрешите узнать, мадам, что в таком случае было с несчастной мышкой.

Анестесия. Она пришла в ярость и заявила, что ни минуты долее не согласна держать меня у себя в тюрьме, даже если бы я на коленях молила об этом. Конечно, я отказалась уходить, но в конце концов должна была оставить беднягу: десяток надзирательниц поработало над тем, чтобы уломать меня. После этого от несчастных, правда, остались рожки да ножки. Тюрьма во многом изменила меня. До того как туда попасть, я жаждала кого-нибудь любить, но, когда я вышла на свободу, мне хотелось только одного – есть. Рядом с тюрьмой – две закусочные. На одной была вывеска «Сосиски и картофельное пюре», на другой – «Сэндвичи и кофе». Я побывала в обеих и взяла по две порции того и другого. Затем поехала в ресторан Холборн и заказала завтрак за пять шиллингов, а по пути трижды ела в дешевых забегаловках, чтобы поддержать свое истощенное тело. Здесь мне отказались второй раз дать позавтракать, поэтому я отправилась к Карлтону. Не буду утомлять вас рассказами о ресторанах «Савой», «Пагани», «Фраскатти», «Гатти», о продавцах жареного картофеля, о маленьких кафе... Достаточно сказать, что, когда я наконец утолила голод, ко мне с прежней силой возвратилась потребность в любви. Я поняла, что кому-то должна давать ласку, кому-то приносить себя в жертву. Вы, разумеется, считаете, что самопожертвование – любимое развлечение женщин.

Лорд-канцлер. Конечно.

Анестесия. Все мужчины так думают. Кого же мне было любить? Друзья советовали мне выйти замуж. Но я боя-

лась сразу отважиться на такое дорогое и хлопотливое предприятие, и я решила начать с того, что взяла собаку. Когда же тот, у кого я ее купила, в шестой раз украл у меня собаку, я уже отказалась выплатить ему вознаграждение, и мы с моей собакой расстались навеки. Я завела кошку, но эта кошка вела себя так невоспитанно, что с ней невозможно было жить под одной крышей. Тогда я усыновила ребенка, отец которого попал под автомобиль, но тетка этого ребенка, узнав, что я выросла без родителей, забрала его у меня, и, скажу правду, я не без удовольствия избавилась от этого маленького дьявола. Но бедное мое сердце продолжало тосковать, руки мои тянулись, чтобы прижать к груди любимое существо.

Лорд-канцлер. Если я могу быть вам тут полезен, мадам.

Анестесия. Вы? Вы ведь женаты? Разве нет?

Лорд-канцлер. Да, я ммм... женат.

Мерсер *(ловит ее взгляд)*. К сожалению, мисс, и я женат. Правда, развод должен обойтись в каких-нибудь восемьдесят фунтов или что-то в этом роде, если мы сделаем все, как следует.

Анестесия. Никто никогда не скажет, что Анестесия Валлиэми построила свое счастье на обломках чужого. Есть более молодые и более привлекательные мужчины, чем вы, милорд, и более благородные характеры, чем Мерсер. Ни один из вас, если мне позволительно так сказать, в полной мере не соответствует тому типу мужчин, которых я отношу к первому сорту. А я хочу, о, я хочу мужа только первого сорта. Он должен быть, прежде всего, молод. Не то, чтобы меня соблазняли – о, долго они не сохраняются – щеки без морщин и стройная фигура. Необходимое условие для меня как жены, чтобы моим мужем был человек, которым я смогу верховодить, потому что, если жена не сумеет верховодить, это возьмет на себя муж.

Ваш долг как старшего и друга
Найти мне по сердцу супруга,
Чтоб он сначала и потом
Был у меня под башмаком.

Я боюсь, что ударилась в поэзию; это от охвативших меня бурных чувств. Я умоляю не заставлять меня долго ждать. Мое сердце, оно трепещет как никогда до сих пор не трепетало, мои руки, мои руки жаждут обнимать, как не жаждали никогда до сих пор, мое сердце, мое сердце

бьется, как не билось никогда до сих пор. Все нервы моего тела, все фибры моей души...

Входит Брабазон.

Брабазон. Извините, я, кажется, забыл здесь свою трость.

Анестесия *(бросается ему на шею)*. Явился, явился тот самый, кого я ждала!

Брабазон. Полностью исключено, дорогая леди. Сэр Кардоний растолкует вам, что вы слишком молоды, слишком безответственны, слишком импульсивны, чтобы быть для меня чем-нибудь большим, чем в высшей степени приятным предметом мечтаний и очаровательной хозяйкой. Теперь могу ли я осмелиться предложить вам вступить в брак?

Анестесия. Какая ерунда! Как раз то же самое *я* предлагаю вам.

Брабазон. Не совсем то, я полагаю: вы, насколько я понимаю, собираетесь выйти замуж за меня, а *я* хочу, чтобы вашим мужем стал один из моих друзей. Тогда вы сможете приглашать меня в гости и ради меня пускать в ход свои самые светские манеры. Его привилегией будет оплачивать ваши шляпки и видеть ваши несветские манеры.

Мерсер. Милорд, у этого человека гениальная голова.

Лорд-канцлер. Это поможет ему так же мало, как если б он был самым большим глупцом на свете. Молодой человек, вы погибли. Я сопротивлялся, как и вы, и хотел выскочить из этого дела.

Мерсер. Всю дорогу от Госпел Оук до Айлингтона я старался сбежать, но напрасно.

Лорд-канцлер. Упаси вас бог рассердить ее, показывая свое нежелание. Помните: «Нет зла ужаснее, чем женщина, которую отвергли».

Мерсер. Какой смысл в этих словах сегодня? Когда они были написаны, женщина сочла бы слово «нет» ответом. А теперь не желает.

Анестесия. С сегодняшнего дня вы начнете появляться со мной. Конечно, пока вы держите экзамен, но если подойдете, ровно через три недели в пятницу мы поженимся.

Брабазон. Но в чем же тогда будет моя заслуга? Где нравственная дисциплина, где самопожертвование? Вы очаровательны, поэтому жениться на вас было бы чистейшим проявлением себялюбия.

Анестесия. Вы, дорогой, теперь думаете так. Через год вы

будете думать иначе. Я позабочусь об этом ради того, чтобы угодить своему любимому.

Брабазон. Да, но подумайте вот о чем. У вас есть какие-нибудь деньги?

Анестесия. Ни гроша.

Брабазон. И вы надеетесь даром приобрести раба. Какая самоуверенность.

Анестесия. Я богаче, чем вы думаете, мой дорогой. Я бедная сирота без единого гроша в кармане. Разве это не трогает вас?

Брабазон. Нисколько.

Анестесия. Глупый мальчик. Вы забыли, что женщина с деньгами всегда имеет семью.

Брабазон. Ну и что?

Анестесия. Семья — это значит родственные связи. Поэтому собственный дом вы не можете считать своим. Братья жены занимают у вас деньги, сестры гостят месяцами, ее мать не ладит с вашей.

Мерсер. Каждое ваше слово — истинная правда.

Лорд-канцлер. Это неопровержимо. *(Глубоко вздыхает.)*

Анестесия. Я, моя любовь, далеко не совершенство. Я слабая женщина. У меня нет опоры, кроме вашей любви, нет места, где я могла бы найти отдохновение, кроме вашего очень вам идущего модного жилета. Ведь я найденыш.

Брабазон *(с волнением и надеждой)*. Найденыш?

Анестесия. В целом свете у меня нет родни.

Брабазон *(обнимает ее)*. Вы — моя, моя, моя!

НЕМНОГО РЕАЛЬНОСТИ

Маленькая трагедия

1909

THE GLIMPSE OF REALITY

Время – XV столетие н. э. Сумерки. Гостиница на берегу озера в Италии. Каменный крест, к которому ведут ступени. Старый монах сидит на ступенях. Колокол зовет к молитве Angelus dei.[1] *Монах молится и осеняет себя крестом. Девушка ведет лодку к берегу и по отмели приближается к кресту.*

Девушка. Отец, тебя послал сюда юноша из...

Монах *(высоким, писклявым, но чистым голосом)*. Я очень стар. Очень стар. Достаточно древен, чтобы быть твоим прадедом, дочь моя. Да, очень, очень древен.

Девушка. Тебя послал сюда юноша из...

Монах. Да, да, да, да и еще раз да. Он совсем еще мальчик. Во всяком случае, очень молод. А я очень стар. Да, очень, очень стар, возлюбленная дочь моя.

Девушка. Ты святой человек?

Монах *(исступленно)*. Да, святой человек. Подлинно, подлинно, подлинно святой.

Девушка. Ты вполне в своем уме, отец? Можешь отпустить мне тяжелый грех?

Монах. О, конечно, конечно, конечно. Тяжелый грех. Я, правда, очень стар, но не выжил из ума. Хотя по милости пресвятой девы и дожил до ста тринадцати лет, но еще помню свою латынь и могу приказывать и отпускать грехи. Я умудрен истинной мудростью, ибо древен и отвергся мира, плоти и диавола. Я слеп, дочь моя, но когда юноша сказал мне, что моя служба здесь, я пришел без поводыря, прямо сюда, путеводимый святой Варварой. Она привела меня к этому камню, дочь моя. Он дарует мне духовную усладу, ибо святая благословила камень.

Девушка. Это крест, отец.

Монах *(восторженно пищит)*. Благословенна, благословенна, благословенна вовеки моя святая покровительница, которая привела меня к этому святому месту. Поблизости есть какой-нибудь дом, дочь моя? Юноша поминал какую-то гостиницу.

Девушка. Гостиница, отец, не дальше каких-нибудь двадцати ярдов отсюда. Ее хозяин – мой отец Скварчо.

Монах. Найдется ли там сарай, где глубокий старик мог бы переночевать и получить пригоршню гороху на ужин?

---

[1] «Ангел господен» *(лат.)*.

Девушка. Да, есть приют для святого человека, который снимет с нас тяжесть грехов. Поклянись мне на кресте, что ты великий святой.

Монах. Я сделаю больше, дочь моя. Я докажу свою святость чудом, приключившимся со мной.

Девушка. Чудом?

Монах. Воистину необыкновенным чудом, удивительным чудом! Еще восемнадцатилетним юношей я уже славился своим благочестием. Когда в Витборо была найдена рука святой Варвары — будь она благословенна, — которую отсекли ей во времена гонений на церковь, сам папа избрал меня, дабы я доставил руку в Рим на торжество в честь этой святой — будь она благословенна, — которое должно было праздноваться там. С тех дней рука моя не стареется. До сих пор она осталась рукой молодого человека, горячей и полной, в то время как все тело мое иссохло, как глина, а голос сорвался, и теперь я не говорю, а, как можешь заметить, издаю какой-то свист.

Девушка. Это правда? Дай-ка посмотреть.

Монах берет ее руку в свою. Девушка становится на колени и пылко целует ему руку.

О, чистая правда. Ты святой. Небеса послали тебя сюда по моей молитве.

Монах. Рука моя так же нежна, как твоя шея, разве нет? *(Гладит шею девушки.)*

Девушка. У меня замирает сердце — так это восхитительно.

Монах. И у меня замирает, дочь моя. В мои годы это тоже чудо.

Девушка. Отец...

Монах. Приблизься, дочь моя. Я очень, очень стар и совсем глух: тебе надо говорить мне в самое ухо, если не напрягаешь голоса.

Она становится на колени, грудь прижата к его руке, подбородок лежит у него на плече.

Хорошо, хорошо. Вот так лучше. Как я бесконечно стар!

Девушка. Отец, я близка к тому, чтобы совершить смертный грех.

Монах. Совершай его, дочь моя. Совершай, совершай, совершай, совершай.

Девушка *(разочарованно)*. О, ты не слышишь, что я говорю.

Монах. Не слышу! Тогда придвинься ближе, дочь. Еще, еще ближе. Положи мне на плечо руку и говори прямо в ухо.

Не смущайся, дочь моя. Я ведь только ветхий мешок с костями. Слышишь, как они лязгают. *(Поводит плечами и одновременно щелкает бусинами своих четок.)* Слушай, как лязгают старческие кости. О, благословенная Варвара, возьми старца на небеса.

Девушка. У тебя какие-то странные шутки. Слушай меня. Ты слушаешь?

Монах. Да, да, да, да, да, да, да. Помни, слушаю я или не слушаю, я могу дать тебе отпущение. Для тебя может и лучше, если я не услышу самого страшного. Хе, хе, хе! Отлично. Отлично. Если я впаду в рассеянность, сожми мою сохранившую молодость руку, и благословенная Варвара ниспошлет мне способность сосредоточиться.

Она крепко сжимает его руку.

Вот так. Во-о-от так. Теперь я знаю, кто я и кто ты. Продолжай, мое дитя.

Девушка. Отец, в этом году я пойду замуж за молодого рыбака.

Монах. Ну и чертовка ты, моя дорогая.

Девушка *(сжимая его руку)*. Слушай, слушай. Ты опять рассеян.

Монах. Это правда. Крепко держи меня за руку. Я понимаю, понимаю. Этот молодой рыбак не очень хорош собой и не очень привлекателен, но честен и предан тебе. В нем есть что-то, отличающее его от всех остальных молодых парней.

Девушка. Я вижу, ты его знаешь!

Монах. Не знаю, не знаю, не знаю, не знаю. Я слишком стар, чтобы помнить кого-нибудь. Мне все подсказывает святая Варвара.

Девушка. Значит, ты знаешь, почему мы до сих пор не можем пожениться.

Монах. Он слишком беден, и его мать запрещает ему жениться на невесте без приданого.

Девушка *(перебивает нетерпеливо)*. Да, да. О, да будет благословенна святая Варвара за то, что послала мне тебя. Требовать тридцать крон с такой бедной девушки, как я, безнравственно, дико. Мне остается только согрешить, чтобы заработать столько.

Монах. Да, но это будет не твой грех, а ее.

Девушка. Правда. Это не приходило мне раньше в голову. Но скажи, она будет наказана?

Монах. Ей предстоят долгие века чистилища, дочь моя. Чем

больше прегрешение, тем дольше будет длиться страдание. Так что позаботься, чтобы ей пришлось посолонее.

Девушка отпрянула.

Не отпускай моей руки — у меня разбегаются мысли.

Она сжимает руку монаха.

Вот так, дорогая. Грехи — опасная штука, дочь моя. Даже грехи свекрови обходятся весьма недешево. Муж будет тебя во всем урезывать, чтобы платить за службы в поминовение ее души.

Девушка. Это правда. Ты очень мудр, отец.

Монах. Поэтому соверши простительный и не очень отталкивающий грех. Ну, что тебе идет на ум?

Девушка. Есть такой молодой граф Ферруччо, сын тирана Пармы.

Монах вздрагивает при упоминании этого имени.

Монах. Отличный молодой человек, дочь моя. Лучшего молодого человека, чтобы согрешить с ним, не найти. Но тридцать крон ты с него не возьмешь — у этого нищего изгнанника нет таких денег. Ферруччо, надо тебе знать, любил мадонну Бригиту, сестру кардинала Польди, восемнадцатилетнего племянника папы. Кардинал застал его со своей сестрой, и тут нрав Ферруччо взыграл, и он вышвырнул этого святого кардинальчика из окна, и тот сломал руку.

Девушка. Ты все знаешь.

Монах. Все святая Варвара, дочь моя, все она. Я ничего не знаю. Скажи, где ты видела Ферруччо? Святая Варвара говорит, что он тебя никогда в жизни не видел и в помине не имеет тридцати крон.

Девушка. О, но почему же святая Варвара не говорит тебе, что я честная девушка и не стала бы продавать себя и за тысячу крон?

Монах. Не впадай в гордыню, дочь моя! Гордыня один из семи смертных грехов.

Девушка. Я знаю, отец. Поверь, я скромна и добропорядочна. Пресвятой девой клянусь тебе, что ищу не любви Ферруччо, а его смерти.

Монах вздрагивает, резко поворачивается к ней.

Не сердись, возлюбленный отец, и не покидай меня. Что мне, бедной девушке, остается делать? Мы ведь с отцом

очень бедны. Кроме того, я не должна убить Ферруччо, а только заманить сюда, потому что он погубитель женщин. Когда он войдет в гостиницу, все сделает отец.

Монах *(звучным баритоном)*. Сделает, сделает? Гром, молния, потоп и все святые! *(Срывает с себя рясу и накладную бороду и оказывается приятной наружности молодым человеком, судя по платью, знатным. Вскакивает, бросается к двери в гостиницу и колотит в нее камнем.)* Эй, Скварчо, негодяй, убийца, кабанье отродье, выходи, и я сломаю тебе все кости.

Девушка. Оказывается, ты молодой.

Монах. Святая Варвара сотворила еще одно чудо. *(Ломится в двери.)* Выходи, пес, выходи, крыса. Выходи, и я тебя убью и сделаю из тебя отбивную котлету. Выходи, собака, свинья, скотина, шелудивый кобель, вшивый...

Скварчо выходит с мечом в руках.

Знаешь, собака, кто я?

Скварчо *(слова произвели на него впечатление)*. Не знаю, ваша милость.

Монах. Я — Ферруччо, граф Ферруччо, тот, кого ты собирался убить, тот, кого твоя чертовка дочь должна была заманить сюда, тот, кто сейчас разрубит тебя на сорок тысяч кусков и бросит их в озеро.

Скварчо. Успокойтесь, синьор граф.

Ферруччо. И не подумаю. Я — горячий человек. Если я не дам выхода всему, что во мне клокочет, и не пролью твою кровь, у меня начнется чудовищная, невыносимая головная боль. Я успокоюсь только, когда сделаю из тебя отбивную котлету, проклятый убийца.

Скварчо *(пожимая плечами)*. Как вам угодно, синьор граф. Я с тем же успехом могу заработать свои деньги и сейчас, и позже. *(Трогает свой меч.)*

Ферруччо. Осел, неужели ты думаешь, что я отважился прийти сюда, не приняв предосторожностей? Мой отец заключил с твоим господином уговор.

Скварчо. Не откажите сказать, какой, ваша милость.

Ферруччо. Ты спрашиваешь, какой, дубина? Вот какой: если меня убьют, убийцу не будут судить.

Скварчо. Значит, коли я тебя убью...

Ферруччо. Твой господин потеряет десять крон, если тебе за это не сломают кости на колесе.

Скварчо. Всего десять крон, ваша милость! Невысоко, однако, ваш отец оценивает жизнь своего сына.

Ферруччо. Болван, неужели ты не соображаешь? Если сумма была бы выше, твой господин взял бы ее сам, убив меня своей рукой, а кого-нибудь другого, вернее всего тебя, велел бы за это колесовать. Десяти крон как раз достаточно для того, чтобы он сломал тебе кости, если ты меня убьешь, но маловато, чтобы платить за все требы, которые пришлось бы заказывать, будь он виновен.

Скварчо. Это очень умно придумано, ваша милость. *(Прячет меч в ножны.)* Тебя не убьют — я буду смотреть, чтобы тебя не тронули пальцем. Если что случится, то непредвиденно.

Ферруччо. О, Вакх! Я совсем забыл о таком фокусе. Следовало убить тебя, пока все во мне кипело.

Скварчо. Вашей милости будет угодно войти? Лучшая комната и лучшие кушанья к услугам вашей милости.

Ферруччо. К черту твою паршивую конуру! Ведь тебе охота раззвонить всем и каждому, что граф Ферруччо спал на самой хорошей из твоих постелей и его ели полчища твоих блох. Скажи, где тут ближайшая гостиница, и убирайся с моих глаз.

Скварчо. Сожалею, но принужден возразить вам — я помню уговор, о котором вы упомянули. Пока вы в здешних владениях, я пришпилен к вам, как ваша тень.

Ферруччо. Почему?

Скварчо. Ненароком кто-нибудь может убить вашу милость, и, как вы говорите, мой славный господин получит повод за десять крон, обещанных вашим отцом, сломать мне кости на колесе. Я должен, ваша милость, охранять вас, угодно это вам или не угодно.

Ферруччо. Если ты посмеешь надоедать мне, я так отхожу тебя, что палачу уже нечего будет делать. Что ты скажешь на это?

Скварчо. Что ваша милость переоценивает свои силы. У вас не больше возможностей одолеть меня, чем у кузнечика.

Ферруччо делает протестующий жест.

О, я знаю, ваша милость обучена фехтованию, борьбе и тому подобному, но я, не моргнув глазом, приму ваши удары, а сведу с вами счеты, когда вы уже выдохнетесь. Вот почему простолюдины, ваша милость, опасны — они привыкли работать и все сносить. Между прочим, я владею всеми приемами.

Девушка. Только не вздумайте ссориться с моим отцом, граф. Все должно быть так, как он скажет. Убивать —

его специальность. Ну, что вы можете ему сделать? Если вам хочется кого-нибудь побить, бейте меня. (*Заходит в гостиницу.)*

Скварчо. Советую вам не пробовать этого, ваша милость. Она тоже очень сильная.

Ферруччо. Тогда у меня неминуемо разболится голова, вот и все. *(С мрачным видом валится на скамью у стола, стоящего тут же, на открытом воздухе.)*

Джулия возвращается со скатертью и начинает накрывать на стол.

Скварчо. Хороший ужин, ваша милость, предотвратит это. Джулия споет для вас.

Ферруччо. Ни в коем случае! Если тут найдется палка от метлы, я дам по ее мерзкой голове. Ты думаешь, я стану слушать, как воет эта волчица, которая хотела, чтобы я отпустил ей то, что она убьет меня.

Скварчо. Бедный ведь тоже должен жить, как и богатый, господин мой. Джулия хорошая девушка. *(Входит в двери гостиницы.)*

Ферруччо *(ему вслед)*. Что же, по-твоему, богатый должен умереть, чтобы дать жить бедному?

Джулия. Бедный нередко умирает, чтобы богатый мог жить.

Ферруччо. Это большая честь для него! Но для меня бесчестие умереть только затем, чтобы ты могла выйти замуж за своего олуха-рыбака.

Джулия. Какой вы злой, синьор!

Ферруччо. Просто я не трубадур, Джульячча, если я тебя правильно понял.

Джулия. Как ты узнал о моем Сандро и его матери? Как могло случиться, что ты был так мудр, когда выдавал себя за монаха, и оказываешься таким наивным теперь, ставши самим собой?

Ферруччо. Думаю, либо святая Варвара вдохновила меня, либо ты непроходимо глупа.

Джулия. Святая Варвара непременно покарает тебя за нечестивый рассказ о ее руке, который ты выдумал.

Ферруччо. И который привел тебя в трепет?

Джулия. Это было богохульно. Тебе не следовало так поступать. Ведь ты заставил меня глотнуть небесного блаженства, а потом отравил его в моем сердце смрадом преисподней. Это было нечестиво и жестоко. Вы, знатные, всегда жестоки.

Ферруччо. А вы ждете, что мы будем нянчить за вас ваших

детей? Нет, наше дело управлять и сражаться. Управлять значит выказывать беспощадность к ослушникам, а сражаться — не что иное, как быть беспощадным к своим врагам. Твой бедный народ оставляет на нашу долю жестокости, а потом удивляется, что мы жестоки. Что было бы с вами, откажись мы от этого? Помимо жизни, которой я живу для себя самого, посвященной размышлениям и поэзии, мне ведомы только две отрады — жестокость и вожделение. Я жажду мести и женщин. Но стоит мне их добиться, как я испытываю разочарование.

Джулия. Убить тебя, мне сдается, доброе дело.

Ферруччо. Убийство всегда доставляет удовольствие, моя Джульячча.

Голос Сандро *(с озера)*. Джульетта, Джульетта!

Ферруччо *(обращаясь к нему)*. Замолчи. Твоя Джульетта здесь в обществе молодого и знатного человека. Иди сюда и развлеки его. *(Джулии.)* Как ты меня отблагодаришь, если я сумею подбить его взбунтоваться против матери и взять тебя в жены без приданого?

Джулия. Вы искушаете меня. Бедная девушка не может дать более, чем у нее есть. Знаете, я бы подумала, что вы дьявол, не будь вы графом, что еще хуже. *(Идет навстречу Сандро.)*

Ферруччо *(ей вслед)*. Дьявол творит зло из бескорыстной к нему любви, он не требует платы, а предлагает. *Скварчо возвращается.*

Приготовь ужин на четверых, негодяй.

Скварчо. В эту жару вы так голодны, синьор?

Ферруччо. Мы будем ужинать вчетвером. Ты, я, твоя дочь и Сандро. Не стесняйтесь — за все плачу я. Ступай и приготовь всего побольше.

Скварчо. Приказание уже выполнено, ваша милость.

Ферруччо. Как выполнено?

Скварчо. Я приготовил всего на четверых, зная, что платить будете вы. Единственная разница, которой мы обязаны вашей любезности, это то, что мы будем иметь честь ужинать вместе с вами, а не после вас.

Ферруччо. Проклятый разбойник, тебе бы следовало родиться дворянином.

Скварчо. Так оно и было, синьор, но моя семья оказалась слишком бедна, чтобы осуществить свои притязания, и я отказался от них. *(Входит в гостиницу.)*

Джулия возвращается с Сандро.

Джулия. Вот этот парень, ваша милость, — Сандро. А это его высочество граф Ферруччо.

Сандро. К вашим услугам, граф.

Ферруччо. Садись, Сандро. Ты, Джулия и Скварчо — мои гости сегодня.

Они садятся.

Джулия. Я все рассказала Сандро, ваша милость.

Ферруччо. И что же он сказал на это?

Скварчо возвращается с подносом.

Джулия. Он говорит, что, если у вас в кошельке найдется десять крон и мы убьем вас, мы сможем отдать их нашему господину. Для него не составит разницы, получит он деньги из наших рук или от вашего славного отца.

Скварчо. Глупости. Старый граф умнее, чем вы думаете. Сколько бы вы ни дали господину, он всегда может взять на десять крон больше, отправив меня на казнь, если молодой граф будет убит.

Джулия. Совершенно верно. Сандро об этом не подумал.

Сандро *(весело и любезно)*. Что у меня за голова! Мне не хватает ума, ваша милость. Но вместе с тем помните — я не имел в виду, чтобы моя Джулия упоминала об этом. Я хорошо знаю свои обязанности по отношению к вашей милости.

Ферруччо. Садитесь! Вы все милые люди, очаровательные люди. Примемся за ужин. Ты, Джулия, будешь, как мать семейства, накладывать нам.

Все садятся.

Вот и хорошо. Мне дай последнему. Сандро голоден.

Скварчо *(дочери)*. Успокойся! Разве ты не понимаешь, что его милость не притронется ни к чему, пока кто-нибудь из нас не отведает первым. *(Ест.)* Смотрите, ваша милость, я все попробовал. Сказать по правде, я мало смыслю в отравлениях.

Ферруччо. Даже многие знатоки не смыслят, Скварчо. Один из лучших отравителей в Риме пытался отправить на тот свет моего дядю и тетку. Они до сих пор живы. Яд даже излечил дядю от подагры, а тетка только похудела, к чему она, бедняжка, очень стремилась, так как у нее убийственно портилась фигура.

Скварчо. Ничто в этом деле не сравнится с мечом, ваша милость.

Сандро. За исключением воды, папаша Скварчо. Поверь, что рыбак это хорошо знает. Никто не может утверждать, что человек не утонул по несчастной случайности.

Ферруччо. А что скажет Джульетта?

Джулия. Я бы не стала убивать из ненависти. Не годится мучить человека, когда он уже мертв. Люди убивают в уверенности, что это принесет им удовлетворение. Но все это чистейшая ерунда.

Ферруччо. А из любви ты могла бы убить?

Джулия. Может быть. Если любишь кого-нибудь, становишься его рабыней; все, что он скажет, все, что сделает, пронзает тебе сердце. Каждый день ежеминутно боишься его потерять. Лучше убить его, если нет другого выхода.

Ферруччо. Какие добрые правила ты внушил своей дочери.

Скварчо. Еще omelette,[1] Сандро?

Сандро *(с готовностью)*. Спасибо, ваша милость. *(Накладывает себе и с удовольствием ест.)*

Ферруччо. Я пью за все: за меч, за рыбачью сеть, за любовь и ненависть. *(Пьет.)*

За ним пьют все остальные.

Скварчо. За меч!

Сандро. За сеть, ваша милость, и с благодарностью за честь.

Джулия. За любовь, синьор.

Ферруччо. За ненависть — удел знатных.

Скварчо. Ужин пошел вам на пользу, ваша милость. Как вы чувствуете себя сейчас?

Ферруччо. Я чувствую, Скварчо, что ничто, кроме приманки в десять крон, не отделяет меня от смерти.

Скварчо. Этого достаточно, ваша милость. А достаточно всегда есть достаточно.

Сандро. Забудьте об этом, ваша милость. Дело в том, что мы — люди бедные и всегда должны думать, как говорится, чтобы свести концы с концами. *(Смотрит на блюдо.)* Ваша милость?

Ферруччо. Доедай это, Сандро. Я больше не буду.

Сандро. Папаша Скварчо?

Скварчо. Доедай, доедай.

Сандро. Джульетта?

Джулия *(с удивлением)*. Я? О нет. Доедай, Сандро, иначе это пойдет в свиное корыто.

---

[1] Омлет *(итал.)*.

Сандро. Тогда с позволения вашей милости. *(Кладет себе на тарелку еду.)*

Скварчо. Спой его милости, дочка.

Джулия идет к двери, чтобы взять мандолину.

Ферруччо. Я брошусь в озеро, Скварчо, если твоя кошечка начнет мяукать.

Сандро *(с обычной любезностью, убежденно)*. Нет, нет, ваша милость, Джульетта замечательно поет. Не бойтесь.

Ферруччо. Я не любитель пения, во всяком случае деревенского. Есть только одна вещь, для которой все женщины могут сгодиться, и это постель. Это любовь. Послушай, Скварчо, я куплю Джульетту у тебя и безвозмездно отдам назад, когда она мне прискучит. Сколько ты за нее хочешь?

Скварчо. Наличными деньгами или в долг?

Ферруччо. Старая лиса! Наличными.

Скварчо. Пятьдесят крон, ваша милость.

Ферруччо. Пятьдесят крон! Пятьдесят крон за этого черномазого беса! Я не дал бы таких денег ни за одну из придворных дам моей матери. Ты хочешь сказать пятьдесят пенсов?

Скварчо. Конечно, будучи младшим сыном, ваша милость не располагает деньгами. Спросить с вас двадцать пять крон?

Ферруччо. Говорю тебе, что она не стоит и пяти.

Скварчо. О, если вы, ваша милость, говорите о том, сколько она стоит, сколько стоит каждый из нас? Я полагаю, вы граф, а не купец.

Джулия. А вы сколько стоите, синьорино?

Ферруччо. Я привык, чтобы меня просили о милостях, Джульячча, а не задавали мне дерзких вопросов.

Джулия. Что бы вы стали делать, если б сильный мужчина схватил вас за глотку или его дочь всадила вам нож в горло, синьор?

Ферруччо. Очень долго, милая моя Джульячча, никто из простолюдинов — ни мужчина, ни женщина — не посмел бы как враг и близко подойти к дворянину. Со всех в округе живьем содрали бы шкуру.

Сандро. Нет, синьор. Это очень часто выглядит как несчастный случай. И дворянские семьи вполне довольны этим — хлопотно ведь спускать шкуру с жителей целого поселка. Здесь, вблизи воды, происходит сколько угодно несчастных случаев.

Скварчо. У вас, дворян, синьор, не хватает твердости. Я понял это, когда стал разводить лошадей. Приплод, который получается от кровных пар, не всегда стоит затраченных усилий — в большинстве случаев это ублюдки. Хороший заводчик избавляется от них, как они того заслуживают — их превращают в обыкновенных рабочих лошадей. Но наша знать не исполняет своих обязанностей как полагается. Если ты ублюдок и при этом сын барона, тебя воспитывают так, что ты мнишь себя богом, хотя ты ничтожество и не можешь управлять собой, а подданными своими тем более. Но эти ублюдки продолжают воображать себя богами.

Джулия. И продолжают творить зло.

Скварчо. Пока в один прекрасный день не оказываются в незнакомом месте и им ничто не может помочь, кроме собственных рук и собственной головы.

Джулия. И они гибнут.

Сандро. От несчастного случая.

Джулия. И их душа с плачем поднимается к отцу небесному, ища отмщения.

Скварчо. Если только душа остается в мертвом теле, дочь моя.

Ферруччо *(торопливо крестится)*. Негодяй, как ты смеешь сомневаться в существовании бога и души?

Скварчо. Я думаю, ваша милость, что душа — такой драгоценный дар, который бог не дает человеку ни за что ни про что. Человек должен заслужить душу тем, что он что-то представляет из себя и что-то делает. Мне, например, было бы неприятно убить человека, обладающего доброй душой. У меня был пес, который, я в этом твердо уверен, заработал себе какую-никакую душу, и если б кто-нибудь убил этого пса, я бы прикончил его. Но дай мне человека, не имеющего души, который никогда ничего не делал и ничего из себя не представляет, и я убью его за десять крон почти без угрызений совести, как заколол бы свинью.

Сандро. Конечно, если он не знатен.

Скварчо. В этом случае цена поднимется до пятидесяти крон.

Ферруччо. С душой или без души?

Скварчо. Когда, ваша милость, речь идет о пятидесяти кронах, то дело есть дело. Тот, кто меня нанял, должен позаботиться о расплате с дьяволом. Он пусть решает, хорошо это или дурно; мне следует только честно заслу-

жить свои деньги. Когда я сказал, что мне неприятно убить человека с доброй душой, я имел в виду не убийство за свой страх и риск, а профессиональное дело.

Ферруччо. Неужели ты так глуп, чтобы себе же портить коммерцию, убивая иногда просто так?

Скварчо. Просто так убивают змею, ваша милость, иногда собаку.

Сандро *(извиняющимся тоном)*. Конечно, бешеную, ваша милость.

Скварчо. Комнатную тоже, если жрет без конца, а бесполезна и только пачкает в доме порядочного человека. *(Встает.)* Пойдем, Сандро. Помоги мне убрать. А ты, Джулия, побудь здесь и занимай его милость.

Он и Сандро делают из скатерти нечто вроде гамака и уносят в нем деревянную посуду и остатки ужина. Ферруччо остается вдвоем с Джулией. Сумерки сгущаются.

Ферруччо. Неужели отец занимается домашними делами, а своей взрослой дочери разрешает лентяйничать? Скварчо все-таки глуп.

Джулия. Нет, синьор; он оставил меня здесь, чтобы вы не убежали.

Ферруччо. Вам нет прока убить меня, Джульячча.

Джулия. Может быть. Не знаю. Я видела, что Сандро сделал знак отцу. Поэтому они вошли в дом. У Сандро что-то бродит в голове.

Ферруччо *(грубо)*. Вши, конечно.

Джулия *(невозмутимо)*. Тогда бы он чесался, синьор, а не делал отцу знаков головой. Вы совершили оплошность, когда выкинули кардинала из окна.

Ферруччо. Да? Скажи почему?

Джулия. Он согласен заплатить тридцать крон за ваш труп. Тогда Сандро смог бы на мне жениться.

Ферруччо. И угодить прямо на колесо.

Джулия. Убийство будет выглядеть как несчастный случай, синьор. Сандро очень предусмотрителен. Он такой тихий, любезный, обходительный, что его, в отличие от отца, никто не заподозрит.

Ферруччо. Джульетта, если я благополучно дойду до Сакрамонте, клянусь, что в течение десяти дней с верным человеком пошлю тебе тридцать крон. Тогда ты сможешь выйти замуж за своего Сандро. Что ты на это скажешь?

Джулия. Ваши клятвы не стоят и двадцати пенсов, синьор.

Ферруччо. Ты думаешь, значит, что я сдохну здесь, как крыса в мышеловке. *(Задыхается.)*

Джулия. Крыса в мышеловке, синьор, должна ждать смерти. Почему же вы не можете?

Ферруччо. Я буду драться.

Джулия. Еще лучше, синьор. Кровь льется обильнее, когда горяча.

Ферруччо. Дьяволица! Послушай меня, Джульетта.

Джулия. Бесполезно, синьор, зовите меня хоть Джульеттой, хоть Джульяччей. Коли они убьют вас, меня это ничуть не тронет. Жаль только денег!

Ферруччо. О, не может быть, чтобы я, граф, был убит столь грязными руками.

Джулия. Вы, синьор, благодаря этим грязным рукам жили. Я не вижу на ваших трудовых мозолей. Мы, бедняки, в равной мере можем приносить жизнь и смерть, синьор.

Ферруччо. Матерь божья, что мне делать?

Джулия. Молиться, синьор.

Ферруччо. Молиться, когда смерть сковывает язык. Я ни о чем не могу думать.

Джулия. Это происходит оттого, что вы забыли о своих четках, синьор. *(Поднимает с земли четки.)* Помните лязг старческих костей? Вот!

Треск четок.

Ферруччо. Вспоминаю теперь. Я слышал о живописце – он живет где-то на севере и рисует святых такими прекрасными, что сердце замирает глядеть. Если я живым выйду из этой истории, велю ему изобразить святую Варвару так, чтобы каждому было ясно, что она милее святой Цецилии, которая в приделе нашего собора выглядит, как мать моей прачки. Можешь даровать картину святой Цецилии, если она допустит, чтобы меня убили?

Джулия. Нет, но буду ей усердно молиться.

Ферруччо. Молитвы ничего не стоят. Святая Цецилия предпочла бы картину, хотя Цецилия и глупее, чем я думал.

Джулия. Святая Варвара, синьор, поблагодарит живописца, а не вас. А я в своих молитвах попрошу ее явиться живописцу в видении и велеть ему написать ее так, как он ее себе представляет, если ей действительно угодно, чтобы ее изобразили.

Ферруччо. Ты дьявольски находчиво отвечаешь. Скажи,

Джульетта, твой отец говорил правду? Действительно в тебе течет благородная кровь?

Джулия. Она красная, как у Христа на картине в нашей церкви. Не знаю, иного ли цвета ваша. Я увижу это, когда отец убьет вас.

Ферруччо. Знаешь, что я думаю, Джульетта?

Джулия. Нет, синьор.

Ферруччо. Если бы господь по своей доброте оказал мне милость и прибрал к себе этого болвана, моего старшего брата, а его глупую марионетку-жену, пока она не успела родить сына, заодно с ним, ты бы стала настоящей графиней. Поможешь мне обойти твоего отца и Сандро, если потом я женюсь на тебе?

Джулия. Нет, синьор, я помогу им убить вас.

Ферруччо. Значит, становиться спиной к стене?

Джулия. Вернее, спиной к пропасти.

Ферруччо. Все равно: в обоих случаях я буду смотреть опасности в лицо. Ты заметила что-нибудь, Джулия? Знаешь, я почувствовал страх.

Джулия. Да, я заметила по вашему лицу.

Ферруччо. Это был чудовищный страх.

Джулия. Страх смерти.

Ферруччо. Нет. Смерть это пустяки. Я страшусь удара кинжалом не более, чем страшился, когда мне рвали зуб в Фаленце.

Джулия *(содрогается, с искренним сочувствием)*. Бедный синьорино! Наверно, было ужасно больно.

Ферруччо. Как странно. Ты жалеешь меня из-за этого случая с зубом и равнодушно смотришь на омерзительную пытку страхом, не страхом смерти или чего-нибудь другого, а просто нестерпимым страхом перед чем-то неопределенным.

Джулия. Это страх за душу, синьор. Я не жалею ее — у вас грешная душа, а вот зубы красивые.

Ферруччо. Я мучился зубной болью неделю, но муки моей души были слишком сильны, чтобы длиться хотя бы пять минут. Я бы умер, не отпусти они меня. Ты же меня избавила от них.

Джулия. Я, синьор?

Ферруччо. Да, ты. Если бы ты жалела меня, если б не была неумолимее самой смерти, я бы не выдержал, стал бы плакать и просить о пощаде. Но теперь я столкнулся с чем-то каменным, подлинным, чему до меня нет дела. Теперь я вижу замечательную правоту моего дяди — я

действительно бракованный щенок. Когда мне чего-нибудь хотелось, я угрожал мужчинам или с плачем бежал к женщинам и получал то, что мне было нужно. Я мечтал и приукрашивал действительность, представлял себе вещи, какими мне хотелось, чтобы они были, а не такими, каковы они на самом деле. Ничего нет лучше, чем взглянуть смерти в лицо, увидеть ее совсем близко, прямо перед собой, чтобы человек понял, как он маловерен и как ничтожен. Как-то один священник сказал мне: «В твой последний час от тебя все отойдет, кроме веры!» Но я пережил свой последний час, и вера была первой, что от меня ушло. Когда я принужден был поверить в грозящую мне смерть, я понял, что такое верить и что до этого никогда и ни во что не верил. Я только тешил себя влекущими миражами, прятался за спиной кумира, как воин прячется от стрел в зарослях чертополоха, который только скрывает от него врагов. Если я поверю во все подлинно существующее так, как я сегодня поверил в смерть, тогда наконец я стану человеком. Я вкусил воды жизни из кубка смерти, и, возможно, подлинная моя жизнь *(поднимает над головой четки)* началась вот с этого и кончится тройным венцом святости или костром, на котором жгут еретиков. Неважно, впрочем, чем. *(Вскакивает на ноги.)* Выходи же, собака, и подними меч на того, кто обрел свою душу.

В дверях гостиницы появляется Скварчо с мечом в руках. Ферруччо бросается на него и наносит ему удар кинжалом в грудь. Скварчо отставляет назад ногу, чтобы не потерять от неожиданного удара равновесие. Кинжал отскакивает от него, как от каменной стены.

Джулия. Живее, Сандро.

Сандро, крадучись, выходит из-за угла гостиницы с рыбачьей сетью, набрасывает ее на Ферруччо и плотно затягивает.

Скварчо. Ваша милость простит, что я в кольчуге. Удар тем не менее был отличный, ваша милость.

Сандро. Ваша милость не посетует на меня, что сеть еще немного сырая.

Ферруччо. А дальше что? Случайно утонул, да?

Сандро. Ваша милость, очень досадно бросить крупную рыбу в воду, раз она уже попала к тебе в сеть. Джульетта, подержи-ка!

Джулия *(берет сеть и туже закручивает ее)*. А теперь никуда не денетесь, как птичка в клетке.

Ферруччо. Мое тело в плену, душа — свободна.

Джулия. Свободна, синьор? Я думаю, она тоже в сети у святой Варвары. Эта святая обратила вашу шутку в правду.

Сандро. Ведь на самом деле правда, синьор, что люди, которые под особым покровительством бога и святых, всегда немного не в своем уме, а мы считаем, что нельзя убивать безумных. Поскольку же из ваших слов, которые я и папаша Скварчо случайно услышали, можно заключить, что ваша милость, хотя очень умный и рассудительный в остальном молодой человек, оказываетесь слегка тронувшимся, когда дело идет о душе и тому подобном, мы решили не допустить, чтобы хотя бы единый волос упал с головы вашей милости.

Ферруччо. Как вам угодно. Моя жизнь — лишь капля, падающая с пробегающих по небу облаков в широко простирающееся море, из конечного устремляющаяся в бесконечное, сама будучи ее частицей.

Сандро *(под впечатлением этих слов)*. Слова вашей милости точь-в-точь напоминают слова одной безумной, но святой книги. Небеса запрещают поднять руку на вас, но вы, ваша милость, должны иметь в виду, что это доброе дело обойдется нам в тридцать крон.

Ферруччо. Разве оно не стоит этих денег?

Сандро. Конечно, стоит, конечно. Оно сбережет нам деньги за службы, которые в противном случае нам пришлось бы отслужить в поминовение тех, кого мы... Ну да ладно. Но мы полагаем, что небезопасно и нехорошо, чтобы знатный человек вроде вашей милости путешествовал без сопровождения и без оружия, ибо ваш кинжал, к сожалению, сломался, ваша милость. Поэтому, если вы удостоите папашу Скварчо чести быть вашим оруженосцем, то есть слугой, хотя он и не будет так именоваться, чтобы охранять вашу милость, он пойдет с вами в любой город, где вы будете чувствовать себя в безопасности от его преосвященства кардинала, и оставит на ваше милостивое усмотрение решить, заслуживает ли его великодушный поступок небольшого вознаграждения, например свадебного подарка моей Джульетте.

Ферруччо. Прекрасно: человек, которого я пытался заколоть, будет охранять меня от рук убийц. Кто бы мог подумать, что святая Варвара так склонна к иронии?

Сандро. Если предложение касательно Джульетты, которое

ваша милость были настолько любезны сделать, до сих пор в силе...

Ферруччо. Негодяй! У тебя, видно, нет души?

Сандро. Я человек бедный, ваша милость, и не могу позволить себе широких дворянских жестов.

Ферруччо. Один художник примется теперь за большую картину «Святая Варвара» и будет писать ее с Джулии. Он ей хорошо заплатит. Джулия, отпусти птичку — ей пора лететь.

Джулия снимает с него сеть.

НЕРАВНЫЙ БРАК

**Дискуссия
в одном
заседании**

1910

MISALLIANCE

Джонни Тарлтон, заурядного вида молодой делец лет тридцати, проводит свои еженедельные дни отдыха — с пятницы по вторник — в поместье отца, Джона Тарлтона, нажившего большие деньги на производстве и продаже «Тарлтонского нижнего белья». Поместье находится в графстве Сэррей и расположено на склоне Хайндхеда.

Джонни, с книгой в руках, развалился в кресле-качалке с небольшим козырьком, заключенный, точно в раку, в стеклянное полушарие крытой веранды, с которой виден сад и — за садом — суровый, но прекрасный пейзаж: контур холма, поросшего высокими елями, заросли вереска и дрока, на диво живописные облака.

Арка в стене дома, похожая на мостовой пролет и служащая опорой стеклянному куполу веранды, ведет в огромный холл, выложенный плитками и свидетельствующий о том, что представление хозяина о роскоши и домашнем комфорте сложилось у него в гостиных отелей во время уик-эндов. Арка прорезана в стене не по центру. Отрезок стены справа от нее длиннее, чем слева; там стоят вешалка для шляп и подставка для зонтов, с панамами, кепи, теннисными ракетками, белыми зонтиками и прочими летними вещами. У самой арки справа — новая портативная турецкая ванна, только что распакованная, рядом пустой ящик, на нем гвозди и молоток, служивший при распаковке. Неподалеку открытые ящики с садовыми играми — кеглями и крикетом. Почти в центре стеклянной стены — двери в сад с лесенкой, перекинутой через водопроводные трубы, окаймляющие стену снаружи. Вокруг веранды на равном расстоянии друг от друга мраморные тумбы и на них — венская керамика ярчайших расцветок и прихотливейших форм. Между тумбами сложенные шезлонги, кое-как прислоненные к трубам. В каждой боковой стене холла по двери: правая, ближе к вешалке, ведет внутрь дома, левая, в другом конце противоположной стены, ведет в прихожую.

Мебели немного: буфет у стены между дверью в прихожую и верандой, перед ним выдвинутый к середине холла письменный столик; на нем пресс-папье и держатель для телеграмм и писем, под ним корзинка для ненужных бу-

маг. Ближе к правой стене дамский рабочий столик с двумя стульями. У письменного стола тоже два стула. На буфете специальная подставка для графинов, бутылки с ликерами, сифон, графин с лимонадом, бокалы — словом, все необходимое на случай, если захочется выпить. Там же блюдо с бисквитами и разукрашенная пуншевая чаша под стать изделиям на мраморных тумбах. Повсюду расставлены плетеные стулья и бамбуковые столики с пепельницами и коробками спичек. На залитой солнцем веранде роскошное патентованное кресло-качалка с козырьком, где и сидит, читая роман, Джонни. Справа и слева от кресла по плетеному стулу.

Бентли Самерхайз, щуплый, тонкокожий юнец из породы людей, у которых от семнадцати и до семидесяти лет неизменно старообразные лица и фигуры подростков, проходит по саду и поднимается на веранду. На социальной лестнице он занимает место явно ступенькой выше, чем Джонни. По виду довольно впечатлителен, однако ведет себя так самоуверенно и говорит на таких пронзительных нотах, что выносить его нелегко.

Джонни. Привет. А где ваши вещи?

Бентли. Оставил на вокзале. Шел из Хейзлмиера пешком. *(Идет к вешалке и вешает шляпу.)*

Джонни *(сухо)*. Вот как? Кто же их привезет?

Бентли. Понятия не имею. Провидение, надо полагать. А не провидение, так ваша матушка позаботится.

Джонни. Но это не входит в ее обязанности, как по-вашему?

Бентли *(возвращается на веранду)*. Конечно нет. Потому ее и любят, что она не все делает по обязанности. Слушайте, бросьте вы ваше мерзкое железнодорожное чтиво, поговорите со мной. У меня прямо мозги заржавели после недельного торчания в этой богомерзкой конторе. Давайте поспорим на какую-нибудь интеллектуальную тему. *(Садится справа от Джонни.)*

Джонни *(с протестующим возгласом выпрямляется в кресле)*. Ну нет! Без всяких шуток, Кролик, я приехал сюда, чтобы с приятностью отдохнуть, и не намерен ввязываться ни в какие дурацкие споры с вами. Хотите спорить — ступайте к здешнему конгрегационалистскому пастору. Он собаку съел на спорах. Обожает это занятие.

Бентли. Как можно спорить с человеком, если он только тем и зарабатывает на хлеб насущный, что не дает себя переубедить? И я попросил бы вас впредь не называть

меня Кроликом. Я — Бентли или Самерхайз, выбор предоставляю вам.

Джонни. А почему это вас нельзя называть Кроликом?

Бентли. Потому что вы ставите меня в ложное положение. Приходило вам когда-нибудь в голову, что я — сверхсметный?

Джонни. Сверхсметный? Не понимаю.

Бентли. Я...

Джонни. Стоп! Не желаю ничего знать! Все это ваши уловки, чтобы втянуть меня в спор.

Бентли. Не волнуйтесь, я не собираюсь перегружать ваши мозги. Когда я родился, моему отцу было сорок четыре, а матери сорок один. Между их предыдущим чадом и мной двенадцать лет разницы. Я был нежданный. И скорее всего — негаданный. У моих братьев и сестер нет ничего общего со мной. Они — обычное потомство молодых родителей: очень милые, заурядные, правильные, сплошные мышцы и никаких мозгов, вот как у вас.

Джонни. Спасибо на добром слове.

Бентли. Не стоит благодарности. А я совсем другой. К тому времени, когда родился я, супруги уже кое-что уразумели. Поэтому у меня сплошные мозги, а мышц только необходимый минимум. Я намного старше вас, хотя вы и родились десятью годами раньше. Это всякий поймет, стоит ему послушать наши с вами разговоры. Следовательно, мне называть вас Джонни вполне естественно, а вам называть меня Кроликом и нелепо, и неприлично. *(Встает со стула.)*

Джонни. А мне наплевать! Попробуйте запретите мне называть вас так, посмотрим, что из этого выйдет.

Бентли. Ну, вы же сами почувствуете себя свиньей, если, несмотря на мою просьбу, будете настаивать на своем. *(Лениво идет к буфету, поглядывая на бисквиты.)* Я, во всяком случае, почувствовал бы. Впрочем, допускаю, вы не так щепетильны.

Джонни *(вскакивает в ярости и идет следом за Бентли, который принужден обернуться и слушать)*. Вот что, молодой человек, кто-то должен сказать вам правду в глаза, так пусть это буду я. Вы здорово ошибаетесь, если думаете, что, раз ваш отец — кавалер ордена Бани, а сами вы намерены жениться на моей сестре, значит, вам можно распоясаться и болтать черт знает что. Позвольте поставить вас в известность, что у нас решительно все против этого брака, кроме, разве, одной Гипатии, да и она,

уверен, не в восторге от такой перспективы. Не забывайте, что ничего еще окончательно не решено. Вы проходите испытательный срок в конторе – родитель вовсе не намерен деньги своей дочери швырнуть какому-то бездельнику, который потом сядет ей на шею. И здесь вы тоже проходите испытательный срок, потому что моя мать считает, что девушка должна сперва посмотреть, как мужчина ведет себя в доме, а уж потом выходить за него замуж. Вас испытывают всего два месяца, а результат какой? В конторе вы уже всех настроили против себя и здесь настраиваете невоспитанностью, заносчивостью и гнусной наглостью, которая только вам одному и кажется невесть какой остроумной.

Бентли *(глубоко уязвлен, но силится сдержаться)*. Благодарю вас, я все понял. Надеюсь, вы не думаете, что я приехал бы сюда из Лондона, если бы догадывался, как здесь ко мне относятся? *(Направляется к двери в прихожую.)*

Джонни *(хватает его за воротник)*. Нет, погодите! На этот раз я вам все выскажу. Сядьте, слышите?

Бентли пытается уйти, не утратив достоинства. Джонни толкает его на стул у письменного стола, и он садится, остро переживая свое унижение и не решаясь заговорить, чтобы не расплакаться.

В том-то и преимущество мышц над мозгами, что с их помощью я могу научить вас пристойным манерам, и не только могу, но и научу. Вы избалованный щенок, и вам необходима хорошая трепка. И вы ее получите, если не образумитесь. Посмейте еще раз обозвать меня свиньей, увидите, что будет.

Бентли. Я вас не называл свиньей. Но *(разражаясь бурными слезами)* вы *действительно* свинья! Вы грубое животное, скотина, трус, лжец, хам! Если бы я только мог свернуть вашу мерзкую шею!

Джонни *(издевательски смеется)*. Что ж, мальчик, попробуйте!

Бентли всхлипывает от негодования.

Разве такой слабосильный сопляк способен кого-нибудь поколотить? Я всегда подозревал, что от вашего хваленого ума мокрого места не останется, стоит ему наткнуться на что-нибудь основательное – на кулак настоящего мужчины, к примеру.

Бентли. Пусть бы ваш гнусный кулак наткнулся на бешеного быка или на челюсть призового боксера, все равно на что, только бы это было покрепче меня! На ваш кулак мне плевать, но если все здесь меня не любят... *(Всхлипывает.)* Плевать мне и на это! *(Старается взять себя в руки.)* И зачем только я вторгся к вам! Но я не знал... *(Снова теряет самообладание.)* Какая же вы скотина! Животное! Свинья, свинья, свинья, свинья, свинья! Вот вам!

Джонни. Очень хорошо, мальчик, отлично! Плюйтесь на здоровье, в меня ваши плевки не попадают. Но вот чего я не понимаю: как это ваш отец, которого я считаю самым волевым человеком из нынешних английских деятелей...

Бентли. Вы это где вычитали, в вашей желтой газетенке? Много знают такие, как *вы*, о моем отце!

Джонни. А я на это и не притязаю, говорю только, что, как всякий настоящий англичанин, бесконечно уважаю вашего отца, восхищаюсь и горжусь им. Если бы не мое уважение к нему, я вас не то что двух месяцев — двух дней не потерпел бы здесь. Но я не могу взять в толк, как это он не вышиб из вас эту дурь, когда вы были еще сосунком. Четверть века он держал в узде край величиной с две Англии, битком набитый темнокожими язычниками-смутьянами, и вонючими белыми агитаторами, и кучей дикарских племен. А вас он так распустил. Мне, конечно, до вашего отца далеко, но вам дьявольски повезло, что вы не мой сын. Я не придерживаюсь взглядов моего собственного родителя насчет того, что телесные наказания к добру не приводят. Иногда они просто до зарезу нужны. Вас, например, я порол бы до тех пор, пока вы не взвыли бы и не начали вести себя пристойно.

Бентли *(презрительно)*. Еще бы! *Вашего* сына только так и можно было бы выучить пристойности!

Джонни *(до того обижен, что вдруг приходит в бешенство)*. А ну, придержите язык! Хватит с меня вашей спеси! Я так же горжусь тарлтонским нижним бельем, как вы отцовским титулом, и орденом, и не знаю чем еще! Мой отец начал в Лидсе с лавчонки не больше, чем наша буфетная здесь, в конце коридора. Он...

Бентли. Знаю, знаю, читал об этом. «Романтика бизнеса, или Правдивая история о тарлтонском нижнем белье. Возьмите, не пожалеете!» Я и взял, назавтра после зна-

комства с Гипатией. Пошел и купил ради нее полдюжины фуфаек, не садящихся в стирке.

Джонни. Ну и как — сели они в стирке?

Бентли. Не будьте болваном!

Джонни. Я у вас не спрашиваю, болван я или нет. Отвечайте: сели они или не сели? Стоили своей цены?

Бентли. Я их ни разу не надевал. Не воображаете ли вы, что у меня шкура, как у ваших клиентов? С таким же успехом я мог бы напялить на себя наждачную бумагу.

Джонни. Весьма сожалею, что ваш отец не отделал своего тонкокожего сынка хорошей плеткой.

Бентли. Весьма сожалею, что в вашей голове только эта мыслишка и помещается. Если хотите знать, они один раз попробовали на мне ваш способ, когда я был еще совсем карапузом. Одна дура гувернантка попробовала. Я орал так, что сбежался весь дом, у меня начались судороги, и я потом три недели провалялся в нервной горячке. Ну, старуху, разумеется, рассчитали, и поделом ей! После этого мне уже ничего не запрещали. Отцу вовсе не улыбалось, чтобы его сын вырос дрессированным спаниелем — вы-то, насколько я понимаю, именно так и представляете себе настоящего мужчину.

Джонни. Очень мудро сделал мой отец, когда предложил вам поступить к нему в контору,— теперь, по крайней мере, ясно, на что вы годны. Должен сказать — мало на что. Отец спросил, на какую должность, по моему мнению, вас можно определить, и я сказал — на должность рассыльного. Но он ответил — для этого вы еще слишком зелены. И был совершенно прав.

Бентли. Конечно прав. И вы оказались бы зелены, если бы попали к моему отцу. Но я все ваше дурацкое дело раскусил за полмесяца, а вы десять лет в конторе сидите и до сих пор не понимаете, что к чему.

Джонни. Не завирайтесь, мальчик. Знаете, мне даже вас жаль.

Бентли. «Романтика бизнеса», тоже выдумали! Вся романтика тарлтонского бизнеса только в том и состоит, что вы ни черта в нем не смыслите. Вы же не могли мне ответить ни на один самый пустячный вопрос. «Посмотрите, что там решили в последний раз»,— более разумного ответа *из вас* было не выжать. Вы способны только поворачивать вертел.

Джонни. Что поворачивать?

Бентли. Вертел. Если бы ваш отец не приготовил для вас

жирного куска говядины, стоять бы вам сейчас за прилавком и зарабатывать двадцать четыре шиллинга в неделю.

Джонни. Сию минуту возьмите свои слова назад и извинитесь передо мной, или я вас так отделаю, что...

Бентли. Спасите! Джонни меня бьет! Убивает! *(Бросается на пол и пронзительно вопит.)*

Джонни. Не валяйте дурака! Перестаньте орать, слышите! Да не трону я вас, успокойтесь, тише...

Из внутренних комнат выбегает Гипатия, за ней — миссис Тарлтон. Гипатия становится на колени возле Бентли, миссис Тарлтон, чьи суставы уже не так гибки, наклоняется над ним, стараясь его поднять. Миссис Тарлтон — проницательная, по-матерински добрая женщина, когда-то красивая и все еще приятная на вид, располагающая к себе и непринужденная в обхождении. Гипатия принадлежит к тому распространенному типу английских девушек, который считается не английским: у нее матово-белая кожа, черные волосы, большие темные глаза с черными ресницами и бровями, изящно очерченные губы, живой взгляд и стремительные движения, которые неожиданно нарушают ее выжидательное бесстрастие и свидетельствуют о тайном, но неисчерпаемом запасе энергии и смелости.

Гипатия *(довольно бесцеремонно трясет Бентли)*. Что случилось, Бентли? Не кричите так — от этого вам лучше не станет. Что произошло?

Миссис Тарлтон. Миленький, вам плохо?

Поднимают его.

Ну, ну, ну, хороший мой, не надо плакать, все обойдется.

Сажают его на стул.

Вот так, вот так. Сейчас Джонни пойдет за доктором, и доктор пропишет вам лекарство, и сразу все пройдет.

Гипатия. Что случилось, Джонни?

Миссис Тарлтон. Верно, его оса укусила?

Бентли *(раздраженно)*. При чем тут ваша дурацкая оса?

Миссис Тарлтон. Фу, Кролик, как вы нехорошо говорите!

Бентли. Вы правы. Простите меня, пожалуйста. *(Отводит их руки и встает со стула.)* Все в порядке. Просто Джонни меня испугал. Вы же знаете, как меня легко оби-

деть. И я слишком маленького роста, чтобы дать Джонни сдачи.

Миссис Тарлтон. Сколько раз я тебя учила, Джонни, что нельзя обижать маленьких. Я думала, ты теперь достаточно взрослый и усвоил это.

Гипатия *(гневно)*. Говорю тебе, мама, Джонни стал так груб, что жить с ним в одном доме уже просто немыслимо.

Джонни *(глубоко задетый)*. Двадцать семь лет назад, мама, ты дала мне нагоняй за то, что я поколотил Роберта и подбил глаз Гипатии, когда она приставала ко мне. Я обещал тогда, что больше пальцем их не трону, и слова своего ни разу не нарушил. А сейчас из-за этого щенка, который поднял визг, хотя никто к нему еще и пальцем не прикоснулся, ты обращаешься со мной, будто я грубиян и дикарь.

Миссис Тарлтон. Нет, сынок, ты вовсе не дикарь, только не надо обзывать нашего гостя нехорошими словами.

Бентли. Пожалуйста, не браните его...

Джонни *(в ярости)*. Я не с вами разговариваю, а со своей матерью, так что не вмешивайтесь.

Гипатия. Ну, мама, Джонни совсем разбушевался. Нам лучше уйти. Пойдемте, Бентли.

Миссис Тарлтон. Да, так оно будет лучше. *(Обращаясь к Бентли.)* Джонни не хотел вас обидеть, миленький. Сейчас он успокоится. Пойдемте.

Обе женщины вместе с Бентли уходят во внутренние комнаты. Бентли оборачивается с порога и бросает насмешливый взгляд на Джонни.

Оставшись один, Джонни сжимает кулаки и скрежещет зубами, но это не дает выхода его ярости. Он топает ногами, задыхаясь от злости, потом бросается к двери в прихожую, но не успевает дойти до нее, как она распахивается и входит лорд Самерхайз. Джонни смотрит на него в безмолвном бешенстве. Мгновенно оценив ситуацию, лорд Самерхайз берет с буфета пуншевую чашу и протягивает ее Джонни.

Лорд Самерхайз. Разбейте ее. Жалеть не стоит, она безобразная. Трахните об пол, и посильнее.

Джонни с хриплым возгласом разбивает чашу, потом садится на стул и отирает пот с лица.

Легче стало?

Джонни кивает.

На свете существует только один человек, который доводит меня до того, что я должен или разбить что-нибудь фарфоровое, или совершить убийство, и этот человек — мой сын Бентли. Это он?

Джонни снова кивает — говорить он пока что не в силах.

Когда машина остановилась, я услышал вопль, слишком хорошо мне знакомый. Обычно он означает, что кто-то, доведенный до исступления, хочет стукнуть Бентли. До сих пор это еще никому не удавалось, хотя пытались очень многие. *(Удобно усаживается на стул возле письменного стола и начинает собирать и бросать в корзинку осколки чаши, между тем как Джонни с каждой секундой все более овладевает собой.)* Бентли — это такая проблема, которую, честно признаюсь, я так и не смог решить. У него все данные, чтобы сделать блестящую карьеру, но не раньше, чем годам к пятидесяти. У большинства англичан его сословия все данные, чтобы сделать блестящую карьеру не позже двадцати четырех лет. Для меня домашняя проблема сводится к тому, как вынести Бентли до его пятидесятилетия. Для государства проблема сводится к тому, как вынести правление людей, которые в своем умственном развитии остановились примерно на уровне второкурсников. Бентли вовсе не хочет кого-нибудь задирать. Вы в любую минуту можете довести его до слез, сказав, что он вам не нравится. Но плачет он так громко, что эксперимент рекомендуется проводить по возможности на открытом воздухе — например, посреди Солсберийской низменности. У Бентли сильный, проницательный ум и незаурядное умение видеть вещи в их истинном свете. Но, к несчастью, он еще очень молод и совершенно не понимает, что большинство из нас этого-то и не переносит. С другой стороны, он невероятно чувствителен и даже нежен, поэтому, надо полагать, не меньше получает, чем раздает весьма чувствительных ударов по самолюбию. Простите меня, я непозволительно разболтался о собственном сыне.

Джонни (*уже полностью овладев собой*). Вы это сделали нарочно. Я совсем развинтился, и мне нужно было время, чтобы собраться. Благодарю вас!

Лорд Самерхайз. Ну, что вы, что вы! Ваш отец дома?

Джонни. Нет, он на открытии очередной бесплатной библиотеки. Опять попусту растраченные деньги. Он обожает читать книги. На прошлой неделе обещал открыть еще

одну читальню. Прямо разорение. Когда Кролик женится на Гипатии, вас это начнет задевать не меньше, чем меня. Если все ее денежки пойдут на читальни, что останется Кролику? Вы не могли бы урезонить отца?

Лорд Самерхайз. Боюсь, что нет. Он не человек, а прямо сгусток энергии. Неутомим, когда речь идет о благе общества. Я им от души восхищаюсь.

Джонни. Ох, уж это мне благо общества! Слишком родитель печется о нем. Если хотите, это обыкновенная лень – отлынивать от собственного серьезного дела и развлекаться чужими делами. Хотя, имейте в виду, тут есть и другая сторона: так и рекламу себе можно устроить, и полезные знакомства свести, и нужные связи завязать. Но отец отвлекается от главного, чересчур усердствует.

Лорд Самерхайз. Тем и опасна работа во имя общественного блага, что ей нет конца. Можно заработаться до смерти.

Джонни. Или потратить больше, чем получить. Во всяком случае, так я считаю. На мой взгляд, что всех касается, то никого не касается – так я считаю. Про меня, надеюсь, нельзя сказать, что я человек бессердечный или там узколобый; я вовсе не отказываюсь платить налоги, если они разумны, или подписываться – в разумных опять же пределах – на достойные благотворительные дела, или даже быть присяжным заседателем в свой черед. И никто не посмеет сказать, что я не помогу другу в беде, если он стоит помощи. Но если вы потребуете, чтобы я еще сверх этого стал что-нибудь делать, я вам прямо скажу: не вижу в этом надобности. Никогда не видел, даже когда был мальчишкой, хотя поневоле приходилось прикидываться, будто я согласен со всеми высокими идеями, которыми пичкал меня родитель. Не видел надобности тогда, не вижу и теперь.

Лорд Самерхайз. Разумеется, у вас нет решительно никаких резонов взваливать на себя лишнее бремя забот о роде человеческом.

Джонни. Вот и я так говорю. Это огромная для меня поддержка – ваше согласие со мной. Сами понимаете, когда с тобой никто не согласен, начинаешь думать – может, ты и впрямь дурак?

Лорд Самерхайз. Да, конечно.

Джонни. Хорошо бы вам и ему это внушить. Мне с ним говорить бесполезно – я для родителя до сих пор маль-

чишка, никакого влияния на него не имею. К тому же у вас есть подход к людям. Ко мне, например, вы сразу нашли подход, когда я так по-дурацки взбесился из-за Кролика.

Лорд Самерхайз. Ну что вы!

Джонни. Конечно, по-дурацки. Сам знаю. А будь на вашем месте мой почтенный папаша, он посоветовал бы мне взять себя в руки. Как будто я нарочно вышел из себя!

Входит чисто умытый Бентли, расплывается в улыбке при виде отца, подходит к нему сзади и похлопывает его по плечам.

Бентли. Предок, привет! Уже прибыл? А я тут разыграл из себя черт знает какого осла. Мне очень совестно перед вами, Джонни. Вы уж не сердитесь, пожалуйста. И почему вы меня не стукнете, когда я себя так веду?

Лорд Самерхайз. Когда мы проезжали Годолминг, мне почудилось, что я слышу чей-то вопль...

Бентли. Еще бы ты не услышал! Видишь ли, Джонни обошелся со мной довольно грубо — сказал, что меня здесь никто не любит, а я был настолько глуп, что поверил ему.

Лорд Самерхайз. И все женщины бросились тебя целовать и успокаивать, лишь бы ты не плакал, так ведь? Ох, младенец!

Бентли. Да, я расплакался. Но я, когда поплачу, потом всегда очень хорошо себя чувствую. Мои несчастные нервы сразу приходят в порядок. Сейчас я просто замечательно себя чувствую.

Лорд Самерхайз. И разумеется, тебе нисколько не стыдно за твое поведение?

Бентли. Ну, если я начну стыдиться своего поведения, у меня больше ни на что времени не останется. В общем, я в отличной форме сейчас. Давайте пойдем всей компанией встречать Великого Хама. *(Направляется к вешалке и снимает шляпу.)*

Лорд Самерхайз. Как ты считаешь, Бентли, мистеру Тарлтону нравится, когда ты называешь его Великим Хамом?

Бентли. Он, понимаешь ли, считает, что слишком зауряден для этого титула. Сам он называет себя Обыкновенным Джоном. Но нельзя же так величать его в его собственной конторе. И не подходит к нему такое прозвище: оно для него недостаточно колоритно.

Джонни. Коло... Как вы сказали?

Бентли. Колоритно. Так давайте встретим его. Он звонил из Гилдфорда, что уже выехал. Чудесный старикан! С утра до ночи звонит по телефону или дает телеграммы, сообщает никому не нужные сведения и при этом уверен, что развивает бешеную деятельность.

Лорд Самерхайз. Благодарю, но я предпочитаю часок-другой побыть в тишине до обеда.

Бентли. Ну и ладно. Джонни я тоже не стану уговаривать — он уже сыт мной на весь уик-энд. *(Выходит через веранду в сад.)*

Джонни. Неплохая мыслишка!

Лорд Самерхайз. Что вы имеете в виду?

Джонни. Встретить моего родителя. Вы не поверите, но родителю по душе Кролик. А тот его так и обхаживает. Не удивлюсь, если в один прекрасный день он и вовсе оттеснит меня.

Лорд Самерхайз. Да что вы! Вот негодяй! Я хотел бы посоветоваться с вами о нем, если вы не возражаете. Не пройтись ли нам до Джибита? Бентли мне в спутники не годится: слишком быстроног. Но от короткой прогулки я не отказался бы.

Джонни *(поспешно вскакивает, страшно польщенный)*. Вот и отлично!

Снимает с вешалки панаму, берет трость и вместе с лордом Самерхайзом направляется к веранде.

Входят миссис Тарлтон и Гипатия. Гипатия издали приветствует лорда Самерхайза загадочным взглядом и сдержанным кивком головы, потом садится у рабочего столика и принимается за вышивание. Миссис Тарлтон с суетливым гостеприимством бросается к нему.

Миссис Тарлтон. О, лорд Самерхайз, я и не знала, что вы приехали! Хотите чаю?

Лорд Самерхайз. Благодарю вас, но врачи запретили мне чай. Должен сразу же покаяться, что, к великому моему стыду, я разбил вашу чудесную пуншевую чашу. Вы позволите мне преподнести вам новую вместо разбитой?

Миссис Тарлтон. Вот пустяки! Я рада-радешенька, что избавилась от нее. В магазине меня уговорили, будто она чудо как хороша, но когда у моей бедной старой няньки Марты сделалась катаракта, Кролик сказал, что это над

ней сжалилась природа – по крайней мере, она теперь больше не увидит нашего фарфора.

Лорд Самерхайз *(очень серьезно)*. Бентли недопустимо груб. Надеюсь, вы сказали ему это?

Миссис Тарлтон. Господь с вами! Я и внимания не обращаю на то, что он болтает, только бы при этом не было посторонних.

Джонни. Мама, мы пойдем немного погуляем.

Миссис Тарлтон. Идите, идите, не будем вас задерживать. А о чаше забудьте – сейчас позову девушку и велю ей убрать осколки. *(Спохватывается.)* Ну подумайте! Опять я взялась за старое.

Джонни. За что – за старое?

Миссис Тарлтон. Назвала ее девушкой. Вот ведь как странно, лорд Самерхайз: чем я больше старею, тем чаще начинаю говорить, как говорили мы с Джоном, когда дело приносило нам не больше ста фунтов стерлингов в год. Посмотрели бы вы на меня сорокалетнюю! Я умела тогда так говорить – ну, ни дать ни взять герцогиня! И если, бывало, Джонни или Гипатия обронят словечко из тех, прежних времен, уж и нагоняй они от меня получали. А теперь я сама – что ни слово, то оговорка.

Лорд Самерхайз. Для каждого человека наступает пора, когда все это кажется такой малостью. Даже королевы сбрасывают маску, когда доживают до наших с вами лет.

Миссис Тарлтон. Кто-кто, а вы умеете красиво сказать. Ну и озорник вы, лорд Самерхайз. Джон этого не знает, и Джонни не знает, но мы-то с вами знаем, верно? Тут даже вы не найдетесь, что ответить. Так что идите-ка без лишних слов гулять.

Лорд Самерхайз улыбается, отвешивает поклон и, сопровождаемый Джонни, выходит в прихожую. Миссис Тарлтон садится у рабочего столика и вынимает штопку и пару носков своего мужа. Гипатия сидит по другую сторону стола, справа от матери. Обе разговаривают, не отрываясь от шитья.

Гипатия. Интересно, смеются они над нами, когда остаются одни?

Миссис Тарлтон. Кто?

Гипатия. Бентли, и его папаша, и все эти сливки общества.

Миссис Тарлтон. Ну, у них просто такая манера. Я прежде думала, что аристократы – противные насмешники и за глаза издеваются над нами – надо мной и над Джо-

ном. Вечно они хихикают и делают вид, будто ничего святого у них нет. А потом к этому привыкаешь: они и друг к другу так относятся, и ко всем на свете. Да и какое нам дело, что они о нас думают? Вот когда они вежливые становятся, тогда дело плохо: значит, сию минуту попросят денег в долг. Никогда не давай им в долг, Гипатия — они никогда не возвращают. Да и откуда им взять? Они же ничего не зарабатывают. Конечно, если ты заранее решишь, что просто делаешь им подарок, тогда дело другое. Но в таком случае они обязательно попросят еще и еще, а не все ли равно, в первый раз отказать или в сотый? Ты, доченька, не бойся аристократов: они самые обыкновенные смертные создания, вроде нас с тобой. Тебе нетрудно будет встать с ними вровень.

Гипатия. А я их и не боюсь, напрасно ты думаешь.

Миссис Тарлтон. Бояться-то не боишься, но перенять их манеры тебе все-таки придется. Понимаешь, доченька, я в этом вопросе не очень согласна с твоим отцом. Он считал, что надо держаться от них подальше, и поэтому определил тебя в очень дорогую школу: аристократам не по карману отправлять своих дочерей в такие школы, так что учились там только девочки из семей богатых дельцов, вроде нашей. Но ведь чтобы создать мир, всякая тварь надобна, вот я и хотела, чтобы ты повидала всякого понемножку. А теперь, когда ты выйдешь замуж за Кролика и познакомишься с женщинами из круга его отца, они поначалу будут тебя просто в краску вгонять.

Гипатия *(недоверчиво)*. В краску? Чем же это?

Миссис Тарлтон. Всякими разговорами.

Гипатия. Сплетнями? Подумаешь!

Миссис Тарлтон. Нет, нет, мы ведь тоже сплетничаем, такова уж человеческая природа. Но, поверишь ли, они понятия не имеют о приличиях. В жизни не забуду первый день, который я провела с маркизой, двумя герцогинями и еще кучей всяких титулованных леди. Само собой, это было просто заседание какого-то комитета: они пригласили меня в этот комитет, чтобы вытянуть из Джона подписку на кругленькую сумму. Ничего подобного я отродясь не слыхала! Они вслух поминали такие вещи... И кто бы ты думала начал это? Маркиза!

Гипатия. Какие вещи они поминали?

Миссис Тарлтон. Канализацию! Эта маркиза в своем замке три системы перепробовала, и все они ей не понравились, и она собиралась попробовать четвертую. Я не

знала, куда глаза девать, когда она заговорила об этом, и думала — вот все остальные женщины разом встанут и выйдут из комнаты. Ничуть не бывало! Все они одного поля ягода. У каждой была своя система, каждая за свою горой стояла. У меня даже щеки начали гореть, и тут одна герцогиня решила, что они слишком мало внимания на меня обращают, и спросила, какая система у меня. Ну, я ей отрезала, что понятия о таких вещах не имею и не переменить ли нам тему разговора. Что тут поднялось! Особенно взбесилась одна графиня с анаэробной системой. Она так прямо и брякнула мне в лицо, что неплохо бы научиться чему-нибудь, пока мои дети не перемерли от дифтерита. А я за два месяца до этого схоронила моего бедняжку Бобби, и он как раз от дифтерита и умер, бедный мой ягненочек. Ну, я в слезы — никак не могла сдержаться. Это ведь вроде как обвинить меня в убийстве собственного ребенка. Мне ничего не оставалось, как уйти. Но я еще до двери не дошла, а вторая герцогиня, совсем еще молоденькая женщина, начала рассказывать, как действует простокваша на ее желудок и что она надеется до ста лет дожить, если будет ее ежедневно есть. Я собственными ушами это слышала, а ведь до этого дня и подумать бы не посмела, что у герцогинь тоже бывают желудки, как у нас, грешных. Я не удивилась бы, если бы они о детских желудках говорили — хочешь не хочешь, а об этом нам говорить приходится, но наши желудки! С каким я облегчением вздохнула, когда убралась от них в тот день!

Гипатия. В школе у нас были уроки по физиологии и гигиене, но, само собой, никого из наших девочек на них не допускали.

Миссис Тарлтон. А будь это аристократическая школа, ходили бы почти все. Такие уж они есть — бесстыжие. По-настоящему воспитанная, хорошая женщина твердо знает, что прилично, а что нет, и если неприлично — мы об этом и не заикаемся или делаем вид, будто ничего о таких вещах не знаем, вот и все. А аристократки только и думают, нельзя ли из этого пользу извлечь. Джонни таких людей правильно называет циниками. И конечно, никто их и попрекнуть за это не смей. Они могут и говорить и делать, что им в голову взбредет, такое у них высокое положение.

Гипатия. Ну, канализацию они могли бы предоставить своим мужьям. Не очень высокого мнения была бы я

о мужчине, который позволил бы мне заниматься канализацией.

Миссис Тарлтон. Вот и нет, милочка, тут ты ошибаешься. Я никогда при тебе не заикалась об этом, но канализацией здесь занимаюсь все-таки я. После того что мне сказала эта графиня, я вовсе не желала потерять еще одного ребенка и на Джона не полагалась. Детей не желала терять и внуков не намерена.

Гипатия. Как ты думаешь, будет Бентли когда-нибудь крупным мужчиной, вроде лорда Самерхайза? Я не об уме говорю, а о сложении и силе.

Миссис Тарлтон. Что нет, то нет. Он чересчур породистый, как эти дорогие комнатные собачонки. Мне-то всегда больше нравились дворняги — и среди собак, и среди мужчин. Для каждого дня они куда как полезнее. Но у всякой женщины свой вкус: что для одной здорово, то для другой смерть. Кролик — очень милый паренек, но в твои годы я за такого ни за что не пошла бы замуж.

Гипатия. Все это верно, но у него хотя бы есть мозги. Он не такой, как остальные. А всего сразу не бывает.

Миссис Тарлтон. Ты права, доченька, совершенно права. Мозги — великое дело. Посмотри, как они далеко повели твоего отца. Потому-то я и слова не сказала, когда ты дала отставку бедняжке Джерри Макинтошу.

Гипатия *(виновато)*. Честное слово, я больше не могла его вытерпеть. Знаю, мама, тебе он нравился, да никто и не спорит, что он — великолепный жеребец.

Миссис Тарлтон *(возмущенно)*. Гипатия! Какие ты слова говоришь! Нынешние девушки совсем распустились.

Гипатия. А как его еще назвать? Будь я глухая или он немой, я, может, и вышла бы за него замуж. Но я недаром прожила всю жизнь под одной крышей с отцом: я научилась ценить ум, и Джерри свел бы меня с ума. Ты сама знаешь, как он глуп. Даже Джонни и тот считает его глупым.

Миссис Тарлтон *(мгновенно встает на защиту своего сынка)*. Пожалуйста, моего Джонни не задевай. Ты отлично знаешь, что я этого терпеть не могу. Джонни не глупее других, только он умен на свой манер. Пусть ты в чем-то и умнее его, но уж, во всяком случае, он настоящий мужчина, не чета такой мелюзге, как твой Кролик.

Гипатия. Да не собираюсь я обижать твоего любимчика. Все знают, какое Джонни сокровище.

Миссис Тарлтон. Ну, не сердись на меня, доченька. Ты Джонни не трогай, тогда и я твоего Кролика не стану задевать. Сама знаешь, мы из одного теста сделаны.

Гипатия. Я вовсе не сержусь, когда ты так говоришь о Бентли. Это ведь правда. Он действительно мелюзга. И мне это не нравится. Но какой у меня выбор? Вспомни остальных моих поклонников. В одном мизинце Бентли больше ума, чем во всем их естестве. И потом они все *на одно лицо*. Я их и различала-то с трудом. Да и деньги у них только потому, что они сыновья своих отцов, как наш Джонни. Что ж остается девушке делать? Я в первый раз встречаю такого человека, как Бентли. Да, верно, он недоросток, но все равно, не станешь же ты отрицать, что он лучше остальных?

Миссис Тарлтон *(со вздохом)*. Что ж, девочка, если он тебе по сердцу, больше и говорить не о чем.

Пауза. Обе женщины некоторое время молча шьют.

Гипатия. Мама, как ты считаешь, девушки и теперь так же часто выходят замуж по склонности, как в твое и папино время?

Миссис Тарлтон. Ох, дорогая моя, не так уж я была и склонна к нему, просто твой отец и слышать не хотел ни о каком отказе, а мне тоже страсть как хотелось из его продавщицы стать его женой. Но вот что занятно: выбор у меня был лучше, чем у тебя, и знаешь почему? Я была бедна, а бедных мужчин настолько больше, чем богатых, что я все равно, можно сказать, не засиделась бы, даже если бы Джон мне не подошел.

Гипатия. Я представляю себе самых разных мужчин, в которых могла бы влюбиться, только встретить таких мне, наверно, никогда не доведется. За мною ухаживают или недоростки вроде Бентли, или дураки вроде Джерри. Конечно, из-за мужчины можно потерять голову или там влюбиться, называй это как хочешь. Но кто же рискнет выйти замуж по любви? Во всяком случае, *не я*. У нас в школе три девочки говорили мне в один голос, что, если не хочешь быть на поводу у мужа, ни за что не выходи замуж по любви. По-моему, в нас этому противится какой-то инстинкт, и он ничуть не слабее другого инстинкта. Я знаю наверняка, что одна из этих девочек отказала тому, в кого была влюблена, и вышла замуж за того, который был влюблен в нее, и брак оказался очень удачным.

Миссис Тарлтон. Ты это к тому говоришь, что не влюблена в Кролика?

Гипатия. Господи, кто же может в него влюбиться? Когда он меня целует, мне это приятно — ну, так, словно целует ребенок. Я хорошо к нему отношусь, мне с ним никогда не бывает скучно. Я знаю, он умен, но головы из-за него я не потеряла, если ты это имеешь в виду.

Миссис Тарлтон. Так зачем тебе выходить за него замуж?

Гипатия. А что мне еще остается? Надо же за кого-то выйти, так ведь? Я это поняла, когда мне стукнуло двадцать три года. Я привыкла считать, что еще до двадцати лет должна приискать себе мужа.

Бентли *(его голос доносится из сада)*. Старайтесь сохранить бодрость; смотрите на эти вещи непредвзято.

Джон Тарлтон *(голос из сада)*. Совершенно верно; я сам всегда так говорю.

Миссис Тарлтон. Твой отец приехал. И Кролик с ним.

Бентли. Старайтесь сохранить молодость. Равняйтесь по мне, вот вам мой совет.

Бентли и мистер Тарлтон — огромный и добродушный ветеран торговли — проходят по саду и поднимаются на веранду.

Джон Тарлтон. Вы считаете, что вы молоды? А я — стар? *(Энергично стаскивает с себя дорожный плащ, вешает его и кепи.)*

Бентли *(помогая ему снять плащ)*. Конечно, стары. Посмотрите на свое лицо и сравните с моим. То, что вы изволите называть своей молодостью, — на самом деле просто легкомыслие. Как, по-вашему, почему мы с вами так хорошо спелись? Потому что я молодой жеребенок, а вы — старый жеребчик. *(Бросает диванную подушку к ногам Гипатии, садится и прислоняется к ее коленям.)*

Тарлтон. Старый! Много ты понимаешь насчет старости, мальчик! Здравствуй, Петси.

Гипатия целует его.

Как ты себя чувствуешь, Цыпленок? *(Целует руку миссис Тарлтон, становится посредине холла и шумно выставляет себя на всеобщее обозрение.)* Посмотрите на меня! Посмотрите на эти морщины, на эти седые волосы, на эту отвратительную маску, которую вы называете старостью! Что это такое? *(Запальчиво.)* Нет, вы мне ответьте, что это такое?

Бентли. Очень симпатичное и почтенное зрелище, старина. Огорчаться нет оснований.

Тарлтон. Симпатичное? Чушь! Почтенное? Да провались она, ваша почтенность! Читай Дарвина, мальчик! Читай Вейсмана! *(Идет к буфету и наливает себе лимонад.)*

Миссис Тарлтон. Как тебе не стыдно, Джон! Лучше посоветовал бы ему перечитать Библию.

Тарлтон *(возится с сифоном)*. Какой смысл советовать детям читать Библию, когда заранее известно, что они не станут ее читать. Я сорок лет не брал Библию в руки, и только потому, что в детстве меня все время усаживали за нее. Затем она случайно попалась мне на глаза в сандерлендской гостинице, а я как раз свои газеты оставил в поезде. И тут я обнаружил, что Библия не так уж скучна. *(Пьет, крякает от удовольствия и ставит стакан на место.)* Во всяком случае, интереснее, чем все ваши грошовые газетенки, только вряд ли этому кто-нибудь поверит. *(Садится у письменного стола, неподалеку от жены.)* Но если хотите понять по-научному, что такое старость, читайте Дарвина и Вейсмана. Ну, а если вас интересует романтика старости, тогда читайте о царе Соломоне.

Миссис Тарлтон. Джон, ты уже пил чай?

Тарлтон. Да. Не прерывай меня, когда я стараюсь образовать ум этого молодого человека. О чем я говорил? Эта отвратительная маска... Ага, вспомнил! *(Драматически.)* Что такое смерть?

Миссис Тарлтон. Джон!

Гипатия. Смерть не такая уж приятная тема для разговора, папа.

Тарлтон. Ничего подобного. Мы же говорим с научной точки зрения. А если подходить научно, это восхитительная тема! Вы считаете, что смерть в природе вещей? Ни в коем случае. Читайте Вейсмана. Начнем с того, что сперва вообще не было никакой смерти. Выйдите и загляните в любую канаву — там вы обнаружите миллионы живых и совершенно свеженьких клеток, хотя крестил их еще Адам в райских кущах. Но если бы вечно жили такие крупные особи, как мы, на земле просто не осталось бы места. Да, сэр, когда бы у людей не хватало здравого смысла и пристойности вовремя умирать и освобождать место новой поросли, род человеческий вовсе прекратил бы существование. Потому-то естественный отбор и изобрел смерть. Выкинь, мальчик, из головы идейку, будто

я умираю от износа и дряхлости. Человек, полный жизненной энергии, не может износиться. Я освобождаю место, а вовсе не изнашиваюсь.

Бентли. А как насчет морщин, и миндального дерева, и отяжелевшего кузнечика, и желания, которое угасает?

Тарлтон. Угасает? Как бы не так! Нет, сэр, не угасает, черт меня побери, а одухотворяется. А насчет кузнечика, так я силен, как слон.

Миссис Тарлтон. Кролик, вы такие вещи говорите... И при чем тут миндальное дерево?

Тарлтон. Он просто намекает на мои седые волосы и отвратительную маску. А это, сынок, еще одно изобретение естественного отбора, чтобы отпугнуть от меня молодых женщин и дать место молодым мужчинам.

Миссис Тарлтон. Джон, прекрати эти разговоры. Знаешь ведь, это запрещенная тема.

Тарлтон. Все возмущаются испорченностью и тщеславием женщин, которые в пятьдесят лет красятся и носят золотистые парики. А что тут плохого? Почему женщина должна покорно носить лживую маску старости, напяленную на нее природой, если она чувствует себя молодой? Зачем ей смотреть в зеркало и видеть там морщинистую ложь, если достаточно прикосновения мудрого искусства – и в том же зеркале отразится великолепная правда? Морщины – это пугало, чтобы отгонять молодых людей. А если она не хочет их отгонять? Если они ей нравятся?

Миссис Тарлтон. Кролик, будьте добренькн, пойдите погуляйте с Гипатией. На Джона сегодня опять напал дурной стих.

Гипатия. Оставь, мама, я к отцовским выходкам привыкла.

Бентли. А я нет. Никогда ничего подобного не слышал – просто ушам своим не верю. И не забудьте, этот самый человек возражал против моей женитьбы на его дочери только потому, что брак между представительницей великой и могучей буржуазии и отпрыском порочной и прогнившей аристократии будет, изволите ли видеть, неравным браком! Неравный брак, тоже выдумал! И кто? Человек, которого я избрал себе в приемные отцы.

Тарлтон. Что такое? Это еще что за новости? Ты избрал меня в приемные отцы?

Бентли. Да. Такая у меня возникла идея. Я знал одного парня, некоего Джои Персивала, в Оксфорде – я ведь про-

учился два месяца в Бэлиеле, прежде чем меня выставили из этого дурацкого колледжа за то, что я изложил старой перечнице, которая его возглавляла, мою точку зрения на нее. Он — я имею в виду старую перечницу — через полгода уже жаждал заполучить меня обратно, но я не поддался. Поделом ему, пусть кусает себе локти. В общем, Джои Персивал — потрясающе умный парень и к тому же миляга. Я спросил у него, почему это он так отличается от прочих оксфордских щенков — а они типичные щенки, можете мне поверить. Он ответил, что все до чрезвычайности просто: у них по одному отцу на каждого, а у него три отца.

Миссис Тарлтон. Миленький, не говорите чепухи. Как это может быть?

Бентли. Очень просто. Его отец...

Тарлтон. Который?

Бентли. Первый: законный папаша установленного образца. Так вот, он держал в доме ручного домашнего философа, ну, типа Колриджа или Герберта Спенсера. Философ и был вторым отцом. А мать Джои, итальянская княгиня, всегда имела при себе итальянского священника. Он должен был печься о ее душе, но, насколько я понял, они поменялись ролями. И вся эта троица взяла под опеку душу Джои. Он всегда присутствовал при их спорах, а спорили они, как полоумные. Философ, понимаете ли, был вольнодумец и верил во все новомодные теории. Священник ни во что не верил, потому что не хотел ни с кем портить отношений. А законный папаша был человек без предубеждений и верил только в собственную выгоду. Слушая их, Джои и просветил свой ум. Он уверял, что, будь у него вдобавок еще три матери, он переплюнул бы и Наполеона.

Тарлтон *(заинтересованный)*. А это ведь идея. Интересная идея. Идея необычайной важности.

Миссис Тарлтон. У тебя у самого, Джон, идей хоть отбавляй.

Тарлтон. Ты права, Цыпленок. Что я говорю Джонни, когда он начинает хвастаться тарлтонским нижним бельем? Я ему говорю: разве в белье дело? Да провались оно в тартарары! Всякий дурак сошьет нижнее белье. Всякий дурак его продаст! Суть не в белье, а в тарлтонских идеях. Я даже подумывал, не заменить ли мне нашу вывеску этим девизом.

Бентли. Сделайте это и возьмите меня себе в партнеры.

С нижним бельем я не в ладах, зато по части идей собаку съел.

Тарлтон. Ведите себя хорошо; может, мы с вами и ударим по рукам.

Миссис Тарлтон *(чуя угрозу своему дорогому Джонни).* Но, Джон, ты же обещал...

Тарлтон. Да, да, все в порядке, Цыпленок. Не волнуйся, никто не перебежит дорогу твоему драгоценному Джонни. *(От избытка энергии подпрыгивает на стуле.)* Но меня уже тошнит от этой древней лавки. Я сижу в ней тридцать пять лет, и всегда одно и то же: дважды в день та же лестница, те же физиономии и та же карусель. И зачем я связался с этим делом? Нет, к черту, возьмусь за что-нибудь новенькое, за что-нибудь такое, где я по-настоящему применю свои способности.

Гипатия. Нижнее белье приносит хотя бы деньги, а что принесут сумасбродные идеи?

Тарлтон. Деньги, сударыня, приношу я, за что бы ни взялся.

Миссис Тарлтон. Не хвались, Джон, не искушай провидение.

Тарлтон. Вздор! Ты не понимаешь провидения: оно любит, когда его искушают. В этом весь секрет успеха. Читай Браунинга. Естественное богословие на обитаемом острове, разве не здорово? Калибан боялся искушать провидение, поэтому и не одолел Просперо. А что делал Просперо? Он даже не искушал провидение, он просто сам *стал* провидением. Вот еще одна из тарлтонских идей, прошу обратить внимание!

Бентли. С чего это вы на таком накале, старина?

Тарлтон. К черту накал! Радость жизни! Читайте Ибсена! *(Чтобы дать выход энергии, идет на веранду и, глубоко засунув руки в карманы, смотрит вдаль.)*

Гипатия *(мечтательно).* Бентли, вы не могли бы пригласить сюда вашего приятеля мистера Персивала?

Бентли. Боже меня избавь от этого! Вы только посмотрите на него и сразу меня бросите!

Миссис Тарлтон. Фу, Кролик, как вам не стыдно!

Бентли. Но, сами подумайте, какая девушка пойдет за меня, если она сможет заполучить мои мозги в крупнокалиберном теле? Нет, благодарю покорно, я из кожи вылезу, только бы держать Джои на почтительном расстоянии, пока Гипатия не будет застрахована от него.

Джонни и лорд Самерхайз возвращаются с прогулки и поднимаются на веранду.

Тарлтон. Привет, привет! Где вы пропадали?

Лорд Самерхайз *(пожимает ему руку)*. Вы правы, следовало появиться у вас раньше. Но я до сих пор как-то неуверенно себя чувствую в Англии.

Джонни берет у него шляпу и вешает ее рядом со своей.

Благодарю вас.

Джонни садится в свое кресло и снова берется за роман. Лорд Самерхайз подходит к письменному столу.

По правде говоря, мне абсолютно нечего делать, и поэтому ни на что не хватает времени. *(Садится рядом с миссис Тарлтон.)*

Тарлтон *(идет следом за лордом Самерхайзом и садится по левую руку от него)*. Парадокс, опять парадокс! Очень хорошо. Только в парадоксах и скрыта истина. Читайте Честертона. Но вам и тут предстоит куча дел. У вас ведь талант по части управления. И вы прошли отличную школу в вашем Чингисхане. Что ж, мы в Англии тоже хотим, чтобы нами управляли. Управляйте же!

Лорд Самерхайз. Видите ли, мой друг, в Чингисхане человек *должен* управлять разумно, не то дела пойдут вкривь и вкось и его отправят домой. А здесь, напротив, все надо делать по-дурацки, иначе не угодишь хозяевам — нашим, так сказать, туземным князькам, которые смыслят только в охоте на куропаток, — и рассердишь избирателей, а они понятия не имеют, кого именно они хотят избрать. Я плохо разбираюсь в этих демократических играх и, боюсь, слишком стар, чтобы им учиться. Вот мне и приходится сидеть у окна в моем клубе, где почти все члены — отставные служаки из Индии. Мы сидим, и видим неурядицу, глупость, дилетантство, и спрашиваем друг друга, что с нами сталось бы там, попробуй мы хоть две недели так себя вести.

Тарлтон. Совершенно верно. И все равно, должен вам сказать, демократия — отличная штука. Читайте Милля. Читайте Джефферсона.

Лорд Самерхайз. Согласен, читать о демократии проще простого. Но сыграть ее не проще, чем пьесы иных наших авторов. Нет, нет, дорогой мой Тарлтон, по-настоящему дееспособна только аристократическая Демократия. Или демократическая Аристократия. А у вас тут нет ни того, ни другого, так что и говорить не о чем.

Тарлтон. Однако, знаете ли, не исключено появление сверх-

человека. Сверхчеловек – это идея, а я твердо верю в идеи. Читайте как бишь его зовут...

Лорд Самерхайз. Чтение – опасная забава, Тарлтон. Мне очень бы хотелось внушить это всем вам, поклонникам бесплатных библиотек.

Тарлтон. Но послушайте, чтение – начало всякого образования!

Лорд Самерхайз. Напротив, его завершение. Как вы решаетесь учить человека чтению, не научив сперва всему остальному?

Джонни *(встает с кресла и, не дав отцу ответить, вмешивается в разговор)*. Ну, и кончайте на этом! Разумнее все равно ничего не скажете. Хочет кто-нибудь сыграть в теннис?

Бентли. Нет, продолжим еще эту поучительную беседу. Вы не против, Джонни?

Джонни. Если спрашиваете *мое* мнение, решительно против.

Тарлтон. Ты нисколько не образовываешь свой ум, Джонни. Кто-кто, а *ты* не читаешь.

Джонни *(держа книгу в руках, становится между своей матерью и лордом Самерхайзом)*. Нет, читаю. И держу пари на что угодно, начитал гораздо больше страниц, чем ты, только меньше об этом болтаю. Но читаю я, конечно, совсем другие книги. Мне нравится, когда в книге есть действие, а тебе – когда в ней нет ничего, кроме какой-нибудь идейки, и автор все время гоняется за ней, как кошка за своим хвостом. Такую писанину я тоже могу немножко полистать, вроде как поглазеть на кошку минуты две, пока не подвернется что-нибудь поинтереснее. Но долго заниматься этим – скулы сводит. А все дело в том, что ты смотришь на писателя, как на какого-то бога, а я – как на человека, которому плачу, чтобы он сделал для меня то-то и то-то. Плачу за то, чтобы он развлек меня, и увел от мыслей о себе, и помог забыть.

Тарлтон. Нет. В корне неверная установка. Ты не забыть хочешь, а помнить. Читай Киплинга. «Чтобы мы не забыли».

Джонни. Если Киплинг не желает забывать – ну, и на здоровье. А вот пришлось бы ему заправлять «Тарлтонским нижним бельем», он захотел бы забыть, да еще как! Но его работенка куда легче, и он желает все время красоваться перед публикой, вот и вешает плакат: «Не забывайте вещей, которые я так ловко умею описывать!»

Я не осуждаю Киплинга: это его бизнес, поменяйся мы местами, я тоже так поступал бы. Но мы с ним хотим разного. Я хочу забыть и плачу автору, чтобы он мне в этом помог. Я покупаю книгу или билет в театр только для того, чтобы, читая ее или глядя спектакль, забыть и свою контору, и самого себя. За это и деньги плачу. А если обнаруживаю, что автор все время обсмеивает меня, я считаю, что он выманил их у меня обманом. Я не какой-нибудь тронутый меланхолик, я нормальный мужчина, и мне не нравится, когда меня обсмеивают. Если бы я поймал на этом моего служащего, я тут же, не сходя с места, дал бы ему расчет, а будь то член моего клуба, перестал бы ему кланяться, а зайди он слишком далеко, поставил бы вопрос о нем перед правлением. При случае я мог бы и отколошматить его. Скажите на милость, что это за птица такая — автор, что он может позволить себе вольности, которые всем другим запрещены?

Миссис Тарлтон. Видишь, Джон! Что я тебе всегда говорила? Стоит Джонни захотеть — и он отстаивает свои взгляды не хуже любого другого.

Джонни. А я не дурак, мама, хотя кое-кто считает иначе. Я не претендую на такое обилие идей, как у родителя, но зато последовательности мне не занимать стать. И я не только умею думать, но и говорить.

Бентли *(посмеиваясь, Тарлтону)*. Съели, старина? Он ведь, пожалуй, прав. Вы с вашими идеями и впрямь не очень к месту в конторе, разве не так?

Джонни *(великодушно)*. Я ничего не говорю против тебя, родитель, я только утверждаю, что теперь пришло время для людей вроде меня — простых, здравых, разумных, способных справиться с писаками, и крикунами, и прочими художественными бездельниками, которые сговорились оттеснить нас на задворки. Кто это сказал, что мы ниже их? Вот уж вранье, и выдумали его эти самые людишки. Мы делаем за них всю работу в стране, а вместо благодарности нам долдонят, что мы, мол, обыватели, и низменные торгаши, и грязные дельцы, и прочее, и прочее, а они все ангелы света и прогресса. Пришло время нам утвердить себя и положить конец их бессовестной болтовне. Может, не будь у нас дела поважнее болтовни и писанины, мы их и в этом заткнули бы за пояс. И вообще, они неудачники и отбросы бизнеса — недаром почти все они начинали со службы в конторе, — а мы

в бизнесе преуспеваем. Я, слава богу, ни в чем пока не был неудачником. И надо полагать, не был бы неудачником и в писании книг, если бы решил, что на этом можно хорошо заработать.

Бентли. Слушайте, слушайте!

Миссис Тарлтон. Джонни, а может, ты и в самом деле напишешь книгу? Выйдет у него что-нибудь, как вы считаете, лорд Самерхайз?

Лорд Самерхайз. Почему бы и нет? По правде говоря, все преуспевающие писатели, с которыми мне довелось встречаться после возвращения в Англию, были удивительно похожи на него.

Тарлтон *(снова заинтересованный сказанным)*. Это идея! Совершенно свежая идея! Видимо, мне следовало сделать Джонни писателем. Раньше я молчал, боялся обидеть его – он-то, в общем, в этом не виноват, – но я давно уже понимаю, что как делец Джонни гроша ломаного не стоит.

Джонни *(саркастически)*. Ты уверен, что держал это при себе, так я тебя понял, родитель? Но я твое мнение о моей персоне знаю не хуже, чем ты сам. Судить о деловом человеке может только деловой человек, а ты настоящим деловым человеком никогда не был и не будешь. Если бы не я, Тарлтонская фирма уже раз пять обанкротилась бы. *(Фыркнув и вздернув голову в знак серьезного предостережения, отходит к турецкой ванне и, опершись на нее, покачивается с видом благодушного безразличия.)*

Тарлтон. Кто же это отрицает? Ты совершенно прав, сынок. Чистосердечно признаюсь вам всем, обстоятельства, которые принудили меня стать дельцом, привели к величайшей трагедии, какая только существует в современной жизни. Мне следовало стать писателем. По самой своей сути я – человек идей. В молодости я даже, бывало, молил судьбу о неудаче – тогда я почувствовал бы, что вправе бросить бизнес и заняться чем-нибудь другим, чем-нибудь стоящим. Но нет, я был приговорен к удаче. Я думал – вот если бы мне хоть раз удалось показать Цыпленку бухгалтерский отчет, из которого было бы видно, что я получил на двадцать фунтов стерлингов меньше, чем в прошлом году, я выпросил бы у нее позволения поставить на карту будущее Джонни и Гипатии и заняться сочинительством. Но нет – в первый год прибыль увеличилась на двести пятьдесят фунтов, потом на семьсот, потом на две тысячи. И тогда я сдался. Проме-

тея приковали к скале — читайте об этом у Шелли, читайте у миссис Браунинг. Что ж, значит, не суждено. *(Торжественно встает.)* Простите меня, лорд Самерхайз, я на несколько минут покину вас. Бывают мгновения, когда человеку необходимо в одиночестве поразмыслить над своей судьбой. Что-то заденет в нем чувствительную струну, и вот, подобно зрителю в театре, он созерцает драму своей жизни. Можете смеяться надо мной — я лучше, чем кто бы то ни было, вижу, как все это смешно. В театре жизни развлекаются все, кроме самого актера. *(Оживляясь.)* А это идея — отличная идея для художника. Жаль, что юный Бентли не художник. Тарлтон, размышляющий над своей судьбой. Без тоги. Без парадных одеяний трагического героя или философа. В обыкновенном пиджаке и в брюках — человек как человек. А под пиджаком и брюками — человеческая душа. Тарлтонское нижнее белье! *(С сосредоточенным видом идет в переднюю).*

Миссис Тарлтон *(с нежностью)*. Может, я, как всякая жена, пристрастна, только мне кажется, лорд Самерхайз, что Джон и вправду необыкновенный человек. Ему надо было родиться королем. Мой отец смотрел на Джона сверху вниз, потому что сам он был сборщиком податей, а Джон простым лавочником. И отца било по самолюбию, что ему так часто приходится брать взаймы у Джона. Он только одним себя и утешал — зять, мол, всего-навсего торгует льняным товаром. И все-таки в один прекрасный день он сказал мне: «Джон — настоящий король».

Бентли. Сколько он взял тогда в долг?

Лорд Самерхайз *(резко)*. Бентли!

Миссис Тарлтон. Не корите мальчика — ему смерть будет грозить, и все равно он ввернет что-нибудь этакое. К тому же он прав: мой бедный отец попросил, как всегда, пять фунтов, а Джон дал ему сто. Джон натура широкая. Настоящий король.

Лорд Самерхайз. О нет! В Чингисхане мне пришлось возиться с пятью королями, и, смею думать, вы несправедливы к своему мужу, миссис Тарлтон. Они делали вид, будто я им нравлюсь, потому что, не будь меня, их собственные братья расправились бы с ними, но мне они отнюдь не нравились. А Тарлтон нравится.

Миссис Тарлтон. Он всем нравится. Пойду-ка я скажу кухарке — пусть приготовит для него кролика по-уэльски:

Джон считает, что без этого блюда праздник не праздник. *(Направляется во внутренние комнаты.)* Джонни, когда отец вернется, спроси, куда поставить турецкую?! ванну. Турецкие ванны – его последняя страсть. *(Уходит.)*

Джонни *(снова вступает в разговор)*. Теперь, когда родитель выдал себя с головой, а мама ушла, я вам кое-что скажу, лорд Самерхайз. Когда как следует узнаешь людей, которые разбогатели на бизнесе, но при этом плюют на деньги, сразу обнаружишь, что все они немного не в себе. Родитель – замечательный человек, но, поверьте мне, у него не все дома. Обратите внимание, он совсем непохож на меня, а я, при всех моих недостатках, человек здравый. Сумасброд – вот он кто. И страшнее всего, что когда-нибудь он вдруг может дать себе волю.

Лорд Самерхайз. Давать себе волю – один из типов человеческого поведения, и не самый худший. Такой же, как обуздывать себя. На вашем месте я относился бы к этому без предубеждения.

Джонни. А вам не приходило в голову, что непредубежденный человек – всегда мерзавец в душе? Если хотите знать мое мнение, мне нравятся люди, которые раз навсегда решили для себя, что хорошо, а что плохо, и уже не отступают от этого. По крайней мере, знаешь, где у них слабое место.

Лорд Самерхайз. Но может быть, они вовсе не желают, чтобы вы это знали.

Бентли. Или, напротив, желают узнать *ваше* слабое место.

Джонни. Ну и пусть! Члену моего клуба проще простого стащить у меня зонтик – было бы желание. Поэтому, если в этот самый клуб захочет втереться человек, непредубежденный насчет права собственности на зонтики, я его тут же забаллотирую. Непредубежденность хороша для остроумной трепотни, но в жизни и в делах подавайте мне твердые убеждения.

Лорд Самерхайз. Да, зыбучие пески усложняют жизнь. Но тем не менее они существуют, и неосмотрительно утверждать, будто их нет.

Джонни. Не знаю, не знаю. Я провел бы черту и всем запретил бы переступать ее. По-моему, это и есть нравственность.

Лорд Самерхайз. Правильно. Но, проведя черту, вы уже не сделаете ни шагу вперед.

Гипатия *(внезапно, словно у нее лопнуло терпение)*. Бентли,

пожалуйста, пойдите и поиграйте с Джонни в теннис. Вам необходимо размяться.

Лорд Самерхайз. Да, дружок, это разумно. *(Обращаясь к Джонни.)* Уведите его и заставьте как следует попрыгать.

Бентли *(неохотно встает)*. Я дал тебе слово, что за лето на два дюйма увеличу объем груди. Для этого я пытался упражняться с резиновым расширителем, но потерпел поражение: не я его расширял, а он меня сжимал. Пошли, Джонни.

Джонни. Вам это очень пойдет на пользу, мальчик.

Уходит вместе с Бентли через веранду.
Гипатия с глубоким вздохом облегчения отшвыривает вышивание.

Лорд Самерхайз. Наконец-то!

Гипатия. Наконец. Ох, мне бы хоть немножко передохнуть среди глухонемых! Как я завидую животным! Они не умеют разговаривать. Насколько легче было бы жить, если бы Джонни не устанавливал правила, а просто прижимал уши или вилял хвостом. Мы знали бы, когда он злится, а когда доволен, — все равно к этому сводится, а разговорам нет конца. Все время говорят, говорят, говорят. В этом проходит вся жизнь. Целый день слушаю маму, за обедом слушаю отца, а когда он останавливается, чтобы набрать воздуха, слушаю Джонни.

Лорд Самерхайз. Мне очень стыдно: я ведь, кажется, тоже все время разговариваю.

Гипатия. Ну, против ваших разговоров я не возражаю — в них что-то новое для меня. Но для ваших дочерей они, наверно, были бы пыткой.

Лорд Самерхайз. Вполне вероятно.

Гипатия. Почему родители не понимают, как они несносны своим детям? За эти полчаса я раза четыре чуть не завыла.

Лорд Самерхайз. Так мы были тупы?

Гипатия. Напротив, вы были слишком остроумны. Вот в этом и беда — никак не отвлечься, все время прислушиваешься. Я, знаете ли, молода, и мне так хочется, чтобы что-то случилось. Мама говорит, когда я доживу до ее лет, только об одном и буду мечтать: чтобы ничего не случилось. Но пока я еще не дожила, какая мне от всего этого радость? Вот мой отец размышляет в саду над своей судьбой. Хорошо ему — у него есть над чем размы-

шлять, но у меня-то никакой судьбы еще не было. С ним уже все случилось, а со мной ничего. Поэтому ваша беспрерывная болтовня наводит на меня такую смертельную тоску.

Лорд Самерхайз. Но если бы мы сидели и молчали, было бы еще хуже.

Гипатия. Ничего подобного. Если бы все сидели молча, как будто вот-вот что-то должно случиться, оставалась бы хоть надежда, пусть даже и ничего бы не случилось. Но просто сидеть и трещать, трещать, трещать обо всем и ни о чем интересно только древним, древним, древним старикам. Им это, наверно, что-то дает, кровь немного разгоняет. Я слушаю только потому, что жду — а вдруг эта болтовня к чему-то приведет? Но когда кажется, что и впрямь приведет, Джонни или папа начинают сызнова, и все повторяется сначала, и я вижу, что нет, ни к чему это не приведет и никогда не кончится. И тогда мне хочется завыть. Не понимаю, как вы это выдерживаете.

Лорд Самерхайз. Что ж, я тоже и стар, и болтлив. К тому же, если быть точным, я здесь не по доброй воле. Я приехал потому, что вы приказали мне приехать.

Гипатия. А разве вам самому не хотелось?

Лорд Самерхайз. Дорогая моя, после тридцатилетней возни с чужими делами люди отвыкают считаться с собственными желаниями.

Гипатия. Ох, перестаньте вы говорить о том, кто с чем считается, и о тридцатилетнем опыте. А не можете не говорить — пошлите за Джонни и за папой и начните все сначала.

Лорд Самерхайз. Виноват. Прошу прощения.

Гипатия. Я спросила — разве вам самому не хотелось приехать?

Лорд Самерхайз. Я не стал размышлять, хочу я этого или не хочу, потому что понял, когда прочитал ваше письмо, что не приехать я не могу.

Гипатия. Почему?

Лорд Самерхайз. Право же, право же, мисс Тарлтон, не надо. Зачем вы принуждаете меня назвать вас в лицо шантажисткой? Я в вашей власти и покорно исполняю все ваши требования. Но не требуйте, чтобы я говорил, будто делаю это по доброй воле.

Гипатия. Я не понимаю слова «шантажистка». Настолько у меня мало опыта.

Лорд Самерхайз. Шантажисты, моя дорогая юная леди,

это такие люди, которые знают постыдную тайну другого человека и вымогают у него деньги, угрожая, что разгласят ее, если им не заплатят.

Гипатия. Никаких денег я у вас не требовала.

Лорд Самерхайз. Не требовали. Зато потребовали, чтобы я приехал сюда и поговорил с вами и, между прочим, написали, что, если я не появлюсь, придется вам поговорить обо мне с Бентли, потому что больше не с кем. Это была угроза, не так ли?

Гипатия. Ну, мне просто хотелось, чтобы вы приехали.

Лорд Самерхайз. Несмотря на мой возраст и неприятную болтливость?

Гипатия. Мне нравится разговаривать с вами. Уж тут-то я могу дать себе волю. Вам я говорю такое, чего не скажу никому другому.

Лорд Самерхайз. Можно узнать почему?

Гипатия. Очень просто: вы единственный из всех моих знакомых — по-настоящему умный, взрослый, необыкновенный и много испытавший мужчина — до того сошли с ума из-за меня, что целиком выдали мне себя. Теперь вы уже не можете рядиться в тогу и важничать со мной.

Лорд Самерхайз. Это надо понимать так, что в противном случае вы все расскажете Бентли?

Гипатия. Даже если бы никакого Бентли и не было, даже если бы вы потеряли ко мне всякий интерес — до сих пор не пойму, чем это я могла так сильно вас заинтересовать! — все равно обыкновенные светские отношения между нами уже невозможны. И потом, у меня к вам особенное чувство, какая-то нелепая любовь.

Лорд Самерхайз *(съеживаясь)*. Нет, нет, умоляю вас, не надо!

Гипатия. Ничего лестного для вас в этом нет. И уж, само собой, ничего неприличного — наверно, именно этим словом вы называете такие вещи.

Лорд Самерхайз. Поверьте, в этом я не сомневаюсь. Когда мужчины моего возраста...

Гипатия *(нетерпеливо)*. Если вы собираетесь говорить о себе, о себе и говорите, а не о каких-то там мужчинах вашего возраста.

Лорд Самерхайз. Хорошо, постараюсь изложить свою мысль по возможности прямо. Когда я, по вашему выражению, сошел с ума из-за вас, сумасшествие это было, так сказать, чисто поэтическое. Меня влекла к вам не плотская страсть — она, слава богу, давно для меня не

существует! — и даже не тяга к девочке-подруге впавшего в детство старика, а вполне невинное желание безраздельно отдать в распоряжение вашей юности утонченность, мудрость и духовность моей старости, чтобы через несколько лет вы стали взрослой, стойкой, сформировавшейся вдовой. Но увы, эта утонченная старость, как полагается, не приняла в расчет, что юность насмешлива и жестока. Вы ответили мне, что не собираетесь стать сиделкой при старике и не желаете рожать детей-недорослков вроде Бентли. И поделом мне! Я вас ни в чем не упрекаю — действительно, на старости лет сошел с ума. Но как могло вам прийти в голову, что после этого я способен заподозрить в вас хоть какое-то чувство, кроме того, которое всегда испытывает ранняя юность к поздней старости, или ощутить в собственном сердце что-нибудь, кроме отчуждения и стыда, — повторяю, как вам могло прийти в голову такое, я совершенно не понимаю.

Гипатия. Но я ничуть не осуждаю вас за то, что вы в меня влюбились. Я всегда буду благодарна вам за это — наконец-то и в моей жизни случилось что-то интересное!

Лорд Самерхайз. Не хотите ли вы сказать, что этого никогда не случалось прежде? Что ни один мужчина...

Гипатия. Куча мужчин. Это же обязательная часть здешнего существования, и притом самая скучная. Ухаживания молодого человека для меня как кофе к завтраку. И само собой, очередной молодой человек слишком джентльмен, чтобы нарушать приличия, а я слишком леди, чтобы допускать нарушения, он застенчив и неловок, а я благовоспитанна и сдержанна, и наконец, когда я уже не в состоянии больше выдержать, я или пугаю его, или предоставляю возможность сделать мне предложение, только чтобы посмотреть, как он его сделает, и потом отказываю, потому что он ведет себя при этом так же по-идиотски, как и все остальные! Не назовете же вы это событием в жизни! А с вами все было иначе. Я меньше бы удивилась, если бы в меня влюбился Северный полюс! Ведь если говорить начистоту, я всего-навсего дочь торговца льняным товаром. Я боялась вас — вы ведь великий человек! Лорд! И вы еще старше, чем мой отец! А как все необыкновенно получилось! Подумайте только! Я помолвлена с вашим сыном, но вы ничего об этом не знаете! Он боится сказать вам и привозит вас сюда —

уверен, что, если ему удастся свести меня с вами, я обведу вас вокруг пальца, я же такая обольстительная девушка! Мы с ним все это подстроили — он и я. Мы ловко отделались от папы, и мамы, и Джонни, а потом и Бентли незаметно скрылся и дал нам возможность — вам и мне — погулять вдвоем по вересковой пустоши и полюбоваться видами Хайндхеда. Вам и в голову не приходило, что мы с Бентли заранее все обдумали. Я просто подыгрывала своей судьбе, изображая прелестную девушку, которой предназначено осчастливить вашего сына, и только поэтому была так мила с вами. А потом!.. А потом!.. *(Вскакивает и делает несколько па, в восторге хлопая руками над головой.)*

Лорд Самерхайз *(передергиваясь)*. Довольно, довольно! Неужели ни одна женщина не способна понять мужскую утонченность?

Гипатия *(упивается воспоминаниями)*. А потом — ха-ха-ха! — вы сделали мне предложение! *Вы!* Отец! Невесте своего сына!

Лорд Самерхайз. Довольно, говорю вам! Не оскверняйте того, чего не способны понять.

Гипатия. Вот уж это было событие, и какое! Потрясающее! Я впервые заглянула за кулисы. Будь мне семнадцать, я обязательно влюбилась бы в вас. Да и сейчас у меня к вам совсем другое чувство, чем к другим старикам. Поэтому *(протягивает ему руку)* я позволяю вам поцеловать мне руку, если вам этого очень хочется.

Лорд Самерхайз *(глубоко возмущенный, встает и отступает к столу)*. Нет, нет и нет! Как вы смеете!

Она издевательски смеется.

Как бессердечна юность! Как вульгарна! Как цинична! Как безжалостно жестока!

Гипатия. Чушь! Просто вы уже успели устать от множества вещей, а я их и не пробовала.

Лорд Самерхайз. Дело не только в этом. Я не забыл, сколько грубости было во мне самом в мои юные годы. Но постарайтесь понять, вы, юный и великолепный звереныш, что старость брезглива, чувствительна, привередлива. Если самые мои святые чувства вам непонятны, то уж старческие немощи отлично известны. Вы знаете, что я не смею есть жирные кушанья, которые вы уписываете за каждой трапезой, что не выношу шума, гама,

трескотни, а вы их просто не замечаете. Вот и душа у меня такая. Пощадите ее, будьте с ней бережны.

Невольно протягивает к ней руки с мольбой; она, смеясь, берет их в свои.

Если бы вы согласились видеть во мне только помесь ангела с инвалидом, нам куда легче было бы поладить.

Гипатия. По-моему, мы и так отлично ладим. До вас меня еще никто не называл юным и великолепным зверенышем. Мне это нравится. Хочу быть зверенышем, юным и великолепным.

Лорд Самерхайз *(отнимает у нее руки и садится)*. И откуда у вас такие нездоровые вкусы? Вы из нормальной, благопристойной, почтенной буржуазной семьи, воспитали вас как будто разумно, а ведете вы себя, точно отпетая представительница самой отвратительной богемы.

Гипатия. Так оно и есть. Меня рвет...

Лорд Самерхайз. Какое ужасное выражение! Не надо!

Гипатия. Конечно, вульгарное. Но зато точное. Меня рвет от хороших манер, от благопристойности и добропорядочности. Если женщина не занята никаким делом и к тому же богата и добропорядочна, значит, с ней никогда ничего не случится. Не хочу быть хорошей, не хочу быть плохой, не хочу ломать себе голову над тем, что хорошо, а что плохо. Хочу быть активным глаголом.

Лорд Самерхайз. Активным глаголом? А, понял! Активный глагол означает быть, делать, страдать.

Гипатия. Вот именно! Как вы догадливы! Хочу быть, хочу делать и готова страдать, было бы ради чего. А торчать здесь и ничего не делать, только быть воспитанной, хорошей и добропорядочной *не желаю*. Вот поживите с нами недельку, и я покажу вам, что это такое и как оно бывает изо дня в день, из года в год, из жизни в жизнь.

Лорд Самерхайз. Что именно вы покажете?

Гипатия. Девушек, которые ссыхаются в добропорядочных женщин. Добропорядочных женщин, которые ссыхаются в старых дев. Они ухаживают за старухами. Бегают по поручениям стариков. И больше уже ни на что не годны. Вы даже не представляете себе, как гнусно эгоистичны старики и как слезливо самоотверженны молодые! Это невыносимее всякой бедности, хуже самого откровенного распутства. Ах, домашний очаг, ах, родители, семья, долг, как я их ненавижу! Так бы и взорвала собствен-

ными руками! Бедность спасает от этого. И порочность. Так вот, я не бедна,— честно говоря, мы просто купаемся в деньгах. Но порочной я могу стать и стану.

Лорд Самерхайз. Думаете, это легко?

Гипатия. А разве нет? Вы мужчина, значит, должны знать.

Лорд Самерхайз. Тут нужен прирожденный талант — разумеется, потом его можно развить. Но быть выше или ниже уровня не так-то просто.

Гипатия. И все равно я буду драться за право жить.

Лорд Самерхайз. За право жить по-своему — так, кажется, это называют суфражистки.

Гипатия. Нет, просто за право *жить*. Жить, а не ссыхаться. Ведь нет на свете такого садовника, чтобы срезать вас, когда вы сгниете!

Лорд Самерхайз. Я жил активной жизнью и все равно, как видите, ссохся.

Гипатия. Нет, вы износились, а это совсем другое. И какая-то жизнь в вас и теперь осталась, иначе вы не влюбились бы в меня. Знали бы вы, в каком я была восторге, когда поняла, что вы вовсе не такой добродетельный и спесивый индюк, как я думала, а старый распутник вроде папы!

Лорд Самерхайз. Нет, нет, только не называйте так собственного отца! Я не могу этого слышать. И если вам так уж необходимо говорить эти ужасные, ранящие душу, постыдные вещи, то хотя бы найдите для меня название более деликатное, чем старый распутник.

Гипатия. А как *вы* назвали бы мужчину, который делает предложение девушке, годящейся ему...

Лорд Самерхайз. В дочери. Знаю.

Гипатия. Я собиралась сказать — во внучки.

Лорд Самерхайз. У вас всегда есть про запас какой-нибудь особенно болезненный удар.

Гипатия. Вы чересчур чувствительны. Приходилось вам лепить пирожки из грязи, когда вы были сопляком — простите, мальчишкой?

Лорд Самерхайз. Надеюсь, нет.

Гипатия. Грязное занятие, но нам с Джонни оно нравилось — мы грубые натуры. Мне нравятся молодые люди потому, что они не боятся жизни, хотя она — грязное занятие. Сейчас я слишком взрослая для пирожков из грязи, но люблю вульгарные слова, люблю подзуживать вас такими выражениями, от которых вы ежитесь. Куренье, ругань, что угодно, только бы не тупая добропорядоч-

ность! И сколько еще на свете такого, что вас отталкивает, а меня привлекает! Вот вам!

Лорд Самерхайз. Я в этом не сомневаюсь, напрасно вы так настаиваете.

Гипатия. Это не ваш идеал, так ведь?

Лорд Самерхайз. Отнюдь.

Гипатия. А знаете почему? Ваш идеал — старуха. Конечно, с молодым лицом, но все равно старуха. Старая, старая старуха. Которая всем брезгует, и всего боится, и не умеет радоваться жизни — настоящей живой жизни. И воротит нос.

Лорд Самерхайз. Воротит нос! Отвратительное выражение!

Гипатия. Вот видите! Вы брезгуете даже такой малостью! На что же вы годны? Нет, вы мне ответьте, на что вы годны?

Лорд Самерхайз. Не спрашивайте. Сам не знаю. Ничего не знаю.

Из прихожей входит Тарлтон. Гипатия благовоспитанно садится.

Гипатия. Ну как, папа, поразмыслил над своей судьбой?

Тарлтон *(удивленно)*. Над чем? Ах да, над моей судьбой! Черт, я уже и забыл об этом. Джон начал разделывать кролика, и у меня сразу все вылетело из головы. Да и зачем мне предаваться нездоровому самоанализу? Самоанализ — признак душевной болезни. Читайте Ломброзо. *(Лорду Самерхайзу.)* Ну как, Самерхайз, моя дочка развлекла вас?

Лорд Самерхайз. Да. Она удивительно умеет развлекать.

Тарлтон. По-моему, мои идеи насчет воспитания молодых девушек принесли неплохие плоды. Не слушай, Петси, не то зазнаешься. С ней всегда обходились как со взрослой. Я не переставал внушать ее матери — пусть Петси читает что хочет, делает что хочет, ходит куда хочет. Верно, Петси?

Гипатия. Верно. Если бы к тому же мне было что делать, куда идти и хотелось что-нибудь читать.

Тарлтон. Вот видите! Она не удовлетворена! Беспокойна. Хочет, чтобы что-нибудь случилось. Чтобы ей с неба на голову свалилось приключение.

Гипатия *(складывая свое вышивание)*. Ну, если ты заговорил обо мне и моем воспитании, я лучше уйду.

Тарлтон. Ну и отлично, уходи. *(Лорду Самерхайзу.)* Она похожа на меня, так же активна. Представьте, хотела, чтобы я взял ее к себе на работу!

Гипатия. Да, мне говорили, что там у девушек иногда бывают приключения. *(Уходит во внутренние комнаты.)*

Тарлтон. Попала не в бровь, а в глаз, хотя ничего худого не думала, бедная моя невинная овечка. Злые языки все безобразно преувеличивают, но, как ни морализируй, избыток жизненной энергии — это явление физическое, с которым не так-то просто сладить. *(Садится между письменным столом и буфетом.)* Трудная задача — воспитание детей. Между нами говоря, мне не удалось ее решить. Я был прямо потрясен, когда увидел Джонни в роли делового человека и понял, что́ он собой представляет. А вы со своими сыновьями справились?

Лорд Самерхайз. В общем, если быть честным, на отцовство у меня времени не оставалось. Пока они жили с нами, все обычные заботы о них лежали на моей бедной дорогой жене. Потом, разумеется, Харроу, Кембридж — обычный путь юношей этого сословия. Я мало их видел и мало о них думал. Да и мог ли я — у меня на руках была целая провинция. Мы просто хорошие знакомые, хотя и не совсем обычные: в том, как мы пожимаем друг другу руки — впрочем, мы рукопожатиями не злоупотребляем, — ощущается... ну, угрызение совести, что ли. Нам, видимо, жаль, что настоящей взаимной привязанности мы не испытываем. И боюсь, никто из нас не стремится участить встречи — нам слишком неловко в обществе друг друга. Очень сложные отношения. И, на мой взгляд, не вполне естественные.

Тарлтон *(как всегда, заинтересованный)*. Это, безусловно, идея. Кажется, об этом еще никто не писал.

Лорд Самерхайз. Бентли — единственный, кого я действительно вправе называть своим сыном. Он бессовестно избалован. Когда его отправили в закрытую школу, он орал до тех пор, пока мы не забрали его домой. Об Итоне не могло быть и речи, но нам удалось подготовить его к Кембриджу, тем не менее и тут ничего не вышло — через два месяца Бентли исключили. К этому времени я уже вышел в отставку, и мы с ним много бывали вместе. Но я не имел никакого влияния на него, был сторонним наблюдателем — и только. Мне казалось, у вас все должно обстоять иначе. Вы придерживаетесь неизменной традиции средних классов — сперва дневная

школа, потом, вместо университета, деловой стаж. Дневную школу я очень одобряю: вы хотя бы знаете собственных детей.

Тарлтон. Вы так думаете? А я не уверен. Стоит кончиться детству, стоит маленькому животному выйти из возраста, когда оно приобретает понятие, так сказать, пристойности, — и близость между родителями и детьми начисто исчезает. Это неоспоримый факт, дорогой мой Самерхайз. Им так совестно друг перед другом, что через это не переступить.

Лорд Самерхайз. Совестно?

Тарлтон. Да, совестно. Читайте Диккенса.

Лорд Самерхайз *(удивленно)*. Диккенса? Чарлза Диккенса? Вы это серьезно?

Тарлтон. Я имею в виду не его романы. Прочтите письма Диккенса к родным. Прочтите письма любого мужчины к своим детям. В них же нет ничего человеческого, ни слова о том, кто пишет, или о тех, кому пишут. Все о гостиницах, о природе, о погоде, о том, как он попал под дождь или опоздал на поезд, и что видел по дороге, и все в том же духе. А о себе — ни звука. Натянутые, стыдливые письма, продиктованные одним только долгом. Хоть сейчас отдавай их в печать — а это уже само за себя говорит. Нет, нет, между родителями и детьми стена в десять фунтов толщиной и в десять миль высотой. Уж я-то знаю — у меня на службе молодые девушки, да и парни тоже. Прежде я держался других взглядов на этот счет; приходил, бывало, к родителям и советовал им: «Не выпускайте детей в реальную жизнь, не предупредив об опасности и искушениях, которые их ждут». И знаете, что мне отвечали все матери до единой? «Не могу же я, сэр, рассказывать о таких вещах собственной дочери!» Мужчины соглашались со мной, но все равно ничего не объясняли своим детям, как я не объяснял Джонни, а просто подбрасывал ему книги и чувствовал себя при этом омерзительно. Поверьте, Самерхайз, отношения между молодыми людьми и стариками должны строиться на целомудренной основе, на такой основе, когда обо всем можно говорить прямо. А на деле эти отношения бывают нежными, полезными, необходимыми, но только не целомудренными. Вы скорее умрете, чем согласитесь намекнуть на то, что́ создало эти отношения. Ручаюсь вам, через тысячу лет попытка узнать, кто ваш отец и кто мать, будет считаться нарушением приличий.

Да, отношения непростые. Лучше передайте Бентли мне. Я могу смотреть ему в глаза и говорить с ним как мужчина с мужчиной. А себе, если желаете, берите Джонни.

Лорд Самерхайз. Благодарю вас, но я слишком долго жил в стране, где у мужчины может быть хоть пятьдесят сыновей, и все они для него — воины, и только. Боюсь, английское понимание отцовского чувства мне уже недоступно.

Тарлтон *(опять не может усидеть на месте)*. Вы говорите о Чингисхане? Ясно, ясно! Хорошая штука — империя. Воспитывает нас. Расширяет кругозор. Вышибает из нас Библию. И цивилизует другую сторону.

Лорд Самерхайз. Да, *их* она цивилизует. Но в *нас* уничтожает цивилизованность. Их прибыль. Наш убыток. Поверьте мне, Тарлтон, большой убыток.

Тарлтон. Что ж тут плохого? Происходит осреднение человеческого рода. Негр становится полуангличанином, англичанин — полунегром.

Лорд Самерхайз. Поскольку в данном случае этот несчастный англичанин — я сам, мне этот процесс не по душе. Доведись мне заново начать жизнь, я остался бы дома и занялся бы сверхцивилизацией самого себя.

Тарлтон. Ерунда! Не будьте эгоистом. Подумайте, какую пользу вы принесли другой стороне. Вспомните испанскую империю. Испания много потеряла, но зато как выиграла Южная Америка! Вспомните, какую пользу римляне принесли британцам! Им пришлось поджать хвост и убраться отсюда, но чему только они не научили нас! Можно сказать, создали. Римляне, видимо, стояли лагерем в Хайндхеде — завтра покажу вам это место. В империализме одно хорошо — он не эгоистичен. Презираю сторонников малой Англии — только об Англии и думают! Узколобые люди. Я за всечеловеческий парламент, за всемирную федерацию. Читайте Теннисона. *(Снова садится.)* К тому же есть еще важнейший вопрос о продуктах питания.

Лорд Самерхайз *(с опаской)*. Может быть, этот вопрос отложим на другой день?

Тарлтон. Согласен, но, пожалуйста, скажите Цыпленку, что чингисханцы только и едят что поджаренный хлеб с сыром, — именно в этом секрет их поразительного здоровья и долголетия.

Лорд Самерхайз. К несчастью, они не отличаются ни

здоровьем, ни долголетием. И не едят поджаренного хлеба с сыром.

Тарлтон. То-то и оно! А ели бы, так были бы здоровы и долго жили. В общем, скажите ей, что хотите, лишь бы в качестве морали мне был на ужин кролик по-уэльски.

Лорд Самерхайз. В этом вся суть британской морали.

Тарлтон *(в восторге)*. Именно! Ха-ха-ха! Мы страшные ханжи, вы согласны?

Их разговор прерывают взволнованные крики из сада.

Гипатия, Бентли, Тарлтон *(вскакивая)*, Лорд Самерхайз *(вместе)*. Папа! Мама! Бегите сюда! Скорей! Скорей! Предок, иди сюда! Самолет! Смотри, самолет! Самолет? Мне не послышалось? Самолет?

На веранду падает тень, крыша дребезжит, на пол сыплются осколки стекла. Тарлтон и лорд Самерхайз с веранды сбегают в сад.

Гипатия, Бентли, Тарлтон *(вместе)*. Осторожнее! Осторожнее! Там труба! Отойдите в сторону! Он сейчас сядет на вас! Эй! Куда вас нелегкая несет? Вы мне крышу просадите!

Лорд Самерхайз. Он потерял управление.

Миссис Тарлтон. Смотри, смотри, Гипатия! Там два человека!

Бентли. Он ее обогнул! Чисто сделано!

Тарлтон, Лорд Самерхайз, Миссис Тарлтон, Бентли *(вместе)*. Да, но сейчас врежется в оранжерею! Берегитесь, полетят стекла! Они все перебьют! Весь виноград раздавят! Смотрите, куда садитесь... Кажется, обходят... Нет, шлепнулись!

Оглушительный звон разбиваемого стекла. Все кричат.

Миссис Тарлтон, Лорд Самерхайз, Гипатия, Тарлтон *(вместе)*. Ох, убились! Джон, живы они? Вы расшиблись? Кости целы? Можете стоять на ногах? Вы, наверно, расшиблись? Правда, нет? Дать вам воды? Или вина? Вы целы? Надо обязательно выпить бренди — сразу придете в себя.

Летчик. Благодарю вас, не надо. Все в порядке. Ни единой царапины. Уверяю вас, я целехонек.

Бентли. Ну и повезло же вам! Вот это смэш! Везучий вы, ничего не скажешь!

Летчик и Тарлтон через веранду входят в холл, за ними лорд Самерхайз и Бентли. Летчик идет справа от Тарлтона. Бентли обгоняет летчика и восхищенно смотрит на него. Лорд Самерхайз несколько сдержаннее обходит Тарлтона, видимо, с той же целью.

Летчик. Мне очень, очень неприятно. Кажется, я превратил в кашу ваш виноград. *(С пафосом.)* Пожалуйста, не сердитесь!

Тарлтон. Что вы, о чем речь! Пойдемте выпьем чаю. Оставайтесь к обеду. Оставайтесь до будущей недели. Я всю жизнь мечтал о полетах.

Летчик *(снимая защитные очки)*. Вы просто необыкновенно добры.

Бентли. Джои Персивал!

Персивал. Бен! Вот здорово!

Тарлтон. Как! Человек о трех отцах?

Персивал. Бен, значит, рассказывал обо мне?

Тарлтон. Окажите мне честь, считайте себя своим в этом доме. И вашего друга прошу о том же. А где он, между прочим?

Персивал. Да, кстати, пока он не пришел, должен предупредить вас — я понятия не имею, кто он такой.

Тарлтон. Как так?

Персивал. Даже лица его ни разу не видел. Я пытаюсь поставить клубный рекорд полета с пассажиром. Клуб и раздобыл мне пассажира. Он просто влез в машину, а я был так занят возней с рулями, что ни разу не поглядел на него. И не сказал с ним ни слова. Так что за его бла-

говоспитанность не отвечаю. Но в качестве пассажира он идеален. Если бы не он, не быть бы мне живу.

Лорд Самерхайз. Да, я тому свидетель. Редкостное зрелище! Когда вас выбросило, он одной рукой ухватился за верхнюю перекладину. Вы летели мимо него прямо на стеклянную крышу, а он схватил вас и направил на цветочную клумбу, а потом приземлился и сам, легко, точно птица.

Персивал. Как он сохранил такое хладнокровие — не понимаю. *Мне*, по правде говоря, это не удалось.

Пассажир, тоже в защитных очках, проходит через веранду вместе с Джонни и обеими дамами. Он останавливается между Персивалом и Тарлтоном, миссис Тарлтон — между лордом Самерхайзом и своим мужем, Гипатия — между Персивалом и Бентли, Джонни — справа от Бентли.

Тарлтон. Дорогой сэр, мы как раз выражали восхищение вашей доблестью. Потрясающе! Оставайтесь к обеду. Оставайтесь у нас ночевать. Оставайтесь на весь уик-энд. Цыпленок будет в восторге.

Миссис Тарлтон. Вам, пожалуй, лучше снять очки и выпить чаю.

Пассажир начинает снимать очки.

Тарлтон. Правильно. Хотите помыться? Джонни, проводи джентльмена к себе, а я позабочусь о мистере Персивале. Они, наверно...

Пассажир, наконец, снимает очки и оказывается весьма привлекательной женщиной.

Миссис Тарлтон		Батюшки мои!
Бентли *(шепотом)*		Вот это да!
Джонни		Ух ты!
Лорд Самерхайз		Леди!
Гипатия	*(вместе)*.	Женщина!
Тарлтон *(Персивалу)*		Но вы даже не заикнулись...
Персивал		Понятия не имел...

Смущенная пауза.

Персивал. Поверьте, если бы я имел хоть отдаленное представление, что мой пассажир — леди, я не вел бы себя так эгоистично и помог бы вам выбраться...

Лорд Самерхайз. Леди не только выбралась сама, но, кажется, помогла выбраться и вам, сэр.

Персивал. И спасла мне жизнь. Приношу вам великую благодарность.

Тарлтон. Вы не посетуете на меня, мадам, за то, что предложение гостеприимства я облек в форму, подразумевающую противоположный пол. Впрочем, почему противоположный? Мужчины, женщины — все мы люди, особи одного вида. Когда одежда одинакова, различия незаметны. Для меня большая честь принимать в своем доме столь изысканную и достойную леди. Позвольте представиться: Тарлтон, Джон Тарлтон. *(Уловив вопрос в глазах пассажирки.)* Да, да, тарлтонское нижнее белье. Моя жена миссис Тарлтон. Вы, надеюсь, простите меня за то, что, говоря вам о ней, я назвал ее Цыпленком: я считал наш разговор доверительной беседой мужчины с мужчиной. Моя дочь Гипатия — она всегда мечтала, чтобы на нее с неба свалилось приключение, — думаю, сейчас она наконец удовлетворена. Лорд Самерхайз, чье имя известно всюду, где развевается британский флаг. Его сын Бентли, помолвленный с Гипатией. Мистер Джозеф Персивал, многообещающий сын трех высокоинтеллектуальных отцов.

Гипатия *(изумленно)*. Друг Бентли?

Бентли кивает.

Тарлтон *(продолжает, обращаясь к пассажирке)*. Могу я просить вас о том, чтобы вы соблаговолили назвать свое имя?

Пассажирка. Меня зовут Лина Щепановска.

Персивал. Ш-ш... простите, не расслышал.

Лина. Щепановска.

Персивал *(неуверенно)*. Благодарю вас.

Тарлтон *(очень учтиво)*. Не затруднит ли вас повторить?

Лина. Скажите «брошь».

Тарлтон. Брошь.

Лина. Скажите «чертовка».

Тарлтон. Чертовка.

Лина. Скажите «брошь чертовка».

Тарлтон *(протестующе)*. Но это же бессмыслица!

Лина *(неумолимо)*. Скажите «брошь чертовка».

Тарлтон. Брошь чертовка.

Лина. Еще раз.

Тарлтон. Но... *(Покоряясь.)* Брошь чертовка.

Лина. Теперь скажите «Щепановска».

Тарлтон. Щепановска. Ах ты, дьявол! Вышло!

Слышно негромкое шипение: все пытаются произнести звук «щ».

Щепановска! Фамилия, кажется, не английская?

Лина. Польская. Я полька.

Тарлтон. Ну конечно. Интереснейшая нация. Счастливы народы, которым удалось сбыть управление своей страной в чужие руки. Теперь могут целиком предаться самоусовершенствованию. Вот так же мы освободили Испанию от забот о Гибралтаре. Облегчили участь испанских налогоплательщиков. Не худо бы немцам освободить нас от Портсмута. Садитесь, прошу вас.

Все разбредаются по холлу. Джонни и Бентли быстро приносят с веранды по плетеному стулу. Джонни подает стул Лине, Гипатия и Персивал садятся у рабочего столика, лорд Самерхайз предлагает миссис Тарлтон стул у письменного стола ближе к двери в прихожую, Бентли ставит рядом плетеный стул, на который усаживается лорд Самерхайз, Джонни останавливается у рабочего столика, Бентли — за спиной отца.

Миссис Тарлтон *(Лине)*. Не хотите ли теперь чаю?

Лина. Никогда не пью чай.

Тарлтон *(садится у письменного стола возле Лины)*. Он, наверно, вреден при полетах? Действует на нервы? Вы много летали?

Лина. Не на самолетах. С парашютом прыгала. Детская игра.

Миссис Тарлтон. Но это же неразумно — так рисковать собой.

Лина. А как можно жить не рискуя?

Миссис Тарлтон. Что вы такое говорите! Ведь вы можете убиться?

Лина. Поэтому я и решила полететь.

Гипатия. Ну да, ну да! Неужели ты не понимаешь, до чего это увлекательно? Новизна! Риск! Приключение!

Лина. Ошибаетесь. Для таких ощущений это слишком безопасная работа. Я полетела по семейным обстоятельствам.

Тарлтон. Как вы сказали? По семейным обстоятельствам?

Миссис Тарлтон. Надеюсь, не назло своей матери?

Персивал *(скороговоркой)*. Или мужу?

Лина. Я не замужем. И зачем мне поступать назло матери?

Гипатия *(тихо Персивалу)*. Это вы ловко, мистер Персивал.

Персивал. Что именно?

Гипатия. Выведали.

Тарлтон. Я в затруднении. Не могу взять в толк, зачем леди может понадобиться лететь по семейным обстоятельствам? Любопытствовать и задавать вопросы, разумеется, неучтиво, но не проявлять интереса к собеседнику совсем уж бесчеловечно, словно вам нет до него дела.

Лина. С удовольствием отвечу вам. Вот уже полтораста лет как не проходит дня, чтобы член нашего семейства не рисковал – или не рисковала – жизнью. Поддерживать семейную традицию – для нас вопрос чести. Обычно этим занимаются несколько человек, но вышло так, что сейчас традицию поддерживает только один из моих братьев. Сегодня рано утром он телеграфировал мне, что из-за пожара ничего не сможет предпринять до начала будущей недели. К счастью, у меня было приглашение от Лиги воздухоплавания присутствовать при попытке этого джентльмена поставить рекорд полета с пассажиром. Я обратилась к председателю Лиги с просьбой помочь мне спасти семейную честь. Он и устроил мне место на самолете.

Тарлтон. По-моему, мне снится сон. Это же бред сумасшедшего.

Лина *(спокойно)*. Нет, вы вполне бодрствуете, сэр.

Джонни. Не может нам всем сниться одинаковый сон, родитель.

Тарлтон. Конечно нет, дурень. Но, может быть, *ты* тоже мне снишься.

Миссис Тарлтон. Что за глупости, Джон! Ты же понимаешь, леди просто шутит! *(Лине.)* Ваши вещи, должно быть, в самолете?

Персивал. О вещах не могло быть и речи. Я с радостью приму приглашение к обеду, но, боюсь, не смогу переодеться, если кто-нибудь из мужчин меня не выручит.

Миссис Тарлтон. Уж не хотите ли вы сказать – *у обоих* нет вещей?

Персивал. Боюсь, что так.

Миссис Тарлтон. Ну, неважно: Гипатия даст леди свое платье.

Лина. Спасибо, но мне хорошо и в этом костюме. Я не привыкла к платьям – они меня стесняют. Я в них чувствую себя чурбаном. Так что, если не возражаете, я не стану переодеваться.

Миссис Тарлтон. Ну, теперь и мне начинает казаться, что я вижу сон!

Гипатия *(нетерпеливо)*. Брось, мама, все в порядке. Джонни, позаботься о мистере Персивале. *(Вставая, Лине.)* Пойдемте со мной.

Лина идет вслед за ней к двери во внутренние комнаты.

Джонни *(Персивалу)*. Я вас отведу.

Персивал. Благодарю вас.

Лина уходит с Гипатией, Персивал с Джонни.

Миссис Тарлтон. Вот уж поистине приятное событие! Ты только погляди на оранжерею. Меньше как за тридцать фунтов ее в порядок не приведешь. Люди не имеют права вытворять такие фокусы. А ты еще пригласил их к обеду. Чтобы такая женщина была в доме, когда весь Хайндхед сбежится сюда поглазеть на самолет. Пойдемте, Кролик, вы поможете мне выгнать их: говорю вам, они там, словно грибы, из земли вдруг повылезли. *(Направляется в дом.)*

Тарлтон. Не хлопочи зря, Цыпленок, сейчас я разделаюсь с ними.

Миссис Тарлтон. Не вздумай, пожалуйста, ничего делать. Сиди смирно с лордом Самерхайзом. Ты же всех зевак пригласишь к обеду. Пойдемте, Кролик.

Уходит в сопровождении Бентли. Лорд Самерхайз снова садится.

Тарлтон. Необычайно красивая женщина, Самерхайз. Как по-вашему, кто она такая? Княгиня, должно быть. И что это за семейство воинов и государственных мужей, которые ежедневно рискуют жизнью?

Лорд Самерхайз. Если рискуют, значит, явно не воины и не государственные мужи.

Тарлтон. Что за черт! Кто же они тогда?

Лорд Самерхайз. Кажется, я знаю. В последний раз, когда мне случилось видеть эту леди, она сделала нечто уму непостижимое.

Тарлтон. А именно?

Лорд Самерхайз. Прошла без шеста задом наперед по натянутой проволоке и в середине еще сделала сальто. Я запомнил, что ее зовут Лина и что фамилия у нее иностранная, но какая – запамятовал.

Тарлтон. Щ! Такое, знаете ли, раз услышишь и не забудешь до смерти.

Лорд Самерхайз. Я не слышал, а только видел на афише. Эта женщина, несомненно, акробатка. Поэтому она и смогла спасти Персивала. И поэтому так гордится своей семьей.

Тарлтон. Акробатка, говорите? Отлично, отлично! Значит, Самерхайз, она досягаема. Это уже куда лучше, чем княгиня. Я думал, она княгиня, и забронировал свое вечно юное сердце. Теперь подставлю его под клинок. Она досягаема. Отлично!

Лорд Самерхайз. Надеюсь, вы это не серьезно? Подумайте — у вас есть положение в обществе. Есть семья. И вы уже не первой молодости.

Тарлтон. Пустяки!

Если сердце молодо,
Счастья ночь полна!

Мое сердце молодо. К тому же я человек женатый, не то что вы, вдовец. Женатый мужчина может позволить себе все, что угодно, лишь бы жена не возражала. А вдовцу приходится все время быть начеку. Только не считайте меня беспринципным человеком или дурным мужем — вовсе нет. Просто у меня избыток жизненной энергии. Читайте дневник Пеписа.

Лорд Самерхайз. Эта женщина — ваша гостья.

Тарлтон. Вы так считаете? Женщина, которую я привожу к себе в дом, — действительно моя гостья. Женщина, которую *вы* приводите ко мне, — тоже моя гостья. Но женщина, которая прямо с неба валится на мою оранжерею и разбивает там все стекла, должна брать ответственность на себя.

Лорд Самерхайз. Вам хорошо известно, Тарлтон, что мое имя не должно быть впутано ни в какую скандальную историю. Вы будете осмотрительны, не так ли?

Тарлтон. О господи, ну еще бы! Еще бы, еще бы, еще бы! Я просто пошутил.

Возвращается миссис Тарлтон.

Миссис Тарлтон. Ну, знаешь, Джон, по-моему, эта молодая женщина спятила. Знаешь, что она сейчас попросила?

Тарлтон. Шампанского?

Миссис Тарлтон. Нет, Библию и шесть апельсинов.

Тарлтон. Что?

Миссис Тарлтон. Библию и шесть апельсинов.

Тарлтон. Апельсины я еще понимаю — мало ли, может, у нее апельсиновая диета. Но на что ей понадобилась Библия?

Миссис Тарлтон. Вот уж не знаю. Нет, она определенно рехнулась.

Лорд Самерхайз. Но может статься, ей захотелось почитать эту книгу.

Миссис Тарлтон. А зачем, спрашивается, да еще в будний день? Что вы мне посоветуете, лорд Самерхайз?

Лорд Самерхайз. Как вам сказать... Найдется в доме какая-нибудь Библия?

Тарлтон. Да их у нас хоть завались. Семейная Библия, и с иллюстрациями Доре, и с параллельным текстом, и Библия Джонни, и Библия Бобби, и Библия Петси, и Библия Цыпленка, и моя Библия, и у прислуги еще найдется пяток. Тащи ей все, Цыпленок.

Миссис Тарлтон. Не говори так хоть в присутствии лорда Самерхайза, Джон.

Лорд Самерхайз. Это неважно, миссис Тарлтон: в Чингисхане продажа Библий каралась законом. Империя не исповедует никакой религии.

Появляется Лина. Кепи она сняла в комнате Гипатии, но не переоделась. Останавливается на площадке и говорит, перегнувшись через перила.

Лина. Миссис Тарлтон, очень много хлопот я причиню вам, если попрошу еще и нотный пюпитр?

Тарлтон. Что вы, что вы! Если желаете, поставим к вам в комнату и пианино. Или граммофон. Хотите граммофон?

Лина. Нет, спасибо. Музыки мне не нужно.

Миссис Тарлтон *(идет к лестнице)*. А вам не вредно есть так много апельсинов? Желчь у вас не разольется?

Лина *(спускаясь с лестницы)*. Конечно нет. Впрочем, вместо апельсинов можно и бильярдные шары.

Миссис Тарлтон. Но, милая моя, бильярдные шары несъедобны!

Тарлтон. Вели отнести их в комнату леди, Цыпленок! Теперь я все понял. *(Подражает движениям жонглера, работающего с шарами.)* Угадал?

Лина *(минует миссис Тарлтон и подходит к ее мужу)*. Угадали.

Тарлтон. Бильярдные шары и кии. Тарелки, ножи и вилки. Две керосиновые лампы и подставка для зонтов.

Лина. Нет, это низкопробная ремесленная стряпня. Члены моего семейства работают только в классическом стиле. С лампами и подставками может работать кто угодно. А *я* работаю с серебряными пулями. Вот это по-настоящему трудно. *(Подходит к лорду Самерхайзу и сосредоточенно смотрит на него.)*

Миссис Тарлтон. Ничегошеньки не понимаю, о чем вы тут говорите. Хорошо, если хоть вы сами понимаете. Но, конечно, пришлю все, что вам угодно. *(Поднимается по лестнице и уходит.)*

Лорд Самерхайз. Могу я задать нескромный вопрос? Зачем вам Библия?

Лина. Чтобы успокоить душу.

Лорд Самерхайз *(со вздохом)*. Понимаю. К великому сожалению, *мою* она уже не успокаивает.

Лина. Потому что вы не умеете ее читать. Положите Библию на нотный пюпитр и откройте на псалмах. Если вы читаете их, и все понимаете, и чувствуете спокойствие и радость, и притом можете жонглировать шестью шарами, значит, вы в превосходной форме. И в этот вечер вы уже не оступитесь. Но если у вас ничего не выходит — тогда молитесь, молитесь и молитесь. И уж в *этот* вечер будьте очень осторожны.

Лорд Самерхайз. Такой способ проверки обычен для всех ваших коллег?

Лина. Мы, Щепановски, все делаем необычно, милорд.

Лорд Самерхайз. Такие вы незаурядные существа?

Лина. Такая у нас незаурядная профессия.

Лорд Самерхайз. И вы никогда не снисходите до того, чтобы делать что-нибудь, как обыкновенные люди? Например, молиться?

Лина. Обыкновенные люди не молятся, милорд, они только вымаливают.

Лорд Самерхайз. А вы никогда ни о чем не молите?

Лина. Никогда.

Лорд Самерхайз. Тогда к чему молиться?

Лина. Чтобы не забыть, что человеку дана бессмертная душа.

Тарлтон *(прохаживаясь по комнате)*. Верно. Тонко. Отлично. Прекрасно. Какой прок от вашего проклятого материализма? У меня есть душа — и не вздумайте с этим спорить. Разрежьте меня на части — вы ее не обнаружите. Разрежьте на части паровую машину — вы не обнаружите

пара. И тем не менее без пара она ни с места, черт бы ее драл. Что там ни говорите, Самерхайз, а в нас *есть* божественная искра.

Лорд Самерхайз. Разве я это отрицаю?

Тарлтон. Вся наша цивилизация – отрицание этого. Читайте Уолта Уитмена.

Лорд Самерхайз. Сейчас раздобуду вам шары в бильярдной комнате.

Лина. Спасибо.

Лорд Самерхайз уходит в прихожую.

Тарлтон *(подходит к Лине)*. Послушайте.

Она быстрым движением поворачивается к нему.

То, что вы сейчас сказали, прекрасно. Вы трогаете струны сердца. Взываете ко всему поэтическому в человеке. Вдохновляете его. Так вот, вы женщина светская, независимая и, наверно, свели с ума многих мужчин. Вам ясно, что я за человек, так ведь? Раскусили меня с первого взгляда?

Лина. Да. (*Спокойно усаживается на стул, где перед тем сидел лорд Самерхайз.*)

Тарлтон. Отлично. Скажите, нравлюсь я вам? Не поймите меня превратно: я великолепно понимаю, что вы не можете влюбиться с первого взгляда в смешного старого торгаша. Да, ничего не попишешь, старый смешной торгаш. Хочешь не хочешь, а я с ним неразделен. Приходится расплачиваться за его одежду, как ни противен мне ее покрой – особенно покрой пиджака. Приходится смотреть на этого старика в зеркало, когда я бреюсь. Он ходячая ложь, поэтому я так его ненавижу. Душа у меня другая, она совсем как ваша. Я хочу натворить глупостей. Из-за вас. Можно?

Лина (*деловито*). Сколько вы заплатите?

Тарлтон. Ни гроша. Но брошу на ветер сколько угодно золотых, чтобы вы поняли, как это для меня серьезно.

Лина. Это ваши обычные условия?

Тарлтон. Нет. Такого я еще никому не предлагал.

Лина *(достав изящную книжечку и приготовившись писать)*. Повторите, пожалуйста, ваше имя.

Тарлтон. Джон Тарлтон. Великий Джон Тарлтон – глава фирмы «Тарлтонское нижнее белье».

Лина *(пишет)*. Т-а-р-л-т-о-н. Вам?.. *(Вопросительно смотрит на него.)*

Тарлтон *(без запинки)*. Пятьдесят восемь.

Лина. Спасибо. Я веду запись сделанных мне предложений. Интересно ведь знать, во сколько меня ценят.

Тарлтон. Можно взглянуть?

Лина *(протягивая книжечку)*. Я пишу по-польски.

Тарлтон. Тогда не нужно. Я предложил меньше других?

Лина. Нет, больше.

Тарлтон. Что же они предлагали? Бриллианты? Машины? Меха? Виллу в Монте-Карло?

Лина. О да, и то, и другое, и третье. А иной раз — преданность до седых волос.

Тарлтон. Подумать только! Молодой человек искушает женщину своей старостью!

Лина. Кстати, вы не сказали, на какой срок.

Тарлтон. Пока я вам не наскучу.

Лина. Или пока не наскучу вам я.

Тарлтон. Мне нельзя наскучить — до этого я не довожу. Когда все становится так изумительно и необыкновенно, что мне ясно — дальше начнется спуск, я сбегаю.

Лина. И вас не пытались удержать?

Тарлтон. Напротив — были рады от меня отделаться. Если любовь так захватывает мужчину, как она захватывает меня, и так его возносит, женщина пугается.

Лина. Хозяйка этого дома — ваша жена, не так ли? Вы ею дорожите?

Тарлтон. Да. И имейте в виду, для меня она всегда будет на первом месте! Своим достоинством я могу поступиться, ее — никогда. Это вопрос чести, и вы будете это уважать, правда?

Лина. Только чести?

Тарлтон *(импульсивно)*. Господи помилуй, конечно нет! И чести, и привязанности.

Лина *(довольная им, улыбается)*. Дайте руку, дружище. *(Встает и широким жестом протягивает ему руку.)*

Тарлтон *(с горестным видом пожимает ее)*. Благодарю. Это означает отказ, я правильно вас понял?

Лина. Это означает нечто куда более долговечное, чем согласие. Вы мне нравитесь. Можете считать себя моим другом. Жаль, что вы не тренировались в молодости. Вы и сейчас были бы в форме.

Тарлтон. Такой гимнастке, как вы, я, наверно, кажусь страшилищем?

Лина. Да, ужасным.

Тарлтон. Слишком обмяк. Морщины. Коричневые пятна,

которые уже не вывести. Одышка. Знаю. Стыжусь себя. Работа на канате не для меня.

Лина. Почему же! Давайте я посажу вас в тачку и провезу на высоте двухсот футов.

Тарлтон *(передернувшись)*. Ох нет, увольте! Впрочем, для вас я согласился бы и на это. Читайте «Строитель Сольнес».

Лина. А вы всему научились из книг?

Тарлтон. А вы всему научились на трапеции?

Лина. Видите ли, на трапеции случается работать с партнершей, и каждый вечер ее жизнь — в моих руках, а моя — в ее.

Тарлтон. Лина, я сию минуту разыграю из себя дурака и разревусь. *(Тяжело садится на первый попавшийся стул.)*

Лина. Чем плакать, лучше помолитесь. И с чего вам плакать? Я отказываю не вам первому.

Тарлтон. А если бы согласились, я был бы первым?

Лина. Какое вы имеете право задавать такие вопросы? Разве я спрашивала, какая по счету *я*?

Тарлтон. Вы правы, это грубо с моей стороны. Но для меня каждая женщина — первая. Жизнь все время обновляется.

Лина. Да, последний ребенок всегда самый любимый.

Тарлтон. Не бередите рану, Лина. Мне больно.

Лина. Отучитесь думать, будто все это так уж важно. Не будьте мелким торговцем.

Тарлтон. Вы совершенно правы. Я и сам постоянно говорил это. И все-таки *важно*. Иначе мне не хотелось бы разреветься. *(Облокотившись на стол, закрывает лицо руками и всхлипывает.)*

Лина *(подходит к нему)*. О ла-ла! *(Сильно, но довольно ласково хлопает его по плечу.)* Возьмите себя в руки, дружище, не раскисайте! У вас есть гимнастический зал?

Тарлтон. В бильярдной есть и трапеция, и турник, и все прочее.

Лина. Пойдемте. Вам надо проделать несколько упражнений. Я научу вас, как справляться со слезами. *(Берет его под руку и ведет в прихожую.)*

В саду появляется молодой человек. На нем дешевый костюм, и ведет он себя довольно странно: крадучись подходит к веранде, заглядывает в дверь и, убедившись, что там никого нет, на цыпочках идет до того места, откуда видна вешалка. Вынимает револьвер и

осматривает — видимо, проверяет, заряжен ли. Тут его внимание привлекает турецкая ванна. Он заглядывает в отверстие и откидывает крышку ванны.

Гипатия *(из сада)*. Мистер Персивал! Мистер Персивал! Где вы?

Молодой человек делает несколько шагов к двери, но видит приближающегося Персивала, бросается назад и едва успевает спрятаться в ванне, как с веранды в холл вбегает Персивал. Он без шляпы и тоже, очевидно, ищет, куда бы ему спрятаться. Потоптавшись между столами и оглядев комнату, бросается в угол, образованный буфетом и стеной. Следом за ним в холл врывается Гипатия. Лицо у нее радостно-возбужденное, в глазах озорной блеск. Останавливается там, где прежде стоял Персивал, замечает его в ту минуту, когда он собирается улизнуть на веранду, бежит наперерез и преграждает ему дорогу.

Поймала! Вы не рады?

Персивал *(хмуро отворачивается и идет к письменному столу)*. Не рад. Что вы за девушка? И что это за дом, будь он неладен? По-вашему, я должен наплевать на благопристойность?

Гипатия *(идет за ним)*. Да, да, да, да! Это — дом почтенного богача, торговца льняным товаром. А это — дочь почтенного богача, и ей до смерти надоела благопристойность. *(Вкладывает левую руку в правую Персивала.)* Идемте, юный красавчик, порезвитесь с дочерью почтенного торговца.

Персивал *(отдергивает руку)*. Нет, нет и нет! Вы разве не знаете, что нельзя так себя вести с совершенно чужим человеком?

Гипатия. Который свалился с неба. А вы разве не знаете, что только так и нужно себя вести, если уж есть возможность? Сейчас взберемся на холм, и я убегу от вас, а вы постараетесь поймать меня в вересковой пустоши. Если поймаете, позволю вам поцеловать меня.

Персивал. Не будет этого!

Гипатия. Нет, будет! Увидите, что будет! Ну, идемте! *(Тянет его за рукав.)* Какой же вы глупый! Идемте! Вам ведь хочется!

Персивал. Говорю вам, нет! Мне в жизни не простят, если я это сделаю.

Гипатия. А не сделаете — сами себе не простите.

Персивал. Глупости! Вы помолвлены с Беном. Бен — мой друг. За кого вы меня принимаете?

Гипатия. Бен — старик. Родился стариком. Здесь все старики, кроме вас, меня и муже-женщины, или жено-мужчины, или кто там она такая, с которой вы прилетели. Они не способны ни на какой поступок, только сидят и обсуждают, хорошо ли поступили другие. Идемте — пусть им будет что обсуждать.

Персивал. Категорически не желаю поступать предосудительно.

Гипатия. Ну, не бойтесь, малюточка, вы же получите один-единственный поцелуй, да и то я буду сопротивляться, как бешеная. Но мы обязательно должны порезвиться на вершине холма и побегать взапуски по пустоши.

Персивал. Зачем?

Гипатия. Затем, что нам этого хочется, юный красавчик.

Персивал. Но если все станут делать, что им хочется...

Гипатия. Райская жизнь! Вот когда начнется райская жизнь!

Персивал. А вы представляете, какие это вызовет серьезные последствия?

Гипатия. Поступок только тогда чего-то и стоит, когда он вызывает серьезные последствия. Так говорит мой отец, а я — дочь своего отца.

Персивал. Я — сын трех отцов. У меня нет доверия к безрассудным порывам.

Гипатия. Берегитесь — вы упускаете момент. Я уже чувствую холодок — на меня сейчас накатит волна здравого смысла. Спасите меня!

Персивал. Ну, знаете ли, мисс Тарлтон...

Она дает ему пощечину.

Ах вы дрянь паршивая! *(Ужасается своей грубости и берет себя в руки.)* Простите меня. Но, поскольку мы оба потеряли самообладание, позвольте мне покинуть ваш дом. *(Собирается идти в дом за кепи.)*

Гипатия *(загораживая ему дорогу)*. Вам стыдно, что вы назвали меня «паршивой дрянью»?

Персивал. Я не должен был этого говорить. Мне очень стыдно. Еще раз — простите меня.

Гипатия. А вам не стыдно, что вы сказали: «Ну, знаете, мисс Тарлтон!»

Персивал. Но что здесь такого?

Гипатия. Ох вы, мужчина, мужчина! Жалкий, тупоголовый,

трусливый, эгоистичный, мужской мужчина-самец! Вам бы только в гувернантки идти! Меня исключили из школы за то, что я пообещала влепить пощечину первому, кто мне еще раз скажет: «Ну, знаете, мисс Тарлтон!» Вот вы и стали первым.

Персивал. Я не хотел сказать ничего дурного. Не понимаю, что обидного для женщины в словах... *(Умолкает, не уверенный в своей правоте.)* Во всяком случае... гм... право, я не собирался вас обидеть...

Гипатия. Лжец!

Персивал. Что ж, оскорбляйте меня, я ведь не могу вам ответить. Вы женщина, значит, позволяете себе говорить все, что вздумаете.

Гипатия. А вы позволяете себе говорить только то, что смеете. Бедняга — это не так уж много.

Он кусает себе губы и, очень задетый, садится.

Ну, знаете, мистер Персивал! Сесть в присутствии леди и даже не предложить ей стул!

Он поспешно встает.

Ха-ха-ха! Ну, знаете, мистер Персивал! Ну, знаете, знаете, знаете, знаете, мистер Персивал! Нравится вам это? Вы не предпочли бы, чтобы я обозвала вас дрянью?

Персивал. Мисс Тарлтон...

Гипатия *(сладким голоском)*. Гипатия, Джои. Петси, если вам угодно.

Персивал. Слушайте, ничего хорошего из этого не выйдет. Вы хотите делать все, что вам вздумается?

Гипатия. А вы не хотите?

Персивал. Нет. Для этого я слишком хорошо воспитан. Я все взвесил и вижу, что еще не готов к отказу от социальных условностей. Они вроде корсета — стеснительны и даже не всегда полезны, зато дают выправку. Не желаю отказываться от свободы!

Гипатия. Но как раз свободой я вас и искушаю!

Персивал. Ничего подобного. Свобода, дорогая моя, это уверенность, что в таких-то обстоятельствах наши ближние будут вести себя так-то и так-то. А если всякий мужчина, которому я не по вкусу, начнет кидать мне грязь в лицо, а всякая женщина, которой я очень по вкусу, начнет изображать из себя жену Потифара, я превращусь в раба. В раба неизвестности, в раба страха — словом, в худшего из рабов. Как бы вам понравилось, если бы

каждый встречный поденщик стал вас домогаться? Нет, мне подавайте спасительную ограду добрых старых условностей и общество благовоспитанных леди и джентльменов!

Гипатия. Еще один болтун! Мужчины трясутся над условностями, потому что сами их и создали, а я их не создавала, терпеть их не могу и не намерена им следовать. Что вы собираетесь сейчас делать?

Персивал. Совершить побег. *(Убегает через веранду.)*

Гипатия. Все равно я вас поймаю! *(Бросается в погоню.)*

Во время этого разговора из ванны несколько раз высовывается голова скандализованного молодого человека; его лицо выражает сильнейшее возмущение. Когда молодые люди поворачиваются и бегут мимо ванны через веранду, голова мгновенно исчезает. В тот же момент из прихожей появляется Тарлтон, обессиленный трудными и непривычными упражнениями.

Тарлтон *(удивленно глядя вслед убегающим)*. Эй, Петси, что случилось? Еще один самолет?

Они так заняты собой, что ничего не слышат. Он смотрит им вслед, пока они бегут по саду, потом подходит к двери на веранду и глядит на небо, но ничего не обнаруживает. Усталость берет верх над любопытством, и Тарлтон, утерев платком лоб, деревянной походкой направляется к ближайшей опоре, которой оказывается турецкая ванна. Он располагается на ней, опершись на локоть и прикрыв глаза рукой. После нескольких шумных вздохов ему становится лучше, и он открывает глаза. В двух-трех дюймах от его носа из отверстия возникает человеческая голова. Вздрогнув, Тарлтон спрыгивает с ванны.

Господи! Я сошел с ума! *(Жалобно взывает.)* Цыпленок! *(Шатаясь, отступает к письменному столу.)*

Молодой человек *(вылезает из ванны, держа в руке пистолет)*. Только крикните — и вы покойник!

Тарлтон *(приободрившись)*. Я покойник? Но вы-то, оказывается, вполне живой человек, это уже облегчение. Я, было, принял вас за привидение. *(Садится, ничуть не обеспокоенный пистолетом.)* Кто вы такой и какого дьявола залезли в мою новую турецкую ванну?

Молодой человек *(с трагическим пафосом)*. Я сын Люсинды Титмас.

Тарлтон *(имя ничего ему не говорит)*. Да? Как она поживает? Надеюсь, здорова?

Молодой человек. Она умерла. Боже мой, она умерла, а вы живы!

Тарлтон *(не испытывая трагических чувств, но полный сочувствия)*. Вы потеряли вашу матушку? Очень печально. Соболезную вам. Но не всем дано счастье умереть на руках той, которая подарила нам жизнь.

Молодой человек. Очень это вас трогает, будьте вы прокляты!

Тарлтон. Ну зачем так расстраиваться! Будьте мужчиной, возьмите себя в руки. Я не был знаком с вашей матушкой, но, не сомневаюсь, она была превосходнейшая женщина.

Молодой человек. Не были знакомы? Вы смеете стоять перед ее отверстой могилой и говорить, что не знали ее?

Тарлтон *(пытаясь вспомнить)*. Как, вы сказали, ее имя?

Молодой человек. Люсинда Титмас.

Тарлтон. Нет, если бы я хоть раз слышал такое чудно́е имя, я запомнил бы его. Есть у вас какая-нибудь ее фотография?

Молодой человек. Забыли все, даже имя своей жертвы?

Тарлтон. Ах, значит, она была моей жертвой?

Молодой человек. Да, вашей жертвой. И перед смертью вы еще раз увидите ее лицо, хотя она и лежит в могиле. У меня есть ее фотография.

Тарлтон. Отлично!

Молодой человек. Две ее фотографии!

Тарлтон. Еще лучше. Свято храните материнские карточки. Вы прекрасный юноша.

Молодой человек. На первой она такая, какой вы ее знали. На второй — какой стала, когда вы ее бросили, и она увяла, и превратилась в старуху.

Тарлтон. В старуху она превратилась бы все равно, мой мальчик. Мы все старимся. Посмотрите на меня! *(Видит, что молодой человек неловко роется левой рукой в нагрудном кармане, так как правая занята пистолетом.)* Позвольте, я подержу пока эту штуку.

Молодой человек *(отступает к рабочему столику)*. Ни с места! Вы за дурака меня принимаете, что ли?

Тарлтон. Ну, вы, естественно, немного удручены. Это делает вам честь.

Молодой человек. Вот здесь, на этой фотографии и на

этой. *(Протягивает, словно карты в игре, обе фотографии и указывает на них пистолетом.)*

Тарлтон. Отлично! Читайте Шекспира – у него на каждый случай припасено по изречению. *(Берет по фотографии в каждую руку и переводит взгляд с одной на другую с видимым удовольствием и интересом, но без всяких признаков узнавания.)* Какая хорошенькая девушка! Удивительно хорошенькая. В молодости я обязательно влюбился бы в нее. Я и сам тогда был недурен. *(Смотрит на более позднюю фотографию.)* Интересно, что мы с ней пошли по одной дорожке.

Молодой человек. По одной дорожке? Вы с ней? Что это значит?

Тарлтон. Я хочу сказать – оба располнели.

Молодой человек. А вы хотели бы, чтобы она морила себя голодом?

Тарлтон. Нет, это не помогло бы. Тут вопрос предрасположения. Как мало ни ешь, все равно располнеешь, если к этому расположен. *(Снова разглядывает первую фотографию.)*

Молодой человек. И это все, что возникает у вас в душе при виде лица, которое когда-то вы так хорошо знали?

Тарлтон *(погружен в разглядывание и не слышит его слов)*. Странно, но я так и не могу вспомнить. Пусть это послужит вам уроком, молодой человек. Я хоть сейчас присягнул бы, что в жизни не видел этой женщины, если бы не брошь у нее на платье. *(Показывает на фотографию.)* Кстати, а брошь вы тоже сохранили?

Молодой человек снова лезет в нагрудный карман.

Да у вас не карман, а фамильный музей!

Молодой человек *(вынимая брошь)*. Вот оно – свидетельство моей незапятнанной честности.

Тарлтон *(задумчиво кладя фотографии на стол и беря брошь)*. Я купил ее в Чипсайде у человека в желтом парике. Он косил на левый глаз. С тех пор я его ни разу не встречал. Но его я помню, а вашу матушку – нет.

Молодой человек. Чудовище! У вас нет совести, нет даже памяти! Вы бросили женщину, покрыв ее позором...

Тарлтон *(кидает брошь на стол и порывисто встает)*. Хватит, замолчите, молодой человек! Относитесь с уважением к юной любви вашей матери. Не смейте бросать в нее каменья. Сейчас я не могу вспомнить ее лица, но

уверен, что она была добра ко мне и что мы с ней были счастливы. Если вы намерены ее чернить, ступайте вон из моего дома и занимайтесь этим где-нибудь в другом месте.

Молодой человек. Каков негодяй! Еще меня в чем-то обвиняет, когда должен держать передо мною ответ за свое преступление! Да если я заикнусь о нем, каждый порядочный человек плюнет вам в глаза на улице!

Тарлтон. Вы, наверно, много читаете?

Молодой человек. Ну и что же? Какое это имеет отношение к вашему бесчестному поведению и роковой судьбе моей матери?

Тарлтон. Вот видите! Роковая судьба! Это же бессмысленно, зато вполне литературно. Я и сам страстный любитель чтения. Всю жизнь был. В вашем возрасте я такие книги пудами читал — книги о роковых судьбах. Странно, не правда ли, что тут мы с вами так похожи друг на друга? Вы можете это объяснить?

Молодой человек. Нет. На что вы намекаете?

Тарлтон. Гм... Вам известно, кто ваш отец?

Молодой человек. Ах вот куда вы гнете! Смеете предполагать, что мой отец — вы. Слава богу, в моих жилах нет ни капли вашей грязной крови.

Тарлтон *(пожав плечами, снова садится)*. Если вы решили грубить, вряд ли беседа с вами доставит мне удовольствие. Чего вы хотите? Денег?

Молодой человек. Как вы смеете оскорблять меня!

Тарлтон. Тогда чего же?

Молодой человек. Справедливости.

Тарлтон. Всего-навсего?

Молодой человек. Мне большего не нужно.

Тарлтон. Желание весьма скромное, не правда ли? С тех пор как создан мир, людям, к их счастью, ни разу не удавалось добиться справедливости. Но вам она необходима, верно? Ну так вот — вы обратились не по адресу. Здесь вы справедливости не получите — мы ею не торгуем. Наша специальность — человеческая природа.

Молодой человек. Человеческая природа! Разврат! Сластолюбие! Эгоизм! Обкрадывание бедняков! Вы это называете человеческой природой?

Тарлтон. Нет, так называете ее *вы*. Послушайте, мой мальчик, что с вами такое? У вас неплохой вид, совершенно приличный костюм.

Молодой человек. Сорок два шиллинга.

Тарлтон. За сорок два шиллинга теперь шьют вполне добротные костюмы. Вы за него заплатили?

Молодой человек. Что ж, по-вашему, я вор? Или могу шить в кредит, как вы?

Тарлтон. Значит, вы смогли наскрести сорок два шиллинга. Между тем, судя по вашему слогу, вы, очевидно, тратите не меньше шиллинга в неделю на романы.

Молодой человек. Откуда мне взять шиллинг в неделю на книги, у меня едва хватает на то, чтобы кое-как одеться. Книги я беру в бесплатной библиотеке.

Тарлтон *(вскакивая)*. Что?!

Молодой человек *(испуганный столь бурной реакцией)*. В бесплатной библиотеке. Тут нет ничего предосудительного.

Тарлтон. Неблагодарный! Я бесплатно снабжал вас книгами, а вы, начитавшись их, убедили себя, что совершите подвиг, если пристрелите меня. *(Рассерженный, садится.)* Ни гроша больше не пожертвую на бесплатные библиотеки.

Молодой человек. Вы ни на что больше ни гроша не пожертвуете. Сейчас наступит конец. И ваш, и мой.

Тарлтон. Ну-ну-ну, молодой человек, бросьте! Давайте поговорим по-деловому. Что у вас произошло? Вы без работы?

Молодой человек. Нет, у меня сегодня просто свободный день. Не тешьте себя надеждой, будто я лодырь или преступник. Я работаю кассиром, и попробуйте доказать, что когда-нибудь присвоил хоть грош. Нет, сэр, у меня руки чистые, потому я и вправе призвать вас к ответу!

Тарлтон. Ладно, призывайте. Но за какую мою провинность? Вам худо жилось с вашей матерью? Почему же она не попросила у меня денег?

Молодой человек. Да она лучше бы умерла! И кому нужны были ваши деньги? Думаете, мы милостыню просили? Конечно, мой отец не купался в деньгах, как вы, зато он более благородного происхождения, а его магазин пользовался не худшей славой, чем ваш.

Тарлтон. Очевидно, ваша матушка принесла ему в приданое небольшой капитал.

Молодой человек. Не знаю. Вам-то какое до этого дело?

Тарлтон. Но вы же говорите, что мы с ней знали друг друга, а потом разошлись. Значит, какие-то средства я ей

тогда оставил. Так просто мужчина уйти не может. Что ж, по-вашему, молодой человек, у меня совсем нет сердца? Само собой, она получила сколько-то и смогла найти себе мужа, и начала вместе с ним дело, и дала вам неплохое воспитание. Какого же черта вы скулите?

Молодой человек. Выходит, женщину можно безнаказанно сгубить?

Тарлтон. Насколько мне известно, я не сгубил ни одной женщины. Напротив, я-то и помог сформироваться и вам, и вашей матери.

Молодой человек. Какой я болван, что слушаю вас и пытаюсь что-то вам втолковать! Я же пришел сюда только, чтобы сперва убить вас, а потом себя.

Тарлтон. Если вас не затруднит, начните, пожалуйста, с себя. Мне еще надо массу дел переделать. А вам?

Молодой человек. А мне нет. Вся соль в том, что у меня нет никаких дел. Знаете, как я живу? Каждый день с девяти до шести часов я не вижу дневного света, не дышу свежим воздухом, торчу в душном чулане и считаю хозяйские деньги. У меня есть интеллект — мозг, ум, душа, но хозяину он нужен только, чтобы подсчитывать двупенсовики, и восьмипенсовики, и два фунта семнадцать, и два фунта десять пенсов, и подытожьте их к концу дня, и извольте следить, чтобы кто-нибудь их не прикарманил! Я вношу и вношу в книгу, подбиваю и подбиваю итог, принимаю деньги, даю сдачу, заполняю чеки, выписываю квитанции, и ни гроша из всего этого мне не принадлежит, и ни одна из этих записей не имеет смысла ни для кого, кроме хозяина. И даже он не выдержал бы этой писанины, доведись ему самому заниматься ею. Но есть люди, которым даже моя работа кажется завидной, да, да, завидной, интересной, разнообразной. Например, нашему счетоводу — ему, несчастному, приходится снимать копии с моих записей. Бедняга делает за год пятьдесят тысяч копий, и из них не наберется и десятка, который еще хоть раз кому-нибудь понадобится. А когда все подсчитано и баланс выведен, хозяин все равно не становится ни на грош богаче, чем был бы и без бухгалтерских книг. Из всей идиотской бессмыслицы, придуманной, чтобы попусту растрачивать человеческую жизнь, самая идиотская — работа клерка.

Тарлтон. Почему бы вам не завербоваться в территориальные войска?

Молодой человек. Кто меня туда возьмет? Разве хозяин

допустит? Да он не способен уразуметь даже то, что ему прямая выгода, если я останусь мало-мальски годен к военной службе. А на что годен человек, который с девяти до шести прикован к письменному столу в конторе? Он уже не то что не солдат, он даже не мужчина больше. Но я проучу и хозяина, и вас. Хватит мне презирать себя за эту собачью жизнь. Хватит выносить издевательства таких свиней, как вы, и гнуть спину, а взамен получать столько, что вам не хватило бы даже на сигары. Вы только тогда начинаете понимать, что клерк – тоже человек, когда один из *нас* доказывает это на одном из *вас*.

Тарлтон. Деспотизм, ограниченный террором, вы это хотите сказать?

Молодой человек. Именно. Так они поступают в России. А контора – та же Россия, для клерка во всяком случае. Поэтому вы зря сейчас так хладнокровны. Думаете, я не сделаю этого? Нет, сделаю!

Тарлтон *(встает и останавливается перед ним)*. Поговорим как мужчина с мужчиной. Не моя вина, что вы беднее меня, и не ваша вина, что я богаче вас. И будь у вас власть зачеркнуть все, что произошло между вашей матерью и мною, ни вы этого не сделали бы, ни она. Но вам осточертела поденщина и до смерти хочется стать романтическим героем и попасть на страницы газет. Так? Сын мстит за бесчестие матери. Злодей захлебывается собственной кровью. Мама, взгляни с небес на землю и прими последний вздох твоего несчастного сына.

Молодой человек. Бросьте пороть вздор! Думаете, я любитель всяких пошлых книжонок? Или верю в бабушкины сказки про боженьку? Я и в церковь-то хожу только потому, что хозяин сказал – не будете ходить, получите расчет. Свободная Англия! Ха-ха!

В дверях веранды появляется Лина. При виде человека с пистолетом она быстро и бесшумно входит в холл.

Тарлтон. Расчета вы боитесь, а застрелиться не боитесь.

Молодой человек. Будьте вы прокляты! Заговариваете мне зубы, чтобы тем временем кто-нибудь подоспел! *(С каким-то отчаяньем, но без особой решимости наводит на Тарлтона пистолет.)*

Лина *(подходит к нему справа)*. Кто-то *уже* подоспел.

Молодой человек *(оборачиваясь)*. Ни с места! Руки вверх, не то пристрелю! Клянусь богом, пристрелю!

Л и н а. Нет, промахнетесь. Ну-ка, попробуйте.

Он пытается прицелиться ей в лоб, но она легкими танцующими шагами ходит вокруг него, двигаясь против часовой стрелки. Ему так и не удается навести на нее пистолет — она все время где-то за его спиной. Тарлтон сзади хватает его за кисть и дергает ее кверху, так что дуло пистолета оказывается направленным в потолок. Молодой человек пытается извернуться, но Лина хватает его за другую руку.

Пожалуйста, прекратите это. Ненавижу выворачивать людям руки, но придется, если вы не бросите пистолет.

М о л о д о й ч е л о в е к *(позволяет Тарлтону отнять у него пистолет)*. Ладно, сдаюсь. Даже этого не смог сделать как следует. Ничтожество, жалкий клерк! Что ж, зовите ваших сволочных полицейских, и дело с концом. Я привык к тюрьме с девяти до шести, привыкну и с шести до девяти.

Т а р л т о н. Только воздержитесь от грубых слов — перед вами леди. *(Бросает пистолет на письменный стол.)*

М о л о д о й ч е л о в е к *(изумленно глядя на Лину)*. Побит бабой! Только этого не хватало! *(Падает на стул у рабочего столика и закрывает лицо руками.)*

Тарлтону и Лине невольно становится жаль его.

Л и н а. Не зовите полицию, дружище. Дайте ему взаймы велосипед, и пусть убирается отсюда.

М о л о д о й ч е л о в е к. Я не умею ездить на велосипеде. Он мне не по карману. Даже и на это не способен.

Т а р л т о н. Интересно, если бы я дал вам сейчас стофунтовую бумажку, чтобы вы как следует встряхнулись, сумели бы вы с толком потратить эти деньги? Брали вы себе когда-нибудь отпуск?

М о л о д о й ч е л о в е к. Брал отпуск? Мне *дали* четыре свободных дня в августе прошлого года.

Т а р л т о н. Где вы их провели?

М о л о д о й ч е л о в е к. Съездил по дешевке в Фолкстон. Угробил семь пенсов, опуская по пенни в идиотские автоматы и кинетоскопы с картинками непотребных девок в разных позах. Пенни истратил на подъемник, четыре пенса — на лимонад. И на этом моя наличность кончилась. А потом у меня было так паршиво на душе, что я даже конторе обрадовался. Вот и все.

Лина. Пойдемте в гимнастический зал: я научу вас, как стать настоящим мужчиной.

По привычке повиноваться молодой человек нерешительно привстает, но Тарлтон его останавливает.

Тарлтон. Молодой человек, не делайте этого. Вы пытались застрелить меня, но я не мстителен. Не в моих привычках посылать ближнего на дыбу. Если вы хотите, чтобы вам вывихнули все суставы, и жизнь превратилась в пытку, и появилось дикое ощущение, будто ваши мышцы не то рычат, не то воют от боли, если, повторяю, вы этого хотите, тогда, что ж, ступайте вместе с леди в гимнастический зал. Но я предпочел бы тюрьму.

Лина *(искренне забавляясь)*. Поэтому вы и удрали, дружище? И выдумали, будто забыли отправить какую-то телеграмму?

Из внутренних комнат поспешно входит миссис Тарлтон.

Миссис Тарлтон *(спускаясь по лестнице)*. Что случилось Джон? Няня сказала, ты звал меня с четверть часа назад и голос у тебя был совсем больной. *(Проходит по холлу и останавливается между Тарлтоном и молодым человеком.)* Что случилось?

Тарлтон. Это — сын моей старинной знакомой. Мистер... гм... Стрелок. *(Молодому человеку, который неуклюже встает.)* Моя жена.

Миссис Тарлтон. Добрый вам вечер.

Стрелок. Э... э... э... *(От волнения не может произнести ни слова и неловко кланяется.)*

На веранду заглядывает Бентли. Он в дурном настроении и слишком занят собственными заботами, чтобы обращать внимание на чужие.

Бентли. Слушайте, видел кто-нибудь Гипатию? Она обещала погулять со мной, но ее нигде нет. И куда девался Джои?

Стрелок *(будучи не способен держаться середины между покорностью и яростью, внезапно переходит в наступление)*. Насчет Гипатии вы у меня спросите. И насчет Джои. И должен заявить, что это стыд и позор. Если бы люди знали, что творится в вашем, с позволения сказать, порядочном доме, они положили бы этому конец! Вот она — нравственность наших благочестивых капиталистов! Вот она — насквозь прогнившая буржуазия! Вот...

Миссис Тарлтон. Не смейте говорить такие слова в приличном обществе! Я запрещаю вам!

Тарлтон. Тише, Цыпленок, тише. Это не бранные слова, а обыкновенный социализм.

Миссис Тарлтон. Не потерплю в своем доме никакого социализма!

Тарлтон *(Стрелку)*. Слышите? Имейте в виду, в этом доме, кто не слушается миссис Тарлтон, тот вылетает вон.

Стрелок. А вы думаете — я хочу здесь остаться? Хочу хоть одну лишнюю минуту дышать этим осквернённым воздухом?

Бентли *(вбегает в холл и останавливается между Линой и Стрелком)*. На что вы намекали, грязное животное, когда говорили о мисс Тарлтон и мистере Персивале?

Стрелок *(Тарлтону)*. Ага! Значит, Гипатия — ваша дочка? А Джои — мистер Персивал? Тоже из вашей породы? Из породы продувных бестий? Из породы бездельников, картежников, фрачников? Из тех субчиков, на которых я гну спину? Одно я вам скажу, Джои все-таки пристойнее, чем ваша дочь. Женщины еще хуже мужчин. Раньше я этому не верил, но теперь убедился собственными глазами. Но конец не за горами. На стене уже начертаны письмена. Рим пал. Вавилон пал. Придет час и Хайндхеда.

Миссис Тарлтон *(простодушно ищет взглядом письмена на стенах)*. Что вы такое говорите, молодой человек?

Стрелок. Я-то знаю, что говорю! Я влез в турецкую ванну мальчишкой, а вылез мужчиной.

Миссис Тарлтон. Господи помилуй! Он рехнулся! *(Лине.)* Неужто Джон заставил его принять турецкую ванну?

Лина. Нет. Не турецкая ванна ему нужна, ему нужно прибавить в весе. Не понимаю, о чем он говорит. Когда я вошла, он пытался застрелить мистера Тарлтона.

Миссис Тарлтон *(взвизгивает)*. Ой! И Джон, ручаюсь, еще подбадривал его! Кролик, бегите за полицией! *(Стрелку.)* Я научу вас, как забираться ко мне в дом и убивать моего мужа!

Стрелок. Ну и ладно, учите. Разве я прошу отпустить меня? Мне стыдно, что я на воле, а не за решеткой, как другие. Женщины, красивые женщины из дворянских семей, садятся в тюрьмы за свои убеждения. Русских студенток посылают на виселицы, засекают кнутом, тащат по снежной, ледяной Сибири, потому что они не желают покорно стоять и смотреть на мир, который стал адом для

миллионов трудящихся. Вы трусы и подлецы, иначе тоже страдали бы вместе с ними, а не обирали бы и без того нищих людей.

Миссис Тарлтон *(до глубины души возмущенная)*. Нет, вы только послушайте, что он несет! Кролик, пойдите скажите садовнику, пусть пошлет кого-нибудь в Грейшот за полицией.

Стрелок. Я сам пойду с ним и отдамся в руки полиции. И расскажу, на что здесь нагляделся, а там — будь что будет. Я своей несчастной жизнью не дорожу.

Тарлтон. Стоп. Бен, вы никуда не пойдете. Ты ни разу не имела дела с полицией, Цыпленок, иначе не спешила бы завязать с ней знакомство. А вы, молодой человек, бросьте молоть ерунду и расскажите в двух словах, на что вы здесь нагляделись.

Стрелок. Не могу — это не для женских ушей.

Миссис Тарлтон. Господи, до чего вы глупы! Кого вы боитесь смутить? Уж не меня ли? Замужнюю женщину, которая вам в матери годится? *(Лине.)* Да и вы, я уверена, не из особых скромниц, не в обиду вам будь сказано.

Тарлтон. Ну, говорите, что вы видели?

Стрелок. Я собственными глазами видел, как ваша дочь... Нет, это рассказать невозможно!

Бентли *(чуть не плача от волнения)*. Вот позову сейчас Джои, и он спустит с вас шкуру, грязное животное!

Тарлтон. Понимаете вы, что теперь уже нельзя идти на попятный? Говорите, что делала моя дочь?

Стрелок. А впрочем, почему бы ей и не делать этого? Русские студентки тоже так поступают. Женщины имеют такое же право на свободу, как мужчины. Какой я болван! До того напичкан вашей буржуазной моралью, что возмущаюсь, когда люди ведут себя в согласии с моими же революционными принципами. Если ей нравится мужчина, почему ей нельзя сказать ему об этом?

Миссис Тарлтон. Дивлюсь я на тебя, Джон! Как это ты позволяешь ему говорить такие вещи перед посторонними людьми? *(Лине, довольно резко.)* Мисс Чипеноска, вы не обидитесь, если я попрошу вас перейти на несколько минут в гостиную? Вы уж простите, но тут дело семейное.

Лина. Я ушла бы и раньше, но кто тогда защитит мистера Тарлтона и этого молодого джентльмена?

Тарлтон. Вы совершенно правы, мисс Лина, вам нельзя уходить. Утром я обязательно отколотил бы его, но после

вашего урока гимнастики не способен пожать руку мужчине, не то что стукнуть его.

Лина уходит в дом.

Стрелок. Тут все одно к одному. Мужчины обабились, женщины бесполы...

Тарлтон. Не начинайте снова эту волынку, милейший. Приберегите дыхание для Трафальгар-сквера.

Гипатия *(ее голос доносится из сада)*. Нет, нет!

Она заглушенно не то вскрикивает, не то смеется, потом зрители видят, как она мчится по саду, по пятам преследуемая Персивалом. На мгновение пропав из поля зрения, она снова появляется, взбегает на веранду, обнаруживает, что в холле люди, в том числе кто-то ей незнакомый, и останавливается. Но Персивал, возбужденный и потерявший голову, догоняет ее и схватывает в объятия прежде, чем до него доходит, что они не одни. Он смущенно отпускает Гипатию. Гробовое молчание. Все стараются не глядеть друг на друга, только миссис Тарлтон строго смотрит на дочь. Гипатия первая овладевает собой.

Гипатия. Простите, что я так ворвалась сюда. Мистер Персивал гнался за мной с самой вершины холма.

Стрелок. А кто загнал его на вершину? Не стыдитесь. Будьте бесстрашны. Будьте искренни.

Тарлтон. Стрелок, вам не хочется недельки на две съездить в Париж? Я оплатил бы все расходы.

Гипатия. Как это понять?

Стрелок. В турецкой ванне сидел безмолвный свидетель.

Тарлтон. Да, я его там обнаружил. Не знаю, что здесь произошло, но он все видел и слышал.

Персивал *(с глубоким и сдержанным негодованием, грозно подступая к Стрелку)*. Правильно ли я понял, что вы позволили себе подло и чудовищно оболгать эту леди, заявив, что она недостойно вела себя в моем присутствии?

Стрелок *(побледнев)*. Вы сами знаете, что́ я видел и слышал.

Гипатия, торжествующе блеснув глазами, бесшумно садится в кресло-качалку и неподвижно, только чуть-чуть покачиваясь, следит за Персивалом и Стрелком.

Персивал. Надеюсь, мне не надо заверять присутствующих, что в этом нет ни слова правды, ни крупицы истины. Ни

один мало-мальски порядочный мужчина не позволил бы себе вслух произнести такую гнусную клевету, даже круглый болван, который сам верил бы в нее. С той минуты, как я имел честь познакомиться с мисс Тарлтон, ее поведение – вряд ли мне нужно на этом настаивать – было во всех отношениях безупречно. *(Стрелку.)* А вас, сэр, я попрошу немедленно выйти со мной в сад: у меня к вам дело. Решить его в присутствии миссис Тарлтон или в ее доме нельзя.

Стрелок *(в паническом страхе)*. С какой стати я пойду с вами в сад?

Персивал. С той, что я на этом настаиваю.

Стрелок. Я не позволю вам запугать меня!

Персивал угрожающе наступает.

Полиция!

Пытается убежать, но Персивал удерживает его.

Пустите, слышите! Вы не имеете права хватать меня!

Тарлтон. Пусть он убирается, мистер Персивал. Он наше общество не украшает. Чем скорее мы с ним расстанемся, тем лучше. Пусть уходит подобру-поздорову.

Персивал. Но сперва он возьмет назад свое гнусное вранье и попросит прощения. Или он немедленно извинится, или пусть защищается; я намерен проучить его и, поверьте, сил не пожалею. *(Отпускает Стрелка, но при этом мерит его зловещим взглядом.)* Выбирайте. Что вы предпочитаете?

Стрелок. Мы в неравном положении. Покорпите-ка месяц в конторе с девяти до шести, а я тем временем поживу на ваших харчах, позанимаюсь спортом, поупражняюсь в боксе, и тогда посмотрим, кто кого. Вы видите, что я слабее вас, вот и лезете на меня с кулаками.

Персивал. Вот бы и думали об этом раньше, вместо того чтобы гнусно клеветать на женщину. Итак, жду вашего решения. Прошу помнить, времени у меня мало.

Стрелок. Я о ней слова худого не сказал!

Миссис Тарлтон	*(вместе).*	Нет, вы только его послушайте!
Бентли		Каков негодяй!
Гипатия		Ах так!
Тарлтон		Ну, знаете!

Персивал. Сейчас с вашего разрешения мы составим пись-

менное свидетельство. *(Указывая на письменный стол.)* Садитесь. Возьмите перо.

Стрелок, нерешительно оглянувшись, садится.

Пишите. «Я...» Как ваше имя?

Стрелок *(после тщетной попытки что-либо написать)*. Не могу. Слишком дрожит рука. Сами видите. Я бы написал, но не могу.

Персивал. За вас напишет мистер Самерхайз. Вы только подпишете.

Бентли *(презрительно Стрелку)*. А ну, встаньте!

Стрелок подчиняется, и Бентли, плечом отодвинув его в сторону Персивала, садится за стол и приготавливается писать.

Персивал. Ваше имя?

Стрелок. Джон Браун.

Тарлтон. Ну, ну, бросьте! Лучше уж Гораций Смит или Элджернон Робинсон.

Стрелок *(нервно)*. Но меня *действительно* зовут Джон Браун. Можете не верить, но Джоны Брауны *существуют* на свете. Разве я виноват, что у меня такое обыкновенное имя?

Бентли. Покажите какое-нибудь письмо, адресованное вам.

Стрелок. Где я его возьму? Мне писем не пишут: я всегонавсего клерк. Могу показать только метку на носовом платке. Смотрите – Д. Б. *(Показывает не очень чистый носовой платок.)*

Бентли *(брезгливо)*. Уберите скорей! Пусть будет Джон Браун.

Персивал. Ваш адрес?

Стрелок. Северный Уэльс, Кентиштаун, Честерфилд-пэрейд, четыре.

Персивал *(диктует)*. «Я, Джон Браун, проживающий по Честерфилд-пэрейд, четыре, Кентиштаун, добровольно и чистосердечно сознаюсь в том, что 31 мая 1909 года...» *(Тарлтону.)* Что он натворил?

Тарлтон *(диктует)*. «...нарушил границы владений Джона Тарлтона в Хайндхеде и противозаконно проник в его дом, где и спрятался в переносной турецкой ванне...»

Бентли. Не так быстро, старина. Минутку. «...турецкой ванне...» Дальше.

Тарлтон *(продолжает)*. «...имея при себе пистолет, с помощью которого грозил лишить жизни упомянутого Джона Тарлтона...»

Миссис Тарлтон. Ох, Джон, он ведь мог тебя убить!

Тарлтон. «...и не привел в исполнение своей угрозы только благодаря своевременному приходу знаменитой мисс Лины Щепановской».

Миссис Тарлтон. А она знаменитая? *(Извиняющимся тоном.)* Вот уж не думала...

Бентли. Слушайте, мне ужасно неловко, но я не знаю, как пишется Щепановска.

Персивал. По-моему, Шч... Лучше напишите «польская леди».

Лина протягивает визитную карточку.

Благодарю вас. *(Перебрасывает карточку Бентли.)*

Бентли. Очень вам признателен. *(Пишет: «польской леди».)*

Тарлтон *(Персивалу)*. Теперь ваш черед.

Персивал *(диктует)*. «Далее, сознаюсь, что виновен в гнусной клевете на мисс Гипатию Тарлтон, для коей клеветы не имелось ни малейшего основания».

Пока Бентли пишет, все хранят выразительное молчание.

Бентли. «...основания».

Персивал. «Я смиренно приношу извинение означенной леди и ее семейству за свой проступок...» *(Ждет, пока Бентли допишет.)*

Бентли. «...проступок...»

Персивал. «...и даю мистеру Тарлтону слово впредь не повторять подобных действий, исправиться...»

Бентли. «...исправиться...»

Персивал. «...и сделать все, от меня зависящее, дабы доказать, что я достоин доброты, которую он проявил, дав мне возможность вернуться к честной жизни и не подвергнув наказанию, вполне мною заслуженному».

Бентли. «...вполне мною заслуженному...»

Персивал *(Гипатии)*. Вас это удовлетворяет, мисс Гипатия?

Гипатия. Да. Это научит его, как говорить правду.

Бентли *(уступая место Стрелку и протягивая ему перо)*. Вы хотите сказать – научит его, как говорить неправду.

Тарлтон. Гм, гм... Ты это хотела сказать, Петси?

Персивал. Теперь, будьте любезны, распишитесь.

Стрелок беспомощно садится и окунает перо в чернильницу.

Надеюсь, ваша подпись под этим документом не про-

стая формальность и вы не только пишете, что раскаиваетесь, но и в самом деле раскаиваетесь.

На веранду входят лорд Самерхайз и Джонни.

Миссис Тарлтон. Минутку. Мистер Персивал, по-моему, ради доброго имени Гипатии надо все рассказать лорду Самерхайзу.

Лорд Самерхайз, не понимая, в чем дело, проходит в холл и останавливается между Персивалом и Линой. Джонни останавливается рядом с Гипатией.

Персивал. Разумеется.

Тарлтон *(встревоженно)*. Послушайтесь меня, поставим на этом точку. Пусть он убирается.

Миссис Тарлтон. Мы должны восстановить репутацию Гипатии.

Тарлтон. Ты это брось, Цыпленок. Невредно легонько стряхнуть пыль с наших репутаций, но попробуй начни тереть их с мылом и щеткой — тут им и конец. Петси великолепно выбралась из этой истории. Да и какое все это имеет значение?

Персивал. Мистер Тарлтон, здесь уже было сказано так много, что придется сказать еще. Лорд Самерхайз, не будете ли вы так любезны ознакомиться с документом, который только что подписал этот человек?

Стрелок. Я еще не подписал. Подписывать?

Персивал. Разумеется.

Стрелок, уже неспособный сделать что-либо по собственному почину, подписывает.

Теперь встаньте и прочтите ваше заявление этому джентльмену.

Стрелок делает неопределенный жест и тупо оглядывается.

(Властно.) Читайте, пожалуйста.

Стрелок *(боязливо встает и монотонно читает таким слабым голосом, точно он тяжело болен)*. «Я, Джон Браун, проживающий по Честерфилд-пэрейд, четыре, Кентиштаун, добровольно и чистосердечно сознаюсь в том, что 31 мая 1909 года нарушил границы владений Джона Тарлтона в Хайндхеде и противозаконно проник в его дом, где и спрятался в переносной турецкой ванне, имея при себе пистолет, с помощью которого грозил ли-

шить жизни упомянутого Джона Тарлтона, и не привел в исполнение своей угрозы только благодаря своевременному приходу знаменитой польской леди. Далее, сознаюсь, что виновен в гнусной клевете на мисс Гипатию Тарлтон, для коей клеветы не имелось ни малейшего основания. Я смиренно приношу извинение означенной леди и ее семейству за свой проступок и даю мистеру Тарлтону слово впредь не повторять подобных действий, исправиться и сделать все, от меня зависящее, дабы доказать, что я достоин доброты, которую он проявил, дав мне возможность вернуться к честной жизни и не подвергнув наказанию, вполне мною заслуженному».

Короткое, но тягостное молчание, прерываемое Персивалом.

Персивал. Вы считаете, что этого достаточно, лорд Самерхайз?

Лорд Самерхайз. Безусловно, безусловно.

Персивал *(Гипатии)*. Лорд Самерхайз, вероятно, хотел бы услышать от вас, мисс Тарлтон, что вы считаете себя удовлетворенной.

Гипатия *(встает с кресла и становится между Персивалом и лордом Самерхайзом)*. Должна сказать, мистер Персивал, что вели вы себя как настоящий джентльмен.

Персивал *(поклонившись Гипатии, обращается с холодным пренебрежением к Стрелку, который стоит в полной растерянности)*. Мы вас больше не задерживаем.

Стрелок неуверенно поворачивается в сторону веранды.

Джонни *(менее учтиво указывает на дверь)*. Марш отсюда! Кратчайший выход из сада вам покажет садовник. Шагайте, да побыстрей.

Стрелок *(угнетен, сбит с толку, не знает, как уйти)*. Да, сэр, я... *(Умоляюще Тарлтону.)* Не вернете ли вы мне фотографии моей матери?

Миссис Тарлтон настораживается.

Тарлтон. Что? Какие фотографии? Ах да, фотографии! Ну конечно, конечно, забирайте!

Стрелок берет их со стола и плетется к двери, но миссис Тарлтон протягивает руку и останавливает его.

Миссис Тарлтон. Это еще что такое, Джон? Зачем тебе понадобились фотографии его матери?

Тарлтон. Да ерунда это все, Цыпленок. Брось, не обращай внимания.

Миссис Тарлтон *(выхватывает фотографии из бессильной руки Стрелка и мгновенно узнает ту, которая на ней изображена)*. Люси Титмас! О Джон, Джон!

Тарлтон *(хмуро Стрелку)*. Молодой человек, хотя вы и болван, но свое дело сделали мастерски. Я это предвидел. Я говорил вам всем – хватит, остановитесь. Вы меня не послушались. Вот и расхлебывайте теперь кашу – нет, расхлебывать придется *мне*.

Миссис Тарлтон *(с материнскими интонациями к Стрелку)*. Значит, вы – сын Люси?

Стрелок. Да.

Миссис Тарлтон. Почему же вы сразу не обратились ко мне? Я не отвернулась от вашей матери, когда она попала в беду и пришла ко мне. Вы разве не знали об этом?

Стрелок. Нет. Она мне никогда ни о чем не рассказывала.

Тарлтон. А как она могла – своему собственному сыну? Совестно, Самерхайз, совестно. Мать и сын. Совестно. *(С видом человека, готового ко всему, что судьба еще припасла для него, садится у письменного стола со стороны буфета.)*

Миссис Тарлтон. Как же вы узнали?

Стрелок. Из писем. Я прочел их после ее смерти.

Миссис Тарлтон *(глубоко взволнованная)*. Люси умерла! И я не знала! *(В приливе нежности.)* А здесь с вами обошлись так плохо, и никто не заступился за сироту! Разорвите эту дурацкую бумажку, сынок, садитесь вот сюда и давайте подружимся.

Джонни, Персивал, Бентли, Гипатия *(вместе)*. Слушай, мама, все это очень хорошо, но... Миссис Тарлтон, вспомните, что... Уж не хотите ли вы после того, что он сказал о... Ну, знаешь ли, мама...

Миссис Тарлтон. Нельзя ли говорить не хором, а поодиночке?

Пауза.

Персивал *(с подчеркнутой учтивостью)*. Позвольте напомнить вам, миссис Тарлтон, что этот человек недопустимо и возмутительно оболгал мисс Тарлтон и меня.

Миссис Тарлтон. Не выдумывайте! Если бедный мальчу-

ган сидел тогда в турецкой ванне, кому и знать, как не ему, что тут происходило? Постыдилась бы, Петси. И вы тоже, мистер Персивал,— зачем вы поощряли ее?

Гипатия, откровенно радуясь внезапному посрамлению Персивала, отступает на веранду и обменивается гримасами с Джонни. Они-то знают свою мать.

Персивал *(ошеломлен)*. Миссис Тарлтон, даю вам честное слово...

Миссис Тарлтон. Да ну вас с вашим честным словом! Что я, дура, по-вашему? Не совестно вам смотреть мальчику в глаза после того, как вы запугали его и заставили подписать такое вранье? При том, что получаса еще не пробыли у меня в доме и уже завели интрижку с моей дочерью! Фу, срам какой!

Персивал. Лорд Самерхайз, взываю к вам: скажите, правильно я себя вел или нет?

Лорд Самерхайз. Если бы вы играли сами с собой, ваш ход был бы безукоризнен, мистер Персивал. Но правильность хода зависит еще и от того, как играют ваши партнеры. Это ведь не пасьянс.

Бентли *(внезапно и очень жалобно)*. Джои, неужели вы отняли у меня Гипатию?

Лорд Самерхайз *(строго)*. Бентли! Возьмите себя в руки, сэр!

Тарлтон. С игрой в джентльмены ничего не вышло, мистер Персивал! Теперь давайте выкладывайте правду.

Персивал. Я в ужасном положении. Если я скажу правду, мне все равно никто не поверит.

Тарлтон. Ошибаетесь, поверят. Правда такая штука, что ей верят все!

Персивал. Но делают вид, будто не могут поверить. Миссис Тарлтон, вы нарушили правила игры.

Миссис Тарлтон. Сдается мне, вы вели себя не очень-то красиво, мистер Персивал.

Бентли. Я вам такой свиньи не подложил бы. *(Борется со слезами.)* Скотина вы после этого!

Лорд Самерхайз. Сию же минуту возьми себя в руки, Бентли! А вам, мистер Персивал, позвольте сказать, что мой сын, видимо, ошибся, считая вас своим другом и джентльменом.

Персивал. Мисс Тарлтон, все это я терплю по вашей милости. Скажите же им, что я не заслуживаю осуждения. Только это, и больше ничего.

Гипатия *(ехидно наслаждаясь его растерянностью)*. Вы гнались за мной по всей вересковой пустоши и поцеловали меня. Вы очень плохо поступили, если у вас не было серьезных намерений.

Персивал. Ну, знаете ли, есть предел всему. *(В отчаянье Стрелку.)* В таком случае я взываю к *вам*, сэр. Как к джентльмену, как к честному человеку, как к мужчине, наконец. Мужчины обязаны помогать друг другу в беде. Вы сидели в этой турецкой ванне, видели, как все началось. Разве я нарушил хоть одно правило приличия? Есть ли хоть тень справедливости в предъявленных мне обвинениях?

Стрелок *(совершенно сбитый с толку)*. Чего вы от меня хотите? Что я должен сказать?

Джонни. Он уже сказал все, что от него требовалось. Вот, читайте его показания.

Стрелок. Когда я говорю правду, вы заставляете меня отречься от нее. А теперь заставляете отречься от отречения. Я уже совсем не понимаю, что мне говорить.

Персивал *(терпеливо)*. Мистер Браун, прошу вас, приведите свои мысли в порядок. Я объяснил вам, что, как джентльмен, вы не имеете права чернить репутацию леди. Надеюсь, вы со мной согласны?

Стрелок. Вроде бы согласен.

Персивал. Но вы также обязаны говорить правду. Этого вы, разумеется, не станете отрицать?

Стрелок. Кто же отрицает? Я слова не сказал против.

Персивал. Само собой. Вот я и прошу вас сказать правду — одну только голую правду. Сидя в ванне, были вы свидетелем какого-либо неблаговидного поступка с моей стороны?

Стрелок. Нет, сэр.

Джонни, Гипатия, Бентли *(вместе)*. Что же тогда вы имели в виду, говоря... Не хотите ли вы сказать, что я... Мерзавец! Вы струсили, потому что...

Тарлтон *(встает)*. Замолчите!

Молчание.

Прекратите это! Хватит, поговорили. Придержи язык, Джонни. Вы чисты, как стеклышко, мистер Персивал. Ты

тоже, Петси. Мир выгоден обеим сторонам. Давайте переменим тему. Устроим сейчас подписку в пользу этого молодого человека, чтобы он мог купить себе ранчо в какой-нибудь стране, где государственные перевороты вошли в привычку. Он...

Миссис Тарлтон. Прекрати насмешки над бедным мальчиком, Джон! Я запрещаю издеваться над ним. Его и так замучили до полусмерти. (*Стрелку.*) Вы уже пили чай?

Стрелок. Нет, для чая ведь рано. Мне ничего не надо, только вот я еще не обедал. Думал, мне уже не придется обедать. Думал, и жить больше не придется.

Миссис Тарлтон. Зачем вы так? Разве можно говорить такие вещи?

Джонни. Он спятил! Ему кажется, что уже вечер.

Миссис Тарлтон. Ты совсем ничего не понимаешь, Джонни. Просто он второй завтрак называет обедом, а чай пьет в половине седьмого. Правда, миленький?

Стрелок *(застенчиво)*. А разве не все так?

Джонни *(хохочет)*. Вот это здорово, черт подери!

Миссис Тарлтон. Ты становишься груб, Джонни. Знаешь ведь, я этого терпеть не могу. *(Стрелку.)* Чашка чая очень подкрепит вас.

Стрелок. Спасибо, не хочется. Мне ничего не надо.

Тарлтон *(идет к буфету)*. А если терновой настойки?

Стрелок. Нет, благодарю. Я против алкогольных напитков. Не пью спиртного ни в каком виде.

Тарлтон. Глупости! Это же не спиртное, а терновая настойка. Уверяю вас, она вполне вегетарианская.

Стрелок *(колеблясь)*. Это фруктовый напиток?

Тарлтон. Вот именно, фруктовый напиток. Отведайте. *(Протягивает ему стопку терновой настойки.)*

Стрелок *(подходит к буфету)*. Спасибо. *(Спокойно делает глоток, но у него тут же перехватывает дыхание.)* Ох, как она жжется!

Тарлтон. Зато очень полезна. Пейте, не бойтесь.

Миссис Тарлтон *(подходит к нему)*. Пейте, но только маленькими глоточками. Не торопитесь.

Стрелок медленно пьет; после каждого глотка у него на глаза наворачиваются слезы.

Джонни *(переходит на то место, где стоял Стрелок до того, как его сманили к буфету)*. Ну ладно, джентльмену

уже оказано внимание, теперь я хотел бы знать, на каком мы свете. Считайте, если хотите, меня пошлым дельцом, но все равно я люблю знать, на каком я свете.

Тарлтон. А я нет. Живешь на свете — ну и живи. Повторяю — не углубляйся в это дело.

Бентли. Но я тоже хочу знать. Я помолвлен с Гипатией.

Гипатия. Бентли, если вы еще раз оскорбите меня, если скажете хоть одно слово, я немедленно уйду из дому и вернусь, только когда вас тут не будет.

Джонни. Намотайте это себе на ус, мальчик.

Бентли *(заикаясь от ярости и сдерживаемых слез)*. Скоты! Мерзавцы!

Миссис Тарлтон. Не смейте его обижать! Бедный мой ягненочек!

Лорд Самерхайз *(очень сурово)*. Бентли, ты отвратительно себя ведешь. Уходи отсюда. Вернешься, когда возьмешь себя в руки.

Бентли, совершенно подавленный, направляется к веранде, но, пройдя несколько шагов, вдруг громко всхлипывает, валится на пол и начинает вопить.

Миссис Тарлтон *(бросается к нему)*
Лорд Самерхайз
Джонни
Гипатия *(затыкая уши)*
Тарлтон
} *(вместе)*.

Ох, бедный мальчик, бедный мой мальчик! Не плачьте, золотой мой, он не хотел вас обидеть.
Перестаньте так дико орать, сэр! Слышите? Сейчас же замолчите!
Вот и мне он устроил такое представление. Теперь вы видите? Ну что, мама? Ну что, Петси? Полюбуйтесь на него.
Ох, маленький негодяй! Замолчите! Стукните его, мистер Персивал!
Тише, тише! Успокойтесь, Кролик, успокойтесь!

Лина *(появляется в дверях)*. Позвольте, им займусь я, миссис Тарлтон. *(Отчетливо и властно.)* Отойдите, пожалуйста. *(Опускается на колени перед Бентли, приподнимает его и взваливает на плечи, потом встает и бегом направляется к двери.)*

Бентли *(болтаясь у нее на плечах, взывает к ней, испуганный, усмиренный и образумленный)*. Что вы делаете? Отпустите меня! Умоляю, мисс Щепановска!..

Лина утаскивает его. Все потрясены и молчат, размышляя о судьбе, ожидающей Бентли.

Джонни. Слушайте, что она с ним сделает?

Гипатия. Надеюсь, выпорет. Больно выпорет.

Лорд Самерхайз. Я тоже на это надеюсь. Тарлтон, не могу вам сказать, как мне неприятно, как стыдно за поведение моего сына в вашем доме. Пожалуй, я увезу его сейчас.

Тарлтон. Бросьте, бросьте. Знаешь, Цыпленок, раз уж Беном занялась Лина, может, ты уведешь на некоторое время мистера Брауна?

Стрелок *(с неожиданной воинственностью)*. Я не Браун. *(В ответ на изумленные взгляды присутствующих принимает заносчивый вид. Полный пьяного задора, допивает настойку, со звоном ставит бокал на буфет и подходит к письменному столу.)* Я Бейкер, Джулиус Бейкер. *Мистер* Бейкер. А кто сомневается, так я к его услугам.

Миссис Тарлтон. Джон, ну зачем ты напоил его терновой настойкой? Смотри, она ударила ему в голову.

Стрелок. И вовсе нет. Фруктовые напитки в голову не ударяют. А если ударяют, так что? Вам я не говорю ничего худого, мэм, вас я люблю и уважаю. *(Слезливо.)* Вы были очень добры к моей маме, к бедной моей мамочке. *(Снова переходя в наступление.)* Но говорю вам, меня зовут Бейкер. И я не позволю этим типам обращаться со мной как с сопляком и унижать меня. Бейкер – вот как меня зовут. Думали, я назвал вам мое настоящее имя? Как бы не так, держите карман шире!

Тарлтон. Значит, Джон Браун – ваш псевдоним? Хитро придумано, ничего не скажешь!

Стрелок. Вот именно, что хитро. Не такие мы все дурачки, как вы полагаете – мы, клерки. Меня наш счетовод подучил. Сказал – кто ж станет себе такой псевдоним брать. Хитро? Сам знаю, что хитро.

Миссис Тарлтон. А теперь, Джулиус, пойдемте...

Стрелок *(проникновенно успокаивает ее)*. Вы, мэм, не беспокойтесь. Я знаю, как должен обходиться джентльмен с леди. Я вас люблю и уважаю. Вот были бы вы, как

должно, моей матерью, мне бы тогда больше повезло в жизни. И все равно вам не придется краснеть за меня. Цепь не крепче своего самого слабого звена, но поэт велик самым своим великим днем. Шекспир, тот вдрызг напивался, а Фридрих Великий дал деру с поля боя. Но великие они не потому, что низко падали, а потому, что высоко взлетали. Что ж, и они не всегда бывали на высоте, но вот наступал их день, и тогда они всех превосходили. И в мой день, понимаете, в *мой день*, я тоже кое-кого превзойду. Знаю, я вел себя здесь как последний болван. Оказался не на высоте положения. И были бы вы моей матерью, так краснели бы за меня. Я растерялся, подло струсил. Но *(ударяя себя кулаком в грудь)* я уже не тот, что был. Сегодня мой день. Я видел, как женщина уволокла титулованного кретина, а он только брыкался и блеял. *(Персивалу.)* Вот *вы* петухом на меня налетали. Совсем в ничтожество превратили. А когда вас самого в оборот взяли, вы и лапки кверху. Я вам прямо говорю — ни черта вы не стоите.

Миссис Тарлтон. Вот это уже нехорошо. Нельзя так выражаться в моем присутствии.

Стрелок. Да я скорей язык себе откушу, чем скажу при вас грубость, потому что я вас люблю и уважаю. Я грубостей не говорил, только свою личность утверждал.

Миссис Тарлтон. Что вы за глупости говорите! И откуда у вас мысли такие берутся?

Стрелок. А вы думаете — раз я клерк, значит, и мыслить не умею? Я книжки читаю, и мысли у меня есть. В одной книге — замечательная книга, шесть шиллингов за нее выложил — я прочел такой совет: утверждайте свою личность. Он мне очень по душе пришелся. Всегда его про себя повторяю. Вот так и нужно поступать. А сейчас особенно, потому что я струсил, и мне нужно снова заслужить ваше уважение. Поэтому я утверждаю в вашем присутствии свою личность и говорю этому типу, который оскорбил меня, что ни черта он не стоит. И это святая правда.

Тарлтон. Скажите, Самерхайз, а у вас в Чингисхане тоже были такие молодчики?

Лорд Самерхайз. Разумеется! Где их сейчас нет? Они-то и составляют самую серьезную проблему нашего времени.

Стрелок. Да. Тут вы в самую точку попали. *(Кичливо.)* Я проблема. Говорю вам, когда мы, клерки, уразумеем,

что мы проблемы... В общем, сами увидите. Я все сказал.

Лорд Самерхайз *(елейно Стрелку)*. Так вы говорите, что много читаете?

Стрелок. Да уж если подсчитать, так, наверно, побольше, чем любой в этой комнате. Это и сокрушит ваш капитализм. Проблемы научились читать книги. Что, съели? Здесь, в Англии, мы имеем на это право. А вот заполучи вы меня в свой Чингисхан, что вы там сделали бы со мной?

Лорд Самерхайз. Ну, если вы задаете мне прямой вопрос, я вам прямо и отвечу. Я воспользовался бы тем, что у вас не хватает ни здравого смысла, ни силы характера правильно себя вести в мало-мальски затруднительных обстоятельствах, и предупредил бы какого-нибудь расторопного и честолюбивого полицейского, что вы смутьян. Расторопный и честолюбивый полицейский при первой возможности обозлил бы вас требованием не задерживаться и идти своей дорогой и донимал бы до тех пор, пока не спровоцировал бы на оскорбление действием слуги закона при исполнении служебных обязанностей. Любой мелочи такого рода достаточно, чтобы заставить человека вроде вас потерять самообладание и совершить ошибку. После этого вас приговорили бы к тюрьме и продержали бы до тех пор, пока все не пришло бы в порядок.

Стрелок. И это вы называете справедливостью?

Лорд Самерхайз. Нет, справедливость не входила в мои обязанности. Мне поручили управлять провинцией, и я принимал нужные меры, чтобы поддерживать в ней порядок. Людьми управляют не с помощью справедливости, а с помощью закона или убеждения. Если же на них не действует ни закон, ни убеждение, тогда прибегают к силе, или к обману, или к тому и другому вместе. Прибегал к ним и я, когда закон и убеждение мне уже не помогали. Так поступают испокон веков все правители, даже если сила и обман претят им не меньше, чем, скажем, мне. Вам весьма полезно запомнить это, мой юный друг, и своевременно учесть, что, играя в анархизм, вы можете быть побиты полицией. Что вы на это скажете?

Стрелок. Что я могу сказать? Что это возмутительно, вот и все.

Лорд Самерхайз. Совершенно верно. Все так и говорят, кроме английского обывателя, который прикидывается,

будто ни о чем таком он и знать не знает. А теперь позвольте задать вам вопрос сугубо личного свойства, продиктованный добрыми чувствами к вам: у вас голова не болит?

Стрелок. Честно говоря, болит. Я чересчур разволновался.

Миссис Тарлтон. Бедный мальчик! Что ж удивительного — вы столько натерпелись! Вам надо подкрепиться и прилечь отдохнуть. Пойдемте-ка со мной. Расскажете мне о вашей бедной мамочке и о себе. Пойдемте, пойдемте. *(Идет в дом.)*

Стрелок *(послушно следуя за ней)*. От всей души спасибо, мэм.

Она уходит, а он, уже полуприкрыв за собой дверь, оборачивается и говорит с порога.

Только зарубите себе на носу — меня здесь ни один мужчина не одолел. Миссис Тарлтон одолела, верно, но таких женщин, как она, одна на тысячу. И все равно я утверждаю свою личность. А вы все не стоите ни черта. *(Исчезает, явно опасаясь возможных последствий брошенного им вызова, побуждающего Джонни сделать нетерпеливый жест.)*

Гипатия. Слава богу, ушел. *Какая* тоска! Какая *смертная* тоска! Говорят, говорят, говорят!

Тарлтон. Ты это брось, Петси. Мы еще только начинаем говорить. Говорить о тебе.

Джонни. Тебе не увильнуть, Пет. Нам надо знать, на каком мы свете.

Лорд Самерхайз. Пожалуйста, мисс Тарлтон, сядьте! Я очень устал стоять.

Гипатия входит в холл и садится у рабочего столика. Все рассаживаются: лорд Самерхайз — справа от нее, повернувшись к ней лицом, Персивал — на стул, ранее принесенный Джонни для Лины, Тарлтон — у письменного стола. Остается стоять только Джонни. Лорд Самерхайз, усевшись и облегченно вздохнув, продолжает.

Теперь на очереди вопрос, который нас всех так волнует.

Джонни *(недоуменно)*. Какой еще вопрос?

Лорд Самерхайз. Весьма животрепещущий. Вопрос, который мужчины и женщины обсуждают часами, и при этом не жалуются на скуку. Вопрос, который занимает всех пожирателей романов и завсегдатаев театров. Вопрос, который всегда их волнует.

Джонни. О чем вы?

Лорд Самерхайз. Вопрос о том, какого молодого человека изберет себе в мужья некая молодая женщина.

Персивал. Вот уж неинтересно!

Гипатия *(резко)*. Что вы сказали?

Персивал. Я сказал — вот уж неинтересно!

Гипатия. Приличный джентльмен так не скажет.

Персивал. Вас это задевает? Вас, отважную нарушительницу всех приличий, обязательных для леди?

Джонни. А ну, полегче, мистер Персивал: мне не нравится, когда оскорбляют мою сестру.

Гипатия. Замолчи, Джонни. Уж как-нибудь я сама за себя постою. Не вмешивайся.

Джонни. Вот как? Ну и прекрасно. Если тебе нравится обнаруживать перед всеми, кто ты есть — не возмущаться, когда мужчина обвиняет тебя в нарушении приличий, а потом при всех вести себя неприлично, — что ж, тогда мне больше нечего сказать.

Гипатия. Я считаю поведение мистера Персивала совершенно неприличным для джентльмена, но заступничества мне не надо. Не желаю, чтобы мужчины вмешивались в мои дела под предлогом, будто они меня защищают. Я не твоя маленькая дочурка. Если бы я вмешалась в твои отношения с женщиной, ты немедленно попросил бы меня не совать нос, куда не следует.

Тарлтон. Дети, перестаньте ссориться. Читайте доктора Уоттса. Ведите себя разумно.

Джонни. Мне больше нечего сказать. Видно, мое присутствие здесь нежелательно, так что я лучше уйду. *(С напускным спокойствием уходит через веранду.)*

Тарлтон. Семья — ужасная вещь, Самерхайз. Кошка с собакой. Мне стыдно за тебя, Петси.

Гипатия. С Джонни я потом помирюсь. Но право же, я не могу допустить, чтобы он совал свой дурацкий нос в мои дела.

Лорд Самерхайз. Вопрос, мистер Персивал, состоит в том, джентльмен вы или нет.

Персивал. А был Наполеон джентльменом или не был? Он потребовал, чтобы леди уступила дорогу носильщику, сказав: «Уважайте несущих бремя, мадам!» Это поступок истинного джентльмена. Но он вышвырнул Вольнея, когда тот заявил, что Франция только и мечтает о возвращении Бурбонов. А это уже поступок мужлана. Вот и я, как Наполеон, в разных случаях веду себя по-разному.

Иной раз я поступаю как джентльмен — в этом вы все могли убедиться. Но бывает, веду себя с такой грубой примитивностью, что даже мисс Тарлтон вряд ли под силу состязаться со мной.

Тарлтон. Джентльмен он или не джентльмен, но у тебя-то какие намерения, Петси?

Гипатия. Мои намерения? По-моему, о намерениях полагается спрашивать у джентльмена.

Тарлтон. Перестань, Петси, не прикидывайся. Сказал тебе мистер Персивал что-нибудь такое, о чем необходимо знать мне или Бентли? Сказала ты мистеру Персивалу что-нибудь такое?

Гипатия. Мистер Персивал гнался за мной по всей вересковой пустоши, а потом поцеловал меня.

Лорд Самерхайз. Как джентльмен, что вы можете сказать на это, мистер Персивал?

Персивал. Как джентльмен, я не докладываю, когда целую. Но, как обыкновенный мужчина или, если хотите, как обыкновенный скот, скажу, что поцеловал мисс Тарлтон по ее же настоянию.

Гипатия. Животное!

Персивал. Не отрицаю, что получил при этом удовольствие. Но инициатива была не моя. Начал я с того, что попытался удрать.

Тарлтон. Выходит, Петси бегает быстрее, чем вы? Так?

Персивал. Да, когда преследует меня. Она бежит все быстрее, а я все медленнее. К тому же ваш лес заколдован. В нем живет прямо-таки бесовский козодой. Слышали вы когда-нибудь козодоя? Слышали, какая воцаряется тишина, когда он вдруг умолкает? Слышали, как он зовет подругу, дважды хлопая крыльями, а потом высвистывая на такой ноте, что и соловью ее не повторить? Все это я услышал, когда удирал от мисс Тарлтон. И тогда я повернул, и дичь превратилась в охотника.

Гипатия. Я отбивалась от него, как дикая кошка.

Лорд Самерхайз. Пожалуйста, опустите подробности. Они не для стариковских ушей.

Тарлтон. Ну, а потом? Чем это кончилось?

Гипатия. Это еще не кончилось.

Тарлтон. А чем кончится?

Гипатия. Спроси у него.

Тарлтон. Чем это кончится, мистер Персивал?

Персивал. Я не могу позволить себе жениться, мистер Тарлтон. Пока жив отец, все мои доходы — тысяча фун-

тов в год. Сами понимаете, двоим на такие деньги не просуществовать.

Тарлтон. Да ну? Когда *я* женился, мне и четверть этого показалась бы целым состоянием.

Персивал. Не сомневаюсь. Но я недешево стою, мистер Тарлтон. Меня, видите ли, воспитали в семье, где тратили раз в восемь больше этой суммы. И теперь я постоянно сижу на мели — просто не умею жить на тысячу в год. А уж о том, чтобы предложить женщине разделить со мной столь бедственное положение, не может быть и речи. К тому же я слишком молод для женитьбы: мне всего двадцать восемь.

Гипатия. Папа, купи мне это животное.

Лорд Самерхайз *(содрогаясь)*. Дорогая моя мисс Тарлтон, не говорите таких ужасных вещей. Понимаю, шокировать старика необыкновенно приятно, но есть все-таки какой-то предел; дальше это уже становится варварством. Прошу вас, не надо.

Гипатия. Может, рассказать папе про *вас*?

Лорд Самерхайз. Тарлтон, лучше уж я сам вам скажу: однажды я сделал вашей дочери предложение стать моей вдовой.

Тарлтон *(Гипатии)*. Почему ты не приняла его, глупая девчонка?

Лорд Самерхайз. Я слишком стар для нее.

Тарлтон. И все это, очевидно, происходило под самым моим носом. Ты бегаешь за юнцами, старики бегают за тобой, а я узнаю об этом последним.

Гипатия. Не могла же я рассказать *тебе*!

Лорд Самерхайз. Родители и дети, Тарлтон.

Тарлтон. Какая между ними пропасть! Непроходимая, вековечная пропасть. Итак, ты просишь, чтобы я купил тебе это животное?

Гипатия. Да, очень прошу.

Тарлтон. За сколько вы себя продаете, мистер Персивал?

Персивал. Пожалуй, еще полторы тысячи, и мы как-нибудь обойдемся. Если, разумеется, и мой отец раскошелится. Но лучше бы, конечно, больше.

Тарлтон. Для вас это только вопрос денег?

Персивал *(после краткого размышления)*. Пожалуй, да. Все сводится к этому.

Тарлтон. А я почему-то думал, что, может, Петси вам больше по душе, чем другие.

Персивал. Но рассудите сами, так ли это важно? Я, безус-

ловно, в восторге от Петси. Петси, очевидно, в восторге от меня. Но, поверьте мне, это не имеет никакого значения. Один их трех моих отцов, священник, обвенчал сотни пар: одни сами выбрали друг друга, других сосватали родители, третьих принудили к браку обстоятельства. Так вот, он утверждал, что, если бы в один мешок положили бумажки с мужскими именами, а в другой — с женскими и потом ребенок с завязанными глазами вытаскивал по одной бумажке из каждого мешка, как номера в лотерее, процент счастливых браков в Англии нисколько бы не уменьшился. Он говорил, что купидон — ребенок с завязанными глазами. По-моему, это прекрасная мысль. Шансов на счастье с Петси у меня ровно столько же, сколько с любой другой женщиной. Учтите — я вовсе не настаиваю на этом. Я не доктринер и не в плену у какой-нибудь теории. Вы с лордом Самерхайзом люди опытные, много лет прожившие в браке. Если можете научить меня способу, как безошибочно выбрать жену, с радостью им воспользуюсь. Жду ваших рекомендаций.

С учтивым вниманием смотрит на лорда Самерхайза, который, не имея что сказать, отводит глаза. Персивал поворачивается к Тарлтону, но тот хмуро поджимает губы и, позвякивая мелочью в кармане, молчит.

Итак, ни у кого из вас рекомендаций нет. Значит, были бы деньги, а Петси или другая — не имеет значения.

Гипатия. Как вы благородны, как удивительно благородны!

Тарлтон. Когда я женился на матери Петси, я был в нее влюблен.

Персивал. В первый раз в жизни?

Тарлтон. Да, в первый.

Персивал. И в последний?

Лорд Самерхайз *(возмущенно)*. Сэр, тут присутствует его дочь!

Гипатия. Ну и что из этого? Подумаешь! Я привыкла к папиным шашням.

Тарлтон *(густо краснеет)*. Петси, дочка, это... это неделикатно!

Гипатия. А ты был очень деликатен, когда говорил со мной о моем поведении? Почему же я должна проявлять деликатность? Ох, папа, все это такой вздор! Неужели ты думаешь, что молодежь ничего не понимает?

Лорд Самерхайз. Во всяком случае, чувствовать она не способна. Как это ужасно, Тарлтон, как грубо! Если ни

у кого из этих молодых людей нет ни малейшего понятия о том, что такое... что такое...

Персивал. Отцовские сантименты – вы это хотите сказать? Очень сожалею, но должен вас огорчить: как вы, вероятно, помните, я был приучен обсуждать поступки ближних с тремя отцами одновременно. Сейчас я взрослый человек. Петси тоже взрослый человек. Вы мне почтения не внушаете. Ей, очевидно, тоже. Возможно, вас это удивит. Возможно, больно заденет. Глубоко сожалею. Ничем не могу вам помочь. Так как же насчет денег?

Тарлтон. Вы не вдохновляете меня на подвиги щедрости, молодой человек.

Гипатия *(от души смеется)*. Тут он вас поймал, Джои.

Тарлтон. Я был тебе неплохим отцом, Петси.

Гипатия. Я и не говорю, дорогой, что ты плохой отец. Если бы только ты мог понять, что я уже совсем взрослая, мы отлично ладили бы с тобой.

Тарлтон. Ты помнишь Билла Барта?

Гипатия. При чем тут Билл Барт?

Тарлтон *(обращаясь ко всем)*. Билл Барт работал у меня поденщиком. Я чуть было не рассчитал его за то, что он ударил своего отца. Он сказал тогда, что отец колотил его, пока он не вырос и не научился давать сдачи. Петси упросила меня не выгонять Барта. Я спросил его потом, какое это ощущение – впервые отколотить родного отца. Оказалось, все равно что любого другого. Барт засмеялся и ответил, что про ощущение лучше спрашивать не у него, а у старика. Над этим стоит подумать, Самерхайз. Очень стоит.

Гипатия. Я тебя не ударяла, папа.

Тарлтон. Ты ударила меня так больно, как Барту и не снилось.

Лорд Самерхайз. Не старайтесь понапрасну, Тарлтон. Пощадите себя. Не можете же вы всерьез думать, что эти молодые люди, в их-то возрасте, проникнутся симпатией к тому, что этот джентльмен назвал отцовскими сантиментами!

Тарлтон *(горестно)*. Петси, для тебя это только отцовские сантименты?

Гипатия. Честно скажу, папа, по мне уж лучше твой избыток жизненной энергии.

Тарлтон *(запальчиво)*. Придержи язык, чертовка! Молодежь вся на одно лицо: бессердечная, грубая, пустая, жестокая, циничная, самовлюбленная. Можешь убираться из моего

дома, как только уговоришь его жениться на тебе. Чем скорей, тем лучше. *(Персивалу.)* Вы как будто сказали, что ваша цена – полторы тысячи в год? Ладно, согласен. Желаю вам получить удовольствие от вашего приобретения.

Персивал. Вы, вероятно, хотите знать, кто я...

Тарлтон. Мне в высшей степени наплевать, кто вы и что вы. Вы дали согласие за полторы тысячи освободить меня от этой девчонки, остальное меня не интересует. *Ей* рассказывайте, кто вы такой. Это ее дело, не мое.

Гипатия. Не отвечайте ему, Джои, иначе этому конца не будет. Лорд Самерхайз, мне жаль, что так получилось с Бентли, но Джои прямо создан для меня.

Лорд Самерхайз. Это может...

Гипатия. Только не вздумайте уверять меня, что это может разбить сердце вашего бедного мальчика. Скорее уж разобьет *ваше*.

Лорд Самерхайз. О-о-о!

Тарлтон *(вскакивает)*. Вон из комнаты! Слышишь? Сию секунду вон!

Персивал. Мы, кажется, сердимся? Не надо гневаться, мистер Тарлтон: читайте Марка Аврелия.

Тарлтон. Вы еще смеете издеваться надо мной? Забирайте ваш самолет из моей оранжереи, и чтоб вашего духа тут не было!

Персивал *(вставая, Гипатии)*. Петси, видимо, мне придется сегодня пообедать в Биконе.

Гипатия (*вставая*). Ну что ж, пообедаем вместе.

Тарлтон. Я велел тебе убираться вон из комнаты. Ты слышала?

Гипатия. Слышала. *(Персивалу.)* Видите, Джои, что значит жить вместе с родителями? Это значит жить в доме, где в любую минуту вас могут выгнать из комнаты. И ослушаться нельзя: это его дом, не мой.

Тарлтон. Кто за него платит – ты или я? Я всегда сам себя содержал, вот и ты содержи себя, если хочешь быть независимой.

Гипатия. Я и хотела, но ты не позволил. Как я могу содержать себя, когда я здесь, как в тюрьме?

Тарлтон. Не распускай язык!

Гипатия. Держи себя в руках!

Персивал *(становится между ними)*. Позвольте мне указать отцу и дочери, что они оба уже достигли состояния, весьма обычного в семейной жизни, когда разрядить ат-

мосферу может только хорошая потасовка. Уверен, что лорд Самерхайз согласен со мной. Мистер Тарлтон, вы твердо решили поколотить Петси?

Тарлтон. С наслаждением выколотил бы душу из нее. И выколочу, если она сейчас же не уберется. *(Садится и, чтобы овладеть собой, хватается за край письменного стола.)*

Гипатия *(хладнокровно подходит к нему и грудью опирается на его подергивающееся плечо)*. Ну, если тебе хочется поколотить меня, только чтобы дать выход чувствам, только и исключительно для того, чтобы потешить и ублаготворить себя, тогда, сделай одолжение, бей. Я на тебя не рассержусь.

Тарлтон *(на грани истерики)*. Я всегда считал, что такие вещи могут случиться в любой семье, только не в нашей. И вот... *(Подавленный, продолжает жалобным голосом.)* Я не нахожу правильных слов. Не знаю, как правильно поступить. Вообще не знаю, что правильно, а что нет. Я потерпел поражение, и она это знает. Что мне делать, Самерхайз?

Лорд Самерхайз. Когда члены моего совета в Чингисхане достигали накала, который неминуемо приводит к рукопашной, я объявлял перерыв и откладывал заседание. Давайте прервем дискуссию. Подождем до понедельника — у нас целое воскресенье, чтобы охладить страсти. Поверьте, Тарлтон, я не собираюсь подшучивать над вами, но в совете этого молодого джентльмена есть здравое зерно: почитайте пока какую-нибудь книгу.

Тарлтон. Я перечитаю «Короля Лира».

Гипатия. Не надо, папочка. Мне очень жаль, что так вышло.

Тарлтон. Ничуть тебе не жаль. Я тебе смешон. И поделом мне! Родители и дети! Нет таких родителей, которые понимают собственных детей. Нет таких детей, которые понимают собственных родителей. Семья и цивилизованное общество уже несовместимы. Пусть новые поколения воспитываются в детских учреждениях.

Гипатия. Правильно. Вот было бы хорошо! Мы бы с тобой тогда не поссорились и Джои остался бы к обеду.

Тарлтон. Пусть остается к обеду. Пусть остается к завтраку. Пусть остается на всю жизнь. Чтобы ты не могла сказать, что я его выгнал. Чтобы ты не могла сказать, что я выгнал *тебя*.

Персивал. Я не смею так беспардонно навязывать себя. Свалился вам на голову...

Тарлтон. ...с ясного неба. Действительно, свалились. Авиация — вполне современный спорт. Высмотри сверху дом покрасивее, свались на него, схвати в охапку хозяйскую дочь и будь таков.

Возвращается Бентли. Плечи у него опущены, словно он упражнялся до полного изнеможения, вид понурый. Под общими взглядами он, волоча ноги, добирается до стула, на котором прежде сидел Персивал.

Бентли. Мне очень совестно, что я так по-дурацки вел себя. Прошу у всех прощения. Гипатия, это ужасно с моей стороны, но я твердо решил, что никогда в жизни не женюсь. *(Садится, глубоко угнетенный.)*

Гипатия *(подбегает к нему)*. Как это мило с вашей стороны, Бентли! Значит, вы догадались, что я хочу выйти за Джои? Что с вами сделала польская леди?

Бентли *(отворачиваясь)*. Не сердитесь, но я предпочитаю о ней не говорить.

Гипатия. Вы влюбились в нее! *(Хохочет.)*

Бентли. С вашей стороны свинство — смеяться над этим.

Лорд Самерхайз. Ты, Бентли, не первый стал сегодня жертвой безжалостной иронии этой юной леди.

Лина, уже в кепи, держа очки в руках, стремительно выходит из внутренних комнат.

Лина *(на лестнице)*. Мистер Персивал, сможем мы сейчас завести самолет? *(Спускается с лестницы и бежит к дверям веранды.)* Мне просто необходимо выбраться отсюда на свежий воздух. Поближе к небу.

Персивал. Немыслимо. Шасси погнуто и бензина ни капли. Мы и сели-то из-за того, что горючее кончилось. Да и как взлететь, когда кругом деревья?

Лина *(быстро переходит на середину веранды)*. Шасси выпрямим. Бензин купим в Биконе. Попросим поденщиков помочь нам перетащить машину на портсмутское шоссе. Оттуда и взлетим.

Тарлтон *(встает)*. Но почему вы торопитесь покинуть нас, мисс Щ.?

Лина. У вас очень душный дом, дружище. Вы здесь просто помешались на любви. Только и разговоров что об этом. И картины на стенах об этом. И глаза у вас у всех бараньи. Вы погрязли в любовных делах, пропитаны ими. Даже в спальнях везде развешаны изречения о любви. Это противно. И вредно для здоровья. Вы требуете,

чтобы ваши женщины не работали, только меняли туалеты, и все для того, чтобы любиться с вами. Я здесь часу не пробыла, а мне уже все объяснились в любви, как будто если я женщина, то, значит, обязана выслушивать любовные признания. Сперва *вы*, дружище. Я простила вас, потому что вы хорошо говорили о своей жене.

Гипатия. Ай-яй-яй, папа!

Лина. Потом вы, лорд Самерхайз, пришли ко мне, а зачем? Только чтобы попросить никому не рассказывать о том, как два года назад в Вене вы объяснялись мне в любви. Я простила вас, потому что думала — вы посол, а послы всегда объясняются в любви, и к тому же они добры к людям, которые переезжают с места на место, и полезны им. Потом молодой джентльмен. Он помолвлен вон с той молодой леди, но это неважно: он объяснился мне в любви потому, что я унесла его на своих плечах, когда он начал плакать. Я и на этот раз промолчала. Но затем является ваш Джонни и заявляет мне, что я роскошная и дивная женщина и должна стать его женой! Я, Лина Щепановска, *его жена*!!! На этого мальчика я не сержусь — он еще совсем ребенок. И он меня любит. Мне пришлось бы давать ему деньги и заботиться о нем; это было бы глупо, но честно. И на вас я не сержусь, дружище: вы, по вашим собственным словам, старый — не скажу кто, но вы не предлагали купить меня. Вы сказали — пока нам не надоест, пока вы не станете так счастливы, что уже не посмеете мечтать о большем. Это тоже глупо в ваши годы, но это приключение, а не бесчестье. Я не сержусь на лорда Самерхайза: мы встретились в Вене, ему там устроили большой банкет, и он был нетрезв. Это вредно для здоровья, но не бесчестно. Но ваш Джонни! Ваш Джонни со своими предложениями выйти за него замуж! Он, видите ли, осчастливит меня! Даст мне дом и положение! Говорит, я сама должна знать, что теперешнее мое положение не годится для хорошей женщины. Это мне, Лине Щепановской! Я порядочная женщина, сама зарабатываю себе на жизнь. Я свободная женщина — живу в своем собственном доме. Я женщина на виду у всего мира, у меня тысячи друзей, каждый вечер толпы народа аплодируют мне, восторгаются мной, покупают мои фотографии, платят деньги, заработанные тяжким трудом, чтобы меня увидеть. Я сильна, искусна, смела, независима, неподкупна, я такая, какой женщина должна быть. Вот уже четыре поколения в моей семье не

было ни одного пьяницы. А этот англичанин, этот торгаш осмеливается предложить мне переехать к нему, и жить с ним в этой кр-р-роличьей норе, и брать хлеб у него из рук, и просить у него карманные деньги, и напяливать на себя шелковые тряпки, и быть его женщиной, его женой! Да лучше я соглашусь взяться за самую презренную работу, какая только есть в нашей профессии. Буду закармливать львов, а потом делать вид, будто укротила их; буду дурачить честных людей всякими фокусами, вместо того чтобы показывать им настоящие номера, для которых нужна сила и ловкость; стану клоуном и буду подавать маленьким детям примеры дурного поведения; опущусь еще ниже, сделаюсь актрисой или оперной певицей, возьму на душу страшный грех, буду обманывать зрителей, убеждая их, что я не я, а кто-то совсем другой. Все, все что угодно, только бы не брать хлеба из рук мужчины, не продавать ему в рабство своего тела и души. Так что можете сказать вашему Джонни — пусть покупает себе англичанку, а Лину Щепановску ему не купить. И я не могу оставаться в доме, где мне предложили такую бесчестную сделку. Адье.

Резко поворачивается, собираясь уйти, но видит в дверях веранды Джонни, который медленно идет, засунув руки в карманы и погрузившись в раздумье.

Джонни *(доверительно Лине)*. Пусть наш разговор останется между нами, хорошо? Не стоит его разглашать. И мне это будет неприятно.

Тарлтон. А мы уже знаем о нем, Джонни.

Джонни *(отрывисто, но беззлобно)*. Вот как?

Гипатия. Да, мисс Щепановска всех вывела на чистую воду. Ты не первый — тебя опередили и папа, и лорд Самерхайз, и Бентли, так что пусть не вздумают издеваться над тобой.

Джонни *(медленно расплываясь в улыбке)*. Не стоит, пожалуй, притворяться, будто я не ожидал этого от *тебя*, родитель. Надеюсь, она тебе тоже всыпала как следует. Учтите, мисс Щепановска, для меня это не прошло зря. Я умею шевелить мозгами. Поэтому и не дал себе воли. Признайте, что не дал.

Лина (*искренне*). Признаю. И не в претензии к вам. Вы — как это у вас говорится? — чурбан. Но не такой уж плохой.

Джонни. Спасибо на добром слове. Так вот, если позволите,

чурбан выскажет свое мнение. Я так понимаю, за каждый вечер вы самолично огребаете по десять фунтов?

Лина *(негодующе)*. Десять фунтов за вечер? Нет, десять фунтов за каждую минуту!

Джонни *(с возросшим уважением)*. Ого! Я не знал – простите мою ошибку. Но все равно, суть от этого не меняется. Вы, пожалуйста, не обижайтесь на то, что я сейчас скажу, но я много об этом думал, да и примеров видел сколько угодно; говорю вам со знанием дела: как только женщина становится материально независимой, ее мораль терпит большие убытки.

Лина. Неужели? Какой же из этого следует вывод, мистер Джонни?

Джонни. Ну, вывод ясен: независимость опасна для женщин и ее нужно запретить. И для блага самих женщин, и вообще ради торжества морали. Вы согласны со мной, лорд Самерхайз? Я ведь прав?

Лорд Самерхайз. Это весьма моральная мораль, если позволительно так выразиться.

Миссис Тарлтон входит на цыпочках из внутренних комнат.

Миссис Тарлтон. Потише, пожалуйста. Мальчик уснул.

Тарлтон. У нас есть новости для тебя, Цыпленок.

Джонни *(с беспокойством)*. Слушай, родитель, зачем морочить маме голову всякой чепухой?

Миссис Тарлтон *(подходит к Тарлтону)*. Что здесь произошло? Не вздумай скрытничать со мной, Джон! Что вы натворили?

Тарлтон. Гипатия не выходит за Бентли.

Миссис Тарлтон. Конечно не выходит. И это, по-твоему, потрясающая новость? Я всегда знала, что она за него не пойдет.

Тарлтон. Это еще не все. Мистер Персивал, который...

Миссис Тарлтон *(Персивалу)*. Значит, на Петси женитесь *вы*?

Персивал *(дипломатично)*. Петси выйдет за меня, если, разумеется, у вас нет возражений.

Миссис Тарлтон. Какие тут могут быть возражения! Ей давным-давно пора замуж.

Гипатия. Мама!

Тарлтон. Хотя мы так недавно знакомы с мисс Линой, однако она уже успела внушить горячую симпатию, можно сказать, почти всем присутствующим. Поэтому я от ду-

ши надеюсь, что она останется пообедать с нами и не будет настаивать на том, чтобы сию минуту улететь.

Персивал. Вам придется остаться, мисс Щепановска. Сегодня вечером я лететь не могу.

Лина. Я видела, как вы вели самолет. Неужели же я и без вас не управлюсь теперь с ним? А в качестве пассажира со мной полетит Бентли.

Бентли *(в панике)*. Лететь на самолете? В жизни не решусь!

Лина. Должны решиться.

Бентли *(бледный, но полный героической решимости)*. Хорошо. Я полечу.

Лорд Самерхайз, Миссис Тарлтон *(вместе)*. Нет, нет, Бентли! Об этом не может быть и речи. Я запрещаю тебе! Вы, что же, хотите убить ребенка? Не будет этого!

Бентли. Будет. Вот лягу сейчас на пол и буду вопить, пока вы меня не отпустите. Я не трус. Не хочу быть трусом.

Лорд Самерхайз. Мисс Щепановска, мне очень дорог мой сын. Умоляю вас, дождитесь утра.

Лина. Завтра может налететь гроза. Но я все равно полечу: завтра мне нужно рискнуть жизнью.

Бентли. Хоть бы она налетела!

Лина *(хватая его за локоть)*. Вы весь дрожите.

Бентли. Да. Мне страшно, невыносимо страшно. У меня в глазах мутится, ноги подкашиваются. Но я полечу с вами.

Лина *(хлопает Бентли по спине, вызывая у него слабое подобие улыбки)*. Конечно полетите. Вы мне нравитесь, мальчик. Мы полетим завтра, полетим вместе.

Бентли. Да, завтра и вместе.

Тарлтон. Что ж, душа моя насытилась бедствиями. Читайте древнюю книгу.

Миссис Тарлтон. Еще какие новости?

Тарлтон. Ну, я... *(Смотрит на Лину и замолкает.)* Я... *(Смотрит на лорда Самерхайза и замолкает.)* Я... *(Сдается.)* Ну, я полагаю... полагаю, говорить больше не о чем.

Гипатия *(истово)*. Слава тебе господи!

КОММЕНТАРИИ

Послесловия к пьесам И. В. Ступникова. Примечания А. Н. Николюкина («Как он лгал ее мужу», «Разоблачение Бланко Поснета»), И. В. Ступникова («Врач перед дилеммой», «Майор Барбара», «Интерлюдия в театре», «Вступление в брак», «Страсть, яд, окаменение», «Газетные вырезки», «Очаровательный найденыш», «Немного реальности», «Неравный брак», предисловия Шоу к пьесам «Майор Барбара», «Врач перед дилеммой» и к циклу пьес «Дурачества и безделки»).

КАК ОН ЛГАЛ ЕЕ МУЖУ

Пьеса была написана в 1904 г. по просьбе американского актера и режиссера Арнолда Дейли (1875—1927), который всегда проявлял большой интерес к творчеству Шоу. В разные годы Дейли поставил пьесы «Профессия миссис Уоррен», «Избранник судьбы», «Оружие и человек». В конце 1903 г. в Нью-Йорке с успехом шла «Кандида», также поставленная Дейли. В программу вечернего представления, помимо «Кандиды», входил «Избранник судьбы», где Дейли исполнял роль Наполеона. Однако играть обе пьесы в один вечер оказалось непосильной нагрузкой для труппы, и Дейли попросил Шоу написать что-нибудь легкое и веселое, что могло бы послужить остроумным зачином для вечернего представления. Во время отдыха в Шотландии, воспользовавшись четырьмя днями сплошного дождя, Шоу написал пьесу «Как он лгал ее мужу».

Пьеса была напечатана в 1907 г. В предисловии Шоу отмечал: «Пьеса, правда, пустяковая, но я все же печатаю ее, чтобы показать, что можно сделать в рамках самой затрепанной театральной схемы, если вложить в нее чуточку подлинно человеческого содержания вместо ходульного романтизма. Казалось бы, нет в театре ничего пошлее треугольника муж — жена — любовник или грубого веселья дешевого фарса. Однако я использовал и то и другое и получил в результате оригинальную пьесу. И так может сделать любой, стоит только поискать материал вокруг себя, а не заниматься плагиатом, переписывая «Отелло» и тысячу других пьес, построенных на романтических домыслах Отелло и на ложно понятой чести».

Существовал, однако, и другой повод для сочинения комедии «Как он лгал ее мужу»: Шоу крайне раздражала трактовка его «Кандиды» многими американскими труппами, где героиню превращали в добропорядочную, ограниченную и сентиментальную нью-йоркскую домохозяйку. Таким образом, пьеса «Как он лгал ее мужу» создавалась как своего рода «анти-Кандида», пародия на восприятие и толкование образа некоторыми американскими актерами и режиссерами, вызвавшими своими спектаклями целую волну «сентиментальной кандидомании» в Соединенных Штатах.

Пьеса была впервые исполнена 26 сентября 1904 г. в театре «Беркли-Лайсиэм» (Нью-Йорк) перед спектаклем «Избранник судьбы». Роли исполняли: Он — Арнолд Дейли, Она — Селина Джонсон, Муж — Додсон Митчел.

В Лондоне премьера пьесы состоялась 28 февраля 1905 г. в театре «Корт» (труппа Ведрена и Гренвилл-Баркера, режиссер — Харли Гренвилл-Баркер). Впоследствии пьесу возобновляли в театрах «Сент-Джеймсиз» (1905), «Савой» (1906), «Пэлис» (1911), «Эвримен» (1921, 1924), «Артс» (1951).

Фильм «Как он лгал ее мужу» был снят режиссером Сесилом Льюисом в 1930 г. на студии «Бритиш Интернэшнл Пикчерз» и показан в Лондоне 10 января 1931 г. В ролях снимались: Он — Роберт Харис, Она — Вера Ленокс, Муж — Эдмунд Гвен. Телефильм того же названия был снят в 1937 г.

На русской сцене постановку пьесы впервые осуществил в 1912 г. Театр Литературно-художественного общества имени А. С. Суворина в Петербурге.

Телефильм режиссера Т. Березанцевой «Как он лгал ее мужу» был показан в 1957 г. В ролях снимались: Он – И. Смоктуновский, Она – Е. Кузьмина, Муж – А. Цинман, Горничная – Н. Агапова.

Пьеса неоднократно издавалась на русском языке: 1907, перевод М. А., Библиотека театра и искусства, кн. XII; 1911 (под названием «Аврора»), перевод А. Швырова, Вестник иностранной литературы, № 2; 1910–1911, Собр. соч. Шоу в 10-ти т., изд. В. М. Саблина, т. 6, под названием «Как он обманул ее мужа» (Предупреждение для посетителей театра), перевод О. Всеволодского; 1939, перевод Е. Танка. В кн.: Маленькие пьесы. Западноевропейская драматургия. Сост. М. Кунин. М.–Л., «Искусство».

Стр. 7. *Саут-Кенсингтон* – фешенебельный район центральной части Лондона; кенсингтонский – характерный для жителей Кенсингтона, ведущих светскую жизнь и лишенных духовных запросов.

Стр. 12. ***Клинч*** (от англ. clinch – зажим) – нарушение правил в боксе, заключающееся во взаимном захватывании противниками рук или туловища.

Стр. 17. *«Песни перед восходом солнца»* (1871) – сборник стихов английского поэта Элджернона Суинберна (1837–1909).

Стр. 20. *Аскот* – деревня в графстве Беркшир, недалеко от Виндзора; с 1711 г. место традиционных ежегодных скачек.

МАЙОР БАРБАРА

Написана в 1905 г.

Темой «Майора Барбары» стали Армия спасения и преступность нищеты. Продолжая пересмотр своих прежних идейных позиций, Шоу на новой основе возвращается здесь к проблематике «неприятных пьес». Драматург еще раз подчеркивает, что торговля людьми, в любом смысле этого понятия, является основой буржуазного мира. Центром пьесы Шоу делает Эндру Андершафта, могущественного пушечного короля, изворотливого и ловкого. Безграничны возможности и власть Андершафта, он вездесущ, в его руках находятся практически парламент, финансы, внутренняя и внешняя политика. Андершафт отлично знает цену и своему правительству, и парламентской «говорильне», и политиканам-дилетантам. Знает он цену и буржуазной благотворительности, когда, по иронии судьбы, ему приходится жертвовать, «во имя спасения своей души», крупные суммы в фонд Армии спасения. Филантропия и Андершафт! Странное на первый взгляд сочетание оказывается не таким уж странным при ближайшем рассмотрении: Барбара, дочь Андершафта и его идейный антагонист, постепенно понимает, что воле отца подчиняются не только политики, но и моралисты, проповедующие гуманность и человеколюбие. Укрощая «злобу и горечь против богачей в сердцах бедняков», они тем самым укрепляют позиции Андершафта и его единомышленников.

Барбара переживает трагедию «узнавания», в ее внутреннем мире происходит переворот, жизнь разрушает все ее иллюзии и заставляет постичь свою причастность к преступлениям Андершафта. Но «парадоксальный» Шоу и здесь остается верен себе: начав с разрыва с отцом, Барбара кончает примирением с ним. Свою благотворительную деятельность она возобновляет на фабрике Андершафта, так как на великолепно организованном предприятии отца имеются все условия для «спасения душ». Барбара проходит разные стадии познания окру-

жающего ее мира: от наивной веры в справедливость дела, которому она посвящает себя, к разочарованию, а от него — к драматическому прозрению и... мирному возвращению на «круги своя», на фабрику Андершафта.

Филантропы из Армии спасения предстают в пьесе со всеми атрибутами их человеколюбивой деятельности: барабанами, тромбонами, гимнами, бесплатными похлебками. Армию спасения Шоу, можно сказать, писал почти с натуры: когда он выступал с речами в Ист-Энде и на перекрестках улиц, ему нередко приходилось, как отмечают его друзья и биографы, делить лучшие места с Армией спасения; Шоу подмечал особенности характера членов «филантропической армии», драматическую одаренность некоторых девушек, распевавших о муках «спасенных» женщин, живущих с мужьями-тиранами, и о безмерном счастье, которое овладело ими, «когда вместо ожидаемой взбучки они вдруг видели на преображенном челе супруга отсвет божественной благодати».[1] Рядом с членами Армии спасения Шоу ставит «спасаемых» — безработных и нищих, тех, кого нужда заставила прибегнуть к помощи филантропов, подчиниться воле Андершафтов и Боджеров.

Заканчивая работу над пьесой, Шоу нередко писал письма актерам, будущим исполнителям ролей в «Майоре Барбаре», и в частности Луи Калверту, которому предстояло сыграть Эндру Андершафта: «Моя работа над новой пьесой продвигается шаг за шагом. Роль миллионера, владельца пушечного завода, становится все более внушительной. Получится вот что: смесь из Бродбента и Кигана, приправленная Мефистофелем! «Бизнес есть бизнес» покажется дешевой мелодрамой по сравнению с этой пьесой, а Ирвинг и Три поблекнут и будут выглядеть третьестепенными актерами, когда Калверт выйдет на сцену в роли Эндру Андершафта. Это будет просто грандиозно!.. [Роль] очень большая, монологов в ней — дюжины, и они намного длиннее кигановских; их исполнение требует разнообразных оттенков. Андершафт чертовски хитер, вежлив, выдержан, силен, важен, вместе с тем забавен и интересен. Из его отходов можно было бы выкроить по крайней мере десяток Гамлетов и полдюжины Отелло...»[2]

В лице Андершафта Шоу изобразил типичного представителя английской буржуазии, которую цивилизованный мир заклеймил «эпиграммой, пришпиленной к этому классу, что он угодлив по отношению к стоящим выше и деспотичен к стоящим ниже».[3] Эту мораль своего класса Андершафт старается привить рабочим. Шоу показывает цинизм капиталиста Андершафта, девизом которого являются слова: «Без стыда». «В моей морали, в моей религии, — заявляет он, — должно быть место пушкам и торпедам».

Своих положительных героев Шоу сделал слабее Андершафта. Как положительный образ задумана Барбара: она полна гуманности и сочувствия к простым людям. Однако, воспитанная в духе религиозной морали, она оказывается бессильной и не может найти действенных средств для облегчения положения страдающих и обездоленных. Как убедительно показывает Шоу, путь буржуазной филантропии не приводит ни к чему. Кто же раскроет Барбаре и Казенсу глаза на тщетность их попыток и бесплодность избранных ими средств? И снова парадокс: Казенс и Барбара приходят к пониманию

[1] Пирсон Х. Бернард Шоу. М., 1972, с. 214.
[2] Шоу Б. О драме и театре. М., 1963, с. 475.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, 1938, с. 321.

своих задач благодаря Андершафту – откровенному проповеднику того, что в мире все можно сделать, пользуясь силой. «Научитесь говорить: «Так будет» вместо: «Так должно быть». «Идите делать со мною взрывчатые вещества,– призывает Андершафт Барбару и Казенса.– Тот, кто умеет взрывать на воздух людей, сумеет взорвать на воздух и общество. История мира есть история тех, у кого было достаточно храбрости, чтобы не убояться этой истины». Парадоксально то, что у Шоу эти слова произносит капиталист Андершафт. Впрочем, слова Андершафта, несомненно, имеют и другой смысл: если буржуазия утверждает свое господство посредством силы, то почему бы не применить тот же самый метод для свержения ее. Получается, что сам капиталист учит, как нужно бороться против него, и фантазии драматурга было угодно представить ситуацию, в которой капиталист высказывает революционные мысли. Это парадокс, типичный для Шоу. Как бы то ни было, но Шоу в «Майоре Барбаре» приходит к мысли о необходимости переустройства общества на новых основаниях. Это было теснейшим образом связано с тем, что уже до первой мировой войны Шоу утрачивает веру в буржуазный парламентаризм, отсюда и его убийственная характеристика английского парламента, данная в пьесе: «Попробуй выпустить шестьсот семьдесят полоумных на улицу, и три полисмена смогут разогнать их. Но посади их в одно из зданий Вестминстера, позволь им проделать разные церемонии и надавать себе разных званий, они соберутся с духом и начнут убивать; тогда эти шестьсот семьдесят полоумных станут правительством».

Шоу, несомненно, уплатил дань фабианству, представив в качестве наиболее положительного героя буржуазного интеллигента Казенса. И уж конечно, совсем неправдоподобно, чтобы капиталист сделал своим наследником человека, который, как он знает, собирается использовать полученное им богатство для борьбы против капитализма. Но Шоу меньше всего заботился здесь о правдоподобии. Он считал, что чем парадоксальнее ситуации, тем скорее привлекут к себе читателя и зрителя мысли, утверждаемые им в пьесе.

При всех противоречиях, сказавшихся в пьесе «Майор Барбара», которую нередко называют «драмой неразрешенных вопросов», именно здесь Шоу-борец, Шоу-ниспровергатель оказался сильнее Шоу-фабианца.

Пьеса опубликована в 1907 г. Первоначальное название – «Профессия Эндру Андершафта». Впервые поставлена в Лондоне антрепризой Ведрена и Гренвилл-Баркера (режиссер – Харли Гренвилл-Баркер) в театре «Ройал Корт» 28 ноября 1905 г. Пьеса прошла шесть раз на утренниках. Биограф Шоу Хескет Пирсон отмечал, что в день премьеры «одна из лож была заполнена одетыми в форму членами Армии спасения, которые до того не переступали порога театра». «Первые два акта – по свидетельству того же Пирсона – принимались под бешеные аплодисменты, и во втором антракте собрат Шоу по перу драматург Альфред Сетро, встретив его в фойе, поздравил с шедевром.

– Если последний акт так же хорош, как первые... – продолжал Сетро.

– Последний акт длится час, и там одни разговоры,– прервал его Шоу,– ничего, кроме разговоров.

У Сетро вытянулось лицо.

– Да не волнуйтесь же,– добавил Шоу, ободряюще похлопывая его по плечу.– Вот увидите, и не такое съедят!

Но, проглотив, публика не смогла переварить стряпню Шоу и, покидая театр, задавалась вопросом, искупает ли мелодрама во втором акте чудовищное глубокомыслие и длину последнего действия. По свидетельству Шоу, «в последнем акте публика потому выходила из себя, что Андершафт недостаточно овладел ролью, чтобы заинтересовать зрителей». Все же, как говорил Чарлз Фромэн, «Шоу умница: его герой непременно получает в конце свою девушку».[1]

Впоследствии «Майора Барбару» ставили в Лондоне в театрах «Корт» (1906), «Эвримен» (1921, 1923), «Уиндэмз» (1929, в роли Барбары — Сибил Торндайк), «Олд Вик» (1935), «Вестминстер» (1939), «Артс» (1948), «Бедфорд» (1949).

Фильм «Майор Барбара» был поставлен режиссером Габриэлем Паскалем на киностудии «Дэнем» в 1940—1941 гг. Среди исполнителей ролей: Венди Хилер (Барбара), Рекс Харисон (Казенс), Сибил Торндайк (миссис Бейнс).

Пьеса издавалась на русском языке: 1911, под названием «Солдат из Армии спасения»; Собр. соч. Шоу в 9-ти т., т. 6. М. (переводчик не указан); 1934, с подзаголовком «Порох и деньги», русский текст Е. Танка и В. Трахтенберга, Л.—М., Цедрам, 1934.

Стр. 25 *Шопенгауэр, Артур* (1788—1860) — немецкий философ-идеалист.

Ницше, Фридрих (1844—1900) — немецкий философ, популярный в конце XIX— начале XX в. Книга «По ту сторону добра и зла» опубликована в 1886 г.

Ибсен, Генрик (1828—1906) — норвежский драматург.

Стриндберг, Юхан Август (1849—1912) — шведский писатель, драматург, театральный деятель.

Ливер, Чарлз Джеймс (1806—1872) — ирландский писатель. Большинство романов Ливера посвящено жизни военных и аристократов в Дублине. Его первый роман «Исповедь Гарри Лорекера» опубликован в 1837 г.; «Ирландский драгун Чарлз О'Малей» — в 1840-м, «Однодневная поездка: роман жизни» — в 1863-м.

«Домашнее чтение» — литературно-художественный журнал, издаваемый Диккенсом в 1850—1859 гг. В нем, помимо самого Диккенса, печатались такие видные писатели, как Булвер-Литтон, Уилки Колинз, Элизабет Гаскел.

...я видел заглавие в таушницевском каталоге.— Таушниц, Христиан Бернгард фон (1816—1895)— основатель издательской фирмы «Бернгард Таушниц», которая особенно известна своим изданием «Собрание сочинений английских авторов» (на английском языке), начатым в 1841 г. Кроме того, фирма издала ряд крупных юридических сочинений, словарей, греческих и римских авторов.

Стр. 26. *Стендаль* (псевдоним Анри Бейля, 1783—1842) — французский писатель.

Поццо ди-Борго, Карл-Андрей (1764—1842) — русский дипломат, родом с Корсики, где служил адвокатом. Сторонник отделения Корсики от Франции. Вследствие ненависти, которую к нему питали сторонники Бонапарта, должен был покинуть родину. В 1803 г. поступил на русскую службу, был русским посланником в Париже.

Альнашар — персонаж из сказок «Тысяча и одна ночь».

Симон Таппертит — персонаж из романа Диккенса «Барнаби Радж» (1841).

Аристофан (ок. 446—385 до н. э.) — древнегреческий драматург, «отец комедии».

---

[1] Пирсон Х. Бернард Шоу, с. 215—216.

Стивенсон, Роберт Льюис (1850—1894) — английский писатель, литературный критик, публицист.
Хогарт, Уильям (1697—1764) — выдающийся английский живописец, график и теоретик искусства.
Бедлам — первоначально больница Марии Вифлеемской (Вифлеем — город в Иудее), затем больница для душевнобольных в Лондоне.
Пистоль — персонаж пьес Шекспира «Генрих IV», «Генрих V» и «Виндзорские насмешницы».
Пароль — персонаж из пьесы Шекспира «Все хорошо, что хорошо кончается».

Стр. 27. *Шопенгауэр написал желчное эссе...* — Согласно мировоззрению Шопенгауэра, глубоко пессимистичному по своей сути, мужчина несет в себе созидательное начало, женщина — разрушительное.

Стр. 29. *Нагорная проповедь* — проповедь Иисуса Христа о «блаженствах», то есть качествах души, в которых выражена сущность новозаветного закона в отличие от ветхозаветного; проповедь полнейшего духовного смирения и самоуничижения в противоположность эгоизму и самовозношению древности.
Бокль, Генри Томас (1821—1862) — английский историк и социолог-позитивист. Главный труд Бокля — двухтомная «История цивилизации в Англии» (1857—1861).

Стр. 30. *...умные личности производят на свет законченные и оригинальные космогонические теории партеногенетическим путем...* — Партеногенез (биол.) — вид полового размножения, при котором половая клетка развивается без оплодотворения; естественный партеногенез характерен для развития многих беспозвоночных животных, а также некоторых низших и высших растений.

Стр. 32. *Святой Франциск* — Франциск Ассизский (наст. имя Джованни Бернардоне, 1181 или 1182—1226) — религиозный деятель, основатель католического монашеского ордена францисканцев. Проповедовал покаяние и бедность. В 1228 г. был канонизирован папой римским Григорием IX.

Стр. 34. *Кантовский императив* (категорический императив) — философский термин, обозначающий нравственный закон в этике Канта.
Лазарь — по евангельской притче, беспомощный бедняк, лежавший у ворот бессердечного богача.
Фруассар, Жан (ок. 1337—после 1404) — французский хронист и поэт, вошел в историю как историк и певец рыцарства.

Стр. 35. *Раскин, Джон* (1819—1900) — английский писатель, критик и художник. Считал возможным преодоление уродств буржуазного общества путем художественного и нравственного воспитания человека в духе «религии красоты».
Моррис, Уильям (1834—1896) — английский писатель, художник и общественный деятель. Критиковал капиталистическое общество за его враждебный искусству и творчеству характер; принимал активное участие в английском социалистическом движении конца XIX в.
Кропоткин, Петр Алексеевич (1842—1921) — русский революционер, публицист, социолог, историк.

Стр. 36. *«Илластрейтед Лондон Ньюс»* — ежемесячный иллюстрированный журнал консервативного направления; печатает материалы о текущих внутренних и международных событиях, статьи по археологии, искусству, этнографии, социологии. Основан в 1842 г., существует по сегодняшний день.

...и келмзкотовским изданием Чосера... – Келмзкот («Келмзкот пресс») – частная типография. Основана в 1890 г. писателем и художником У. Моррисом с целью возрождения печатного дела как искусства; ее издания оказали значительное влияние на английскую полиграфию того времени. Название типографии – по названию особняка У. Морриса в Лондоне – «Келмзкот-хаус».

«Друри-Лейн» – английский драматический театр; построен в Лондоне в 1663 г. Томасом Килигру. Наряду с классическими и лучшими произведениями современной драматургии, в «Друри-Лейне» ставились также пантомимы и мелодрамы.

Стр. 37. *...вы... блуждаете в искусственной дарвинистской тюрьме.* – Дарвин, Чарлз Роберт (1809–1882) – английский естествоиспытатель, основоположник эволюционного учения о происхождении видов животных и растений путем естественного отбора.

Армия спасения – реакционная религиозно-филантропическая организация, основанная в Лондоне в 1865 г. методистским священником Уильямом Бутом (1829–1912).

Еврипид (ок. 480–406 до н. э.) – древнегреческий драматург.

Ламанш (Английский канал) – пролив между южным берегом Англии и северным берегом Франции, соединяет Северное море с Атлантическим океаном.

Батлер, Сэмюэл (1835–1902) – английский писатель. Известность имя Батлера получило после смерти писателя, когда был опубликован его реалистический роман «Путь всякой плоти» (1903), изобличающий фальшь буржуазных семейных отношений, эгоизм и лицемерие богобоязненного семьянина. Батлер изучал творчество Гомера, переводил на английский язык его произведения; ему также принадлежит гипотеза о том, что «Одиссея» была создана в Сицилии. Видимо, поэтому сицилийцы увековечили память Сэмюэла Батлера, назвав его именем одну из улиц. Автором трагикомической поэмы «Гудибрас» является английский поэт-сатирик XVII века Сэмюэл Батлер (1612–1680).

Лаодикианизм – равнодушие к вопросам религии и политики. Термин возник от названия древнеримского города Лаодикии (в Большой Фригии), жители которого славились безразличием к событиям внешнего мира.

Стр. 38. *Мюссе, Альфред де* (1810–1857) – французский писатель и поэт.

Санд, Жорж (псевдоним Авроры Дюпен, в замужестве Дюдеван; 1804–1876) – французская писательница.

Лодж, Оливер (1851–1940) – английский физик. После 1910 г. занимался исследованиями в области психики; автор ряда работ в этой области.

Койт, Стэнтон (1857–1944) – американский публицист; занимался в основном вопросами этики. В течение многих лет жил и работал в Лондоне, где возглавил первое Британское этическое общество. Издавал международный журнал по вопросам этики, способствовал организации и развитию английских этических обществ.

Стэд, Уильям Томас (1849–1912) – английский журналист; вначале сотрудник, затем редактор «Пэл-Мэл Газет», на страницах которой часто выступал по вопросам общественных и политических движений; основатель ежемесячника «Обзор обзоров». Занимался также исследованиями в области психики.

Стр. 39. *Вестминстерское аббатство* (собор св. Петра в Лондоне) – место коронования английских королей, а также погребения королей, государственных деятелей и выдающихся людей Англии.

Стр. 41. *...обнаружит на другом конце профессию миссис Уоррен.* — Имеется в виду профессия героини пьесы Шоу «Профессия миссис Уоррен» (1893—1894), содержательницы публичных домов.

Худ, Томас (1799—1845) — английский литератор. В редактируемых им периодических изданиях публиковал и собственные произведения, преимущественно юмористические. Среди серьезных произведений Т. Худа поэма «Песнь о рубашке» (1843), в которой рассказывается о тяжелой жизни швеи.

Стр. 42. *Генерал Бут* — см. примеч. к с. 37.

Вольтер (псевдоним Мари Франсуа Аруэ, 1694—1778) — французский писатель, философ, историк.

Руссо, Жан-Жак (1712—1778) — французский писатель, философ, композитор.

Энциклопедисты — французские просветители, участвовавшие в создании «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел», 35 томов которой вышло во Франции в 1751—1780 гг. Главным редактором и наиболее плодовитым автором «Энциклопедии» был Дидро. Почти все крупные представители просветительской мысли Франции были привлечены к участию в «Энциклопедии»: Вольтер, Гольбах, Гельвеций, Руссо и др. Вынужденные в условиях цензурного гнета прибегать к маскировке своих взглядов, энциклопедисты все же сумели с достаточной ясностью выразить свое отрицательное отношение к феодально-абсолютистскому обществу и господствующей в нем идеологии. «Энциклопедия» сыграла огромную роль в идеологической борьбе против феодализма, абсолютизма и клерикализма, в идейной подготовке Великой французской революции.

«Общественный договор» — имеется в виду трактат Руссо «Об общественном договоре» (1762), в котором выражены принципы народного суверенитета, исконное право народа свергать тиранические режимы, разработана структура демократической республики, основанная на всеобщем равенстве.

...ревностные филантропы попустительствовали сентябрьским убийствам. — Имеются в виду события третьего этапа Великой французской революции (2 июня 1793—27/28 июля 1794), когда войска интервентов вторгались во Францию с севера, востока и юга и контрреволюционные мятежи охватили весь северо-запад страны. Выступление плебейских масс Парижа 4—5 сентября 1793 г. заставило Конвент в ответ на террористические акты контрреволюции (убийство Марата, вождя лионских якобинцев Ж. Шалье и др.) поставить революционный террор в порядок дня, расширив политику репрессий против врагов революции и против спекулянтских элементов.

Утилитаристы — сторонники буржуазной этической теории, утверждающей, что полезность поступка является критерием его нравственности. Эта теория получила широкое распространение в Англии XIX в. и отразила умонастроения некоторых слоев английской либеральной буржуазии.

Христианские социалисты — сторонники христианского социализма, направления общественной мысли, стремящегося придать христианской религии социалистическую окраску и противостоящего научному социализму и рабочему революционному движению.

Фабианцы — члены английского «Фабианского общества», реформистской социалистической организации (названа по имени римского государственного деятеля Фабия Максима, или Кунктатора (Медлителя), созданной в 1884 г. Лидерами фабианцев были Б. Шоу, С. и Б. Уэбб. Используя в известной мере идеи Маркса, фабианцы в основном

опирались на Дж. С. Милля и С. Джевонса, сторонников эволюционного реформистского пути установления социализма.

Бентам, Иеремия (1748—1832) — английский социолог, юрист, родоначальник одного из направлений английской философии — утилитаризма. В основе этики Бентама лежит «принцип пользы», согласно которому действия людей, их отношения должны получать моральную оценку по приносимой ими пользе.

Милль, Джон Стюарт (1806—1873) — английский философ-позитивист, экономист и общественный деятель. В 1865—1868 гг. член палаты общин, где поддерживал либеральные и демократические реформы. Осуждая пороки капиталистического строя, Милль стоял на позициях буржуазного реформизма.

Карлейль, Томас (1795—1881) — английский писатель, публицист, историк, философ. Карлейль утверждал, что историю создают не массы, а отдельные великие люди. За аристократическим, романтическим культом героев скрывался, по выражению Маркса и Энгельса, «апофеоз буржуа как личности».

Джордж, Генри (1839—1897) — американский экономист, публицист, буржуазный радикал, распространявший среди рабочих буржуазно-реформистские взгляды.

Синклер, Эптон (1878—1968) — американский писатель. Имеется в виду роман Э. Синклера «Джунгли», печатавшийся в конце 1905 г. в социалистическом еженедельнике «Призыв к разуму»; в нем показаны ужасы рабского труда на скотобойнях Чикаго.

Стр. 43. *Мор, Томас* (1478—1535) — английский историк-гуманист, писатель, общественный деятель. В 1529 г. достиг высшего в тюдоровской Англии поста — стал лордом-канцлером Англии. Разногласия с королем Генрихом VIII по вопросам церковной политики привели к отставке Мора в 1532 г. Три года спустя он был заключен в Тауэр и обезглавлен. Самое значительное в литературном наследии Мора — «Золотая книжечка о наилучшем устройстве государства, или О новом острове Утопия» (1516).

Монтень, Мишель де (1533—1592) — французский философ и писатель.

Мольер (псевдоним Жана Батиста Поклена, 1622—1673) — французский драматург, актер, театральный деятель.

Бомарше, Пьер Огюстен Карон де (1732—1799) — французский драматург.

Свифт, Джонатан (1667—1745) — английский писатель-сатирик.

Гете, Иоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий поэт и мыслитель.

Христианин подобен диккенсовскому врачу в долговой тюрьме. — Имеется в виду персонаж романа Диккенса «Крошка Доррит» (1855—1857), доктор, заключенный в долговую тюрьму Маршалси.

Стр. 44. *Св. Уильям Бут* — см. примеч. к с. 37 (Шоу именует его святым иронически).

Моисей — согласно библейскому преданию, предводитель израильских племен (XIII в. до н. э.), призванный богом Яхве спасти израильские племена от рабства фараона. Моисею приписывается Пятикнижие, или Тора (в действительности она относится к более позднему времени, к IX—VII вв. до н. э.).

Книга Бытия — первая книга Пятикнижия.

Иефай — один из известнейших израильских судей. Согласно Книге Судей, он был провозглашен вождем в борьбе с аммонитянами, встал во главе собравшегося ополчения и наголову разбил врага. С этой победой связывается рассказ о данной им перед походом

клятве, жертвою которой стала его единственная дочь,— он должен был предать ее сожжению.

Дагон — языческое божество, почитаемое то как первый законодатель и носитель культуры, то как герой. Особенным почитанием Дагон пользовался у филистимлян и финикийцев.

Хамос — национальное божество моавитян и аммонитян, почитаемое как божество солнца.

...Подобно фридриховскому гренадеру... — Имеются в виду гренадерские полки Фридриха Вильгельма III (1770—1840), прусского короля в 1797—1840 гг.

Стр. 47. *Гюго, Виктор Мари* (1802—1885) — французский писатель. Речь идет о романе Гюго «Отверженные» (1862).

Стр. 48. *Капитан Кидд* — имеется в виду Уильям Кидд (1645—1701), британский пират, живший в Америке. Посланный для борьбы с французскими пиратами в Вест-Индии, Уильям Кидд сам был арестован за пиратство и казнен.

Стр. 49. *Олд Бейли* — центральный уголовный суд в Лондоне.

Стр. 50. *Когда американцы отказались остановиться в гостинице одновременно с русским гением, который женился вторично без санкции Южной Дакоты.* — Имеется в виду поездка в Америку в 1906 г. А. М. Горького и М. Ф. Андреевой. За участие в московском Декабрьском вооруженном восстании Горькому угрожали репрессии. Партия решила направить его в заграничную поездку. В своих выступлениях в Америке Горький рассказывал правду о ходе русской революции, призывал помогать ей. Американская пресса начала травлю Горького, добиваясь, чтобы он покинул США. Желая помешать революционным выступлениям писателя, буржуазная пресса возмутилась тем, что он приехал в Америку со своей невенчанной женой. В письме к Л. Б. Красину Горький так сообщал о своем приезде в Америку: «Встретили меня здесь очень торжественно и шумно. Газета «Уорлд» поместила статью, в коей доказывала, что я, во-первых,— двоеженец, во-вторых,— анархист... Все шарахнулись в сторону от меня. Из трех отелей выгнали... В газетах начали говорить о необходимости выслать меня из Америки» (Горький М. Собр. соч. в 30-ти т. М., 1949—1955. Т. 28, с. 416—419).

Тетцель, Иоганн (ок. 1465—1519) — доминиканский монах, эмиссар архиепископа Альбрехта Майнцского по продаже индульгенций (с 1516 г.). Его циничные проповеди в Ютербоге (Средняя Германия) послужили непосредственным поводом для выступления Мартина Лютера с 95 тезисами против индульгенций (1517).

Стр. 53. *Ирод I Великий* (ок. 73—4 до н. э.) — царь Иудеи с 40 г. до н. э., отличался жестоким подавлением народных движений. Мнительный и властолюбивый, он беспощадно уничтожал всех, в ком видел соперников, в том числе членов своей семьи. В христианской мифологии ему приписывается повеление уничтожить всех младенцев при известии о рождении Христа («избиение младенцев»). Все это сделало имя Ирода I нарицательным для обозначения злодея.

...эпизод, о котором... он читал всегда с глубочайшим удовлетворением... — 5 октября 1795 г. (13 вандемьера) Наполеон впервые применил артиллерию на улицах Парижа, разгромил роялистских мятежников, восставших против термидорианского Конвента.

Стр. 54. *Бобриков, Николай Иванович* (1839—1904) — генерал-адъютант и государственный деятель, с 1898 г.— финляндский генерал-губернатор. Известен своими жестокостями в Финляндии, которую он стре-

мился русифицировать. 3 июня 1904 г. был убит финским террористом Евгением Шауманом.

Плеве, Вячеслав Константинович (1846—1904) — русский государственный деятель, с 1899 г. — министр, статс-секретарь по делам Финляндии. В апреле 1902 г. назначен министром внутренних дел и шефом жандармов; проводил крайне реакционную политику, широко применял репрессии. Убит эсером Е. С. Созоновым летом 1904 г.

...великого князя Сергея... — Сергей Александрович Романов (1857—1905) — русский великий князь, четвертый сын императора Александра II; с 1891 г. — московский генерал-губернатор, одновременно с 1896 г. — командующий войсками московского военного округа. Оказывал большое влияние на Николая II в вопросах внутренней политики и пользовался его расположением. Деятельность Сергея Александровича в Москве была ознаменована кровавой катастрофой во время коронационных торжеств 1896 г. (Ходынка), массовыми арестами революционеров, гонениями на легальные общественные организации и печать, высылкой евреев и т. п. Убийство великого князя Сергея Александровича было наиболее громким террористическим актом, предпринятым боевой организацией эсеров в ответ на Кровавое воскресенье. Осуществить приговор поручили члену боевой организации Ивану Каляеву. 4 февраля великий князь был убит в Кремле взрывом бомбы, брошенной Каляевым в его карету. Чудом оставшийся в живых, революционер был приговорен к смертной казни и повешен.

Равальяк, Франсуа (1578—1610) — католик-фанатик, убийца Генриха IV, короля Франции. Когда разнесся слух, что Генрих IV выступает в поход против папы, чтобы низложить его, Равальяк решил, что убийство короля будет жертвой, угодной богу и католической церкви. По приговору парламента Равальяк был подвергнут пытке и казнен на Гревской площади.

Дамиен, Роберт Франсуа (1715—1757) — политический фанатик; неудачно покушался на жизнь короля Людовика XV, за что был предан варварской казни на Гревской площади.

Стр. 56. *Магомет* (Мухаммед, ок. 570—632) — религиозный проповедник и политический деятель, основатель ислама.

...ирландские католические организации (католические ложи Ленты) — тайное католическое общество, созданное на севере и северо-западе Ирландии в начале XIX в. с целью сопротивления протестантскому влиянию; знак общества — зеленая лента.

Стр. 58. *...научился обращаться любой русский гренадер в Маньчжурии.* — Вероятно, имеются в виду события русско-японской войны 1904—1905 гг., главные бои которой развернулись в Маньчжурии.

Стр. 60. *Каин* — согласно библейскому мифу, старший сын Адама и Евы, земледелец. Убил из зависти брата, «пастыря овец» Авеля, за то, что дары его были приняты богом Яхве, отвергшим дары Каина. Проклят за братоубийство богом и отмечен особым знаком («Каинова печать»).

Стр. 61. *Мюррей, Джордж Гилберт Эме* (1866—1957) — английский ученый, переводчик. В 1908—1936 гг. профессор кафедры греческого языка в Оксфорде. Известен переводами греческих драматургов и трудами по греческой литературе.

Стр. 62. *Уилтон-кресент* — фешенебельный пригород Лондона.

Стр. 63. *Харроу* — одна из девяти старейших престижных мужских привилегированных средних школ Англии; учащиеся — преимущест-

венно дети аристократов, крупных бизнесменов, чиновников и т. п.; плата за обучение очень высокая; находится в пригороде Лондона, основана в 1571 г. (более семисот учащихся).
Кембридж (Кембриджский университет) – один из крупнейших и старейших в стране; имеет в своем составе восемнадцать мужских, пять женских и шесть смешанных самоуправляющихся колледжей, плата за обучение высокая, основан в начале XIII в. (одиннадцать тысяч студентов).
Ты был в Индии и Японии. – По окончании университета сыновья состоятельных англичан обычно совершали путешествие за границу, но нередко, вместо того чтобы продолжать там свое образование, предавались развлечениям весьма сомнительного характера, на что и намекает леди Бритомарт в следующей фразе.

Стр. 64. *Армия спасения* – см. примеч. к с. 37.
...что он родился в Австралии. – Стивен, получивший аристократическое образование и воспитание, относится с презрением к англичанам, родившимся в колониях и доминионах Британской империи.

Стр. 66. *Бисмарк, Отто Эдуард Леопольд фон Шенхаузен* (1815–1898) – германский государственный деятель, князь. С 1862 г. – министр-президент и министр иностранных дел Пруссии. Осуществил объединение Германии «сверху» на прусско-милитаристской основе. В 1871–1890 гг. – рейхсканцлер Германской империи, в которой господствующую роль играла Пруссия.
Дизраэли, Бенджамин, граф Биконсфилд (1804–1881) – английский государственный деятель и писатель, лидер консервативной партии. В 1868 и 1874–1880 гг. – премьер-министр; проводил экспансионистскую внешнюю политику.
Гладстон, Уильям Юарт (1809–1898) – английский государственный деятель, лидер либеральной партии. Неоднократно возглавлял английский кабинет министров.
«Таймс» – ежедневная газета консервативного направления; имеет широкую сеть собственных корреспондентов за рубежом. Тираж ок. 310 тыс. экз., издается в Лондоне, принадлежит газетному концерну «Томсон организейшн», основана в 1785 г.
Лорд-чемберлен – здесь: лорд-камергер, управляющий двором короля.

Стр. 67. *Яков Первый* – английский король (1566–1625), царствовал в 1603–1625 гг.

Стр. 68. *Антонины* – императорская династия, правившая Римом с 96 по 192 г.

Стр. 69. *Бедфорд-сквер* – площадь одного из центральных районов Лондона, находится неподалеку от Британского музея.
Хемстед – северо-восточная часть Лондона.

Стр. 74. *Гомер, говоря об Автолике...* – Автолик в греческой мифологии – сын бога Гермеса. Гомер характеризует Автолика как хитрого и ловкого вора и разбойника («Одиссея», XIX, 394).

Стр. 79. *Вестхэмское убежище* – район богаделен и благотворительных учреждений в восточной части Лондона.
Майл-Энд – место в Лондоне, где в 1865 г. священник Уильям Бут провел религиозный митинг, положивший начало организации Армии спасения.
...я сам принадлежу к англиканской церкви... – Ломэкс подчеркивает этим, что Армия спасения не является организацией, непосредственно связанной с официальной религией, а скорее принадлежит к одному

из многочисленных в Англии типов сектантских организаций.

Стр. 80 *...«мира на земле...»* – Евангелие от Луки, II, 14 (На земле мир, в человеках благоговение).

«Что одному полезно, то для другого – яд». – Лукреций. «О природе вещей» (кн. IV, I, 638).

Стр. 81. *Кеннингтаун* – восточная часть Лондона, где расположены заводы, доки, железные дороги. Названа по имени английского государственного деятеля XIX в. Дж. Кеннинга.

«Вперед, о воины Христа» – слова из гимна Армии спасения.

Стр. 86. *Бронтер О'Брайен Прайс.* – Прайс был назван по имени одного из вождей чартистского движения Бронтера О'Брайена (1805–1864).

...отец у меня был чартист... – участник чартизма, революционного движения английского пролетариата в 30–50-х гг. XIX в., представлявшего собой «первое широкое, действительно массовое, политически оформленное пролетарски-революционное движение» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 305).

Стр. 87. *Ромола* – добродетельная героиня одноименного исторического романа (1863) английской писательницы Джордж Элиот (1819–1880). Как и имя Брайена, названного в честь известного чартиста, имя Ромолы приобретает характер горькой иронии, ибо обладатели этих громких имен – голодные и оборванные нищие, пускающиеся на всякие проделки, чтобы получить помощь от Армии спасения. Имя Rummy, уменьшительное от Romola, по звучанию вызывает ассоциацию со словом rum – «подозрительный», а также «ром».

Стр. 102. *Катехизис* – краткое изложение Священного писания в форме вопросов и ответов.

Стр. 103. *Дионис* (греч. миф.) – сын Зевса, бог вина и плодородия, в честь Диониса устраивались театральные празднества.

...посылают его на улицу барабанить дифирамбы. – Дифирамбы – гимны, исполнявшиеся в честь Диониса.

Стр. 105. *Методисты* – приверженцы протестантской секты, образовавшейся в Англии в 30-х гг. XVIII в. Методизм был основан группой студентов-богословов Оксфордского университета во главе с братьями Уэсли и Джорджем Уитфилд. Методизм ставил себе целью строгое соблюдение внешнего благочестия, регламентацию частной жизни, а также проповедовал воздержание и умеренность, осуждая праздность и роскошь.

Кальвинизм – учение протестантской церкви, основателем которого был Жан Кальвин (1509–1594). Основа кальвинизма – учение о божественном предопределении одних людей к «спасению» и других – к «осуждению». Но это предопределение не исключало активной деятельности, поскольку, согласно Кальвину, верующий, хотя и не знает своей судьбы, своими успехами в личной жизни может доказать, что он «божий избранник».

Пресвитерианство – учение протестантской церкви; отвергает епископат; пресвитерианская церковь представляет собой совокупность самоуправляющихся общин, возглавляемых пресвитерами; церковь практически лишена обрядности, в храмах нет икон, богослужение сводится к проповеди и песнопению. С конца XVI в. – государственная религия Шотландии.

Колосс – статуя огромных размеров (например, статуя Аполлона – Колосс Родосский – около 120 футов высотой, созданная в 280 г. до н. э.).

Левиафан (библ.) – морское чудовище огромных размеров; в широком смысле – нечто огромное.

Стр. 106. *Святой Франциск* (1181–1226) – см. примеч. к с. 32. *Святой Симеон Столпник* (V в.) – религиозный деятель, проведший последние тридцать лет жизни на столпе вблизи Антиохии.

Стр. 108. *Макиавелли, Никколо ди Бернардо* (1469–1527) – итальянский политический деятель и писатель, автор политического трактата «Князь» и «Истории Флоренции». Макиавеллизм – политика, утверждающая диктатуру единоличного правителя в централизованном государстве, использующая любые средства для достижения цели.

Стр. 111. *Билл предлагает двадцать сребреников.* – Имеются в виду тридцать сребреников – цена, за которую, согласно евангельской легенде, Иуда Искариот предал Христа.

Стр. 112. *Я помню тысяча восемьсот восемьдесят шестой год...* – 1886 год отмечен подъемом стачечного движения в Англии. По всей стране проходили массовые митинги безработных, правительство посылало войска и полицию для подавления рабочего движения. *Пэл-Мэл* – улица в центральной части Лондона, на которой расположено несколько известных клубов (происходит от названия старинной игры в шары).

Стр. 117. *Труба сионская* – труба, которая, согласно Библии, якобы должна возвестить о приближении «конца мира» и «страшного суда». *Доницетти, Гаэтано* (1797–1848) – итальянский композитор, автор свыше шестидесяти опер.

Стр. 118. *Брошь в виде буквы S* – то есть первой буквы слова «salvation» (спасение).

Мои дукаты и моя дочь... – слова Шейлока (из пьесы Шекспира «Венецианский купец»), когда он узнает, что его дочь сбежала, забрав его деньги.

Стр. 120. *Локарт* – модная чайная в Лондоне, названа по имени владельца.

Пейн, Том (1737–1809) – американский публицист-просветитель, участник борьбы Америки за независимость, французской буржуазной революции XVIII в. и английского демократического движения 90-х гг. XVIII в.

Брэдло, Чарлз (1833–1891) – английский буржуазный политический деятель и публицист. В 1880 г. основал лигу свободомыслящих; проповедовал атеизм и республиканские идеи.

Стр. 122. *Князь тьмы* – сатана, дьявол.

Стр. 124. *«Спектэйтор»* – еженедельный журнал консервативного направления, освещает вопросы политики, экономики, а также литературы и искусства. Тираж ок. 15 тыс. экз., издается в Лондоне. Основан в 1828 г., существует до сих пор.

Стр. 126. *Бернардо, Томас Джон* (1845–1905) – английский филантроп, основатель и директор домов для бездомных детей.

Стр. 134. *Мидлсекс* – юго-восточная часть Англии, вошедшая в 1888 г. в состав лондонского графства.

Стр. 139. *Моррис, Уильям* – см. примеч. к с. 35.

Стр. 143. *...продавал пушки Наполеону под самым носом у Георга Третьего.* – В царствование короля Георга III (1760–1820) Англия вела войну против наполеоновской Франции.

Стр. 147. *Лига Подснежника* – основана в 1883 г. с целью оживления

деятельности консервативной партии. Названа так в память Дизраэли, любимым цветком которого был подснежник.

Ист-Энд – район Лондона, где ютится беднота.

Стр. 148. *Но посади их в известном здании Вестминстера...* – Имеется в виду английский парламент, здание которого расположено в Вестминстере (район Лондона).

Стр. 151. *Платон* (428/427–347 до н. э.) – древнегреческий философ-идеалист.

Стр. 154. *Эллада* – Греция.

«Республика» – сочинение Платона об устройстве утопического идеального государства в соответствии с интересами рабовладельцев.

Стр. 155. *Шуман, Роберт* (1810–1856) – немецкий композитор-романтик.

ВРАЧ ПЕРЕД ДИЛЕММОЙ

Написана в 1906 г. Впервые поставлена труппой Ведрена и Гренвилл-Баркера 20 ноября 1906 г. в театре «Ройал Корт».

Пьеса явилась ответом драматурга на полушутливое замечание английского журналиста, критика и театроведа Уильяма Арчера о том, что Шоу никогда не будет считаться великим мастером, покуда не создаст сцену смерти в какой-нибудь из своих пьес.

Как раз в эту пору Гренвилл-Баркер попросил Шоу написать новую пьесу для его труппы. Однажды в случайном разговоре с женой Шоу Шарлоттой Баркер упомянул о том, какие силы затрачивают врачи, спасая порой жизни совершенно никчемных людей: преступников, алкоголиков и т. д. Затронутая тема была, однако, слишком сложной и серьезной, чтобы разрешить ее в непродолжительной беседе. Когда жена Шоу передала мужу разговор с Баркером, драматург тотчас принялся за сочинение пьесы «Врач перед дилеммой».

После постановки пьесы сцену смерти художника Луи Дюбеда долго обсуждали в прессе, обвиняя Шоу в том, что он несерьезно относится к проблемам жизни и смерти. Свой ответ Шоу опубликовал в программе к спектаклю: «Жизнь не перестает быть забавной от того, что люди умирают, и не перестает быть серьезной от того, что они смеются», процитировав самого себя (см. наст. том, с. 278).

«К медикам и их труду Шоу, человек по натуре любознательный, присматривался всю жизнь с неослабевающим интересом, – отмечает Хескет Пирсон. – Шоу знал фальстафовское искусство извлекать пользу даже из болезни – во время своих приступов он изучал «докторское племя»: «У меня была слабость к непризнанным методам лечения. Как только я узнавал про что-нибудь «самое последнее», я тотчас же выставлял свою кандидатуру в качестве подопытного кролика. Моя известность делала из меня интересного пациента, но медицинского интереса мой случай не представлял. Что у меня? Изредка головная боль, а Гарли-стрит [1] и перед насморком пасует. Вылечить здорового человека – этим едва ли может гордиться врач, будь он ортодокс или трижды новатор. Но если мне и не с чем было поздравить врачей, упрекать мне их тоже не за что. Я собрал из первых рук столько сведений, сколько мне никто и никогда бы иначе не сообщил».[2]

---

[1] Улица в Лондоне, где практикуют знаменитые врачи.

[2] Пирсон Х. Бернард Шоу, с. 216–217.

Пьесу возобновляли в театрах «Сент-Джеймсиз» (1913), «Эвримен» (1921, 1923), «Кингсуэй» (1926), «Корт» (1930), «Вестминстер» (1939), «Хеймаркет» (1942).

В роли Дженифер Дюбеда выступали многие актрисы Англии, среди них Лила Макарти (1913), Гвен Фрэнгкон-Дэвис (1926), Вивьен Ли (1942; спектакль выдержал 474 представления подряд).

Премьера в Нью-Йорке состоялась 26 марта 1915 г. в театре «Уоллек».

Фильм «Врач перед дилеммой» был снят в 1958 г. на студии «Метрокалор филм» (сценарист Анатоль де Грюнвалд, режиссер Энтони Асквит).

На русском языке пьеса появилась впервые в 1909 г. (перевод В. Томашевского и М. Вейконе, Спб., журнал «Театр и искусство»). Под названием «Врачи» пьеса была поставлена в петербургском театре «Кривое зеркало» в 1916 г. (перевод и инсценировка Н. Н. Евреинова). Рецензия на спектакль была опубликована в журнале «Театр и искусство» (1916, № 52); ее автор, подписавшийся «Homo novus» (А. Р. Кугель), отмечал: «Бернар Шоу все чаще и чаще появляется в русском театре. Так, на днях прошла его пьеса «Врачи» на сцене «Кривое зеркало». «Врачи» гораздо тоньше других пьес Шоу и, пожалуй, глубже продуманы... Пьеса умна, остроумна и даже хорошо сделана, хотя и без настоящего конца. В «Кривом зеркале» пьеса Шоу шла без пятого акта, и это в интересах пьесы. Если читатели помнят, я неоднократно уже указывал, что Шоу, надерзив в первых актах, спешит в последнем загладить все неприятности, причиненные буржуа в первых актах. Так и во «Врачах» Шоу посвящает весь пятый акт на то, чтобы показать, что Дженифер, незаконная жена художника Дюбедата, после его смерти наизаконнейшим образом выходит замуж. Иначе был бы окончательно „шокинг"...» В 1975 г. пьеса под названием «Дилемма доктора» была опубликована в журнале «Иностранная литература» № 6 (перевод А. Майской).

Стр. 161. *Мольер видел докторов насквозь...* — имеется в виду горький личный опыт Мольера, почерпнутый в общении с врачами, и его размышления о современной ему медицине, нашедшие воплощение в ряде пьес («Дон Жуан», «Любовь-целительница», «Лекарь поневоле», «Мнимый больной»), в которых он изображал врачей знахарями-шарлатанами и схоластами, препятствующими поступательному движению науки.

У Наполеона не было на их счет никаких иллюзий... — В последние годы пребывания Наполеона на острове Св. Елены при нем некоторое время находился ирландский доктор О'Мира, игравший при случае роль соглядатая и доносивший губернатору о том, что творится в Лонгвуде, и доктор Антомарки, присланный семьей Наполеона из Европы, невежественный врач.

Стр. 166. *Эбернети, Джон* (1764—1831) — английский врач, хирург, автор работ по анатомии и физиологии. Большой популярностью пользовались его лекции по анатомии, физиологии, хирургии.

Вест-Энд — западная, аристократическая часть Лондона, где находятся основные исторические и архитектурные памятники, театры, парки, торговые улицы.

Стр. 167. *Галилей, Галилео* (1564—1642) — итальянский физик, механик и астроном, один из основателей естествознания, поэт, филолог и критик.

Бетховен, Людвиг ван (крещен 1770—1827) — немецкий композитор.

Гельмгольц, Герман Людвиг Фердинанд (1821—1894) — немецкий физик, математик, физиолог и психолог.

Олд Бейли — см. примеч. к с. 49.

Солон (между 640 и 635— ок. 559 до н. э.) — афинский политический деятель. Реформы Солона способствовали ускорению ликвидации пережитков родового строя и господства родовой аристократии, заложили основы афинской рабовладельческой демократии.

Стр. 168. *Дарвин* — см. примеч. к с. 37.

Стивенсон, Джордж (1781—1848) — английский конструктор и изобретатель, положивший начало развитию парового железнодорожного транспорта.

Стр. 169. *Фома Аквинский* (1225 или 1226—1274) — средневековый философ и теолог, систематизатор ортодоксальной схоластики; монах-доминиканец. В 1323 г. причислен к лику святых католической церкви, в 1567 г. признан одним из «учителей церкви».

Стр. 170. *Эдем* — в библейской мифологии земной рай, местопребывание Адама и Евы до «грехопадения». В переносном смысле — страна вечного блаженства и наслаждения.

Найтингейл, Флоренс (1820—1910) — английская сестра милосердия и общественный деятель. Во время Крымской войны 1853—1856 гг. с тридцатью восемью помощницами наладила полевое обслуживание раненых в английской армии, что резко сократило смертность в лазаретах. В 1860 г. организовала первую в мире школу медсестер в госпитале Сент-Томас (Лондон). В 1912 г. Лига Международного Красного Креста учредила медаль имени Найтингейл как высшую награду медсестрам, отличившимся при уходе за больными и ранеными.

Стр. 172. *«Корт-тиэтр»* — английский театр, был открыт для широкой публики в Лондоне в 1870 г. Период расцвета театра относится к 1904—1907 гг., когда им руководили Дж. Э. Ведрен и Х. Гренвилл-Баркер. В эти годы были осуществлены постановки, утверждавшие на английской сцене реалистический, социально значительный репертуар — от трагедий Еврипида до современных пьес Шоу, Голсуорси, Ибсена и др.

Стр. 174. *Пэджет, Джеймс* (1814—1899) — английский хирург, профессор и вице-канцлер Лондонского университета, лейб-хирург королевы Виктории. Большое внимание уделял патологоанатомическим исследованиям; автор ряда работ по вопросам патологической анатомии.

Фредерик, Гарольд (1856—1898) — американский писатель и журналист. Автор романов «Невестка Сета», «В долине», «Проклятие Зерона Уэйра». Социально-критические романы Фредерика отмечены чертами натурализма.

«Христианская наука» — религиозная система, включающая метафизический подход к лечению больных. Основана в 70-х гг. XIX в. Мэри Бейкер Эдди, базируется на толковании Библии. Согласно этой системе, здоровье человека зависит от того, насколько сильна его вера в бога.

Маартенс, Маартен (псевдоним Жуста Мариуса Уилема ван дер Пофтен Шварца; 1858—1915) — голландский писатель. В своих произведениях обращается в основном к зарубежному читателю; писал на английском языке.

Филдс, Льюк (1843—1927) — английский художник.

Стр. 176. *Ватерлоо* — см. след. примеч.

Веллингтон, Артур Уэлси (1769—1852) — английский полководец, государственный деятель, дипломат, фельдмаршал. В 1808—1813 гг. коман-

довал союзными войсками в войне против наполеоновской Франции на Пиренейском полуострове. В 1814 г. получил титул герцога. В 1815 г. Веллингтон — командующий англо-голландской союзной армией, вынесшей главную тяжесть в решающем сражении против Наполеона при Ватерлоо, где армия Наполеона была окончательно разгромлена английскими и прусскими войсками.

Стр. 181. *Сэндвичевы острова* — второе название Гавайских островов, самого крупного в Полинезии архипелага в центральной части Тихого океана; административный центр и главный порт — Гонолулу.

Магомет — см. примеч. к с. 56.

Конюшня в Вифании. — Шоу ошибается: Христос, согласно легенде, родился в Вифлееме.

Святой Януарий — согласно христианской легенде, великомученик, покровитель Неаполя. По преданию, был епископом беневентским в конце III в. и замучен при императоре Диоклетиане. Прах его позднее был перевезен в Неаполь. Здесь в особой капелле хранятся две склянки, содержащие, по народному верованию, кровь этого мученика. Эти реликвии показываются два раза в год, и тогда кровь в склянках закипает (чудо св. Януария). Если кипения не происходит, это считается дурным предзнаменованием для города и народа.

Стр. 183. *Райт, Элмрот Эдуард* (1861—1947) — английский патолог и бактериолог. Автор многочисленных работ по вопросам иммунитета.

...следуя одной из наиболее многообещающих мечниковских фантазий... — Мечников, Илья Ильич (1845—1916) — русский биолог и патолог, один из основоположников эволюционной эмбриологии, создатель сравнительной патологии воспаления и фагоцитарной теории иммунитета.

Стр. 185. *...заставляет вспомнить не только об арндтовском законе...* — Арндт — один из создателей закона Арндта-Шульца, согласно которому слабые раздражения возбуждают деятельность живых элементов, средние ее усиливают, сильные тормозят, очень сильные парализуют. В 1883 г. Арндт распространил положения закона Пфлюгера о влиянии на мышцу гальванического тока на все раздражения, придав этим положениям значение нового биологического закона. В 1887 г. Шульц высказал аналогичные положения по отношению к действию медикаментов на организм в зависимости от их дозы. Однако последующие исследования показали, что между силой раздражителя и ответной реакцией живой клетки существует сложная зависимость, не укладывающаяся в теорию Арндта-Шульца.

Ганеманн (Ханеманн), Самуэль (1755—1843) — немецкий врач, основатель гомеопатии. Выступал против кровопусканий, рвотных и других средств, которыми злоупотребляли врачи того времени. Большое значение придавал гигиене и диететике.

Стр. 185—186. *...пищеварение переименовали в метаболизм...* — Метаболизм (от греческого metabolikos — перемена, превращение) — совокупность химических реакций, протекающих в живых клетках и обеспечивающих организм веществами и энергией, необходимыми для его жизнедеятельности, роста, размножения. В наиболее употребительном значении термин означает обмен веществ и энергии; в более точном и узком смысле — промежуточный обмен, то есть превращение веществ внутри клеток с момента их поступления до образования конечных продуктов.

...«круговорот времен несет с собой отмщение». — Цитата из комедии Шекспира «Двенадцатая ночь» (акт V, сц. 1).

Стр. 186. *...по стопам флогистона...* — Флогистон (от греческого phlo-

gistós – воспламеняемый, горючий) – в представлении химиков XVIII в. гипотетическое начало горючести. Согласно учению о флогистоне, основоположником которого является немецкий врач и химик Г. Э. Шталь (1660–1734), все горючие вещества и неблагородные металлы состоят из флогистона, выделяемого при горении или обжиге, и золы. Несмотря на ошибочность, учение о флогистоне сыграло значительную роль в становлении химии как науки; оно впервые «обобщило множество реакций (окисления), и это было уже очень важным шагом в науке» (Менделеев Д. И. Избранные лекции по химии, 1968, с. 60). В конце XVIII в. гипотеза флогистона была опровергнута трудами Лавуазье.

Диоскорис, Педаний (I в.) – древнегреческий врач. Автор сочинения «О лекарствах» (70-е гг.), в котором дано систематическое описание всех известных в его время медикаментов растительного, животного и минерального происхождения. Описал яды органического происхождения.

Парацельс (псевдоним Филиппа Ауреола Теофраста Бомбаста фон Гогенгейма; 1493–1541) – врач эпохи Возрождения, «первый профессор химии от сотворения мира» (А. И. Герцен). Резко выступал против схоластической медицины, противопоставляя ей наблюдение и опыт. Считал, что все процессы, происходящие в организме, – химические процессы. Изучал лечебные действия различных химических элементов и их соединений, сблизив химию с медициной.

Стр. 187. *Гарли-стрит* – улица в Лондоне, на которой по традиции преимущественно селились врачи.

Стр. 189. *Клеопатра VII* (69–30 до н. э.) – египетская царица, последняя царица династии Птолемеев, дочь Птолемея XII, сестра, супруга и соправительница Птолемея XIII, с которым вела борьбу за власть. В 48 г. до н. э. была изгнана в Сирию, но через год после Александрийской войны возвратилась в Египет с помощью Юлия Цезаря. *Розамунда Белокурая* (ум. ок. 1176) – фаворитка английского короля Генриха II, дочь лорда Уолтера Клифорда; отличалась необыкновенной красотой. По преданию, была убита собственноручно королевой Элеонорой, женой Генриха II.

Стр. 196. *Как это говорит старый кардинал в пьесе Браунинга? «Я знавал дюжины две человек, называвших себя вождями восстания».* – Браунинг, Роберт (1812–1889) – английский поэт. Слова папского посла Огнибена из драмы Браунинга «Трагедия души» (1846).

Стр. 198. *Гарвей, Уильям* (1578–1657) – английский врач, физиолог и эмбриолог. Основатель не только учения о кровообращении, но и всей современной физиологии и эмбриологии. Описал малый (легочный) и большой круг кровообращения.

Стр. 203. *...а сама она останется гробом повапленным...* – Гроб повапленный (букв. окрашенный) – Евангелие от Матфея, гл. 23, стих 27: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь повапленным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты».

Стр. 207. *Ключ Пиэрид страшись мутить напрасно: Поверхностное знание опасно.* – Строки из поэмы английского поэта Александра Попа (1688–1744) «Опыт о критике» (1711). Пиэриды – музы, родиной которых была Пиэрия, у северного подножия Олимпа.

Стр. 221. *...в гостинице «Звезда и подвязка»...* – Название гостиницы – по названию ордена. Имеются в виду знаки ордена Подвязки,

высшего английского ордена, учрежденного королем Эдуардом III в 1350 г. в честь св. Георгия, покровителя Англии.

Стр. 223. *Тир и Сидон* — в древности финикийские города-государства на восточном побережье Средиземного моря, важные ремесленные и торговые центры, которые вели упорную борьбу между собой за гегемонию в Финикии. В X в. до н. э. под эгидой Тира образовалось объединенное Тиро-Сидонское царство, осуществлявшее гегемонию на всем побережье Финикии. С VIII в. до н. э. Тир и Сидон попали под власть Ассирии, со второй половины VI в. до н. э. — под власть персидской державы Ахеменидов. В эллинистический период Тир входил в состав государства Птолемеев, Селевкидов, в состав римской провинции Сирия. Сидон в эллинистическое и римское время — греко-финикийский город. В VII в. завоеван арабами.

Стр. 250. *Уэзли, Джон* (1703—1791) — английский священник, основатель методизма, одного из направлений в протестантизме, отделившегося от англиканской церкви.

Стр. 271. *Микеланджело Буонарротти* (1475—1564) — итальянский скульптор, живописец, архитектор и поэт.

Веласкес, Диего (1599—1660) — испанский живописец.

Рембрандт, Харменс ван Рейн (1606—1669) — голландский живописец, рисовальщик и офортист.

Стр. 274. *От лихорадки жизни отоспимся...* — Стихотворение представляет собою своего рода «коллаж» из слегка видоизмененных стихотворных строчек из разных произведений Шекспира. Сюда входят слова Макбета («Макбет», акт III, сц. 2; акт V, сц. 5), Просперо («Буря», акт IV, сц. 1), Гамлета («Гамлет», акт III, сц. 1).

Дотлевай, огарок!.. — Шекспир. «Макбет» (акт V, сц. 5). Перевод Ю. Корнеева.

Стр. 281. *Нет, ты его не должен убивать,*
Но не старайся и спасать... —

строчки из стихотворения английского поэта Артура Хью Клафа (1819—1861) «Последние десять заповедей».

ИНТЕРЛЮДИЯ В ТЕАТРЕ

Написана в 1907 г. по просьбе актрисы Уинифрид Эмери. Первое и единственное исполнение пьесы состоялось в Лондоне 28 января 1907 г. на открытии театра «Плейхаус». Роли исполняли Уинифрид Эмери и Сирил Мод.

Шоу не включал пьесу в собрание своих сочинений. «Интерлюдия в театре» была впервые опубликована в газете «Дейли Мейл» 29 января 1907 г., а затем в книге мемуаров Сирила Мода «За кулисами вместе с Сирилом Модом» (Лондон, 1928).

Стр. 289. *Земельный участок... упоминается в «Книге страшного суда» Вильгельма Завоевателя.* — Вильгельм I Завоеватель (1027 или 1028—1087) — с 1035 г. герцог Нормандии. Объявив себя наследником англо-саксонского короля Эдуарда Исповедника, Вильгельм I высадился в 1066 г. в Англии, разбил при Гастингсе войско англо-саксонского короля Гарольда и стал английским королем. В 1086 г. по его приказу была проведена земельная перепись, так называемая «Книга страшного суда», в результате которой многие свободные крестьяне были переведены в разряд крепостных.

Стр. 290. *Три, Герберт Дрейпер Бирбом* (1853—1917) — английский актер, антрепренер, режиссер. В 1888—1914 гг. поставил восемнадцать пьес Шекспира. В своих спектаклях продолжал традиции пышных постановок Ч. Кина и Г. Ирвинга, но стремился приспособить их ко вкусам современного зрителя.

«Корт-тиэтр» — см. примеч. к с. 172.

Королевская Академия искусств — основана в 1768 г. английским королем Георгом III для дальнейшего развития живописи и скульптуры.

Палата общин — нижняя палата парламента Великобритании.

Стр. 292. *«Друри-Лейн»* — см. примеч. к с. 36.

Стр. 293. *Живущие, чтоб нравиться другим.*
Должны, чтоб жить, прийтись по нраву им... —
из «Пролога при открытии «Друри-Лейна» Сэмюэла Джонсона (1709—1784), английского критика, лексикографа, эссеиста.

ВСТУПЛЕНИЕ В БРАК

Написана в 1908 г. Показана впервые в Лондоне труппой Ведрена и Гренвилл-Баркера в театре «Хеймаркет» 12 мая 1908 г. (последняя пьеса Шоу, поставленная антрепризой Ведрена и Гренвилл-Баркера). У публики имела весьма скромный успех.

Впоследствии ставилась в театрах «Эвримен» (1921, 1924), «Литтл» (1927, 1932), «Артс» (1945). Премьера в Нью-Йорке состоялась в «Бут тиэтр» 6 ноября 1916 г.

Пьеса (как и вскоре написанный Шоу «Неравный брак») представляет собой эксперимент с Аристотелевыми единствами, решающее значение которых Шоу неизменно защищал. «Вступление в брак» необычайно длинная пьеса, на час длиннее обычной трехактной нормы, но при этом в одном акте — ради единства действия и времени. С точки зрения структуры «Вступление в брак» представляет беседу, где персонажи высказывают самые разнообразные взгляды на брак. Драматург даже не пытается разделить пьесу внутренне на акты. Во время спектакля занавес опускался дважды, но лишь для того, чтобы дать зрителям возможность отдохнуть. В предисловии к первому изданию пьесы Шоу отмечал, что, создавая «Вступление в брак», вовсе не собирался демонстрировать, насколько виртуозно он владеет формой драматического диалога; просто форма беседы-дискуссии, подчеркивал Шоу, как нельзя более подходила для избранной темы.

Тема брака и семьи, как неоднократно подчеркивал Шоу, является чрезвычайно актуальной для XX века. Драматург писал, что она фактически неисчерпаема и не может уместиться в рамках пьесы. В предисловии к «Вступлению в брак» Шоу остановился на целом ряде вопросов, которые волновали его: доводы за и против женитьбы, социальный смысл брака, пережитки полового рабства, семья как основа любого разумно организованного общества, вопросы народонаселения и т. д. Многие проблемы, затронутые Шоу, остаются актуальными и сегодня, а точка зрения драматурга на семью и брак, как всегда неординарная и своеобычная, продолжает привлекать социологов и демографов.

Стр. 297. *Вавилонская башня* — согласно библейскому мифу, после всемирного потопа люди пытались построить в земле Сеннаар (Месопотамия) город и башню, вершина которой достигла бы небес. Разгне-

ванный дерзостью людей, бог смешал их языки так, что они перестали понимать друг друга. Недостроенный город получил название Вавилон.

Стр. 298. *...на манер Дандрери...* – Дандрери – персонаж из пьесы Тома Тэйлора (1817–1880) «Наш американский кузен» (1858). Пошловатый щеголь, образ которого стал знаменитым благодаря успешному исполнению этой роли английским актером Эдвардом Эскью Сазерном (1826–1881).

Стр. 305. *А где Бармекид?* – Бармекид – персонаж из сказок «Тысяча и одна ночь», мудрый визирь халифа Харуна аль-Рашида Джафар аль-Бармеки.

Стр. 320. *«Лишнего не говори: сделай дело и помри».* – Строки из стихотворения английского поэта Алфреда Теннисона (1809–1892) «Атака легкой кавалерийской бригады» (1855).

Стр. 321. *Что связал сам бог...* – Евангелие от Матфея, XIX, 6.

Стр. 331. *...в Дебрете и Барке.* – Имеются в виду справочники британских аристократических родов, дворянских степеней и титулов, впервые изданные в 1802 и 1826 гг. и с тех пор регулярно переиздаваемые.

Стр. 337. *...не улыбался, словно Чеширский кот...* – Чеширский кот – персонаж из знаменитой детской книги английского писателя Льюиса Кэррола (1832–1898) «Алиса в стране чудес» (1865), улыбающийся кот, обладающий способностью то исчезать, то появляться вновь.

Стр. 357. *Веньямин* – младший сын библейского патриарха Иакова; младший любимый сын.

Стр. 358. *...проклятие Иосифа, преследуемого женой Пентефрия* (Потифара). – Согласно библейской легенде, Иосиф, любимый сын патриарха Иакова, был продан старшими братьями измаильским купцам и перепродан ими в Египет царедворцу фараона Пентефрию, жена которого влюбилась в Иосифа и, не добившись ответного чувства, обвинила перед мужем в посягательстве на ее честь.
«...мало будет тех, кто обрящет его». – Евангелие от Матфея, VII, 14.

Стр. 367. *Аштарет* (Астарта) – богиня любви у древних финикиян. *Дурга* (или Кали) – божество индуистского пантеона, супруга бога Шивы.

Стр. 384. *Хогартов Распутник* – имеется в виду серия картин и гравюр английского художника У. Хогарта (1697–1764) «Карьера распутника».

Стр. 389. *«Боже, храни короля»* – английский национальный гимн. Предполагается, что слова и музыка гимна принадлежат английскому поэту и музыканту Генри Карею (1693? – 1743).

Стр. 391. *Сердца других, глаза и губы*
Тебе свою поверят страсть... –
стихи Алфреда Банна (1798–1860), английского антрепренера, написанные им для либретто оперы «Девушка из Богемии» (акт III).

Стр. 393. *Многие жертвы Чуда рыбной ловли...* – Евангелие от Луки, V, 1–10. Основная мысль эпизода заключена в словах Христа, обращенных к Симону-рыболову после необычайно богатого улова рыбы: «...отныне будешь ловить человеков».

РАЗОБЛАЧЕНИЕ БЛАНКО ПОСНЕТА

Написана в 1909 г. для актера Бирбома Три, который намеревался выступить в роли Бланко Поснета. Пьеса была запрещена лордом-камергером из-за богохульства, которое он в ней усмотрел.

Опубликована в Нью-Йорке в 1909 г., в Англии – в 1911-м.

Впервые поставлена Ирландским национальным театральным обществом в театре Аббатства (Дублин) 25 августа 1909 г. После премьеры в Дублине пьесу снова представили лорду-камергеру, который дал разрешение на постановку при условии, что слова о боге на сцене произнесены не будут.[1] Шоу так откомментировал это решение: «Грубость, распутство, проституция, жестокость, угарный юмор пропойц – все, на что проливает свет моя пьеса, со всего этого снят запрет; сам же свет погашен. Само собой разумеется, я не воспользовался таким разрешением и не намерен им воспользоваться».

В предисловии к пьесе Шоу обрушивался на английскую цензуру, обвиняя ее в лицемерии, пристрастном отношении к театру и драматургам, косности и нежелании вникать в суть рассматриваемого произведения. Для подтверждения справедливости своих обвинений Шоу подробно останавливался на истории цензуры в Англии, доказывая, что должность цензора была специально изобретена «британскими умами», чтобы охранять порядок в стране, не допускать проникновения на сцену свежей мысли и препятствовать прогрессу.

В Лондоне пьеса была показана театром «Эвримен» лишь 14 марта 1921 г. Впоследствии ставилась лондонскими театрами «Шепедз Буш Эмпайр» (1923), «Колизей» (1926), «Плейхаус» (1939), «Артс» (1951).

В России пьеса была впервые опубликована под названием «Пробуждение Бланко Поснет» (перевод О. Всеволодского) в шестом томе сочинений Шоу, изданном В. М. Саблиным в 1910 г. В том же году пьеса была включена в сборник произведений Шоу, изданный в Москве (предисловие и перевод Л. Никифорова). В России впервые поставлена в 1921 г. театром «Летучая мышь» под названием «Суд Линча» (Москва).

14 февраля 1910 г. Шоу отправил Л. Н. Толстому экземпляр пьесы, сопроводив его письмом следующего содержания:

---

[1] Особенно лорда-камергера шокировали слова Бланко о боге:

Бланко. И хитер же он! И ловок же! Он тебя стережет! Играет с тобой, как кошка с мышью. Выпустит тебя – ты и думаешь, что ушел от него; а потом, когда ты меньше всего ждешь, он тебя цап-царап!

Дэниелс. Будь осторожен в выражениях, Бланко, не кощунствуй!

Бланко *(вскакивает с места и подходит к нему)*. Не кощунствуй! Кто тебя научил ханжеству? Только не Библия. Там сказано, что он придет, яко тать в нощи, – как вор, как конокрад.

Дэниелс *(с негодованием)*. О!

Бланко *(не дает ему говорить)*. Да, да, и это сущая правда! Именно так он настиг меня и привел к виселице. Чтобы сбить с меня спесь, потому что я в нем не нуждался, – потому что я жил по-своему и знать не хотел никаких господних «не делай того-то», да «не поступай так-то», да «если будешь делать то-то, попадешь в ад». Я раскланялся с богом и отлично обходился без него...

«Дорогой Граф Толстой,

Посылаю Вам через нашего друга Эйлмера Мода[1] экземпляр небольшой пьесы под названием «The Shewing-Up of Blanco Posnet». «Shewing-up» на американском сленге[2] означает изобличение лицемера. По форме пьеса представляет собой очень жестокую мелодраму, которую можно сыграть даже в шахтерском поселке перед самой неотесанной публикой.

Как раз такого рода пьесы, да позволится мне сказать, превосходно удаются Вам. Во всей драматургии мне не вспомнить ничего, что пленило бы меня больше, чем старый солдат в Вашей «Power of Darkness»[3] (не знаю русского заглавия, но так называется пьеса у нас в Англии). Поразило меня в этой пьесе, в частности, то, что проповедь богобоязненного старика отца, как ни был он прав, оказалась бесполезна, она только рассердила сына и уничтожила последние крохи его чувства собственного достоинства. Но чего не сумел достичь добрый богобоязненный отец, того добился старый пройдоха-солдат, да так, словно он и был глас божий. По моему мнению, сцена, где двое пьяниц валяются на соломе и старый пройдоха заставляет младшего стать выше своей трусости и себялюбия, – сцена эта производит такое сильное впечатление, какого не может достичь романтическая ситуация. И в «Бланко Поснете» я на свой лад разрабатываю Вашу драматическую жилу, которую Вы первый открыли для современных драматургов.

Не буду делать вид, будто главной и единственной привлекательной чертой Вашей пьесы явилась для меня сила ее театрального воздействия, – я не любитель «искусства ради искусства», я и пальцем не шевельнул бы для того, чтобы создать произведение искусства в чистом виде, не вложив в него еще чего-то. Однако мне всегда было ясно, что принятые способы внушать честное поведение не только не дают результатов, а хуже того – они фактически толкают личностей благородных, наделенных воображением, на открытый вызов. В школе мы стыдимся быть благородными, позднее мы стыдимся быть добрыми и участливыми и предпочитаем быть злобными и мстительными; стыдимся сознаться, что на самом деле мы робкие существа, а не безрассудные идиоты; короче говоря, мы стыдимся всего того, что должно бы составлять основу нашего чувства собственного достоинства.

А виновата в этом наша метода обучения. Мы велим людям быть добрыми, но не приводим иного довода, кроме мнения каких-то других людей, которые с точки зрения тех ничуть не привлекательны и нисколько не почтенны, просто они много старше и поэтому зачастую кажутся им невразумительными и смешными.

Старшему Дэниелсу никогда не удастся обратить Бланко Поснета, он может только отвратить его, потому что Бланко не хочет

---

[1] Мод, Эйлмер (1858 – 1938) – английский писатель, переводчик. До 1897 г. жил в России, где познакомился с Л. Н. Толстым, вступил с ним в переписку, которая продолжалась до 1910 г. Совместно с женой Луизой Мод перевел на английский язык «Войну и мир», «Анну Каренину», «Хаджи Мурата», «Крейцерову сонату» и другие произведения. В 1928 – 1937 гг. супруги Мод осуществили издание собрания сочинений Л. Н. Толстого в 21 томе. Первый английский биограф Толстого, Мод выпустил двухтомное жизнеописание его, предисловие к которому написал Б. Шоу.

[2] Сленг – слова и выражения, употребляемые лицами определенных профессий или социальных прослоек.

[3] «Власть тьмы».

быть похожим на брата. И я думаю, главная причина того, что мы не следуем наставлениям наших отцов, кроется в нашем повальном нежелании походить на наших отцов, ибо по высшему замыслу человек должен быть подобен богу.

Вы увидите также, что мои религиозные воззрения, мое объяснение существования зла приблизительно выражены устами Бланко. По моему убеждению, бога пока еще нет, но существует некая созидательная сила, постоянно стремящаяся создать исполнительный орган богоподобной мудрости и власти, то есть достичь всемогущества и всеведения. И каждый народившийся мужчина, каждая женщина есть новая попытка достигнуть этой цели.

Общепринятая ныне теория, состоящая в том, что бог существует как некое совершенство, подразумевает веру в то, что бог умышленно создал нечто ниже себя самого, когда с таким же успехом мог создать нечто равное себе по совершенству. Гнусная это вера; она могла родиться только у людей, кто величие видит в том, чтобы окружить себя существами низшими — как русский дворянин — и наслаждаться чувством своего превосходства.

На мой взгляд, если не представлять себе бога беспрерывно старающимся превзойти самого себя, стремящегося при появлении на свет каждого нового человека сотворить его лучше предыдущего, то в нашем представлении он будет выглядеть всего только всемогущим снобом.

Теория уже достигнутого богом совершенства вынуждает нас видеть в нем также и черта, так как зло-то ведь существует. Бог любви, всемогущий и всеведущий, есть также бог рака и эпилепсии. Великий английский поэт Уильям Блейк заключает стихотворение «Тигр» вопросом:

Неужели та же сила,
Та же мощная ладонь
И ягненка сотворила
И тебя, ночной огонь?[1]

Тот, кто допускает, что все живущее носит в себе зло, тот должен либо считать, что бог способен намеренно сотворить зло, либо что бог совершает много ошибок при попытках достичь идеала. Но коль скоро веришь, как я, например, и как в конце концов уверился Бланко Поснет, что бацилла крупа — это результат прежней попытки создать что-то более совершенное, нежели было создано раньше, и что единственный способ исправить ошибку — это создать еще более совершенное существо, отчасти предназначенное к тому, чтобы уничтожить бациллу крупа, то наличие зла перестает быть проблемой, и мы догадываемся, что мы здесь для того, чтобы помогать богу в его трудах, исправлять его ошибки, домогаться богоподобия.

Я изложил все эти мысли наспех, очень приблизительно, но Вы без затруднений поймете, что я хотел сказать. Все это есть уже в «Человеке и сверхчеловеке», но выражено по-иному, в форме, недоступной пониманию человека необразованного. Вы отозвались о моей манере в той пьесе как о недостаточно серьезной,— я заставляю людей смеяться там, где речь идет о самом важном. Но почему бы и нет? Почему юмор и смех должны быть отлучены? Предположим,

[1] Перевод С. Маршака. Стихотворение «Тигр» — одно из лучших стихотворений Блейка из сборника «Песни опыта» (1794).

что мир – всего лишь одна из шуток господа бога, так неужели не стоит потрудиться, чтобы сделать шутку удачной?

Искренне Ваш
Дж. Б. Шоу»[1]

Как отмечал секретарь Толстого В. Ф. Булгаков, суждения Толстого о прочитанном бывали всегда совершенно независимы. Например, Лев Николаевич скептически отзывался об Ибсене и Метерлинке.[2] Полемизировал он и с Бернардом Шоу.

В. Ф. Булгаков писал 15 апреля 1910 г.: «Лев Николаевич получил письмо от известного английского драматурга Бернарда Шоу. На конверте этого письма Толстой сделал пометку: «умное – глупое». В письме своем Шоу остроумничает на темы о боге, о душе и т. п. Лев Николаевич не мог не отнестись отрицательно к этому легкому тону при обсуждении столь важных вопросов, о чем он резко и прямо и заявил в своем ответе английскому писателю, продиктованном мне утром же, на террасе».[3]

В своем ответе Шоу Толстой писал:

«Ясная Поляна, 1910.

Получил Вашу пьесу и остроумное письмо. Пьесу прочел с удовольствием, сюжет ее мне вполне сочувственен. Ваши замечания о том, что проповедь добра обыкновенно мало действует на людей и молодые люди считают достоинством все то, что противоречит этой проповеди, совершенно справедливы. Но причина этого явления совсем не та, чтобы такая проповедь была не нужна, но только та, что проповедующие не исполняют того, что проповедуют, т. е. – лицемерие. Тоже не согласен с тем, что Вы называете вашей теологией. Вы полемизируете в ней с тем, во что уже никто из мыслящих людей нашего времени не верит и не может верить. Между тем Вы сами как будто признаете бога, имеющего определенные и понятные Вам цели.

"To my mind unless we conceive God as engaged in a continual struggle to suppress himself, – as striving at every birth to make a better man than before, we are conceiving nothing better, than an omnipotent snob".[4]

Об остальном же Вашем рассуждении о боге и о зле повторяю слова, которые я высказал, как Вы пишете, о Вашем "Man and Superman",[5] а именно, что вопросы о боге, о зле и добре слишком важны для того, чтобы говорить о них шутя. И поэтому откровенно скажу Вам, что заключительные слова Вашего письма произвели на меня очень тяжелое впечатление: "suppose the world were only one of God's jokes, would you work any the less to make it a good joke instead of a bad one" – «предположите, что мир есть только одна из божьих шуток.

---

[1] Перевод Н. Рахмановой.

[2] См.: Булгаков Вал. Ф. О Толстом. Воспоминания и рассказы. Тула, 1964, с. 41.

[3] См.: Булгаков В. Л. Н. Толстой в последний год жизни. М., 1957, с. 179.

[4] На мой взгляд, если не представлять себе бога беспрерывно старающимся превзойти себя, стремящегося при появлении на свет каждого нового человека сотворить его лучше предыдущего, то в нашем представлении он будет выглядеть всего только всемогущим снобом.

[5] «Человек и сверхчеловек».

Разве Вы в силу этого меньше старались бы превратить его из дурной шутки в хорошую?»

Ваш Лев Толстой»[1]

По признанию Толстого, многие слова Шоу произвели на него «болезненное впечатление». В «Разоблачении Бланко Поснета» Шоу, по сути дела, полемизировал не только с идеей Толстого о непротивлении злу, но и с исповедуемой им философией «жизненной силы». Борец и бунтарь, он не мог сложа руки ждать, пока «жизненная сила», которая и являлась синонимом его «бога», выполнит свое высокое назначение. Перед Шоу, как и перед его героями, вставала проблема «подлинного дела», приобретавшая особую остроту в связи с его все растущим разочарованием в фабианстве.

Стр. 403. *«О женщина! В часы отдохновенья тебе, прелестная, так трудно угодить».* — Вальтер Скотт. «Мармион» (песнь VI, 30).
«Когда ж болит от муки грудь моя, тебя, мой ангел, я зову, тебя». — Вальтер Скотт. «Мармион» (песнь VI, 30).
Стр. 414. *«И пришел Даниил на судилище»...* — Шекспир. «Венецианский купец» (акт IV, сц. 1).

ДУРАЧЕСТВА И БЕЗДЕЛКИ

В этот цикл Шоу объединил пьесы, созданные в разные годы и по разным поводам, написав для них в 1926 г. общее предисловие. Сюжетной связи между пьесами цикла нет.

Полный цикл составляют следующие пьесы: «Великолепный Бэшвил» (1901), «Страсть, яд, окаменение» (1905), «Газетные вырезки» (1909), «Очаровательный найденыш» (1909), «Немного реальности» (1909), «Лечение музыкой» (1913).

Предисловие

Стр. 431. *Бетховен сочинил... несколько багателей...* — Багатель (от франц. bagatelle — безделушка) — небольшая инструментальная пьеса, чаще всего для фортепиано. Багатели для фортепиано созданы Бетховеном, Лядовым, Бартоком, для камерных инструментальных ансамблей — Дворжаком, Вебером.
Моцарт, Вольфганг Амадей (1756—1791) — австрийский композитор.
...разговоры между месье Журденом и философами. — Журден — герой пьесы Мольера «Мещанин во дворянстве» (1670), богатый буржуа, возомнивший себя аристократом.

СТРАСТЬ, ЯД, ОКАМЕНЕНИЕ, ИЛИ РОКОВОЙ ГАЗОГЕН

Написана в 1905 г. Опубликована в том же году в «Рождественском ежегоднике Г. Ферниса». Впервые показана 14 июля 1905 г. в лондонском Риджент-парке в помещении летнего «Королевского

[1] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. М.—Л., 1928—1958. Т. 81, письмо № 327, с. 254—255.

театра» на традиционном «Театральном празднике в парке». В главных ролях выступили Ирен Ванбру и Сирил Мод.

Организаторы ежегодного театрального праздника просили, как правило, кого-либо из известных драматургов написать для торжественного вечера пьесу-шутку, пародирующую каноны старинной мелодрамы. В данном случае с подобной просьбой к Шоу обратился актер Сирил Мод. Сборы от спектакля шли в актерский фонд помощи детям-сиротам. В пьесе Шоу использовал сюжет рассказа, который он сочинил для детей Уильяма Арчера: кошка окаменела, лизнув вместо молока жидкий алебастр.

Пьесу в 1951 г. возобновил театр «Артс».

Стр. 436. *«О, разве ты не хочешь вернуться домой, Билл Бэйли?»* — слова из популярной в начале века английской песенки «Билл Бэйли».

Стр. 446. *Трафальгар-сквер* — центральная площадь Лондона, названная в честь победы английского флота под началом адмирала Нелсона при мысе Трафальгар (21 октября 1805 г.) над франко-испанским флотом.

Стр. 448. *В дальнейшем — молчание.* — «Гамлет» (акт V, сц. 2).
Национальный гимн — см. примеч. к с. 389.

ГАЗЕТНЫЕ ВЫРЕЗКИ

Написана в 1909 г. Впервые показана 9 июля 1909 г. «Гражданской и драматической гильдией» на «частном приеме» в помещении театра «Корт». Первое представление для широкой публики состоялось в театре «Гейети» (Манчестер, труппа Анни Хорнимен) 27 сентября 1909 г. В Лондоне пьеса была поставлена 21 июня 1910 г. в театре «Кингсуэй».

Пьеса подверглась цензурному запрету. Суфражистки, однако, нашли выход из положения: они организовали клуб, где устраивались частные приемы и давались частные представления и куда можно было входить только по удостоверению.

Позднее лорд-камергер дал разрешение на постановку пьесы при условии, что Шоу изменит фамилии персонажей Митченера и Балсквита, так как они были слишком созвучны фамилиям Китчинера и Асквита (первый из которых был в ту пору генеральным консулом Великобритании в Египте, а второй — премьер-министром Великобритании).

«Газетные вырезки» в 1951 г. возобновил театр «Артс».

На русском языке пьеса впервые появилась в 1909 г. («Всемирная панорама», № 13, перевод А. Н. Чигарова). Петербургская газета «Обозрение театров» (1909, № 828) в разделе «За границей» поместила фрагменты пьесы, предварив их следующими словами: «Приводим наиболее интересные отрывки из последней, запрещенной в Англии, пьесы Бернарра Шоу, «шокирующей», по словам некоторых лондонских газет, английскую публику».

Стр. 452. *Суфражистки* — участницы женского движения за предоставление женщинам избирательных прав. Движение получило распространение во второй половине XIX — начале XX в. в Великобритании, США, Германии и некоторых других странах. Суфражистки широко применяли (особенно в Великобритании) тактику обструкций, устраивали шумные манифестации. Не опиравшееся на трудящихся женщин,

движение суфражисток носило буржуазный характер и не получило особого политического резонанса.

Стр. 453. *...лопасть с Даунинг-стрит в министерство военных дел...* — Даунинг-стрит — улица в центре Лондона, на которой расположены резиденция премьер-министра, а также министерство иностранных дел и по делам Содружества.

...в Холоуэе вегетарианцев кормят приличнее... — Холоуэй — лондонская тюрьма.

...выставить оцепление вокруг Вестминстера... — Вестминстер — см. примеч. к с. 148.

Стр. 454. *Веллингтон, Артур Уэлси* — см. примеч. к с. 176.

Стр. 455. *...внесите билль, разом отменяющий все великие реформы...* — Билль — в Великобритании и британских доминионах, а также в США — законопроект, вносимый на обсуждение законодательного органа.

Стр. 456. ... *снабдить ружья глушителями системы «максим».* — Максим, Хайрем Стивенс (1840—1916) — американский конструктор и предприниматель. С 1883 г. разрабатывал автоматическое оружие; создал автоматическую винтовку, автоматическую пушку, станковый пулемет. Станковый пулемет «максим» был принят на вооружение армиями многих государств и применялся вплоть до второй мировой войны.

Стр. 461. *Гегель, Георг Вильгельм Фридрих* (1770—1831) — немецкий философ, представитель немецкой классической философии, создатель систематической теории диалектики на основе объективного идеализма.

Стр. 466. *Он ее познакомил с поэтом-лауреатом...* — В Англии институт поэтов-лауреатов существует с XV в.; это придворный чин. В обязанности поэта-лауреата входит ежегодно писать по оде на Новый год, рождение короля, на крупную победу. Поэтами-лауреатами были Драйден, Вордсворт, Теннисон.

Стр. 473. *Ватерлоо* — см. примеч. к с. 176.

...я собственноручно положила пятерых египтян при Кассасине... — Кассасин — египетская деревня, где дважды происходили сражения между английскими войсками и египетскими во главе с Ораби-пашой во время англо-египетской войны 1882 г. В результате этой войны был установлен английский колониальный режим, хотя формально Египет оставался частью Османской империи.

Бисмарк — см. примеч. к с. 66.

Стр. 474. *Елизавета I Тюдор* (1533—1603) — английская королева с 1558 г., последняя из династии Тюдоров, представительница английского абсолютизма.

Стр. 476. *Патти, Аделина* (1843—1919) — итальянская певица (колоратурное сопрано). Выдающаяся певица XIX в., Патти обладала голосом чистого, звонкого тембра, блестящей виртуозной техникой.

Тости, Паоло (1846—1916) — итальянский композитор, получивший известность благодаря своим мелодичным романсам на итальянские и французские тексты.

Стр. 478. *Салический закон* — запись обычного права салических франков, западногерманских племен, объединившихся в племенной союз, впервые упоминаемый в середине III в.; одна из ранних варварских правд; отразила эволюцию франкского общества от первобытно-общинного строя до начального этапа зарождения феодальных отношений.

Стр. 479. *...игра в Антония и Клеопатру...* — Марк Антоний (ок. 83—30 до н. э.) — римский политический деятель и полководец. В 43 г. произошло объединение Антония с Октавианом и Лепидом (второй триумвират). При разделе провинций между триумвирами получил в управление восточные области римской державы. На Востоке вел себя как самодержец; сблизившись с египетской царицей Клеопатрой, дарил ей и ее детям огромные владения, чем восстановил против себя общественное мнение в Риме. В 37 г. женился на Клеопатре вопреки римским обычаям. Клеопатра поддерживала его в борьбе с Октавианом Августом. После вступления войск Октавиана в Египет Антоний покончил жизнь самоубийством. См. также примеч. к с. 189.

Стр. 480. *Вагнер, Вильгельм Рихард* (1813—1883) — немецкий композитор, дирижер, музыкальный писатель и театральный деятель.

Стр. 483. *Элефант* — район Лондона.

Стр. 485. *...роль Эгерии...* — Эгерия — в римской мифологии богиня-девственница, помогавшая женщинам при родах.

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ НАЙДЕНЫШ

Написана в 1909 г. по просьбе Элизабет Асквит, дочери премьер-министра Великобритании Герберта Генри Асквита, и показана в том же году любительским театральным обществом на благотворительном вечере. На профессиональной сцене пьеса появилась в январе 1928 г. (Лондон, театральный клуб «Артс») и выдержала 44 представления. В 1951 г. пьесу возобновил театр «Артс».

Стр. 490. *Макдуф, начнем, и пусть нас меч рассудит...* — Шекспир. «Макбет» (акт V, сц. 7). Перевод Ю. Корнеева.

Сгинь, жуткий призрак! Прочь, обман! — Шекспир. «Макбет» (акт III, сц. 4). Перевод Ю. Корнеева.

К тебе взываю: Гамлет, повелитель... — Шекспир. «Гамлет» (акт I, сц. 3). Перевод М. Лозинского.

Стр. 491. *«Обман» превратил меня...* — Имеется в виду слово из шекспировской цитаты «Сгинь, жуткий призрак! Прочь, обман!», которую произносит Брабазон.

Стр. 493. *Хорнси* — город в графстве Мидлсекс, неподалеку от Лондона.

Стр. 494. *...когда Элдон и сэр Томас Мор давно будут забыты.* — Элдон, Джон Скотт (1751—1838) — выдающийся английский юрист; лорд-канцлер в 1801—1806 и 1807—1827 гг. См. также примеч. к с. 43.

Стр. 495. *Справочник Уитекера* — впервые выпущен в 1868 г. английским издателем Джозефом Уитекером (1820—1895); содержит сведения о населении, политическом устройстве, финансах и экономике стран мира, уделяя особое внимание странам Британского содружества и Соединенным Штатам Америки.

Стр. 500. *«Нет зла ужаснее, чем женщина, которую отвергли».* — У. Конгрив (1670—1729). «Невеста в трауре» (акт III, сц. 8).

НЕМНОГО РЕАЛЬНОСТИ

Написана в 1909 г. по просьбе Гренвилл-Баркера, но в силу различных обстоятельств никогда не была им поставлена. Шоу вскоре забыл о существовании пьесы и обнаружил ее среди бумаг лишь

в 1926 г., включил в том же году в сборник своих произведений, озаглавив его «Переводы и дурачества».

Впервые пьеса была поставлена любительским театральным коллективом «Глазго Клэрион Плейерз» (Глазго) в помещении «Фелоушип холл» 8 октября 1927 г. Профессиональной труппой – театральным клубом «Артс» – была поставлена 20 ноября 1927 г.

Возобновлялась театром «Артс» в июне 1951 г.

Стр. 506. *Святая Варвара* – согласно христианской легенде, святая великомученица, пострадавшая в финикийском городе Гелиополе при императоре Максимилиане около 306 г. Святая Варвара с древних времен одинаково чтится на Востоке и Западе. Существовало убеждение, что святой Варваре принадлежал дар спасать от внезапной и насильственной смерти.

Стр. 509. *...если тебе за это не сломают кости на колесе...* – Имеется в виду род казни, существовавший в некоторых европейских государствах: приговоренного к колесованию растягивали на двух сложенных крестом досках, затем, сломав ему руки и ноги, вкладывали в колесо, сводя пятки с затылком.

НЕРАВНЫЙ БРАК

Написана в 1909–1910 гг. Показана впервые в Лондоне труппой американского антрепренера Чарлза Фромена в Театре герцога Йоркского 23 февраля 1910 г. (выдержала 11 представлений). Пьеса входила в «репертуарный сезон» Фромена и значилась на афише вместе с «Мадрасским домом» Гренвилл-Баркера, «Справедливостью» Голсуорси и спектаклем, состоявшим из трех сценок, написанных Джеймсом Барри, Артуром Пинеро и Шоу (последнему принадлежала пьеса «Охваченные страстью»).

«Неравный брак» возобновляли театры «Эвримен» (1922, 1924), «Корт» (1930), «Торч» (1939), «Артс» (1943).

На русском языке пьеса появилась в 1915 г. сразу в трех изданиях: перевод Б. Лебедева. Пг., журнал «Театр и искусство», 1915; перевод Федоровича, Театральная библиотека С. Рассохина, 1915; в том же переводе – «Театральная газета», 1915.

Стр. 527. *Орден Бани* – третий кавалерский орден в Англии, основанный в 1399 г. Генрихом IV. Новопосвященных рыцарей купали в воде, отчего и произошло название.

Стр. 543. *Вейсман, Август* (1834–1914) – немецкий зоолог и теоретик эволюционного учения, которое явилось дальнейшим развитием дарвиновской теории эволюции.

Соломон – царь Израильско-Иудейского царства в 965–928 гг. до н. э., в период наивысшего его расцвета; сын царя Давида и его соправитель в 967–965 гг. до н. э.

Стр. 544. *А как насчет морщин, и миндального дерева, и отяжелевшего кузнечика, и желания, которое угасает?* – перефразированный библейский текст. – Экклезиаст, XII, 1.

Стр. 545. *Колридж, Сэмюэл Тейлор* (1772–1834) – английский поэт, критик и философ, один из крупнейших представителей «озерной школы» (лейкистов) – кружка английских романтиков, связанных общностью политических и эстетических взглядов.

Спенсер, Герберт (1820–1903) – английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма.

Стр. 546. *Калибан, Просперо* – персонажи пьесы Шекспира «Буря». Просперо – герцог миланский, мудрый правитель; Калибан – невольник-дикарь.

Ибсен – см. примеч. к с. 25.

Стр. 547. *Честертон, Гилберт Кит* (1847–1936) – английский писатель, журналист и критик. Многие произведения Честертона построены на острой занимательной интриге, изобилуют парадоксами.

Чингисхан – здесь у Шоу – вымышленная провинция, которой управлял лорд Самерхайз, якобы одна из многочисленных колоний Великобритании.

Милль, Джон Стюарт – см. примеч. к с. 42.

Джефферсон, Томас (1743–1826) – американский государственный и общественный деятель; автор проекта «Декларации независимости», принятой конгрессом в период войны за независимость в Северной Америке (1775–1783). Был выдающимся представителем левого, революционного крыла просветительства XVIII в. Выражая интересы фермерства и мелкой буржуазии, критиковал американскую революцию за незавершенность, указывал на необходимость демократического разрешения аграрного вопроса, отмены рабства, предоставления всему народу политических прав; в 1801–1809 гг. – президент США.

Стр. 548. *Киплинг, Джозеф Редьярд* (1865–1936) – английский писатель. *«Чтобы мы не забыли»* – строка из стихотворения Киплинга «Гимн, исполняемый в заключение церковной службы».

Стр. 550–551. *Прометей* – в древнегреческой мифологии титан, защитник людей от произвола богов. Согласно мифу, Прометей похитил с Олимпа огонь и передал его людям, за что по приказу Зевса был прикован к скале и обречен на мучения. Гуманистические черты образа бунтаря-мученика Прометея получили развитие в поэзии, музыке, изобразительном искусстве.

Стр. 551. *...читайте у миссис Браунинг.* – Браунинг, Элизабет Барет (1806–1861), английская поэтесса, жена поэта Роберта Браунинга. Автор стихов, поэм, стихотворного романа «Аврора Ли» (1857), посвященного теме равноправия женщины.

Стр. 560. *Ломброзо, Чезаре* (1836–1909) – итальянский психиатр и криминалист, основатель антропологического направления современной буржуазной криминалистики. Ломброзо развил теорию биологической обусловленности уголовной преступности.

Стр. 561. *Харроу, Кембридж* – см. примеч. к с. 63.

Итон – одна из девяти мужских привилегированных средних школ, находится в г. Итоне; учащиеся – в основном выходцы из аристократических семей; плата за обучение очень высокая. Основана в 1440 г.; около тысячи двухсот учащихся.

Стр. 563. *Теннисон, Алфред* (1809–1892) – английский поэт.

Стр. 565. *Смэш* – в теннисе удар по мячу, летящему над головой, с целью направить его вниз на поле противника.

Стр. 571. *Пепис, Сэмюэл* (1633–1703) – английский мемуарист, автор дневника, который он вел с 1663 по 1699 г.; в нем нашла широкое отражение общественная и культурная жизнь Англии эпохи Реставрации Стюартов.

Стр. 574. *Уитмен, Уолт* (1819–1892) – американский поэт. В 1855 г. опубликовал книгу «Листья травы», завоевавшую мировую известность. Основные идеи «Листьев травы» коренятся в учении трансцендентализма, согласно которому выше бога и всего мироздания есть некая

«сверхдуша» и частица ее — в человеке, если он умеет восстановить контакты с природой.

Стр. 576. *«Строитель Сольнес»* — пьеса Г. Ибсена (1892).

Стр. 579. *Если всякая женщина, которой я очень по вкусу, начнет изображать из себя жену Потифара, я превращусь в раба.* — См. примеч. к с. 358.

Стр. 606. *Уоттс, Исаак* (1674—1748) — английский теолог.

Вольней, Вольне (1757—1820) — французский просветитель, философ, политический деятель, ориенталист.

Бурбоны — королевская династия во Франции в 1589—1792, 1814—1815, 1815—1830 гг.

Стр. 611. *Аврелий, Марк* (121—180) — римский император с 161 г. Будучи последователем стоической школы, выражал (в философском сочинении «Наедине с собой») стремление к моральному самоусовершенствованию и неверие в возможность совершенствования политического строя.

СОДЕРЖАНИЕ

КАК ОН ЛГАЛ ЕЕ МУЖУ 5
Перевод Н. Волжиной

МАЙОР БАРБАРА 23
Перевод Н. Дарузес

ПРЕДИСЛОВИЕ 25
Перевод Н. Рахмановой

ВРАЧ ПЕРЕД ДИЛЕММОЙ 157
Перевод П. Мелковой

ПРЕДИСЛОВИЕ 159
Перевод Н. Рахмановой

ИНТЕРЛЮДИЯ В ТЕАТРЕ 285
Перевод Н. Рахмановой

ВСТУПЛЕНИЕ В БРАК 295
Перевод Н. Рыковой

РАЗОБЛАЧЕНИЕ БЛАНКО ПОСНЕТА 397
Перевод Н. Дарузес

Дурачества и безделки

ПРЕДИСЛОВИЕ 431
Перевод Н. Рахмановой

СТРАСТЬ, ЯД, ОКАМЕНЕНИЕ, ИЛИ РОКОВОЙ ГАЗОГЕН 433
Перевод В. Станевич

ГАЗЕТНЫЕ ВЫРЕЗКИ 449
Перевод Н. Рахмановой

ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ НАЙДЕНЫШ 487
Перевод С. Поляковой

НЕМНОГО РЕАЛЬНОСТИ 503
Перевод С. Поляковой

НЕРАВНЫЙ БРАК 523
Перевод Э. Линецкой

КОММЕНТАРИИ 619

Шоу Б.

Ш81 Полное собрание пьес в шести томах. Т. 3. Пер. с англ./Ред. тома И. В. Ступников. Послесл. И. В. Ступникова. Примеч. А. Н. Николюкина и И. В. Ступникова. — Л.: Искусство, 1979. — 655 с., портр.

Третий том Полного собрания пьес Бернарда Шоу содержит одиннадцать произведений, написанных драматургом в 1904—1910 гг. Четыре из них впервые появляются на русском языке: «Интерлюдия в театре», «Вступление в брак», «Очаровательный найденыш», «Немного реальности»; пьесы «Врач перед дилеммой» и «Газетные вырезки» даются в новых переводах.

Впервые на русском языке публикуются также и предисловия к пьесам «Майор Барбара» и «Врач перед дилеммой».

Том снабжен комментариями, раскрывающими творческую и сценическую историю пьес английского драматурга.

Ш $\frac{70600\text{-}070}{025(01)\text{-}79}$ подписное

ББК 84.34 (Вл)
И (Англ.)

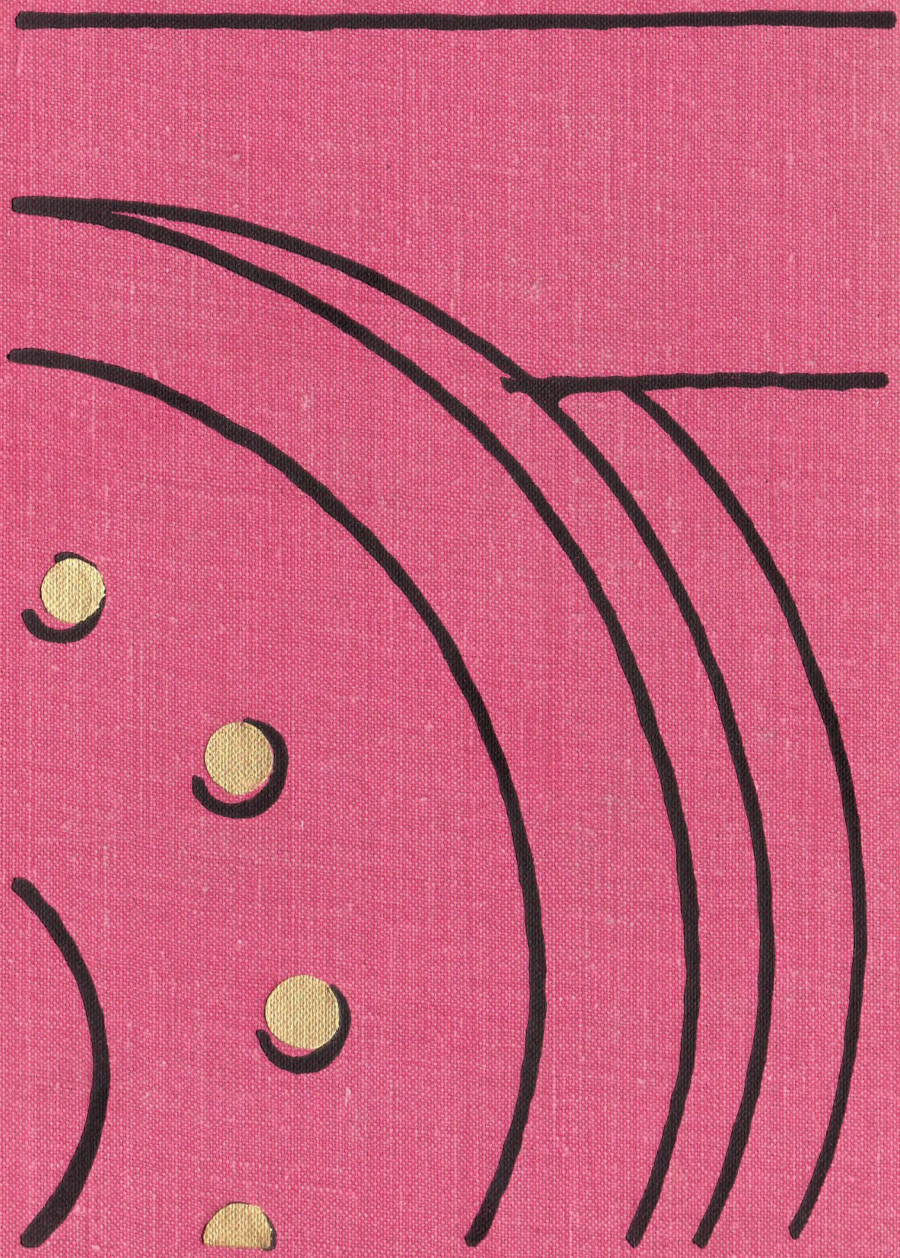
БЕРНАРД ШОУ

Полное собрание пьес
в шести томах

Том 3

Редактор И. В. Кудрова. Художественный редактор Э. Д. Кузнецов. Технический редактор И. М. Тихонова. Корректоры Л. Н. Борисова и Н. Д. Кругер.

ИБ № 926

Сдано в набор 29.01.79. Подписано в печать 28.08.79. Формат 84 × 108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 34,55. Уч.-изд. л. 36,54. Тираж 80 000. Изд. № 340. Зак. тип. № 447. Цена 3 р. Издательство «Искусство», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский, 28. Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

3р.